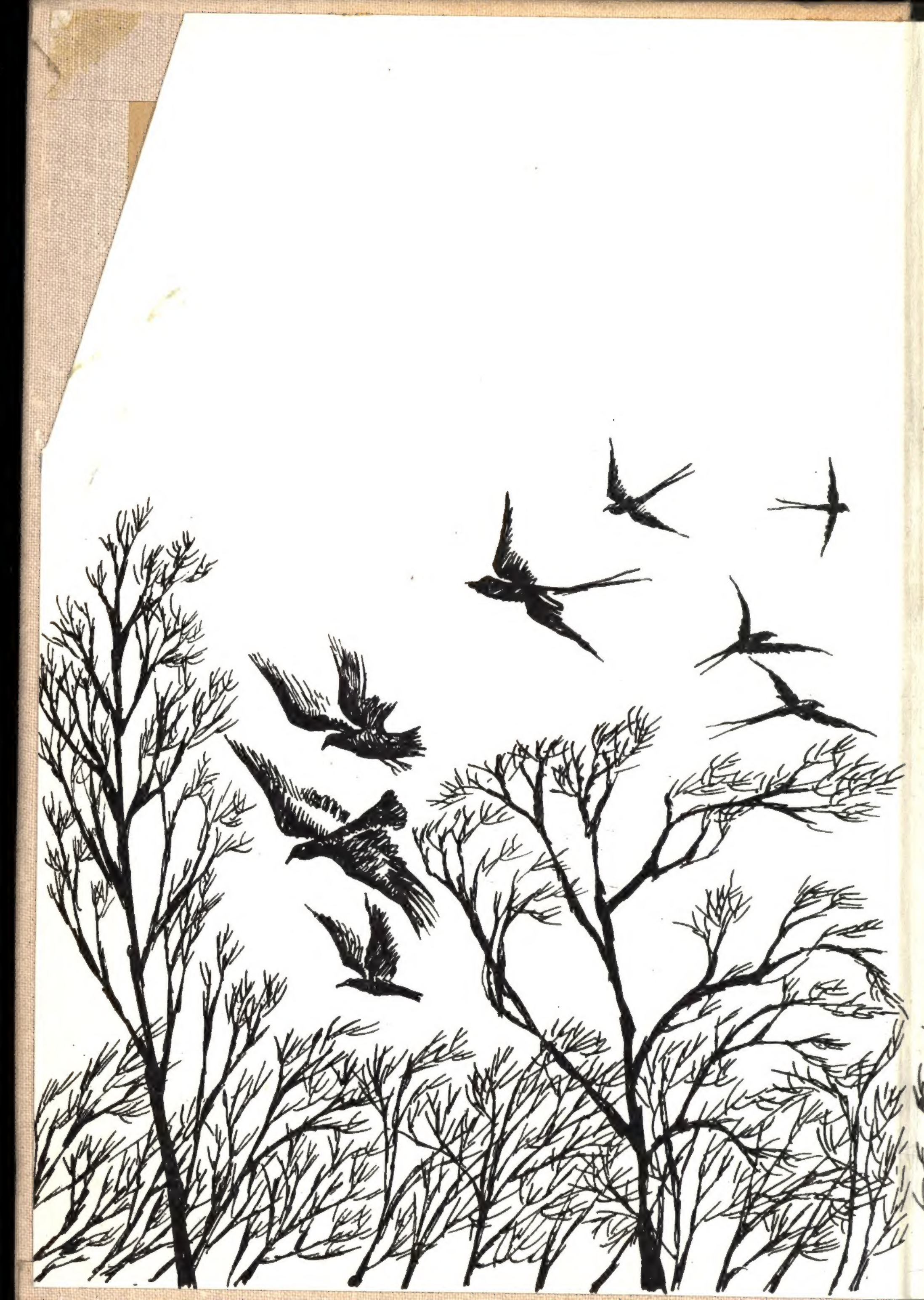
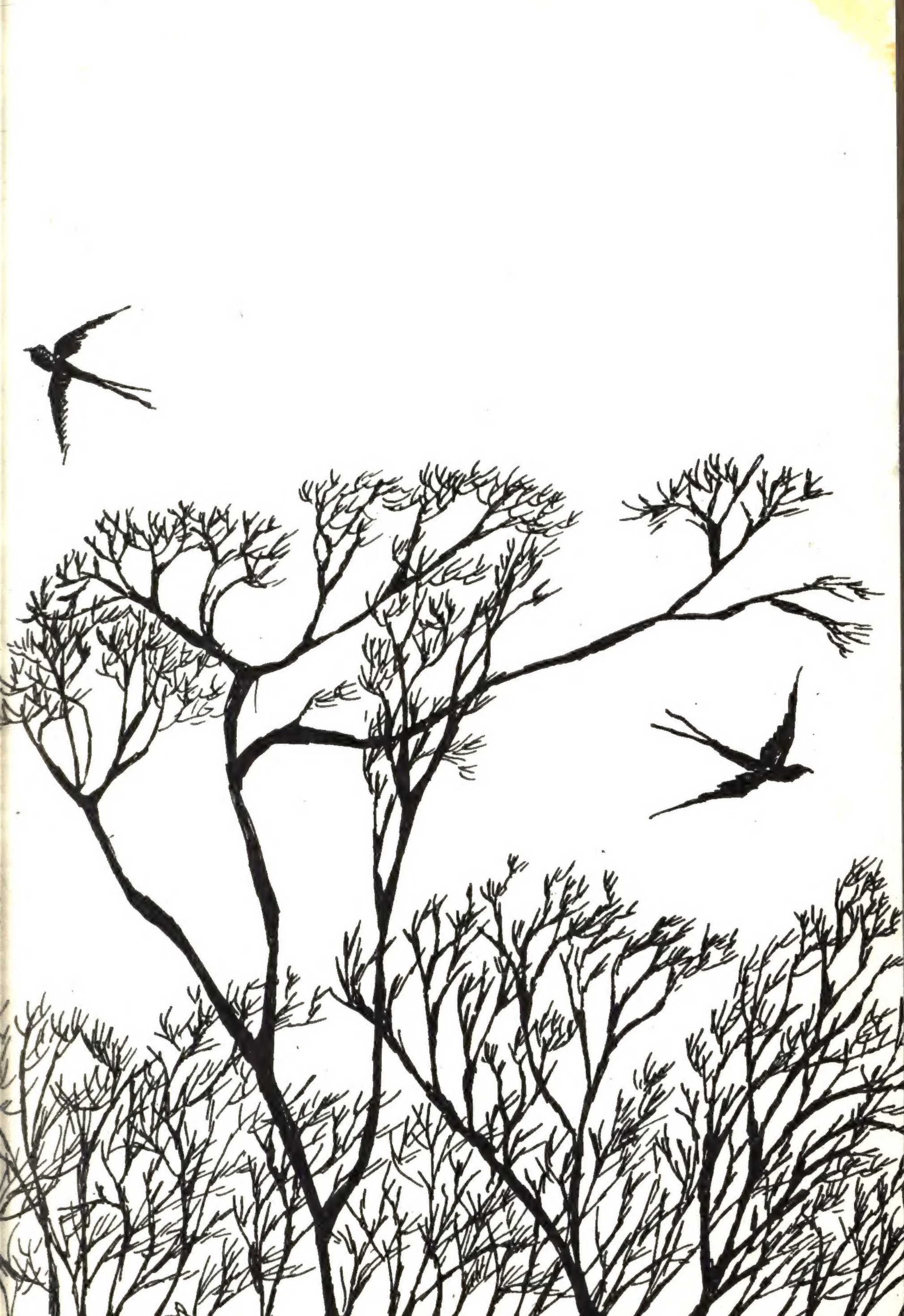
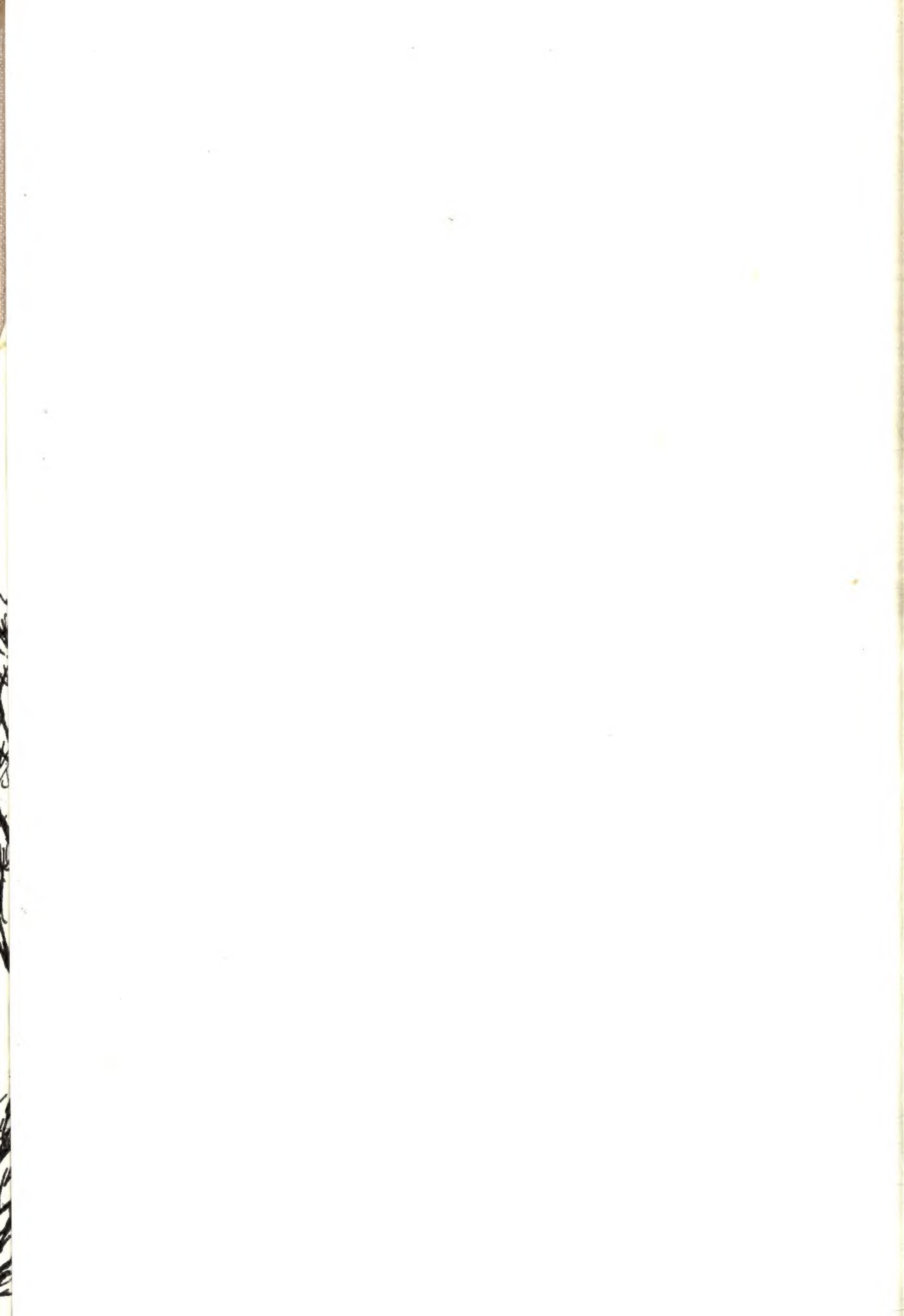
О. И. СКОРОХОДОВА

КАК Я ВОСПРИНИМАЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮ И ПОНИМАЮ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ДЕФЕКТОЛОГИИ

О. И. СКОРОХОДОВА

КАК Я ВОСПРИНИМАЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮ И ПОНИМАЮ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕДАГОГИКА» · МОСКВА 1972

Книга рекомендована к изданию
Редакционно-издательским советом
АПН СССР

Под редакцией доктора психологических наук
А. И. МЕЩЕРЯКОВА

О. И. Скороходова.

С 44 Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М., «Педагогика», 1972.

448 стр. (Академия педагогических наук СССР, Науч.-исслед. институт дефектологии).

Болезнь в детстве сделала О. И. Скороходову полностью слепоглухой. Однако она нашла в себе силы учиться и работать. Под руководством проф. И. А. Соколянского она получила образование.

Предлагаемая книга — уникальное произведение автора, лишенного зрения и слуха. В ней с большой полнотой характеризуются особенности познавательных процессов человека, лишенного основных дистантных рецепторов.

Книга предназначена для учителей, научных работников в области психологии, педагогики, философии и будет с интересом прочитана широким кругом читателей.

6—3
30—72

371.9

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ И О СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ СЛЕПОГЛУХОНЕМЫХ

Автор этой книги Ольга Ивановна Скороходова — человек необычной судьбы. В детстве она заболела менингитом и полностью потеряла зрение, а потом и слух. Потеря зрения и слуха в детские годы изолирует ребенка от окружающих, делает его беспомощным. Вынужденное одиночество приводит ребенка к психической деградации. Со слепоглухой девочкой этого не произошло. Примерно в десятилетнем возрасте она попадает в школу-клинику для слепоглухонемых детей, организованную в 1923 г. проф. Иваном Афанасьевичем Соколянским в Харькове. У девочки была восстановлена речь. При помощи специальной методики с использованием дактильного (пальцевого) алфавита и рельефно-точечного (брайлевского) шрифта было организовано систематическое обучение ее всем предметам школьного курса. Она получила среднее образование, вступила в ряды ВЛКСМ.

Теперь Ольга Ивановна — старший научный сотрудник Института дефектологии АПН СССР, автор многочисленных статей и трех книг. В 1961 г. (уже после смерти своего учителя И. А. Соколянского) она защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата педагогических наук по психологии.

Первая ее книга «Как я воспринимаю окружающий мир» (М., Изд-во АПН РСФСР, 1947) была с огромным интересом встречена научной общественностью и широкими массами читателей. Известный советский психолог А. Н. Леонтьев писал в рецензии на книгу О. И. Скороходовой: «Мы находим в ней (в книге.— А. М.) двоякое содержание. Это, во-первых, то, что характеризует ее автора как человека, как личность. Полное прекрасное развитие ума и чувств Ольги Скороходовой, совершенное владение ею не только письменным языком и дактилологией, но

и устной звуковой речью (что позволяет ей даже выступать на собраниях) производит впечатление явления исключительного, которое воспринимается как результат редчайшей одаренности, как нечто феноменальное, что на первый взгляд кажется все-таки загадкой.

Во-вторых, это психологические данные, приводимые автором в ее «Самонаблюдениях» и в некоторых ее статьях, вошедших в книгу. Нужно сказать, что и эти данные отнюдь не уменьшают общего впечатления исключительности и научной загадочности процесса духовного развития в условиях слепоглухонемоты»[1].

Книга О. И. Скороходовой была переведена на многие иностранные языки и издана за рубежом, всюду расцениваясь как одно из ярких свидетельств успехов советской дефектологии.

В 1954 г. тем же издательством была опубликована вторая книга Ольги Ивановны — «Как я воспринимаю и представляю окружающий мир». В эту книгу в качестве первой части вошла в несколько переработанном виде первая книга. Вторая часть книги, озаглавленная «Как я представляю окружающий мир», была написана вновь.

В третью книгу, изданную под тем же названием в 1956 г., внесены лишь небольшие изменения.

И наконец, в книге, предлагаемой вниманию читателей, реализовано намерение автора написать трилогию о восприятии, представлении и понимании окружающего мира лицом, лишенным двух важнейших дистантных органов чувств — зрения и слуха.

Эта книга, как и предыдущие, написана О. И. Скороходовой совершенно самостоятельно и не подвергалась редакторской правке.

Отдельные сокращения и перестановки текста, произведенные с согласия автора, незначительны — они лишь подчеркивают логику изложения. Потому вся книга — документ, имеющий научную ценность как подлинное описание наблюдений и самонаблюдений человека, полностью лишенного зрения и слуха.

Описание наблюдений, произведенное слепоглухим автором «в то время, когда она вполне владела литературной речью», должно определять и отношение к этому документу. Об этом писал А. Н. Леонтьев в упомянутой выше рецензии: «...это все же только данные самонаблюдения самой Ольги Скороходовой, а не объективные факты истории формирования ее сознания. ...Она рассказывает об истории своей жизни («Вместо преди-

---

[1] А. Н. Леонтьев. О. И. Скороходова. «Как я воспринимаю окружающий мир. «Советская педагогика», 1948, № 3, стр. 106—107.

словия»), и это интересно, но к этому нужно подходить все же только как к ретроспективно сложившемуся переживанию, которое требует еще дальнейшего научного анализа. Мы не сомневаемся в субъективной правдивости этих воспоминаний, но с точки зрения задач объективного научного исследования мы не можем не видеть их условности» [1].

Для того чтобы понятные психологу «ретроспективные конструкции», по выражению А. Н. Леонтьева, не могли смутить читателя-неспециалиста, создав у него неправильное отношение к проблеме, научный редактор счел необходимым поместить в этом предисловии попытку последовательно материалистического изложения проблемы психического развития слепоглухонемого ребенка в процессе его первоначального обучения.

Однако прежде чем приступить к выполнению этой задачи, следует хотя бы кратко рассказать об учителе Ольги Ивановны Скороходовой и основателе советской педагогики слепоглухонемых проф. Иване Афанасьевиче Соколянском.

И. А. Соколянский родился 25 марта 1889 г. в станице Донской, б. Кубанской губернии (теперь Краснодарский край) в семье крестьянина-казака. Начальное образование он получил в своей станице, педагогическое — в Кубанской учительской семинарии. Получив экстерном среднее образование, Иван Афанасьевич в 1908 г. поступил на педагогическое отделение естественноисторического факультета Санкт-Петербургского психоневрологического института, который и окончил в 1913 г.

Дефектологическое образование Иван Афанасьевич дополнительно получил на Мариинских педагогических курсах (отделение обучения и воспитания глухонемых). По курсу экспериментальной психологии работал у проф. А. Ф. Лазурского и у проф. М. В. Богданова-Березовского. Его учителем был также Н. М. Лаговский. Тифлопедагогику И. А. Соколянский изучал у проф. А. А. Крогиуса. Он слушал лекции выдающихся русских физиологов Н. Е. Введенского, В. М. Бехтерева и И. П. Павлова.

Педагогическую деятельность И. А. Соколянский начал еще до окончания института. С 1910 по 1919 г. он преподает в училище для глухонемых. Тогда же появились его первые труды о специальном обучении и по вопросам народного образования.

За участие в революционных событиях И. А. Соколянский был включен в список неблагонадежных и выслан в Вологодскую губернию.

После Великой Октябрьской социалистической революции

---

[1] А. Н. Леонтьев. О. И. Скороходова. «Как я воспринимаю окружающий мир». «Советская педагогика», 1948, № 3, стр. 107.

И. А. Соколянский с огромной энергией борется за новую, советскую школу. В те годы на Украине не было ни одного крупного педагогического журнала или газеты, где бы не звучал его голос.

Опубликованные им статьи: «На педагогические темы» (1917), «Несчастье или общественное преступление» (1920), «Дефективные дети в системе социального воспитания» (1923), «О поведении личности» (1925), «Школа и детское движение» (1925), «Тяжелое наследство» (1925), «Детское движение, школа и учитель» (1925), «К проблеме организации поведения» (1926) и др.— находили большой общественный отклик.

В 1919 г. И. А. Соколянский организовал в г. Умани школу глухонемых детей. В 1920 г. Наркомпросом Украины он был переведен в Киев в качестве доцента сурдопедагогики и психологии факультета специального воспитания Института народного образования. С 1923 г. он работал в Харьковском институте народного образования и в 1926 г. был утвержден профессором кафедры дефектологии этого института, стал деканом факультета специального воспитания.

С первых дней Октябрьской революции И. А. Соколянский участвовал в ликвидации детской беспризорности, и тогда же Наркомпрос УССР назначил его уполномоченным, а затем инспектором учреждений для аномальных детей.

В первые же годы Советской власти он был основателем системы образования аномальных детей на Украине. По его инициативе были созданы врачебно-педагогические кабинеты, которые объединили всю научно-практическую работу по дефектологии.

И. А. Соколянский был одним из активных организаторов Научно-исследовательского института педагогики на Украине. В 1926 г. он становится директором этого института и заведующим отделом дефектологии. В 1930 г. в Харькове был организован Научно-исследовательский институт дефектологии, где И. А. Соколянский был первым директором.

В эти годы он занимал ряд других руководящих должностей в системе образования аномальных детей. Статьи Ивана Афанасьевича по специальной педагогике, написанные в тот период: «О так называемом чтении с губ глухонемыми» (1925), «Артикуляционные схемы в рецепторной и эффекторной речи глухонемых» (1926), «О методе обучения глухонемых устной речи» (1930) и др.— не потеряли значения и сегодня.

Научно-исследовательская и педагогическая деятельность И. А. Соколянского включала широкий круг дефектологических проблем. Он был крупным специалистом в области обучения

глухих. Его работы об обучении глухонемых родному языку, о чтении с губ, о речевом режиме глухих имели большое значение в развитии отечественной сурдопедагогики. В этих исследованиях он не ограничивался частными вопросами сурдопедагогики, его труды были направлены на совершенствование всей системы обучения и воспитания аномальных детей. Дефектологам известны его труды и в области тифлопедагогики. Внимание И. А. Соколянского постоянно привлекали самые трудные в педагогическом отношении случаи. Он разрабатывал вопросы индивидуальной педагогики для лиц, не охваченных существующей системой школьного обучения. Так, он разработал пособие для индивидуального обучения взрослых глухонемых, живущих в сельской местности, и специальный букварь для школ взрослых глухонемых. По его инициативе была создана Харьковская школа-клиника для слепоглухонемых детей.

Оценку деятельности этого учреждения дали делегаты Международного конгресса физиологов, которые посетили школу-клинику и оставили письменные отзывы. По их отзывам, клиника слепоглухонемых «является выдающимся научным учреждением не только Советского Союза, но и мировой науки» [1]. «Такой институт, как институт слепоглухонемых в Харькове, вряд ли можно найти где-либо в мире...» [2]

Работой И. А. Соколянского со слепоглухонемыми детьми интересовался А. М. Горький. В письмах к И. А. Соколянскому и О. И. Скороходовой великий пролетарский писатель отмечал огромное значение этой работы [3].

В 1939 г. по приглашению Наркомпроса РСФСР И. А. Соколянский приехал на работу в Московский научно-практический институт специальных школ (ныне Институт дефектологии АПН СССР), где возобновил работу над проблемами обучения слепоглухонемых.

Деятельность И. А. Соколянского в области обучения и воспитания слепоглухонемых была высоко оценена научной общественностью. Его доклад «Формирование личности при отсутствии зрительных и слуховых впечатлений» был включен в повестку дня юбилейной сессии АН СССР, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, на которой эта работа была отмечена как одно из выдающихся достижений советской науки.

Для научно-педагогической деятельности И. А. Соколянского

---

[1] «Харьковский рабочий» от 22 августа 1935 г.
[2] «Коммунист» от 24 августа 1935 г.
[3] А. М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30.

было характерно постоянное стремление использовать новейшие технические достижения в целях обучения слепоглухонемых, глухонемых и слепых детей. Ему принадлежит ряд ценных изобретений, расширяющих техническое оснащение тифло- и сурдопедагогики: «Брайлевский экран для глухонемых» (1941), «Механический букварь» и др. Им разработана читальная машина обычного шрифта для слепых и слепоглухонемых: «Слепой читает любую книгу» (1936), «О новом способе чтения слепыми», «О чтении слепыми и слепоглухими плоскопечатного шрифта» (1956). Сконструированные по его разработкам и идеям разного вида телетакторы являются незаменимыми приборами для обучения слепоглухонемых. В этой области И. А. Соколянский плодотворно работал до последних дней своей жизни.

Основные положения системы обучения слепоглухонемых, к изложению которой мы переходим, разработаны И. А. Соколянским и его учениками.

Проблемами слепоглухонемоты занимались представители очень многих специальностей. О слепоглухонемых писали физиологи, психологи, философы, историки, литераторы, общественные деятели и даже теологи. И это несмотря на то, что тифлосурдопедагогика, т. е. педагогика слепоглухонемых, является в значительной степени узким и специальным вопросом даже в самой дефектологии. Чем же объяснить интерес представителей столь широкого круга специальностей к этой, казалось бы, частной проблеме?

Уже сама возможность существования человека без таких органов чувств, как слух и зрение, поражает всех. На первый взгляд кажется, что потеря слуха и зрения полностью изолирует человека от окружающей среды и лишает его возможности общаться с другими людьми, обрекая на страшное по своим последствиям одиночество.

Если такой человек слеп и глух от рождения или потерял слух и зрение в раннем детстве, он не только никогда не слышал человеческой речи, но и не знает, что существует речь, слова, обозначающие предметы и мысли. Он не знает даже, что существуют предметы и внешний мир. Можно ли такое существо сделать человеком, научить его трудиться и мыслить? Этот вопрос занимал многих.

Психическое развитие человеческого существа, отделенного от окружающего неисчислимо многообразного мира вещей и от общества стеной молчания и темноты, должно быть глубоко своеобразным, и это своеобразие привлекало внимание всех, кто сталкивался со слепоглухонемыми. Ввиду того что возможен точный учет всех сведений, даваемых слепоглухонемому ребенку,

исследователи считали, что появилась реальная возможность использовать этот жестокий эксперимент природы для решения извечно волнующего человечество вопроса о движущих факторах развития человека, о том, что в поведении и психике человека является врожденным, имманентно развивающимся, а что приобретается благодаря деятельности органов чувств в индивидуальном опыте. Если развитие нормального (зрячеслышащего) ребенка происходит незаметно, то развитие слепоглухонемого зримо связано с педагогическим процессом, с искусственным и легко учитываемым воздействием на ребенка. В этом факте зримого становления человека каждый из тех, кто занимался слепоглухонемотой, хотел найти подтверждение своих идей о сущности человека и его разума, найти решение «загадки» человеческой психики.

Большинство зарубежных ученых, теоретически и практически занимающихся слепоглухонемотой, придерживались двух противоречащих друг другу, но связанных между собой взглядов на слепоглухонемоту. Во-первых, они считали невозможным развитие слепоглухонемых до уровня нормального человека. Во-вторых, развитие ими понималось как спонтанное, имманентное саморазвитие. Успехи обучения тех или других слепоглухонемых они объявляли особыми, выдающимися случаями, объясняемыми сверхгениальностью учеников. В этом отношении отрицательную роль сыграла излишняя реклама вокруг имени знаменитой слепоглухонемой Елены Келлер.

Почти во всех монографиях и статьях иностранных авторов о слепоглухонемоте саморазвитие изначально заложенных способностей считалось основным принципом формирования психики. Внешнее воздействие рассматривалось лишь как толчок к спонтанному развитию, или, по стыдливой формулировке,— к «высвобождению внутренней потенции», или, прямо и откровенно,— к «пробуждению бессмертной души».

Во многих случаях роль такого толчка к саморазвитию отводилась слову. Слову приписывалось волшебное, мистическое действие непосредственно на «бессмертную душу». Это действие трактовалось не как постепенный процесс обучения речи, а как момент «внезапного озарения», одномоментного «пробуждения души».

И. А. Соколянский этим взглядам противопоставил систему обучения слепоглухонемых, основанную на материалистическом представлении о развитии психики. Наиболее общее положение обучения слепоглухонемых И. А. Соколянского сформулировал А. Н. Леонтьев в уже упомянутой выше рецензии на первую книгу О. И. Скороходовой: «Общая идея, воплощенная И. А. Со-

колянским в его методе воспитания слепоглухонемых, столь же научно убедительна, как и проста: путь очеловечения не от языка и сознания, а от построения реальных человеческих отношений к действительности и возникающего на этой основе общения к овладению человеческим языком и к человеческому сознанию.

Осознание этого пути снимает покров таинственности с проблемы психического пробуждения слепоглухонемых. Их высокое духовное развитие перестает казаться результатом исключительности и случая»[1].

Индивидуальное обучение слепоглухонемых, проводившееся под руководством И. А. Соколянского в Харьковской школе-клинике, в экспериментальной группе при Институте дефектологии АПН СССР, и массовое обучение в Загорском детском доме слепоглухонемых, который был открыт в 1963 г., показывают полную возможность высокого развития слепоглухонемых, которое ни в коей мере не является спонтанным и имманентным.

Слепоглухонемой ребенок обладает лишь потенциальной возможностью развития. «Однако его особенностью является то, что, обладая этой возможностью, сам он своими собственными усилиями никогда не достигает даже самого незначительного умственного развития. Без специального корригирующего педагогического вмешательства такой ребенок остается полным инвалидом на всю жизнь»[2].

Без специального обучения слепоглухонемые могут проводить десятки лет в отгороженном углу комнаты, в кровати и т. д., за всю жизнь не научившись ни одному знаку, не научившись ходить, есть и пить по-человечески.

И. А. Соколянский писал: «В случае слепоглухонемоты особенно отчетливо выявляется могучая роль специального педагогического вмешательства. Здесь возникает задача специально организованными средствами общения сформировать и развить все, без исключения, содержание человеческой психики»[3].

Задача специального формирования всей психики, всего человеческого поведения при слепоглухонемоте совершенно уникальна и неповторима. Ее решение интересно для ряда областей знания, затрагивающих поведение и мышление человека.

Обучение и воспитание слепоглухонемого ребенка показывают, что человеческая психика и поведение не врожденны и не развиваются спонтанно, а возникают в общении с другим челове-

---

[1] А. Н. Леонтьев. О. И. Скороходова. «Как я воспринимаю окружающий мир». «Советская педагогика», 1948, № 3, стр. 108.

[2] И. А. Соколянский. Усвоение слепоглухонемыми грамматического строя словесной речи. «Доклады АПН РСФСР», 1959, № 1.

[3] Там же.

ком. Оказывается, специально обучать нужно не только словесной речи, трудовым навыкам, письму и т. д., но, например, и мимическим движениям лица: улыбке при радости, нахмуриванию бровей при гневе и т. д. В Харьковской школе-клинике слепоглухонемых детей была специально разработана такая «методика демаскации».

Слепоглухонемой ребенок до обучения может не иметь даже человеческой позы, не уметь ни стоять, ни сидеть по-человечески.

Всему этому его тоже надо специально обучать.

С чего же начинать обучение слепоглухонемого ребенка? Что является тем фундаментом, на котором в дальнейшем строится все грандиозное здание человеческой психики?

Формирование психики слепоглухонемого ребенка осуществляется на ряде этапов обучения, преемственно связанных друг с другом.

Первый этап развития психики слепоглухонемого ребенка И. А. Соколянский назвал «периодом первоначального очеловечивания». Этот период предшествует обучению словесной речи и является решающим и обусловливающим все последующее развитие психики и поведения.

Многие тифлосурдопедагоги, исходя из положения, что сущность человека состоит в «даре речи», пытались сразу научить слепоглухонемых языку. Все эти попытки кончались неудачей. Усвоив элементы речи, дети оставались совершенно беспомощными в жизни и глубоко отсталыми в интеллектуальном отношении.

Формирование словесной речи нельзя рассматривать как первую задачу, обеспечивающую развитие психики слепоглухонемого. Словесная речь с ее сложным грамматическим строем должна в е н ч а т ь многообразную систему образного, наглядно-действенного отражения окружающего мира и развитую систему непосредственного (не словесного) общения слепоглухонемого с окружающими людьми.

Первая задача обучения, с которой связано начальное развитие психики слепоглухонемого ребенка,— это прежде всего формирование системы навыков самообслуживания в процессе образования человеческого бытового поведения.

Внутри такой системы предметно-практических действий с необходимостью формируются образы предметов, окружающих ребенка.

Какие же особенности человеческого поведения в первую очередь необходимо учитывать при обучении слепоглухонемого ребенка? Во-первых, человеческое поведение сформировано

другими людьми, выработано всем человеческим обществом и должно быть усвоено отдельными индивидуумами; во-вторых, оно в принципе связано с использованием изобретенных человечеством орудий и предметов труда; в-третьих, оно предполагает овладение закрепленными за этими орудиями и предметами определенными функциями (способами действия).

Овладевая орудием и обучаясь закрепленному за этим орудием способу действия, ребенок овладевает общественно выработанной нормой деятельности, которая становится актом его индивидуального поведения. Это овладение общественно выработанными нормами поведения возможно лишь в том случае, если оно удовлетворяет индивидуальные потребности ребенка.

Как же происходит обучение ребенка?

Как бы ни был низок уровень развития слепоглухонемого ребенка, ему, как и всякому другому, необходимо есть, пить, спать, пользоваться туалетом. Эти нужды на первых порах еще не являются подлинно человеческими потребностями, а становятся ими, лишь приобретая общественно выработанные способы их удовлетворения. Основная задача первоначального обучения слепоглухонемого ребенка — формирование у него навыков самообслуживания и навыков поведения, направленных на удовлетворение его естественных нужд.

С какими же орудиями знакомится слепоглухонемой ребенок на первых шагах своего обучения? Какими функциями, закрепленными за этими орудиями, он овладевает?

Это прежде всего предметы быта, овладение которыми у нормального зрячеслышащего ребенка происходит как бы само собой, незаметно. Ребенок обучается есть ложкой и вилкой, из тарелки и миски, сидеть на стуле, он приучается в определенное время готовить постель ко сну, в определенное время просыпаться, вставать с постели, убирать свою постель, делать утреннюю зарядку, ходить в умывальную комнату, открывать и закрывать кран, пользоваться зубной щеткой, намыливать руки и лицо, вытираться полотенцем, причесывать волосы, одеваться и раздеваться, правильно ходить в помещении и во дворе.

Приведенный перечень предметов и умений не случаен. Он взят непосредственно из практики обучения слепоглухонемого ребенка. В действительности же количество навыков поведения, которым приходится обучать ребенка, в десятки и сотни раз превышает приведенный список.

Как же происходит обучение слепоглухонемого ребенка перечисленным выше навыкам самообслуживания и человеческого поведения?

При формировании новых навыков, связанных с едой, у сле-

поглухонемого ребенка обычно приходится преодолевать укоренившиеся привычки. Ребенок привык к тому, чтобы его кормили взрослые, сам он никогда не держал ложки в руке и сопротивляется, когда его пытаются заставить держать ложку, зачерпывать из тарелки пищу и подносить ее ко рту. Разумеется, было бы легко накормить ребенка по-прежнему, поднося ложку к его рту, но в таком случае он никогда и не обучится новому для него умению. Точно так же обстоит дело с обучением слепоглухонемого ребенка умению одеваться, раздеваться, обуваться и т. д.

Формирование навыков самообслуживания в первый период является очень трудоемким. Проходят недели, а иногда и месяцы, прежде чем удается добиться сдвигов в формировании новых, даже простейших действий. Исследование вскрывает определенную динамику в процессе формирования нового умения. На первом этапе приучения ребенка к какому-либо самостоятельному действию лишь ослабевает степень его сопротивления. И тут очень важно не прекращать усилий, изо дня в день кормя или одевая ребенка его же руками. Это бывает трудно. Трудно даже физически. Но прервать формирование нового навыка, перейти к прежним привычкам нельзя, так как при повторных попытках обучить нужному навыку после того, как взрослый однажды уже отступил, сопротивление ребенка возрастает. При формировании навыка необходимо следить даже за усилием руки, которое нужно, например, для того, чтобы поднести ложку с пищей ко рту ребенка. Так, первое время было трудно согнуть руку слепоглухонемой девочки, чтобы коснуться ложкой ее губ. Потом делать это стало все легче и легче, а вскоре девочка стала делать самостоятельные попытки подносить ложку ко рту. Однако сначала ее движения были порывисты и неточны — на этом этапе рука воспитателя направляет и уточняет движение ребенка.

На следующем этапе появляются отдельные элементы нового навыка, которые выполняются ребенком самостоятельно. Возникают первые попытки сделать движение самостоятельно, но они еще не приводят к цели. Ребенок делает попытку поднести ложку ко рту — в рот ложкой он еще не попадает, но соответствующее движение уже делается. Или он пытается надеть чулок, он его еще не надевает, но уже движения в нужном направлении есть. Очень важно не пропустить и не угасить этих первых проявлений самостоятельности, активности.

Трудность здесь заключается в том, что вновь возникшее активное движение ребенка очень несовершенно и не может достичь нужной цели, оно само по себе безрезультатно. А для

того чтобы упрочиться, оно должно быть подкреплено достигнутым результатом.

Возникшая активность ребенка легко гасится, если взрослый начинает сам выполнять за него нужное действие. Активность легко угасает также и в том случае, когда она не подкрепляется достижением цели, что на первом этапе обычно и бывает при отсутствии достаточно оперативной помощи взрослого. Тут и то плохо, и другое плохо — и слишком много помогать, и слишком мало помогать.

Помощь взрослого должна быть строго дозирована: она не должна быть так велика, чтобы ребенок совсем отказался от самостоятельности, и достаточно велика, чтобы был достигнут полезный результат.

Дело осложняется и тем, что каждый навык состоит из движений разной трудности. При обучении самостоятельной еде, например, труднее зачерпывать ложкой суп в тарелке и значительно легче подносить ложку ко рту. При умывании ребенок легче делает движения по лицу своими ладонями сверху вниз и значительно труднее овладевает круговыми движениями. При обучении обуваться ему легче зашнуровывать ботинки, чем завязывать шнурки. Воспитатель анализирует каждый навык, расчленяет его на составляющие движения и строит процесс обучения таким образом, чтобы давать самостоятельность ребенку в тех движениях, которыми он уже овладел, помогать ему в тех движениях, делать которые он еще затрудняется, и выполнять за ребенка те движения, делать которые он не может совсем.

Как только ребенок овладевает навыком настолько, что может самостоятельно достигать результата (подносить ложку ко рту и есть, надевать чулки), он начинает делать это с удовольствием. Сформировавшийся навык быстро упрочивается и совершенствуется, и ребенок уже начинает активно протестовать против помощи взрослого.

Первое знакомство с предметами окружающего мира происходит в процессе деятельности по удовлетворению простейших естественных нужд. Например, во время обучения ребенка самостоятельной еде он знакомится с ложкой, вилкой, тарелкой и т. д. В процессе этой «деловой» для организма деятельности ребенок вынужденно знакомится с предметами. Это знакомство вынужденно потому, что является необходимым условием получения непосредственного подкрепления, в данном случае пищевого. В другое время, вне пищевой ситуации, эти предметы, как и другие, не вызывали у ребенка никакого интереса: вкладываемые в руку, они отбрасывались или ронялись. Во время еды восприятие предметов подкрепляется пользой организму. Они становятся

значимыми для ребенка, и он начинает ощупывать их. Так, постепенно, в процессе безусловного подкрепления, формируется и в дальнейшем развивается та активность ребенка, которая в психологии и физиологии носит название ориентировочно-исследовательской деятельности.

Практика воспитания слепоглухонемых детей вынуждена считаться с отсутствием у них ориентировочно-исследовательской деятельности на первых этапах развития. Оказалось невозможным строить процесс обучения в расчете на врожденную ориентировочно-исследовательскую потребность. Такой потребности просто не оказалось. Совершенно незнакомый предмет, данный в руки слепоглухонемого ребенка, не ощупывается им. Измененные же по форме и величине предметы, с помощью которых он уже удовлетворял свои потребности, немедленно вызывают ориентировочно-исследовательскую деятельность. Ясно, что в этих случаях возникновение и выраженность ориентировочно-исследовательской деятельности (в нашем случае ощупывания) определяются не новизной раздражителя, а, наоборот, сходством его с тем раздражителем, который раньше был подкреплен пользой. Чем более новым является раздражитель, тем меньше шансов, что он вызовет у слепоглухонемого ребенка ориентировочно-исследовательскую деятельность. Оптимальное условие, вызывающее на этом этапе живую ориентировочно-исследовательскую деятельность у слепоглухонемого ребенка,— это предъявление измененного варианта ранее подкрепленного раздражителя.

Таким образом, элементы ориентировочно-исследовательской деятельности возникают внутри деятельности по удовлетворению простейших естественных потребностей. В результате этой, еще элементарной, познавательной активности формируются образы предметов, участвующих в удовлетворении потребностей. Как элементарная познавательная деятельность, так и результаты ее — образы предметов — на первом этапе развития ребенка возникают в качестве необходимого условия успешности «деловой» активности организма.

Постепенно круг образов предметов, связанных с одним из видов «деловой» деятельности, расширяется, все более отдаляясь от обслуживания простейших естественных потребностей. Структура ориентировочно-исследовательской деятельности постепенно все более усложняется. Возникая как сторона практической активности, ориентировочно-исследовательская деятельность все более отдаляется от непосредственного ее обслуживания и становится в какой-то мере самостоятельной, порождая вторичную «надстроечную» потребность — потребность в познании предметов окружающего мира, интерес.

На этом этапе результатом ориентировочно-исследовательской деятельности является не только формирование образов, непосредственно нужных для успеха «деловой» деятельности, но и накопление образов «впрок». Теперь интерес к окружающему уже сам может играть роль подкрепления в процессе формирования новых связей, обеспечивающих создание новых образов.

Таким образом, во время первоначального обучения слепоглухонемого у него формируются образы окружающих его бытовых предметов и навыки правильного обращения с этими предметами. В этот период развития слепоглухонемого ребенка как раз и закладываются у него основы человеческой психики.

Гениальное изобретение таких предметов, как ложка, нож, обувь, одежда и жилище, создание сотен других предметов труда сыграли когда-то решающую роль в выделении нашего предка из среды животных — очеловечили его.

Подобный же процесс очеловечивания происходит и в индивидуальном развитии слепоглухонемого ребенка при обучении его пользованию бытовыми предметами, которые сопровождают каждый шаг его повседневной жизни. Овладевая общечеловеческой мудростью, сконцентрированной в предметах быта, обучаясь правильно пользоваться сотнями этих предметов, слепоглухонемой ребенок вместе с формированием человеческого поведения формирует человеческую психику. В этот период у ребенка, разумеется, еще нет понятийного мышления. Окружающую действительность он отражает в образно-действенной форме, но по своему содержанию его психика является человеческой, ибо она отражает общечеловеческий опыт, усвоенный ребенком для своих собственных нужд (именно для своих собственных нужд, иначе это усвоение на первых этапах было бы невозможно).

Образно-действенное мышление слепоглухонемого ребенка является прямым отражением его поведения на первоначальном этапе развития. Оно обслуживает только функцию удовлетворения простейших потребностей. Возникнув в деятельности по самообслуживанию, образно-действенное мышление и создается для нужд этой деятельности. Вместе с тем даже эта первая ступень человеческого мышления возникает в процессе живого общения слепоглухонемого ребенка со взрослым человеком — без живого общения она была бы невозможна. Развитие этого общения постепенно преобразует характер мышления ребенка.

Как возникает и развивается общение со взрослым?

Обслуживание ребенка взрослым (одевание, кормление, туалет) — самая первая и простая форма общения. В этом случае

осуществляется пока лишь одностороннее общение, в котором активен только взрослый, а ребенок пассивен.

У ребенка на первых порах еще нет собственно потребности в общении со взрослыми. И если органические нужды ребенка удовлетворяются вне человеческого общения, как это имело место у человеческих детенышей, воспитанных в среде животных или в полной изоляции от людей (случай с Каспаром Гаузером), то у таких детей совсем не возникает никакой потребности в общении.

Однако, живя среди людей, ребенок не в состоянии удовлетворить свои органические нужды без участия этих людей. Люди нужны, чтобы есть, пить и вообще чтобы существовать, жить. Без них он погибнет. Таким образом, сначала необходимость в общении ребенка с окружающими его людьми возникает не сама по себе, а опосредствованно, через другие, органические нужды.

Как же это происходит у слепоглухонемых детей?

На первых порах взрослый нужен ребенку как орудие удовлетворения его органических нужд. Деятельность общения возникает внутри других видов деятельности, внутри, так сказать, «деловой» для организма деятельности. Связь и взаимоотношение этих двух форм деятельности (деятельности по удовлетворению органических нужд и деятельности общения) и определяют дальнейшую судьбу потребности в общении. Если обслуживание ребенка строится так, что деятельность общения целиком подчиняется деятельности по обслуживанию ребенка, то развитие специальной потребности в общении будет задерживаться. Если же деятельность общения будет расширяться и выходить за рамки простого обслуживания деятельности по удовлетворению органических нужд ребенка, то потребность в общении будет развиваться и создавать необходимость формирования специальных средств для своего удовлетворения.

Обслуживание такого беспомощного существа, каким является слепоглухонемой ребенок до начала его обучения, в семье или в детском доме часто строится таким образом, что не оставляет возможности появления активности у ребенка — взрослые все делают за него сами.

Два слепоглухонемых мальчика находились под нашим наблюдением еще до открытия специальной школы в Загорске. Воспитывались они в семье. Эти дети были на полном обслуживании у матери и отца. Кормили их с ложечки, носили на руках, одевали и раздевали, исключая всякую активность с их стороны. Дети ни на минуту не могли расстаться с обслуживающими их взрослыми. Они даже согреться самостоятельно не могли и были

2 Заказ 812

по сути дела придатками взрослого человека, не имеющими никакой самостоятельности.

Казалось бы, что в этих случаях потребность в общении очень велика и вместе с тем такова, что не только не способствует развитию деятельности общения, а тормозит ее. Для развития собственно потребности в общении необходим некоторый отрыв деятельности общения от деятельности по обслуживанию ребенка, необходимо формирование активности ребенка, т. е. самообслуживание, что и создает условия для формирования средств общения. Только таким путем общение перерастает свою первоначальную функцию и формируется в самостоятельную деятельность, порождая собственную потребность, а потребность создает средства ее удовлетворения.

Каким образом возникают и развиваются самые первые средства общения в процессе обучения и развития слепоглухонемого ребенка?

При обслуживании слепоглухонемого взрослым ребенок постепенно начинает помогать взрослому: когда взрослый его одевает или раздевает, ребенок, например, поднимает ножку при одевании чулка, поднимает руки, когда с него снимают рубашку, и т. д. Необходимо, как уже говорилось, не пропустить появления этой первой активности, заметить ее, постараться не угасить, а, наоборот, всячески стимулировать.

Эта первоначальная и минимальная активность вскоре перерастает в следующую очень важную ступень ее развития, которая характеризует важный этап развития общения: при обучении навыкам самообслуживания возникает как бы первое разделение труда — взрослый начинает какое-то действие, а ребенок его продолжает, взрослый надевает чулки на ступню, а ребенок натягивает их дальше. На этом этапе еще нет специальных средств общения. Тут пока средством общения служит начало практического действия взрослого. Но это уже не просто действие, оно (вернее, его начало) не только обслуживает ребенка, но и выполняет специальную, особую функцию: является сигналом к самостоятельному действию ребенка, т. е. обслуживает функцию общения. Вот эти начальные движения взрослого при обслуживании ребенка и являются первыми сигналами, побуждающими ребенка к активному действованию. Это и есть первый «язык».

Вот как обучалась вставать на ноги из положения сидя слепоглухонемая ученица. Взрослый помещал свои руки под мышки девочки и начинал ее поднимать. Первое время активность ребенка отсутствовала. Поднятие туловища осуществлялось усилием взрослого при полной пассивности ребенка. При повторении этого действия взрослый намеренно постепенно замедлял

свои движения, ослаблял усилия. Подъем все больше и больше осуществлялся усилиями ребенка. И наконец, взрослому достаточно было поместить свои руки под мышки ребенка, как ребенок начинал подниматься на ноги.

Для развития ребенка здесь происходит событие необычайной важности. Определенное прикосновение взрослого становится сигналом к активному действию ребенка. Таким путем возникает и формируется сигнальность поведения, того поведения, которое осуществляется в ответ на жест другого человека. Подобные первые сигнальные прикосновения и являются первыми средствами общения, первыми «приказами» взрослого, воспринимаемыми и исполняемыми слепоглухонемым ребенком. На этой основе возникает возможность задать ребенку первые специальные средства общения. Ими являются жесты, обозначающие предметы и действия с ними. Как они возникают?

В деятельности по удовлетворению своих естественных потребностей ребенок пользуется большим количеством предметов. Овладевая ими, он их познает, ощупывает. Первые жесты и являются изображением действий с этими предметами или повторением предметных действий в отсутствие самих предметов. Таким образом, в первом периоде развития средств общения жесты — это непосредственное изображение предметов и действий. Жесты являются первым языком слепоглухонемого ребенка, совершенно необходимым ему в общении с окружающими людьми. Жесты дают возможность сформировать у ребенка практическое понимание того, что все предметы имеют названия. А это будет особенно нужно при обучении его словесному языку. Жесты в отличие от слова наглядно, «зримо» отражают предмет или обозначаемое действие. Связь жеста с предметом отчетлива и очевидна для ребенка, ибо жест *рисует* предмет или *изображает* его функцию. Жест связан с обозначаемым конкретным предметом та́к, как не может быть с ним связано ни одно слово. И вместе с тем жест — это не непосредственный образ предмета, а его заменитель, вернее, его сигнал, выполняющий особую функцию *обозначения* для целей *общения*. Важно уяснить, что жест связан с образом предмета, так как его *отображает*, и отличен от непосредственного образа, так как его *обозначает*.

Таким образом, жест — это первое, пока еще наглядное и на первых порах единственно доступное пониманию слепоглухонемого ребенка, *обозначение*, на основе которого можно формировать следующую ступень уже понятийного обозначения — слово.

Употребление воспитателем и всеми людьми, окружающими

слепоглухонемого ребенка, жестов в общении с ним, понимание жестов ребенком в связи с ситуативным их употреблением и, наконец, активное использование жестов ребенком в процессе общения — таков путь усвоения жестов.

В этом периоде развития ребенка наряду с жестикуляторной речью огромное значение для ребенка имеет лепка. Слепоглухонемой ребенок обучается лепить из пластилина познанные им предметы окружающего мира. В лепке он может широко и подробно «рассказать» о своем внутреннем мире, об образах предметов, об их назначении и функциях. Благодаря лепке мы судим об адекватности образов, имеющихся у ребенка, окружающим его предметам.

Возникновение деятельности общения, формирование первых специальных средств общения — жестов — является второй задачей обучения, обеспечивающей психическое развитие слепоглухонемого ребенка.

Следующий важнейший этап развития деятельности общения — формирование у слепоглухонемого ребенка словесной речи.

Словесная речь формируется в дактильной (пальцевой) форме. Дактильная словесная речь складывается как надстройка над жестовой формой общения, возникает внутри жестового общения как вариант жестовой речи и лишь в дальнейшем развивается в самостоятельную и доминирующую форму речи, вытесняя жесты. Осуществляется этот переход к словесной речи таким путем. Жесты, обозначающие хорошо знакомые и часто встречаемые в быту предметы, заменяются дактильными словами. Для ребенка эти новые обозначения являются все теми же жестами, только новой, необычной конфигурации. Жестом ему показывается, что данный предмет можно обозначать по-другому. В дальнейшем ребенок обозначает предмет показанным ему новым для него жестом, даже и не подозревая, что уже владеет составленным из букв словом, так же как и обычный (зрячеслышащий) ребенок, научившись говорить первые слова, не знает, что он говорит побуквенными словами.

Таким образом, обучение словесному языку начинается не с отдельных букв и даже не с отдельных слов, а со слов, включенных в систему связного смыслового «текста». Смысловым контекстом первых слов является жестовая фраза. Первые дактильные слова включены в рассказ, осуществляемый средствами мимико-жестикуляторной речи. Тут слова выступают в роли жестов.

Лишь после усвоения нескольких десятков слов, обозначающих конкретные предметы, ребенку даются отдельные дактильные буквы, которыми практически он уже владеет. Он их осваи-

вает за несколько учебных часов. После усвоения дактильного алфавита ребенку можно дать любое слово, соотнеся его с соответствующими жестами и предметами.

В процессе усвоения дактильного алфавита учащийся обучается как воспроизводить каждую пальцевую конфигурацию, так и свободно «считывать» ее с руки учителя.

После усвоения дактильного алфавита ребенку дается рельефно-точечное (брайлевское) обозначение букв.

Дактилирование и восприятие пальцевых букв, так же как и восприятие и изображение брайлевских букв, у ребенка должны быть безукоризненными и совершаться без затруднения. Для совершенствования в этом подбирается специальный словарь в два-три десятка слов, обозначающих хорошо известные ребенку предметы и действия с ними. Этот же словарь в дальнейшем используется для усвоения самого важного в словесном языке — грамматического строя.

Необходимо отметить, что ребенок обучается практическому владению грамматическим строем, а не грамматике. В этом также полная аналогия с тем, как овладевает языком нормальный зрячеслышащий ребенок, который в дошкольном возрасте практически овладевает грамматическим строем, не зная грамматики.

И. А. Соколянский писал: «Отдельные буквы (алфавит), отдельные слова, отдельные словосочетания и даже отдельные предложения, являясь каждое само по себе неотъемлемым элементом словесной речи, тем не менее ни в какой степени изолированно не являются материалом для обучения слепоглухонемого ребенка грамматическому строю словесной речи.

Обучение грамматическому строю речи начинается не с заучивания отдельных слов, словосочетаний и предложений, а с составления текста и составления системы текстов»[1].

Тексты сначала составляются из простых нераспространенных предложений, а затем из простых распространенных предложений.

Слова и словосочетания, все грамматические структуры в связном логическом тексте, рассказывающем о событии, известном ребенку, легко усваиваются им, накладываясь на сформированную ранее систему образного отражения этого события. При этом строго соблюдается условие, чтобы каждому новому слову, каждой новой грамматической структуре соответствовало непо-

---

[1] И. А. Соколянский. Усвоение слепоглухонемыми грамматического строя словесной речи. «Доклады АПН РСФСР», 1959, № 1.

средственное образное знание того, что обозначается этим словом или грамматической формой.

Для усвоения словесного языка слепоглухонемыми учащимися И. А. Соколянский предложил так называемую систему параллельных текстов: учебных, даваемых учителем, и «спонтанных», самостоятельно сочиняемых учащимся. В учебные тексты постепенно вводятся новые слова и новые грамматические формы. Сочиняя же свой текст, описывая знакомое ему событие, учащийся использует данные в учебном тексте слова и грамматические формы и уже на «своем» материале усваивает их.

Усвоение словесного языка дает возможность приступить к обучению слепоглухонемого ребенка школьным предметам.

Во время школьного обучения при непосредственном общении ведущей формой воспринимаемой речи является дактильная речь. Воспроизводимая учеником речь может быть как дактильной, так и устной, которой ребенок специально обучается. Устная речь более быстрая, она может значительно ускорить процесс овладения школьными знаниями, ускоряя само общение. Но она, к сожалению, не всегда бывает достаточно внятной. Дактильная же речь, хотя и более медленная по сравнению с устной, абсолютно «внятная».

Следует подчеркнуть особенно большое значение письменной речи в брайлевской форме. Она дает возможность зафиксировать мысль, вернуться к ней, исправить ее. В письменной речи не только фиксируется, но и формируется мысль. Исправление записанной речи — один из важнейших путей усвоения языка.

Письменная речь дает возможность приобщения слепоглухонемого к чтению и к усвоению знаний из книг. Тут возникает возможность самообучения, являющегося особенно важным способом развития слепоглухонемых.

Во все периоды как дошкольного, так и школьного обучения слепоглухонемых систематически развивается живое, непосредственное общение ввиду постоянного, неутолимого «разговорного» голода слепоглухонемого.

Теоретическую грамматику — части речи, члены предложения — учащиеся начинают изучать только после практического усвоения словесного языка.

Таковы основные положения системы обучения слепоглухонемых детей. Первое и главнейшее положение связано с пониманием этапа «первоначального очеловечивания» как периода, в котором происходит овладение предметно-практическим поведением и создание системы образов предметов окружающего мира.

Второе важное положение заключается в том, что языковое общение и сознательное отражение предметного мира формируются в предметно-практической деятельности ребенка и первоначально связаны с формированием общения при помощи жестов, на основе которых усваивается речь с ее грамматическим строем, отражающим логику предметного мира.

Слепоглухонемой ребенок, обученный по обрисованной методике, уверенно перешагивает барьер, поставленный для него слепоглухонемотой. Органически оставаясь слепоглухим, он обретает доступ ко всем сферам человеческого познания, эстетики и нравственности.

* * *

В заключение хочется вернуться к характеристике автора этой книги. Велика, конечно, заслуга учителя О. И. Скороходовой Ивана Афанасьевича Соколянского, но величие его заслуги ни в коей мере не умаляет подвига О. И. Скороходовой. Она работает, как уже было сказано, старшим научным сотрудником Института дефектологии АПН СССР. Она наравне со всеми другими видящими и слышащими сотрудниками ведет, пишет научные работы, отчитывается о них на заседаниях Ученых советов. И мы как-то забываем о том, что вся жизнь Ольги Ивановны — это подвиг. Подвиг, который она совершает каждый день в течение многих лет.

Человек, умеющий остро воспринимать окружающую действительность, великий писатель Максим Горький писал в одном из своих писем О. И. Скороходовой: «...вспоминаю Вас как символ энергии, которая не может не проявить себя активно даже и тогда, когда она физически ограничена.

На фоне грандиозных событий наших дней Ваша личность для меня, литератора — и тем самым немножко фантазера — приобретает значение именно символа победоносной энергии человеческого разума, ценнейшей энергии, созданной природой — материей — как бы для самопознания»[1].

Последовательное материалистическое мировоззрение, высокий идейно-политический уровень, богатство интересов, литературный талант, воля и бодрость, неустанное стремление к труду, жизнерадостность и оптимизм, отвращение ко всякой мистике, мещанству и обывательщине — вот характерные черты Ольги Ивановны Скороходовой как личности нашей эпохи.

Можно позавидовать богатству творческой жизни О. И. Ско-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30, стр. 335.

роходовой. Ее книги, статьи и стихотворения широко известны во многих странах мира. Она активно сотрудничает в журналах для слепых и глухих. Ее жизнь и деятельность служат вдохновляющим примером не только для людей с недостатками слуха и зрения, но и, как показывают многочисленные письма к ней, для зрячих и слышащих людей разных поколений.

Вот отрывки из письма одной девушки из Риги: «Многоуважаемая Ольга Ивановна! На днях я прочитала Вашу книгу, мне очень захотелось Вам написать. Эта книга произвела на меня огромное впечатление. О ней я рассказала своим товарищам. Мой бывший педагог считает, что человека такого, как Вы, можно назвать гением. Лично я думаю, что Вы гений, а вся жизнь и Ваш труд — подвиг. Вы всегда будете для меня примером... Когда мне было девять с половиной месяцев, я заболела полиомиелитом, что привело меня к постели на долгие годы. Сейчас я окончила среднюю школу и... работаю, а осенью попытаюсь сдать экзамены в техникум.

...Иногда мне бывает очень тяжело одной, тогда я беру с полки Вашу книгу, читаю, смотрю на Ваше фото и хочу быть такой же стойкой, как Вы. Тогда мне очень хочется видеть Вас, я начинаю мечтать о поездке в Москву, о встрече с Вами, и грустные мысли покидают меня...»

Ольга Ивановна ведет переписку не только с жителями Советского Союза. Ей пишут из разных стран мира. В своих письмах Ольга Ивановна всегда стремится вселить дух бодрости и оптимизма в сердца своих корреспондентов.

Но не только письма и публикации связывают ее с широкой общественной жизнью. Ольга Ивановна очень живо интересуется вопросами школьной и студенческой жизни. Она часто выступает перед школьниками и студентами. И все ее выступления имеют большое воспитательное значение. Особенно ее волнует положение ее собратьев по слепоглухоте. С 1963 г. в Загорске под Москвой открыто специальное учреждение для обучения слепоглухонемых детей. О. И. Скороходова принимает активное участие в воспитательной работе этой школы.

Одной из основных задач своей деятельности Ольга Ивановна считает борьбу со все еще имеющимися кое у кого предрассудками во взглядах на слепоглухонемых как на «вечных» иждивенцев и инвалидов.

«Природа лишила Вас трех чувств из пяти, посредством которых мы воспринимаем и понимаем явления природы,— писал О. И. Скороходовой Максим Горький,— наука, действуя на осязание, одно из пяти чувств, как бы возвратила Вам отнятое у Вас. Это говорит одновременно о несовершенстве, о хаотизме сил

природы и силе разума человеческого, о его умении исправлять грубые ошибки природы.

...Вас она создала существом для эксперимента, создала как бы намеренно для того, чтобы наука исследовала одну из ее преступных и грубых ошибок. Разум науки частично исправил ошибку, но он еще не в силах уничтожить самое преступление,— дать Вам слух, зрение, речь. Но тем, что Вы есть, и тем, что с Вами уже сделано наукой, Вы служите человечеству. Это — так, Ольга Ивановна,— и Вы вправе этой службой гордиться»[1].

Предлагаемая читателю книга — свидетельство того, что эта служба человечеству продолжается.

А. Мещеряков

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30, стр. 273.

ОТ АВТОРА

Я родилась летом 1914 г. на Украине в селе Белозерке, расположенном недалеко от Херсона.

Родители мои были бедные крестьяне. Когда отца в 1914 г. угнали на войну, мать осталась единственной работницей в семье, состоявшей из братьев и сестер моего отца и больного дедушки. Мать много работала — батрачила у священника. Во всякую погоду, в осеннюю слякоть и в зимнюю стужу, она задолго до рассвета уходила далеко за реку, оставляя меня на попечение больного дедушки.

Но как ни тяжелы были первые годы моей маленькой жизни, они все же были моим «золотым детством» до того дня, как я заболела. Случилось это летом 1919 г., когда мне исполнилось 5 лет.

И по сей день в моей памяти сохранились некоторые моменты болезни. Так, например, я помню, что у меня был сильный жар, мне чудились пожары, огненные бешеные собаки, которых я боялась и от которых стремилась убежать. Помню, однажды, когда я пришла в сознание, мать начала поить меня чаем с абрикосовым вареньем. Мне казалось, что я очень слаба, не хочу открывать глаза и поэтому ничего не вижу. Мать, которая все время ухаживала за мной (дедушка уже умер, остальные члены семьи отделились от нас, и мы с матерью остались вдвоем), я узнавала по прикосновениям, не открывая глаз. Но на этот раз мне захотелось глазами увидеть, где стоит варенье и какого оно цвета. Я открыла глаза,— так мне казалось, но не увидела, где стоит варенье, в чем оно и какого оно цвета...

Я болела долго, это я хорошо помню, потому что, когда начала выздоравливать, то заметила, что уже холодно; и в самом деле, уже наступила осень. Но не осень была страшна. Страшно было то, что уже ни для меня, ни для матери не было утешения — ослепла я совсем и почти оглохла... А в стране была разруха, шла гражданская война, и, конечно, мать никуда не могла определить меня. Правда, она делала, что могла,— возила

меня к врачам в Херсон, но как глазные, так и ушные врачи только гладили меня по голове да сочувственно советовали матери не падать духом.

Отец не приезжал домой. Мать продолжала заниматься хозяйством, весной и летом трудясь в поле и на огороде, а осенью и зимой работая по найму. Обычно мать уходила из дома рано, и я, проснувшись, уже не находила ее в комнате; возвращалась она поздно вечером, когда я уже крепко спала. Таким образом, я была предоставлена самой себе; зимние дни проводила в хате, а летом играла в палисаднике под большим кустом сирени.

Как повлияла глухота на мою устную речь и на мое умственное развитие, об этом я не могла знать в то время. Можно лишь предполагать, что постоянное одиночество, беспомощность и почти полная изолированность от всего окружающего не слишком благоприятствовали дальнейшему умственному развитию, а также улучшению нарушенной глухотой устной речи. В таких приблизительно условиях проходила моя жизнь до зимы конца 1921 — начала 1922 г.

Вдруг мать заболела и вскоре совсем слегла в постель. Мне очень тяжело описывать этот период моей жизни. Я думала о том, чтобы кто-нибудь взял меня к себе, потому что мне — слепой и почти глухой слабой девочке — ухаживать за больной матерью было не под силу. Чем могла я ей особенно помочь? А болела мать, как я узнала потом, туберкулезом. Голодные годы гражданской войны дали себя почувствовать, и в нашей Белозерке начался голод. К весне у нас в хате не было ни одной картофелины, ни одной крупинки. Нам помогали, правда, соседи, но это была такая нерегулярная помощь, на которую особенно рассчитывать не приходилось. Я ослабела окончательно и не могла уже ходить, а мать умирала.

Как-то к нам зашла моя тетя. Картина, которую она увидела, до того поразила ее, что она немедленно унесла меня к себе — я была уже в полусознании от голода. Через несколько дней я узнала, что мать умерла...

Осенью 1922 г. Херсонский отдел народного образования направил меня в Одесскую школу слепых детей, где я пробыла до 1924 г. Попав в школу, я через некоторое время поняла, что там все учащиеся — слепые. На меня часто кто-нибудь натыкался, меня осматривали руками, спрашивали что-то. Я дичилась, много плакала и стремилась к зрячим людям. Старшие ученицы, воспитатели и педагоги старались всячески развлекать меня — водили гулять, дарили различные безделушки, бусы, ленты, ласкали и пробовали чему-нибудь научить. Заниматься со мной индивидуально никто не мог, а присутствовать мне в классе было беспо-

лезно, ибо я не слышала того, что говорил учитель. Обращаясь ко мне, громко кричали мне в правое ухо: на левое я оглохла сразу же после болезни.

Через год после моего поступления в школу я окончательно оглохла и на правое ухо. Меня жалели, но ничем не могли помочь. Впрочем, меня водили к врачам, пытались лечить, поместили в детский санаторий, но все это было напрасно. По целым дням я просиживала в спальне в полном одиночестве.

Меня даже не брали в город на прогулки, потому что при окончательной утрате слуха у меня нарушилось равновесие и я не могла ходить без посторонней помощи.

Один одесский профессор, узнав, что в школе находится слепоглухая девочка, сообщил обо мне в Харьков профессору Соколянскому, который в то время был занят организацией учреждения для слепоглухонемых детей. В начале 1925 г. я была отправлена в Харьковскую клинику для слепоглухонемых.

С первых же дней моего поступления в клинику слепоглухонемых для меня началась совершенно новая, необычная жизнь. В то время в клинике было уже пять воспитанников. Нас окружили большой заботой, порядком, чистотой, к нам чудесно относились работники, и я едва ли ошибусь, если скажу, что наши воспитатели, педагоги и сам И. А. Соколянский любили нас не меньше, чем своих родных детей.

После того как я освоилась с новой обстановкой и привыкла к правильному, организованному образу жизни, со мной начали заниматься. Проф. Соколянский приступил к восстановлению моей устной речи, которая была нарушена после утраты слуха. Труды профессора увенчались успехом, и я снова стала владеть устной речью почти нормально. Конечно, я не могла слышать себя, не могла поэтому знать, как говорю. Но все, кто со мной разговаривал, ежеминутно поправляли меня, и мне никогда не разрешали (да и теперь не разрешают) напрягать голос и говорить громко.

Воспитываясь и обучаясь в Харьковской клинике, я закончила среднее образование и готовилась к поступлению в вуз заочно на литературный факультет и для этого еще в 1941 г. должна была переехать в Москву. Нападение фашистов на СССР помешало осуществлению моих намерений.

31 июля 1944 г. я прибыла в Москву, где меня встретили друзья, встретил и мой учитель И. А. Соколянский. Меня окружили вниманием и заботами, дали возможность продолжать учебу и работать. В настоящее время я работаю в Институте дефектологии Академии педагогических наук в должности старшего научного сотрудника.

О МОЕЙ КНИГЕ

(Вместо предисловия)

Я хочу кратко рассказать о том, как возникла мысль написать эту книгу.

Осознание окружающего появилось у меня постепенно. Я припоминаю тяжелые моменты, когда я не могла выразить своего отношения к окружающему, не могла выразить своих мыслей так, как этого требовало окружающее. И конечно, я не могла испытывать того наслаждения, которое мне доставляют теперь чтение книг и общение с людьми. Вначале я не знала, как люди выражают свое отношение к окружающему. В свою очередь, как теперь мне известно, и соприкасавшиеся со мной люди старались понять, чего я хочу, что означают мои попытки войти в общение с ними и внешним миром. Так постепенно и возникла мысль об изучении особенностей тех средств, при помощи которых я стала общаться с окружающей меня действительностью.

Началось все, разумеется, в первую очередь с постепенного знакомства с людьми, имеющими со мной дело. Вначале общение со мной порождало «конфликты», я ощущала окружающее, но не понимала его. Лишь постепенно появлялось что-то вроде потребности знать, понять, желания, чтобы мне объяснили то, что происходит вокруг меня. Так, например, заходили в учреждение посторонние люди; они вносили свой, непривычный для меня запах. Ощущая этот запах, я начинала беспокоиться, отвлекаться, если это случалось во время занятий. Педагоги замечали мое беспокойство и вначале не всегда понимали, что происходит со мной. Они требовали, чтобы я сидела спокойно, и я своим поведением выражала желание, чтобы мне объяснили, кто был и что делал. Или я замечала перемену в настроении педагогов, воспитательниц и вообще у тех лиц, с которыми я систематически встречалась в привычной обстановке и обычное, повседневное поведение которых я воспринимала довольно безошибочно.

Если я замечала, что у того педагога, который в данный момент занимается со мной, в поведении чувствуется что-то необычное, не такое, к чему я уже привыкла, то это отражалось и на моем поведении. Я чувствовала, что ко мне и прикасаются не так, как обычно, и занимаются не так, как всегда. Впоследствии я очень точно различала настроения окружающих меня людей и замечала, что если человеку грустно, то и мои ощущения человека оказывались иными, чем те, когда ему было весело.

Вот так, сначала безотчетно, бессознательно накоплялись в моей памяти факты всего того, что я воспринимала из окружающей меня обстановки. Конечно, это длилось целые годы. Когда я постепенно начала жить сознательной жизнью, я просила объяснять мне все то, что я ощущала, но не в силах была понять без посторонней помощи.

Не каждый человек понимал меня правильно, нередко истолковывая мое поведение как простое любопытство и назойливость. Я переживала это как своеобразный «конфликт», но все с большей и большей настойчивостью стремилась ознакомиться со всем, что окружает меня, и понять его.

Припоминаю такой случай. На одном уроке я заметила, что моя учительница чем-то расстроена. Я не осталась безучастной, и ее настроение передалось мне. Я, как могла, старалась передать ей свое сочувствие и очень хотела, чтобы она рассказала мне свое состояние. Но она мне ничего не объяснила. Когда мы кончили заниматься, ко мне подошел И. А. Соколянский. Он начал меня расспрашивать, как я узнала, что учительница была расстроена. Оказалось, что учительница по-своему истолковала мое участие. Из ее объяснения Ивану Афанасьевичу выходило, будто я занималась «посторонним разговором» на уроке. Помню, это обидело меня... Таких конфликтов было немало. Но не стоит их приводить, достаточно и одного.

Итак, люди не всегда меня понимали. А я хотела все больше и больше знать об окружающем и обо всем расспрашивала. Был только один человек, который всегда понимал меня правильно и всегда объяснял то, что меня смущало, тревожило, было совсем непонятно. Этим человеком был И. А. Соколянский. Когда я научилась писать, то, чтобы получить ответы на волновавшие меня вопросы, я стала их записывать и передавала ему. (Так я привыкла записывать свои восприятия окружающей среды.) Иван Афанасьевич исключительно серьезно относился к моим записям, внимательно их прочитывал, тщательно хранил и всячески поощрял мою любознательность. Не следует думать, что мои записи были в таком виде, в каком теперь изданы в книге. Нет! Первоначально эти записи могли читать только те, кто со мной зани-

мался. Но по мере того как я овладевала разговорным языком, мои записи становились все яснее и понятнее.

Когда эти записи разрослись в целую объемистую папку, встал вопрос об их литературном оформлении, а потом и об издании отдельной книгой. Конечно, многие записанные факты я переоформляла по 10—20 раз. Ведь одно дело — ощутить, воспринять, «осмотреть» руками предмет, это не так сложно. Гораздо труднее описать этот предмет своими словами совершенно так, как я его воспринимаю, т. е. дать образ этого предмета. Когда слепые и глухонемые описывают свои ощущения, восприятия, представления языком зрячих, то надо всегда помнить, что ощущают они иными органами чувств, хотя описывают их словами зрячих и слышащих. Когда зрячий человек видит издали корову, он говорит: «Гляжу я на нее, а она рыжая, вся в белых пятнах, у нее большие красивые глаза...» О той же корове слепой будет говорить теми же словами, как и зрячий, но, если он станет описывать непосредственные ощущения и восприятия, то скажет: «Я осмотрел руками эту корову, у нее шерсть гладкая, мягкая, я ощупал ее ноги, голову, нашел на голове рога, которые показались мне на ощупь такими твердыми».

А что может сказать глухой человек об игре на рояле? Только одно: «Я держал руки на крышке рояля и ощущал вибрации того, что слышащие называют звуками...»

Я воспринимала многие явления. И чем больше я общалась с людьми, чем больше узнавала жизнь и природу, совершая для этого экскурсии в наиболее достопримечательные места, тем богаче и сложнее становились мои восприятия и представления о внешнем мире. И следовательно, тем труднее было подыскать нужные слова для каждого факта в отдельности. Не сомневаюсь, что многие приводимые мною в книге факты некоторым людям покажутся мелочными и недостаточно «художественно оформленными».

Однако пусть эти люди сами попробуют рассказать о себе правдиво, откровенно, художественно в литературном отношении. Например, как они блуждали в темном глубоком подвале, куда не долетали звуки, не достигали солнечные лучи. Эти люди обязательно скажут: «Я в темноте наткнулся... Я ощупал рукой... Я ощутил запах плесени...» и т. п. Каждый писатель, описывая своих героев, их наружность, их жизнь, их характеры и т. д., пользуется своим стилем изложения. Учитывая это, я тоже старалась писать своим «индивидуальным языком», когда работала над настоящей книгой.

Год за годом расширялись мои знания: обогащался мой литературный язык. Читатель может верить мне или не верить — это его воля,— но знаниями и литературной речью я обязана чтению,

чтению и еще раз чтению книг, и, в первую очередь, художественной литературе. Спасение слепого, глухонемого и особенно слепоглухонемого — в чтении. Как научить слепоглухонемого чтению и письму, об этом пусть расскажут мои учителя, а я говорю только о том, что думаю о чтении как о единственном средстве спасения слепоглухонемого, слепого, глухонемого. Когда это поймут те, кто руководит обучением и воспитанием слепоглухонемых, слепых и глухонемых, обучение это двинется вперед гораздо успешнее, чем теперь.

Если читатель будет внимательно читать мою книгу, он заметит разницу в изложении фактов первых разделов и последних. Книга написана мной совершенно самостоятельно, но, постепенно накапливая материал, особенно в первое время, я пользовалась технической помощью педагогов, когда посещала музей или совершала поездки.

Во время экскурсии в музеи я не могла тащить с собой брайлевскую машинку, чтобы кратко (для напоминания) отмечать то, что привлекало мое внимание. Для этого имелись отдельные обыкновенные тетради у сопровождавшего меня зрячего человека. Я указывала, что нужно записывать, а дома я все это переводила брайлем. Мне достаточно было одного характерного признака статуи, которую я осматривала, чтобы в памяти восстановить ее всю.

Такими краткими записями я пользовалась все время, когда работала над книгой. Имея под рукой «напоминающую запись», я целыми ночами могла описывать самые разнообразные факты и явления.

Я работала преимущественно по ночам потому, что ночью никто не беспокоил меня, мысль свободно «пульсировала» и настойчиво требовала перенесения ее на бумагу.

О. Скороходова

*

КАК Я ВОСПРИНИМАЮ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

* * *

САМОНАБЛЮДЕНИЯ

Осязание

1. Однажды раза два или три закрывали двери в буфетной комнате и столовой. У меня в такие моменты получалось странное ощущение на коже лица: мне казалось, что в комнате стало как-то тесно и не совсем удобно не только для ходьбы, но даже для движения руки, когда я подносила чашку с чаем ко рту. Для меня это ощущение было очень неприятно. Я привыкла, что дверь из столовой в буфетную комнату всегда открыта, и по движению воздуха и по ощущению его на поверхности своего лица я шла прямо в открытую дверь, а при закрытой двери я сворачивала немного в сторону. Я абсолютно не ощущаю света глазами, но если я прохожу то пространство, которое не занято никакими предметами выше меня (или вхожу в открытую дверь), то у меня на поверхности лица такое ощущение, словно я нахожусь под действием света. Интересно то, что это ощущение бывает не всегда одинаково: во время головной боли или общего нездорового состояния, а также во время нервного состояния и усталости оно бывает настолько слабым, что я не всегда ощущаю свободное пространство.

Во время хорошего физического и духовного состояния ощущение окружающей температуры, движения воздуха и свободного пространства усиливается, и мне снова кажется, что я немножко ощущаю свет, только не глазами, а всей поверхностью лица.

2. Я люблю море не только потому, что чувствую его запах, а еще и потому, что оно так приятно освежает мое тело, когда я купаюсь. Мне очень нравилось, как морские волны с силой бросали меня во все стороны, то выносили к берегу, то опять увлекали в глубину. Я не умею плавать, но мне это нисколько не мешало наслаждаться морским купанием, особенно, когда море бывало неспокойно; я смело шла в воду только для того, чтобы ощущать его шум всем своим телом.

3. Был такой случай. Рано утром, когда я еще крепко спала, меня пришла будить Р. Л. Она вошла тихо, и я не почувствовала

ее шагов. Но я почувствовала, как движущийся воздух от ее приближения коснулся поверхности моего лица, и прежде, чем Р. Л. успела подойти совсем близко, я уже проснулась от движения воздуха и протянула ей навстречу руку.

4. Бывает и так, что я настолько сосредоточусь над чем-нибудь, что не сразу почувствую, когда ко мне подходят. Но если ко мне подойдут совсем близко и я это внезапно почувствую, я вздрагиваю так, как будто бы меня оглушили криком или ударили. Однажды я печатала на машинке и так увлеклась своей работой, что не сразу почувствовала, когда ко мне подошел Х. Но лишь только движущийся воздух коснулся моего лица, я испуганно вздрогнула и даже покраснела от волнения.

5. Однажды я читала в кабине с Ч. Вдруг с той стороны, где находится дверь, движение воздуха прошло по моей шее и плечу. Я вздрогнула и повернулась в ту сторону. Ч. сказала мне: «Это зашел Х.».

6. Если Л. И. пожмет мне руку, здороваясь со мной, то я всегда узнаю ее физическое состояние. Так же я всегда замечаю, когда она бывает чем-нибудь расстроена или недовольна. Я это чувствую по движению ее пальцев, по напряженному состоянию ее руки, а также и по содроганию. Она часто отвечает мне, что ничем не расстроена, но я уже настолько хорошо изучила ее руку и движение, что не верю ей. Я думаю, что если бы я видела глазами и изучила лицо Л. И., то я, вероятно, не лучше бы узнавала по выражению лица ее физическое и духовное состояние, чем узнаю по самым неуловимым признакам посредством осязания. Однажды она со мной занималась, была расстроена и чем-то сильно взволнована. Я это заметила, как только она позвала меня заниматься, но на мой вопрос: «Что с вами?» — она молчала. Через час она была в совершенно другом состоянии, веселая и спокойная. Я опять спросила: «Что с вами случилось перед занятиями?» — «Ничего».— «Но ведь вы были взволнованы».— «У меня голова болела»,— сказала она нерешительно. Я не поверила ей.

7. По малейшему содроганию какой-нибудь жилки или по едва уловимому движению хоть одного пальца на руке у Х. я всегда узнаю, что ему что-нибудь не понравилось или он чем-то недоволен. Также посредством осязания я узнаю, когда он бывает доволен.

8. Не только у хорошо мне знакомых, но даже у тех людей, которых я мало знаю, я все-таки часто узнаю их плохое физическое или духовное состояние. У меня есть одна знакомая Л., которую я редко вижу. Но при встрече с нею я в первые же секунды узнаю, когда она бывает спокойна и довольна и когда бывает расстроена чем-нибудь, я у нее сейчас же об этом спрашиваю, и она

с удивлением отвечает: «Да, ты не ошиблась, я действительно расстроена» — и объясняет, чем расстроена.

9. Мне мои руки частично заменяют зрение и слух. Но и ноги мои играют в этом случае не последнюю роль. Так, я легко чувствую малейшее понижение в почве, если я иду по улице или в парке. Вот почему, идя по улице, я узнаю, когда подхожу к концу тротуара, где нужно сходить на мостовую и, когда подхожу к тому месту, где нужно взойти на тротуар. Даже в доме я чувствую, если пол немного понижается в какую-нибудь сторону. Когда-то у нас ремонтировали пол в комнате игр. Когда я первый раз прошлась по комнате после ремонта, я определила, что пол стал немного покат в одну сторону.

10. Я пошла наверх в кабину, где я читаю с аспирантами. Со мной поздоровался Ц. и подал мне стул. Я села. Читать должна была мне Ч., но вместо нее ко мне подошла Е. А. Я сразу узнала ее по руке, но, так как она ничего не говорила и держала меня за руку, то я подумала, что она с кем-нибудь другим говорит. Наконец, мне уже надоело ждать, когда заговорит Е. А., и я спросила ее: «Что вы хотите сказать?» Е. А., желая подделать свою руку под руку Ч., переспросила медленно: «Ч-т-о?» Тут я поняла, что она хотела проверить, узнала ли я ее. Я покрепче сжала ее пальцы, после чего она должна была сознаться, что ей не удалось обмануть меня своей шуткой.

11. Мне сказала В. М., что она уходит на собрание, а вместо нее будет Л. И. После занятий я легла отдохнуть и уснула. Я почувствовала, что меня будят, и еще во сне, по прикосновению к моему плечу, узнала, что меня будила В. М. Я проснулась и спросила: «Разве вы не ушли на собрание?» — «Все ушли, а я осталась»,— отвечала В. М.

12. Я читала с Ч. в кабине. Туда зашел Х. Он подошел ко мне и положил свою руку на мое плечо. «Это я»,— сказал Х.— «Я сразу почувствовала, что это вы, когда вы положили свою руку на мое плечо»,— отвечала я.

13. Я проходила мимо телефона, у которого стоял кто-то из женщин. Я остановилась и прикоснулась рукой к фигуре того, кто стоял. Я сразу узнала, что это была Е. А. И не ошиблась. Вообще, я сразу узнаю Е. А. по первому прикосновению к ней в любом месте ее тела.

14. Мне сказали, что меня спрашивает одна из слепых девушек. Я хорошо знала эту девушку, легко угадывала ее настроения. Когда я к ней вышла, она порывисто схватила меня за руку и только успела сказать: «Оля!»... Я перебила: «Ты получила письмо?» — «Да. Откуда ты знаешь?» Я не ответила на ее вопрос и снова спросила: «От С. М.?» — «Да, от него. Кто тебе об этом

сказал?» — «Мне никто не говорил, но я по твоим движениям почувствовала, что у тебя есть что-то радостное, и подумала, что ты, наверное, получила письмо от С. М.».

15. Я читала с Ч. Вдруг я почувствовала, как по моей правой щеке скользнул движущийся воздух. Я повернула лицо в ту сторону, откуда прошла струя воздуха по моей щеке. Ч. сказала: «Это прошел мимо стола Ц.». У меня было такое впечатление, словно я увидела, что кто-то прошел.

16. Многих из своих знакомых я так редко вижу, что можно подумать, что я совершенно забываю форму их рук. Я часто сама не подозреваю, что я помню руки и движения тех людей, которых я мало встречаю, но при встрече с ними оказывается, что я их руки и движения прекрасно помню. У меня есть одна знакомая С., которую я очень мало знаю. На протяжении 8 лет я ее видела всего три или четыре раза. Наши встречи были кратки, и сама по себе С. не производила на меня особенно сильного впечатления. Я ее давно не видела, и вот на вечере в Украинском институте экспериментальной медицины, когда я проходила по коридору, кто-то сзади положил мне на плечи руки. Я остановилась и взяла за руку того, кто подошел ко мне. Я сразу узнала, что это С., хотя я совершенно о ней забыла и не знала о том, что она может быть на вечере.

17. Так как мне читают зрячую книгу посредством дактилологии, то для меня очень важно, чтобы у читающего была ловкая и гибкая рука, совершенно не утомленная другой работой. Если же рука читающего бывает усталая и не гибкая в движении пальцев, это сильно отражается на моем восприятии. Я быстро устаю. Устает у меня не только голова, но и рука, которой я воспринимаю чтение. К сожалению, не все мои чтецы это понимают и часто обвиняют меня в том, что моя рука слишком тяжела или я невнимательна к чтению. Очень трудно объяснить им такое явление: если они пропускают букву в словах или делают лишние движения, мне приходится особенно сильно напрягаться и крепче схватывать их пальцы. Чем больше лишних движений и пропускаемых букв, тем сильнее я буду задерживать пальцы читающего. Ясно, что от такого ненормального чтения моя голова и рука через час уже отказываются воспринимать то, что мне читают. Очень грустно бывает, когда кто-нибудь из читающих никак не хочет согласиться с тем, что не я плохо воспринимаю, а они плохо читают.

18. Когда я была во Дворце пионеров и мы пошли по лестнице, я почувствовала под ногами ковер. Во всех других комнатах и коридорах я также чувствовала ковер. Когда мы зашли в зал, я почувствовала, что в этом зале пол мраморный.

19. Я не один раз была в Институте экспериментальной медицины, поэтому его помещение мне уже знакомо. Один раз я туда зашла с Х., но он мне ничего не сказал о том, что мы заходили в институт. Несмотря на это, я, как только мы стали входить в дверь, узнала, что мы пришли в институт. Узнала я потому, что знаю, какие там двери, какой пол и какая лестница.

20. Я занималась на приборе с Х., и, несмотря на то что прибор очень шумел, я почувствовала чьи-то шаги в лаборатории. Я спросила у Х.: «Кто здесь?» — «Здесь Н. А.».

21. Часто зрячие удивляются, зачем я оправляю волосы или платье. Им и в голову не приходит, что слепоглухой может и должен быть так же аккуратен, как и зрячие, и что он прекрасно знает, когда у него бывает непорядок в костюме. В этом отношении осязание слепоглухого почти целиком заменяет отсутствующее зрение. Я должна сказать, что мы, слепоглухие, не только замечаем непорядок в своем костюме, но даже непорядок в костюме тех, кто нас окружает. Например, я помню такой случай. Я читала с А. И. Когда я сделала движение свободной рукой, то случайно прикоснулась к юбке А. И. Мне показалось, что юбка надета наизнанку. Я посмотрела лучше, и действительно, юбка А. И. была наизнанку.

— У вас юбка надета наизнанку.

— Нет.

— А вот посмотрите — швы наверху.

А. И. посмотрела.

— Да, правда.

— Как вы ее так надели?

— Я встаю рано, в комнате темно, и я ничего не вижу.

— А разве вы не чувствуете на осязание?

— Нет, она одинакова с обеих сторон.

— Нет, не одинакова. Вы посмотрите лучше, разве нижняя сторона похожа на лицевую?

22. Я хорошо знаю, какие в Харькове улицы, и уже привыкла к ним. Но когда я поехала в Киев, то заметила, что там тротуары ниже, чем в Харькове, и мне казалось, что, когда зимой улицы занесены снегом, слепым в Киеве труднее ориентироваться при такой незначительной возвышенности тротуаров. Дело в том, что, когда слепой идет по улице, он замечает дорогу по возвышенностям или по понижениям. Но если тротуар почти сливается с мостовой, слепому уже труднее замечать дорогу. Итак, чем резче отделен тротуар от мостовой, тем лучше слепому ориентироваться. Я помню, что мне в Киеве было трудно отличить тротуары от мостовой, несмотря даже на то, что я ходила со зрячими.

23. Я пила чай. Руки у меня были заняты чашкой и хлебом.

Ко мне подошел Х. и прикоснулся к моему плечу. Я сразу узнала его по прикосновению.

24. Однажды вечером я откуда-то возвращалась домой. Со мной шла А. И. Когда мы зашли в наш коридор, там было совершенно темно, и А. И. не могла идти. «Здесь темно, как в могиле, я не знаю, куда мне идти». Я хорошо знала дорогу в коридоре и стала вести А. И. Но она шла ужасно плохо, все время шаркала ногами и едва решалась сделать шаг.

— Да вы не бойтесь, я же вас веду.

— Кто тебя знает, куда ты меня заведешь?

— Я вас веду к двери, а вы лезете на стену.

Наконец, я дотащила А. И. к двери и сама позвонила, так как она даже звонка не могла найти. Таких случаев я испытала на себе очень много. Порой бывает смешно и жалко замечать, как зрячие беспомощны в темноте, даже и тогда, когда находятся в хорошо знакомой обстановке.

25. Однажды я провожала Е. А. до ее квартиры, так как в доме было совсем темно. Когда мы стали подходить к тому месту, где находились ступеньки вниз, Е. А. крепко взяла меня за руку и очень осторожно начала идти.

— Не бойтесь, ступеньки еще не так близко. Я вам сделаю знак, когда нужно будет спускаться... Уже ступеньки.

И я сделала Е. А. условный знак (движение рукой вниз).

— Я падать не хочу, а твоих знаков не понимаю,— сказала Е. А.

— Так я же вам знак делаю и говорю... Ну, уже окончились ступеньки, теперь идите смело.

26. Со мной говорил Х., и вдруг потух свет. «Он, вероятно, скоро загорится»,— сказал Х. и ушел. Через несколько минут я пошла в спальню, где стоит на столе лампочка. Лампочка была уже горячая, и поэтому я узнала, что свет опять зажегся. Когда я спросила дежурную, есть ли уже свет, она ответила: «Да, есть».

27. Я раздевалась в вестибюле, а когда шла в комнаты, увидела, что кто-то стоит возле двери в пальто. Я по пальто сразу узнала, что это В. М., хотя это был необычный для ее прихода час.

28. Когда я заболела брюшным тифом, то несколько дней не видела Х., так как его не было в отделении. В тот день, когда Х. пришел в отделение, я чувствовала себя плохо. Мне пришлось делать некоторое усилие, чтобы понимать то, что мне говорили. Но когда ко мне подошел Х. и взял меня за руку, я моментально узнала его.

29. Однажды, когда я была в Одессе на отдыхе, работники того института, где я останавливалась, попросили меня осмотреть

какую-то гипсовую головку и определить ее дефекты. Я осмотрела и обнаружила следующие дефекты: правый глаз находился слишком далеко от переносицы, а левый глаз был расположен ниже правого. Одна щека была больше другой. Уши также были расположены неправильно.

Эта головка была невелика, и ее недостатки не были особенно резко выражены, но все-таки я их заметила сразу, как только провела рукой по головке. Работники института пришли в восторг и решили, что я занимаюсь «исключительно одной скульптурой». Лично я не находила ничего особенного в том, что различала дефекты гипсовой головки: ведь мое осязание в этом отношении играло ту же роль, что и зрение у этих людей, принявших меня за «скульптора».

30. Однажды в магазине я осмотрела статую танцующей цыганки, держащей бубен над головой. Прошло несколько дней после того, как я осмотрела эту статую цыганки, и мне все казалось, что ее стройная фигура с изящными ножками танцует в моих руках.

31. Как-то я осматривала бюст Гиппократа. Мне очень понравилось его греческое правильное, красивое лицо и кудри. Я сказала Е. А., которая была со мной: «У него очень красивое лицо и правильная форма головы».— «Да, очень красивое»,— ответила Е. А.

32. Один раз я осматривала статую Геркулеса. Он был изображен стоящим. Он предстал в моем воображении как живой, с огромными, сильными и упругими мускулами, с необычайной ловкостью силача.

33. Когда я осматриваю статую В. И. Ленина, мне кажется, что я когда-то видела его живым, так хорошо я его себе представляю. Когда я отхожу от его статуи, он как бы продолжает стоять передо мной, засунув левую руку в карман, а правую заложив за пиджак, и улыбается своей доброй и ласковой улыбкой.

34. Когда-то в магазине я осматривала бюст К. Маркса, а когда его купили и поставили у нас в лаборатории, я сразу узнала, что это бюст К. Маркса. У К. Маркса такой умный лоб, такие пышные кудри и большая борода, что, раз увидев его голову, никогда уже не забудешь его.

35. Однажды я была у своей знакомой В. В. Она предложила мне осмотреть статую, но не сказала чью. Когда я прикоснулась к голове статуи, я сразу узнала, что это статуя товарища Ленина.

36. Я была во Дворце пионеров. Там очень много цветов. Когда мы проходили по одному залу, я случайно зацепила рукой за лист одного цветка. Мне показалось, что этот цветок мне знаком. Я остановилась, провела рукой по листьям и сказала: «Ведь это такой же цветок, как у меня в комнате?» — «Да»,— ответил X.

37. Я была у своей знакомой В. В. и видела у нее хорошие цветы. Я очень люблю цветы, и мне хотелось, чтобы у нас были такие же цветы. Как-то раз я пришла в ванную и увидела, что Е. моет какие-то цветы. Я их осмотрела — это были такие же цветы, какие я видела у своей знакомой. Я пошла к А. В. и спросила: «Чьи это цветы стоят у нас?» — «Наши, их только что купили».

38. Как-то я подошла к Марии и заметила, что ей удлинили платье, которое было очень коротко. Я стала рассматривать, как оно подшито, и обнаружила, что наметка не вынута. Я позвала А. И. и спросила ее: «Почему не вынули наметку? Она мало заметна на глаз, а все-таки вынуть надо».

39. Как-то случайно я увидела, что к рукаву А. И. пристали хлебные крошки. «Почему у вас на халате хлебные крошки?» — «Я же режу хлеб».— «А разве вы не видите, что к халату пристают крошки?» — «Нет».

40. Если мне приходится где-нибудь садиться: в нашем ли саду, в парке или у кого-нибудь из знакомых, я, прежде чем сесть, проведу рукой по тому месту, где я должна садиться. Делаю я это для того, чтобы не сесть на пыльную или мокрую скамейку. Однажды мы с А. И. собирались читать в нашем саду. Там стояли две табуретки. Я осмотрела ту табуретку, на которую должна была сесть,— она была чистой и сухой. Другую табуретку я не осмотрела. А. И. пришла и преспокойно уселась на нее, но моментально же встала. «Что случилось?» — спросила я. «Я не заметила, что табуретка мокрая, и села, а теперь у меня все платье промокло».

41. Я увидела на В. М. новый халат, который она носила уже несколько дней. «Ваш халат сатиновый?» — сказала я. «Нет»,— ответила В. М. «А вот попробуйте на осязание». В. М. долго щупала и, наконец, сказала: «Да, сатиновый, а я и не знала».

42. Когда я читала с А. И., я случайно задела рукой ее ногу, которую она поставила на стул; я заметила, что в одном месте чулок А. И. разорван. «У вас рвется чулок».— «Нет, я только вчера поштопала эти чулки».— «А вот я же нашла маленькую дырочку». А. И. посмотрела. «Да, есть дырочка. Я ее не видела».

43. Я подошла к столу в буфетной комнате и ощутила под ногами что-то рассыпанное. «Что это рассыпано на полу?» — спросила я у Л. И.— «Это рассыпана соль».

44. Один раз мне сказала В. М., что она будет ночевать. Я ей сказала, в какое время меня разбудить утром. Но утром меня разбудила не В. М., а Р. Л. Хотя я спала очень крепко, но я сразу узнала, что разбудила меня не В. М., а Р. Л. (по прикосновению к моему плечу).

45. Я сидела в своей комнате с Н. Вдруг по движению воздуха

я почувствовала, что кто-то вошел. «Кто пришел?» — «Пришла Д. Ф.»,— ответила Н.

46. Х. брал мою машинку, чтобы смазать, но принес мне машинку Антона вместо моей. Я села писать, но, когда прикоснулась к машинке, я узнала, что машинка Антона, и сказала об этом Х.— «Я думал, что это твоя машинка».

47. Утром, когда я еще спала, меня принялись будить. Я ожидала, что меня разбудит Р. Л., но оказалось, что будила Л. И. Я сразу ее узнала (по прикосновению), хотя это было совершенно неожиданно, так как Л. И. никогда еще в клинике не ночевала и не должна была ночевать. Но случилось так, что Р. Л. не пришла и Л. И. заменяла ее. Я об этом не знала, и только когда Л. И. разбудила меня, то сказала мне, что она ночевала.

48. Однажды утром я проснулась за несколько минут перед тем, когда меня будят. Ко мне подошла Р. Л. Я заметила, что она чем-то очень расстроена. «Вы чем-нибудь расстроены?» — спросила я. «Да, я тебе потом скажу».

49. Ко мне пришла Н. Она хотела скрыть от меня, что она в плохом настроении. Но я это почувствовала в первую же минуту и сказала ей:

— Ты сейчас невозможно апатична и скучна. Что с тобой?

— А разве заметно, что у меня плохое настроение?

— Очень заметно.

— Я думала, что я умею скрывать свое плохое настроение.

— Нет, тебе это пока не удается.

50. Однажды ко мне зашла моя знакомая Л. Когда она снимала пальто, она дала мне свою муфту. Я сразу заметила, что муфта сделана из какого-то странного меха, который похож на очень мелкие перья птицы. Я долго осматривала муфту и все больше убеждалась, что она сделана из шкурок какой-то птицы. Я спросила у Л.: «Чем покрыта твоя муфта?» — «Морской чайкой».

51. Я читала с Ч. По другую сторону за столом сидел Ц. Вдруг я почувствовала движение воздуха. Я повернулась лицом в ту сторону, откуда ощутила движущийся воздух. Ч. сказала: «Это Ц. читает газету и переворачивает на другую сторону».

52. Я читала с Ч., но ее позвали на несколько минут, а я осталась одна. Возле меня на столе лежало несколько книг. Книги были для зрячих, и я не могла сама узнать, что это за книги. Но на переплете одной из них я обнаружила круг, посредине которого находился рельефный портрет, я осмотрела его и легко определила, где находится лицо; так же легко нашла глаза, нос, рот, подбородок, ухо. Когда пришла Ч., я спросила ее:

— Какая это книга?

— Это Ламарка «Философия зоологии».
— Значит, это портрет Ламарка?
— Да.

53. Раз я сидела в своей комнате на диване и шила. Вдруг я ощутила движение воздуха, и в то же время Х. сел на диван. Он зашел тихо, и я не чувствовала его шагов, но все же, когда я почувствовала движение воздуха, я подумала, что идет Х.

54. Я должна была читать с В. М., поэтому готовила стулья. Когда я подошла к одному стулу и приподняла его, то почувствовала, что он тяжелее других. Я прикоснулась рукой к сиденью и увидела там большой портфель. Я не стала осматривать его, а только слегка прикоснулась к нему и узнала, что это портфель Л. И. Когда ко мне подошла В. М., я спросила: «Пришла Л. И.?» — «Да».

55. Мне нужен был Х. Я пошла в библиотеку и позвала его. Х. подошел ко мне и спросил только: «Что?» Но я сразу почувствовала, что он в эту минуту находился в нервном состоянии. Я не ошиблась — позже мне Х. объяснил, почему он был нервный.

56. Когда я была в музее, Ч. сказал мне: «Вот одна статуя, узнайте ее сами». Я быстро осмотрела статую и воскликнула: «Ведь это Венера!» — «Да».

57. В музее я осматривала стоящие рядом две статуи — Дафны и Аполлона. Дафна превращается постепенно в лавровое дерево. На пальцах ее рук уже выросли лавровые листочки. Руки ее в виде ветвей простерты кверху и покрыты волосами, которые спускаются с головы Дафны. Почти до пояса она обросла древесной корой; внизу, из-под коры видны ноги Дафны. Из пальцев ног вырастают корни. Сзади, в том месте, где Дафна уже обросла корой, Аполлон обхватывает ее руками. Рот Дафны полуоткрыт, а губы Аполлона крепко сжаты.

58. В музее я осматривала статую одного римского воина. На голове у него металлическая каска, а на каске сидит какое-то мифическое животное с четырьмя лапами, с крыльями и с птичьим клювом. На голове у этого животного имеется гребень, как у нашего обыкновенного петуха. Хвост животного тонкий, извивающийся, как змея. Одежда римского воина представляет смесь мужского и женского платья: верхняя часть одежды напоминает дамскую блузу с короткими рукавами, которые внизу оканчиваются как бы легкой оборочкой. Нижняя часть одежды состоит из мужских брюк, на которые надета короткая юбочка.

59. Я осматривала небольшую статую Дон-Кихота. На лице у этого всем известного героя я обнаружила острую бородку. Я моментально вспомнила описание из книг такой бородки и сказала: «У него эспаньолка. Хотя я никогда не видела мужчин с бо-

родкой под этим названием».— «Именно, эспаньолка»,— ответила Ч.

60. В музее я видела статую Мефистофеля и нашла ее некрасивой. Нос у Мефистофеля длинный и горбатый, а борода похожа на рыбий хвост.

61. В музее я осмотрела статую Моцарта — мальчиком. Ч. сказала мне: «Узнайте, что у него в руках». Я осмотрела и сказала: «У него в руке скрипка». Действительно, в левой руке Моцарт держал скрипку, а в правой смычок. Я забыла фамилию автора этой статуи, но она мне очень понравилась.

62. В музее я видела бюст Людовика XIV. Этот французский король хорошо мне знаком по роману А. Дюма; но когда я осмотрела лицо Людовика, я обнаружила, что нос у короля ужасный, и подумала, что нос его не лучше, чем было царствование Людовика XIV. Я осматривала много других скульптурных произведений.

63. В музее мне показывали вазы и кувшины из лучшего фарфора. Эти вещи мне очень понравились, так как были сделаны очень искусно. В некоторых вазах стояли фарфоровые же цветы, а кувшины были украшены плодами: сливами, грушами, яблоками и каштанами. Когда я начала осматривать первый кувшин, то сразу сказала: «Здесь изображены сливы, а это яблоки».

64. Я осматривала стоящие рядом три статуи: женщины, мужчины и амура. Статуи были маленькие, но, несмотря на это, я отличила статуи женщины, мужчины и амура. Статую женщины я узнала по прическе на голове и по фигуре. Статую мужчины также по голове и по фигуре, а амура — по его крылышкам, из которых одно было отставлено в сторону, а другое сложено на спине.

65. В музее я видела сделанное из бронзы маленькое кресло, в котором сидели два ребенка. Один ребенок — девочка; она была больше другого, и на ней была изображена рубашечка; другой ребенок — мальчик поменьше и совсем голый.

66. Как-то мне нужна была В. М., но она была в это время на заседании. Я ее вызвала в канцелярию. Она вышла, и, когда начала говорить со мной, я по ее движениям заметила, что она в эту минуту очень сердилась.

67. Я занималась с Е. А. Мне казалось, что Е. А. в плохом настроении. Я долго не решалась спросить ее об этом, но, наконец, не выдержала и спросила:

— Чем вы недовольны?

— Почему ты так думаешь?

— Мне кажется, что вы чем-то расстроены.

— Нет, у меня сегодня очень хорошее настроение.

— Но это не значит, что у вас и движения хорошие.

После этих слов Е. А. объяснила мне, что она действительно была недовольна.

68. Как-то я подошла к А. И. и что-то спросила у нее. Она мне сказала только одно слово, но я ей заметила, что она была сердитая. Я спросила: «Почему же вы сердитесь?» — «Потому что дети сильно шалят».

69. Как-то я ходила в парикмахерскую подстричь волосы. Когда я вернулась домой и пошла умываться, то заметила, что меня подстригли плохо, очень неровно.

70. Я читала с Ч. больше часа и заметила, что она уже устала. Я ей предложила отдохнуть.

— А может быть, почитает Ц., пока вы отдохнете,— сказала я.

— Он плохо себя чувствует,— отвечала Ч.

— Он, кажется, и вчера плохо себя чувствовал?

— Почему вы так думаете?

— Когда он читал со мной, мне показалось, что у него плохое настроение.

Ч. ответила:

— Ц. говорит, что вы не ошиблись, у него вчера действительно было плохое настроение.

71. Обычно, прежде чем снять платье, когда я ложусь спать, я его чищу щеткой. Сегодня я тоже вышла в вестибюль и начала чистить платье. Ко мне кто-то подошел. По прикосновению я сразу узнала, что это был Х.

72. Однажды был такой маленький эпизод: после вечернего чая я пошла в буфетную комнату, чтобы налить из чайника теплой воды в кружку. В эти часы работали Л. И. и В. М., но ко мне подошла А. И. и сказала дактилологией: «Я».

Тогда я поняла, в чем дело: А. И., придя в клинику по своему делу, хотела проверить меня, узнаю ли я ее в то время, когда она не работает. Обычно такие «шутки» и «проверки» возмущают меня, поэтому я сказала с раздражением:

— Почему же вы не отвечаете мне на вопрос?

— Какая ты сердитая,— сказала А. И.

— Меня раздражает то, что вы хотите, чтобы я вас приняла за Л. И. или за В. М.

А. И. отошла от меня и больше ничего не сказала. На следующий день перед утренним чаем я сидела в столовой на диване и читала книгу. А. И. подошла ко мне и вместо того, чтобы сказать дактилологией, что можно садиться пить чай, резко похлопала меня по плечу. Я молча встала и села за стол. После чая я спросила:

— А. И., зачем вы так резко хлопаете по плечу?

— Я тебя звала пить чай.

73. Мне нужно было выйти из буфетной комнаты в вестибюль. Но в дверях я встретилась с Х., который взял меня за руку. От неожиданности я вздрогнула, в ту же секунду узнала, что это Х., и улыбнулась. Это произошло так быстро, что я даже не знаю, заметил ли Х., что я вздрогнула.

74. Я ходила в библиотеку «Объединения слепых» за книгами. Меня сопровождала Л. И. В библиотеке кто-то подошел ко мне и пожал мне руку. Рука подошедшего ко мне человека показалась очень знакомой, но я никак не могла сразу вспомнить, чья же это рука, и спросила у Л. И.: «Кто это?»

— Я его не знаю,— отвечала Л. И.

Человек, державший меня за руку, еще раз пожал мне руку. Я вдруг узнала, кто это, и, смеясь, сказала:

— Я тебя не узнала, хотя чувствую, что кто-то очень знакомый.

Это был О. Он сказал дактилологией:

— Это от неожиданности.

— Да, я не думала, что ты здесь.

75. Я ходила в «Объединение слепых». Когда мы шли по лестнице, я почувствовала, что лестница деревянная. Я сказала об этом Л. И. Она подтвердила сказанное мною.

76. Я шла по городу с Л. И. Нам нужно было пройти через мост. Дело было в январе, когда река была покрыта льдом, поэтому я не могла ощущать запах реки, как это бывает обычно летом. Но, когда мы начали переходить мост, я это заметила, так как почувствовала под ногами доски. Мост кончился, я это также заметила и сказала Л. И.: «Мы уже прошли через мост».

77. Я читала с В. М. Вдруг она встала и куда-то ушла. Через минуту она вернулась, взяла меня за руку и провела ею по спинке какого-то животного, которое она держала в руках. Сначала я подумала, что это кошка, но когда осмотрела голову и увидела длинные уши, то удивленно воскликнула: «Кролик!» Я не ошиблась. Это был действительно кролик. Я видела кроликов очень давно, а о том, что был кролик у нас в комнате, я совершенно не знала. Вот почему я так удивилась, когда по ушам узнала кролика.

78. Я ходила в Физиотерапевтический институт. Когда мы начали идти по лестнице, я моментально почувствовала, что на лестнице лежит ковер.

79. Однажды я никак не могла найти платочек. Я попросила кого-то из дежурных найти его. Дежурная пересмотрела всю комнату, искала платочек буквально во всех местах, чуть ли не под ножками стульев и кровати, но платочка не нашла. Тогда я на-

чала сама искать и очень скоро нашла платочек, который был не так уж далеко: он висел на краю кровати со стороны стены.

80. Я потеряла иголку и попросила дежурную поискать. Она долго искала на полу, на столе и не нашла. Она сказала, что, вероятно, иголка не упала, а осталась где-нибудь в вещах. Я не поверила и стала искать иголку сама. Я нашла ее на полу возле тумбочки.

81. Как-то раз долго не приходила ночная дежурная и А. И., уложив детей, сказала мне, что она пойдет за дежурной.

— Если хочешь, идем со мной,— предложила она.

— Хорошо, только мы возьмем с собой ключ, чтобы потом открыть дверь, ведь здесь никого нет,— сказала я.

Когда я брала ключ, А. И. запротестовала:

— Это же не тот ключ, что нам нужен, и если мы закроем дверь, то не войдем больше в дом.

— Я знаю, что это тот ключ, что нам нужен.

Но А. И. не верила мне. Я решительно сказала:

— Выходите, а я закрою дверь и докажу вам, что это тот ключ.

А. И. поколебалась несколько минут и вышла. Я уверенно захлопнула дверь, а потом легко отперла взятым мною ключом. А. И. пришла в восторг и в течение нескольких дней всем рассказывала о том, как уверенно я вставляла ключ в замок.

82. Раз я должна была читать с В. М., но она никак не могла найти в книге то место, где было отмечено ногтем. Я взяла у нее книгу, провела пальцами по страницам и указала В. М. отметку. Это не единственный случай с отметками в зрячих книгах. Я почти всегда указываю читающему то место, откуда надо читать.

83. Почти никто из слышащих не может понять, что значит «читать выразительно дактилологией». Много раз я это объясняла читающему мне и своей рукой демонстрировала эту выразительность, но глаза зрячих этого почти не улавливают. Между тем я и те дети, которые находятся у нас, прекрасно это чувствуем. Например, В., если она говорит о приятных ей вещах или людях, она делает мягкие, как бы кого-то ласкающие движения пальцами; наоборот, если ей вещь не нравится или она кем-нибудь недовольна, она производит пальцами быстрые и резкие движения, а ведь этому ее специально не учили. Лично я называю «выразительными руками» такие руки, в которых я ощущаю, говоря словами зрячих и слышащих, «интонацию голоса», «живое, подвижное лицо» и т. д.

84. Недавно я взяла бутылку, в которой был уксус, и спросила у Н.:

— Как ты думаешь, много ли здесь уксуса?

Н. сделала удивленное движение рукой.

— Конечно, много.

Меня это рассмешило, я чувствовала, что в бутылке уксуса было совсем мало, но так как Н. не видит, а только слышит (Н. слепая), то ей на слух показалось, что уксуса много. Я сказала:

— Здесь почти ничего нет.

Н. взяла у меня бутылку и несколько раз встряхнула ее.

— Да, теперь и я чувствую, что здесь мало, а мне послышалось, что много.

85. Я и дети гуляли на улице. У меня замерзли руки, и я начала надевать перчатки, но в это время чья-то рука прикоснулась к рукаву моего пальто. По мягкому, спокойному прикосновению я узнала, что это была Ч.

86. Как-то я вышла на площадку парадного хода, чтобы узнать, какая погода, так как я собиралась идти в город в библиотеку с Е. А. Я дверь не захлопнула на замок, а только прикрыла и держала руку на ручке. Вдруг кто-то подходит к двери и хочет войти в дом. Я узнала шубу Е. А., но подумала, что этого недостаточно, нужно еще посмотреть руку. Я взяла за руку Е. А., и она сказала дактилологией:

— Что, испугалась?

— Нет, я вашу шубу узнала, но мне нужно было еще вашу руку посмотреть.

87. Если я иду с кем-нибудь из города и подхожу к нашему дому, я это узнаю, так как изучила все особенности тротуара и мостовой на нашей улице, которые различаю ногами. Как-то я возвращалась из города с Р. Г.; когда мы повернули к нашему дому из Госпитального переулка, я сказала:

— Ну, мы уже дома.

— Да.

88. Однажды к нам пришла наша бывшая сотрудница. Я с нею не виделась года три. Она подошла ко мне и крепко пожала мою руку. Пожатие показалось мне знакомым, но я никак не могла вспомнить, кто это.

— Ты узнаешь меня?

— Нет.

— Подумай: может быть, вспомнишь.

— Вы Ф. А.

— Да.

89. Я гуляла на площадке парадного хода. Ко мне подошла Ф. А.

— Гуляешь? — спросила она.

— Да, гуляю. А вы откуда идете?

4 Заказ 812

— Я тоже гуляю. Я шла мимо и увидала тебя. Ты меня узнаешь?

— Да, я вас сразу узнала.

90. Я и дети гуляли на улице с М. А. Я предупредила М. А., что жду Н. и что нужно смотреть в ту сторону, откуда она будет идти. Н. долго не было, и я уже думала, что она не придет. Но вот М. А. остановилась и взяла кого-то за руку. Я слегка прикоснулась к этой руке и сразу узнала, что это Н. Я молча взяла ее за руку, но она выдернула свою руку и продолжала молчать. Н. как-то неопределенно ответила на мое пожатие.

— Ты меня не узнаешь? — рассмеялась я.

Тогда Н. пожала мою руку и ответила:

— Да, я тебя не узнала, у тебя какие-то другие руки стали.

— Что ж, мои руки могли измениться за эти несколько дней, что мы с тобой не виделись.

91. Однажды я была у своей подруги Н. Мать дала Н. чистить картофель. Я сказала, что тоже буду чистить. Н. очень удивилась:

— Неужели ты умеешь чистить картофель? Ты ведь не привыкла к этому.

— А вот посмотрим, кто из нас лучше будет чистить,— сказала я и взялась за нож.

Я быстро осматривала пальцами картофель, и если находила несрезанные корочки, срезала их. Когда я очистила несколько картофелин, Н. сказала мне:

— Мама говорит, что ты чистишь лучше меня, а я думала, что ты совсем не умеешь.

92. Как-то раз, когда я села читать с В. М., я заметила, что она в этот день плохо себя чувствовала, и спросила:

— Что с вами?

— Ничего,— ответила она.

— Мне кажется, что вы больны.

— Да, я больна душой.

В. М. хотела скрыть от меня, что она чем-то расстроена, но я хорошо это почувствовала и предложила ей сделать на время перерыв.

93. Большинство слепых находится в полной зависимости от зрячих в тот момент, когда им нужно вдеть нитку в иголку. И только немногие слепые избавляются от этой зависимости и вдевают нитку в иголку сами. Делают они это таким способом: ушко иголки они прикладывают к кончику языка, и когда конец нитки прикасается к ушку, слепой чувствует это языком. Но я вдеваю нитку в иголку иным способом: беру иголку большим и средним пальцами левой руки (близко к ушку), а нитку указательным и большим пальцами правой руки и легко вдеваю ее в ушко иголки. Если игла хоро-

шая, не кривая и не скользит в пальцах, я вдеваю нитку сразу. В этом отношении я не только не нахожусь в зависимости от зрячих, а, напротив, часто, если бывает не особенно светло, кто-нибудь из наших сотрудников просит вдеть им нитку в иголку. Несколько раз меня об этом просила А. И. Я ее спрашивала: «Неужели вы сами не можете вдеть?» — Нет, на дворе пасмурно, и я не вижу ушко, иголка очень тонкая». Интересно то, что в тонкие иголки я вдеваю нитку скорее, чем в толстые.

94. Один раз А. А. собралась варить вареники с вишнями. Когда она начала лепить вареники, я ей предложила: «Давай я тебе помогу». А. А. очень удивилась: «Тебе же будет очень трудно!» Все-таки дала мне лепить. Я справилась с этим делом так успешно, что А. А., никогда не видевшая слепых, только разводила руками. В этот день А. А. рассказывала всем, кто к ней приходил, о том, как я помогла ей лепить вареники, и показывала мои пальцы, которые были испачканы вишнями.

95. Я случайно прикоснулась к спине А. В. и ощутила, что на ее халате присох кусочек крахмала. Я отодрала этот кусочек и показала А. В. Она удивилась и сказала: «Если бы ты мне не показала, я бы и не заметила совсем».

96. Мне сказали, что ко мне пришла Н. Но когда Н. пожала мне руку, я сразу почувствовала, что она чем-то очень расстроена. Я спросила с беспокойством: «Что с тобой?» Н. рассказала мне.

97. Как-то я примеряла пальто. Возле меня были Д. Ф. и Е. А. Они смотрели пальто, одергивали его. Подошел Х. и тоже прикоснулся к пальто. Через рукав я узнала, что это он.

98. Как-то я подошла посмотреть на брайлевские часы. Когда я прикоснулась к часам, было половина 9-го, но часы в это время как раз били, только не половину 9-го, а 9 часов. Я прикоснулась, когда они били четвертый раз, поэтому насчитала пять ударов.

99. Однажды, когда я встала после обеда из-за стола и направилась к двери, кто-то взял меня за руку. Я сразу по руке узнала, что это Э., но так как это было совершенно неожиданно, то я не ответила на его рукопожатие и стояла в полном недоумении. Обычно ко мне посторонние не подходят в то время, когда я только встаю из-за стола. Э. спросил: «Вы узнали меня?» Я ответила смущенно: «Вы Э.?» — и объяснила, что я растерялась от неожиданности.

100. Я шла снизу вверх и проходила через буфетную комнату в столовую к ужину. Чья-то рука хлопнула меня по плечу. Я остановилась и сказала: «А. И.!» Л. И., которая видела этот момент, подошла ко мне. «Ты уже знаешь, что это А. И.?» — «Да, хотя она в это время и не работает, но я уже хорошо знаю ее руку».

101. Во время отдыха я лежала на кровати. Вдруг я почувствовала лицом движение воздуха. Я протянула руку, думая, что

ко мне подходят. Действительно, А. В. пришла ставить мне термометр.

102. Однажды я шла по улице с Н. Вдруг кто-то положил руки на плечо мне и ей одновременно. Мы остановились. Тот, кто подошел к нам, молча взял нас за руки. По руке я сразу узнала, что это была О., но Н. не узнала ее по руке. О. заговорила, когда я произнесла ее имя, и по голосу Н. ее узнала.

103. Я шла по улице и, несмотря на то что была в ботах, ощутила под ногами железную плиту, которой закрывается колодец канализации. «Здесь канализация?» — спросила я у Л. И.— «Да».

104. Как-то ко мне пришла Н., и, едва она успела пожать мне руку, я заметила, что она чем-то расстроена. «Что с тобой?» — спросила я.— «Ничего».— «А мне кажется, что ты в плохом настроении».— «Нет... Я просто замерзла». Однако, как Н. ни уверяла меня, что она в хорошем настроении, я ей не поверила. Я не ошиблась: через несколько дней Н. созналась, что она действительно была расстроена в тот день, когда приходила ко мне. «Я просто не хотела тебя расстраивать, хотя знала, что ты сразу же почувствуешь, в каком я настроении».

105. Я ходила в город с Р. А. и А. И. Все время я шла с Р. А., но она со мной не разговаривала и в дороге ни о чем меня не предупреждала. В одном месте я почувствовала под ногами совершенно гладкую дорогу и догадалась, что мы вошли в новый пассаж. Подумала я это потому, что я несколько раз бывала в пассаже и уже изучила те особенности, по которым я могу определить, что нахожусь в пассаже. Я сказала Р. А.: «Мы в пассаже». Р. А. сделала мне утвердительный знак рукой.

106. Я ездила к своей подруге, которая живет далеко от нас. Со мной ехала А. В. Когда мы сошли с трамвая, я заметила, что А. В. пошла не по той дороге, по которой я хожу с подругой. «Мы с Н. ходили не здесь»,— сказала я. А. В. ответила: «Да, я знаю, что вам удобнее ходить по другой стороне, где ровнее, а сейчас нам можно идти и здесь».

107. Ко мне подошла Л. И. и позвала меня заниматься. Я сразу заметила, что Л. И. в плохом настроении, но ничего ей об этом не сказала. На следующий день (это был выходной день) Л. И. снова занималась со мной. Как только она поздоровалась со мной, я сразу почувствовала, что она в хорошем настроении и даже возбуждена. Я не выдержала и сказала: «Вчера мне казалось, что вы в плохом настроении, а сегодня — в хорошем. Правда ли это?» — «Да, правда».

108. Как-то я ездила в ту деревню, где провела первые годы своего детства. После того как меня увезли из деревни, я ни разу не была в деревне и жила все время в городе. Теперь, когда я снова

очутилась в деревне, я изъявила желание пойти к реке, чтобы побродить по берегу, а также захотела походить по высокой траве. Когда я ходила к реке и по другим местам, меня сопровождала А. Возвращаясь домой, мы пошли через заброшенный огород, где росла высокая трава. Я была без чулок и поэтому хорошо чувствовала прикосновение травы к моим ногам. Вдруг я остановилась и схватилась руками за ноги, которые начали сильно чесаться,— оказалось, что мы зашли в жгучую крапиву.

— Я не хочу дальше идти по этой дороге,— сказала я. А. засмеялась.

— Ты же хотела испытать все деревенские удовольствия.

— О таком удовольствии я как раз не думала, а ты меня завела сюда.

— Нет, я не нарочно тебя завела, я не смотрела на траву и не видела, что здесь крапива, у меня тоже чешутся ноги.

109. Мне нравилось тянуть из колодца ведро с водой, и, если я знала, что Ю. нужна вода, я брала ведро и шла к колодцу. Зацепив ведро за цепочку, я дергала канат, и, когда ведро спускалось в колодец, я легко держалась рукой за канат, чтобы чувствовать, когда ведро коснется воды в колодце. Чувствуя, что ведро уже коснулось поверхности воды, я дергала за канат, чтобы узнать, набралась ли в ведро вода. Если я чувствовала, что ведро стало тяжелым, я тянула его вверх, так как знала, что оно уже наполнилось водой. Но беда была в том, что я была маленькая и если стояла на земле, то не могла перекрутить баран. Приходилось становиться на сруб колодца, а этого мне делать не позволяли, так как гнилая доска могла каждую минуту обломиться, и я упала бы в колодец. Я напрягала все силы, становилась на цыпочки, только бы перекрутить баран. Иногда это мне удавалось, а иногда рука не выдерживала тяжести ведра, и баран, повернувшись обратно в мою сторону, больно ударял меня по лбу железной ручкой.

110. Я занималась с Л. И. К нам подошла А. И. и позвала меня завтракать. Каждый день, когда А. И. только первый раз подходит ко мне, я осматриваю, не надела ли она юбку наизнанку или не видно ли комбинации из-под юбки. Такую же проверку я произвела и на этот раз и всплеснула руками. Из-под юбки А. И. была на целую четверть видна комбинация. Все трое мы начали смеяться, особенно Л. И. хохотала. Я сказала: «У нас никто так живописно не одевается, как А. И.». Л. И. еще больше расхохоталась. «Почему вам так смешно?» — спросила я.— «Я любуюсь живописным видом А. И. Она не знала, что у нее видна комбинация, и стояла на верху лестницы, а внизу стояли посторонние». Поправив юбку, А. И. ушла, а я и Л. И. убирали стулья на место. Я подумала: «Нужно осмотреть Л. И.: может быть, у нее видна комбинация».

Я осмотрела Л. И. и обнаружила, что и у нее с боков и сзади видна комбинация, хотя гораздо меньше, чем у А. И. Но теперь Л. И. уже не смеялась, а была смущена и подтягивала комбинацию в тех местах, где я показала ей.

111. Когда умер акад. В. П. Воробьев, мне об этом не сразу сказали по той причине, что я еще не совсем оправилась после болезни. Я только замечала, что Л. И. в очень тяжелом настроении. Я не спрашивала о причинах ее плохого настроения, ибо знала, что она во время моей болезни не скажет мне. Через два дня у меня уже была нормальная температура. Я встала с постели. В день кремации тела В. П. утром ко мне подошла Л. И. и взяла меня за руку. До этого момента я еще глубоко верила в то, что В. П. выдержит операцию. Но когда Л. И. взяла меня за руку, я сразу почувствовала, что она сообщит мне о его смерти. Л. И. усадила меня на диван и несколько секунд ничего не говорила, а потом сказала: «Нас постигло большое горе».— «Умер Владимир Петрович»,— добавила я.— «Да».

112. Меня познакомили с Т. Я говорила с ним недолго, всего минут 15, но все-таки успела запомнить его руки. Прошел месяц, и я встретилась с Т. в УИЭМе. Он пожал мне руку и начал писать на моей ладони свое имя. Я остановила его. «Я вас и так узнала сразу».

113. Наши дети ездили кататься в автомобиле; я тоже поехала. С нами была А. В. Шофер хотел мне доставить удовольствие и поэтому спрашивал, какая езда мне нравится — быстрая или замедленная?

— Чем быстрее, тем лучше,— отвечала я. Шофер пустил машину со скоростью в 40 *км* в час.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила А. В.

— Хорошо. Мне кажется, что мы едем быстрее, чем раньше.

— Да, верно...

— А сейчас что ты чувствуешь?

— Что мы еще быстрее едем. Я себя чувствую превосходно!

114. Однажды утром, когда Л. И. пришла в клинику, я встретила ее в вестибюле. Здороваясь со мной, она вяло пожала мне руку и медленно пошла по лестнице наверх. Я шла рядом и поэтому чувствовала, что ей трудно идти наверх. Я спросила: «Вы нездоровы?»

115. Раз когда-то Т. А. читала мне. К нам подошла К. и начала разговаривать с Т. А. Я положила свои руки на горло Т. А. и К. и слушала их голоса. Потом я осмотрела лицо К. и лицо Т. А. «Что, красавицы?» — спросила в шутку Т. А.— «Ничего, у тебя лицо лучше, чем у К.».— «Нет, К. лучше, свежее».— «Может быть, свежее, но черты лица у тебя лучше».

В разговоре с Л. И. я рассказала о том, как я осматривала лица Т. А. и К. «Скажите, правильно ли я определила, что у Т. А. лицо красивее, чем у К.?» — «Правильно».

116. Однажды я, Л. И. и К. (последняя служила нам «проводником») пошли на Журавлевку. Бывала я в этом районе и раньше, но теперь я отметила, что К. ведет нас не по той дороге, по которой я ходила с Л. И. Раньше нам тоже приходилось спускаться с горы, но таких больших рытвин я не замечала, а теперь мы по колени провалились в снег. «Почему вы идете не там, где мы шли прошлый раз?» — спросила я у Л. И.— «Это К. ведет нас ближайшей дорогой».— «Зачем? Ведь здесь хуже идти». На обратном пути мы шли с Л. И. только вдвоем. Я сразу отметила: «Вот это та дорога, по которой мы шли в первый раз. Я ее узнаю потому, что здесь нет выступов и рытвин, а нужно только подниматься в гору».

117. В моей комнате много комнатных растений. Каждое утро я их осматриваю внимательно — не нужно ли полить, не сломалась ли на каком-нибудь растении веточка. Однажды, осматривая «паучок», я заметила, что на одной веточке листья слегка привяли. Я начала искать то место, где была надломлена веточка. Но несмотря на самый тщательный осмотр, в первую минуту не обнаружила места слома. Тем не менее я была уверена, что веточка сломана. В следующую минуту я обнаружила, что веточка действительно сломана.

118. Как-то к нам зашла наша прежняя уборщица с новорожденным сыном. Она разрешила мне осмотреть лицо ребенка, который спокойно лежал на ее руках. Едва прикасаясь пальцами к его личику, я осторожно осмотрела его и убежденно сказала: «А нос совсем курносенький». Мать ребенка засмеялась и показала мне свой нос. «Вы так же курносы, как и ваш сын».

119. Здороваясь со мной, Т. А. пожала мне руки, и я заметила, что она в плохом настроении. «Чем ты так расстроена или недовольна?» — спросила я. «Ничем»,— коротко ответила Т. Но ее ответ еще больше убедил меня в том, что она чем-то недовольна. Через несколько минут Л. И. случайно сказала мне ту причину, которая вызвала неудовольствие у Т. А.

120. При одном посещении Музея революции в одной комнате Л. И. показал мне небольшое знамя, на котором были вышиты цифры. Осматривая пальцами каждую цифру, я прочитала следующее: «1905 г.». «Это знамя революции 1905 года?» — «Да»,— ответила Л. И. «Оно из шелка»,— заметила я.

121. Однажды я была у Т. А. Она, зная, что я особенно интересуюсь книгами, показывала мне свою библиотеку. На переплете одной большой новой книги я обнаружила рельефное изображение человека во весь рост, с поднятой вверх рукой. Этого человека и эту

позу я очень хорошо знаю. Поэтому радостно воскликнула: «Товарищ Ленин!..»

122. Перед праздником 1 Мая для всех воспитанников нашей клиники покупали какие-то подарки. Какие именно подарки — это держали в секрете от меня, но я решила рассмотреть все подарки, когда останусь одна. Возвратясь с вечера из УИЭМа, я оставила подругу, которая ночевала у меня, умываться, а сама пошла в одну из кабин, где, как мне казалось, должны были лежать подарки.

На столе лежали кульки со сладостями — это меня не интересовало, и я подошла к окну, на котором рассчитывала найти что-нибудь интересное. Мои руки натолкнулись на барельеф Ленина (как я сама определила). Дальше, на некотором расстоянии, лежал еще один барельеф, который я также сразу узнала,— это был барельеф Пушкина. Когда я возвратилась в комнату, подруга уже ожидала меня.

— Где ты была?

— Сейчас я тебе все расскажу: я получу в подарок, во-первых, барельеф Ленина, во-вторых, барельеф Пушкина,— с гордостью сказала я. Подругу это рассмешило.

— Ты одна хочешь получить так много подарков и вдруг ничего не получишь.

— Вот увидишь, получу.

1 Мая я действительно получила барельеф Пушкина, а через несколько дней, когда окончилась детская выставка, мне разрешили взять в мою комнату барельеф Ленина.

123. У меня в комнате была китайская роза. Однажды я заметила, что она стала не такой пышной, какой была раньше. Я осторожно начала осматривать цветок и обнаружила, что кто-то срезал одну веточку. Это не понравилось мне, ибо я не люблю бессмысленной порчи растения. Я хотела узнать, кто срезал ветку, но никто этого не знал. Л. И. говорила мне: «Да ты сама могла сломать ее случайно». Это удивило меня, так как я очень осторожна с цветами, а китайская роза — растение не травянистое, и сломать на ней ветку случайно — не так просто. К тому же ветка была срезана, с этим согласилась зрячая сотрудница, когда я ей показала цветок, но Л. И. до сих пор убеждает меня, что ветку сломала я. Это рассмешило меня, и я ответила: «Это возможно было бы тогда, если бы я находилась в бессознательном состоянии. Но такого состояния у меня не было, следовательно, ветка кем-то срезана».

Обоняние

1. Однажды я ходила в парк с А. В. и В. В. Всю дорогу я чувствовала, что со стороны А. В. пахнет свежими яблоками. Я долго не решалась спросить у А. В., почему от нее пахнет яблоками. Наконец, когда мы уже входили в парк, я не выдержала и сказала: «Как хорошо пахнет яблоками!» А. В. ответила: «Где ты их слышишь?» — «Их и близко нет, это пахнет листьями сухими»,— говорит В. В. Но я уверенно ответила: «Я хорошо знаю запах яблок и сухих листьев». Когда мы сели на скамейку, А. В. вдруг вспомнила, что у нее в сумочке лежат яблоки. «Я о них и забыла»,— сказала она. Таким образом, несмотря на уверения, что яблок близко нет, меня все-таки не обмануло мое обоняние.

2. Независимо от того, какое бывает время года: весна ли, лето ли, осень или зима, но я всегда по запахам чувствую большую разницу между городом и парком. Весной я чувствую, как резко пахнет влажная земля, смолистый запах сосны, запах березы, фиалок, молодой травы, а когда цветет сирень, я слышу этот запах, еще подходя к парку. Летом я чувствую запах разных цветов, травы и сосны. В начале осени я слышу в парке сильный, не похожий на другие запахи, запах увядающих и уже сухих листьев; в конце осени, особенно после дождя, я ощущаю, как пахнет мокрая земля и намокшие сухие листья. Зимой же я отличаю парк от города, потому что воздух здесь более чистый, нет тех резких запахов людей, автомобилей, разной пищи, запахов, которые в городе исходят почти из каждого дома.

3. Часто бывает так, что мне забудут сказать о том, что в моей комнате ждет меня моя подруга Н., но, когда я вхожу в свою комнату (а часто еще тогда, когда только подхожу к открытой двери комнаты), я сама по ее запаху обнаруживаю ее присутствие и иду к ней. Не помню такого случая, чтобы я когда-нибудь в этом ошиблась.

4. Когда я подойду близко к кабинету Х., то часто по запаху через дверь узнаю, что он в кабинете.

5. По утрам, когда А. И. выходит на дежурство, я всегда узнаю ее по запаху папирос.

6. Однажды, когда я зашла в столовую перед вторым завтраком, я по запаху определила, что на завтрак икра из баклажан, и не ошиблась.

7. Я ходила в город. Войдя в первый магазин, я по запаху определила, что в нем съестное не продается. Когда я зашла в другой магазин, я прежде всего услышала запах соленой рыбы. На мой вопрос: «Здесь и рыба есть?» — А. Н. ответила: «Да, есть».

8. Когда мы проходили мимо аптеки, я по ее запаху определила, что мы близко от дома, так как аптека находилась недалеко от нас.

9. Когда я сегодня проходила по комнате, меня остановил Х., и прежде, чем он сказал: «Вот свежие газеты», я уже по запаху узнала, что он держал свежие газеты, еще пахнувшие типографской краской.

10. Как-то я шла из парка с Х. и сообщала ему по дороге: «Здесь пахнет свежим хлебом. А здесь на всю улицу пахнет борщом». Х. сказал: «Мы проходим мимо столовой научных работников».

11. Помню, что в прошлом году у меня был такой случай: я читала с У. газету. Все газеты, которые имелись у нас, были прочитаны. У. пошла к Х. взять новые газеты. Но когда она принесла новые газеты и дала мне одну из них, я сказала ей:

— Я эту газету уже читала.

— Откуда ты знаешь? Я ведь тебе еще не читала,— сказала У.

— Я по запаху слышу, что я читала эту газету с Р. Г.

— Не может быть. Если Х. дал, значит, еще не читали,— возразила У.

Тогда я попросила прочитать мне название доклада в этой газете, и, когда она прочитала, я еще несколько раз повторила, что эту газету я читала с Р. Г. Убедившись, что я не ошибаюсь, У. пошла взять другую газету.

12. Я шла по городу с Е. А. и говорила ей: «Вот здесь пахнет яблоками. Здесь рыбой пахнет. А вот опять яблоками». На мои замечания Е. А. отвечала: «Да, правильно».

13. Когда я бываю на демонстрациях, то по самым разнообразным запахам я чувствую, что вокруг меня происходит большое движение. Но те запахи, которые я ощущаю, не сливаются для меня в сплошной хаос, я их всегда отличаю один от другого. Помню такой случай. Я ходила на демонстрацию в день Первого мая. Мы пришли на аэродром и остановились. Вдруг до моего обоняния долетел сильный запах лошадей. Я спросила у А. И.:

— Здесь близко есть конница?

А. И. посмотрела во все стороны и ответила мне:

— Я думаю, что здесь никакой конницы нет, так как я ее не вижу.

Я еще внимательнее вчувствовалась в обеспокоивший меня запах и опять сказала:

— Я чувствую, что этот запах идет с правой стороны. Посмотрите лучше.

А. И. посмотрела в ту сторону, куда я ей показала по запаху. Пройдя несколько шагов, она сказала:

— Теперь и я вижу, что стоит конница. Только она так далеко,

что ее едва видно. Если бы ты мне не сказала, я сама ничего бы не увидела.

14. Как-то в начале лета я сидела в нашем саду. Вдруг я почувствовала запах духов и нафталина. Когда ко мне подошла А. В., я спросила у нее:

— Кто сейчас приходил сюда?

— Никого не было,— отвечала А. В. Мы пошли гулять по садику. Я все время поворачивалась в ту сторону, где стоял стол, и никак не могла понять, почему А. В. сказала, что никого нет, если я слышу запах с той стороны. Когда я завтракала, я уже в столовой почувствовала приводивший меня в недоумение запах. Я позвала А. В. и спросила:

— Кто сейчас пошел в столовую?

— Рабочие,— ответила она. Я возразила:

— Нет, я слышу запах духов и нафталина, а от рабочих пахнет табаком и новыми досками, которые они строгают в саду.

— Я никакого запаха не слышу и не могу понять, что тебя беспокоит,— сказала А. В. Я спросила:

— А кто прошел мимо меня, когда я вставала из-за стола?

— Проходила М.

— А что она делала в саду?

Тут А. В., наконец, поняла, какой запах меня беспокоил:

— М. чистила в саду зимние костюмы и пальто, но я не думала, что ты слышишь запах от нее, и не обратила никакого внимания.

15. Как-то я зашла в свою комнату и сразу почувствовала запах свежей газеты. Я подошла к столу, поискала, но газеты не нашла. Я прошлась по комнате, соображая, откуда взялся этот запах. Через час я возвратилась в свою комнату, но запах свежей газеты ничуть не уменьшился. Подвергнув свой стол основательному осмотру, я на своих брайлевских книгах обнаружила новую газету, которую мне принесла Л. И., когда меня не было в комнате.

16. Когда-то давно Х. уезжал на несколько дней. Он приехал двумя днями позже, чем мы его ожидали. Когда он пришел в отделение, мне никто об этом не говорил, но по запаху я тотчас узнала его. Я не ошиблась. Через несколько минут после того, как я обнаружила, что Х. уже возвратился из своей поездки, ко мне подошла М. Е. и сообщила: «Уже приехал Х.!» Я ответила, что уже знаю об этом.

Я помню другой случай. Как-то Х. тоже уезжал на несколько дней. Я точно не знала, когда он приедет. Но несмотря на это, я на расстоянии двух комнат узнала по запаху, что он уже приехал. Едва я успела почувствовать запах Х., как А. И. сказала мне: «К нам идет Х.».

17. Во время своего отпуска Л. И. несколько раз приходила в

отделение. Мне никто не говорил, что она пришла, но я всегда это замечала сама и, когда спрашивала дежурную, пришла ли Л. И., получала утвердительный ответ: «Да, пришла».

18. Иногда, когда мне нужен Х., я иду наверх, где находится его кабинет. Но если в это время он проходит мимо меня, не подозревая того, что я его ищу, я сама зову его. Конечно, я не всегда могу точно указать, с какой стороны он идет, так как запах распространяется во все стороны.

19. Несмотря на то что мне недоступны зрительные и слуховые впечатления, я все-таки горячо люблю природу. Ведь я могу ощущать различные запахи, могу осязать каждый лепесток цветка, каждую травинку, каждую ветку и ее листья. Я чувствую, как горячо печет солнце, как приятно освежает тень или прохладная вода, когда все мое тело измучено жарой. Я очень люблю бывать у моря. Я всегда по запаху узнавала, когда мы шли по направлению к морю. Пусть я не видела его, пусть я не слышала, как оно шумит, когда катит свои волны, но близость моря, его опьяняющий запах доставляют мне великое наслаждение. Я приходила на берег моря с чувством благоговения и преклонения перед его мощью и красотой, которую я мысленно себе рисовала.

20. Я по запаху узнаю и близость реки. Когда я ездила в деревню, я любила вечерами ходить к реке или к леваде, которая близко от реки. Когда я только приехала в деревню, мне еще никто не успел сказать о том, что совсем близко река. По запаху и по чистому воздуху я сама определила, что река недалеко.

21. Когда я пила чай, я по запаху узнала, что пришла Г. После чая я спросила у нее: «Вы пришли в то время, когда я пила чай?» — «Да».

22. Мне нужна была А. И. Но я не знала, где она. Вдруг я услышала по запаху ее папирос, что она прошла мимо меня. Я ее позвала, и она подошла ко мне.

23. Если со мной знакомится новый человек, то я скоро определяю по запаху, курит ли он. Например, я недавно познакомилась с П. и в первую минуту определила, что он не курит. Я не ошиблась.

24. У меня была Н. Она попросила меня принести ей воды. Когда я вернулась в комнату с водой, я сразу же почувствовала запах пудры. Я спросила Н.:

— Ты пудрилась, когда я выходила?

— Да, пудрилась,— отвечала она.

25. Во время обеда ко мне подошел Х. Несмотря на сильный запах борща в столовой, я сразу определила по запаху, что он недавно курил.

26. Однажды вечером, когда я из своей комнаты вышла в ве-

стибюль, я по запаху папирос узнала, что у нас кто-то есть наверху в лаборатории. Когда ко мне подошла Л. И., я спросила у нее:

— Кто у нас есть?

— Почему ты думаешь, что кто-нибудь есть?

— Потому что я чувствую запах папирос.

— Да, сейчас у Х. сидит несколько человек. У них совещание относительно прибора.

27. Как-то я отдыхала после занятий. Я настолько устала, что не заметила, как уснула. Во время моего сна в комнату зашел Х. так тихо, что я не почувствовала вибраций от его шагов. Но по запаху одеколона я узнала, что это Х. стоит недалеко от кровати. Я проснулась, как только ощутила запах, и спросила: «Кто это?» Тогда Х. подошел ко мне.

28. Когда-то моя подруга Н. познакомила меня со своим товарищем. Говорить мне с ним не пришлось, он только написал на моей руке свое имя. Конечно, это было дело двух секунд, и, несмотря на это, я определила, что он курящий человек. Когда я об этом сообщила Н., она подтвердила это.

29. Я хотела открыть окно в своей комнате. Когда я открыла первую раму, то через вторую, еще закрытую раму я по запаху узнала, что идет дождь. Когда я открыла и вторую, наружную раму, на мои руки действительно стали падать капли дождя.

30. Я проходила через вестибюль и почувствовала там запах Р. Г. Я знала, что она в отпуске, а поэтому удивилась, что чувствую ее запах. Я подумала, что у сотрудников будет собрание. Я пошла к Л. И. и спросила ее:

— У вас сейчас будет собрание?

— Не знаю, мне никто ничего не говорил,— отвечала она.

— А пришла ли сейчас Р. Г.? — спросила я.

— Да, пришла, она еще не закончила свою работу и для этого приходит после обеда.

— Где она сейчас?

— Она в вестибюле надевает халат.

Мне стало даже приятно, что меня мое обоняние не обмануло. Подумать только, насколько заменяют слепоглухому зрение и слух разнообразные, богатые ощущения и обоняние, которые у зрячих и слышащих далеко не в почете.

31. Я сидела, читала. Ко мне подошел Х. и дал мне чей-то бант.

— Он был на полу возле двери в твою комнату,— сказал Х.

— Сейчас у меня были девочки Н. и О., но у Н. такого банта не было, это, наверное, О. потеряла.

Я понюхала бант и по запаху определила, что он принадлежит О.

— Да, я по запаху чувствую, что это бант О.

Едва я это сказала, как девочки пришли за бантом. Его действительно потеряла О.

32. Однажды я зашла в лабораторию, и, несмотря на то что в ней пахло одеколоном, я все-таки сразу почувствовала запах чеснока. Сначала я никак не могла понять, откуда взялся этот запах. Когда я в конце дня увидела Х., почувствовала, что от него пахнет чесноком. Оказалось, что он был в лаборатории в то время, когда я туда заходила, и потому там пахло чесноком.

33. Как-то я спросила:

— Е. А., какими духами вы душились недавно?

Она ответила:

— Никакими. Я вообще целый год уже не душилась.

— Не может быть, я ведь чувствую от вас запах духов,— возразила я.

Но Е. А. продолжала уверять меня, что она душится раз в год. Тогда при каждой встрече с нею я, если запах от нее был сильный, спрашивала: «И сейчас вы не душились?» — «Да, сейчас я душилась». Так повторялось несколько раз, и после этого Е. А. перестала говорить, что она душится раз в год.

34. Во время чтения с Л. И. я почувствовала, что пахнет новой обувью. Я спросила у Л. И.: «Вы в новых туфлях?» — «Да».— «А когда вы их надели?» — «Сегодня».— «Я и чувствую, что еще совсем новый запах».

35. Дня за два до октябрьских праздников для наших детей привезли лодку и качели. Подставку и доску для качелей поставили в вестибюле. Я в это время проходила через вестибюль и почувствовала запах свежего дерева. Я еще не знала о том, что привезли лодку и качели, поэтому спросила у Л. И., почему в вестибюле пахнет свежим деревом. Л. И. объяснила мне и показала лодку. Доска была совершенно новая, и от нее исходил крепкий запах свежего дерева.

36. Как-то я была на собрании в УИЭМе. С одной стороны возле меня сидела моя подруга Н., а с другой место было свободное. Пришла Л. И. и заняла это место. Но еще за несколько минут до того, как пришла Л. И., я почувствовала по запаху, что недалеко от нас находится Р. Г. Когда Л. И. села, я спросила ее, пришла ли Р. Г.

— Да, пришла вместе со мной и сейчас сидит возле меня.

На другой день Р. Г. спрашивает меня:

— Что это Н. не приходит к нам?

— Как не приходит? Разве вы ее вчера не видели на собрании? — удивилась я.

— Нет, не видела.

— Не может быть, ведь вы же сидели возле Л. И., а я сидела между нею и Н.

— Я вас видела, а Н. не видела... С кем же Н. сидела?

— Н. сидела возле Е. А.

— Я и Е. А. не видела.

— Очень странно, ведь я и то чувствовала, когда вы подошли к нам, а вы не видели их.

Р. Г. смутилась... Я поняла, в чем дело. Она просто хотела узнать, с кем я пришла на собрание, но не хотела прямо об этом сказать.

37. Однажды я ходила в аптеку с А. Она тоже не видит, но она, как и все слепые, привыкла больше ориентироваться по слуху. Когда мы подходили к аптеке, А. прислушивалась, чтобы не пройти дверь, а я старалась по запаху определить, где дверь. Мне показалось, что мы уже немного прошли вход. Я сказала об этом А., но она не поверила мне и продолжала идти дальше. Потом, видя, что долго нет двери, она остановилась и начала прислушиваться. В это время подошел к нам кто-то из зрячих и провел нас к двери. Оказалось, что я была права, когда говорила, что мы уже прошли дверь.

38. Как-то я разговаривала с Х., а когда он отошел от меня, я вышла в вестибюль, потому что хотела пойти в кухню за чайником. Когда я проходила по вестибюлю, мне показалось по запаху, что Х. стоит там. Я вошла в коридор и на несколько секунд остановилась. Мне подумалось, что Х. пойдет за мной на кухню. Не дождавшись его, я пошла сама. Но потом оказалось, что Х. действительно пошел за мной. Я стояла в кухне, разговаривала с Н. А. Вдруг она оглянулась и сказала мне: «Вы знаете, в дверях стоит Х. и смотрит, как я с вами говорю». Я до сих пор не знаю, почему мне так казалось, что Х. пойдет за мной в кухню. Я вспоминаю только, что, перед тем как выйти в коридор, я поправила на себе платье и волосы и подумала: «Х., наверно, поинтересуется, куда я собираюсь идти».

39. Однажды вечером, в тот час, когда должна приходить ночная дежурная, я как раз искала ее. Я почувствовала, что кто-то прошел по комнате. Я позвала. Подошла Р. Г. Когда я начала с нею говорить, я почувствовала, что это от нее пахнет хлебом. «Вы кушаете хлеб?» — «Да, кушаю. А вы по запаху чувствуете?» — «Да».

40. Один раз я по запаху узнала, что есть абрикосы. Это было так. В начале июля я находилась в городе Н. Многие говорили, что в это лето плохой урожай на абрикосы и что они очень дороги. Те, у кого я гостила, редко покупали абрикосы, но все же покупали. Как-то утром мы пили чай. В комнате пахло рыбой и помидорами, но, несмотря на этот запах, я все-таки почувствовала запах абрикосов. Я спросила у Г.: «Ты покупала сегодня абрикосы?» — «Да,

купила, но я еще не успела их помыть, и они лежат в тарелке на этом столе».

41. Я гостила в деревне у знакомых. Один раз, когда я завтракала, я почувствовала, что в комнате запахло моим одеколоном. Я позвала А. и спросила: «Тебе нравится мой одеколон?» Она смутилась: «Да, нравится». А. стало стыдно, и она сказала: «Ты извини меня, что я без разрешения беру твой одеколон. Я только хотела посмотреть».

42. Как-то летом мы с А. И. читали в саду. Было очень жарко.

— Оля, дай мне освежиться одеколоном,— попросила она.

— Пойдите и возьмите у меня в шкафу. Флакон стоит с правой стороны.

А. И. пошла. Но когда она снова подошла ко мне, я почувствовала, что от нее пахнет уксусом, а не одеколоном. Я начала смеяться.

— Почему от вас уксусом пахнет?

— Потому, что ты меня обманула.

— Как обманула?

— У тебя там стоит уксус, а одеколона нет.

— Уксус дальше стоит, а одеколон прямо справа в большой бутылочке. Разве вы по запаху не могли узнать, где уксус и где одеколон?

— Я узнала только тогда, когда уже вся облилась уксусом.

43. Когда-то из М. приезжала моя подруга. Я от нее чувствовала запах духов «Мимоза». Когда она уехала и прислала мне письмо, я сразу узнала, что оно от нее, потому что оно пахло духами «Мимоза».

44. Как-то моя подруга зашла ко мне со своим товарищем. Я его видела первый раз, но, когда он подошел ко мне, я по запаху определила, что он человек чистоплотный. Я не ошиблась. Из рассказов о нем я узнала, что он очень чистоплотный.

45. Один раз я ходила на квартиру к А. И. Когда я зашла в ее комнату, то сразу почувствовала запах керосина. «Что вы делали здесь с керосином?» — спросила я. «Я случайно опрокинула керосинку в этой комнате, и керосин весь вылился на пол»,— отвечала А. И.

46. Я была у своей подруги. Мы собирались уходить на улицу, поэтому проходили через кухню. Я почувствовала запах селедки и сказала об этом подруге. Она ответила: «Мама сейчас чистит селедку».

47. Во время чтения с В. М. я почувствовала, что от нее пахнет яблоками. «Вы кушаете яблоко?» — «Да».

48. Один раз я почувствовала в столовой запах сирени. Я спросила у В. С.: «На столе стоит сирень?» — «Нет».— «А почему же в

столовой пахнет сиренью?» — «Это я надушилась духами «Сирень»,— отвечала В. М.— «Нет, я чувствую запах цветов». В. М. посмотрела на стол и сказала мне: «Я и не заметила, что на столе стоит сирень. Я думала, что ты чувствуешь запах духов».

49. Мы с А. И. читали в столовой возле окна. Я все время чувствовала запах цветов, которые уже начали увядать. Я спросила у А. И.: «Откуда это пахнет цветами?» — «Я не знаю, я их нигде не вижу». Я подошла к буфету, цветы запахли сильнее. Я догадалась, что на верху буфета стоят цветы. Я позвала А. И. Она посмотрела на верх буфета и сказала: «Да, там стоят цветы». Мы их достали, они действительно уже начали увядать.

50. Как-то я вышла в вестибюль и почувствовала запах краски. Я спросила В. М.: «Почему пахнет краской?» Она ответила: «Приходили маляры, но они ничего не красили, только посмотрели».

51. У нас в умывальной комнате был ремонт, поэтому А. И. убрала все детские полотенца, в том числе и мое. Она сложила все полотенца вместе, а когда я спросила у нее о своем полотенце, она не могла его найти, все полотенца были одинаковы. Она мне дала одно полотенце, я понюхала его и сказала: «Это полотенце Вари, я по запаху чувствую». Тогда Е. показала мне все полотенца, и по запаху я нашла свое.

52. Мне нужно было посмотреть на часы. Когда я зашла в столовую, я почувствовала запах хлеба и киселя. Я очень удивилась, что так скоро прошло время. У нас ужин в 8 часов, а я не думала, чтобы уже было 8 часов. Я посмотрела на часы, было четверть 8-го. Я окончательно растерялась и поэтому позвала А. И. «Почему так рано ужин? Или часы отстают?» — «Нет, часы не отстают, это я хочу раньше приготовить ужин».

53. Когда я занималась на приборе с Х., я почувствовала в лаборатории запах папирос. «Кто пришел?» — спросила я у Х. «Пришла А. И. переписывать мебель».

54. Один раз мы все гуляли в саду, а когда пришли в комнату, я сказала А. В.: «Кто это недавно был здесь, Х. или Е. А.?» — «Почему ты так думаешь? Я никого не слышала».— «Пахнет духами».— «А я ничего не чувствую. Может быть, кто-нибудь и был».

55. В то время когда я и Л. И. работали в лаборатории, я почувствовала, что кто-то закурил. Я не знала кто, так как там работал конструктор и был Х. «Кто сейчас курит?» — спросила я. «Х.»,— ответила Л. И.

56. Я вышла из своей комнаты и почувствовала в буфетной комнате запах Е. А. Я подошла к телефону. Е. А. стояла там.

57. Я была в умывальной комнате и почувствовала, что Л. И. близко от меня. Я хорошо знаю запах Л. И., поэтому уверенно по-

звала ее. Она подошла. «Я позвала вас потому, что почувствовала ваш запах».

58. Однажды днем у нас был сильный угар от отопления. Я заметила это сразу, как только появился слабый запах, но не знала, откуда он идет. Когда запах был уже очень сильный, я спросила у Е. А.:

— Отчего это такой угар в комнатах?

— Не знаю. А в каких комнатах?

— Везде.

— Может быть, затопили ванну?

— Нет, я сейчас была в ванной, там как раз этого запаха нет.

— Я сейчас пойду узнаю,— сказала Е. А. Когда я пошла заниматься в лабораторию, там запах был еще сильнее. Я сказала Ч., что у меня разболелась голова от такого запаха.

— А вы чувствуете запах?

— Он здесь очень сильный,— сказала я. Ч. ответила:

— Немножко чувствую, но он мне не особенно мешает.

К вечеру угара уже не было, но у меня все-таки до ночи болела голова.

59. Когда ко мне подошла Р. Л., я спросила ее: «Почему от вас пахнет нафталином?» — «Я надевала шляпу, а она была пересыпана нафталином, и, вероятно, запах еще остался на волосах».

60. Когда я зашла в умывальную, я почувствовала, что там пахнет известью. Я спросила у А. И.: «В умывальной есть рабочие?» — «Да, есть, они там что-то делают».

61. Когда я говорила с Р. Л., я почувствовала, что от нее пахнет простым мылом. Я ей сказала об этом. «Я мыла голову два дня тому назад».— «А мылом пахнет очень сильно, как будто вы только сегодня помыли голову».

62. У нас был ремонт ванной, и я думала, что в этот день ванную топить не будут. Но когда я зашла туда, я почувствовала по запаху, что плиту в ванной только что затопили.

63. Я зашла из вестибюля в буфетную комнату и узнала по запаху, что там Х. Он стоял спиной к двери и не видал меня. Я подошла к нему и тронула его рукой, тогда он повернулся ко мне.

64. Сегодня, когда я села обедать, я по запаху узнала, что на первое щи, на второе сырники. Я не ошиблась.

65. Однажды я и Н. вышли из моей комнаты в вестибюль. Там пахло папиросами. Я сказала Н.: «Если ты чувствуешь здесь запах папирос, так это потому, что наверху в лаборатории работают и курят, а запах чувствуется также здесь».

66. Я зашла в свою комнату и по запаху узнала, что в комнате только что помыли пол. Я посмотрела рукой, пол был еще мокрый.

67. Я зашла в буфетную комнату и почувствовала там запах

посторонних людей. Я спросила у В. М.: «Кто пришел?» — «Пришли слесари».

68. Я получила в бельевой свое белье и платье. Мне дали одну вещь, я не успела еще посмотреть, что это такое, но уже по запаху узнала, что это было мое платье.

69. Мне нужна была Р. Л. Я ее звала в комнату, но она не подошла. Через несколько минут после этого я из вестибюля зашла в буфетную комнату и по запаху узнала, что Р. Л. была там. Я подошла к телефону — она стояла у телефона.

70. Когда я вошла в столовую к завтраку, я по запаху узнала, что на завтрак были блинчики. Я не ошиблась.

71. Я зашла в ванную комнату и по запаху узнала, что в комнате лежит мокрое белье. Я посмотрела рукой, и действительно, в ванной было белье.

72. Однажды, когда В. М. пришла на работу, я спросила у нее: «Почему от вас пахнет жареным картофелем?» — «Я дома жарила его и пошла сюда прямо из кухни».

73. Один раз я отдыхала и уснула. Спящая, я почувствовала, что возле меня пахло яблоком. Я во сне подумала, что это мне так кажется. Но когда я проснулась, возле меня действительно лежало яблоко, которое мне положила В. М.

74. Я гуляла в саду с Л. И., а когда мы зашли в дом и пришли в столовую, я сказала: «Здесь пахнет яблоками». Л. И. спросила: «Какими, свежими или печеными?» — «Печеными»,— ответила я.— «Да, печеные яблоки лежат в буфете».

75. Как-то ко мне подошла А. В. Я сразу почувствовала что от нее пахнет землей и цветами. Я удивилась, так как думала, что мне это показалось. А. В. сказала: «Я тебе сорвала последние цветы в нашем саду»,— и дала мне цветы.

76. Если у наших соседей зацветала белая акация, я это чувствовала сразу, когда входила в сад.

77. Как-то раз я целый день чувствовала в спальне сильный запах ландышей. Но я не знала, у кого из детей стоят ландыши. Мне показалось, что запах особенно сильно чувствуется тогда, когда я прохожу мимо окна. Я подошла к окну и нашла там стакан с букетом ландышей.

78. Раз я зашла в столовую и почувствовала запах белой акации. Я знала, что у нас на столе стояли цветы, но акации там не было тогда, когда я их смотрела. Я подошла к столу и снова осмотрела цветы. Я обнаружила среди них несколько веток белой акации.

79. Как-то весной, в то время когда цвела черемуха, я возвращалась домой со своей незрячей подругой. Подруге казалось, что мы еще не дошли до нашего парадного, а мне казалось, что мы как

раз находимся против парадного. «Мы уже прошли, потому что здесь очень пахнет черемухой, а она растет недалеко от нашего парадного». Но подруга продолжала идти дальше. Наконец, она заметила по тротуару, что мы уже прошли наш вход, и вернулась обратно. Когда мы подошли к двери, я сказала подруге: «Повернись вот в эту сторону, там растет черемуха, вот поэтому я и знала, что мы уже прошли парадное».

80. Как-то у нас потух электрический свет. Дежурная Л. И. осталась в полной темноте, даже без спичек. Я в это время была с нею. «Я пойду в кухню искать спички и лампу»,— сказала Л. И. Я проводила ее в вестибюль и осталась ждать ее в буфетной комнате. Когда она вернулась, я по запаху узнала, что она идет с зажженной спичкой. «Я лампы не нашла. Что мне делать в темноте?» — «Я когда-то видела в буфете свечу. Может быть, она и теперь там?» — сказала я. Действительно, я нашла свечу в буфете. «Спасибо тебе, что ты выручила меня из беды»,— сказала Л. И.

81. Я зашла в умывальную комнату и ощутила запах мятных капель. Я отыскала Л. И. и спросила ее: «Вы были в умывальной с мятными каплями?» — «Да, была». Я почувствовала, что от Л. И. еще пахнет мятными каплями.

82. Как-то давно я сидела в лаборатории и печатала на машинке. Вдруг я почувствовала запах духов, а затем чьи-то шаги. Кто-то остановился недалеко от меня. Я подумала: «Кто бы это мог быть? Ведь X. в Москве». Но через секунду я узнала, что это действительно X., хотя мне никто не говорил о том, что он уже приехал. Когда X. подошел ко мне, он сказал: «Я только что приехал из Москвы».

83. Я думаю, что не сделаю большой ошибки, если попытаюсь сравнить органы чувств (обоняние, осязание и пр.) слепоглухонемых со зрением и слухом зрячих и слышащих. Ведь если раздражать слух какими-нибудь резкими звуками, а зрение какими-либо неприятными зрительными впечатлениями, то зрячие или слышащие так или иначе отвечают на раздражение. Точно так же и слепоглухой будет реагировать, если его осязание или обоняние раздражается чем-либо в окружающей его обстановке. Например, если я ощущаю какой-нибудь запах, который мне нравится или, наоборот, не нравится, я уже начинаю на него реагировать. Если это встречается в то время, когда я занимаюсь, я уже не могу спокойно заниматься. Однажды, когда я читала с Л. И., она несколько раз вставала душиться. Духи у нее были плохие, резкие, с примесью запаха какой-то травы. У меня сначала появилась легкая тошнота, а затем начала болеть голова. Я попросила Л. И.: «Если можно, не душитесь во время чтения. Эти духи очень плохие, и от них болит

голова». Л. И. пообещала не душиться и, кажется, совсем забросила свои духи.

84. Один раз я села читать с А. В. и почувствовала, что от нее пахнет валерьянкой.

— Вы чем-нибудь расстроены? — спросила я.

— А что?

— От вас пахнет валерьянкой, и я подумала, что вы ее только что пили.

— Да, у меня сейчас плохо с сердцем, и я приняла валерьянку.

85. Однажды я шла по коридору с Л. И. Она остановилась и начала с кем-то говорить. Я почувствовала запах одеколона «Ландыш» и подумала, что Л. И. говорит с Н. А. Когда мы пошли, я спросила: «Вы говорили с Н. А.?» — «Да».

86. Я сидела в столовой на диване и почувствовала по запаху, что пришла Р. Г. В столовой ее еще не было, она была или в вестибюле, или в буфетной комнате. Когда я почувствовала ее шаги в столовой, я позвала Р. Г. Она подошла ко мне.

87. Как-то я читала с А. И. и почувствовала совсем близко запах малины. «Почему пахнет малиной?» — «Потому что Ф. принесла тебе малину и стоит возле нас, ждет, пока я тебе дочитаю фразу».

88. Л. И. позвала меня ужинать. Я знала, что на ужин будет какая-нибудь каша, но когда я зашла в столовую, я почувствовала запах каши и еще запах помидоров. Я села на свое место и нашла там тарелочку с помидорами, и рядом с нею стояла тарелка с кашей.

89. Ко мне зашла одна из слепых. Когда я к ней подошла, я почувствовала, что от нее пахнет розой. «Почему от тебя пахнет розой?» — «Потому что у меня есть роза».

90. Когда я встретилась со своей подругой Б., я сразу почувствовала, что от нее пахнет одеколоном «Камелией». «Ты душилась «Камелией»?» — спросила я.— «Да».

91. Как-то я пошла в умывальную комнату и еще в дверях почувствовала запах Варвары. Я подумала, что Варвара купается. Когда я зашла в ванную, там действительно была Варвара, уже раздетая.

92. Я и Н. сидели в моей комнате. Я ощутила запах супа и сказала: «Уже Р. Л. разливает обед».— «А я даже не обратила внимания, хотя она стучит тарелками»,— ответила Н.

93. Я печатала на машинке в своей комнате и вдруг ощутила запах папиросы. Я повернулась и спросила: «Это вы, А. И.?» — «Да, я».

94. Я зашла в столовую и узнала по запаху, что завтрак уже на столе. Я пошла мыть руки, а когда шла из умывальной, А. И. сказала мне, чтобы я садилась завтракать.

95. Я читала в комнате игр с А. И., а когда вышла в столовую, почувствовала запах мятных капель. Я догадалась, что уже пришла Л. И. Через несколько минут после этого я зашла в свою комнату. Л. И. работала за моим столом. «Это вы были в столовой, когда я шла из комнаты игр?» — «Да».

96. Я целый день работала и очень устала. Освободилась я за час до ужина и легла на диване в столовой, чтобы немного отдохнуть. Я сразу начала засыпать, но вдруг ощутила запах Х. Я думала, что он подойдет ко мне, и приподняла голову. Но он не подошел. Когда мне показалось, что он ушел, я вошла в комнату игр и спросила у Л. И.: «Был сейчас Х.?» — «Да, на минутку заходил».

97. Я два дня была у своей подруги, а когда вернулась к себе в институт и пошла в умывальную комнату, то сразу (еще не входя в комнату) почувствовала какой-то запах, которого у нас раньше не было. Войдя в умывальную, я остановилась, чтобы лучше узнать, что это за запах. Запах был немного похож на запах сосновой смолы. Через несколько минут мне сказали, что в умывальной на плите сушится лак.

98. Как-то ко мне подошел Х. Я почувствовала от него запах чистого воздуха. «Вы были сейчас на улице?» — «Да, я только что пришел».

99. Ко мне подошла Е. А. «Где вы сейчас были?» — спросила я. «Я только что пришла из города».— «Да, от вас пахнет чистым воздухом».

100. Когда-то я зашла в спальню и почувствовала запах духов. Этот запах был похож на запах духов Х. Я подумала, что, вероятно, приходил Х. Но когда я подошла к стулу, на котором работала, запах чувствовался еще сильнее. Я ничего не понимала. Вскоре ко мне подошла А. В. и сказала: «Вот тебе передали духи». Духи стояли на моем столе.

101. Я была у своей зрячей знакомой. Она хотела научиться читать по Брайлю, и я ей написала брайлевскую азбуку. Нужно было под каждой брайлевской буквой написать зрячую букву. Знакомая взяла чернила и села писать. Когда знакомая только принесла чернила, я почувствовала слабый запах духов. Я спросила у нее:

— Ты душилась?

— Нет, у меня даже духов нет.

— А почему же пахнет духами?

— Не знаю. Я не чувствую запаха духов.

Она продолжала писать. Но я все-таки не переставала чувствовать. Наконец, знакомая догадалась. Она мне показала бутылочку, в которой были чернила. Эта бутылочка была раньше с духами, и запах в ней еще сохранился.

102. Ко мне как-то пришли слепые девочки. От одной из них пахло не то вазелином, не то помадой, и я спросила у нее:

— Чем ты намазалась?

— Ничем.

— Неправда, от тебя пахнет чем-то.

Тогда девочка сказала: «Я мазалась душистой помадой».

103. За обедом я почувствовала запах яблок. Когда я брала хлеб со своей тарелочки, я обнаружила там яблоко.

104. Как-то у сотрудников было собрание, а я гуляла в саду. Вдруг я почувствовала запах папиросы А. И. Она всегда курит один и тот же сорт папирос, и я уже безошибочно узнаю, если она курит в саду. Я остановилась против того места, где я почувствовала А. И., и позвала ее. Она подошла ко мне. «У вас окончилось собрание?» — «Да, только что окончилось».

105. Ко мне однажды подошла Е. А. Я почувствовала от нее запах махорки. «Почему от вас пахнет табаком?» — «Не знаю, я же не курю».— «А где вы сейчас были?» — «Я была у себя в квартире. Там работают рабочие и курят. Вероятно, я тоже пропахла махоркой».

106. Я ехала как-то раз ночью в К. Я спала, но все-таки сквозь сон чувствовала, что в купе всю ночь курили. Утром Х. спросил меня: «Как тебе спалось?» — «Ничего, только я всю ночь чувствовала, что здесь курят».— «Да, здесь едут курящие».

107. Дверь из моей комнаты выходит в буфетную комнату, через которую все проходят в другие комнаты. Когда я ложусь спать, я всегда прикрываю двери, так как часто меня будит какой-нибудь запах, если дверь бывает открыта. Утром, когда дети еще спят, а ночная дежурная уже встает, она открывает ставни и форточку в столовой, и, если у меня в комнате дверь открыта, меня будит свежий воздух.

108. Я лежала, отдыхала. Ко мне подошел Х. и положил руку на мое плечо. Я еще не успела взять его за руку, но уже по запаху узнала, что это он.

109. Я занималась с Х. у него в кабинете. Вдруг потух свет. Об этом мне сказал Х. Потом я ощутила запах зажженной свечи. «Вы зажигали свечу?» — спросила я. «Да, зажег».

110. Я гуляла в саду с М. Вдруг я и М. почувствовали запах одеколона. Когда я пошла в комнату, я спросила у Л. И.: «Кто приходил в сад?» — «Никто».— «Как же никто, ведь я и М. чувствовали запах одеколона».— «Я забыла, это приходила я».

111. Однажды я читала с В. М. Я почувствовала по запаху, что пришел Х. и что он стоит недалеко от нас. В. М. продолжала читать и ничего мне не говорила. Х. был минут 10. Когда он ушел, В. М. сказала: «Здесь был Х. Он стоял недалеко от нас, я не знаю,

как я читала тебе. Может быть, ты ничего не поняла».— «Я все понимала, но я чувствовала, что Х. был здесь».

112. Мне нужна была дежурная, но я ее не нашла в комнате игр. Не было ее и в спальне. Когда я выходила еще из своей комнаты, я почувствовала в буфетной комнате запах папирос. Поэтому, когда я нигде не нашла дежурной, я решила, что у сотрудников собрание и они все в канцелярии.

113. Я подошла к канцелярии и немного приоткрыла дверь. Мне в лицо ударил теплый воздух, густо насыщенный табачным дымом. «Значит, все сейчас на собрании»,— сказала я Н., которая сидела в моей комнате. Я не ошиблась: у сотрудников действительно было собрание.

114. Я сидела в саду со своей подругой. Дело было летом. Мы сидели на загородке клумбы. «Я хочу лечь на траву»,— сказала подруга. «А ты не стесняешься присутствия Х.?» — спросила я. «Его здесь не слышно».— «А мне кажется, что он в саду. Я очень ясно чувствую запах его духов». Подруга была незрячая, но, как она ни прислушивалась, не услышала ничего. «Да, Х. был здесь и, наверное, недалеко от нас. А сейчас я не чувствую уже его запаха: значит, он ушел»,— сказала я.

115. Я была у себя в комнате. Ко мне пришла Н. Когда она подошла ко мне, я почувствовала, что от нее пахнет капустой, как будто она кушала борщ. «Почему от тебя борщом пахнет?» — «Не знаю... А, я уже поняла: дома мама жарила капусту».— «Вот ты вся и пропахла».

116. Ч. позвала меня читать. Мы начали читать. Но через несколько минут я почувствовала запах колбасы и хлеба. Я спросила у Ч.: «Вы сейчас не завтракаете?» — «Нет, это Н. кушает колбасу здесь за столом».

117. Когда-то П. А. спросила меня: «Хочешь тарани?» Мне показалось, что она сказала «сирень», поэтому я ответила: «Еще бы, конечно, хочу».— «Сейчас я тебе принесу». Но когда П. А. снова подошла ко мне, я почувствовала, что от нее пахнет вовсе не сиренью, а рыбой. «Где же у вас сирень? От вас рыбой пахнет».— «Так я тебе рыбу и принесла, а сирени у меня нет».

118. Вечером я занималась с Л. И. Уже было 12 часов ночи. Я пошла ложиться спать. Но, когда я вышла в вестибюль, я почувствовала сильный запах папирос. Я поняла, что наверху в лаборатории еще работает Х. с Н. А. Я вернулась к Л. И. и спросила: «Как вы думаете, не ушел ли еще Н. А.?» — «Не знаю, не слышала».— «А мне кажется, что еще не ушел. Идемте посмотрим, есть ли его пальто на вешалке». Мы вышли в вестибюль — пальто Н. А. висело. «Я чувствую по запаху папиросы, что они еще не разошлись».

119. Я читала с В. М. Вдруг она перестала читать, что-то ска-

зала мне быстро и встала. Я ее не поняла. Через несколько секунд я почувствовала запах духов. Вслед за этим ко мне подошел Х., который только что приехал из Киева.

120. Как-то я уже собиралась ложиться спать и вдруг почувствовала в спальне запах духов. Через несколько минут я перестала чувствовать запах. Тогда я позвала дежурную и спросила: «Кто приходил сейчас?» — «Здесь была Е. А.».

121. Как-то во время чтения с Ч. я почувствовала в кабине запах яблока. «Кто это кушает яблоки?» — спросила я. «Яблоки кушает Ц.».

122. Однажды ко мне зашел товарищ. От него очень пахло дымом. Я спросила: «Не топил ли ты сегодня печь?» — «Нет. Почему ты так думаешь?» — «Да потому, что от тебя так и несет дымом».— «Я не знаю почему. Ах, да! Я уже вспомнил: у нас сегодня очень дымила плита, и вся квартира наполнилась дымом. Очевидно, и я пропах им».

123. Как-то во время чая я почувствовала запах одеколона. Когда я вышла в буфетную комнату, запах чувствовался с той стороны, где находился телефон. Я подошла туда — там стояла Е. А.

124. У меня была Н., и я задержалась с нею до того времени, когда начали готовить стол к обеду. Мне хотелось выйти в сад хоть на 5 минут. Я быстро оделась и вышла. Через 5 минут я вернулась в комнату и почувствовала запах супа, но дети еще были в комнате игр, и я решила, что могу погулять еще несколько минут. Я ушла опять в сад и еще погуляла минут 10.

125. Я пошла в спальню, чтобы посмотреть на часы. За столом сидела Е. А. Я тоже села и почувствовала запах мандаринов или апельсинов совсем близко. Я разговаривала с Е. А., но о запахе ничего не спросила. Через несколько минут я случайно обнаружила на столе корки от мандарина.

126. Как-то ко мне подошла Л. И., и я почувствовала от нее запах мандаринов. «Почему от вас пахнет мандаринами?» — «Потому, что я убирала со стола корки от мандаринов».

127. Я проснулась в 6 часов утра, но вставать было еще рано, и я продолжала лежать в постели. Через час я почувствовала движение в комнате игр. Я догадалась, что начали убирать в комнате. Через несколько минут я ощутила такой запах, какой бывает при мойке пола. Откуда мог быть этот запах? Я не чувствовала, чтобы уборщица приходила в мою комнату. Я подумала, что в буфетной комнате моют пол и оттуда запах пошел ко мне в комнату, несмотря на то что дверь была закрыта. Когда я встала и вышла в буфетную комнату, то проверила рукой — пол был уже вымыт. Следовательно, я не ошиблась, предположив, что из буфетной запах прошел в мою комнату, которую еще не убирали.

128. Я зашла в столовую в то время, когда готовили стол к завтраку, и узнала по запаху, что на завтрак будет вареный картофель с селедкой. Я не ошиблась.

129. Мне сказала А. И., что у нас есть посетители, которые пришли познакомиться с нашим институтом. Я сидела в комнате игр и разговаривала с В. По запаху я почувствовала, что в комнату зашли наши посетители. Через несколько минут ко мне подошла А. И. и сказала: «Они здесь».

130. Как-то я с Н. вышла из своей комнаты в буфетную комнату и ощутила запах рисовой каши. «Сегодня на ужин рисовая каша»,— сказала я. Я тогда опоздала на ужин, но дети уже поужинали, запах рисовой каши еще чувствовался в столовой и буфетной комнате.

131. Однажды с утра я ушла к подруге и вернулась только вечером. Войдя в вестибюль, я почувствовала запах папиросы и сказала Н.: «Значит, в лаборатории работают над прибором, потому что я чувствую, как сильно накурено».

132. Я была у своей подруги Н. Когда мы обедали, Н. сидела рядом со мной. По запаху я узнала, что она уже ест второе блюдо. Я не ошиблась.

133. Я была в лаборатории. Когда я оттуда вышла, то, находясь еще на верхней площадке лестницы, я почувствовала запах блинчиков и определила, что уже накрыт стол к завтраку. Когда я спустилась вниз и пришла в столовую, дети садились за стол.

134. Я сидела в своей комнате с Н. Дверь была открыта, и я почувствовала запах папирос. Н. хотела что-то мне говорить, но я встала и вышла в буфетную комнату. Я остановилась, так как почувствовала, что идет Х. Он подошел ко мне и спросил, что мне нужно. Я ответила: «Мне ничего не нужно. Я вышла потому, что почувствовала запах папирос».— «Это из канцелярии пахнет»,— сказал Х.

135. Я осматривала Музей Вооруженных сил СССР. После того когда я осмотрела часть музея и мы собрались уходить, мои руки были сильно испачканы. Нас пригласили в одну комнату, чтобы я помыла руки. Я не знала, что это за комната была, но сразу, как только мы в нее вошли, я почувствовала в ней тот особый запах, который бывает в тех комнатах, где имеются какие-нибудь старинные бумаги, препараты и другие вещи для научного пользования. М. М. сказала мне: «Мы находимся в кабинете для занятий научных работников».

136. Когда Е. А. пришла со мной заниматься, я почувствовала, что от нее пахнет резиной. «Почему от вас пахнет резиной?» — «Потому что я прорабатывала с детьми слово «мяч» и держала мяч в руках».

137. Однажды я возвращалась с X. из УИЭМа. В одном месте я почувствовала запах свежего хлеба. На другой стороне улицы этот запах усилился. Я спросила у X.: «Чем пахнет?» — «Не знаю, не разберу».— «Хлебом свежим».— «А-а... Да, здесь на углу пекарня».

138. Я была в своей комнате с Н. и что-то ей говорила. В комнату быстро зашел X. Н. не успела меня предупредить об этом. Но я сама об этом узнала по запаху и тихо позвала X. Когда X. вышел из комнаты, я спросила у Н.: «Почему же ты меня не предупредила, что пришел X., ведь я же с тобой говорила в это время?» — «Я не успела предупредить, а ты уже сама почувствовала».

139. Как-то утром я еще крепко спала, когда А. В. пришла меня будить. Почувствовав, что А. В. положила на мое плечо руку, я проснулась и сразу ощутила запах ваксы. Когда я совсем проснулась, то поняла, что А. В. чистила детям ботинки.

140. Я возвращалась из УИЭМа с А. И. Когда мы переходили улицу, я сказала: «Вот здесь на углу пекарня».— «Да, откуда ты знаешь?» — «Я по запаху хлеба чувствую».

141. Я шла с А. И. в УИЭМ. Мы были почти возле института. Вдруг я почувствовала запах конфет. Я спросила у А. Н.:

— Вот в этом месте продают конфеты?

— Да, здесь на улице продают.

142. Я шла по улице с Л. И. и вдруг почувствовала запах магазина. Я спросила:

— Здесь магазин?

— Нет, какие-то ворота.

— А в какой двор ворота?

— Здесь фруктовый магазин.

— Вот видите, я же чувствую по запаху, что магазин, а вы видите только ворота.

143. Один раз я лежала на диване в столовой. Кто-то слегка тронул меня за волосы, но я не обратила на это внимания, думая, что кто-нибудь из детей случайно задел меня. Вдруг край халата закрыл мне лицо. По запаху я узнала, что это была А. И., которая часто шутит со мной.

144. Я занималась с Е. А. в моей комнате. Когда мы сделали перерыв, я пошла пить воду. Зайдя опять в комнату, я ощутила запах А. И. и спросила Е. А.: «Здесь А. И.?» — «Да».— «То-то я чувствую, что ею здесь пахнет».

145. Как-то я хотела пойти в комнату игр. Но когда я зашла в столовую, я почувствовала недалеко от себя запах X. Я улыбнулась и без всякой причины вернулась опять в свою комнату. Через несколько минут после этого ко мне подошел X., и я почувствовала от него тот же запах, который чувствовала и в столовой.

146. Как-то я стояла в столовой возле столика и пила воду.

Мимо меня прошла Р. Г. Напившись воды, я пошла в свою комнату. Но, лишь только я зашла в комнату, сразу почувствовала в комнате запах Н. Это было так неожиданно, что я от удивления остановилась, думая, что мне просто почудился запах Н. Но я не ошиблась. Н. действительно сидела у меня в комнате.

— Ты давно пришла?

— Нет, только что.

— А кто тебе открыл дверь?

— Р. Г.

— Почему же она мне ничего не сказала? Ведь она сейчас проходила мимо меня.

— Она хотела тебе сказать, но, когда увидела, что ты идешь сюда, решила, что ты и сама узнаешь о том, что я пришла.

— Да я и узнала, но не поверила себе.

147. Однажды у меня была Н. В это время А. В. позвала меня пить чай. После чая, проходя через буфетную комнату, я почувствовала там запах Н., а когда пришла в свою комнату, Н. не было. Я вернулась в буфетную комнату, подошла к столу и узнала, что Н. пьет чай. «Ты здесь? А я удивилась, почему здесь пахнет тобой».

148. Ко мне подошла В. М. (дело было вечером) и спросила:

— Если хочешь, идем почитаем.

— А разве свет есть?

— Да, есть, почему ты думаешь, что не было света?

— Потому что я сейчас чувствовала запах горящей свечи.

— Да, свеча горела; это Л. И. зажгла свечу в комнате игр, так как искала на полу какую-то мелкую игрушку.

149. Однажды вечером я читала в столовой. Я недавно встала после гриппа и еще не совсем поправилась; я была вся закутана, и даже часть лица была закрыта, причем мой нос совсем был спрятан под платком. Но вот я почувствовала запах горящей свечи. Меня это заинтересовало, и я пошла в комнату игр.

— Л. И., это у вас горит свеча?

— Даже две, а что?

— Я чувствовала, что горит свеча, и пришла проверить.

— Свет потух, и я зажгла свечи, а они тебя беспокоят даже через платок,— пошутила Л. И.

150. Я читала с А. В. и вдруг ощутила тот запах, какой обычно бывает в аптеке. Я не понимала, откуда исходил этот запах. Запах чувствовался совсем близко. Я положила руку на стол и обнаружила на нем кулечек с шампунем, который только что купила в аптеке Л. И. и положила на стол возле меня. Я же так внимательно слушала чтение, что не заметила, когда подходила Л. И., а вот запах почувствовала сразу, несмотря на то что была сосредоточена.

151. За ужином В. М. показала мне, что она поставила за тарелкой блюдце.

— А что в блюдце? — спросила я.

— Сама узнаешь,— ответила В. М.

Я доела кашу и стала доставать блюдце. Прежде чем я успела поставить блюдце возле себя, я почувствовала запах халвы и по этому запаху узнала, что в блюдце была халва.

152. Я не знала о том, что в саду был колодец канализации, прикрытый только куском дырявого железа. Я ходила по саду (он мне был еще незнаком). Когда я подошла к кусту сирени, моя правая нога попала в какую-то дырку; в то же время под левой ногой оторвался кусок рыхлой земли, и обе ноги стали скользить в яму. Я почувствовала запах чего-то затхлого и закричала. В испуге я ухватилась за ветки сирени, и они меня спасли от падения в яму. Цепляясь за куст, я вынула ногу из ямы. Ко мне подбежал один мальчик и увел меня от колодца канализации.

153. Я сказала Б., что у Х. духи «Камелия».

— Нет, это у меня «Камелия»,— возразила Б.

— И у него тоже,— сказала я.

— У него «Гвоздика».

— Ты ошибаешься, «Гвоздика» у меня.

Б. долго не соглашалась со мной, но потом спросила у Х., и он ей сказал, что у него духи «Камелия».

154. Я шла с Е. А. по улице. Она мне ничего не сказала и сразу повернула вбок. Мы подошли к двери, и я удивленно спросила: «Разве вам в аптеку нужно?» — «Да».

155. Я читала с Е. А. в своей комнате. По запаху я почувствовала, что Х. и еще кто-то пришел в комнату. Я тихо спросила у Е. А.: «Кто пришел?» — «Пришел Х. с кем-то из редакции».

156. Я гуляла по улице с Р. Г., мы ходили вокруг нашего дома. Когда мы поворачивали, я всегда знала, в какую сторону мы идем. Но вот я о чем-то задумалась и забыла, поворачивали ли мы в обратную сторону. Когда мы проходили мимо аптеки, я сразу почувствовала запах и узнала, в какую сторону мы идем.

157. Я пришла из города и, едва вошла в вестибюль, почувствовала запах борща. «Наши уже обедают»,— сказала я. Я не ошиблась: дети уже сидели за столом.

158. Я читала с А. В., но вот она остановилась и о чем-то начала говорить. Я подумала, что А. В. говорит с Е., потому что от того, кто подошел, сильно пахло кухней. Словно угадав мою мысль, А. В. сказала: «Да, Оля, я говорю с Е.».

159. Мне нужна была М. А., я ее в комнате не нашла и пошла в ванную. Войдя туда, я по запаху узнала, что купается В.

160. Однажды мне случайно попалось то полотенце, которым

вытиралась В., я это сразу узнала по запаху. После этого я стала следить, чтобы мне не попадалось полотенце В. Один раз я искала свое полотенце, возле меня была А. И. Когда я по запаху нашла полотенце В., я дала его понюхать А. И. «Вот это полотенце В.». Но А. И. ответила: «Я никакого запаха не чувствую; по-моему, все одинакового запаха».

161. Как-то за завтраком мне дали чай без молока. Я поняла, что молока нет. Когда я напилась чаю и подошла к другому столу, то увидела на столе кофейник. Возле меня была А. И. Я спросила:

— Сегодня нет молока?

— Нет.

— А что это в кофейнике?

И, не дожидаясь ответа, я взяла кофейник и поднесла его к лицу.

— А, это кофе,— сказала я и поставила кофейник обратно на стол.

162. Я была у Н., и мы сидели в садике. Нас позвали в комнату обедать. Когда я вошла в комнату, то сразу определила по запаху, что на обед суп и жаркое. Я не ошиблась.

163. Я была на вечере. Людей было много, а следовательно, и много всяких запахов. Вдруг я почувствовала знакомый мне запах одеколона. Этот запах я чувствовала как-то от Л. И., но я знала, что Л. И. осталась дежурить в клинике. Я подумала, что, может быть, пришла сестра Л. И., и спросила об этом у А. И. «Нет, я нигде не вижу сестры Л. И.»,— отвечала А. И.

Через несколько минут после этого к нам подошла сестра Л. И., и я почувствовала, что от нее пахнет именно тем одеколоном, запах которого я и почувствовала.

164. Одно время я читала с В. М. Шекспира. Раз В. М. говорит мне:

— Эта книга еще пахнет типографской краской; вероятно, она недавно вышла из печати, и поэтому у меня так сильно дерет в горле, когда я начинаю читать эту книгу.

— Не может быть, эта книга уже старая и совсем не пахнет типографской краской,— ответила я.

Действительно, книга была старая, изданная в 1902 г.

165. Мне нужен был Х., я пошла к его кабинету. Когда я проходила через верхний вестибюль, то почувствовала, что из зала пахнет папиросами. Я удивилась и остановилась.

Я знала, что у нас никого в это время не было. Потом я вспомнила, что два часа назад у нас была экскурсия. В лаборатории были экскурсанты, поэтому там и было накурено.

166. Как-то я почувствовала, что у нас в доме пахнет краской. Сначала я не поняла, откуда этот запах, но через несколько минут

сообразила: я вспомнила, что ремонт в кабинете Х. не закончен и, по всей вероятности, там красят что-нибудь. Я не ошиблась: в кабинете действительно красили пол.

167. Я была в своей комнате и почувствовала запах спирта. Я пошла в детскую спальню — запах спирта был еще резче. Я спросила у А. И.: «Почему здесь пахнет спиртом?» Она объяснила мне, что растирала спиртом А.

168. Я чувствовала, когда А. В. шла гулять с детьми. В это время я сидела в столовой на диване и читала. Когда я устала читать, то пошла в комнату игр, чтобы пройтись немного, и почувствовала там запах Варвары. Меня это удивило: я была уверена, что и Варвара пошла гулять. Я решила, что это мне так кажется, но в это время ко мне подошла Варвара: она тоже почувствовала, что я зашла в комнату, и начала искать меня по комнате.

169. Однажды на уроке химии, когда П. говорил о свойствах газов и металлов, я сказала ему, что медные и серебряные монеты имеют слабый запах.

П. возразил:

— Нет, я много раз нюхал медные деньги и никакого запаха не чувствовал. Я хорошо знаю, что ни медь, ни серебро не имеют запаха.

Я предложила ему взять деньги и проверить вместе со мной. Он достал несколько монет, и мы стали усердно их нюхать.

— Да,— сказал П. смущенно,— теперь и я чувствую, что запах есть.

— Ну вот, я же вам говорила, что есть запах, а особенно, если монету немного потереть, запах будет сильнее.

170. Однажды я шла в городе с А. А. и вдруг почувствовала запах цветов белого табака. Я спросила:

— Ты видишь где-нибудь цветы?

— Да, мы проходим мимо хорошего палисадника, где много цветов табака.

171. Я шла с Б. по улице (это было в начале июня) и почувствовала запах белой акации.

— Ты видишь акацию? — спросила я.

— Да, мы прошли мимо цветущей акации.

172. Я долго не выходила из своей комнаты. Дверь я закрыла, поэтому запах из других комнат не проникал ко мне. Когда же я вышла в вестибюль, то почувствовала запах папирос. Я спросила у Е. А.:

— Кто наверху есть?

— Сейчас никакого нет, а был недавно Н. А.

173. У меня была Н. и попросила дать ей одну книгу.

— Мне нужно идти наверх в библиотеку за книгой,— ответила

я и пошла наверх. Я зашла в библиотеку, подошла к шкафу тихо и осторожно. Вероятно, Х. это заметил. Он подошел ко мне.

— Здесь работают несколько человек.

— Да, я чувствую, но мне нужно взять книгу.

— Ты можешь делать все, что тебе нужно, и не обращай на нас внимания.

174. Был свободный выходной день, и я с утра играла с детьми в комнате игр. Мне нужно было на минутку выйти в столовую и, когда я вышла, почувствовала в столовой запах Х. Я догадалась, что это он, не желая нам мешать, наблюдал за нами в дверях столовой. На другой день Х. сказал мне, что он видел, когда я играла с детьми, но не хотел нам мешать.

175. Ко мне подошла Ч., и я сразу почувствовала от нее запах духов «Саида». Когда я у нее спросила: «Вы душились «Саидой»?» — она ответила: «Да, от вашего носа ничего не скроешь».

176. Я сидела на диване. Рядом со мной сидела Е. А. Я почувствовала, что от нее пахнет резиной.

— Почему от вас пахнет резиной?

— У меня в руке прибор, я пойду выслушивать А.

177. Я сидела с Е. А. в ее кабинете, а так как Е. А. разговаривала с врачом, то я сидела спокойно. Вдруг мое внимание привлек запах со стороны двери. Я повернулась туда. Е. А. сказала: «Сюда пришла Ч.».

178. Как-то часов в 7 утра я проснулась, чувствуя сильный запах махорки. В первую минуту я никак не могла понять, откуда мог идти этот запах. Через несколько минут ко мне подошла дежурная и сказала:

— Нужно сейчас вставать, потому что пришли рабочие делать ремонт.

— А где они сейчас?

— Они ушли во двор, а раньше были в умывальной комнате.

179. Я была у себя в библиотеке. Перед обедом я пошла вниз. Находясь еще на верхней площадке лестницы, я почувствовала запах арбуза. Я догадалась, что у нас к обеду на третье будет арбуз.

180. Я была в саду, когда меня позвали обедать. Входя в дверь комнаты игр, я почувствовала запах дыни, которую разрезали в буфетной комнате. Действительно, на третье нам подали дыню.

181. После выходного дня Л. И. сказала мне:

— Вчера в городе были маневры. Ты не знаешь, проходили ли мимо нас?

— Мне никто не говорил о том, что проходили, но я думаю, что да, так как у нас в саду был такой запах, как будто бы на улице было много людей.

182. Однажды, когда ко мне подошла А. В., чтобы читать со мной, я почувствовала, что от нее пахнет яблоками.

— От вас пахнет яблоками,— сказала я.

А. В. достала из кармана яблоко и дала мне.

183. Как-то около 11 часов, зайдя в комнату игр, я почувствовала запах одеколона, которым душилась Л. И. Я подошла к шкафу — там стояла Л. И.

— Почему вы пришли так рано?

— Потому что у меня есть здесь работа.

184. Как-то после занятий я легла отдохнуть и уснула. Вдруг чувствую, что в моей комнате пахнет одеколоном Х. Я начала просыпаться, думая в то же время: «Почему же я чувствую запах Х.?» Как бы в ответ на мое недоумение по спинке кровати тихо постучали. Я протянула руку — за спинкой кровати действительно стоял Х.

185. В 9 часов вечера я пошла в комнату игр и спросила Л. И.:

— Не знаете ли вы, как себя чувствует Х.?

— Не знаю: он сразу ушел, как только позанимался с М.

— А мне кажется, что он заходил после ужина.

— Нет.

— А я вам говорю, что был. Когда вы поднимали каталку, я проходила через столовую и чувствовала его запах.

— Да, верно! Я забыла, так как он сюда не заходил, а был только в столовой.

186. Я сидела на диване в столовой. Мимо меня прошла А. В. с М., и я почувствовала запах горящей свечи. Я подумала, что потух свет, и пошла спросить об этом А. В. «Да, свет не горит, и я хожу со свечой».

187. Я читала с А. В. в спальне, туда кто-то зашел. По запаху лекарства я узнала, что пришла Л. И., и позвала ее.

— Ты по запаху лекарства узнаешь меня?

— Да.

188. Был выходной день. После вечернего чая А. В. ушла гулять с детьми в сад. Она предупредила меня, что в помещении никого нет. Я была в своей комнате. Вдруг у меня возникло сильное желание пойти к парадной двери и посмотреть, не звонит ли Н. Минут 10 я медлила, так как думала, что только даром выйду на холод. Наконец, я не вытерпела и пошла в вестибюль. Подходя к парадной двери, я почувствовала запах одеколона и поэтому смело открыла дверь. За дверью стояла Н.

— Ты давно звонишь?

— Да, я уже хотела идти к черному ходу, но там тоже закрыта дверь в коридоре.

— Все равно в доме никого нет, и с черного хода тебе не от-

6 Заказ 812

крыли бы. Меня все время тянуло посмотреть, не звонишь ли ты, но мне не хотелось выходить даром.

189. Я была в своей комнате и определила по запаху, что из буфетной комнаты пахнет компотом из сушеных фруктов. За обедом, когда я пила компот, то обнаружила, что в компоте есть сушеные груши и абрикосы, а яблоки свежие.

190. Однажды, часов в 6 вечера, я вышла в сад и ощутила, что в воздухе сильно пахнет дождевой свежестью. Я спросила у А. В.:

— Был дождь?

— Нет.

— А почему же такой свежий воздух?

— Просто потому, что хороший вечер.

Когда мы хотели сесть на скамейку, она оказалась немного мокрой. Я опять спросила А. В.:

— А почему же скамейка мокрая, если дождя не было?

— Я забыла: дождь был еще в 4 часа, но шел недолго.

— Вот видите, вы забыли, а меня уверяете, что это просто хороший вечер.

191. Как-то во время моих занятий с Х. на читающей машине в лабораторию пришла Е. А. и еще кто-то. Я спросила у Х.:

— Кто это пришел?

Мне показалось, что Х. ответил:

— Я ее не знаю.

Меня это удивило, так как я чувствовала запах не «ее», а «его». Я сказала:

— Так это ведь мужчина.

— Я тебе и говорил, что пришел Н. А. и Е. А.

— А я вас не поняла, но чувствую мужской запах.

192. Когда-то я провожала Е. А. до ее квартиры, а потом вместе с нею вошла и в квартиру. Войдя в столовую, я сразу почувствовала запах мужского костюма и папирос.

— Кто у вас есть?

— Нет никого.

— Почему же так сильно пахнет мужским костюмом?

— Может быть, потому, что сегодня П. был целый день дома и занимался в этой комнате. Сейчас его нет.

193. Я зашла в комнату игр и остановилась, чтобы вчувствоваться, есть ли там кто-нибудь. Ко мне подошла Л. И. Я уже открыла рот, чтобы задать ей один вопрос, но вдруг ощутила запах хлеба и задала совсем другой вопрос:

— Вы кушаете хлеб?

— Да, я спешу и на ходу ем.

194. Я печатала на машинке в своей комнате. Вдруг запах горящей спички привлек мое внимание. Я даже испугалась немного,

так это было неожиданно. Я встала со стула и подошла к двери. В дверях стояла Е. А.

— Что случилось? — спросила я.

— Я пришла к себе, а света нет, я зажгла спички.

195. Как-то я ехала в трамвае. После одной остановки я почувствовала запах черемухи. Я спросила у своей спутницы:

— Откуда это пахнет черемухой?

— В трамвай вошла какая-то девушка с букетом черемухи.

196. Однажды я налила из графина воды, но, когда поднесла стакан к губам, почувствовала, что вода имеет какой-то неопределенный запах. Мимо меня проходил X. Он заметил, что я не решаюсь пить воду, и подошел ко мне.

— Вода чистая, можно пить.

— Но она имеет какой-то странный запах.

— На вид она очень чистая, прозрачная.

Я сказала:

— Должно быть, кипяченая вода была в кувшине, когда остывала, и до сих пор сохранила запах кувшина.

197. Раньше я часто бывала в школе слепых, где училась моя подруга. Среди старших воспитанников был один студент, носивший кожаную куртку. Эта куртка издавала сильный запах кожи. Если я находилась в коридоре, то по запаху кожи узнавала, что мимо меня прошел этот студент. Иногда я с подругой гуляла в коридоре или в зале и, когда чувствовала запах куртки, сообщала подруге:

— Сейчас мимо нас прошел Р.

— Странно, откуда ты знаешь? Он действительно прошел и даже сказал нам: «Здравствуйте, девушки!» — но ты же этого не слышала.

— Я по запаху его куртки узнала, что он проходил.

198. Когда-то я была у Н. Она уехала на дачу за город, а я осталась у нее. Часа через два мать Н. предложила мне идти вместе с нею к трамваю, чтобы встретить Н. Мы вышли на улицу, но, пройдя шагов с двадцать, я вдруг почувствовала запах одеколона Н., и, сделав еще несколько шагов, мы подошли к Н., которая уже сама шла от трамвая домой.

199. Когда я и Ф. вернулись из города, нам открыла дверь Г. Она пошла рядом со мной, и я почувствовала, что от нее пахнет тем же одеколоном, как и от Ф. Я моментально подумала: «Она надушилась тем же одеколоном для того, чтобы я не различала, будет ли она в квартире».

Это предположение было вполне вероятным, так как я знала, что Г. и Ф. хотели меня дезориентировать, чтобы я не чувствовала присутствия Г. Но это им не удалось, так как я поняла их

намерение и стала обращать внимание не только на один запах одного и того же одеколона, а вообще на все признаки, которые мне могли бы помочь разобраться в намерениях Ф. и Г. Но я делала вид, что ничего не понимаю.

200. Я была больна и лежала в своей комнате. Я чувствовала, что пахнет нафталином. Когда я вышла в вестибюль, запах нафталина был еще сильнее. Позже ко мне подошла Л. И. Я спросила ее:

— На лестнице постелили ковер?

— Да, откуда ты знаешь?

— Я почувствовала запах нафталина и сразу сообразила, что постелили ковер.

— И ты не ошиблась,— сказала Л. И.

201. Когда меня знакомили с Р. А., то я стояла с одной стороны возле стола, а она находилась на другой стороне; вышло так, что подали друг другу руки через стол. Когда Р. А. взяла меня за руку, я сразу почувствовала, что от нее пахнет папиросой. Через несколько дней после этого я почувствовала запах папирос в вестибюле и спросила у Л. И.:

— Кто курит?

— Курит Р. А.

— А я так и подумала, что она курящая, когда знакомилась с нею, хотя она в тот момент не курила, когда пожала мне руку.

202. 7 ноября, в то время когда по улице проходили демонстранты и вообще была масса людей, Л. И. с детьми и со мной тоже вышла на улицу. От скопления множества людей воздух был насыщен самыми разнообразными запахами. Вдруг я почувствовала запах, похожий на запах конфет. Я об этом сказала Л. И. Она понюхала воздух и сказала, что тоже чувствует этот запах. «Но это не конфеты пахнут, а какие-то духи имеют такой запах»,— сказала я.

203. К самым разнообразным запахам на улице, переполненной людьми, присоединился запах бензина. Я спросила у Л. И.:

— Неужели сейчас могут ездить автомобили?

— Нет, это проезжают гусеничные тракторы, и от них идет запах бензина.

204. Когда мы проходили мимо кооператива, Л. И. спросила меня:

— Что здесь такое?

— По-моему, кооператив.

— Ты по запаху узнала?

— Да.

205. Я читала с А. В. в детской спальне. Вдруг я почувствовала запах Р. А. Чтобы проверить, не ошиблась ли я, я поверну-

лась назад — за спинкой моего стула действительно стояла Р. А. «Я уже узнаю вас по запаху»,— сказала я, когда она взяла меня за руку.

206. За обедом я по запаху узнала, что на третье будут мандарины, хотя на тарелочку мне еще ничего не положили, а просто на столе в тарелке лежали мандарины.

207. Как-то мы были в городе, зашли в обувной магазин. Р. А. ничего мне не говорила о том, что мы зайдем в этот магазин, но я это узнала по запаху новой обуви. И действительно, Р. А. покупала для Марии ботинки.

208. Я занималась с Х. в его кабинете и почувствовала, что в лаборатории кто-то курит. Я спросила у Х.:

— В лаборатории кто-нибудь работает?

— Да, работает П.

— А дверь оттуда закрыта?

— Закрыта.

— Значит, я через закрытую дверь чувствую, что в лаборатории курят.

209. На Новый год за утренним чаем детям дали кулечки с гостинцами. Передо мной тоже положили кулечек, но я долго пила чай, а дети уже начали есть свои гостинцы. Я почувствовала запах мандаринов и догадалась, что в кулечке есть и мандарины. Я не ошиблась.

210. Я читала с Л. И. в моей комнате и почувствовала по запаху папирос, что в комнату кто-то зашел. Я показала пальцем в сторону двери, откуда чувствовала запах. Она сказала мне: «Зашла Р. А.».

211. Во время обеда я почувствовала, что в столовой пахнет валерьянкой. Когда я поела и пошла в детскую спальню, там была Л. И. Я спросила ее:

— Вы знаете, кто пил валерьянку, когда я обедала?

— Я не знаю. Я сейчас спрошу.

Л. И. обратилась к дежурной, а затем сказала мне:

— Это А. В. принимала валерьянку.

212. Я читала с А. В. в детской спальне. После чтения я пошла в свою комнату. Когда я открыла дверь и зашла в комнату, то почувствовала по запаху, что в комнате кто-то есть. Я подошла к столу и наткнулась на отодвинутый стул, на котором сидела Е. А. Она сказала: «Я замерзла наверху и пришла заниматься в твою комнатку».

213. Как-то я пошла к одной сотруднице школы слепых за книгами. Я месяца два не была у нее. Когда сопровождавшая меня Е. постучала в дверь, нам кто-то открыл ее, но я, конечно, не могла слышать, кто это открыл. Зато я почувствовала, что из ком-

наты идет запах папирос. Сотрудницы не было дома, и я ушла. Дорогой я думала: «Кто бы это мог быть у В. В., ведь она живет одна и не курит?»

Вдруг я вспомнила, что у В. В. есть отец, который, вероятно, приехал к ней. Я не ошиблась: дома мне А. В. сказала, что к В. В. действительно приехал отец.

214. Однажды после обеда, проходя через буфетную комнату, я почувствовала запах сапог, смазанных дегтем. Меня это очень удивило. Я пошла в спальню и спросила Е. А.:

— Кто у нас был из чужих?

— Не знаю, я никого не видела.

— А я думаю это потому, что почувствовала запах сапог.

Мы пошли в буфетную комнату. Там никого не было. Тогда Е. А. заглянула в вестибюль и сказала мне:

— Это пришла Д. в новых сапогах.

215. Я еще крепко спала, как вдруг почувствовала запах яблок. Потом что-то холодное стало прикасаться к моему носу. Я проснулась и нашла на своей подушке несколько яблок. Два-три яблока закатились ко мне под простыню, которой я была укрыта. С. стоял возле моей кровати и прикладывал яблоко к моему носу.

— Зачем ты разбудил меня? — спросила я.

— Чтобы ты кушала яблоки.

— Ты мог бы и потом дать мне яблоки, зачем же будить?

— Ничего, ты еще успеешь выспаться, сейчас только 6 часов утра.

— Уйди, не мешай мне спать!

— Нет, ты сначала съешь яблоко, а тогда будешь спать.

Но спать мне больше не пришлось, так как я не хотела есть яблоко, а С. не отставал от меня.

216. Однажды я долго была в саду, а когда пришла в свою комнату, почувствовала запах яблок. Но мне и в голову не пришло, чтобы кто-нибудь принес мне яблоки. Я подошла к кровати и хотела взять юбку, которую я перешивала. Но едва я приподняла край юбки, как что-то стало падать на пол. Я осмотрела рукой кровать — на кровати лежали яблоки, которые были и на юбке. Я улыбнулась и подумала: «Это, должно быть, Х. положил на юбку яблоки».

Я позвала В. М. и спросила:

— Вы не видели, кто принес мне яблоки?

— Нет, не видела. Наверное, Х., потому что, кроме него, никто не приходил.

217. Как-то А. В. гуляла с детьми в саду, и я к ним вышла. Накануне выпал небольшой снежок и тонким слоем покрыл землю. А. В. сказала мне:

— Все кругом побелело, только одна маргаритка зеленеет на клумбе. А. В. подошла к клумбе, сорвала один цветок и дала мне понюхать. Я сразу по запаху узнала, что это не маргаритка, а садовая ромашка.

218. Я была в саду. Мне сказали, что ко мне пришла Л. Когда Л. подошла ко мне, я сразу почувствовала от нее такой запах, какой бывает в аптеках.

— Ты была в аптеке? — спросила я.

— Да, я покупала краску.

219. Во время чтения с А. В. мне захотелось пить. Я пошла, выпила воду и вернулась в спальню. Я почувствовала в спальне запах апельсина, которого раньше не чувствовала.

— Кто это кушает апельсин?

— Я,— сказала А. В.

220. Я зашла в свою комнату и села на стул возле стола. Я почувствовала запах конфет и апельсинов, но подумала, что это запах распространился из буфетной комнаты в мою комнату. Однако запах чувствовался близко, и я машинально положила руку на стол. На столе лежала большая круглая коробка с конфетами и на ней кулечек с апельсинами. Это были гостинцы для меня к 1 Мая.

221. Войдя в свою комнату, я почувствовала тот запах, который имеют портфели. Это удивило меня. Я подошла к столу и осмотрела его рукой. На столе ничего не было. Я подумала, что, может быть, в мою комнату заходила Т. А. и у нее был портфель. В руках у меня была книга, и я подошла к дивану, чтобы положить ее на полку. Случайно я зацепилась рукой за портфель, который лежал на диване. Я догадалась, что Л. И. оставила свой портфель. Когда Л. И. пришла заниматься со мной, я в шутку сказала:

— Вы знаете, мне кто-то портфель подарил.

— Нет, это я забыла взять свой портфель.

222. Однажды я возвращалась из парикмахерской с Т. А. В одном месте она остановилась, и я почувствовала запах апельсинов.

— Хотите скушать апельсин? — спросила Т. А.

— Я не отказалась бы.

223. Я была в детской спальне. В. А. сказала мне, что пришел Д.

— Не может быть, ведь он уехал в Киев,— возразила я.

— Значит, уже приехал.

Я все же не поверила В. А., но когда вошла в вестибюль, то по запаху папирос действительно узнала, что пришел Д. Я ушла к себе в комнату. Через несколько минут ко мне зашел Д. От него пахло мятными конфетами. Я догадалась, что М. К. угостила его этими конфетами. На следующий день я спросила у нее:

— Вы вчера угощали Д. мятными конфетами?

Она засмеялась и ответила:

— Да, откуда ты знаешь?

— Я по запаху узнала.

224. У наших сотрудников было собрание, но я на нем не присутствовала, а отдыхала. Когда я проходила мимо лаборатории, где было собрание, я почувствовала запах папирос Д. «Разве он тоже на собрании? Нет, это мне так кажется»,— подумала я.

Через полчаса ко мне зашел Д.

— Ты тоже был на собрании?

— Да, но я опоздал немного.

— Мне никто не говорил, что ты придешь.

225. Я была в своей комнате и снимала украшения с новогодней елки, которая начала уже осыпаться. В комнату проник запах папирос и привлек мое внимание. Я пошла в лабораторию с тем, чтобы позвать Л. И. и спросить у нее, кто к нам пришел. Но Л. И. еще не успела подойти ко мне, и я ушла в комнату. Ко мне подошла санитарка, но я не успела задать ей мой вопрос, так как в это время подошла Л. И.

— Кто у нас есть? — спросила я.

— У нас много людей,— ответила Л. И. с такими движениями пальцев, точно ей не хотелось отвечать на мой вопрос.

— А все-таки кто же?

— Дворник... А. М. ...

— А. М. не курит, я знаю.

Л. И. ушла. У меня появилось чувство досады, так как мне казалось, что в клинике был Д., а Л. И. почему-то не сказала мне этого. «Конечно,— думала я,— я могу и ошибаться». Во второй половине этого дня Т. А. спросила у меня:

— Сегодня был Д.?

— Да,— ответила я неопределенно.

— Откуда вы знаете?

— Мне сказала К.

— Да, он был, но я его не видела.

На следующий день, когда в клинику пришла Л. И., я опять спросила у нее:

— Кто вчера был у нас?

— Да много людей было...

— Л. И., как вам не стыдно! Я знаю, что был Д. Зачем вы скрываете?

Л. И. очень смутилась.

— Видишь ли, он очень спешил и не мог к тебе зайти. Ему было неудобно перед тобой, и он просил лучше не говорить тебе, что он был.

— А вы бы ему объяснили, что бывают такие моменты, когда я и сама многое чувствую, а если мне говорят неправду, меня это раздражает.

— Да я ему так и сказала и уверяла его в том, что скрывать нельзя, если ты сама чувствуешь что-либо. Но он этого не понял и поставил нас в самое неприятное положение.

226. Как-то вечером я возвратилась домой от знакомых. Парадную дверь мне открыла М. К., и я почувствовала, что от нее пахнет хлебом. М. К. очень заинтересовалась, с кем я пришла, и выглянула на улицу. Я сказала:

— Чего же вы с куском хлеба выглядываете на улицу?

— Я хочу кушать, а мне некогда присесть за стол, я хожу и кушаю хлеб.

227. Я была в городе с А. В., и, когда мы проходили мимо киоска, я почувствовала запах апельсинов.

— Вы видите где-нибудь апельсины?

Она оглянулась.

— Да, мы прошли мимо апельсинов.

228. Л. И. работала со мной в моей комнате, а потом вышла в библиотеку, где работали полотеры. Через открытую в библиотеку дверь я ощутила запах мастики, которой полотеры покрывали пол. Когда Л. И. возвратилась ко мне, я спросила:

— Уже покрывают пол мастикой?

— Да, а ты по запаху чувствуешь?

— По запаху.

229. Я была в одном из районов города, называемом Журавлевкой. Здесь я почувствовала, что в воздухе много дыма, да и другие запахи больше соответствовали запаху села, а не города. Я спросила у Л. И.:

— Не напоминает ли вам Журавлевка деревню?

— Да, напоминает.

— Значит, мои ощущения не обманывают меня, ведь вы то же самое чувствуете?

230. Я была в городе с Л. И. Она зашла в один магазин, но не сказала предварительно в какой.

— Что ты здесь чувствуешь?

— Запах рыбы.

— А еще что?

Я вчувствовалась в запах и сказала:

— Чувствую запах лимонов. Разве здесь и лимоны есть?

— Да.

231. Я слишком привыкла к тому, что целиком руковожусь обонянием и осязанием, и поэтому все, что я воспринимаю из окружающей среды, кажется мне таким же обычным, как если бы

я воспринимала посредством зрения и слуха. Но я замечу, что бывают случаи, когда я сама поражаюсь тому, что у человека при известных условиях органы чувств могут быть крайне развиты.

Привожу такой пример.

Я была в умывальной комнате и мыла голову. Комната была полна водяных паров, и это немного притупляло обоняние. Дверь, которая выходила в вестибюль, была закрыта. Вдруг я почувствовала слабый запах папирос. С удивлением я подумала: «Неужели пришел Д.? Ведь сейчас же около 10 часов вечера». В это время мимо меня проходила дежурная сестра. Я остановила ее за руку.

— Кто пришел?

— Пришел Д. по делу к М. К.

— Я так и думала,— ответила я и мысленно задала себе вопрос: «Почему же я так думала, ведь могла бы прийти А. И., которая тоже курит. Неужели я с помощью обоняния могла узнать, что запах тех папирос, которые курит Д., чем-то отличается от запаха папирос, которые курит А. И.?»

232. Как-то я проснулась и посмотрела на часы. Они стояли. Я абсолютно не вижу света и даже приблизительно не могла определить время. Но вот я через закрытую дверь ощутила тот запах, какой обычно исходит из кухни. Это дало мне возможность определить, что уже утро. А когда я сошла вниз и посмотрела на часы в спальне, то увидела, что уже 8 часов.

233. Однажды утром я зашла в свою комнату и почувствовала, что у меня особенно сильно пахнет розами. Накануне мне подарили розы, но в данную минуту я ясно чувствовала запах совсем свежих роз. Я специально подошла к столу и обнаружила на нем свежий букет роз — их только сейчас принесла Л. И.

234. В один чудный майский вечер я пошла в парк с А. Гуляющих, как и всегда в хорошую погоду, было очень много. Это я могла определить по самым разнообразным запахам.

Мне не хотелось сесть на скамейку в тех местах, где было много людей, поэтому я просила А. найти наиболее безлюдный уголок. В одной аллее мы нашли скамейку, на которую и сели. Через некоторое время я ощутила неприятный запах пьяного человека. Я схватила А. за руку и прошептала:

— Пьяный кто-то...

— Да, подошел только что какой-то субъект.

Мы встали и ушли на другое место.

235. Я и Л. И. сидели в лаборатории за столом. Вдруг я почувствовала запах арбуза (это было уже в 10 часов вечера).

— Почему пахнет арбузом? — спросила я.

— В. С. принесла нам арбуз,— сказала Л. И. и пододвинула ко мне тарелку с нарезанным арбузом.

1. Когда я иду по улице, я чувствую через сотрясение мостовой, проезжают ли автомобили, трамваи, автобусы и т. д. Даже часто находясь в помещении, которое близко к улице, я чувствую, когда по улице проезжают. Иногда кто-нибудь из слышащих уверяет меня, что на улице вовсе не проезжают, а прислушавшись, говорят: «Да, проехал автомобиль (или автобус)».

2. Если я постучусь в кабинет к X., то, стоя за закрытой дверью, я через пол чувствую, когда он встает и отодвигает стул.

3. Точно так же (через сотрясение пола) я по шагам узнаю безошибочно некоторых сотрудников.

4. Я всегда узнаю, когда по комнате проходит Мария. По утрам из своей комнаты я чувствую, когда она проходит в комнату игр.

5. Бывая в гостях у Н., я всегда отличаю ее походку от походки других членов семьи: у Н. (Н. слепая) более медлительная и неуверенная походка даже в своей квартире.

6. Так же легко, как и запахи, я ощущаю и различаю различного рода стук или шум передвигаемой мебели. Все эти движения передаются мне через вибрации пола. Однажды я занималась с Г. в столовой, где стоят два больших деревянных календаря, приспособленных для наших детей так, чтобы можно было поворачивать календарь на любую сторону. Когда календарь поворачивают, он производит стук. Одна из сотрудниц работала у календаря в то время, когда я занималась. Ощущая стук, который меня раздражал и мешал мне сосредоточиться, я не сразу поняла, что стучали календарем, и спросила у Г.:

— Кто стучит?

— Я никакого стука не слышу,— отвечала она.

Ее ответ меня очень удивил. Я была уверена, что если я ощущаю стук через вибрации пола, то Г. должна была услышать его раньше меня. Но у календаря продолжали стучать, и я не могла как следует сосредоточиться на том, что мне читала Г. Я выждала время, когда стук повторился несколько раз, и спросила:

— Неужели вы и теперь не слышите?

Г. ответила мне:

— Слышу. Это стучат календарем, но мне этот стук не мешает, и я не обратила на него внимания.

Я тогда подумала, что зрячие и слышащие настолько привыкают к различному шуму и стуку, что часто сами впадают в заблуждение, когда уверяют меня, что они ничего не слышат или не видят.

7. Было бы ошибочно думать, что обонятельные, осязательные и другие ощущения доступны слепоглухому, а также и мне только в те часы, когда мы бодрствуем, а во время сна теряем всякую чувствительность. Из своей личной жизни я знаю, что сильные запахи или сильный стук в пол часто будят меня. Приведу пример.

Однажды всю ночь меня беспокоил какой-то стук, я часто просыпалась, но никак не могла понять, что бы это значило. Иногда мне казалось, что меня будят чьи-то шаги в моей комнате. Утром я обратилась к дежурной с вопросом:

— Кто это стучал всю ночь?

— Это ссыпали уголь в кочегарку,— ответила дежурная.

— А вы приходили в мою комнату?

— Да, я из твоего окна наблюдала за рабочими.

8. А. В., зная, как легко я чувствую различное движение в комнате, придумала будить меня таким способом: когда она идет к окну открывать ставни, она свои шаги делает намеренно громкими, от чего вибрации пола становятся более ощутительными. Я немедленно просыпаюсь, когда чувствую ее шаги. Тогда А. В. подходит ко мне и говорит, что уже пора вставать. Иногда случается и так, что я почувствую ее шаги, но еще не успею проснуться. Чтобы окончательно разбудить меня, А. В. приходится положить свою руку на мое плечо. Чувствуя ее руку, я совсем просыпаюсь.

9. Однажды я сидела у окна своей комнаты. Я ожидала педагога, который со мной читает. Вдруг я почувствовала чьи-то шаги в комнате. Я поняла, что это шел не педагог. Но вчувствовавшись внимательно, я почувствовала шаги своей подруги. Я не ошиблась: это была она, но я ее в это время не ждала, и сама невольно удивилась тому, что я узнала ее в такое время, когда ожидала другого человека.

10. Несколько дней тому назад я сидела с Ч. в кабине. Мы читали книгу, но меня все время отвлекал какой-то стук. Я положила руку на стол и тотчас узнала, что кто-то печатает на брайлевской машинке. Я спросила об этом Ч. Она ответила:

— Это печатает П.

— Как он медленно печатает,— заметила я.

— Вы разве чувствуете это? — спросила Ч.

— Да, я хорошо чувствую каждый удар клавиш.

11. Я занималась с Е. А. в своей комнате. Рядом с моей комнатой находится детская комната игр. Мне очень мешала Мария, когда она бегала по комнате. Е. А. пришлось идти в комнату игр, чтобы остановить Марию.

12. Сегодня я читала с Ч. в моей комнате. Так же, как и вчера,

Мария своей беготней мешала мне сосредоточиться. Я об этом сказала Ч. Она ответила:

— Ведь Мария не очень громко стучит.

— Может быть, но мне через пол передаются вибрации очень ясно. Я сразу почувствовала, когда вы вошли в мою комнату.

13. Я не только чувствую, когда проходят по комнате, но могу даже по вибрации определить, чем производится тот или иной стук. Так, например, сегодня я читала в моей комнате. В комнате игр Мария катала шар на каталке. Лишь только я ощутила вибрации, я тотчас определила, что Мария катает шар. Я сказала об этом Ч. «Вы изумительно хорошо все воспринимаете»,— сказала она.

14. Если я вхожу в незнакомое мне помещение, я сразу узнаю, какой пол или лестница в этом помещении. Так, если лестница деревянная, я ощущаю как бы более длительный стук от своих шагов, а если она цементная, мне кажется, что стук от моих шагов короче. Когда я пришла первый раз в Институт экспериментальной медицины, я сразу почувствовала, что в том зале, где мы сидели на собрании, пол не деревянный, а такой же, как лестница.

15. Сегодня я читала с Ц. Во время чтения я обычно ставлю ноги на перекладину стула, чтобы мне удобнее было держать руку. В такой же позе я сидела и сегодня. Ц. немного повернулся, и его стул заскрипел. Я тотчас ощутила этот скрип и от неожиданности сильно вздрогнула и даже выпустила руку Ц. Он не мог понять, что со мной случилось. Когда же я ему объяснила, в чем дело, он сказал: «Да, я повернулся, и стул немного заскрипел».

16. Мне пришлось несколько раз плыть по Днепру на пароходе. Это было летом, и я все время находилась на палубе. Я очень хорошо чувствовала движение парохода, а работа машины напоминала мне биение большого сердца, которое находится как бы под палубой. Такое впечатление у меня было оттого, что палуба хорошо передавала мне те вибрации, которые сообщались ей от работающей машины.

17. Я думаю, что среди зрячих немного найдется таких, которые поверят, что слепоглухой может «слушать» пение и музыку. А между тем слепоглухой очень хорошо ощущает звук голоса и игру на музыкальном инструменте и может получить большое удовольствие. Конечно, «слушает» слепоглухой не ушами, а руками. Мне очень нравится класть руки на рояль или на какой-нибудь инструмент в то время, когда на нем играют. Также я люблю держать руку у горла поющего или говорящего. Нередко я определяю голос того, кого я слушаю. Приведу пример. Однажды в моем присутствии разговаривали между собой Л. И. и Ч. Голос Л. И. я

слушала уже много раз, и мне нравится ее голос. Голос Ч. я никогда еще не слушала, поэтому поинтересовалась ее голосом. Сначала я положила свою руку на горло Л. И. и затем на горло Ч. Я ощутила, что у Ч. голос немного ниже, чем у Л. И.; вместе с этим я почувствовала, что у Ч. приятный тембр голоса. Я спросила у Л. И., правда ли, что у Ч. голос ниже, чем у нее. Л. И. ответила мне:

— Нет, по-моему, не ниже, а просто она говорила сейчас громче, чем всегда.

Но мне все-таки казалось, что у Ч. голос ниже, и я решила спросить об этом мою подругу Н., которая обладает хорошим музыкальным слухом. На следующий день я познакомила Н. с Ч. и попросила ее обратить внимание на голос. Поговорив с нею, Н. сказала мне:

— Да, у нее голос немного ниже, чем у Л. И. Только у нее совсем другой тембр голоса, и поэтому не сразу можно определить, у кого из них ниже, но ты все-таки не ошиблась.

18. Благодаря тому что я рукой могу ощущать голос, если держу руку у горла говорящего, я часто кладу руку на свое горло в то время, когда говорю с кем-нибудь. Делаю я это потому, что, чувствуя свой голос, я могу им до некоторой степени управлять: говорить ниже или выше, тише или громче, резче или мягче. Если это мое признание покажется кому-нибудь странным или смешным, то это будет весьма неправильно, ибо моя рука ощущает мой голос почти так же, как если бы я могла ухом слышать свой голос. Я думаю, что было бы очень неплохо, если бы все глухонемые держали руку у своего горла в то время, когда они говорят. Их речь в таких случаях была бы гораздо приятнее и яснее. Если я знакомлюсь с новым человеком, я часто прибегаю к такому способу управлять своим голосом.

19. Если я рукой ощущаю тембр голоса, то из этого ясно, что я могу определить, конечно, может быть, не всегда, у кого бывает более симпатичный голос, а у кого он менее симпатичен. Так, например, недавно я слушала голос у Р. Л. в присутствии Н. Я еще не была знакома с голосом Р. Л. Послушав ее голос не более одной минуты, я сказала Н.: «Мне кажется, что у Р. Л. не особенно симпатичный голос. Мне гораздо больше нравится голос у Ч.». Н. ответила: «Да, у Р. Л. самый обыкновенный голос, и ты верно определила: у Ч. действительно приятный голос».

20. Одно лето я уезжала на отдых в Одессу с А. И. Она болела малярией, поэтому часто уходила в клинику, а я оставалась одна или в саду, или в комнате. Однажды у меня сильно разболелась голова от солнца, и я пошла в комнату, чтобы немного полежать. Закрыть дверь на ключ я не могла, так как я не услышала бы,

если бы А. И. стучала. Я придумала следующее: я подставила к двери стул и на него поставила еще скамеечку. Если в комнату войдет кто-нибудь, то я сразу почувствую, потому что скамеечка упадет на пол. Устроившись таким образом, я начала было засыпать, как вдруг почувствовала, что стул и скамеечка с грохотом повалились на пол и вслед за этим по комнате затопало несколько пар ног. Я вскочила с кровати и испуганно спросила: «Кто это?»

Ко мне подошли девочки из того института, в котором мы жили, и сказали, что ко мне пришли товарищи. Когда я начала говорить с товарищами, они мне рассказали, что, ничего не подозревая, они смело открыли дверь и были крайне удивлены тем, что на пол стали падать стулья.

21. Я занималась в своей комнате. Я готовила урок по какому-то предмету и была очень сосредоточена. В комнату зашла А. Г. мыть пол. Она так сильно затопала ногами, что я от неожиданности ужасно испугалась; кажется, что, если бы она еще раз топнула, у меня могла бы закружиться голова. На меня вообще очень неприятно действуют неожиданные и резкие прикосновения и какой-нибудь сильный стук.

22. Я читала с Ч. Вдруг я почувствовала чьи-то шаги и от неожиданности вздрогнула. Ч. сказала: «Это в соседнюю кабину зашел Х.».

23. Временно мы с А. И. читаем в детской комнате игр, чтобы ей удобнее было наблюдать за детьми. Мария все время бегает по комнате или катает шары по каталке и производит ужасный стук. В такой обстановке мне очень трудно воспринимать то, что читает А. И. Приходится напрягать все внимание, чтобы не пропустить чего-нибудь. И все-таки то одно, то другое слово я не пойму. Я пишу это и уверена, что очень немногие из зрячих и слышащих поверят в то, что мне, глухой, так же, как и им, трудно заниматься, если вокруг происходит всякая возня. Но факт остается фактом!

24. Обычно, когда я с Ч. читаю в кабине, там занимается Ц. Иногда он печатает на машинке, а если встает со стула, то производит движение. По этим признакам я уже знаю, что он находится в кабине. Но один раз, когда мы читали с Ч., я не чувствовала никакого движения и подумала, что Ц. нет в кабине. Когда мы закончили читать, я спросила у Ч.: «А где же Ц.?» — «Его нет, он совсем не был сегодня».

Значит, я не ошиблась. Мне так и казалось, что его нет, потому что никто здесь не производил движения.

25. Однажды, когда я зашла в свою комнату, мне показалось, что у меня в комнате кто-то есть (я чувствовала чьи-то шаги).

Я остановилась, чтобы лучше вчувствоваться. Ко мне подошел Х. и сказал: «Это я зашел посмотреть».

26. Я печатала на машинке, а ко мне в комнату зашел Х. Я его почувствовала по шагам, но продолжала печатать и даже не сразу остановилась и тогда, когда он прикоснулся к моему плечу. Я хотела дописать строчку, дописала и повернулась к нему.

27. Если я нахожусь близко возле рояля, я очень хорошо чувствую звуки не только тогда, когда держу руку на крышке рояля, но даже и тогда, когда снимаю руку с рояля. В этом нет ничего странного: ведь вибрации звука сообщаются всему инструменту, а так как инструмент стоит на полу, то вибрации передаются через пол, и я ногами ощущаю их, особенно если играющий берет сильные аккорды. Однажды я была у своей подруги Н. Она села играть на пианино, а я лежала на диване, который стоял рядом с пианино. Я не заметила, как уснула, но вдруг меня разбудили сильные вибрации звуков. Н. играла какую-то вещь, которая состояла из сильных аккордов. Я лежала на диване, и мне казалось, что внутри дивана находится музыкальный инструмент, похожий на пианино,— так сильно мне передавались вибрации звуков.

28. Один раз я была в Красном уголке слепых на каком-то докладе. Когда докладчик окончил говорить, духовой оркестр заиграл «Интернационал». Конечно, мне подруга сказала о том, что играют «Интернационал», но я сама настолько хорошо чувствовала вибрации через пол и скамейку, что могла совершенно верно делать движения рукой в такт музыке. Я держала руку подруги и делала движения. Подруга сказала, что я не сделала ни одной ошибки.

29. У меня был товарищ, который играл на кларнете. Один раз, когда он играл в оркестре, я сидела рядом с ним. Я не помню, какую вещь тогда играли, но помню хорошо, что товарищ держал меня за руку, а я делала движения в такт музыке. Когда кончили играть, я спросила товарища:

— Как, по-твоему, я правильно делала движения?

Он ответил:

— Совершенно правильно.

30. Я печатала на машинке в своей комнате. В комнату кто-то зашел (я почувствовала шаги), но не подошел ко мне. Я спросила:

— Кто это?

Тогда подошла А. Н. и сказала:

— Это я с завхозом.

31. Если я держу кого-нибудь за руку, я чувствую, когда он кашляет или смеется. А. И. очень кашляет, и во время чтения я часто прошу ее поменьше кашлять: «У вас такой нехороший кашель, что он на меня действует так, словно я сама кашляю».

32. Однажды я разговаривала с Х. Мне показалось, что он кашляет. «Вы кашляете?» — спросила я.— «Да».

33. Я была с Н. в Красном уголке слепых. Там читали газету, и Н. передавала мне ее содержание. Вдруг я почувствовала, что Н. смеется. «Почему ты смеешься?» — «Потому что Аня уже четвертый раз встает пить воду».

34. Когда-то я читала с Л. И. Я не знала, что ей что-то рассказывает П. А., поэтому удивилась, когда почувствовала, что Л. И. смеется. Я очень сосредоточенно слушала чтение, и мне не понравилось, что Л. И. начала смеяться. Я спросила ее с неудовольствием: «Почему вы смеетесь? Ведь сейчас ничего смешного в книге нет».— «Меня рассмешила П. А.»,— ответила Л. И.

35. Я читала с Ч. Кто-то зашел в кабину. Я вздрогнула, когда почувствовала шаги. Ч. сказала: «Сюда зашел рабочий, он смотрит отопление».

36. У меня были подруга с товарищем. Она передавала мне один его вопрос, и в то время, когда она мне говорила, я почувствовала, что она засмеялась. «Почему ты смеешься?» — спросила я. Подруга объяснила.

37. Я сидела в своей комнате с Н., а дети гуляли во дворе. Когда они вернулись с прогулки и пришли в комнату игр, я сразу это почувствовала по их беготне, по стуку стульев и по катанью шаров на каталке. Я спросила Н.: «Дети уже пришли?» — «Да».

38. Один раз я уезжала на несколько дней в Киев. Когда я вернулась в Харьков, я была очень усталая после дороги и сразу, как только приняла ванну, легла спать. Я крепко уснула, но все-таки чувствовала сквозь сон, как дети играли в комнате игр. Когда я проснулась, в комнате игр было тихо. Я подумала, что, может быть, дети ушли ужинать. Я стала ждать, но ничто не нарушало тишину. Я встала и пошла в другую комнату посмотреть на часы. Часы показывали половину 12-го ночи. Дети уже давно спали, поэтому и в комнате игр было тихо.

39. Как-то я была в комнате игр. Варвара и Антон играли в настольный крокет на большом столе, а я находилась на некотором расстоянии от стола и сидела за маленьким столиком, где писала Л. И. Хотя я и не находилась возле стола, где играли дети, я все же чувствовала, когда катились шары. Чтобы проверить себя, я спросила у Л. И.: «Это шары катятся?» — «Да»,— отвечала она.

40. Однажды Ф. А. печатала на машинке, а я сидела за другим столом на таком расстоянии, что даже не могла достать рукой до того стола, за которым сидела Ф. А. Но я чувствовала, как она печатала на машинке.

— Вы медленно печатаете,— сказала я.

Ф. А. подошла ко мне и спросила:

7 Заказ 812

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую через пол, как вы печатаете.

— Да, я не особенно быстро печатаю.

41. Я читала с В. М. в своей комнате и вдруг (по шагам) почувствовала, что кто-то только что вошел в комнату. В. М. еще не успела остановить чтение, а я уже повернулась к двери. Тогда В. М. сказала: «Пришла А. И.».

42. Я читала с Ч. в третьей кабине. Вдруг я почувствовала сильные вибрации пола. От неожиданности я вздрогнула. Ч. сказала:

— Там пришла Е. А. с дворником.

— Где они?

— Они в первой кабине что-то делают.

Мы продолжали читать, но вот опять что-то словно упало на пол, и я опять вздрогнула.

— Это упал какой-то ящик,— сказала мне Ч.

Когда я увидела Е. А., я спросила ее:

— Что вы делали в первой кабине?

— Мы ссыпали продукты.

— Вы там так возились, что я все время пугалась, хотя была не так близко от вас.

43. Я читала с В. М. и почувствовала (по шагам), что кто-то зашел ко мне в комнату. Я повернулась к двери. Это была Е. А.

44. Мне нужна была Л. И., но я ее еще не звала, а пошла сначала в столовую напиться воды. Когда я пила воду, я по шагам узнала, что Л. И. проходит мимо меня. Я позвала ее. Она подошла ко мне.

45. В то время когда я читала с Л. И. в своей комнате, дети шли гулять. Из буфетной комнаты в мою комнату передавались вибрации от их шагов. Я несколько раз вздрогнула. Л. И. говорила: «Это пошла Мария. А сейчас пошла Варвара».

46. Когда я пила чай, я почувствовала сильные вибрации от какого-то стука. Я не могла точно определить, где стучат, но стук ощущался совсем близко. Я позвала А. И. и спросила:

— Кто это стучит?

— Когда?

— А вот сейчас.

— Это стучат внизу в кочегарке.

— А кажется, как будто бы здесь, в столовой.

47. Я сидела на диване в столовой и почувствовала, что Мария возвращается из умывальной. Стол уже был накрыт к завтраку, и Мария пошла садиться на свое место. Я почувствовала, когда она отодвигала стул, и тоже пошла и села за стол.

48. Я читала с А. И. в комнате игр. Мария сильно стучала. «Кто это стучит?» — «Мария шар бросает на пол»,— сказала А. И.

49. Я печатала на машинке и почувствовала по шагам, что кто-то вошел в мою комнату. Я повернулась, ко мне подошла Е.

50. Я зашла в спальню и почувствовала, что кто-то подвинул стул. Я остановилась. Ко мне подошла Л. И. «Кто это подвинул стул?» — спросила я. «В. М.».

51. Одно время Х. долго был в командировке. Но вот в один прекрасный день, когда я работала в столовой, я почувствовала шаги Х. Я перестала работать. Я чувствовала, что Х. пошел сначала в комнату игр, а потом направился ко мне. Я повернулась ему навстречу и улыбнулась, так как была уверена, что это был Х.

52. Как-то я с А. И. читала в своей комнате. Я почувствовала какой-то стук.

— Где это стучат? — спросила я.

А. И. стала вслушиваться.

— Мне кажется, что стучат наверху,— сказала А. И.

— Кто же может наверху у нас так стучать?

— Это не у нас, а в школе.

— Не может быть. Ведь над моей комнатой второй этаж, а не третий. Мне, например, кажется, что это дети стучат в комнате игр.

— А по-моему, нет.

— Послушайте лучше... Вот сейчас...

А. И. еще послушала и сказала:

— Да, это в комнате игр стучат дети.

53. Я была на отдыхе в Одессе со своей подругой Б. Мы уже собирались уезжать, поэтому однажды утром Б. ушла за билетами, а я осталась одна. Дверь в нашей комнате плохо закрывалась, а в коридоре окна были открыты, и сквозняк все время открывал дверь, мне же нужно было переодеваться. Я решила пододвинуть к двери большое кресло. И вот, когда я уже надевала платье, я почувствовала, что двигается кресло. Я сказала громко:

— Нельзя!

А когда совсем надела платье, подошла к двери; за дверью стоял профессор того института, в котором мы жили.

— Это я хотел зайти к вам в комнату. Мне нужна ваша подруга,— написал профессор на моей руке.

— Она еще не пришла со станции, а я как раз переодевалась, поэтому просила вас подождать.

54. Я сидела ужинала и почувствовала по шагам, что мимо меня проходит Л. И. с Марией. Я сказала нарочно:

— Привет вам!

Подошла Л. И.

— Кому привет?

— Вам и Марии.

55. Я стояла возле тумбочки и резала бумагу. Я почувствовала чьи-то шаги и узнала, что это идет Х. Я протянула к нему руку. Он подошел ко мне и начал что-то говорить.

56. Я часто пью воду натощак. Один раз я пошла в столовую и подошла к столику, где стоит графин с водой. Я взяла графин и уже хотела наливать в чашку воду, но вдруг почувствовала по движению стульев, что дети садятся уже пить чай. Я поставила графин на прежнее место, не налив себе воды. Ко мне подошла А. И. и сказала, чтобы я садилась пить чай.

57. Я была нездорова, поэтому лежала в постели. Я уснула днем. Вдруг меня разбудили какие-то легкие толчки в кровать. Когда я совсем проснулась, то узнала, что уборщица моет пол в комнате и поэтому несколько раз толкнула кровать.

58. Как-то я себя плохо чувствовала и легла спать раньше, чем дети кончили играть. Но уснуть я не могла. Дети играли в комнате игр в кегли, а так как шары катились по полу, то получался стук, который и мешал мне спать. Я уснула только тогда, когда дети кончили играть.

59. А. В. дежурила целый день и должна была ночевать. Вечером, когда она уложила детей спать, она сказала мне:

— Я еще должна сбегать к себе на квартиру, чтобы уложить свою девочку, а ключа от двери нет. Я не знаю, как пройти в отделение, если я выйду.

Подумав, она попросила:

— Посиди, пожалуйста, на окне в комнате игр. Я вылезу в окно, а ты закроешь и подождешь меня. Когда я приду, я три раза постучу в стекло.

Мы так и сделали. Я хорошенько закрыла окно после того, как А. В. вылезла, и ждала ее. Через несколько минут я почувствовала три стука в окно, на котором я держала руку. Я немного приоткрыла окно, чтобы можно было просунуть руку, и спросила:

— Это вы?

А. В. ответила мне дактилологией:

— Да, я.

60. Я ходила к Е. А. Когда я подошла к двери квартиры и постучала в дверь, мне показалось, что кто-то подошел к двери, потому что дверь слегка дернулась. Я сказала:

— Это я.

Мне открыла дверь Е. А. и спросила:

— А откуда ты знаешь, что я спросила, кто здесь?

— Вы, вероятно, взялись за ручку двери, дверь дернулась, и я узнала, что кто-то подошел к двери, поэтому и сказала, что это я.

61. Когда моя подруга Н. еще училась в школе слепых, я иногда гуляла с нею в их саду часов до 11 вечера. Некоторые из наших ночных воспитательниц боялись мне открывать двери так поздно, так как в соседнем школьном коридоре было темно, а я их не могла услышать, когда они спрашивали, кто звонит. Я посоветовала им делать так: когда на мой звонок они подойдут к двери, то они должны слегка дернуть дверь, а я должна была отвечать, что пришла я. Так мы и делали.

62. Как-то А. И. попросила меня погулять с Марией в саду. Я уже была одета, а Маруся еще нет.

— Ты иди пока, я приведу к тебе Марусю.

Я ушла в сад и минут 10 ждала Марусю. Я несколько раз подходила к тамбуру, чтобы почувствовать, когда будет идти Маруся, но ее все не было. Когда, наконец, я еще раз подошла к тамбуру и взялась за ручку двери, то почувствовала шаги в тамбуре. Я открыла дверь — мне навстречу вышла Маруся.

63. У меня была Н., но она на минутку вышла из комнаты. Я сидела на диване и почувствовала, что кто-то идет. Я удивилась тому, что походка совсем не такая. Ко мне подошел наш старший А., который ходил и искал меня.

64. Я занималась с Е. А. в своей комнате. В комнате игр дети сильно стучали шарами, и я не всегда разбирала то, что мне читала Е. А. Я начала нервничать и при каждом новом стуке вздрагивала.

— Не обращай внимания,— сказала Е. А.

— Я и так стараюсь не обращать внимания, но мне каждый стук передается и раздражает меня.

65. Я сидела в парикмахерской и вдруг почувствовала, что по улице проехал автомобиль. Я вздрогнула.

— Чего ты испугалась? — спросила М. Е.

— Я почувствовала, что проехал автомобиль, и от неожиданности вздрогнула.

— А как ты узнала, что это автомобиль?

— Я почувствовала сотрясение пола и запах бензина.

— Да, это автомобиль проехал.

66. Одно время я с А. И. перепечатывала зрячие книги на шрифт Брайля. Эта работа была в порядке социалистического соревнования.

Мы начинали работать в 7 часов утра. Приходилось вставать раньше. Иногда мы обе бывали совсем сонные и в таких случаях обвиняли друг друга в чем-нибудь. А. И. обвиняла меня в том, что я плохо понимаю, что она мне диктует, а я ее в том, что она засыпает над книгой и плохо мне диктует. На этой почве у нас иногда выходили смешные конфликты. Однажды А. И. особенно плохо

диктовала, а мне ведь нужно было не только понять то, что она продиктует, но еще и напечатать.

— Ты сегодня плохо воспринимаешь.

— Нет, я очень хорошо воспринимаю, а вы еле-еле пальцами двигаете.

А. И. рассердилась, я тоже. Я очень быстро печатала на машинке, но когда рассердилась, еще быстрее начала печатать. Вдруг А. И. услышала, а я почувствовала, словно что-то взорвалось или кто-нибудь выстрелил. Мы одновременно вздрогнули и крепко сжали друг другу руки. Несколько минут мы сидели в оцепенении. Одна моя рука лежала на столе, и я чувствовала какое-то гудение. Я первая пришла в себя и поняла, что случилось.

— Да ведь это лопнула струна на машинке. Смотрите, колесо до сих пор вертится, как сумасшедшее,— сказала я.

— А я сразу не сообразила, что это с машинкой что-нибудь случилось. Я подумала, что произошел какой-нибудь взрыв у Антона в комнате,— отвечала А. И.

Мы, конечно, искренно посмеялись над своим испугом, воображая, что у нас на лицах, наверное, было такое же выражение испуга, как у гоголевского городничего и чиновников, когда им объявили, что приехал настоящий ревизор.

67. Я читала с Ч. К нам подошла Е. А. и начала что-то рассказывать Ч. Я в это время отдыхала, но Ч. держала меня за руку. Вдруг я почувствовала, что она смеется. «Что такое?» — спросила я. Ч. объяснила, почему она смеялась.

68. Когда я читала с Ч., я почувствовала чьи-то шаги, а затем движение воздуха. Когда я уже ощутила движение воздуха, Ч. сказала: «Зашел Х.». Значит, я почувствовала шаги Х. еще тогда, когда он еще не вошел в кабину, а только подходил к двери.

69. Когда-то я сидела, читала за столом в библиотеке и вдруг почувствовала сильные вибрации от какого-то гудения. Я сначала не знала, что это значит, но потом сообразила, что Х. проверяет прибор. Прибор приводился в движение электрическим током и производил шум. Я сидела далеко, совсем на другом конце комнаты от того места, где находился прибор, и, несмотря на это, очень хорошо чувствовала его шум. Х. работал в течение нескольких часов. Я раза два или три выходила из библиотеки и, когда снова возвращалась туда, чувствовала, что прибор все еще шумит. Я задержалась в библиотеке до 11 часов вечера и ушла спать, не дождавшись, когда прибор затихнет.

70. В один летний вечер я вышла в сад. Уже было начало 11-го. Я села на скамейку, которая стояла под забором, и оперлась спиной о забор. Прошло минут 10. Вдруг я почувствовала, что забор сильно пошатнулся, а затем я ощутила какие-то толчки

в забор, словно на него кто-нибудь лез, и не один. Кроме меня, в саду никого не было, поэтому я испугалась. Я сорвалась с места и в один миг была в комнате. Я заперла дверь и тогда только успокоилась. Очевидно, кто-нибудь из соседнего двора хотел заглянуть к нам в сад, а так как забор высокий, то ему пришлось лезть на забор.

71. Однажды на курорте, будучи не совсем здоровой, я осталась дома, а Б. ушла к морю одна. Я писала. Дверь я не заперла и даже не поставила к ней стул, так как знала, что никто чужой не может войти. Вскоре после того, как ушла Б., я почувствовала чьи-то шаги в комнате. Шаги были не Б., а незнакомого человека. Я спросила:

— Кто пришел?

Ко мне подошел профессор Т.

— Это зашел я с товарищами. Они смотрят институт, и мы зашли в вашу комнату. Как вы узнали, что мы пришли?

— Я почувствовала, что кто-то ходит по комнате, и спросила.

72. Я печатала на машинке в своей комнате. Кто-то зашел. Я повернулась. Ко мне подошла Ч.

— Я только открыла дверь, а вы уже и поворачиваетесь,— сказала она.

— Потому что я почувствовала, что кто-то вошел.

73. Я плохо себя чувствовала и лежала в постели. Я немножко задремала, но вдруг почувствовала слабый толчок в кровать. Я спросила: «Кто?»

Мою руку взяла Н., которая только что пришла.

74. Я читала с Ч. в кабине. Мне показалось, что что-то упало на пол. Я вздрогнула. «Это Ц. уронил книгу, и она упала на пол»,— сказала Ч.

75. Как-то я была в лаборатории и слушала прибор, который передавал концерт. Когда я положила руку на рупор, я узнала, что играет рояль. Я положила руку на другой прибор и одновременно слушала без рупора. Я узнала по вибрациям, что оба рупора передают одну и ту же вещь, исполняемую на рояле.

76. Я читала с Ч. и почувствовала по шагам, что кто-то идет в кабину. Когда я уже почувствовала движение воздуха, Ч. сказала: «Пришла А. Г. Как вы ее почувствовали, ведь она так тихо зашла, что даже я не услышала, что она идет?»

77. Я читала с Ч. и почувствовала шаги совсем близко. Ч. заметила, что я что-то ощущаю, и сказала: «Это в лаборатории к столу подошел Х.».

78. Как-то утром я сидела в своей комнате. Сначала я чувствовала, как дети возились в комнате игр, а потом там стало тихо. Я подумала, что дети уже пошли пить чай, и вышла в столовую.

Все дети сидели за столом. А. И. сказала: «Я слежу за П., и мне некогда было позвать».

79. Как-то я стояла с Ч. в столовой и вдруг почувствовала шаги Л. И. Я удивилась, так как Л. И. была в отпуске, а я не знала, что она пришла. Я повернулась в ту сторону, откуда чувствовала шаги. Л. И. подошла ко мне. «Почему вы пришли?» — поинтересовалась я. «Я пришла на розыгрыш с детьми».

80. Как-то я сидела на диване в столовой и по шагам узнала Р. Л. Я подумала, что это мне только кажется, так как с утра дежурила А. В. Но я не ошиблась: Р. Л. действительно пришла и сменила А. В.

81. Я зашла в комнату игр. Мария и Петя катали шары по каталке. Я села на стул за столом. Я чувствовала, как катались шары. Но вот стало тихо. Я подошла к каталке, чтобы узнать, почему дети перестали играть. Когда я подошла к каталке, Мария и Петя стояли на ней.

82. Однажды я легла спать раньше обыкновенного, так как у меня болела голова. Но мне нужен был Х., и я просила через дежурную, чтобы он зашел ко мне. Я уже начала засыпать, как вдруг почувствовала шаги Х. Я сразу открыла глаза и протянула руку. Х. подошел ко мне.

83. Если кто-нибудь из слышащих думает, что для слепоглухих безразлично, какая будет походка у тех людей, которые его окружают, он ошибается. Меня лично походка некоторых людей раздражает. Так, например, я часто читаю в столовой. А. Н. много раз проходит по столовой, и его походка очень раздражает меня. Я не знаю, какой звук получается от его походки на слух, но для меня, как для ощущающей иным способом разные звуки и стук, кажется, что А. Н. ходит не на двух ногах, а на четырех, причем две ступают тише, а две громче. Походка А. Н. особенно сильно раздражает меня, когда я бываю в нервном состоянии. В таких случаях мне хочется попросить А. Н. выйти из комнаты. А это потому так кажется, что он не зашнуровывает ботинки и пристукивает каблуками.

84. Когда-то я сидела в своей комнате. Ко мне зашла Р. Г. Я заметила, что у нее немного изменилась походка.

— Вы надели другие туфли?

— Да, я сегодня в других туфлях.

— И наверное, на высоких каблуках, потому что очень стучите.

Я осмотрела туфли Р. Г.: каблуки действительно были очень высокие. С этого дня я без раздражения не могу чувствовать походку Р. Г. Когда Л. И. надела новые туфли на высоких каблуках, то ее походка раздражала меня так же, как и походка Р. Г.

85. Как-то я стояла возле телефона с дежурной и почувство-

вала (по шагам), что в буфетной комнате прошел А. Н. Я в это время была совершенно спокойна, но походка А. Н. вызвала во мне дрожь.

86. Я была в кабинете аспирантов и почувствовала сильное сотрясение пола, как бы от сильного толчка. Я вздрогнула.

— Что такое? — спросила Ч.

— Я почувствовала сильное сотрясение пола и поэтому вздрогнула.

— Сюда никто не приходил, а внизу громко хлопнули дверью.

87. Я занималась с Е. А.: я печатала на машинке, а Е. А. диктовала мне. Лист бумаги, на котором я печатала, был узкий и не закрывал всю строку. Я немного отвлеклась и не проследила за тем, чтобы остановить машинку, когда кончится бумага. Но я по стуку машинки почувствовала, что бумага уже кончилась и что я несколько раз ударила по пустому месту.

88. Один раз я пошла в лабораторию, где я обычно читала с аспирантами. Когда я была уже в дверях кабины, то почувствовала, что возле стола кто-то подвинул стул. Я подумала: «Вероятно, Ц. отодвигает для меня стул».

Я подошла к столу, Ц. подал мне руку и сказал, что он уже поставил для меня стул.

89. Был такой случай: я читала с Ч. и вдруг ощутила очень сильные вибрации пола, как будто бы весь дом содрогнулся. Я испуганно вздрогнула.

— Что с вами? — удивилась Ч.

— Разве вы ничего не слыхали?

— Нет, а что?

— Я почувствовала очень сильное сотрясение и даже испугалась.

— Я ничего не слышала. Может быть, где-нибудь далеко стукнули или что-нибудь упало.

— А вы не чувствовали сотрясения пола?

— Нет.

Так мы и не узнали, отчего произошла такая сильная вибрация пола.

90. 21 января я была на траурном вечере в УИЭМе. Я сидела во втором ряду от эстрады. Когда объявили, что собрание открыто, кто-то начал исполнять на рояле траурный марш Шопена. Мы все встали. Я держала в руке свой фетровый берет, и при первых же звуках рояля я почувствовала, что через мой берет передаются звуки, и настолько хорошо, что даже Л. И. и Н. это почувствовали, когда я их руки положила на берет. В продолжение всего вечера я держала берет в руках и чувствовала, когда начинали играть на рояле. Если я клала берет на колени и снимала с него руки, я зна-

чительно хуже чувствовала звуки. Высоких и тихих звуков я через берет не ощущала, а только более низкие, причем звуки не сливались в одну сплошную вибрацию, а передавались соответственно исполняемой на рояле вещи: тише или громче, быстрее или медленнее играли, и я то же самое чувствовала через берет.

91. Я читала в комнате игр с Р. Г., а Маруся очень стучала своими игрушками, я ничего не понимала из того, что мне читала Р. Г., тем более что она читала плохо. Мне пришлось уйти из комнаты игр в столовую, чтобы М. не мешала мне воспринимать чтение.

92. Вечером я сидела в столовой на диване и читала. По походке я узнала, что уже пришла на дежурство Р. Л., и, желая проверить, не ошиблась ли я, позвала ее в то время, когда она проходила мимо меня.

93. Однажды в моей комнате кто-то открыл окно. Я закрыла его, потому что было холодно, и ушла в столовую. По шагам я узнала, что мимо меня проходит уборщица, я позвала ее и спросила: «Это вы открыли окно?» Уборщица утвердительно помахала рукой.

94. Я сидела в комнате возле двери, которая выходила на балкон. Это было зимой. Меня окружало много слышащих детей. Мне казалось, что они чего-то ждут, поэтому и я сидела спокойно и была сосредоточена. Вдруг я почувствовала, что балконная дверь и балкон начали сотрясаться. Я вскрикнула, а дети сразу подбежали к балконной двери.

Впоследствии я узнала, что сотрясение пола произошло от пушечных выстрелов, которыми салютовали во время похорон В. И. Ленина. Окружающие меня дети это заметили только после того, когда я вскрикнула. Получилось так, что я первая почувствовала сотрясение. Но дети этого не поняли и подумали, что я услышала салют. Они перестали верить тому, что я не слышу. Долго после этого случая дети бегали за мной и кричали что-нибудь по моему адресу, чтобы узнать, буду ли я слышать. Конечно, я ничего не слышала и сохраняла полное спокойствие. Это убедило детей в том, что я действительно их не слышу.

95. А. В. шла гулять с детьми на улицу и попросила меня открыть им дверь в семь часов.

— Но ведь я буду в комнате и не почувствую, когда вы будете стучать в парадное.

— Я тебе объясню, как сделать: в семь часов ты зажги свет в канцелярии и выйди в вестибюль к двери.

Ровно в семь часов я пошла в канцелярию, зажгла свет и вышла в вестибюль. Я положила руку на ручку двери и ждала стука. Прошло минуты две. Наконец я почувствовала, что в дверь тихо посту-

чали. Я немного приоткрыла дверь и взяла за руку А. В., я ее узнала и после этого уже совсем распахнула дверь.

96. Ночью меня разбудил какой-то стук. Я подумала, что уже утро и в комнате убирают, поэтому и стучат. Но, когда я встала и посмотрела на часы, было только четыре часа утра. Очевидно, в кочегарке стучал истопник, и этот стук передался в мою комнату. Я больше не могла уснуть. Утром я спросила дежурную, не слыхала ли она какого-нибудь стука. «Нет, но я тоже думаю, что стучали в кочегарке». (Моя комната находилась над кочегаркой.)

97. Как-то вечером я пошла в нашу библиотеку, чтобы взять себе книгу. Я закрыла за собой дверь на английский замок и начала искать книгу. Но вот я стала чувствовать, что стучат в дверь. Но я этого не поняла и подумала, что кто-нибудь стоит возле прибора и стучит, поэтому не обращала внимания на стук и продолжала искать книгу. Когда я вышла из лаборатории, то чьи-то холодные руки взяли меня за руку. От неожиданности я испугалась и чуть не выронила книгу, но тотчас же оправилась. Это был Н. А., который пришел работать на приборе.

— Откройте мне дверь,— попросил Н. А.

Когда я сошла вниз, ко мне подошла А. В.

— Я так стучала к тебе, что даже рука заболела.

— Так это вы стучали? Я чувствовала стук, но подумала, что это работают возле прибора.

98. Как-то вечером я сидела на диване в столовой и почувствовала, что кто-то прошел по комнате точно так, как ходит Р. Г. Я знала, что Р. Г. в это время не должно быть. Вероятно, на моем лице выразилось удивление, потому что ко мне подошла Р. Г. и спросила:

— Вы удивлены, что я пришла? Мне нужно было поговорить с ночной дежурной по поводу ее наблюдений над сном детей.

99. Недавно я прочитала в журнале «Жизнь слепых» о том, что один слепой мальчик-школьник предложил выпустить особые чайники, внутри которых имелся бы ящичек, содержащий два стакана воды для того, чтобы слепой не разливал воду в то время, когда он наливает ее в чашку. Конечно, это было бы неплохо, но лично я особой нужды в таких чайниках не чувствую. Если мне приходится наливать воду из чайника в чашку или стакан (все равно какую — холодную или горячую), я чашку держу в руках не так, как зрячие, а иначе, охватываю ее так, чтобы пальцы чувствовали и температуру воды, и количество ее. Если я наливаю горячую воду, я чувствую пальцами ту точку, до которой доходит вода. Точно так же я чувствую и холодную воду. В очень редких случаях я переливаю воду через края чашки. Это бывает обычно тогда, когда я думаю о чем-нибудь другом и прозеваю воду. Гораздо чаще бывали случаи, когда

А. Н., которая видит, обливала мне руки кипятком, желая помочь мне налить воды. Это бывало так часто, что я категорически отказалась от ее помощи и наливала воду сама.

100. Мне читала А. В. в детской спальне в то время, когда дети отдыхали. Вдруг я почувствовала, что кто-то стучит.

— Кто это стучит? — спросила я.

А.Н. ответила:

— Это Маруся стучит ногой по своей кровати.

Маруся стучала не сильно, но этот стук передавался через пол очень хорошо.

101. Однажды зимой я была в музыкальном техникуме со своей подругой. Мы сидели в коридоре на диване. Через коридор проходило много студентов, и беспрерывно чувствовался топот их ног. Но вот я почувствовала, что кто-то идет такой походкой, словно на ногах у этого идущего были огромные галоши.

— Ты слышишь,— обратилась я к Н.,— как кто-то идет и везет за собою галоши?

— Да, я слышу, но мне странно, как ты могла это почувствовать. Ведь это можно только слышать,— сказала Н. удивленно.

— Нет, это можно не только слышать, но и чувствовать, и я сразу это почувствовала.

Когда мы пришли к Н. домой, я сняла пальто, расстегнула боты, но не сняла их и так в расстегнутых ботах прошлась по комнате. Н. рассмеялась:

— Как хорошо ты успела перехватить эту походку, хотя ты не так сильно стучишь, как тот, кто прошел в техникуме, но по звуку походка такая же.

102. Я и Н. гуляли в коридоре школы слепых. Вдруг от чего-то произошло сильное сотрясение пола.

— Что это упало? — спросила я у Н.

— Это Р. и Щ. боролись, и оба упали на пол.

103. Я и дети из нашей клиники ездили кататься в автомобиле. А. И. поехала с нами. Плавная и тряская езда ощущается прекрасно. Когда мы ехали по улице К. Либкнехта, автомобиль шел ровно и плавно, так как эта улица асфальтирована; в некоторых местах есть повышения и понижения мостовой, и это чувствовалось во время езды. Менее заметным является тот момент, когда автомобиль поворачивает на другую улицу. Для того чтобы это узнавать безошибочно, нужно очень внимательно проследить те особенности, которые все же ощущаются при поворотах автомобиля. Я очень внимательно следила за каждым сотрясением автомобиля и старалась вчувствоваться во все особенности его движения. Как мне кажется, они состоят в том, что, во-первых, усиливается стук мотора и тем самым увеличиваются вибрации; во-вторых, быстрота

езды замедляется, и, в-третьих, автомобиль чуть-чуть склоняется в сторону. К сожалению, я не могла проверить эти ощущения; быть может, я и ошибалась, так как А. И. была занята с детьми. Могу сказать только одно: когда я ощущала одну из отмеченных мною особенностей, то затем спрашивала у А. И.:

— Мы повернули?

Она отвечала:

— Да, сейчас повернули.

Но ведь она могла и не расслышать моего вопроса и ответить мне неправильно. Мы ездили за город в поле. Дорога была неровная, и автомобиль сильно сотрясался. Такой тряской езды я не люблю, и она утомила меня. Когда я ощутила, что езда стала более ровная, я спросила у А. И.:

— Мы уже в городе?

— Да.

Затем, через некоторое время я почувствовала, что автомобиль замедляет ход и, наконец, совсем остановился,— я сообразила, что мы уже подъехали к нашему дому; я начала вставать и первая вышла из автомобиля.

104. Я была в своей комнате и по детской семенящей походке узнала, что ко мне зашла Мария. Я сделала несколько шагов вперед, и Мария набежала на меня.

105. Я была в своей комнате, но сидела не за столом, а возле кровати на маленьком стуле. Я ждала Л. И., которая должна была прийти заниматься со мной. Она долго не приходила. Наконец, я почувствовала ее шаги и движение стульев возле стола. Я встала и подошла к столу. Л. И. была там.

106. Я перекладывала со стола на диван целую кипу зрячих книг. На самой верхней полке лежала коробочка с динамометром. Когда я положила книги, они все рассыпались по дивану; в то же время я почувствовала слабый стук об пол. Я подумала, что это упала коробочка. Я отодвинула диван от стенки и прикоснулась рукой к полу —мне под руку попалась коробочка.

107. Я читала с А. В. и почувствовала, что она смеется.

— Что такое? — спросила я.

— Это Е. А. рассмешила меня.

108. Как-то я сидела с Х. на диване в моей комнате и что-то говорила ему. В это время я почувствовала по шагам, что кто-то зашел в комнату. Я замолчала. «Это заходила Р. А.»,— сказал мне Х.

109. Я ходила к А. И. Когда я сняла пальто и села на диван, то спросила:

— А где же ваша мама?

— Она лежит на кровати и, кажется, спит.

Через несколько минут я почувствовала шаги с той стороны, где стоит кровать.

— Кто это у вас ходит?

— Это встала мама и хочет подойти к тебе.

110. Как-то вечером я ложилась спать. Вдруг я почувствовала необычайное сотрясение пола: казалось, что наш дом сорвался со своего места и покатился на колесах. Это сотрясение продолжалось несколько секунд. Я выбежала в буфетную комнату и позвала А. В.

— Вы ничего сейчас не слышали или не почувствовали?

— Как же, слышали: по улице проехало что-то тяжелое и с таким грохотом, что весь дом загудел.

— Я тоже почувствовала, как сильно сотрясался пол.

111. Обычно, когда мне приходится ехать в трамвае, поезде, автомобиле, я по сильным вибрациям чувствую их движение. Однажды я собралась ехать в город. Я и сопровождавшая меня А. Ф. сели в трамвай. Но прошло уже несколько минут, а трамвай все еще стоял. Это удивило меня, и я обратилась к А. Ф. с вопросом: «Почему трамвай стоит?» — «Нет тока».

112. Однажды мне дали подержать маленького ребенка. В первую минуту я чувствовала, что ребенок лежит спокойно и молчит. Но в следующую минуту ребенок задвигался, и я через его тельце ясно ощутила его сильный крик. Это меня обеспокоило, и я поспешила передать его матери: «Вы посмотрите: может быть, у него не сухие пеленки?»

Общие ощущения

1. Такие моменты, когда я узнаю не только тех людей, которых вижу каждый день, но и тех, которых вижу редко, я не могу отнести к одним осязательным или обонятельным ощущениям. Очевидно, здесь важную роль играют и другие чувства — мышечно-суставное и еще, вероятно, какие-нибудь другие рецепторы. Ведь непосредственно осязанием я чувствую крепкое и слабое пожатие руки. Я могу еще сказать, что и кожное ощущение помогает мне узнавать людей, так как у одних бывают руки более теплые и мягкие, у других — более холодные или не совсем гладкие.

2. Если кто-нибудь из наших сотрудников подойдет ко мне в то время, когда мои руки заняты каким-нибудь предметом, то они обычно прикасаются к моему плечу. Уже по одному их прикосновению я узнаю, кто подошел. У одних бывают хотя и порывистые, но легкие движения, у других — медлительные, но резкие, непри-

ятные. Изучив движения каждого сотрудника в отдельности, я уже без труда узнаю, когда ко мне прикасаются Х., А. И., Л. И. и др.

3. Месяца три тому назад я познакомилась с Н. А., который работает у нас. Я говорила с ним всего минуты три. Встретив его вторично, я узнала его, лишь только он спросил у меня: «Как вы живете?» Я не знала о том, что он был в нашей лаборатории, и узнала его исключительно по руке.

4. Если я не замечаю, что за мной наблюдают в то время, когда я что-нибудь делаю или гуляю, я всегда чувствую себя свободнее. Я могу заниматься чем угодно и гулять в комнате или саду, не натыкаясь ни на какие предметы. Но если я узнаю, что за мной наблюдают, да еще те люди, присутствие которых немного волнует меня, я теряю все свое спокойствие. Если я читаю книгу, я буду читать совсем не те слова, которые написаны в книге; если я пишу на машинке, я буду путать буквы, а если я гуляю, я начинаю ходить хуже и непременно наткнусь на какой-нибудь предмет. Из этого видно, что в то время, когда слепоглухой занимается, гуляет, играет, кушает и т. д., он чувствует себя не лучше, чем зрячий и слышащий человек, которому мешают заниматься какая-нибудь возня, крик, стук и вообще всякий шум. Разница только в том, что слышащий человек воспринимает все это ухом, а слепоглухой воспринимает всем своим существом все то, что может его раздражать или мешать спокойно заниматься.

5. Однажды летом я уезжала из нашего института на отдых. На обратном пути в Харьков мне пришлось ехать московским поездом с тетей, которая ехала в Москву. На вокзале в Харькове меня должны были встретить, но мы разошлись с тем, кто встречал меня, а московский поезд стоял в Харькове только 40 минут. Прошло это время, и тете необходимо было садиться в поезд. Решено было, что тетя оставит меня в железнодорожной поликлинике, откуда я буду звонить по телефону в свой институт. Тетя проводила меня в поликлинику и оставила там в приемной. Конечно, звонить по телефону я сама никак не могла, нужно было когонибудь попросить сделать это. Но я ведь никого не знала в поликлинике. Я сидела в приемной и чувствовала, что мимо меня проходят люди. Но как к ним обратиться? Ведь я их не вижу. Сидеть так — тоже нельзя. Нужно было что-то предпринять. Я встала со скамейки и сделала несколько шагов по тому направлению, откуда я чувствовала запах из другой комнаты. Я остановилась, чтобы вчувствоваться, есть ли действительно там дверь в другую комнату. По запаху и по движению воздуха я узнала, что дверь есть. Я подошла прямо к двери, она была открыта, и я вошла в комнату. Мне показалось, что в этой комнате кто-то прошел совсем близко от меня. Набравшись смелости, я спросила: «Скажите, по-

жалуйста, есть ли здесь телефон?» Ко мне подошел какой-то мужчина и взял меня за руку. Может быть, он мне что-нибудь говорил, я ведь все равно ничего не слышала. Я ему объяснила, что я не вижу и не слышу и что он может писать мне на моей руке. Мужчина написал мне, что телефон есть и что он позвонит... Таким образом, обонятельные, кожные и другие ощущения помогли мне выйти из такого затруднительного положения в совершенно незнакомой мне обстановке, среди людей, которые первый раз в своей жизни видели меня. Если бы я ничего не чувствовала и продолжала сидеть, то мне, быть может, пришлось бы и целый день сидеть в приемной. Никто ведь не знал, как ко мне обратиться и как со мной заговорить, если я не вижу и не слышу.

6. Если я знакомлюсь с новым человеком, я очень хорошо чувствую, если он волнуется или растерялся и не знает, как со мной заговорить. Благодаря тому что я себя чувствую гораздо лучше, чем мой собеседник, я могу вывести его из весьма неприятного для него состояния. Я обычно бываю инициатором беседы. Недавно моя подруга Н. познакомила меня со своим товарищем. Н. ему уже рассказывала обо мне, но, несмотря на это, он крайне растерялся, когда знакомился со мной. Я знала, что он интересуется литературой, очень любит поэзию и даже сам пишет стихи. У нас легко завязался разговор на эту тему, тем более что художественная литература и поэзия доставляют мне величайшее наслаждение. Не прошло и 10 минут, как мой новый знакомый чувствовал себя совершенно свободно. Через несколько дней мне передала подруга, что мой новый знакомый после беседы со мной о литературе стал говорить, что его плохое настроение уже проходит и он очень доволен, что встретил человека, с которым мог говорить о том, что его так интересует, т. е. о поэзии и вообще о литературе.

7. После закрытия 15-го конгресса физиологов наш институт посетили многие члены конгресса. Конечно, я имела полную возможность говорить с нашими гостями, если кто-нибудь из них знал русский язык. Знакомясь со мной, они крайне смущались. Помню одного врача, поляка, уже старика. Он изъявил желание поговорить со мной, но совершенно растерялся. Я сразу по его руке почувствовала, что он смущен и растерян. Я ободряюще улыбнулась ему и спросила: «Откуда вы?» Почтенный ученый так обрадовался моему вопросу, что с величайшей радостью и готовностью ответил мне: «Я из Польши, из Варшавы».— «Какое впечатление произвел на вас наш Советский Союз?» — «Очень хорошее»,— отвечал мой собеседник, который настолько уже приободрился, что осмелился спросить меня: «Что вы знаете о конгрессе физиологов?» Мой ответ очень удовлетворил его, и он дружески распрощался со мной. Если бы я чувствовала себя в таком же затруднительном со-

стоянии, как мои новые знакомые, то весьма вероятно, что наши беседы не пошли бы дальше сообщений друг другу наших имен и фамилий.

8. Я хорошо знаю, что всякий слепой целиком полагается на свой слух: где бы он ни был, он всегда четко вслушивается во все, что его окружает. Но если я иду по улице с кем-нибудь из слепых подруг, я уже не чувствую себя так свободно, как тогда, когда я иду со зрячим. Я не вполне полагаюсь на слух слепого, ибо знаю, что один слух не обеспечивает слепого от падения. В пути со слепыми я сама слежу за дорогой, т. е. стараюсь почувствовать, где начинается повышение, понижение или ровное место, а равно слежу и за запахом. Однажды я была в библиотеке слепых, и мне пришлось возвращаться домой с А. Когда мы вышли из библиотеки на улицу, я сразу заметила, что А. повернула в противоположную сторону от того направления, куда нам нужно было идти. Я об этом ей сказала, но она ответила: «Нет, мы идем туда, куда нужно». И она быстро зашагала по взятому ею направлению. «Нет, мы идем не туда... да ты хоть так не спеши, мы сейчас куда-нибудь полетим». Едва я это сказала, как мы с разбегу полетели вниз. От такой неожиданности мы обе не сразу поняли, куда упали. Потом почувствовали, что катимся вниз по лестнице. Лестница была ступенек в восемь, а может быть, и больше, но она нам показалась необычайно длинной, и путешествие по ней казалось вечностью. Когда, наконец, мы выкатились прямо на тротуар, наш испуг прошел, и мы рассмеялись. «Откуда она взялась, эта лестница?» — сказала А. «Я тебе ее подставила, потому что ты мне не верила, что мы идем не в ту сторону»,— ответила я. А. сказала: «Теперь и я вижу, что мы пошли не в ту сторону».

9. Одну зиму в соседнем коридоре нашего дома жили аспиранты. Я уже была знакома с несколькими девушками. Однажды они познакомили меня со своим товарищем. Он, наверное, полагал, что я могу понимать только примитивные разговоры, поэтому прежде всего спросил: «Есть ли у вас родные?» Я ответила ему: «Отчего вы не спросите меня, что я читаю или знакомлюсь ли я с текущей политикой?» Я заметила, что после моих слов аспирант очень смутился и начал извиняться за то, что так неумело начал говорить со мной. Быть может, многие скажут, что мой ответ аспиранту был резок, но дело в том, что я не нахожу ни малейшего удовольствия в разговорах о родных, которых я почти не знаю, потому что они меня бросили еще в детстве. Если кому-нибудь приятно слышать такие «трогательные» вещи, то для этого есть много такой литературы, где автор со всеми подробностями описывает, как страдают дети от жестокости родителей.

10. Часто думают, даже близкие мне люди, что от меня можно

8 Заказ 812

скрыть какое-нибудь неудовольствие или смущение с их стороны. Это им удается весьма редко, да и то в тех только случаях, когда я сама бываю чем-нибудь расстроена и не слежу за другими. Я помню, что однажды летом, когда Л. И. была в отпуске, я поехала к ней. Я сама только что вернулась из отпуска и целый месяц не видела ее. Когда я приехала к Л. И. и она подошла ко мне, то я сразу заметила, что она не особенно довольна моим приходом. Я спросила:

— Может быть, вы заняты или хотите отдохнуть, тогда я уйду?

— Нет, ничего, я свободна, оставайся.

— А мне кажется, что вас что-то смущает.

— Нет, я только не совсем здорова.

Так как Л. И. говорила, чтобы я не уходила, я осталась у нее. Через час Л. И. говорит мне:

— Я не знаю, что мне делать. Моя девочка устроила сейчас целую трагедию, потому что я ей обещала поехать с ней к тете.

— Значит, поэтому вы и были смущены, когда я пришла?

— Да, я просто не знала, как мне отвлечь девочку.

— В таком случае вы идите с нею, а я буду одна. Не беспокойтесь обо мне и идите смело, как будто бы меня и нет.

Л. И. сначала не соглашалась оставлять меня, но я ее уговорила, и она пошла с девочкой, а я осталась гулять в саду.

11. Когда-то я читала с Л. И. «Историю естественных наук». В одной главе описывалось, как работал Леонардо да Винчи. Мне это очень понравилось, и, когда Л. И. прочитывала его имя, я даже улыбалась. Видя мою улыбку, Л. И. начинала смеяться. Я каждый раз чувствовала, когда она смеялась, и мне это не нравилось.

12. У нас лопнула труба в отоплении, и один день не топили. В комнатах было холодно. На другой день затопили. Я первая это обнаружила и показала дежурной сестре Р. Л., которая думала, что еще не затопили.

13. Как-то в выходной день я отдыхала после обеда и уснула. Тогда дежурила А. И. Но к чаю меня разбудил Х. Я его узнала и удивилась тому, что будил он, а не А. И. Когда я пила чай, то узнала по шагам, что в столовой ходит Р. Е. Я позвала ее. «Почему меня будил Х., а теперь вы здесь?» — «Потому что А. И. ушла по делу, и я ее заменяю».

14. Когда-то у нас был большой ремонт на первом этаже и мы временно жили на втором, в лаборатории. Дело было летом. Одну ночь мне не спалось, и было так жарко, что я просто не находила себе места. Я решилась уйти вниз и выйти немного в сад. Но недалеко от моей кровати стояла кровать дежурной сестры, которая если не спит, то не пустит меня. Нужно было узнать, спит ли дежурная. Я встала и тихо подошла к ее кровати. Дежурная не вста-

ла. Я положила руку на край постели. Дежурная не пошевелилась. «Значит, спит»,— подумала я; не надевая туфель, босая, я спустилась вниз, взяла ключ от двери и вышла в сад. Я боялась, чтобы никого не впустить в дом, поэтому захлопнула дверь на английский замок.

Ночь была теплая; изредка только чуть-чуть веял прохладный ветерок. Воздух был напоен ароматом белых табаков. Я остановилась в двух шагах от двери и несколько раз вздохнула полной грудью. Какой-то жучок упал мне на плечо. Я вздрогнула и подумала, что нужно вернуться домой. Я подошла к двери, остановилась и обвела вокруг себя рукой. Я очень боялась, чтобы кто-нибудь не вошел вместе со мной. Но никого не было. Я быстро отперла дверь и вбежала в вестибюль. Когда я поднялась наверх и таким же образом, как первый раз, подошла к дежурной, она попрежнему спала. Я тоже пошла, легла и скоро уснула. Утром я спросила дежурную: «Как вам спалось?» — «Хорошо».— «А мне не спалось»,— сказала я, желая узнать, слышала ли что-нибудь дежурная. Но было ясно, что она ничего не слышала, и я ей ничего не сказала о своей маленькой прогулке.

15. Многие зрячие думают, что красота и обаяние прекрасного весеннего или летнего вечера совершенно недоступны пониманию слепоглухого. Это не совсем так. Конечно, мы не можем непосредственно любоваться полной луной, яркими звездами и т. д. Об этом могут рассказать только зрячие. Но ведь кроме луны и звезд есть еще легкий ветерок, аромат цветов, роса на их лепестках. Все это вполне доступно ощущению слепоглухих, и если зрячий и слышащий человек сумеет хорошо передать им то, что он видит и слышит, то у слепоглухого может создаться еще более полная картина красоты весеннего или летнего вечера. Я приведу маленький отрывок из своего дневника. «...Был такой чудный вечер. Мне кажется, что за все лето еще ни разу не было такого вечера. Неудержимо тянуло в сад, где благоухали белые табаки, петунии и настурции. Я сидела на скамье и думала... Едва уловимый ветерок теплыми струйками скользил по моему лицу и рукам. Ко мне подошла Е. А. Я спросила ее: «Какой сегодня вечер, лунный или темный?» — «Да, лунный. Небо чистое, синее, с крупными звездами». Я долго сидела в саду, а когда легла спать, не могла уснуть. Обаяние этого вечера далеко отогнало от меня сон...»

16. Я шла в город с Н. Когда мы повернули за угол на другую улицу, я это заметила и сказала: «Мы уже повернули».— «Да»,— ответила Н.

17. Я читала в своей комнате с Е. А. Почувствовала чьи-то шаги, а затем слабый запах нафталина. Я спросила у Е. А.: «Кто пришел?» — «Пришел д-р М.».

18. Я читала в кабинете с Ч. и почувствовала (сначала по шагам, а затем по запаху), что кто-то пришел. Ч. сказала: «Зашла А. И.».

19. Я читала с Ч. и вдруг ощутила движение воздуха и запах свежей газеты. Я слегка вздрогнула. Ч. предупредила меня: «Это П. положил на стол новые газеты».

20. Я была в городе с О. А. Мы стояли на улице в ожидании трамвая. Неожиданно я ощутила сотрясение мостовой и запах бензина. Я узнала, что мимо нас проехал автомобиль. В то время когда я почувствовала, что едет автомобиль, я вздрогнула, а так как О. обратила на это внимание, то мне пришлось объяснить ей, почему я вздрогнула.

21. Я шла по городу. Нам нужно было переходить улицу, но моя спутница остановилась. По сотрясению мостовой и по запаху бензина я определила, что проезжает автомобиль.

22. Перед поступлением в клинику для слепоглухонемых я жила в другом городе. Однажды я шла по улице с девочками. Но вот девочки отошли от меня, и я осталась одна на тротуаре. Я чувствовала, что близко есть стена, и подошла к ней. Я была испугана и не знала, что мне делать. Мы не особенно далеко отошли от своего дома, но вернуться одна домой я не могла, так как нужно было переходить улицу, а это было опасно: я могла бы попасть и под трамвай, и под автомобиль. Я села на выступ стены и начала ждать, что ко мне подойдет кто-нибудь из знакомых. Я долго так сидела. Но вот кто-то взял меня за руку, а потом обнял. По платью и по запаху я узнала, что это была наша кухарка. Я ей, как могла, объяснила, что девочки меня бросили на улице. Кухарка энергичными движениями своих рук выражала свой гнев и показала мне, что она будет бить девочек.

23. В один из летних дней все ушли из дому на прогулку, а меня, как глухую, оставили дома, и притом случайно заперли на балконе. Я долго стучала в балконную дверь, но никто не открывал; балкон был залит солнцем, которое сильно пекло, и не было ни одного вершка спасительной тени. У меня разболелась голова, я не могла больше находиться на балконе. Я знала, что с двух сторон балкон поддерживали две тонкие колонки. Мне пришло в голову, что по одной из этих колонок я могла бы спуститься вниз и попасть в сад. Это было рискованное дело, но я была так измучена жарой, что решила слезть. Я сняла туфли и оставила их на балконе, а сама полезла за барьер. Я почувствовала, как сильно билось мое сердце (мне казалось, что я ощущаю сильный грохот в груди и в висках) и как дрожали руки. С карниза балкона я соскользнула на колонку и, так как она была совершенно гладкая, стала быстро скользить вниз. Ноги мои коснулись железной решетки, которая

с двух сторон огораживала крыльцо (балкон был над крыльцом садовой двери); я встала на решетку, а потом соскочила на крыльцо. Я так волновалась (уже от того, что благополучно спустилась в сад), что не могла идти и села на крыльцо. Но была сделана только половина дела: садовая дверь в дом тоже была заперта, а садовая ограда была слишком высока. Чтобы попасть в дом, я должна была перелезть через эту ограду, пойти в переулок, оттуда во двор и только через черный ход войти в дом. Я подошла к ограде и полезла на нее. Об острые железные прутья я разорвала себе платье, но не упала. Соскочив с ограды на землю, я осторожно пошла в переулок; босыми ногами я различала каждый камень и по тому, насколько камни были гладкими или острыми, узнавала направление к дому. Во дворе по запаху из кухни я пошла к дверям черного хода и вошла в дом. Но, войдя в коридор, я почувствовала топот многих ног. Это дети вернулись с прогулки. В комнате на столе я нашла ручку, которой открыла балконную дверь, и взяла свои туфли. Целый день я была сильно возбуждена своим «подвигом»: ведь я рисковала разбить себе голову, если бы не удержалась на гладкой колонке или, перелезая через ограду, сделала неверное движение.

24. Все ушли гулять и заперли дом, оставался открытым только черный ход. Я осталась одна; мне было скучно. Я долго думала, чем бы мне заняться, и, наконец, вспомнила, что в саду цветет шиповник и что я могу наломать себе цветов. Но дверь в сад была заперта. Можно было попасть туда только через ограду. Я сняла туфли, связала их чулком и перекинула через плечо (к ограде я должна была идти босой, чтобы различать дорогу, а в саду нельзя было быть без туфель, так как он был засорен камнями, железом, гвоздями). Через ограду я перелезла благополучно, слегка только волновалась. В саду я надела туфли и пошла искать шиповник. Кустов шиповника было много, и я по запаху их цветов нашла. Я начала осматривать ветки шиповника, стараясь среди грубоватой листвы отыскать нежные, шелковистые лепестки цветов. Я наломала большой букет цветов, но руки мои были изодраны шипами, в некоторых местах сочилась кровь. Таким же образом, каким я попала в сад, я выбралась из него.

25. Однажды я мыла голову. Мне нужна была бутылка с уксусом, но я так спешила, что схватила первую попавшуюся бутылку. Когда же я стала наливать в таз содержимое бутылки, я по запаху почувствовала, что это не уксус, а борный раствор, который был в совершенно такой же бутылке как и уксус. Да и на ощущение, когда я наливала на руку, этот «уксус» был совсем не настоящим уксусом.

26. Я и дети вышли гулять на улицу с А. В.

— Ты заметила что-нибудь сейчас? — спросила меня А. В.

— Да, проехал автомобиль.

— Верно, он только что проехал мимо нас. Как ты это узнала?

— Я почувствовала запах бензина и сотрясение мостовой.

27. Не знаю, чем объяснить такие странные явления, когда я без посторонней помощи догадываюсь о чем-нибудь или скажу что-либо такое, о чем в это время говорят те, кто бывает со мной. Или это просто случайное совпадение, или же результат моего чрезвычайно чуткого отношения к окружающей среде; вследствие этого у меня сильно развита сообразительность. Я склонна думать, что вернее всего второе предположение. Так, например, я один раз шла сверху вниз, и, когда была уже на последних ступеньках лестницы, у меня явилось сильное желание подойти к двери и открыть ее. Мне казалось, что за дверью стоит Н. и звонит. Я подошла и открыла дверь — за дверью действительно стояла Н., и, когда она услышала мои шаги на лестнице, она позвонила, не подозревая того, что шла я. Вслед за мной по лестнице спустился Х., который услышал звонок, но я уже успела открыть дверь.

Другой раз я уходила с Н. к ней. Мы уже вышли в коридор, но остановились, так как Е. Н. еще разговаривала с В. М. Я вдруг повернулась и говорю:

— До свидания, В. М.!

Нина засмеялась.

— Почему ты смеешься? — спросила я.

— Потому что сейчас вышло хорошо: В. М. говорит: «Оля, ты хотя бы сказала: «До свидания, В. М.!» А ты сразу же повторила ее слова, как будто бы услышала ее.

Еще более интересный пример. Я была в обществе нескольких товарищей. Они мне сообщали, о чем говорят между собой, но не всегда и не все. Вдруг я говорю: «Я так люблю держать руку на рояле в то время, когда играют».

Все удивились, так как в это время они говорили о музыке. Но мне никто ничего не сказал, я сидела и держала за руку одну девочку и почему-то подумала о музыке.

Еще один интересный пример. Я читала с Ч. в моей комнате, к Ч. подошла А. В. Когда она ушла, Ч. сказала мне:

— А. В. предупредила меня, что она идет гулять.

Я спросила:

— Она просила вас зажечь свет в канцелярии и открыть ей дверь в семь часов?

М. очень удивилась.

— Да, да, она об этом и говорила.

Много раньше было таких фактов, но, к сожалению, я их не записывала и сейчас не припомню.

28. Я проходила через столовую в спальню и почувствовала, что кто-то слегка прикоснулся ко мне, и в то же время почувствовала запах Е. А. Но я не остановилась, так как мне нужно было посмотреть на часы. Когда я шла обратно, я подошла к дивану, где сидела Е. А.

— Вы хотели меня остановить?

— Да.

— Я не могла остановиться. Н. просила сказать ей, сколько времени.

29. Как-то у меня должен был быть урок по географии, но я не замечала ни по запаху, ни по походке, чтобы пришла Р. Г., которая должна была заниматься со мной. Я подошла к А. И. и спросила:

— Р. Г. нет?

— Нет.

30. Однажды врачи проверяли, слышу ли я звуки или чувствую. Когда трубку держали на голове и давали звуки, я чувствовала, но, если трубку снимали с головы и отдаляли, я ничего не слышала. Но вот я ощутила запах с правой стороны и повернулась в эту сторону. Е. А. спросила:

— Слышишь?

— Нет, я почувствовала запах и поэтому повернулась.

— Это к тебе подошел врач.

31. Несколько лет тому назад летом я была у Л. И. В саду было много цветов, и Л. И. водила меня от клумбы к клумбе и показывала мне все цветы. Потом она ушла в комнату к своей девочке, а меня оставила одну в беседке из кустов. Я кушала яблоко, а когда съела, вышла из беседки, чтобы еще сорвать яблок. До этого я сама еще не ходила по саду Л. И., но меня это не испугало, и я смело двинулась вперед. Ну и путешествовала же я: зашла в кусты роз и долго не могла найти из них выхода, исцарапав себе руки шипами. Но я не унывала и продолжала лазить в кустах между клумбами. Я уже начала думать, что не выберусь из этого лабиринта, как вдруг мне под ноги попалось яблоко. Я подумала: «Если яблоко лежит здесь, значит, близко аллея, возле которой яблони». Я направилась в одну сторону — яблоки под ногами стали попадаться чаще и служили мне путеводными звездочками. Наконец, я ощутила под ногами дорожку, посыпанную песком. Я сделала несколько шагов по дорожке — и прямо к моему лицу прикоснулась ветка с яблоками. Таким образом, яблоки, валявшиеся на земле, вывели меня на дорожку, и я узнала, где я нахожусь. Когда ко мне пришла Л. И., я сидела в гамаке с десятком яблок. Я рассказала Л. И. о своем первом самостоятельном «путешествии» в ее саду, и мы долго смеялись над моими приключениями. Остальную часть дня,

а также и весь следующий день я ходила в саду одна, и мне это было очень приятно: я никому не мешала и мне никто не мешал.

32. Это было зимой. Я была несколько дней у А. Раз утром я проснулась и спросила, сколько времени. А. ответила, что семь часов и что она уже встает, а я чтобы еще полежала. Через час я опять позвала А. Вместо нее ко мне подошла М. и сказала: «Ее нет, она ушла по хозяйству».

Я почему-то не поверила словам М. Я повернулась лицом к стене и продолжала лежать в постели. Минут через 10 я почувствовала, что А. села на кровать спиной ко мне. Я подумала: она, наверно, надела пальто и нарочно села спиной ко мне, чтобы я сразу увидела, что она в пальто. Я продолжала не обращать внимания на то, что А. сидит на кровати. Тогда она прикоснулась к моему плечу. Я вынула руку из-под одеяла.

— Ты спишь? — спросила А., делая рукой такие движения, чтобы задеть мою руку рукавом пальто.

— Нет, я давно не сплю.

— А я только что пришла... Ходила за хлебом... На дворе чýдная погода, светит яркое солнце...

Так говорила А., но я чувствовала, что от нее совсем не пахнет свежим воздухом, а, наоборот, чувствовался запах мыла, которым она умывалась. Я начала одеваться. А. пошла снять пальто, а потом подошла ко мне, помогая отыскивать мои вещи, которые она куда-то убрала. Я делала вид, что не обращала внимания на А., но я хорошо заметила, что она была в одном платье, накинутом прямо на голое тело. Я нарочно спросила:

— Почему ты все время переодеваешься?

— Нет, я ведь была в пальто, а теперь разделась.

Через час мы вышли на улицу с А., и я почувствовала, что никакое солнце не светит и что идет снег. А., как бы оправдываясь, сказала:

— Жаль, что испортилась погода.

Я ответила:

— Я и не думала, что она хорошая; тебе, наверное, так показалось, когда ты меня уверяла, что светит яркое солнце.

А. смутилась и ничего мне не ответила.

33. В той квартире, где я временно жила, была одна очень солнечная комната, и я любила сидеть на окне в этой комнате, когда светило солнце. Однажды я сидела на окне и по запаху, а также по движению воздуха почувствовала, что кто-то подошел ко мне. Я протянула руку вперед, и моя рука натолкнулась на кого-то в байковой куртке. Такой одежды не было ни у кого из тех, кто меня окружал. Я поняла, что это кто-то чужой, и отдернула руку. Подошедший совсем близко постоял возле меня несколько минут. Это

был чужой человек и, должно быть, не зная о том, что я не вижу и не слышу, что-то спрашивал у меня. Но, не получив никакого ответа, ушел от меня.

34. Одним летом я ездила в Одессу с А. И. С нами поехал и ее сын С., мальчик моих лет. Мы остановились в одной клинике и жили на первом этаже. Для того чтобы попасть в умывальную комнату и в уборную, нужно было пройти большой коридор и еще зайти в небольшой коридорчик, который вел также и к выходной двери сада. Я скоро научилась одна ходить в умывальную, уборную и в сад. Дверь, выходившая в сад, обычно всю ночь была открыта; поэтому, когда мы ложились спать, запирались на ключ. Однажды ночью у меня сильно болела голова и было жарко. Чтобы не беспокоить А. И., я сама тихо встала и пошла в умывальную комнату, чтобы смочить платок и завязать им голову. Возвратившись в комнату, я заперла дверь на ключ и, подойдя к своей кровати, стала ложиться. Вдруг я почувствовала, что кто-то босой подходит ко мне. Это был С. Он схватил меня за руку и сказал дактилологией:

— Что ты делаешь?

Я сразу заметила, что С. злой, и это удивило меня. Я ответила тихо и спокойно:

— Что же я особенного делаю? У меня болит голова, и я ходила смочить платок.

— Ты маму испугала.

— Чем?

Но С. ничего не ответил и резко оттолкнул мою руку. Я поняла, что С. был злой потому, что его внезапно разбудили, но чем я могла разбудить А. И.? Этого я не понимала и узнала все только утром. А дело было вот как: ни А. И., ни С. не слыхали, когда я выходила из комнаты, а когда я возвратилась и заперла дверь, А. И. проснулась и стала спрашивать:

— Кто это?

Разумеется, я ее вопроса не слышала и ничего ей не ответила. Впрочем, я даже и не подозревала, что она проснулась и кричит. Не получив ответа и видя, что к моей кровати «кто-то идет», А. И. еще больше испугалась и стала звать С. Он проснулся. А. И. говорит ему:

— К нам воры забираются!

С. вскочил со своей кровати и бросился ко мне (тогда, когда я и почувствовала, что ко мне кто-то идет). Узнав меня, С. сказал:

— Да это Оля вставала.

После того как А. И. рассказала мне всю эту сцену и добавила: «Я хотела выскочить на улицу», я долго смеялась над нею.

— Неужели вы не допускали возможности, что я могла выйти в уборную?

— Допускаю, но случилось что-то непонятное: я вижу, что возле двери кто-то стоит в белом, я подумала, что это воры открыли дверь и стоят в дверях. Потом это белое пошло к твоей кровати, и это совсем перепугало меня.

— Как же вы не сообразили, что, если бы это были воры, а вы начали кричать, то разве они стали бы спокойно ложиться на мою постель?

— Я спросонья не сообразила, а только видела то, что делалось.

35. Одно время А. И. и Л. И. ходили заниматься с дошкольниками рабочих фабрики «Красная нить». Однажды А. И. взяла меня с собой в «Детскую комнату» и познакомила меня со своими учениками. Некоторые ребятишки так привязались ко мне, что, чуть не плача, просили меня приходить к ним. Я часто стала бывать в «Детской комнате». Я что-нибудь рассказывала детям, а они сидели так тихо, как никогда. А. И. говорила мне:

— Они тебя слушают лучше, чем нас.

Особенно один мальчик, у которого недавно умерла мать, привязался ко мне, и, если я долго не приходила, он заявлял А. И.:

— Если Оля не придет скоро, так я и на занятия не буду ходить.

Был март, снег таял. «Детская комната» находилась на Журавлевке, которая изобиловала грязью. Я и А. И. пошли на Журавлевку пешком. На улицах было много воды, я чувствовала, как она шлепает под моими ногами. На какой-то улице, недалеко от Журавлевки, я ощущала, что мостовая покатая, как будто мы сходили с небольшой горки. А. И. что-то смешное рассказывала мне, а потом говорит:

— Лошадь.

— Какая лошадь? — спросила я.

— А вот едет с телегой сзади нас. Давай бежать скорее.

— Я не могу бежать, здесь так скользко, да еще спуск вниз.

— Ой, давай бежать, а то нас лошадь переедет.

— Ой, я не могу бежать, упаду!

— Скорей, скорей!

— Я уже падаю!

Мы очень смеялись и, спотыкаясь на каждом шагу, бежали вниз. Вдруг в том месте, где было особенно много воды, я упала и потащила за собой А. И. От смеха мы сразу не могли встать на ноги. Но, несмотря на то что я смеялась, я все же почувствовала по сотрясению мостовой, что едет телега. Когда мы встали, А. И. сказала:

— Совсем близко от нас проехала телега; наше счастье, что она не переехала нас. Это ты виновата — зачем упала?

— А вы зачем смешили меня в таком опасном месте?

Мы были мокры и испачканы грязью, но это нисколько не испортило нам настроения.

36. Как-то моя подруга Н. ходила в глазную поликлинику на уколы и просила меня ходить с нею. «Мне одной не хочется идти»,— говорила она.

В один из дождливых дней мы пошли в поликлинику. Врач сказал Н., что нет никакой надежды на то, что уколы могут оказать какую-нибудь пользу ей. Н. давно знала, что никакими средствами невозможно возвратить ей зрение, но тем не менее она очень расстроилась после слов врача. Когда мы из поликлиники вышли на улицу, дождь уже прошел, но было очень грязно. Н. была настолько расстроена, что совершенно не соображала, по какой дороге мы идем, а в том месте совсем не знала дороги; но я хорошо чувствовала, если мы сходили с гладкой дорожки в сторону. Хорошо понимая, что Н. совершенно не владеет собой, я всецело сосредоточила свое внимание на том, чтобы следить за дорогой, и вела Н. Один раз Н. внезапно повернула в сторону и упала с тротуара; я не успела ее поддержать. Я помогла ей встать и, взяв ее под руку, пошла по тротуару, стараясь следить за тем, чтобы мои ноги чувствовали гладкую дорожку. Когда мы пришли домой, то Н. сказала:

— Ты извини меня. Я была так расстроена, что ничего не понимала, и, если бы не ты, я бы не дошла домой. Но меня удивляет то, как ты могла вести меня? Ведь ты же не слышишь и не знаешь дороги.

— Я чувствовала ногами, по какой дороге мы идем, и, если ты сворачивала в сторону, я тебя останавливала.

37. В один из Октябрьских праздников я, как и остальные ребята, получила гостинцы. Среди яблок я нашла одно большое, но немного странное «яблоко». Странным оно было потому, что не имело того запаха, какой имели остальные яблоки. Я подумала, что это какой-нибудь особый сорт яблок, и оставила его на закуску. Когда я, наконец, хотела скушать это «яблоко», оно оказалось таким твердым, а откушенный мною кусочек был горьковатым и терпким, из откушенного отверстия бежал сок, а когда я придавила «яблоко», оно словно заскрипело внутри. Я решила, что это мерзлое яблоко, и отнесла его в буфетную комнату на стол. Я пошла в детскую спальню к М. А. и сказала ей:

— На столе в буфетной комнате лежит большое яблоко: это я выбросила, потому что оно мерзлое.

М. А. пошла посмотреть это «мерзлое яблоко».

— Нет, это не яблоко, это айва.

Я понюхала «айву».

— Не может быть, это не айва, я айву хорошо знаю.

Но М. А. уверяла меня, что это айва.

— Вот возьми, попробуй.

— Да я уже пробовала — это что-то горькое, а айва не горькая.

— Это только корочка горькая, а внутри сладкие зерна.

И М. А. высыпала на блюдце много мелких зерен из «айвы». Я засмеялась.

— Разве в айве бывают такие зерна? Да они и не сладкие, а кислые, а вот попробуйте это зернышко!

М. А. попробовала и согласилась, что это не айва. На другой день я узнала, что «мерзлое яблоко» и «айва» были не чем иным, как гранатом. Но я никогда раньше не кушала гранатов и поэтому не могла знать, что между яблоками у меня был и гранат.

38. Я стояла у окна в своей комнате и осматривала цветок. Кто-то подошел ко мне и положил на мое плечо бутон. По запаху и форме листьев я узнала, что это пион. Когда я вышла в столовую, чтобы пройти в сад, то почувствовала и там запах пионов. Я подошла к столу и осмотрела его — моя рука наткнулась на кувшин, в котором были пионы.

39. Я сидела в столовой и учила урок по физике. Ко мне подошел Д. и мягко взял меня за руку. Я удивленно посмотрела на него. Его руку я узнала, но от него пахло одеколоном, а этот запах я чувствовала от него впервые и поэтому не сразу узнала его. Я подумала: «Кто же это?»

Д. повторил рукопожатие, и я его узнала. Я улыбнулась и чистосердечно созналась: «Я не сразу тебя узнала».

(О запахе одеколона я постеснялась сказать.)

40. Я хотя и не могла видеть академика В. П. Воробьева, когда он лежал в гробу, но все-таки я хотела отдать ему последний долг. Для того чтобы я могла поехать в крематорий, где уже находилось тело В. П., из УИЭМа прислали автомобиль. В машине Л. И. сидела рядом со мной и что-то рассказывала о В. П., но я была настолько расстроена, что ничего не понимала. Когда мы вышли из машины и направились к крематорию, я сразу ощутила запах множества цветов. Не знаю почему, но этот запах поразил меня: мне казалось, что так пахнут цветы только там, где лежит тело умершего человека. Запах хризантем казался мне могильным запахом.

Мы не могли подойти близко к гробу В. П., а остановились на таком расстоянии от него, что Л. И. могла видеть хорошо покойного и рассказать мне о нем.

Не знаю, способствовал ли этому резкий запах цветов или слова Л. И., но я всем существом чувствовала, что нахожусь недалеко от гроба В. П., и была глубоко потрясена. У меня подкаши-

вались ноги, мутилось в голове, я употребляла нечеловеческие усилия, чтобы не потерять сознание...

На обратном пути я абсолютно ничего не понимала из того, что мне говорила Л. И.

Но дома, когда я шла по лестнице наверх, мне с поразительной ясностью вспомнился запах цветов — я натурально ощущала его в нашем помещении. Был момент, когда ступеньки лестницы заколебались под моими ногами, а в моем организме наступила какая-то тишина. Чтобы не упасть, я схватилась за Л. И., и она привела меня в мою комнату. Я была в полусознательном состоянии.

5 ноября на вечере в УИЭМе А. И. показывала мне много хризантем в зале. Запах этих цветов напомнил мне о смерти В. П.

41. Я просила новую уборщицу убрать мою комнату. Объяснила, что нужно сделать, и вышла из комнаты.

Минут через 10—15 я возвратилась в комнату и закашлялась от пыли. Оказалось, что уборщица не только подняла ужасную пыль, но и комнату подмела плохо: под ногами я чувствовала плохо выметенный пол. Я позвала дежурную воспитательницу и просила ее осмотреть мою комнату. Я была права. Воспитательница вполне согласилась с тем, что комната убрана плохо и полна пыли. Пришлось в сильную вьюгу открывать окно, чтобы очистить воздух в комнате от пыли... Уборку комнаты я с тех пор производила сама, пока работала эта уборщица.

42. Я в своей комнате передвигала стол, на котором стояла статуэтка Пушкина. Вдруг я почувствовала, что на пол что-то упало. В одну секунду я сообразила, что упала статуэтка Пушкина, и бросилась в ту сторону, откуда почувствовался стук. На полу лежала разбившаяся на куски статуэтка. С большим огорчением я начала собирать куски гипса — голова Пушкина совсем отбилась от туловища. Я пыталась как-нибудь пристроить голову на прежнее место, но от волнения у меня дрожали руки, и голова падала на стол. Наконец, мне удалось ленточкой прикрепить голову к туловищу, и в таком виде (с отбитым боком) я осторожно поставила статуэтку на тумбочку. Впоследствии мне удалось приклеить голову к туловищу.

43. Я была в своей комнате и читала. По движению воздуха (шагов и не чувствовала) я ощутила, что ко мне кто-то подходит. В следующую секунду я ощутила запах цветов и протянула руку вперед — моя рука наткнулась на нарциссы.

1. Если я почувствую внезапную и сильную боль от чего-нибудь, а ко мне в это время кто-нибудь подойдет, то я иногда не сразу узнаю, кто это. Так, например, сегодня я проходила по столовой, а кто-то из сотрудниц стоял возле календаря и не слышал, как я шла. Я наткнулась на эту сотрудницу, и она случайно ударила меня локтем в глаз. Я почувствовала сильную боль и даже выронила из рук вещи. Когда сотрудница сказала: «Извини», я все-таки не узнала, кто это был.

Я должна подчеркнуть, что и во всех других случаях, когда мое внимание целиком сосредоточено на чем-либо, я хуже воспринимаю все то, что происходит вокруг меня. Я не сразу могу почувствовать приближение кого-нибудь ко мне или не сразу узнаю того, кто взял меня за руку. Если же мое внимание ничем не отвлечено, тогда я хорошо чувствую все, что происходит вокруг.

2. Однажды мне подали сразу три письма. Письма были брайлевские, и их обложка была мне уже знакома по предыдущим письмам. Желая скорее узнать, что мне пишут подруга и товарищ, я побежала в свою комнату, чтобы вскрыть письма. По дороге я встретила Х., который поздоровался со мной. Но я так была занята письмами, что не совсем узнала Х. Дойдя до своей комнаты, я подумала, что нужно же узнать, кто со мной здоровался. Я вернулась обратно в сад, где еще был Х. «Это вы поздоровались со мной?» — «Да, я»,— сказал Х.

3. Если я получаю особенно сильное впечатление от какой-нибудь книги или еще от чего-нибудь, я уношусь мыслями далеко от действительности. Помню такой случай: я сидела и читала книгу. В это время ко мне подошла Л. И. Она мне что-то сказала, я ее не поняла, но решила, что она сказала мне вот что: «Оля, иди в изолятор».

Подумала я так потому, что у меня в то время болела рука и я каждое утро ходила на перевязку (а дело было как раз утром). Я, конечно, отложила книгу и пошла в изолятор. Л. И. там не было. Я села ждать ее. Жду, жду, а Л. И. все нет. Прошло минут 10, и мне уже надоело ждать. Вдруг приходит она.

— Почему же ты сюда пришла? — спросила Л. И.

— Да вы же мне сказали: «Оля, иди в изолятор».

— Нет, я тебя попросила побыть с Василем, чтобы он сидел спокойно.

Мы весело расхохотались.

— Я совсем ничего не поняла из того, что вы мне сказали, а просто по привычке к перевязке пришла сюда.

— Мне говорит Х., что ты ждешь меня в изоляторе, а я уверяю его, что ты следишь за Василем.

4. Однажды я читала «Войну и мир» Л. Толстого, а когда окончила книгу, то собралась идти в школу слепых, где находилась моя подруга Н. Я была под впечатлением прочитанного, поэтому шла почти машинально. Мне нужно было подняться по лестнице на третий этаж, зайти в один коридор, а затем повернуть в другой направо. Я так и сделала, повернула направо. Иду, вдруг под ногами какая-то ступенька и опять длинный коридор, а там какие-то двери. Я остановилась, чтобы сообразить, где я иду. Я хорошо знаю дорогу к школе слепых. Я помнила, что на третьем этаже в коридорах нет никаких ступенек. Наконец, я поняла, в чем дело. Я по дороге так замечталась, что забыла выйти на третий этаж, а дошла только до второго и повернула в коридор. Я вернулась опять к лестнице и уже без приключений пришла в комнату к девочкам.

5. Е. А. попросила меня отнести ключи в кабинет Х. Я целый день была занята и только что освободилась. Я очень устала, и, когда поднималась по лестнице, у меня даже немного закружилась голова. Подойдя к кабинету, я постучала один раз. Мне не открыли. Я повторила стук, дверь тихо приоткрылась. Я протянула руки с ключами и, не входя в кабинет, сказала: «Просили передать».

Чья-то рука взяла ключи. Тогда я вошла в кабинет. Но меня удивило то, что Х. как бы не похож на себя, словно не узнал меня. Рука этого «Х.» была немного не такая. Но ведь никто другой не мог быть в его кабинете. Я несмело сказала: «Я уже напечатала 21 страницу...»

И вдруг я узнала, что это не Х. Я очень смутилась и выбежала из кабинета. Через несколько минут меня позвал Х. и объяснил, что это был один инженер. Да, я чистосердечно призналась, что в те моменты, когда я бываю усталая и вдобавок занята какими-нибудь другими мыслями, я хуже воспринимаю все то, с чем я соприкасаюсь и что меня окружает. Я могу это объяснить не только тем, что ослабевает физиологическая чувствительность органов чувств, но еще и тем, что при полной физической усталости ослабевает и внимание к окружающей среде. В этом есть нечто общее со зрением и слухом. Ведь, когда зрячий и слышащий человек чувствует сильную усталость, он также часто ошибается в зрительных и слуховых впечатлениях. Он может принять незнакомого человека за знакомого и, наоборот, знакомый голос за чужой. А если мысль зрячего человека уносит его воображение и представление далеко за пределы той обстановки, в которой он находится, то он, подобно Геккелю, наденет дамский чулок вместо

галстука или, подобно Бетховену, будет терять свои шляпы во время прогулок за городом.

Я знаю из рассказов зрячих, как часто зрячие и слышащие впадают в заблуждение: зрение и слух часто их обманывают, один какой-нибудь предмет они принимают за другой, один чей-нибудь голос им кажется другим голосом и т. д. Нечто аналогичное бывает и со мной. Так, однажды вечером я была в лаборатории; мне показалось, что я чувствую звуки фисгармонии, на которой X. иногда играет. Это удивило меня, так как X. сказал мне, что он придет в клинику в 10 часов вечера, а было только 9. Я сошла вниз и спросила А. В., кто это играет. «Вы не слышали, чтобы X. играл на фисгармонии?» — «Нет, он еще не пришел».

Это явление я объясняю тем, что я могла ощутить какие-либо вибрации, передающиеся с улицы через пол, и они обманули меня.

6. Однажды, когда я еще крепко спала, мне очень ясно показалось, что ночная дежурная прикоснулась к моему плечу. Я проснулась, думая, что уже нужно вставать. Я пошла в умывальную комнату и умылась. Затем возвратилась в спальню, оделась и начала убирать постель. В это время ко мне подошла дежурная и спросила:

— Почему ты так рано встала?

— А разве вы меня не будили?

— Нет, сейчас только 6 часов утра, и ты меня разбудила.

— Странно, как же это могло случиться? Ведь я так ясно почувствовала, что вы меня будите.

Я окончила убирать постель и села читать, так как снова ложиться мне не хотелось.

7. Однажды я опоздала к вечернему чаю. Дежурная ушла гулять с детьми в сад, и некому было налить мне вторую чашку чая. Я хотела встать из-за стола и сама налить, но в это время у меня взяли чашку. Когда мне подали чай, я взяла за руку того, кто подал, и мне показалось, что это А. Н. Правда, я в этом не была уверена и одно мгновение думала, что это X., но я не подумала, что X. подойдет налить мне чай, и поэтому решила, что возле меня А. Н.: у нее руки большие, как у мужчины, и по руке ее легко принять за мужчину. Я что-то начала говорить, обращаясь к этой «А. Н.», но когда X. дактилологией спросил: «Что?» — я окончательно узнала, что это X., и очень смутилась.

8. Я научилась узнавать по выключателю, когда в моей комнате горит свет и когда не горит. Узнаю я это так: если свет горит, то выключатель повернут налево, а если свет не горит, выключатель повернут направо.

Однажды ко мне пришла незрячая подруга со своим полузрячим товарищем. С этим товарищем я еще не была знакома. Когда

они ко мне пришли, меня в комнате не было. Дежурная сама проводила в мою комнату гостей, закрыла ставни и зажгла свет. Через 2—3 минуты я вошла в комнату. Я света совсем не вижу, поэтому не знала, горит ли свет. Я подошла к выключателю: мне показалось, что он закрыт. Я сказала: «Сейчас я зажгу свет» — и повернула выключатель.

Подруга взяла меня за руку:

— М. говорит, что ты потушила свет.

От смущения я очень покраснела. Я снова повернула выключатель, и свет загорелся. Когда я подошла к подруге, она сказала:

— М. просит передать тебе, чтобы ты не смущалась, это с каждым бывает.

9. Однажды я пришла из лаборатории вниз. Когда я проходила через вестибюль, ко мне подошла одна моя знакомая, которая только что пришла. Я так была углублена в какие-то мысли, что совершенно безразлично встретила знакомую, а когда она спросила: «Ты свободна?» — я рассеянно отвечала ей: «Свободна». И подумала: «Кто же это такой? Да еще говорит дактилологией».

Я предложила своей гостье любезно, но очень сдержанно (так как продолжала не узнавать ее) снять пальто и идти ко мне в комнату. Раздеваясь, гостья спрашивала: «Ты давно видела Н.?» Я ответила: «Я к ней сегодня собираюсь ехать» — и снова подумала: «Ну, кто же это такой? Даже Н. знает».

Я решила, что это одна моя знакомая из УИЭМа, которую я учила говорить дактилологией. Но когда мы зашли в мою комнату, я вдруг сообразила, что это была Л. Я ничего не сказала Л. о том, что я не сразу ее узнала, однако прошло минут 10, прежде чем я успела оправиться от своего смущения. Мне было очень странно, почему я не узнала Л., ведь я ее всегда узнавала, даже на улице. Я это могу объяснить только тем, что, когда она подошла ко мне, я была сосредоточена на чем-то другом и даже забыла, где я нахожусь. В то время, когда она взяла меня за руку, мне казалось, что я пробуждаюсь от глубокого сна к действительности.

10. Как-то я была в саду школы слепых с Н. Она что-то рассказывала мне об одном воспитаннике. В это время к нам подошла мать Н. Она пожала мне руку и написала на руке:

— Здравствуй!

Но я не узнала, что это была мать Н., а приняла ее за воспитанника, о котором мы говорили. Я равнодушно ответила:

— Здравствуй!

Н. спросила:

— Ты не узнала мою маму?

9 Заказ 812

— Нет. А разве это твоя мама?

— Да.

Я извинилась перед матерью Н. за то, что так невежливо ей ответила.

11. Как-то ночью я проснулась и пошла посмотреть на часы. Мне показалось, что на часах было без 20 минут 7. Я подошла к постели дежурной и начала ее будить. Дежурная очень крепко спала, я с трудом разбудила ее.

— Вставайте, уже скоро 7 часов, а вы так крепко спите. Если будет кто-нибудь звонить, то вы и не услышите.

Дежурная испугалась, что проспала, и вскочила с постели. Посмотрев на часы, она сказала:

— Сейчас только без 20 минут 4 часа.

Мне стало неудобно, что я напрасно разбудила дежурную, и я извинилась перед нею.

12. Однажды я смотрела два новых платья, которые сшили для В. и М. Платье В. было уже выглажено, а платье М. еще не гладили. От этого платья казались сшитыми из неодинаковой материи. Что платье В. было из вольты, это я узнала, но платье М. показалось мне маркизетовым, так как, не будучи проглаженным, оно было более упругим. Когда оба платья были проглажены, я узнала, что они из одного материала.

13. Я сидела в библиотеке за столом и читала. Мне показалось, что я чувствую запах одеколона Л. И. Я несколько раз поворачивалась в разные стороны, но ни с одной стороны запах не был сильнее. Я решила сойти вниз и спросить у Л. И., была ли она наверху. В комнате игр я подошла к Л. И. и сначала вчувствовалась, пахнет ли от нее одеколоном. Но одеколоном от нее не пахло. «Вы не были только что наверху?» — «Нет».

Отойдя от Л. И., я вдруг поняла, почему мне казалось, что я чувствую одеколон Л. И.: когда Л. И. читала мне, то на моей руке остался ее запах. Л. И. раньше меня помыла руки, а я рук еще не мыла, и одеколон сохранился на моих руках, и это ввело меня в заблуждение.

14. Однажды целый день я была очень смущена, так как, что бы я ни делала, в какую бы комнату ни пошла, я все время чувствовала запах духов X. Так, например, я была в ванной и умывалась. Вдруг чувствую этот сбивающий меня с толку запах. Я с неудовольствием подумала: «Почему X. пришел смотреть, как я умываюсь?»

И так в течение целого дня я все думала: «Почему X. следит за мной?..»

Только вечером, когда я ложилась спать (и несомненно, была одна в своей комнате), я поняла, почему меня беспокоил запах ду-

хов Х.: утром в этот день я надушила себе волосы такими же духами, как у Х., поэтому, когда я делала движения головой (поворачивалась в какую-нибудь сторону или наклонялась), я и чувствовала запах от себя. Но я совершенно забыла о том, что надушилась утром, и вот провела такой «беспокойный» день.

15. Мне нужна была Р. А. В вестибюле было накурено, и я подумала, что Р. А. сидит за своим столом. Я подошла к столу — там сидела какая-то женщина в халате и писала. Я положила руку на ее руку ниже локтя и ждала, что она обратит на меня внимание, но женщина продолжала писать. Наконец, я первая заговорила (я тихо сказала то, что мне нужно было). Женщина взяла меня за руку, и я по ее руке сразу узнала, что это не Р. А. Я очень смутилась и растерялась. Подошел Х. и сказал мне: «Это не Р. А., это новая заведующая хозяйством».

16. Я была в своей комнате и печатала на машинке (писала письмо и очень увлеклась этим). Я не заметила того, что ко мне в комнату вошли: кто-то взял меня за руку и пожал ее. Я не узнала, кто это, хотя сразу же отметила, что взял меня за руку знакомый человек.

— Я не знаю кто,— сказала я, чуть улыбаясь смущенно.

Мне снова пожали руку, но я не узнавала. Тогда другой человек взял меня за руку.

— П.! — сразу узнала я.

П. хотел написать на моей руке имя того, кого я не узнала. Но тут случилось нечто комичное: я вдруг сообразила, что человек, руки которого показались мне знакомыми, не кто иной, как Д., и я с изумлением громко сказала:

— Д.!..

Изумление мое объясняется следующим: мне говорил П., что Д. уехал в окрестности Москвы, и сказал, какого числа Д. возвратится. Теперь же Д. пришел совершенно неожиданно для меня, а я на всякие неожиданные обстоятельства реагирую сильно. Нечто подобное случилось со мной и на этот раз; я чувствовала, что покраснела, и на несколько минут растерялась.

Температурные ощущения

1. Осенью, когда еще не топили, у нас было очень холодно. Но вот однажды меня разбудили, я сразу почувствовала, что в комнате у меня как будто теплее. Я подошла к батарее, она была чуть-чуть теплая. Днем у нас было уже совсем тепло, и батареи были на-

столько горячие, что нельзя было к ним прикоснуться. Когда пришла В. М., я сказала:

— Поздравляю!

— С чем?

— Неужели вы ничего не чувствуете?

— Нет.

— Вам не жарко?

— Нет.

Я подвела В. М. к батарее. Она посмотрела рукой и сказала:

— Теперь я понимаю, что уже затопили.

Меня очень удивило то, что В. М. не могла заметить такой большой разницы в температуре наших комнат, ведь было очень холодно, и вдруг стало тепло.

2. Я открывала окно в своей комнате. Обычно, когда я открою внутреннюю раму, я уже чувствую, холодно на дворе или тепло. Сегодня, когда я открыла внутреннюю раму, а наружная была совсем закрыта, я почувствовала, что на дворе тепло. Действительно, сегодня было так тепло, что даже снег таял.

3. Л. И. поставила ко мне на стол электрическую лампочку и начала вставлять вилку в розетку, а я держала руку на лампочке. Когда свет зажегся, я сразу почувствовала, потому что лампочка моментально стала нагреваться.

4. Я занималась с Х. в его кабинете. Вдруг я ощутила поверхностью лица, что в окно светит солнце.

— К вам в окно светит солнце?

— Да.

5. Я наливала в ванну воду, так как собиралась мыться. Вода была очень горячая, и возле ванны было жарко. Но вот потянуло холодком, я догадалась, что кто-то открыл дверь из умывальной, где было не так тепло. Я подошла к двери, она была полуоткрыта. Я спросила:

— Кто?

Подошла Л. И.

— Это вы открыли дверь?

— Да.

6. Мне сказал Х., что потух свет. Через час после этого я поинтересовалась, горит ли уже свет. Я пошла в спальню и приложила руку к электрической лампочке, но она была холодной. Я поняла, что свет еще не зажегся.

7. Ч. позвала меня читать. Когда я пришла в кабину и села на стул, то почувствовала, что стул теплый. Я спросила:

— Кто сейчас сидел на этом стуле?

— Здесь сидел Ц.,— ответила Ч.

8. Как-то мне нужен был Х. Я пошла в библиотеку и подошла

к дивану, чтобы узнать, нет ли на диване Х. На диване я его не нашла, но в одном месте диван был теплый, и я подумала, что Х. только что ушел отсюда. Я позвала Х., и он подошел ко мне.

— Вы сидели на диване только что?

— Да, я встал минуту тому назад.

9. Однажды я собиралась идти в город с Р. Г. До этого я еще не была на дворе и не знала, какая погода. Когда мы вышли на улицу, я почувствовала, как начало согреваться мое лицо. Я поняла, что это светит солнце. Я сказала Р. Г.: «Я думала, что сегодня плохая погода, а оказывается, что даже солнце есть».

10. В один зимний день, когда на дворе была оттепель, я пошла в город. Ветер был теплый по-весеннему, но солнца я не чувствовала, когда вышла на улицу. Только через два часа, идя по городу, я вдруг ощутила лицом теплые лучи солнца.

— Ты чувствуешь солнце? — спросила А. В.

— Да, я сразу почувствовала.

— Я по выражению твоего лица заметила это, потому и спросила тебя.

Вкусовые ощущения

1. За обедом мне подали арбуз. Попробовав его, я сразу определила, что арбуз еще не дозрел. Я сказала об этом дежурной. Она ответила: «Цвет он имеет хороший, поэтому мы думали, что он и на вкус будет хороший».

2. Л. И. предложила мне скушать помидор. Я согласилась. Кушая помидор, я заметила, что на вкус он более кислый, чем те помидоры, которые мы покупаем на базаре. Я спросила у Л. И.

— Это помидоры из вашего сада?

— А что, кислые?

— Да.

3. Я кушала груши. Одна груша была тверда на ощупь, но я подумала, что она просто еще не помялась. Когда же я попробовала грушу, по вкусу узнала, что она еще не зрелая.

4. Однажды я ела яблоки. Мне показалось, что одно яблоко было гнилое в середине. Я отложила его и взяла другое. Когда ко мне подошла В. М., я ей показала гнилое яблоко.

— Нет, оно не гнилое, а побитое.

— Гнилое, я ведь кушала его и по вкусу узнала, что оно в середине гнилое. Даже сок там более липкий, чем в хорошем яблоке.

— На глаз не видно, что оно гнилое, кажется, что побитое.

* * *

ЭКСКУРСИИ

Экскурсия во Дворец пионеров

Это была уже вторая экскурсия во Дворец пионеров. Мы проходили целый ряд комнат, поднимаясь вверх по лестницам и снова спускаясь вниз. Вот мы заходим в один зал с мраморным полом. Здесь более прохладно, чем в других комнатах, и в то же время ощущается свежий воздух. А. И. ничего мне не говорит.

— Мы в Зимнем саду? — спрашиваю я у А. И.

— Да, как ты узнала?

— Я здесь один раз была два года тому назад.

А. И. подводит меня к цветам. Я их осматриваю руками и узнаю те пальмы и кактусы, которые я раньше видела. Замечаю, что цветов стало меньше. Я помню, что в первую экскурсию я осматривала цветы, которые стояли вокруг бассейна, а теперь их нет.

Когда мы пришли во Дворец пионеров, нам пришлось долго ждать руководителя. Мы сели на диванчик. Я осмотрела его и сказала А. И.:

— Этот диван был покрыт бархатной материей, но она совсем уже вытерлась, трудно даже узнать, что это был бархат.

— Я тоже думаю, что это бархат, но совсем выцвел,— ответила А. И.

Таким образом, я осязанием, а А. И. с помощью зрения определили, что диван раньше был покрыт бархатной материей, которая теперь вытерлась и выцвела.

Во Дворце пионеров я осмотрела модели самолетов, которые делали дети. Остов модели самолета дети оклеивали тонкой бумагой. Из нескольких моделей мне особенно понравилась одна: она была очень аккуратно сделана и так изящна, что привела меня в восторг: казалось, она вот-вот взлетит в воздух без мотора. Я сказала А. И. об этом. «Ты угадала, она лучше других».

Мы осматривали комнату, в которой пионеры занимаются скульптурой. А. И. дала мне осмотреть одну статуэтку. Голова статуэтки была курчавой, а на щеках бакенбарды. «Это Пушкин».

А. И. показала мне другую статуэтку Пушкина. Он полулежал и держал в руке пистолет. Я никогда прежде не видела скульптуры «Пушкин на дуэли», но, несмотря на это, сразу узнала, какой момент изображает осматриваемая мною скульптура.

— Это Пушкин на дуэли. Вот и пистолет. А где же Дантес?

Я осмотрела рукой столик, но Дантеса не нашла.

— Каким образом ты узнала, что это «Пушкин на дуэли?» — спросила А. И.

— Я ведь читала об этом в книге, а данная поза статуэтки соответствует тому, что я читала.

Когда я осматривала лицо Пушкина «На дуэли», то обнаружила, что у Пушкина отбит кончик носа. Я обратила на это внимание А.И.

— А я и не заметила,— ответила она, наклоняясь над статуэткой,— теперь и я вижу, что у статуэтки Пушкина отбит нос, а раньше не видела.

Мне показали статуэтку девочки. Я ее осмотрела. На голове у девочки была испанская шапочка. Однажды я осматривала такие шапочки на испанских детях, и теперь, когда я на статуэтке обнаружила такую же шапочку, я узнала, что эта статуэтка изображает испанскую девочку.

А. И. подвела меня к гобелену, на котором изображен В. И. Ленин в момент приезда в Петроград в апреле 1917 г. Я осматривала гобелен руками. Определяю, что Ленин стоит на грузовике, подняв вверх правую руку. Осматриваю фигуры, которые находятся возле грузовика, и определяю, что это изображены люди — матросы, солдаты, рабочие. Мое воображение живо рисует мне этот далекий прошедший день, и мне кажется, что перед моими незрячими глазами мелькают внимательные, серьезные лица с устремленными на Ильича глазами, а весеннее яркое солнце в вышине — как исполинское, красно-золотое знамя...

Мне чудятся ликующие приветственные возгласы тех, кто тогда встречал Владимира Ильича. Теплый весенний ветерок разносит эти возгласы — они летят высоко и далеко, к синему небу, к сверкающему солнцу.

А. И. подвела меня к одной статуе и хотела сказать, кого изображает эта статуя. Я остановила А. И. движением руки.

— Не говорите, я сама хочу узнать.

— Кто же это?

— Это Моцарт мальчиком.

— Откуда ты знаешь?

— Я один раз осматривала эту статую, она мне очень понравилась, и я помню ее до сих пор.

— А что же у Моцарта в руках?

— В одной руке скрипка, а в другой — смычок.

Когда я была первый раз в этом музее два года тому назад, мне показывали статую Дианы. Когда наша руководительница показала мне эту статую, мои пальцы почувствовали что-то знакомое, но в памяти не было ясного воспоминания об этой статуе. Но вот мои руки коснулись головы Дианы, которая выжимает мокрые волосы, и по этому признаку я сразу узнала Диану. В нашей клинике есть статуя Венеры Медицейской. В музее мне показали статую, которая изображает ее. Но я заметила, что у этой Венеры Медицейской черты лица крупнее и грубее, а фигура полнее и не так стройна, как у нашей Венеры.

А. И. показала мне две статуэтки французских балерин. У первой балерины красивая прическа, но мне больше понравилась вторая балерина. Она держалась только на кончиках пальцев одной ноги. Вот эта балерина гибко изогнула тонкий, изящный стан. Грудь ее гораздо нежнее и красивее, чем у первой, лицо также было лучше и нежнее.

— По-моему, эта балерина красивее первой,— сказала я А. И.

— Ты угадала.

Рассматривая ноги второй балерины, я заметила, что из-под извивавшейся юбочки видны коротенькие панталончики. Они едва были заметны на ногах балерины тонкой складкой, но она не ускользнула от моих пальцев. Эта статуэтка настолько хороша и удачна, что я, пользуясь только одним осязанием, могла изобразить ногу балерины, когда вернулась домой. Это был ответ на вопрос одной сотрудницы:

— Что ты видела в музее?

Я почти в точности изобразила танцующую балерину.

Два года тому назад в этом музее я осматривала статуэтку. Теперь А. И. захотела проверить, помню ли я эту статуэтку. Я прикоснулась к статуэтке, бегло осмотрела ее и по бороде в виде рыбьего хвоста, а также по тонким козлиным ногам узнала Мефистофеля. Он ничуть не похорошел!

Когда-то я осматривала статуэтку Дон-Кихота. Она хорошо сохранилась в моей памяти, и, когда А. И. показал мне статуэтку, я сразу сказала:

— Это Дон-Кихот.

— Как ты узнала?

— Я помню, что у него бородка эспаньолкой, полуоткрытый рот, а на голове треугольная шляпа; ноги также обуты в туфли, а на них шпоры.

Я просила А. И. показать мне, где стоит статуя Дафны.

— Я этой статуи не знаю. Как ее найти?

— Я вам расскажу: Дафна изображена полуженщиной, полу-

деревом; из-под ногтей на пальцах рук вырастают листья, а ноги превращаются в корни дерева. Сзади Дафны стоит Аполлон, он обнял ее.

— Когда ты осматривала эту статую? — спросила А. И.

— Два года тому назад.

— И ты ее так хорошо помнишь... А вот погляди, не Дафна ли это?

Я осмотрела статую и радостно воскликнула:

— Да, да, это Дафна и Аполлон!

А. И. показала мне какую-то статуэтку. Я определила только то, что статуэтка изображает мужчину, лицо было с бородой, но кого? — этого я не могла определить.

— Какое противное лицо! — сказала я.

— Почему?

— Нос как у хищной птицы, глаза навыкате, а лоб узкий, как ленточка.

— Это монах. А как ты думаешь, из чего сделана эта статуэтка?

— По-моему, она деревянная.

А. И. осмотрела статуэтку со всех сторон.

— Да, она из дерева, только выкрашена.

— Какая чистая работа! Сразу не узнаешь, что статуэтка деревянная,— заметила я.

Два года тому назад я видела в музее бюст Жан-Жака Руссо. Но странно то, что в моей памяти не осталось яркого воспоминания об этом. А. И. показала мне этот бюст, я заметила, что он мне знаком, и силилась вспомнить, кто же это.

— Ру...— начала говорить А. И.

— Да, Жан-Жак Руссо! Я уже узнала его, не по лицу, а по одежде.

— Вот посмотри, кто это? — сказала А. И., давая мне в руки скульптурную головку женщины. Я осмотрела ее.

— Это голова какой-то придворной дамы времен Людовика XIV.

— Откуда ты знаешь?

— Я раньше осматривала эту голову, вот на ней и парик, а нос какой-то нехороший, горбатый.

А. И. показала мне барельеф неандертальца. Барельеф был прост и для осязания не очень нагляден, но все-таки я могла рассмотреть неандертальца: его длинные обезьяньи руки, узкая грудная клетка, покатый и узкий лоб создали в моем представлении такого человека, о котором я могла сказать: «Какой уродливый человек!»

А. И. подвела меня к какому-то каменному изваянию и спросила меня: «Что это такое?»

В первую минуту я не могла ответить на вопрос А. И., но, продолжая осматривать истукана, я вдруг вспомнила о том, что мне приходилось читать «о каменных бабах».

— Это, кажется, баба.

— А где ты ее видела?

— Раньше никогда не видела, но читала о том, что в старину на могилах ставили каменных баб.

Я осматривала миниатюрную скульптуру «Сватовство» из жизни украинского народа. Это была интересная сценка, ибо кроме людей, сидевших на стульях, я обнаружила на полу курицу, петуха и домашнюю утварь. Все эти вещи я узнала сама и даже указала невесту и мать невесты. Узнала я мать по морщинистому лицу и по платку, которым она была повязана.

А. И. подвела меня к одному бюсту. По курчавой голове я узнала, кто это.

— Это Пушкин!

— Мы ждали, что ты скажешь,— отвечала А. И.

Но ее слова я приняла как иронию и ужасно смутилась. Я начала осматривать бюст очень внимательно (даже покраснела от напряжения). А. И. видела мое смущение.

— Ну, что же ты молчишь?

— Я все-таки думаю, что это Пушкин.

— Да, конечно, это Пушкин.

Я осматривала большой стол греческой работы. На ножках стола я увидела странное украшение. Сначала я увидела человеческую голову и туловище, которое принадлежало, несомненно, женщине, судя по форме груди. Но какому животному принадлежала нижняя часть тела, затрудняюсь сказать, так как две ноги были лошадиные, а сзади извивался длинный хвост.

— Осмотри, что это? — сказала А. И., кладя мою руку на какой-то предмет.

Под моими руками была восковая голова женщины с редкими волосами. Я осмотрела лицо и по глубоким морщинам определила,

что это старуха. По простой домотканой одежде я узнала, что передо мной крестьянка. Одной рукой она придерживала палку, к которой был привязан клок шерсти, а в другой держала веретено. Эти вещи я видела давно, еще в детстве, но теперь узнала их без труда.

Против старухи-пряхи сидела другая крестьянка — лицо у нее круглое, без морщинок. Это была девушка, одетая так же просто: в домотканую рубашку и юбку, только фасон был понаряднее. Девушка склонилась над простым ткацким станком. Никогда прежде мне не приходилось осматривать ткацкие станки, но по ниткам, которые были протянуты через станок, я определила, что передо мной ткацкий станок.

Нам разрешили зайти в биологическое отделение музея, где были различные породы земли, остатки ископаемых животных и чучела птиц. Осматривая чучело крохаля, у которого пальцы на ногах соединены плавательной перепонкой, я сразу определила, что это водяная птица.

Экскурсия в Историко-литературный музей с Л. И.

Мы пошли наверх, в отделение Пушкина. Здесь Л. И. показала мне одну вещицу, которую я осмотрела. Это была красивая небольшая собачка, она что-то держала в зубах. Присматриваясь внимательнее, я узнала, что в зубах у собаки какая-то птица. По форме головы, по вытянутой шее и перепончатым лапкам я узнала утку. Голова ее висела вниз, лапки оттопырились. Собака ее схватила за горло.

— Предполагают, что эта собачка стояла на столе у Пушкина,— сказала А. И.

Это обрадовало меня: приятно было прикоснуться к тем вещам, на которые когда-то смотрел и к которым даже прикасался любимый Пушкин.

От столика, на котором стояла собачка, я сама подошла к другому предмету. Это был диван, покрытый уже потертой шелковой материей.

— Этот диван тоже, кажется, стоял у Пушкина.

— Неужели?! — И я, недолго думая, уселась на диван.

— Садиться нельзя,— сказала Л. И.

— Я это знаю, но мне захотелось посмотреть, удобно ли было Пушкину сидеть на этом диване.

Л. И. показала мне клавесин, который, как предполагают, был у Пушкина. Я открыла крышку и начала пробовать клавиатуру.

Многие клавиши, как я чувствовала, были уже испорчены и не производили звука. Но некоторые из них еще производили звук, хотя и не чистый, но громкий.

В одном из отделов музея Л. И. дала мне стул, а сама пошла к директору. Минут 5 я ожидала Л. И. Мимо меня проходили посетители музея, и я по вибрации пола ощущала их движения. Но вот я почувствовала характерную походку Л. И. И действительно, Л. И. подошла ко мне.

— Удивительно, что я вас узнала даже здесь, ведь мимо меня проходили люди, и я сидела спокойно до тех пор, пока не почувствовала вашу походку. Вы это заметили?

— Да, ты сразу встала.

Экскурсия с А. И. на выставку, посвященную 8 Марта

На выставке А. И. показала мне чей-то бюст. По курчавой голове и по форме лба можно было думать, что это Пушкин. В самом деле, это был Пушкин мальчиком, но рука, на которую Пушкин оперся щекой, по величине не соответствовала мальчику: она была слишком велика.

— Я думала, что только у гоголевского Собакевича были такие руки,— пошутила я.

— Дирекция музея тоже считает, что рука портит всю скульптуру,— сказала А. И.

— Здесь есть маленькая статуэтка танцующей украинки,— сказала А. И., но не могла показать мне статуэтку, так как она стояла в витрине. Мы осматривали другую скульптуру. Но вот наш руководитель дал мне в руки какую-то статуэтку. Я осмотрела ее: в моих руках танцующая гопак украинка. Я узнала эту статуэтку по позе, в которой была изображена украинка, по ее национальному костюму и по венку из цветов, который был надет на голову. Эта статуэтка очень понравилась мне.

— Не знаешь ли ты, кто это? — спросила А. И. и дала мне осмотреть чью-то голову.

— Нет, не знаю.

— Осмотри внимательно: может быть, ты когда-нибудь видела?

— Нет, не помню... Кто же это?

— Бетховен.

Я была права, ибо никогда прежде я не видела Бетховена.

— Какое замечательное лицо,— заметила я и не сразу могла оторвать руки от головы Бетховена.

— Я вижу, тебе хочется иметь у себя бюст Бетховена.

— Так хочется, что я не прочь утащить его отсюда,— пошутила я.

Когда мы осмотрели всю выставку, я попросила А. И. подвести меня еще раз к голове Бетховена.

— Вот это ты сама узнаешь,— уверенно сказала А. И.

Я начала осматривать голову и лицо, окаймленное бородой.

— Голова академика Павлова,— удивилась я.

— Видишь, узнала.

Я узнала голову И. П. Павлова, так как у нас была точно такая же скульптура, но я не ожидала увидеть ее на выставке. Вот почему я была несколько удивлена.

Экскурсия в Зоологический музей с Л. И.

Никогда в жизни мне не приходилось видеть живого песца, даже его чучела я не осматривала. В Зоологическом музее мне впервые показали чучело песца. Л. И. ничего мне не сказала, а просто положила мою руку на какое-то чучело. Оно было чрезвычайно приятное для осязания. Густая шелковистая шерсть и форма головы (похожая на собачью голову) напомнили мне описания песцов в литературе.

— Это песец,— сказала я уверенно.

— Да.

— Какой чудесный! Я не могу отнять от него рук.

Несколько других чучел животных и птиц (утки и куры) я узнавала или потому, что прежде их осматривала живыми, или же помнила описания их в литературе. Так, например, чучело зайца я узнала потому, что когда-то осматривала живого зайца, а чучело лисицы узнала по описанию в литературе. Утку и курицу я не раз осматривала живыми и теперь сразу же их узнала. Л. И. показала мне огромные кости какого-то животного. Я секунду подумала и вспомнила:

— Это зуб мамонта, а это кости мамонта. Помните, я их осматривала в другом музее?

Едва мы зашли в Зоологический музей, я сразу же ощутила резкий запах нафталина. Действительно, на всех чучелах я обнаружила крупинки нафталина. Запах подействовал на меня неприятно. У меня сразу же начала болеть голова; это мешало мне воспринимать детали осматриваемых мною чучел.

Экскурсия на выставку двадцатилетия Советской Украины

— Посмотри и узнай, кто это,— сказала Л. И. и показала мне скульптуру, изображающую маленького мальчика, сидящего на скамеечке, а рядом с ним в кресле — женщину со спицами в руках.

— Маленький Пушкин и Арина Родионовна! Он слушает сказки...

Я не ошиблась. Маленький Пушкин, слегка приподняв лицо, смотрел на свою няню и внимательно слушал ее, а она, склонив над чулком доброе морщинистое лицо, что-то ему говорила.

— Замечательная сценка! — воскликнула я.

Очень сильное впечатление на меня произвела скульптура «Испанская женщина перед отправлением на фронт прощается со своим сыном».

Женщина в испанской шапочке держит на руках маленького сына. Мать прижимает его к груди. Губы ее сжаты, вокруг рта лежат глубокие складки, выражающие ее материнское страдание, а глаза устремлены на сына, который тянется к ней личиком. Мое воображение живо рисует мне эту грустную сцену — прощание матери с ребенком. Мне делается очень грустно, но я вспоминаю многих героических испанских женщин, которые совершали беспримерные подвиги в борьбе с фашистами и угнетателями за независимость, за настоящую человеческую жизнь, и я глубоко уверена, что испанский народ этого добьется.

Мне показали бюст Шота Руставели, я его еще никогда не осматривала. Мне очень понравилось его тонкое, мужественное, открытое лицо; только нос его мне показался слишком длинным, а это не в моем вкусе.

Экскурсия с Л. И. в Ботанический сад

Я осматривала одно растение. Форма его листьев напомнила мне олеандр. Но у этого растения листья были гораздо толще, чем у тех олеандров, которые мне приходилось осматривать.

— Какое это растение? Оно похоже на олеандр.

— Да, это такой вид олеандра.

Запах листьев одного растения немного напоминает запах герани, но листья были несколько иной формы, чем у герани.

— Не знаю, какое это растение. Оно напоминает мне герань.

— Это белая герань.

Год тому назад я осматривала банановую пальму. Теперь Л. И. интересовалась, узнаю ли я ее. Л. И. показала какое-то растение. По огромным, слегка волнистым листьям я сразу узнала, что это банановая пальма.

Экскурсия в Южный поселок

Уже с утра можно было ожидать, что день будет жаркий. Когда же мы наконец собрались и пошли к трамваю, солнце залило нас жгучими лучами.

На вокзале масса людей: я их чувствовала не только по запаху, но и по их толчкам...

В поезд садимся очень быстро. Через 2—3 минуты чувствую вибрации — поезд поехал... Через некоторое время чувствую, что поезд замедляет ход и останавливается. Это первая станция. Рядом со мной на диване сидит Антон М. Я передаю ему дактилологией:

— Поезд остановился. Поезд стоит на станции. Поезд уже едет.

Так всю дорогу я чувствовала остановки и сообщала об этом Антону.

Станция Южного поселка. Из нашей группы я и А. В. первыми спешим к выходу. Поезд стоит всего 2 минуты.

А. В. первая сходит с подножки. Помня, что нужно спешить, я быстро следую за А. В. Вдруг она куда-то исчезает. Я ничего не подозреваю, прыгаю с подножки на землю и едва не падаю. Оказывается, что наш вагон был далеко от платформы и подножка, с которой я прыгнула, была высоко над землей. Никто не ожидал от меня такой смелости, и проводники подошли ко мне уже тогда, когда я спрыгнула с поезда.

Идем в направлении Южного поселка. Сразу замечаю, что поднимаемся на возвышенность, и так идем минут 10. Жарко нестерпимо. У меня устает сердце и в легких не хватает воздуху. Несколько раз останавливаюсь, чтобы вздохнуть... Возвышенность окончилась. Идем по неровной дороге — на каждом шагу ямки и рытвины да длинные следы от колес. Идти трудно, ноги скользят по траве. Через полчаса я замечаю, что пахнет дымом.

— Мы уже в поселке? — спрашиваю я у спутницы.

— Да, вошли в поселок. Пойдем к Дому отдыха.

Близ Дома отдыха мы сделали получасовой привал... Я лежала на разостланном одеяле; вдруг мое внимание привлек горьковатый запах полыни. Я протянула руку в сторону запаха и действительно нашла кустик полыни. Осматривая на земле траву, я обнаружила

несколько маленьких древовидных стволиков. «Должно быть, мы расположились под деревом, если в траве попадаются древовидные растения»,— подумала я.

Я встала и обвела вокруг себя рукой: да, вот и сухой ствол какого-то дерева...

После отдыха мы отправились в лес, в котором собирались провести несколько часов.

Я изнемогала от жажды, а когда почувствовала запах хлеба, мяса, огурцов, которые педагоги доставали из корзинок на завтрак, почувствовала отвращение к пище.

— Воды! Прежде всего воды! — требовала я.

Завтракать я начала после того, как выпила две чашки воды. После продолжительного отдыха мы решили пойти к пруду. Всю дорогу я и Варвара шли с А. В., в таком же порядке мы пошли к пруду... Я сразу заметила, когда дорога стала понижаться. Сначала это было только приятно, ибо идти под гору мне легче, чем в гору; но потом, когда спуск стал круче, мы едва не скатились вниз: Варвара не могла идти по такой дороге и на каждом шагу обрывалась. Сначала я поддерживала А. В., но, так как мне было смешно, что мы чуть не кубарем катимся, я не удержалась и едва сама не скатилась вниз. Но вот под моими ногами сравнительно ровная дорога.

— А где же пруд? — спросила я.

Но А. В. не успела мне ответить, так как я уже сама почувствовала запах пруда.

— Там пруд? — показала я рукой вправо.

— Да, пруд.

Я почувствовала под ногами доски.

— Что это, мост?

— Да.

— Вот уже мы перешли мост,— сказала я, когда почувствовала под ногами землю. Я уже несколько лет не купалась и теперь рада была случаю выкупаться... Я не умею плавать, но купалась с наслаждением и просто вырвалась из рук Л. И., которая боялась пустить меня глубже. Л. И. несколько раз звала меня на берег, но я не хотела выходить из воды.

— Уже все наши идут одеваться,— сказала Л. И. и потащила меня. Я вырвалась и пошла к берегу сама. Я чувствовала, что вода с каждым шагом мельчала, значит, я иду к берегу. Вот уже и воды нет, под ногами песок. Я остановилась и начала звать Л. И.

В обратный путь к Дому отдыха мы пошли не лесом, поэтому без особого труда пришли к Дому отдыха и расселись на скамейке. Через некоторое время в воздухе появился запах влаги.

— Сейчас будет дождь,— сказала я Л. И.

Действительно, через минуту пошел сильный дождь. Мы во-

шли в помещение Дома отдыха и пробыли там около часа. Когда мы вновь вышли во двор, я почувствовала под ногами лужи, а маленький дождь продолжал еще идти.

Приближался вечер, и мы отправились к станции. Дождь не прекращался. А. В. говорила мне, что гремит гром. Один раз удар грома был настолько силен, что я это почувствовала и вздрогнула. Идти было очень трудно: ноги, как по льду, скользили по мокрой траве. Варвара шла плохо и раскачивала А. В. и меня. Вот и станция. Но едва мы сели на скамейку, как А. В. стремительно побежала куда-то. Я и Варвара остались на скамейке. Вдруг поднялся сильнейший ветер, тучи пыли и песка засыпали нас. В первое мгновение я подумала, что это ураган, но тут я почувствовала, что дрожит земля. Я поняла, что идет поезд (мы сидели на платформе, недалеко от рельсов). Создалось такое впечатление, словно поезд мчится прямо на нас. Я отшатнулась назад, спрятала ноги под скамейку, а голову в одеяло, которым и была покрыта. Когда поезд проехал, к нам подошли А. В. и Л. И.

— Проехал курьерский поезд,— сказала Л. И.— Ты испугалась?

— Очень! Я спрятала голову, как страус.

Надо мной начали смеяться. Через некоторое время Л. И. сказала мне, что идет скорый поезд. Мы стояли возле двери станции.

— Хочешь пойти ближе, чтобы лучше почувствовать?

— Хорошо.

Мы подошли ближе, но едва поднялся вихрь и задрожала земля, я бросилась назад. Л. И. старалась удержать меня, но я, желая посмешить педагогов, убежала от дороги и кричала:

— Не хочу! Не хочу!

Л. И. смеялась.

— Какая же ты трусиха!

— Ну, а как же? Я еще не хочу умирать, а под скорым поездом и тем более...

Начался дождь, и мы ушли в помещение буфета. Там кто-то из посторонних лиц подарил мне цветы. Осмотрев их, я узнала по форме лепестков, что это георгины.

Наконец, подошел и наш поезд.

В поезде А. В. рассказала мне, какие станции мы будем проезжать по дороге в Харьков. И вот, когда поезд останавливался на станциях, я это чувствовала и, обращаясь к А. В., говорила ей названия станций.

— Верно,— отвечала А. В.

Мы возвратились домой уже часов в 10 вечера, усталые и сильно промокшие.

10 Заказ 812

Давно я мечтала побывать в Ленинграде у своих друзей, а также совершить ряд экскурсий в ленинградские музеи. И вот во второй половине мая 1950 г. моя мечта, наконец, осуществилась — я выехала в Ленинград в отличнейшем расположении духа. В голове уже роились мысли о том, куда пойду в Ленинграде, что узнаю, что увижу в этом чудесном городе, где когда-то жили Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Белинский и многие другие русские писатели, поэты, критики и революционеры.

Приехав в Ленинград, я в тот же день в сопровождении М. Н. и Н. Б. отправилась на дачу к Финскому заливу. Меня опьянил чудесный воздух ленинградских дач и приносимый свежим ветерком запах моря. На следующий день мы вернулись в город и, несмотря на проливной дождь, отправились в бывшую Петропавловскую крепость. Был понедельник, и другие музеи были закрыты.

После беседы, которую провела с нами экскурсовод, нам предложили зайти в помещение ужасной Петропавловской тюрьмы. Сразу же, как только мы вошли в узкий коридор, куда выходили двери камер, я ощутила такой холод, такую пронизывающую до костей сырость, что невольно содрогнулась при мысли, что здесь в одиночных камерах томились и угасали лучшие люди русского народа, стонавшего когда-то под гнетом царского самодержавия и жандармерии. Мне разрешили войти в одну камеру и осмотреть ее.

До этого времени мне только в книгах приходилось читать о заключенных и камерах, в которых они проводили многие годы, а иногда и всю жизнь. Даже в мыслях эти камеры представлялись мне холодными, сырыми и мрачными. Но то, что я увидела в камере Петропавловской тюрьмы, в действительности было еще ужаснее. Камера эта помещалась на первом этаже. Я осторожно обошла всю камеру, узкую, но продолговатую. Под ногами я ощутила холодный каменный пол. Стены были сырые, грубо оштукатуренные. К полу была привинчена узкая и длинная железная ржавая кровать, очень низкая, с таким тонким тюфяком, что железные прутья кровати ощущались под ним как ребра какого-то страшного скелета. Ввинченный в пол железный табурет и прикрепленный к стене небольшой стол — вернее, грубый кусок железа без ножек — составляли всю обстановку камеры. Я осмотрела также глазок в толстой и тяжелой двери, громадный замок, а затем окно, которое расположено так высоко над полом, что я едва достала до него кончиком среднего пальца, причем встала на цыпочки. Экскурсовод сказала нам, что все камеры совершенно одинаковые, и

предложила осмотреть карцер. Конечно, в книгах я и о карцере читала, но то, что увидела, превзошло все мои ожидания. Из общего коридора я попала в очень узкий небольшой коридорчик, который от общего коридора отделялся тяжелой толстой дверью. Такая же дверь из коридорчика вела в крохотный «чуланчик» (другого названия я не могу найти) с каменным полом, сырыми стенами и совсем без окна.

Карцер был столь тесен, что в нем можно было сделать всего несколько шагов в длину и ширину, а если человек ложился на пол, он не мог вытянуться во весь рост. В этом карцере воздух был так удушлив, что у меня сразу же начало першить в горле, но, кроме того, я моментально замерзла, хотя была одета в демисезонное пальто и теплый шерстяной платок. Я не просто вышла, а выбежала из карцера — такой ужас охватил все мое существо.

— Как страшно! — сказала я, обращаясь к М. Н. и Н. Б.

Я не преувеличиваю своих восприятий, а лишь правдиво описываю то, что ощущала и переживала.

Мы поднялись на второй этаж и прошли по коридору, в который также выходили двери верхних камер. Мне показалось, что в верхних камерах было не так холодно и сыро, ибо даже в коридоре температура была значительно теплее и не так пахло сыростью, как внизу. Мы подошли к камере, где был заключен А. М. Горький. Нам сказали, что в этой камере он писал свою пьесу «Дети солнца». И я подумала: «Проникал ли хоть один солнечный луч к Алексею Максимовичу, когда он был здесь заключен и постоянно уносился мыслью в будущее, представляя себе то новое, лучезарное солнце, которое озарит своими яркими лучами обновленную жизнь всего человечества?»

... Спустившись вниз, мы зашли в Петропавловский собор, и мне показали гробницы русских царей, начиная с Петра I.

На этом закончилась наша экскурсия в Петропавловскую крепость. Все то, что я могла осмотреть, навсегда останется в моей памяти. Если я не так все видела, как зрячие, тем не менее я воспринимала и ощущала все, что доступно восприятию человеческого организма. А впечатления мои хотя и своеобразны, но тем не менее сильны и настолько ярки, что породили в моем уме немало новых мыслей и желание рассказать другим людям о том, что я «видела» в бывшей Петропавловской тюрьме.

* * *

На следующий день ленинградское небо сжалилось над нами, и мы, если не в одних платьях, то во всяком случае в сухих пальто, попали в бывший Зимний дворец, рядом с которым находится Эрмитаж. К большому нашему сожалению, эта экскурсия оказалась

довольно неудачной потому, что, во-первых, часть Эрмитажа закрылась на ремонт, а во-вторых, нам попалась не особенно любезная и внимательная сотрудница-экскурсовод. Она нас «промчала» по той части музея, которая была открыта, и я мало что могла осмотреть руками. Та скульптура, которую мне показывали, была или уже знакома мне, или же стояла так высоко, что я «видела» только ноги статуй,— это, конечно, не давало мне ни малейшего представления о всей фигуре и лице изображаемого человека. Кроме того, было много картин, но, поскольку мы проходили через залы быстро, ни М. Б., ни М. Н. не успевали передавать мне содержание всех картин. Зато в некоторых залах я осматривала старинную мебель, которая когда-то находилась в царских гостиных и прекрасно сохранилась до настоящего времени. Если бы я ограничилась только чтением в книгах о таких столах, диванах, креслах и стульях, то не могла бы представить всю эту обстановку с той отчетливостью и ясностью, как представляю теперь, после того как осмотрела все руками, а М. Н. и Н. Б. рассказали мне о цвете дерева и обшивки.

Я очень интересовалась, какие окна в залах, т. е. каких они размеров, какие стекла, подоконники, глубоки ли оконные ниши. Осматривала руками мрамор стен, смотрела двери — короче говоря, осматривала все, что было доступно моим рукам. После ряда зал нас провели в зимний сад. Здесь была скульптура и немного зелени (быть может, раньше ее было больше).

Мне показали, между прочим, красивую скульптуру: в большой морской раковине, в которую была даже налита вода, лежала, облокотившись на руку, отдыхающая нимфа. Мне очень понравилась эта фигура — такая изящно поэтическая и беззаботная...

* * *

Побывали мы также и в Русском музее, помещающемся в бывшем Михайловском дворце, который строился при Екатерине II и предназначался ею для Григория Орлова. Орлов умер раньше, чем было закончено строительство дворца, и Екатерина II подарила его своему внуку.

Если экскурсия в Эрмитаж была неудачна, то в Русском музее нам повезло во всех отношениях. Прежде всего нам выделили экскурсовода — научного сотрудника музея, который был так любезен и внимателен к нам, что разрешил мне многие предметы осматривать руками. Не спеша мы прошли (если не ошибаюсь) 22 зала, в которых было очень много не только картин, но и такой скульптуры, какой я раньше не видела. Сейчас я всего не могу припомнить, но скажу, что некоторые из скульптур я сама узна-

вала, потому что раньше читала о них. Так, например, я узнала маленького Геракла, на которого напали змеи, подосланные разгневанной богиней Герой. Далее, сама узнала борющихся Антея и Геракла — узнала Геракла потому, что он стоит на земле и держит в руках оторванного от его матери Геи, земли, Антея. Я читала когда-то о прикованном к скале Прометее, у которого орел выклевывает печень. В музее я самостоятельно узнала эту скульптуру, но только здесь орел клюет не печень, а селезенку. Эта скульптура произвела на меня потрясающее впечатление.

Потрясла меня и скульптура умирающего на ложе Сократа (мне сказали, что это Сократ), после того как он выпил чашу с ядом, находясь в тюрьме. У Сократа открытый рот, замершие в судороге руки и жуткое, доступное даже восприятию руки выражение лица.

В моей памяти ясно сохранилась еще такая миниатюрная скульптура: на скачущей лошади сидят казак и казачка. Осмотрев их головы и лица, я сама определила по чертам лица, где сидит казачка и где казак.

...Мы так долго ходили по залам Русского музея, так много видели картин, скульптур и других предметов, что мне пришлось бы сейчас много писать об этом. Я полагаю, что достаточно будет и приведенных примеров, чтобы у читателя создалось представление о том, как я при помощи осязания знакомилась со скульптурами и другими предметами, находящимися в музее, и какое богатое, насыщенное яркими образами впечатление унесла я, уходя из музея. Как в Эрмитаже, так и в Русском музее я интересовалась размерами окон, ниш, обивкой стен и дверями каждого нового зала.

Уходя из Русского музея, мы самым искренним образом выразили благодарность нашему экскурсоводу, я подарила ему экземпляр своей книги.

Удачной была и следующая экскурсия в Летний дворец Петра I, в котором он жил, когда приехал из Москвы в Петербург. Это совсем простой домик как снаружи, так и во внутреннем убранстве. Я нигде не обнаружила мрамора: стены и потолки оштукатурены и побелены, полы деревянные. Во всех комнатах в небольшом количестве сохранилась простая, но еще крепкая мебель. В кабинете Петра мне дали осмотреть его халат. Халат этот уже ветхий, но такой большой и тяжелый, что по одному этому я могла судить об исполинском росте этого умного, дальновидного царя. На письменном столе стояла очень тяжелая, кажется чугунная, чернильница, к которой на цепочке была прикреплена весьма увесистая ручка,— я не могла постигнуть, как можно было удержать тремя пальцами такую тяжелую ручку. Показали мне и «легкую дубинку», с которой обычно прогуливался Петр: она также имела весьма внуши-

тельный вид, если принять во внимание ее прочность и увесистость.

В бывшей царской «трапезной» комнате в старом буфете стояло несколько бокалов, как я подумала. Мне сказали, что это царские кубки, которые Петр подносил своим гостям, предварительно наполнив их вином или простой русской сивухой. Были тут кубки «Большого орла», вмещавшие литр и больше сивухи.

Нам сказали (да я и сама читала об этом раньше), что, когда Петр гневался на кого-нибудь из своих провинившихся приближенных, он заставлял их залпом выпивать большой штрафной кубок.

В этом музее нам так же, как и в Русском, не изменяло счастье. По всему дворцу нас сопровождал научный сотрудник музея, разрешая мне осматривать руками решительно все. Внизу мы зашли даже в кухню и осмотрели там старинную плиту, котлы, огромный утюг и еще кое-какую уцелевшую кухонную утварь, по которой я могла составить себе представление о необыкновенной простоте в домашней жизни царя Петра.

Затем мы поднялись на второй этаж — в покои Екатерины I, и здесь, как и внизу, все было очень просто и прочно. Нам указали на печь, которой пользовалась сама Екатерина I в тех случаях, когда Петр желал провести несколько часов на половине жены с нею и своими детьми. Тогда Екатерина сама разогревала кушанья и угощала Петра. В опочивальне Екатерины нам показали большую старую кровать, которая несколько напоминала мне люльку, так как имеет по бокам «загородки». Я осмотрела также одеяло и перину — они уже очень ветхи и просты... Показали мне совсем крохотную детскую колыбель, в которой спали дети Петра, в особенности его любимый сынишка, которого мать и отец звали Тюшечка — Петя, Петюшечка, отсюда Тюшечка. Но к большому огорчению Петра, мальчик умер (не помню точно, в каком возрасте).

Упомяну еще о том, что я осмотрела небольшой трон Екатерины I. Он до сих пор довольно прочен, и на нем сохранилась бархатная обивка. О крепости трона я могла судить по тому, что не только взошла на две ступеньки его, но даже посидела пару минут на троне первой российской царицы — разумеется, получив предварительно разрешение от экскурсовода «отдохнуть немножко». На этом и закончилась наша удачная и приятная экскурсия в Летний дворец Петра I.

* * *

Давно я уже дала себе слово, что если поеду когда-нибудь в Ленинград, то непременно побываю в квартире Пушкина. Так я и сделала.

В теплый солнечный день мы, по обыкновению, отправились на экскурсию. Пройдя Александровский сад, в котором я ничего не

могла осмотреть, хотя там есть произведения скульптуры, мы направились на Мойку, где помещается дом, в котором когда-то жил и умер Пушкин. Спустившись на несколько ступенек вниз, я, ощутив запах подвальной сырости, недоумевала: неужели здесь жил Пушкин? Сотрудники музея-квартиры Пушкина пригласили нас наверх. Оказалось, что внизу помещались только прихожая, кухня и проч. Пушкин со своей семьей жил наверху. Это несколько успокоило меня, тем более что квартира Пушкина была хоть и не очень велика, но все же состояла из нескольких комнат. К большому сожалению, в квартире сохранилось мало вещей, которыми пользовался Пушкин. Немного мебели, часы в виде колесницы, если не ошибаюсь, с амурами, некоторые книги и другие незначительные вещи — вот и все, что осталось из обстановки. В музее много фотографических снимков, на них — дети, жена и друзья Пушкина. Мне также показали простую трость Пушкина, с которой он совершал свои прогулки, находясь на Южном берегу Крыма и Кавказа. Я несколько минут держала в руках эту простую палку и думала: «Вот к ней прикасались руки Пушкина... Как мне жаль, что его теперь нет».

Мы прошли по всем комнатам, экскурсовод нам говорил, что было в каждой комнате при жизни Пушкина, а когда мы проходили через ту комнату, в которой стоял гроб с телом Пушкина, я ступала медленно и тихо, словно боялась разбудить кого-то. И тут мне вспомнилось, как Пушкин писал о том, что, когда он ходил по разрушенному ханскому дворцу в Бахчисарае, ему чудилось, будто в бывших покоях гарема вокруг него летают души Марии и Заремы:

...Или Мария и Зарема — одни счастливые мечты...

В тот день у нас оставалось еще свободное время до вечера, и мы решили пойти в Исаакиевский собор, где тоже есть небольшой музей. В этом музее я мало что видела. Более всего мне понравились некоторые рельефные изображения на иконостасах, стенах и дверях собора. Я их помню и сейчас. Так, например, я осмотрела рельефные фигурки священников, младенцев и женщин. Вся эта группа изображала обряд крещения, и я, благодаря тому что осмотрела эти фигурки, знаю теперь, как происходила эта «таинственная процедура». В одном месте младенца только опускали в купель, а в другом — священник, держа в руке ножницы, тянулся к головке уже вынутого из купели младенца. Далее М. Н. показала мне рельефную фигурку и сказала, что это Христос. Я начала осматривать фигурку и сама обнаружила, что это уже распятый на кресте мнимый «сын божий». Крест был повержен на землю, Христос лежал головой вниз, и на его руках и ногах, пригвожденных к

кресту, я обнаружила шляпки от гвоздей. Все это произвело на меня тяжелое впечатление. Не потому, чтобы я веровала в распятого Христа, а потому, что вообще представила себе, как ужасна была эта мучительная казнь.

Обойдя почти весь собор, где, между прочим, было очень холодно, мы расхрабрились и вздумали взобраться на вышку. Сначала все обстояло благополучно, но, чем выше мы поднимались, тем у́же и круче становилась лестница, обвившаяся винтом вокруг тонкого железного столба. Пройдя приблизительно половину всей лестницы, мы вышли на крышу и присели отдохнуть. Мимо нас проходили люди, я ощущала их шаги, сотрясение железа, покрывающего крышу, и вначале очень боялась: мне все время казалось, что вот-вот крыша провалится и мы упадем вниз...

Отдохнув, мы снова начали подниматься. Но лестница с каждым пролетом казалась нам у́же и круче, а люди шли то вниз, то вверх, и я ужасно боялась, что, сделав какое-нибудь неверное движение, оступлюсь и стремглав полечу вниз. А тут еще М. Н. начала говорить, что у нее кружится голова на высоте и учащенно бьется сердце. До конца лестницы оставался один пролет, и мы были бы на вышке, но сверху дул очень сильный ветер, люди теснили друг друга в узком проходе. М. Н. сделалось совсем плохо, и она наотрез отказалась идти дальше. К моему стыду, это повлияло и на меня, и мы — сознаюсь в этом — позорно бежали, спеша вниз. И странное дело, с каждым оставленным позади переходом, даже с каждой ступенькой, я облегченно вздыхала и мысленно радовалась тому, что мы спускаемся все ниже и ниже и теперь уже не так страшно упасть.

Внизу я совсем успокоилась, хотя не очень хорошо чувствовала себя перед людьми — струсила и дальше не пошла! Но зато внизу было так спокойно при мысли, что я никуда не упаду, и голова у меня перестала кружиться. Это рассмешило меня: ведь я даже не видела глазами, на какой высоте мы находились, а лишь мысленно помнила пройденное нами расстояние, представляла его и, поддавшись тому, что М. Н. плохо себя почувствовала, тоже испугалась,— считаю, что это весьма интересный психологический материал...

Уже на улице я, шутя, сказала своим спутникам: «Будем всем говорить, что поднялись до конца лестницы и побывали на вышке...»

Мы много гуляли по городу. Были на набережной Невы, где я не удержалась и опустила руку в воду, «здороваясь с Невой», гуляли в Летнем саду и проходили через Марсово поле.

Огромное удовольствие доставила мне поездка в Ленинград. Вспоминаю о ней часто, как о красивой, хорошо написанной сказке!..

*

КАК Я ПРЕДСТАВЛЯЮ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

* * *

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТАХ НА ОСНОВЕ ОСЯЗАТЕЛЬНЫХ И ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Представляю ли я цвета

Многих зрячих чрезвычайно интересует вопрос: могу ли я представить тот или иной цвет? Некоторые даже спрашивали: нельзя ли с помощью осязания различать цвета?

На оба эти вопроса я отвечаю: «Конечно, нет». Но поскольку я пользуюсь языком зрячих, то о различных цветах и их оттенках говорю теми же словами, какими принято о них говорить.

Представлять цвета мне очень хочется, и когда я была помоложе, то часто приставала к своим близким, чтобы они объяснили мне различные цвета. Например, однажды мне сшили хорошее шерстяное платье и сказали, что оно цвета кофе с молоком. По фасону платье мне очень нравилось, поэтому особенно хотелось знать: какой же это кофейный цвет? Мне ответили:

— Совершенно такой, как кофе с молоком. Представляешь?

Конечно, я представила чашку горячего кофе с молоком, представила даже запах и вкус кофе, но только не цвет,— вместо цвета мне представлялось мое платье, которое я очень тщательно ощупывала, хотя знала, что с помощью пальцев я не в состоянии увидеть кофейный цвет.

Другой раз я спросила, какого цвета мой шарф, и узнала, что он песочного цвета.

— Какой же это песочный цвет? — спросила я.

— Такой, как песок. Представляешь?

Мне очень ясно представился песок в нашем саду, который ребятишки рассыпали лопатками и ведерками. Затем мне представился берег реки, много влажного и холодного песка. Наконец, представился знакомый пляж на берегу моря с сухим горячим песком, в который я зарываю ноги, но с представлением о песочном цвете также ничего не получилось. Пытались мне еще объяснить зеленый цвет, сравнивая его с травой или листьями на деревьях; и я припоминала траву или листья, но не более того.

Подобная же история повторилась при объяснении абрикосового цвета: в моем воображении возникли нагретые солнцем душистые абрикосы, которые я срываю с веток и тут же съедаю, но это отнюдь не помогло мне в смысле представления цвета абрикосов.

С абрикосовым цветом однажды произошел даже маленький курьез. Одна не очень грамотная женщина ходила со мной по магазинам — я искала материал на летнее платье. Наконец, нам попался шифон. Я никогда не куплю ни готового платья, ни ткани, не узнав предварительно их цвета. Так и в данном случае я спросила у моей спутницы, какого цвета шифон.

— Абиркосовый,— уверенно отвечала она.

Раньше я никогда не слышала о таком цвете, поэтому некоторое время я стояла в недоумении, стараясь припомнить, что это за цвет. Я вспомнила слова «аберрация», «абстракция», но ни одно из этих слов не объяснило мне «абиркосового» цвета. Я не решилась брать шифон и попросила пойти со мной в другой магазин. На улице я усиленно размышляла об этом новом названии цвета, наконец, не выдержала и обратилась к моей спутнице:

— Повторите: какого цвета шифон?

— Абиркосового,— последовал ответ.

— Быть может, вы хотите сказать «абрикосового» от слова «абрикос»?

— Да, да! Я же вам все время говорю, что шифон абиркосовый...

Вспомнив, что многим зрячим женщинам нравится абрикосовый цвет, я вернулась в магазин и купила отрез шифона.

О бананах

Когда я еще не была знакома с бананами, мне, привыкшей к нашим фруктам, представлялось, что они должны быть круглыми или немного продолговатыми, наподобие груш, с тонкой кожицей, которую можно не снимать, а просто помыть. Велико было мое удивление, когда я впервые «увидела» бананы. Я никак не ожидала, что внутренняя нежная часть плодов заключена в такую толстую кожуру, которая несколько напоминала мне толстые стручки каких-то странных бобов. Запах и вкус бананов представлялся мне — тоже по привычке к нашим фруктам — почти таким же, как и всех знакомых мне плодов.

Мне казалось, что бананы должны быть сочными и приятно кисло-сладкими, освежающими.

Когда же я съела банан, то, признаюсь, он мне не особенно понравился. Некоторые утверждают, что по вкусу и запаху бананы похожи на дыни, но, на мой взгляд,— а я большая любительница дынь — хорошая дыня несравненно душистее, сочнее и вкуснее.

«Тыква»

Мария Николаевна подвела меня к той клумбе, на которой школьники устроили огород. Я начала осматривать то, что уже взошло. Рука наткнулась на небольшой кустик. На ощупь листья показались мне похожими на листья тыквы. В моем представлении в ту же минуту возникла тыква и ее стелющийся по земле стебель. Но то растение, что я смотрела, тянулось прямо вверх: это смутило меня, все же я неуверенно сказала:

— Тыква?

— Нет, маленький подсолнух.

— Я о подсолнухе не подумала, вернее, не успела подумать, потому что мне сразу представилась тыква, и я мысленно удивилась, почему тыква растет прямо, а не стелется по земле.

Магнолия и розы

Слово «магнолия» почти всегда воскрешает в моей памяти одну картину.

Мне представляется летнее утро, в моей комнате раскрыто окно, в которое вместе с солнечными лучами вливается чистый утренний воздух. Я убираю комнату. Сейчас я отчетливо вспоминаю каждый предмет, находившийся в этой комнате. Если войти с площадки лестницы, то направо стоит кровать, над нею на стене большой барельеф Пушкина, стенные часы для слепых, рамки со снимками Крыма и Кавказа. Я представляю только рамки, а содержание снимков — лишь по словам зрячих. Была, впрочем, репродукция «Скалы» Айвазовского, которую я представляю так, будто ощущаю под рукой твердую и шероховатую неровную поверхность скалы. Я на ней сижу. Скала довольно высокая с той стороны, которая вдается прямо в море. О скалу беспрерывно разбиваются волны, обдавая меня брызгами. Я вспоминаю скалу на берегу моря в Одессе. Особенно я любила сидеть на ней, когда начинался шторм и волны почти достигали вершины скалы. Я опускала вниз руки, лежа на скале, и принимала «в свои объятия» бушующее море.

Когда я об этом пишу сейчас, то с поразительной ясностью воскрешаю в памяти эту скалу, море, его запахи... И как же сильно я вновь хочу пережить все это!.. Но продолжаю описание моей комнаты.

За кроватью стоит шифоньерка, а потом начинается наружная стена, и вот раскрытое окно. Перед ним небольшой столик с комнатными цветами, на окнах тоже цветы.

Между столиком и большим письменным столом стоит высокая подставка с бюстом Пушкина. У письменного стола два кресла, а на столе машинка, бумаги, книги и большой бюст Горького. За столом налево — дверь в библиотеку, а дальше диван с высокой спинкой.

Мне кажется, что я поочередно подхожу то к одному, то к другому предмету; они мне так знакомы, что я лишь слегка к ним прикасаюсь и отхожу. Представляется мне даже пол, покрытый линолеумом, на котором был рельефный узор в виде маленьких бугорков или квадратиков.

Я хочу представить, что ко мне кто-то стучится в дверь. (Сейчас за стеной действительно кто-то стучит, этот стук я ощущаю через пол, и это еще больше усиливает иллюзию.) Я открываю дверь. Егоровна подает мне большой букет, но не цветов, а веток с листьями, несколько похожими на листья фикуса. Я осматриваю букет и обнаруживаю на нем большие, продолговатой формы бутоны. Я в недоумении: что же это такое? Приходит Лидия Ивановна и говорит:

— Ночью приехала из Туапсе Александра Ильинична. Она привезла тебе ветки магнолии с бутонами.

— Неужели у магнолии такие большие листья? Я думала, что они мелкие и какой-нибудь особенной формы. А бутоны продолговатые, значит, цветы будут в форме бокалов, приблизительно как у лилии.

Я несколько удивлена. Мне рассказывали, что у магнолии большие цветы, очень сильно пахнут, но я представляла и листья и цветы не такими. Листья представлялись мне почти круглыми и нежными, а цветы в форме больших нарциссов; мне чудился даже запах, тоже немного напоминающий нарциссы, только гораздо более сильный и приятный. Через несколько дней бутоны раскрылись — я была очарована настоящим видом цветов магнолии и ее чудесным ароматом.

С тех пор у меня правильное представление о магнолии и ее запахе. Спустя много лет я отдыхала в санатории в Туапсе. Когда мне впервые показали ветку с цветком, я сразу узнала, что это магнолия, узнала даже прежде, чем прикоснулась к ветке, ибо ощутила ее запах...

* * *

С розами у меня связано очень много воспоминаний; если бы я вздумала все это описать, то, наверное, получилась бы целая книжечка... Вчера на улице мы проходили мимо продавщицы цветов, и Мария Николаевна показала мне розы. В ту же минуту в моей памяти возник один эпизод и словно превратился в картину, на которую я весь этот день смотрела внутренним взором.

Я читала в своей комнате (дело было летним вечером), ко мне постучали, и, когда я открыла дверь, в комнату вошел один мой знакомый и преподнес мне букет чудесных роз — впервые в Москве я видела такие роскошные цветы. Мне и сейчас очень ясно представляется граненый кувшин с розами. Один раз знакомый поднес розы к моему лицу, но неловким движением я отстранила кувшин и пролила немного воды на платье.

Но ярче всего мне вспоминается вот что: я должна была проводить знакомого до крыльца, чтобы запереть входную дверь. Я помнила, что в этот вечер повесила ключ на штепсель над столиком. Когда знакомый отошел к столу, чтобы взять свой портфель (он был зрячий), я остановилась среди комнаты, представила себе стену, то место над столиком, где помещался штепсель, даже провод и штепсель, на котором висел ключ. Затем, не делая ни одного лишнего шага, ни одного лишнего движения рукой, я с уверенностью подошла к столику, но не прикасалась к нему, зная, что столик стоит именно здесь. Я протянула руку к штепселю и быстро сняла ключ.

Знакомый видел мое движение и был очень удивлен тем, что я с такой уверенностью и точностью сняла ключ. А между тем в этом нет ничего удивительного. В хорошо знакомой мне обстановке каждое мое движение рассчитано на определенный предмет, даже на определенную точку, которую я мысленно всегда вижу перед собой, в любой момент представляю и, находясь на любом расстоянии, представляю всю комнату в целом и каждый предмет в отдельности.

О мимозе

О том, что существует растение мимоза, я, конечно, «слышала» давно, раньше, чем увидела веточки мимозы. Сначала я даже не знала, что это такое — кусты или деревья, тем не менее представляла это растение в виде раскидистого куста, с листьями примерно такой формы, как у смородины, а цветы мимозы представлялись мне в форме очень маленьких розочек, таких маленьких, какими бывают самые маленькие пуговицы.

Когда же мне впервые преподнесли ветку цветущей мимозы (к тому времени я уже знала запах духов «Мимоза»), я просто не поверила, что это мимоза, подумала, что надо мной подшучивают. «Увидела» я мелкие листья и совсем маленькие цветочки. Так скромна была эта веточка по сравнению с теми пышными и нарядными ветками, которые представлялись мне!

Но эта одинокая веточка вдруг показалась мне почему-то знакомой... Вот очень туманно, неопределенно обрисовывался какой-то неясный образ — сначала в виде паутины, в виде тончайшей кисеи, потом как сетка, потом как палочки. Далее воображение нарисовало отдельные ветки, и, наконец, целое дерево возникло в моем представлении. И вот мне стало припоминаться, что еще в раннем детстве, где-то на юге, я взобралась на забор палисадника, потому что ощущала очень приятный запах чего-то. Чего именно? Не знаю. Было ли это весной или летом, не могу сказать, я в то время была очень мала для того, чтобы сознавать разницу между теплой южной весной и летом. Помню, что было тепло, вот и все.

И сейчас я представляю себе тот момент, когда я, совсем маленькая, с большими усилиями и, наверное, разрывая платье, карабкалась на забор и прикасалась руками к нижним веткам какого-то дерева с мелкими листьями и с еще более мелкими цветочками, которые так приятно пахли. Я очень полюбила это дерево и хранила о нем воспоминания, как о чем-то близком и дорогом моему сердцу. Да, наверное, это была мимоза, потому что подаренная мне веточка очень была похожа на те ветки, что я осматривала на дереве.

До сих пор я не в состоянии вспомнить, где я тогда находилась, когда видела это дерево, сколько мне было лет и т. д., но я всегда вспоминаю об этом дереве, когда думаю о юге.

Как-то в Москве в конце марта, когда еще бушевала метель, ко мне зашла одна приятельница, с которой я в то время была очень дружна и, кстати, представляла ее очень хорошенькой и столь же доброй и чуткой; она преподнесла мне целый букет мимозы. Я лежала больная и поэтому была особенно тронута ее вниманием. Но этот букет пробудил в моей памяти целый рой воспоминаний и представлений. Вновь и вновь представлялось мне мое любимое дерево, а также мои поездки на юг, когда я уже была сознательной и понимала окружающее. В благодарность за букет мимозы я написала приятельнице несколько строк своих стихов, которые начинались так:

Вы пришли ко мне с букетом
Нежно пахнущей мимозы,
С теплым, дружеским приветом,
Как весной приходят грезы...

Кончались же стихи так:

Ваш букет, моя подруга,
Пробудил во мне желанье
Видеть жизнь родного юга,
Вспомнить юные мечтанья.

О пиалах

Не раз мне приходилось читать или слышать о том, что чай пьют из пиал. Пиалы представлялись мне в виде больших чаш с двумя ручками по бокам для того, чтобы их можно было брать обеими руками. Ручки эти охватывали чашу от краев до донышка и представлялись мне в виде переплетенных линий, наподобие не совсем правильных решеточек.

Когда же мне довелось у одних знакомых увидеть настоящие пиалы, я их не узнала — они оказались совсем без ручек и настолько велики, что мне трудно было держать одной рукой пиалу с чаем. Все же по величине они уступали тем пиалам, которые представлялись мне раньше.

Кого мне напоминала прическа Р. М.

Однажды Р. М., сидя перед зеркалом, придумывала всевозможные виды причесок. Я как раз к ней подошла в это время, и она дала мне осмотреть какое-то сооружение из волос. Я давно читала романы А. Дюма (да и не только Дюма), в которых описывались прически и туалеты придворных дам. Осмотрев новую прическу Р. М., я живо представила себе парик (настоящих париков я никогда не видела) и прически, давно вышедшие из моды.

— Вы похожи на придворную даму Людовика XIV,— сказала я.

Р. М. засмеялась:

— Почему вы так думаете? Разве вы были знакомы хотя бы с одной дамой двора Людовика XIV?

— Нет, я там не была, но знаю, что с такой прической вас непременно бы допустили ко двору короля.

О чем меня спрашивают

Очень многие зрячие, не будучи знакомы со слепыми, задают мне целый ряд таких вопросов: «Кто вам выбирает одежду по цвету и фасону? Кто советует вам купить именно это, а не другое пла-

тье? Кто подбирает обстановку и прочее убранство для вашей комнаты? Кто расставляет в комнате мебель? Почему предметы стоят именно так, а не иначе?» и т. д.

Если я отвечаю, что почти все выбираю сама, на меня смотрят (как мне передают об этом) с большим недоумением, а зачастую просто с недоверием. Однако же это так.

Если я покупаю в магазине, например, готовое платье, я ведь могу осмотреть его и сказать, нравится ли мне фасон и как оно на мне сидит. Все это я отлично воспринимаю руками и моментально представляю, подходит ли мне платье. О цвете же мне говорят, конечно, зрячие. Со слов своих близких я уже давно знаю, какие цвета мне к лицу, и стараюсь придерживаться мнения тех друзей, которые уже пригляделись ко мне и цвету. Иногда лица, сопровождающие меня в магазин, говорят, что цвет такого-то платья или костюма очень мне к лицу, что платье сидит неплохо, и т. д. Но если мне лично кажется, что платье на мне не так хорошо, как кажется зрячим,— узко или широко, коротко или длинно — я этой вещи не куплю.

То же самое происходит при покупке всех других предметов. Я выбираю качество, фасон, форму, размер и пр., а о сочетании цветов мне говорят зрячие. К сожалению, у каждого зрячего свой вкус и, если бы я стала выслушивать всех зрячих, то, наверное, никогда бы ничего не купила. В этих случаях я выбираю двух-трех человек и узнаю, нравятся ли их вкусы другим зрячим; и если большинство разделяет их вкус, то с мнением этой двойки или тройки я считаюсь больше, чем с мнением других людей.

В отношении расстановки мебели в комнате я чаще всего поступаю по собственному усмотрению, исходя из того, что для меня удобно или неудобно. Прежде чем расставить вещи, я должна тщательно изучить комнату. Только после этого я чувствую себя совершенно свободно в своей комнате. Если же у меня бывают зрячие гости и, забывая о том, что я не вижу, производят в комнате беспорядок — бросят стул среди комнаты, поставят посуду не там, где обычно ставлю я,— меня это раздражает, и я отказываюсь понимать, почему зрячим так нравится беспорядок. Однажды подруга пила воду и оставила чашку на краю стола. Я же была уверена, что чашка стоит на своем обычном месте. Я хотела стереть со стола крошки, размахнувшись рукой, свалила чашку на пол, она разбилась.

Я рассердилась на подругу:

— Ты не хочешь понять, что я не могла узнать, что чашка стоит на краю стола... Ведь для меня она всегда на своем привычном месте, и я протягиваю руку совсем не в ту сторону, где ты оставила чашку.

Подруга весьма легкомысленно отвечала:

— А ты привыкай к тому, что я могу оставить чашку там, где мне вздумается.

— Ты говоришь очень странно, забываешь, что имеешь дело с незрячим человеком. Для тебя как для зрячей не составит большого труда одним взглядом окинуть комнату и увидеть нужную тебе вещь. А мы, слепые, если вещь переставлена без предупреждения, не представляем того места, на котором она стоит, мы представляем ее на старом месте и, если не находим там ее, должны потратить иногда немало усилий, чтобы найти то, что нам нужно...

* * *

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ

О грозе и тучах

Если я нахожусь в комнате и кто-нибудь предупреждает меня о том, что начинается гроза, я обычно подхожу к окну и кладу руку на стекло, чтобы ощущать удары грома.

Итак, вообразите себе следующую картину: началась гроза, я стою у окна, приложив ладони к стеклу. Я ощущаю вибрацию стекла при сильных ударах грома. Если я не открываю форточку для того, чтобы воспринять дождь и порывы ветра, а только ощущаю удары грома, то мне представляется, что стекла вибрируют от многих ударов какого-то чудовищно сильного существа, которое так далеко находится от земли, что зрячие люди не в состоянии его видеть, а я не могу осмотреть руками. Это существо представляется мне очень большим и совершенно бесформенным (в действительности я, конечно, знаю, отчего происходит гром и молния, но когда я ощущаю удары грома, то представляю именно существо). Но даже при напряжении всего моего воображения я никак не могу представить себе ни объема, ни формы этого существа. Я ощущаю лишь его огромную силу по колебаниям воздуха, ударяющего в оконное стекло. Когда вибрации становятся сильнее и чаще, мне кажется, что существо находится совсем близко от окна; когда же вибрация слабее и реже, оно удаляется от окна.

Но если я высунусь в открытую форточку и кроме ударов грома буду воспринимать еще дождь и ветер, мое представление о грозе окажется несколько иным: «бесформенное существо» как будто исчезнет.

Воспринимая одновременно дождь, ветер и вибрации стекла, я уже не могу разрознить эти ощущения, а воспринимаю явление в целом, как обычное и привычное. Но если зрячий человек скажет мне в это время, что сверкает молния, то у меня не возникнет никакого представления о молнии — совершенно так же, как не возникают представления о лунном и звездном свете.

Когда-то, находясь под свежим впечатлением очень сильной бури, я написала стихотворение «Гроза». В конце стихотворения я

упоминала молнию, потому что о ней мне писал один мой знакомый, который, находясь за городом, наблюдал ту же грозу, что я воспринимала в Москве. Он писал:

«Пишу Вам под аккомпанемент сильнейшей грозы, которую, думаю, и вы наблюдаете. Гром непрерывно гремит, молния сверкает широкими, острыми и блестящими клинками... Я вспоминаю, что в такую грозу в июле был убит Лермонтов. Такая же гроза описывается и в пьесе Островского «Гроза».

Именно это сравнение молнии с широкими, острыми и блестящими клинками помогло мне представить молнию как нечто осязаемое, а не просто сверкающее в воздухе и доступное только зрительному восприятию.

Таким образом, благодаря метафорам я нередко могу представить себе то, что недоступно осязанию. Но мне кажется, что, прежде чем слепой начнет представлять окружающее с помощью метафор, он должен знать геометрию. Без математических и геометрических понятий слепому трудно вообразить какие-либо фигуры, формы и объемы предметов, а также горы с конусообразными вершинами, извилистые берега широких рек, даль горизонта и др.

Мне хочется также рассказать о довольно интересном представлении мною тучи, которую описывает Пушкин в своем стихотворении «Туча». Когда я читала начало стихотворения:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день... [1],

мне казалось, что я представляю лучи сильно пригревающего после прошедшей грозы солнца, но что где-то в стороне от солнца в воздухе плывет темный (я только мыслю, что темный), как говорят зрячие, большой прямоугольник, кусок какой-то массы плотной консистенции. Этот кусок все ближе и ближе подплывает к солнцу и, наконец, закрывает от меня солнечную теплоту. Ведь если я иду по улице и набежавшие облака или тучи закроют солнце, я сразу замечаю перемену в воздухе, ибо в таких случаях наступает прохлада. Этот переход от тепла к прохладе и дает мне представление об «унылой тени», которая печалит «ликующий день».

Далее я читаю:

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем...

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. III, стр. 332.

Мне представляется большой круг посреди неба (само небо представляется мне ничем не ограниченным воздушным простором), а по краям этого круга зигзагообразные линии блестящей и горячей молнии. Потом от круга отделяются большие куски; они движутся беспорядочно во всех направлениях, сталкиваются друг с другом, отчего раздается грохот или, по Пушкину, «таинственный гром».

От столкновения куски разлетаются, разбиваясь на мельчайшие частицы, которые и падают на землю холодными каплями дождя. Далее я читаю:

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Мне чудится, что это не просто требование человека, чтобы туча скрылась, но что какой-то Титан повелевает стихиями природы, что Титан этот хочет дать земле солнечный свет. И вот туча послушно и быстро исчезает в глубине воздушного океана. Солнце снова весело сияет, жарко пригревая землю. Воздух чист, упруг, и только легкий, нежащий ветерок слабо колышет еще влажные от дождя листья деревьев и головки цветов.

Какими мне кажутся падающие метеоры

О летящем метеоре или о падении метеора у меня два различных представления.

Во-первых, я привыкла слышать от зрячих людей о том, что на небе много звезд. О падении метеора в обыденной жизни говорят: «упала звезда», «скатилась звезда». В этом случае мне представляется, что с какой-то неопределенной высоты на землю падает маленькая звездочка, похожая на те звезды, о которых я уже писала раньше. Приближаясь к земле, она увеличивается в размере, а когда падает на землю, совсем исчезает — исчезает она только для меня, потому что я никак не могу вообразить лежащую на земле звездочку.

Во-вторых, падающий метеор представляется мне в виде большого компактного предмета неопределенной формы; я не представляю предмет ни круглым, ни длинным, ни квадратным — это просто большой обломок от громадного камня или какой-нибудь другой твердой массы.

Замечу кстати, что, когда мне говорят об упавшей звезде, я испытываю ощущение чего-то поэтического, красивого, тогда как во втором случае мне просто представляется упавший сверху обломок.

Какими я представляю созвездия Большой и Малой Медведицы

Созвездия Большой и Малой Медведицы первоначально я представляла так: где-то там на небе — в воздушном пространстве — имеется место, где находится большая звезда, напоминающая своими очертаниями крупное животное. Вокруг этой звезды рассыпано много маленьких звездочек, но все они не похожи одна на другую ни по величине, ни по очертаниям.

Позднее я узнала мифологическое происхождение названия созвездия Большой Медведицы, т. е. прочитала о том, что Диана изгнала Гелику (или Калисто) из своей свиты, а Юнона превратила ее в медведицу. Юпитер же поместил Гелику вместе с сыном Аркасом на небо, где они образовали созвездия Большой и Малой Медведицы. После этого у меня возникло другое представление об этих созвездиях: высоко над землей в воздухе распростерто большое животное, похожее на то большое чучело медведя, которое я как-то осматривала. На расстоянии протянутой руки от этой «медведицы» находится небольшая фигурка другого животного — медвежонка, в позе играющего зверька. А вокруг них кольцо маленьких звездочек.

Порой, когда я слышу о созвездиях Большой и Малой Медведицы, мне представляется совершенно иная жизненная картина.

Как-то мне случилось читать о том, как в дореволюционное время противники А. М. Горького иронически прозвали литературный кружок, который возглавлял Горький, «Созвездие Большого Максима». Мне это очень понравилось. И вот мне представляется Алексей Максимович — такой большой, сияющий и добрый человек. Сидит он за столом, а вокруг него, как группа слабо мерцающих звездочек, но с милыми и внимательными лицами, уселись молодые люди — юноши и девушки. Алексей Максимович что-то им рассказывает, а они зачарованно и благодарно слушают его.

Каким мне представляется Млечный Путь

Что такое Млечный Путь, я знаю, но абсолютно не представляю его таким, каким его воспринимают зрячие. Когда я читаю книги о Млечном Пути, мне представляется, что высоко-высоко над землей в воздухе раскинут очень длинный, но не широкий кусок тончайшей, нежной и светлой кисеи — нечто вроде флёра. Не знаю, насколько красив этот Млечный Путь, но мне кажется, если кисея

светлая, а фон неба темно-синий, то это должно быть красиво. О таком сочетании цветов я слышала от зрячих.

Когда я читаю в книге: «Белел Млечный Путь», я сначала представляю себе молоко, ощущаю его вкус во рту, ибо «млечный» напоминает мне слово «молочный». От зрячих мне известно, что молоко белое, следовательно, та кисея, которая представляется мне как Млечный Путь, тоже должна быть белой или, по крайней мере, какого-то другого светлого цвета, близкого к белому.

Представление о звездах

Света звезд я не ощущаю и поэтому не знаю, ярко или неярко горят они. Конечно, из книг по астрономии мне известно, что такое звезды, но зрительно я не представляю их форму и величину, т. е. не представляю такими, какими их видят зрячие.

Конечно, я не раз видела вышитые на чем-нибудь звездочки, видела значки-звездочки и т. д. Настоящие звезды кажутся мне очень похожими на них. Если я воображу, что звезды слиты из золота, то должна допустить, что они блестят, как золото. Их расстояние от земли я не представляю, но если пишу в своих стихах о звездах, то пользуюсь языком зрячих людей, да иначе и быть не может.

В своих стихах о Кавказе я пишу, например:

Звезда восходит за звездой
В той дымке отдаленной...

Конечно, никакой «отдаленной дымки» я не представляю, а лишь пользуюсь языком зрячих, хотя эта отдаленная дымка может существовать в природе независимо от того, представляю я ее или нет. В своих стихах о Сочи я писала: «Внизу огни, как звезды на земле...» Огни я сравнила со звездами потому, что зрячие мне рассказывали, как вечером зажигались в городе огни, а на темном небе загорались звезды.

Итак, я повторяю, что мне приходится пользоваться на каждом шагу языком зрячих и слышащих людей. Ведь не существует же отдельного языка для слепых и глухонемых.

Весьма часто мои представления бывают столь мимолетны, что почти ускользают от моего внимания. Однако я стараюсь при помощи постоянного анализа и самонаблюдений описывать свои представления такими, какими они остаются в моей памяти, создаются моим воображением. Я отнюдь не пытаюсь внушить себе, что вся сущность окружающего меня мира именно такова, какой она рисуется в моем воображении.

Изучение диалектического материализма очень помогло мне стать на правильную, материалистическую точку зрения. И вот, когда я пишу о своих представлениях, я не опираюсь, как это нередко делают некоторые слепые, ни на инстинкты, ни на «врожденные идеи», ни на какую бы то ни было другую идеалистическую закваску в изучении человеческого мышления.

Какой мне представляется луна

Люди часто говорят о луне, в художественной литературе мне приходится читать о ней.

В старых книгах о луне писали как о «небесном ночном светиле» или как о «ночной лампаде» на небе. У зрячих людей при слове «лампада», как мне известно, возникает и образ лампады, горящей или негорящей. В подражание зрячим я пытаюсь вызвать в своем уме представление о луне как о большой лампаде, но странное дело — луна вовсе не кажется мне подвешенной на цепочках лампадой.

Помнится, в раннем детстве, когда я еще жила в деревне, мне довелось осматривать лампадку, не зная ни ее названия, ни ее назначения. Почему же все-таки луна не представляется мне в виде лампады?

Луна представляется мне в форме большого, пустого внутри фарфорового шара — я как бы ощущаю его гладкую поверхность. Шар мне представляется в тех случаях, когда речь идет о полнолунии. Этот шар кажется мне светлым не потому, что у меня есть зрительное представление о светлом или темном; нет, у меня нет реального представления о свете и мраке, но есть кожные ощущения теплоты и холода, что и сливается с представлением о свете и темноте. Но поскольку зрячие говорят: «луна светит», то я о ней думаю, как о «светлом шаре».

И вот вечером, если я бываю на улице в то время, когда заходит солнце, и ощущаю прохладу наступающей ночи, мне представляется, что бесконечно длинные, жгучие солнечные стрелы касаются поверхности этого большого шара и он, в свою очередь, излучает бледные лучи, т. е. такие лучи, теплоты которых я не ощущаю. Конечно, я могу вообразить, что весь шар светлеет и от него на землю падают холодные, но, вероятно, приятные для зрячих светлые лучи. Но раз я не могу ощущать лунного света, он не представляется мне таким приятным, радостно-живительным, как свет солнца. Если зимой или ранней весной я ощущаю поверхностью лица солнечные лучи, это нередко вызывает у меня улыбку. Но никогда я

не улыбаюсь, если мне говорят: «Ах, как ярко светит луна!» К подобным восклицаниям я отношусь совершенно равнодушно. А бывает и так, что я вдруг вспоминаю слова Евгения Онегина об Ольге: «Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна», и тогда луна представляется мне женским лицом с лукаво-кокетливой улыбкой. Улыбку других людей я всегда могу представить: ведь я же и сама улыбаюсь, а иногда осматриваю лица близких мне людей, когда они смеются или улыбаются. Поэтому мне как-то особенно близки и понятны стихи Лермонтова из «Демона»:

Но луч луны, во влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой!

Но не всегда бывает полнолуние. Когда мне говорят или я читаю в книге о «рогатом месяце», то мне представляется аккуратно отрезанный, тонкий кусок тыквы, обращенный острым концом вверх.

Расстояния луны от земли я никак не могу представить.

* * *

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧЕГО Я НЕ ВИДЕЛА

Как я научилась ходить во дворе школы слепых

Я хочу рассказать, как я научилась ходить во дворе школы слепых. От двора этой школы наш сад был отгорожен таким же высоким забором, какой отделял нас от улицы. Конечно, о высоте забора я узнала непосредственно, т. е. побывав на заборе. А то, что когда-то меня стыдили, называя мальчиком, когда поймали на дереве, не принесло мне существенной пользы в смысле хорошего воспитания. Я продолжала лазить всюду, куда мне хотелось: по деревьям, заборам, даже деревянным перегородкам в доме, если только я не попадала в кабинку с перегородками, доходившими до потолка.

Когда я начала дружить с ученицами школы слепых, мне, естественно, хотелось гулять и вообще проводить с ними свободное от занятий и других работ время. Но такое свободное время и у меня, и у девочек было только вечером. Временно обстоятельства сложились так, что швейцар Института дефектологии рано запирал ту дверь, через которую я могла выходить в школу слепых через дом. Другой ход вел прямо через улицу вокруг дома. Был еще ход из нашего сада во двор школы через калитку, но она была заперта на замок, и дворник прятал ключ, по меньшей мере, в преддверье ада, потому что никогда не помнил, куда он положил злосчастный ключ. Что же мне оставалось делать? А тут еще началась весна, стояли чудесные, пахучие и теплые вечера, в которые я могла гулять до 10 часов вечера, а по мнению швейцара, до 8 часов, ибо в это время он запирал дверь. Швейцар был неумолим, и даже распоряжение дирекции выпускать и впускать меня позже не оказало воздействия на этого ревностного стража. Впрочем, он не знал, с кем имел дело, и вскоре мне совсем стали лишними и ключ дворника, и любезность швейцара. Я нашла выход, и притом вполне самостоятельно,— да иначе и быть не могло — ни воспитатели, ни педагоги не могли бы указать мне этот выход, а И. А., наверное, пришел бы в ужас, если

бы узнал о моих проделках. Выход же этот был «кошачий» — попросту говоря, я начала лазить через забор.

В то время все дома в городе почему-то представлялись мне безукоризненно квадратными. Таким же казался мне и наш дом, и я стала представлять себе все выходы на улицу и во двор, не только от нас, но и из школы слепых.

В то время я не учла еще того, что знаю не весь дом, а дом был большой, в нем помещались школа слепых, Институт дефектологии и клиника слепоглухонемых. И в каждом из этих учреждений были свои выходы, ходы и переходы, о которых я не подозревала. Принимая во внимание то обстоятельство, что забор, отделявший наш сад от двора школы, перегораживал двор, начинаясь от угла дома, я думала, что без особого труда могу попасть в школу. Двор же школы представлялся мне почти таким же удобным, как наш сад...

«Если идти вдоль фасада дома, придерживаясь рукой за стену,— для того, чтобы изучить размеры дома и его наружный вид,— будет еще лучше» — так думала я. На деле же оказалось все не так просто, как я представляла.

В один прекрасный вечер я подошла к забору, предварительно сказав воспитательнице, что пойду погулять в нашем саду. У дежурной не было оснований не верить мне, она спокойно занялась другими воспитанниками. Подойдя к забору у самой стены дома, я сначала очень несмело попробовала встать на нижнюю перекладину, к которой были прибиты доски. Постояла несколько минут, никто не подходил ко мне,— значит, меня не видели. Верхняя перекладина находилась очень высоко, необходимо было еще на что-нибудь встать, прежде чем поставить на нее ногу. Я пошарила рукой по стене дома и нашла незначительный выступ. Через несколько секунд, сильно волнуясь, я уже достигла верхушки забора, который почти доходил до окон второго этажа. Над ним тянулась колючая проволока. По другую сторону забор был гладкий, выкрашенный, и совершенно некуда было поставить ноги, чтобы спуститься вниз. Но это обстоятельство недолго меня смущало. Я вспомнила, что с нашей стороны на уровне подоконников на стене дома имеется карниз, представила, что и по ту сторону забора должен быть такой же карниз. Приблизившись вплотную к углу дома, я осторожно стала спускать ноги, затем, повиснув на руках, отыскала ногой карниз, встала на него и, оттолкнувшись от забора, спрыгнула во двор школы.

Но это была лишь половина дела. Теперь предстояло, пожалуй, самое опасное и трудное — найти дорогу к двери черного хода, через который учащиеся школы ходили в свой двор; потом искать девочек в саду или в спальнях и в других комнатах третьего этажа.

Я знала, что по двору могли ходить слепые мальчики. Среди них были плохие парни, обижавшие друг друга и тем более наших слепоглухонемых ребят, пользуясь их глухотой. Наш старший, Антон, не давал себя в обиду и храбро дрался с ними. Меня же они легко могли побить, ибо я драться не умела. Чтобы избежать столкновения с этими забияками, а главное, найти дорогу к двери черного хода, я решила идти не по середине двора, а направиться вдоль стены дома, надеясь, что таким образом скорее запомню дорогу, потому что буду знать, где какие окна, ямки, кочки, камни. После первого же «путешествия» я смогу все это представить, и если потом стану ходить даже по середине двора, то, подходя к стене, буду в состоянии по этим признакам найти ход в дом.

Горя желанием похвастаться перед подружками, что я самостоятельно могу приходить к ним, я двинулась вперед, время от времени притрагиваясь рукой к стене дома. Но на этом пути меня ожидали всевозможные мелкие, но неприятные сюрпризы, и если бы я могла заранее предвидеть, то, наверное, не избрала бы этот путь. Сейчас я уже не помню хронологическую таблицу препятствий. Помнится, натыкалась я на старые водосточные трубы, на куски ржавого железа, на кучи мусора, на целые груды камней, на которые я вынуждена была забираться, а они раскатывались во все стороны, и я проваливалась бог знает куда. Побывала я также под многими окнами нижнего этажа — некоторые из них были открыты, и мне навстречу протягивались руки жильцов, которые, наверное, не понимали, с какой целью я вдруг появилась под их окнами,— это я замечала по недоумевающим или вопросительным движениям их рук. Я очень смущалась и убегала дальше. Не знаю, до каких прелестей я бы еще добралась, продолжая двигаться вперед таким же манером, но, видно, моя судьба была вполне удовлетворена созерцанием столь странного путешествия, ибо она послала мне на выручку живое существо в лице маленькой зрячей девочки в трусиках, которая, вероятно, бегала по двору. Те слепые девочки, на поиски которых я пошла, были как раз во дворе, и моя юная спасительница подвела меня к ним.

Я была вся в пыли, руки — в царапинах, я немного волновалась, но, по правде сказать, была довольна даже столь незавидным путешествием. Теперь я знала, что не все дома безукоризненно квадратной формы, потому что я натыкалась на всякие непредвиденные углы, закоулки, удлинения и углубления. Узнала я и то, что не везде под стенами дома разбиты цветники, как это было в нашем саду. Узнала еще, что старое железо, мусор и прочая нечисть могут преспокойно украшать фасады домов до тех пор, пока их не разрушат такие предприимчивые особы, какой оказалась я...

Но не думайте, что я устрашилась всего этого; нет, я только

все запомнила и потом старалась представить все те коварные места, куда мне не следовало ступать ногой. В дальнейшем, пользуясь много раз этой дорогой, я уже шла не под самой стеной, а на некотором расстоянии, хорошо зная, где находится какое-нибудь препятствие. Обратно к забору меня провожали девочки, а к ним я приходила са́ма. Подруги мне рассказывали, что, когда школьный швейцар видел мое появление на заборе, он сообщал: «Ребята, встречайте Скороходову, она уже маячит на заборе...»

И действительно, все, кто хотел, шли мне навстречу, поэтому я почти никогда не доходила до двери одна.

Двор школы слепых был довольно велик, а так как я в нем одна никогда не ходила, то всей его территории не знала и не представляла его так отчетливо, как сад нашей клиники. В помещении же школы я ходила одна. Правда, сначала меня водили девочки, потом я приходила к ним самостоятельно. Первое время я блуждала во все стороны, путала комнаты — их было много, и это сбивало меня с толку, затрудняя и в запоминании, и в представлении их по порядку. Но постепенно я изучила расположение всех комнат, представляла коридоры, классы, спальни, зал и пр. В любую комнату, в любое время я могла наведываться одна, а если не находила своих подруг, то самостоятельно возвращалась в клинику. Потом я изучила помещение, занимаемое Дефектологическим институтом. Еще через некоторое время я научилась ходить не только в школу, но и в другой корпус, где жили сотрудники, прямо по тротуару улицы, вблизи забора. Затем сворачивала в переулок и через ворота заходила во двор школы. Мне даже понравилось ходить этим уличным ходом, он был наиболее удобен, а кроме того, мне приятно было сознавать, что я, подобно зрячим, могу идти по тротуару, иногда с палочкой, иногда без нее.

Несмотря на то что все это было так давно, я до сих пор многое помню и ясно представляю.

В прошлом году я побывала в Харькове в сопровождении Марии Николаевны, которая не знала того места, где раньше находилась клиника. И вот я могла показать ей все то, что уцелело после фашистского разгрома; о том, что не сохранилось, я ей рассказала. Я водила ее по дому, указывая дорогу. Все прежние комнаты и когда-то находившиеся в них предметы я представляла с поразительной ясностью и была очень взволнована нахлынувшими воспоминаниями и представлениями.

Живя в Харькове, я часто ходила с кем-нибудь гулять в парк. Для того чтобы я могла представить не только парк в целом, но и каждую его аллею отдельно, меня сначала водили по всем аллеям. Проходили мы, например, аллею лип, затем сосновую, каштановую и т. д. Знакомили меня и с породами деревьев.

После нескольких экскурсий у меня создалось уже настолько точное представление о парке и каждой аллее, что гуляющие со мной не говорили мне, по какой аллее мы идем или в какую аллею сворачиваем. Мы кружили по парку, занятые всевозможными разговорами, и непосвященный человек мог бы подумать, что меня просто водят, а я не обращаю никакого внимания, совсем не интересуюсь, куда меня ведут. Однако это было не так. Я не теряла воображаемой ариадниной нити и мысленно отмечала каждую следующую аллею. Различала я аллеи по их различным запахам: там пахло цветущей липой, в другом месте — молодыми березками, в третьем — смолистым запахом сосен и т. д. Замечала я также и особенности дорожек каждой аллеи.

Чаще других со мной направлялся в парк Иван Афанасьевич, который всегда стремился дать мне правильное представление о каждом предмете, форме, расстоянии и пр.

Мы особенно любили ходить в сосновую аллею. Иван Афанасьевич оставлял меня на скамейке, а сам отходил собирать для меня полевые цветочки, росшие в траве на лужайках. Иногда он отсутствовал минут 5—10. Мне начинало тогда представляться, что я осталась совершенно одна и нахожусь совсем не в парке, где гуляют люди, а где-нибудь в поле, и никто из моих близких меня там не может увидеть. Вдруг что-нибудь случится необыкновенное, и Иван Афанасьевич уйдет, позабыв обо мне. Как я вернусь домой? Буду ли звать на помощь людей? Нет. Я твердо решала никого не звать, а встать со скамьи и осторожно идти в ту сторону, откуда мы пришли. Я рассчитывала ориентироваться по запахам, а также ощущать под ногами знакомые и незнакомые дороги.

Так мысленно я самостоятельно возвращалась домой, представляя аллею за аллеей, затем каждую улицу, которую следовало перейти после выхода из парка. Мы жили не очень далеко от парка, и можно было обойтись при возвращении домой без трамвая.

Я так увлекалась своим воображаемым путешествием, что иногда не на шутку хотела, чтобы это необыкновенное в самом деле случилось, и Иван Афанасьевич забыл обо мне, а я одна пришла домой. Но я понимала в то же время, что он ни в коем случае не мог бы оставить меня в парке.

Наконец он возвращался и приносил полное кепи мелких цветов. Мы начинали их разбирать, изучать каждый лепесток, каждый стебелек, и я рассказывала ему, о чем я думала, пока он был в отсутствии.

— Надо в самом деле попробовать «забыть» тебя в парке,— шутил Иван Афанасьевич.

— Да, сделайте вид, что забыли, и уйдите домой.

— А если на тебя нападут шакалы? — пугал он меня.

Но я была так воинственно настроена, что не боялась никаких шакалов, тем более что их в парке не было и я об этом знала.

Нередко мы выходили за парк, где виднелись поле, лесопарк и дорога в ближайший колхоз. Иван Афанасьевич рассказывал мне об этом поле, о лесопарке и о людях, которые иногда шли по направлению к колхозу. Я уже ощущала только ветерок, приносимые им полевые запахи и старалась представить эту, расплывчатую для меня, даль, хотела представить лесопарк, где я ни разу еще не была. Но из этого ничего не получалось — лесопарк как бы распадался на отдельные, одиноко стоящие друг от друга деревья.

Тем не менее все эти впечатления и представления надолго запечатлевались в моей памяти, и я любила гулять в парке. Иногда мы опускались в овраг, сидели там на траве и читали какую-нибудь книгу. Со дна оврага струилась легкая сырость; здесь особенно свежо было во время жары, остро пахло вокруг, и мне казалось, что мы сидим не на склоне спуска в овраг, а на круче над морем. Правда, морем здесь не пахло, но было так хорошо, что невольно думалось: такие ощущения и такое наслаждение можно переживать только в те минуты, когда находишься у моря.

— Не кажется ли вам,— спрашивала я,— что мы сидим на круче над морем?

— Нет. Я хорошо себя чувствую здесь, но я ведь вижу вокруг себя зелень, знакомый парк и знаю, что это нельзя считать морем.

— Да... а я ощущаю только запах, и это напоминает мне море. Я тоже сознаю, что здесь нет моря, но оно мне представляется где-то там за парком, плещутся на берег сильные волны и зовут меня к себе.

— Ты очень любишь море?

— Очень! Не могу долго жить без моря...

О том, как я устраиваюсь в новой комнате и как представляю предметы

Не раз в жизни мне приходилось поселяться в различных комнатах, притом устраиваться совершенно самостоятельно, по собственному усмотрению и вкусу. Быть может, мне скажут, что это

такие пустяки, о которых не стоит и упоминать. Я согласна, что для зрячего и слышащего человека подобные житейские обстоятельства не представляют ничего особенного, но для меня это весьма серьезное событие. Одним взглядом окинув незнакомую комнату, зрячий человек видит ее длину и ширину. Для слепого, но слышащего человека существуют акустические возможности — по звуку голоса, по стуку шагов приблизительно представить величину комнаты,— и все-таки он ее обойдет и осмотрит руками.

Что же говорить обо мне? Ведь я лишена всех этих преимуществ, мне остается только одно: тщательно исследовать всю комнату, узнать ее длину и ширину, узнать, квадратная она или прямоугольная, и т. д. Затем я должна узнать, против какой стены или окна находится дверь. Только после такого тщательного изучения комнаты я получаю представление о ее вместимости, представляю себе все предметы своей старой обстановки и мысленно расставляю их в новой комнате.

Конечно, я не представляю себе целую группу предметов, а отдельно каждый: стул, стол, шкаф, кровать, тахту и т. д. Причем представляю я предметы не в уменьшенном или увеличенном виде, а в их натуральном размере, и, разумеется, знакомые мне предметы я представляю не частично, например, вначале одну ножку стула, после другую, затем спинку... Нет, знакомую вещь я представляю себе сразу, целиком в ее натуральном размере. Другое дело, если бы я осмотрела только одну часть какого-либо незнакомого или необычного предмета. Не зная этого предмета в целом, я, безусловно, представляла бы себе только ту часть, к которой прикасалась руками.

Например, если бы мне дали прикоснуться к какому-нибудь одному концу рогов оленя и затем спросили: «Теперь вы представляете ветвистые рога этого животного и всего оленя?» — без сомнения, я сказала бы: «Нет». Но прикоснувшись к краю спинки своей кровати, я скажу, что представляю всю кровать.

Оговариваюсь я об этом потому, что не только просто любопытствующие лица, но и научные работники, изучающие психологию слепых, их трудовые навыки и приспособляемость к окружающей обстановке, не раз спрашивали меня, как я представляю предметы: целыми или по частям, в уменьшенном или в увеличенном размере? Мне кажется, что если я, находясь на расстоянии, буду представлять данный стул по частям и в ненастоящем его размере, то, подойдя к нему, я могу легко ошибиться и всякий стул — маленький или большой, целый или сломанный — буду принимать за тот стул, о котором меня спрашивали, всякий стол — за стол вообще. Между тем я, изучив все особенности и признаки данного стула, имею о нем совершенно реальное представление и узнаю его не

12 Заказ 812

только тогда, когда он стоит на заранее известном мне месте, но и в тех случаях, когда его переставят в любое другое место.

Если мне показывали детские игрушки, изображающие мебель, я представляла кукольный стульчик или столик много времени спустя совершенно в таком размере, в каком я его воспринимала,— кукольный стульчик в моем представлении не сливался с образом большого комнатного стула.

Итак, изучив новую комнату, представив ее размеры, ширину и длину, я легко устраивалась в ней, даже обходясь без помощи зрячих. Я расставляла мебель по собственному вкусу, по заранее представленной схеме, а если иногда не совсем придерживалась этого плана, то только потому, что соблюдала удобства: ставить стол среди комнаты, как это нередко делают зрячие хозяйки, для меня, например, весьма неудобно, ибо в таких случаях я неизбежно натыкалась бы на этот стол.

После расстановки мебели я снова изучала комнату, чтобы знать, сколько осталось свободного пространства, какую площадь занял каждый предмет, на каком расстоянии находится кровать от стола, и т. д. Наконец, когда все осмотрено, изучено, представлено, я совершенно свободно ориентируюсь в своей комнате.

Соблюдая постоянный порядок в комнате, я приучаюсь совершенно бессознательно приспосабливать свои движения и хождение по комнате к данной обстановке.

Так, например, если я сижу на тахте, а мне нужно взять со столика бумагу или карандаш, я протягиваю руку не как попало, не в противоположную сторону, а именно к столику, как раз к тому месту, где лежит бумага или карандаш. Если мне нужно подойти к шкафу, я не иду так, чтобы наскочить на него с разбегу, а делаю именно столько шагов (конечно, я их не считаю), сколько нужно, чтобы подойти к шкафу.

Мне приходилось не раз переселяться из меньшей комнаты в большую и, наоборот, из большей в меньшую. В таких случаях я плохо чувствовала себя в первое время. Если я попадала в большую комнату, она казалась мне очень длинной, и я совершенно машинально останавливалась среди комнаты, не доходя до стола или шкафа и разыскивая эти предметы вокруг себя в пустом пространстве. Если бывала меньшая комната, я в первые дни наскакивала на предметы, потому что считала их дальше от себя. Но и в первом и во втором случае предметы не казались мне ни меньше, ни больше: их размеры в моем представлении совершенно не изменялись. Поэтому я осмеливаюсь назвать абсурдом предположение, что каждый слепой, находясь на расстоянии от хорошо знакомого ему стула или стола, представляет эти предметы в уменьшенном или увеличенном виде.

Повторяю, что мы, слепые, не узнавали бы знакомых предметов, если бы представление о них не соответствовало их действительным размерам, их гладкой или шероховатой поверхности.

Когда я пишу эти строки, я пытаюсь представить себе два шара — большой и маленький. Если бы сейчас ко мне подошел кто-нибудь и дал мне в руки маленький (воображаемый) шарик, я, без сомнения, узнала бы, что из двух представляемых мною шариков мне показывают именно маленький.

Разве это не убеждает в том, что представления слепых об окружающем мире вполне реальны и не уступают восприятию зрячих. Разница только в том, что зрячий все представляет зрительно, а у слепых — тактильные представления.

Я считаю не лишним вкратце передать разговор с одной милой женщиной, которая уверяла меня, что слепые не могут представить предметы в таком объеме и форме, каковыми они являются в действительности. Ей почему-то казалось, что слепые представляют предметы или большими, или меньшими,— на этом последнем, т. е. на меньшем размере, она особенно настаивала. Она предложила мне несколько вопросов в таком роде:

— Если вам дать в руки яблоко и огурец, а затем отобрать их у вас, какими они будут вам казаться — маленькими или большими? Круглыми или длинными?

Я отвечала, как думала:

— Яблоко я буду представлять только как яблоко, в его натуральном объеме и, конечно, круглым, даже с хвостиком. Огурец — как огурец, продолговатый и, конечно, не спутаю его с яблоком.

— Но, когда вы осматриваете предмет, а потом отходите от него, можете ли вы представить себе цельный образ этого предмета, или у вас образуется только частичное представление о данном предмете?

— Я сейчас ощущаю в своей руке вашу руку, но лица вашего я не знаю, ибо не осматривала его. Следовательно, я не могу представить ни вашего носа, ни ваших глаз, а представляю только вашу руку. Однако, хотя ваши черты лица мне неизвестны, но исходя из того, что у каждого человека есть лицо, я допускаю, что у вас тоже есть глаза, нос, рот. Если я прикоснусь рукой только к кончику вашего носа, я буду представлять эту часть носа и предполагать, что у вас, наверное, имеется целый нос... Теперь вообразите себе следующее: вы закрыли свое лицо чем-нибудь или спрятались за ширмой, но у вас случайно остался неприкрытым один глаз или часть подбородка. Зрячий человек, смотря на вас, может увидеть то, что вы не успели прикрыть. Расставшись с вами, человек будет представлять один ваш глаз или часть подбородка, допуская при этом, что у вас должно быть целое лицо...

Не знаю, осталась ли довольна этими ответами моя собеседница, но только она была чем-то смущена, хотя не забыла поблагодарить меня за приятную беседу.

Я же после беседы самым тщательным образом анализировала свои представления. Мне необходимо было убедиться в том, правильно или неправильно отвечала я этой женщине, сравнивая представления слепых и зрячих. Целый день я припоминала всевозможные прочитанные мною или кем-нибудь рассказанные примеры из области восприятий и представлений. В конце концов я вспомнила в числе других примеров замечательное стихотворение Лермонтова.

Считаю, что будет нелишним привести здесь это стихотворение полностью:

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой, отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбалися лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! Видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

Мы видим, что по отдельным частям — по локону, по глазам и т. д. — поэт силой воображения создал в душе своей прекрасный, но бесплотный образ женщины.

Мне понятна эта сила воображения: благодаря чьим-нибудь красивым, выразительным рукам я создавала в своем воображении красивый образ человека, наделяла его хорошей фигурой, лучистыми глазами, приятным голосом; приписывала ему самые лучшие нравственные качества, идеальные стремления и пр. Но в дальнейшем, когда я сталкивалась с суровой действительностью, когда узнавала с помощью рук, что это далеко не красивый человек, созданный моим воображением образ расплывался и распадался на мелкие частицы, оставалось лишь сожаление, что это была одна мечта, но я вскоре утешалась весьма мудрыми строками А. Блока:

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута.

Да, неумолимая действительность сильно бьет людей. Вымышленные образы действуют губительно не только на слепых, но порой и на зрячих людей, ум и воля которых не могут ни противостоять действительности, ни приспособиться к непрерывному движению, к постоянно изменяющимся формам нашего бытия. Но я знаю, что только здоровое понимание жизни, только правильное, научно-жизненное понимание психологии человека, только знание законов диалектического мышления могут помочь нам в борьбе с заблуждениями и ошибками в нашей жизни.

Порой эмоции ослабляют нашу волю, но разум человека должен проливать яркий свет на действительность, избавляя нас от ложного представления реально существующего мира и вещей.

Как мне удобнее ходить

Всем, конечно, понятно, что я по городу одна не хожу. Но когда я иду по улице со зрячим спутником, то, во-первых, беру его под руку, а во-вторых, иду с правой стороны. Поступаю я так потому, что, если меня берут под руку, я плохо воспринимаю шаги своих спутников, а воспринимать их шаг мне необходимо, ибо только тогда я ощущаю все изменения в направлении, что дает мне возможность представлять, по какой дороге мы идем. Когда нужно сойти с тротуара, я это замечаю по телодвижениям моих спутников и стараюсь подражать им. Точно так же я поступаю, когда нужно взойти на тротуар. Если мои спутники делают шире шаг, чтобы перешагнуть через лужу или другое препятствие, я это воспринимаю и делаю приблизительно такой же шаг. Конечно, я не всегда представляю ширину шага спутника, особенно если лужа велика. Мне трудно определить только по одним движениям спутника ту точку опоры, на которую он попадает своей ногой. Это обстоятельство еще более осложняется в тех случаях, когда со мной идет неопытный провожатый — непривычный ко мне человек.

Разумеется, у нас есть и другие «приспособления». Например, я прошу моего спутника протянуть вперед руку так, чтобы она повисла в воздухе как раз над той точкой, куда я должна поставить ногу. Если же лужи слишком широки и через них приходится прыгать, мой спутник прыгает один и по другую сторону лужи опускает вниз руки над точкой опоры. Но прежде чем последовать за спутником, т. е. делать прыжок, я стараюсь сообразить и представить, могу ли я сделать такой же прыжок. Конечно, бывают и оплошности: не всегда я в состоянии, подобно зрячим, перепрыгнуть через большую лужу. В таких случаях меня выручают любезные товарищи, которым под силу перенести меня через лужу на руках.

Однажды мне пришлось выехать за город поездом. Да еще от станции к селу надо было идти пешком четыре километра. Когда мы прошли примерно половину пути, моя спутница вдруг увидела, что дорогу пересекает ручей. Она остановилась в недоумении, не зная, как переправить меня на другую сторону ручья. Он был довольно глубок, а для того чтобы его перейти, через него была переброшена узкая доска. Зрячие ходили по ней балансируя, чего не могла сделать я. Мне необходимо было сделать самый широкий, какой я только могла, шаг. Но как все это сделать, спутница не знала, а перенести меня на руках она не могла.

— Оля, что же нам делать?

— А вот как: вы переходите на ту сторону ручья. Дайте мне свою руку, возьмите меня за пальцы, как раз над точкой, куда я должна поставить ногу, и я перешагну.

— А вы не упадете в ручей?

— Зачем? Мне совсем не хочется прийти в гости мокрой...

Спутница перешла через ручей, выполнила все мои указания, и мы взялись за руки. Несколько секунд я постояла в раздумье, стараясь представить ширину ручья, сравнивая ее с шириной моего шага, а затем быстро перешагнула через ручей. Между прочим, когда я делала шаг, то заметила, что у моей спутницы сильно дрогнула рука,— очевидно, она боялась, что я сорвусь в ручей, ибо земля была рыхлая, песчаная, а я ступила на самый край берега, дальше ступить я уже не могла. Но все обошлось благополучно, я даже получила удовольствие от сознания, что нашла выход из затруднительного положения и преодолела это хотя и незначительное, но все же неприятное препятствие. И притом преодолела самостоятельно, а не так, как описывается в сказке Л. Н. Толстого: «Слепой взял хромого на плечи и перешли через ручей благополучно».

Иногда в деревне после дождя лужи бывают величиной в несколько метров. Зрячий мой спутник может перепрыгивать с камня на камень, я же предпочитаю идти прямо в лужу, потому что для меня утомительно делать несколько прыжков подряд. Ведь зрячий человек делает это легко и быстро, а мне нужно сначала представить себе, следя за указанием руки, расстояние от камня до камня, а затем, соответственно этому направлению, согласовать свой прыжок, что, конечно, очень сложно.

* * *

Когда мне нужно входить в трамвай, троллейбус или автобус, а тот, кто со мной идет, просто тянет меня или подталкивает вперед, не показывая, где дверь, мне очень трудно правильно попасть на

подножку. В таких случаях я совершенно не представляю, в какую сторону иду, и могу сильно ушибить ногу о края подножки. Привыкшие ко мне люди знают, что не нужно меня подталкивать, а достаточно положить мою руку на поручни, все равно с какой стороны. Я в ту же секунду могу представить, где находится дверь, и благодаря этому всегда правильно вхожу в вагон.

Одна моя приятельница — крайне рассеянный человек. Находясь со мной на улице, она обычно забывает о том, что я не вижу. Она глядит во все стороны, предоставляя мне неограниченную возможность самостоятельно находить дорогу. С нею я иду медленно, тащусь в хвосте и стараюсь сама замечать всякие неровности дороги, запоминать их, чтобы на обратном пути знать, как и куда идти. Когда же мы садимся в трамвай, приятельница усиленно подталкивает меня, забывая показать, с какой стороны дверь. С нею я не вхожу, а вваливаюсь в трамвай.

Однажды мы с этой приятельницей провожали к трамваю одну незрячую девушку. Когда вагон подошел, приятельница побежала усадить девушку, а меня оставила ждать ее. Я не имела ни малейшего представления о том, в каком месте она меня оставила, но по вибрациям ощущала, что вокруг меня большое движение. Помня рассеянность приятельницы, я встревожилась, ибо думала, что стою в опасном месте. Мне хотелось подойти поближе к какой-нибудь стене или хотя бы находиться на тротуаре. Совершенно невольно я стала пятиться, предполагая, что тротуар находится сзади меня. И вот я почувствовала, что коснулась спиной чего-то твердого и высокого. Это сразу успокоило меня, ибо мне представился дом,— следовательно, мне не угрожает никакая опасность.

Вдруг ко мне подбежала приятельница и сильно дернула за руку.

— Ты без ножа режешь меня! — сказала она сердито.

— Почему? Я ведь не знала, где ты оставила меня. Мне представилось, что прямо на меня мчится машина. Я попятилась назад.

— Ты оперлась на трамвай. Я бросила девушку и побежала к тебе.

— Неужели трамвай? Но ведь он стоял.

— Тогда стоял, а сейчас ушел...

Не скажу, чтобы я очень испугалась, но все же немного смутилась. Ведь пока трамвай стоял, я представляла, что нахожусь возле стены какого-нибудь дома или у забора; но если бы приятельница вовремя не подоспела, а трамвай начал двигаться, я, вероятно, не поняла бы, что это трамвай, и не знаю, чем все бы это кончилось.

Бывает так: я нахожусь в одной комнате со слышащим человеком. Зачем-нибудь он отходит от меня в сторону, предварительно сказав, чтобы я продолжала говорить, он будет меня слушать. И что же? Оказывается, мне труднее говорить, если я не знаю, на каком расстоянии находится мой собеседник. Я сама чувствую, что в таких случаях начинаю говорить как-то неестественно: я и повышаю голос, и напрягаю его. Кроме того, говорю сбивчиво, торопливо, как будто рассказываю что-то давно заученное и надоевшее мне. Вот почему для меня важно знать, на каком расстоянии находятся слушающие меня люди. Особенно хорошо я себя чувствую в тех случаях, когда собеседник находится рядом со мной, держит меня за руку и я замечаю малейшее движение не только всей его руки, но даже хотя бы одного пальца — это последнее для меня почти то же самое, что для зрячего видеть лицо своего собеседника.

Бывает еще и так: если я нахожусь в знакомой мне комнате, например в своей комнате, и за чем-нибудь отойду от того человека, с которым только что разговаривала, я могу продолжать с ним разговор свободно, обычным голосом. Объясняется это тем, что я хорошо знаю свою комнату, представляю каждый предмет в ней, знаю, в каком месте стоит или сидит мой гость, и представляю то расстояние, на котором я нахожусь от него. Однако долго находиться вдали от своего собеседника я не могу, ибо, не чувствуя в своей руке его руки, я начинаю думать, что он или совсем не интересуется тем, что я ему говорю, или не слышит меня. Поэтому я всегда особенно волнуюсь, когда мне приходится выступать перед аудиторией.

Стоять совершенно одиноко у кафедры мне весьма трудно. Не представляя публики, я начинаю волноваться. Но если рядом со мной стоит кто-нибудь из моих близких и держит мою руку, это успокаивает меня, я чувствую себя не такой одинокой, ибо тот, кто стоит рядом со мной, иногда слегка пожимает мне руку в ответ на мой вопрос, обращенный к публике, или сделает невольно едва заметное, но тем не менее уловимое мной и, значит, что-то выражающее движение.

Одним словом, для меня необходимо всегда представлять расстояние и окружающих меня людей. Об этом хорошо знают Иван Афанасьевич и Мария Николаевна, они всегда сначала расскажут мне об аудитории, о том, где я нахожусь, как нужно говорить, тихо или громко, где сидит публика и насколько внимательно меня слушают.

На операции

Мне хочется описать операцию, которую я перенесла. У меня был аппендицит. Друзья и врачи старались внушить мне, что это самая легкая операция, что никакой боли я ощущать не буду, а лишь прикосновение к телу. Я поверила и просила хирурга поскорее взять меня на операцию, ибо мне очень хотелось испытать все это на себе и представить всю процедуру операции.

Мне никогда не приходилось бывать в операционной комнате и осматривать операционный стол, поэтому у меня были весьма расплывчатые представления о подобных вещах. Мне представлялся обыкновенный стол с ровной поверхностью, покрытый чем-нибудь мягким. Когда же меня привели в операционную комнату и подвели к столу, то я обнаружила, что этот стол узкий и длинный и настолько высок, что мне пришлось встать на стул для того, чтобы взобраться на него.

Стол не понравился мне: на нем было твердо лежать, а посредине было такое углубление, что моя спина оказалась в весьма неудобном положении относительно головы. Я немедленно выразила вслух мысль об этом неудобстве. Мне все время хотелось подложить что-нибудь под спину, хотя бы руки, но мне не позволили сделать это, а велели сестре держать меня за руки и о чем-нибудь разговаривать со мной, т. е. что-нибудь писать на моей ладони. Сначала я чувствовала себя хорошо. Конечно, я знала, что в руках хирурга инструменты, и если бы я видела их глазами или осмотрела руками, то, наверное, почувствовала некоторый страх, но я их не видела, не осматривала, а лишь знала о них. Поэтому они не казались мне чем-то реальным — не имели ни формы, ни размера, а мелькали перед моим умственным взором только как «отображение» этих инструментов. Например, я не могла представить их металлическими. холодными, гладкими, острыми и т. д. Я просто знала о них, просто у меня был словесный образ — и все.

Операцию производили под местным наркозом. Когда в мое тело ввели иглу для замораживания, я ощутила боль и представила себе длинную иглу, воткнутую в мой живот; игла казалась мне бесконечно длинной, и я боялась, что ее будут вводить в меня очень долго. Сестра все время что-то писала в моей руке, но я ее плохо слушала и почти ничего не понимала, потому что сначала отвлекалась для того, чтобы следить за процедурами, а потом почувствовала себя плохо и не могла воспринимать слов. Я только ощущала контуры букв, которые сестра чертила своим пальцем, но не могла составить целого слова.

Операция началась. Сначала я ощущала незначительную боль,

но потом боль стала острой, я сказала об этом хирургу, и он снова ввел наркоз. Я ослабела, руки бессильно падали со стола, я просила поддерживать мои руки. Я абсолютно не представляла себе движений хирурга, вообще плохо соображала, однако же сознавала, что мне делают операцию.

Один раз сестра сделала своими руками довольно резкое движение; я недовольно сказала:

— Наташа, спокойно, не дергайтесь!

Потом я почувствовала, что кто-то крепко схватил меня за ноги. Вероятно, врачи думали, что я, ощутив острую боль, буду отбиваться ногами. Я попросила не держать меня за ноги и обещала лежать спокойно...

Да, я действительно лежала более чем спокойно: я сильно ослабела потому, что долго болела, прежде чем можно было производить операцию. Меня охватило почти полное безразличие ко всему окружающему. Мне уже не хотелось получить какие-либо впечатления от операции или представить операционную комнату, хирурга, инструменты и т. д. Я ощущала боль от чего-то тонкого и острого — это зашивали разрез. Потом, как сквозь сон, я почувствовала, что меня берут за руку и что-то пишут. Я сделала над собой большое усилие, стараясь понять то, что мне писали.

— Все кончено! Вы молодец,— сказал хирург.

Сама себе я казалась кулем муки, потому что не могла сделать ни одного движения. Меня положили на носилки и повезли в палату. Внезапно я встрепенулась, представила вдруг, что меня будут провозить по коридору, а я в одной сорочке... Я крикнула:

— Наташа, где мой халат? Не забудьте взять его.

Как я узнала потом, все засмеялись и удивились тому, что я прежде всего вспомнила о халате. Потом я находилась несколько часов без сознания, а когда очнулась (было уже 10 часов вечера), протянула руку к тумбочке, чтобы найти больничный стакан с водой. И вдруг рука наткнулась на мою домашнюю чашку с блюдцем. Эту чашку я сразу узнала и очень обрадовалась, думая, что лежу дома на своей постели. В один миг мне представились все знакомые предметы, находящиеся в моей комнате. Но потом я вспомнила операцию, перенесенную боль, вспомнила, что лежу в больничной палате: об этом ясно свидетельствовал специфический запах клиники. Значит, ничего домашнего здесь нет, кроме этой чашки. Но как она сюда попала? Очевидно, кто-то приходил, а быть может, и сейчас находится здесь, у моей постели. Действительно, ко мне подошла Мария Николаевна, как только заметила, что я очнулась. Я очень обрадовалась ей. Хотя в клинике все относились ко мне исключительно внимательно и тепло, но все же Мария Николаевна была своим, близким, сразу меня понимающим и в точности выпол-

няющим мои просьбы человеком. Я стала просить ее, чтобы она не уходила сегодня.

— Нет, нет, не уйду, я специально пришла, чтобы быть возле вас ночью...

Через два дня мне стало лучше, но со мной все-таки находилась Мария Николаевна, а когда она уставала, ее сменял кто-нибудь из воспитательниц школы глухонемых, где я жила. Один раз днем, когда возле меня дежурила Мария Николаевна, взяли на операцию одну больную, у которой были камни в печени. Операцию ей производили под общим наркозом, а когда привезли в палату, она очнулась и, по-видимому, очень страдала. Мария Николаевна говорила мне, как эта больная кричала и металась по постели. Я понимала, что больная страдает, но я не представляла выражения ее лица, движений ее рук и всего бьющегося тела. Если до этого случая я раньше могла осмотреть кого-нибудь другого в подобном состоянии, то, безусловно, и страдания этой больной стали бы мне яснее. Но я с нею разговаривала еще до операции, и поэтому и сейчас она представлялась мне такой же спокойной и ласковой, какой была во время нашей беседы. Я представляла ее кровать, постель, руки. А вот если бы М. Н. не только рассказывала, но воспроизвела несколько движений бьющейся больной, тогда эта картина казалась бы более наглядной. Но нас окружали люди, и М. Н., естественно, не могла повторять движений больной или более подробно рассказывать о том, что происходило вокруг нас.

Я ведь могу представить себе страдания человека или животного, когда воспринимаю целый ряд движений того существа, к которому прикасаюсь. Припоминаю такой случай: я держала на коленях свою кошку Зару. Она вся замерла, выжидая удобный момент к прыжку, а я ее не пускала. Она все же прыгнула; я хотела на лету подхватить ее, она же перекувырнулась в воздухе и, по-видимому, неудачно упала на пол. Это падение причинило ей боль, потому что она замяукала и стала кататься по полу, продолжая кричать. Все это я наблюдала, следя за кошкой рукой, ощущала ее мяуканье и испытывала большую жалость к ней.

До самого вечера я помнила этот маленький эпизод, а когда легла спать и ко мне на постель прыгнула Зара, я живо представила себе всю дневную сценку, даже как бы ощутила на кончиках своих пальцев мяуканье кошки. Она же тем временем ласкалась ко мне, словно просила еще раз пожалеть ее...

Другой случай произвел на меня потрясающее впечатление. Я увидела одну девушку, которая во время войны попала под бомбежку и была ранена в голову. В результате ранения она ослепла. Рана долго не заживала, и девушка носила на голове повязку, под которой вместо кожи была как бы кора со струпьями, покрыв-

шими почти всю голову. Один раз раненая дала мне прикоснуться рукой к ее голове без повязки. После этого я представила себе ужасную картину, о которой кратко рассказала девушка.

В течение нескольких дней я почти ничего не ела, ибо все предметы, к которым я прикасалась, в том числе и пища, представлялись мне в виде головы, покрытой струпьями. Мне хотелось, сознаюсь откровенно, плакать, а образ девушки долгое время преследовал меня. Даже сейчас (6 лет спустя), когда я пишу эти строки, все представляется мне с поразительной ясностью, я как бы «вижу» эту девушку и чувствую себя очень нехорошо.

О некоторых представлениях

Бывает так, что я остаюсь дома одна днем и вечером. Я нахожусь в своей комнате, не воспринимаю извне никакого шума, не вижу дневного света, а вечером электрического — вообще пребываю во мраке и тишине, но это не значит, что я погружена в небытие.

Напротив, я знаю, что вокруг меня происходит непрерывное движение человеческой жизни, независимо от того, воспринимаю я это движение или нет. Я пытаюсь представить себе жизнь людей, движение в городе. Но шум и звуки представляются мне в виде непрерывных вибраций, которые я ощущаю, когда нахожусь на улице или когда еду в трамвае, троллейбусе и т. д. Представляю я знакомых мне людей; представляю их отдельно, то одного, то другого; представляю небольшими или большими группами, как это бывает, например, в метро. Но их голосов я не представляю, мне кажется, что они молчат или говорят очень мало, и притом говорят беззвучно. Если же я захочу все-таки представить человеческие голоса, то звуки чудятся мне на кончиках моих пальцев, потому что некоторых своих знакомых, а также и собственный голос я «слушаю» руками. Я представляю, что на улице играют дети, играют весело, бегают, смеются, но их громкие крики я не представляю, а лишь предполагаю, что ребятишки шумят и кричат во время игры. Все то, что происходит на улице и чего я не могу «осмотреть» руками, а лишь знаю со слов других, представляется мне в уменьшенном виде. Но когда я непосредственно воспринимаю что-либо при помощи осязания — еду в автобусе, осматриваю что-нибудь, перехожу улицу, бываю в метро и т. д.,— тогда все представляется мне в своем натуральном виде и размере.

Если я попытаюсь выразить свои представления поэтическим языком, то это будет примерно так: вся жизнь, которая протекает вокруг, отделена от меня «стеклянной стеной». Зрячие люди видят

все окружающее и могут рассказать мне об этом, но, как только я захочу непосредственно воспринять эту жизнь, без помощи зрячих и слышащих, я натыкаюсь на тонкую «стеклянную стену», которая кажется мне настоящей «китайской» стеной. Я многое о жизни знаю, но зрительно и в виде слуховых восприятий ее не ощущаю.

Странная комната

Много раз я бывала в комнате у Марии Николаевны, но почти всегда проходила по комнате с ее помощью. Она, как любезная хозяйка, спешила мне навстречу, когда замечала, что мне нужно выйти из комнаты или пересесть на другое место. Несколько раз я специально обходила всю комнату для того, чтобы представить себе ее размеры, обстановку и пр. Тем не менее эта комната является для меня какой-то загадочной: мне представляется, что в ней много углов и что каждый раз, когда я бываю у М. Н., все вещи расставлены уже не так, как раньше,— на другие места. Свою же комнату я могу представить в любой момент, независимо от того, где я нахожусь: могу представить ее в целом или каждую вещь в отдельности, могу представить место, где находится тот или иной предмет в данный момент. Словом, в своей комнате я ориентируюсь совершенно самостоятельно. Помощь же М. Н., когда я бываю у нее, не дает мне возможности запомнить, а потом представить на расстоянии эту комнату — каждый ее угол, предмет и т. д. Даже сейчас, когда об этом пишу, я затрудняюсь сказать, по какую сторону двери находятся окно, диван, кровать и другие предметы.

Представление ночи

Откуда-то я возвращалась домой с Марией Николаевной. Было часов 7 вечера, время не позднее для весеннего вечера, но меня поразил буквально ночной запах, которым был насыщен воздух. Ведь темноту ночи и свет дня я не могу представить зрительно, а лишь имею температурные и обонятельные представления. В этот же вечер, если бы я не знала, который час, то непременно бы подумала, что уже наступила ночь... Шла я по улице и не верила, что это вечер. Да, я была бы рада, если бы уже наступила ночь... Иногда я люблю идти по улице тихой теплой ночью, представляя при этом, что я иду совершенно одна. Все кругом тихо-тихо, в домах замолкла дневная жизнь и шум, люди спят, темные прямоугольники

окон не освещают улицы комнатным светом. Никто не знает, что я иду по улице одна и ничего не боюсь. И в таких случаях мне хочется представить ночь тоже в образе одинокой женщины.

Чтобы обойти землю, она незаметно выскальзывает из уединенного дома, укутавшись темным покрывалом, идет вокруг города, разливая запахи ночной сырости и навевая прохладу своим длинным покрывалом. Мне вспоминаются стихи Жуковского:

И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной.
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Когда-то я осматривала статую бога Гермеса, сидящего в задумчивой позе. К его обуви прикреплены крылышки. И вот Геспер представляется мне в образе летящего Гермеса: в одной руке он держит на длинном древке горящую звезду — я словно ощущаю рукой и поверхностью лица свет от этой звезды; другую руку он простер над землей, будто желая оградить спящих людей от всяких тревог.

Меня могут спросить, почему я так часто цитирую стихи, когда описываю какой-либо эпизод.

Очень просто, я люблю стихи, в которых описываются картины природы, ибо они дают мне возможность не только в поэтических образах, но и в образах более или менее конкретных представлять такие явления природы, которые я не могу ни видеть, ни слышать. Например, люблю стихи о грозе, а ведь наблюдать грозу я могу только с помощью руки, когда я держу ее на стекле окна или на другом вибрирующем предмете. Если же при этом я буду другой рукой читать стихи о грозе, то получу истинное наслаждение, воображая, что наблюдаю всю роскошную картину грозы.

Много раз я перечитывала «Песнь о Буревестнике» А. М. Горького, и всегда с одинаковым волнением.

Итак, стихи для меня не только музыка слов, но и нечто большее.

Благодаря стихам я многое, чего не вижу и не слышу, нередко представляю, вероятно, не хуже зрячих и слышащих,— переживаю эмоционально то же, что и все другие люди. Таким образом, и различные стихи о ночи способствовали тому, что я имею и конкретное, и отвлеченное поэтическое представление о ночи.

Я не только по-своему представляю ночь, но часто люблю ее покой и тишину, воспринимаю ее весеннее обаяние и красоту.

Что мне представляется ночью

Не спится мне ночью... Всячески стараюсь заставить себя уснуть, но это мне не удается. Я пробую считать до ста и обратно — не помогает! Я пробую лежать неподвижно и ни о чем не думать... Однако мысли настойчиво лезут в голову, и я думаю... о многом думаю.

Вдруг мне почему-то захотелось представить вращение Земли не только вокруг своей оси, но и вокруг Солнца. Величину земного шара я, конечно, не представляю, так же как не может представить и никто из зрячих людей. Я только знаю, что планета наша велика.

Вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца я представляю так: мысленно я черчу в воздухе продолговатое замкнутое кольцо — в виде эллипса. В этот эллипс я помещаю несколько воображаемых шариков: скажем, А — «Земля», В — центр шарика А. Я вкладываю иголку так, чтобы ее противоположные концы оставались на поверхности шарика; это — земная ось и полюсы. Даю толчок, и мой шарик-«Земля» начинает вращаться вокруг своей оси. Вращается шарик очень быстро, и если с такой же быстротой движется земной шар, то мне представляются в мировом пространстве вихри огромной силы, я словно ощущаю отдаленный шум и свист этих вихрей... Но мой шарик-«Земля» должен иметь не только вращательное, но и поступательное движение. Я выбираю другой шарик Б, помещаю его в определенную точку в эллипсе, это «Солнце».

В настоящий момент моя «Земля» находится далеко от «Солнца». Но она постепенно приближается к нему... «Солнце» тоже движется своим путем, но, когда к нему приближается «Земля», оно не убегает от нее, иначе моя «Земля» никогда бы не обогнула его. А сейчас она постепенно обходит солнечную орбиту и снова удаляется от него.

Другие шарики — это различные планеты нашей солнечной системы. Они тоже в моем представлении движутся по своим орбитам, вращаясь и вокруг своей оси, и вокруг «Солнца».

Быть может, кому-нибудь это мое представление покажется слишком наивным, но я ведь не претендую на какие-либо познания в области астрономии. Я лишь немного знакома с соответствующей литературой, и вот у меня создалось такое представление о движении нашей Земли, Солнца и других планет. Мне кажется, что по таким же законам протекает движение других солнечных систем.

Представление о самолете

Прежде чем мне удалось непосредственно, т. е. при помощи осязания, ознакомиться с моделью самолета, я часто спрашивала у зрячих, как выглядит самолет, каким он кажется, когда летит бреющим полетом, каким представляется, когда летит очень высоко, и т. д.

Каждый что-нибудь рассказывал мне об устройстве самолета и о том, каким он кажется во время полета. Но это были только рассказы, а настоящий самолет — его внешний вид, корпус и прочие детали — я все-таки не представляла. Однажды кто-то заметил, что, когда самолет летит низко, он так и кажется самолетом, но лишь только поднимается высоко, то сильно уменьшается в размере и становится похожим на летящую птицу.

Сравнение самолета с летящей птицей весьма помогло мне представить его хотя бы высоко летящей птицей. А птиц я видела — не только чучела, но и живых, в частности домашнюю птицу: кур, уток, гусей. И хотя я знала, что они не могут высоко летать, все же их полет я могла себе представить хотя бы на близком расстоянии. Итак, летящую птицу-самолет я представляла довольно ясно. Не удавалось только представить ту высоту, на которой находится самолет, когда он кажется похожим на птицу.

Наконец, наступил день, в который я получила возможность ознакомиться с моделью самолета. И что же? Оказалось, что мое представление о самолете, после того как его сравнили с птицей, соответствует его действительному внешнему виду, конечно, лишь относительно.

Теперь я знаю, что самолеты бывают различной величины. Со слов зрячих мне известно, что, чем дальше находится какой-либо предмет от того места, с которого его наблюдают, тем меньшим он кажется.

Зная приблизительную величину самолета, я как будто могу представить себе, как постепенно уменьшается он, удаляясь от земли.

Представляю, как самолет оторвался от земли, как постепенно набирает скорость.

Когда самолет только поднимался, я благодаря вибрации воздуха или отражающего вибрацию предмета, если я держала на таком предмете руки, ощущала шум моторов. По мере того как самолет удалялся, вибрации становились все слабее и слабее. Мне начинало казаться, что самолет в самом деле уменьшается. Наконец, вибрации совсем прекращались. И тогда я представляла себе совсем маленькую, высоко летящую птичку вместо огромного корпуса

самолета, ревущего моторами и мощно рассекающего воздух своими тяжелыми крыльями.

Как-то мне пришлось читать стихи М. Голодного, в которых есть такие строки:

Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет...

Мне непонятно, почему автор сравнивает самолет с подсолнухом. Я хорошо знаю подсолнухи, но даже в то время, когда я еще не имела никакого представления о самолетах, я все же не могла бы представить их в виде летящих подсолнухов. Быть может, поэт воспользовался такой образной метафорой для того, чтобы дать читателям понятие, что и подсолнух и самолет одинаково тянутся к солнцу.

О нефтяных вышках

Что такое нефть и как она добывается, об этом я знала давно, да еще в одной книге я прочитала очень хороший рассказ о добывании нефти в Баку. Автор просто и ясно описывал, как сверлят нефтяные скважины, как ставят над ними вышки, как черпают нефть из скважины. Из рассказа я узнала еще и о том, что часто нефть бьет с большой силой и, если ее не успеют собрать, она растекается по земле ручьями.

После прочтения рассказа я некоторое время в раздумье сидела за столом, стараясь представить нефтяные вышки,— они мне представлялись в форме опрокинутых вверх дном больших ведер. А чтобы представить скважину, из которой бьет нефть, я сначала представила колодец (в деревне я качала воду из колодца) и сравнила его со скважиной. Взяв несколько листов чистой бумаги, я свернула их в трубку и начала сооружать на столе «нефтяные вышки», мысленно пробуравливая под ними нефтяные скважины. Чтобы получить представление о ручейках текущей по поверхности земли нефти, я сначала представила пролитую на пол воду, а затем ручьи дождевой воды во время большого дождя.

Когда я была особенно увлечена «добыванием нефти», ко мне подошла учительница и спросила, что я делаю и о чем так сосредоточенно думаю. Я начала ей объяснять, как добывают нефть в Баку. Кажется, мое объяснение было вполне толково, потому что учительница удивленно спросила:

— Ты там была?

— Нет, вы же знаете, что я никуда не уезжала.

13 Заказ 812

— Откуда же ты так хорошо знаешь о добывании нефти?

— Я прочитала один рассказ и все представила так, как сейчас рассказывала вам. Вообразите, что эти трубы — вышки, а под ними находятся нефтяные скважины. Но если много нефти, она вот так и потечет...— и я провела пальцем от трубки до края стола.

— Очень верно представляешь, можешь прочитать младшим ребятам лекцию о добывании нефти в Баку,— сказала учительница, но я не поняла, шутит она или говорит серьезно.

Что касается города Баку, то я плохо его представляю, потому что в прочитанном рассказе описывается только то место, где добывают нефть.

«Еду»

На днях один мой хороший знакомый уехал в южный город. Как только я узнала, что он уже уехал, меня охватило весьма странное ощущение — я тоже «поехала»... Началось это вот с чего: пол под моими ногами начал колебаться и вибрировать совершенно так, как это бывает при движении поезда. Я буквально воспринимала вибрацию вагона, паровозные гудки, остановки на станциях и т. д.

Конечно, железнодорожные поездки мне давно знакомы, поэтому такое ощутимое представление о движущемся поезде, в котором я как будто нахожусь, никого не должно удивлять. И днем и ночью я пребывала в этом странном состоянии. Сидела ли я, ходила ли я, разговаривала, ела, работала — все равно я неизменно «ехала», хотя на самом деле мы работали за письменным столом.

Обращаясь к М. Н., я сказала:

— Вы думаете, он один уехал? Я еду вместе с ним, я ощущаю гудки, вибрации, стук колес. Они говорят: «Еду, еду, еду, еду... тик-так, тик-так, тик-так, тик-так».

А ведь совершенно такое же ощущение я испытывала в самом деле, когда ехала в поезде.

На третий день после отъезда моего знакомого я решила, что он уже прибыл в тот южный город. Я тоже перестала «ехать»; вокруг меня и во мне все было спокойно, и поезд мне больше не представлялся... Зато теперь представлялось море: казалось, непрерывно на берегу плещут, как расплавленное стекло, волны, то подкупающе ласковые, то сердито отталкивающие... Меня обдают брызги, мне чудится запах моря. Представляется теплый песок, знакомый пляж, где лежит и загорает мой товарищ.

На концерте в клубе слепых

Зимой меня пригласили на концерт в клуб слепых. Концерт был посвящен годовщине Советской Армии. За мной заехал мой знакомый С. А., сопровождала меня М. Н. Попав в клуб, я немного растерялась, узнав, что будут выступать артисты-певцы, которых я все равно не услышу.

Но вскоре все пошло прекрасно! М. Н. переводила мне текст песен и романсов, а за другую руку меня держал С. А. и движениями своей руки передавал мне ритм музыки. Конечно, настоящей мелодии я не представляла, но ритм музыки соответствовал ритму стихов, и уже одно это доставляло мне большое удовольствие. Вероятно, С. А. это понял, потому что, как потом мне сообщила М. Н., у него был торжествующий вид человека, совершившего большое дело и гордящегося им. Конечно, ему было приятно сознавать, что он, как умел, передавал мне то, чего я никогда не услышу.

На следующий день после концерта я двигалась по своей комнате соответственно тому ритму, который воспринимала через руку.

Об интересах, которые «укладываются» в одной плоскости

Я должна оговориться, что в данной книге не раз будут встречаться такие места, где я сравниваю что-либо с формой куба, шара, конуса, круга, квадрата, прямоугольника и т. д. Конечно, если бы я предварительно не была знакома с этими геометрическими фигурами, то не могла бы делать подобных сравнений. Вообще говоря, без знания и представления одних предметов я не могла бы сравнивать их с другими предметами, а также понимать метафору в художественной литературе.

Сейчас мне припоминаются отдельные случаи, когда я еще не могла понять отвлеченных суждений, метафорических сравнений, а понимала все в буквальном смысле. Это весьма вредило ясному представлению того, о чем мне рассказывали и чего я не могла в тот момент осмотреть руками.

Так, например, в какой-то книге я прочитала фразу: «Их интересы укладываются в одну плоскость».

Что это могло бы значить? Мне совершенно отчетливо представлялась плоскость знакомых столов, плоскость пола, даже ров-

ные сиденья стульев... Вообще, представлялись всевозможные плоскости и гладкости; все представлялось ровным, ничего постороннего, что могло бы нарушать гладкую поверхность, мне не представлялось, тем более какие-то «их интересы»...

Некоторое время я очень мучительно переживала этот, сейчас столь простой и понятный мне факт. Мысленно я со всех сторон и концов подходила к этой загадочной плоскости с «их интересами» и в конце концов представила себе очень скользкий, хорошо натертый пол в нашей лаборатории, где стояли гладкие столы, стулья, всевозможные приборы... Вообще, там было много очень интересных вещей, которые и заменили мне чьи-то «интересы», сливавшиеся в недоступную моему пониманию и представлению «плоскость».

О том, как мне переводят спектакли

Как-то я была на вечере в клубе глухонемых. Обычно на таких вечерах кружки художественной самодеятельности ставят пьесы и инсценировки. В этот раз в числе других номеров ставилась инсценировка «Хорошие манеры». Мария Николаевна не только переводила разговор действующих лиц, но по возможности старалась воспроизводить их жесты и движения. Это очень помогло мне представлять происходившее на сцене. Так, например, когда человек, обучавшийся хорошим манерам, опрокинув на стол стакан с чаем, схватил свой носовой платок и начал им вытирать стол, а затем стал выжимать платок, М. Н. все это изобразила своими руками, и я смеялась вместе с другими. Приблизительно так она переводила мне всю инсценировку, и такой перевод доставил мне удовольствие.

Значительно позднее мы посетили другой вечер глухонемых в Доме Союзов. Ставили пьесу, в которой участвовали только две женщины. Они все время вели между собой разговор, а вся их игра заключалась в умении передать выражением лица и другими мимическими жестами чувства, сопровождавшие этот разговор.

Мария Николаевна переводила мне только содержание их беседы, и это не произвело на меня никакого впечатления.

Откровенно говоря, я даже не представляла себе ни сцены, ни этих двух женщин. Мне казалось, что впереди меня пустота, а М. Н. как будто рассказывает что-то скучное или торопливо читает по книге. Я начала скучать...

После вечера, когда мы с подругой делились впечатлениями об этой пьесе, она согласилась со мной, что, не видя лица артистов, она бы тоже скучала.

— Нужно было видеть их лица для того, чтобы заинтересоваться пьесой. Мимика у них была замечательная, и в этом заключался весь интерес постановки,— заметила моя подруга.

О кино

Изредка я бываю в кино. Я интересуюсь кинокартинами, но, по правде сказать, для меня лучше прослушать содержание какой-нибудь картины не во время самого сеанса, а если кто-нибудь рассказывает мне, предварительно просмотрев фильм. «Почему же это так?» — спросят у меня.

А вот почему: когда мне переводят картину во время сеанса, то обычно переводящий спешит рассказать все то, что видит в данный момент. Переводчик торопится, сам все воспринимает почти механически, да и мое внимание целиком сосредоточено на том, чтобы воспринять слова, а мысль не успевает рисовать образы персонажей, обстановку и пейзажи. Особенно трудно бывает в тех случаях, когда на экране показывают незнакомые мне вещи, т. е. такие, которые я никогда не осматривала руками: горы, моря, пустыни, незнакомых животных. Если же мне передают содержание фильма дома, рассказчик не спешит и может несколько раз повторить то, чего я не разобрала или не совсем ясно представляю.

Недавно я попала на картину «Мичурин». М. Н. переводила быстро, я не успевала четко представить образ Мичурина, его жены и других действующих лиц. Но когда М. Н. перевела мне, что на экране появился весь в цвету сад, я его представила совершенно ясно — и целый сад, и отдельные деревья; мне даже казалось на одно лишь мгновенье, что я ощутила нежный аромат цветущих фруктовых деревьев. Случилось это потому, что, когда я еще училась в Харьковской клинике, у нас работала учительница, у которой был фруктовый сад. Каждой весной я ездила к ней и самостоятельно обходила весь цветущий сад, осматривая на каждом дереве листочки и цветы. Конечно, я не представляла, насколько велик сад Мичурина; в моем представлении просто возник (как бы на некотором расстоянии от меня) огороженный сад с цветущими деревьями и благоухающими кустами роз. От одного дерева к другому переходил человек с маленькой кисточкой в руках, с ведерками и садовыми ножницами. Этот человек представлялся мне очень добрым, внимательным и серьезным стариком. К деревьям он прикасался осторожно, словно боялся, что может им повредить резким движением.

На следующий день после того, как мы смотрели фильм, М. Н.

дополнила свой пересказ этой картины, благодаря чему в моем представлении возник образ доброго старика — Ивана Владимировича Мичурина.

Как я представляю то, что происходит на сцене

Иногда я хожу на какой-нибудь интересный концерт глухонемых в Доме Союзов. Эти концерты отличаются от концертов для зрячих и слышащих тем, что на них не выступают артисты — певцы, музыканты, чтецы и декламаторы.

Чаще всего программа составлена из номеров клоунов, акробатов, различных фокусников и танцовщиц.

Такие номера для меня малодоступны, а следовательно, и не особенно интересуют меня.

Мне обычно пересказывали все те фокусы, которые проделывались на сцене, и, если при этом я могла следить за движениями переводчицы, тогда сцена не казалась мне пустой, я верила, что там действительно что-то происходит. Но было еще лучше, когда я сидела в первом ряду — очень близко от сцены. Тогда я ощущала топот ног во время танцев. В такие минуты мне действительно представлялись люди на сцене, но не смешные, не страшные, а самые обыкновенные.

Мне описывали фасон и цвет костюмов акробатов и танцовщиц; цвет я совсем не представляла, а фасон представляла в тех случаях, если он был хоть немного схож с каким-нибудь другим уже знакомым мне фасоном.

Помнится такой случай. Со сцены объявили, что сейчас исполнит кавказские танцы артист, одетый в национальный костюм. Такого костюма я никогда не видела, но, когда исполнитель танцев начал танцевать и я, сидя в первом ряду, ощутила бойкую дробь его ног, мне показалось, что я почти отчетливо представляю себе этого пляшущего человека. Он представился мне среднего роста (хотя мне не сказали, какого он роста), со смеющимся лицом, быстрыми, уверенными движениями. Верхнюю часть костюма я ясно не представляла, но зато мне представлялись широкие, развевающиеся во время танца рукава, а нижнюю часть костюма я представляла в виде широких шаровар. Благодаря тому что я ощущала звуки музыки (рояль) и топот ног, я представляла, как быстро, с каким увлечением плясал кавказец.

Его танец с огнем (так думала я) заразил меня: я сама была наэлектризована и была готова поклясться, что вижу танцующего, что осматриваю руками его фигуру, его чекмень с развевающимися

рукавами, его разгоряченное танцем лицо, и мне казалось, что он совсем не устал, а, наоборот, широко улыбается, показывая крупные, словно выточенные зубы.

Ничего этого мне никто не говорил. Образ пляшущего артиста возник в моем представлении только потому, что я ощущала вибрации веселой музыки и бойкий, дробный топот ног.

Когда танец кончился, зал разразился бурными аплодисментами с топотом ног. Я тоже аплодировала, но ногами не топала и даже досадовала на публику за это. Вместе с другими я долго аплодировала, хотя вообще редко аплодирую... В тот вечер я получила большое удовольствие от концерта и вернулась домой в очень бодром настроении.

Какими мне кажутся картины

Когда я бываю в музеях и тот, кто меня сопровождает, хочет пересказать мне изображенное на какой-либо картине, я слушаю с интересом, но не всегда представляю картину такой, какова она в действительности.

Если на картине изображены предметы, которые я раньше осматривала (например, люди, деревья, тропинки, знакомые мне птицы и животные), тогда я составляю приблизительное представление о картине. Если же на картине изображается, например, солнечный восход или закат, различные пейзажи или бушующее море с погибающим пароходом, тогда я представляю совершенно гладкую поверхность полотна картины, к которой прикасаюсь руками, а солнце или море представляются мне отдельно, независимо от картины и такими, какими я их воспринимаю в природе: солнце согревает меня своими лучами, а море плещется у моих ног, обдавая меня каскадами брызг; мне чудится даже специфический запах моря.

Уходя из музея, я могу вспомнить о картинах, и мне они представляются в таком же размере, в каком я их воспринимала: представляется стекло, если картина была под стеклом, представляется рама — гладкая или с инкрустациями, но не пейзажи, т. е. не красочные виды; мне вспоминается только содержание, только смысл описания, да еще тень чего-то неясного. Поэтому я предпочитаю скульптуру, как вполне доступную моему тактильному «зрению», а следовательно, и пониманию. Но поскольку я пользуюсь языком зрячих и слышащих людей, поскольку я читаю художественную литературу, то вполне могла бы рассказать — и, вероятно, не хуже зрячих — о какой-либо картине, которую никогда не ви-

дала, но, зная содержание того, что на ней изображено, тем же языком, теми же фразами, что и слышащие люди. Слушающий меня человек, наверное, не поверил бы, что я никогда не видела данную картину глазами. Однако в своих работах я пишу только правду и не хочу приписывать себе то, чего я не видела и чего не представляю.

О прожекторах

Мария Николаевна рассказывала о том, как было красиво во время салюта Победы 9 Мая. Она говорила о синем чистом небе, бледно-голубых лучах прожекторов и разноцветных огнях ракет. Но поскольку это были только зрительные образы, я, к сожалению, ничего не могла представить. Заметив, что ее рассказ не производит на меня желаемого впечатления, она прибегнула к помощи более «наглядного» изображения. Жестами она изобразила небо в виде купола над землей, затем подняла вверх руки с растопыренными пальцами, долженствовавшими изображать лучи прожекторов, и начертила в воздухе большой круг.

— Представляете? Вот это купол неба, а кругом — лучи, лучи...

Конечно, я не могла представить цвет неба и кругом «лучи, лучи», но приблизительно представила, мысленно начертив линию круга над головой и в поле этого круга длинные стрелы лучей прожекторов (такими почему-то мне представляются всякие лучи). Мысленно увеличивая их в длину, я могла представить их бесконечно длинными, пронзающими воздух на неизмеримой высоте. Грохот же салюта я могла представить себе только по вибрациям воздуха, если бы держала руки на вибрирующем предмете.

Кулисы. Лианы. Сталактиты

Когда я начала читать книги, то находила в них столько непонятных слов, что не успевала спрашивать у своих педагогов о значении того или иного слова. О некоторых словах я догадывалась по знакомой мне фразе, к другим просто привыкла и со временем научилась их правильно употреблять.

Некоторые слова казались мне очень понятными, я была уверена, что правильно ими пользуюсь, но на деле оказывалось, что я ошибалась: представляя себе «образ» слова, я тем не менее не

представляла тот предмет, который оно обозначает, или же представляла себе предмет совершенно ошибочно.

Так случилось со словом «кулисы».

Впервые я прочитала это слово в «Евгении Онегине»: «Почетный гражданин кулис», а позже и в других книгах встречала фразы: «Ушел за кулисы», «Находились за кулисами» и т. п.

Я думала, что это не что иное, как отгороженная от зрителей задняя часть сцены, т. е. просто высокая перегородка, причем у моих «кулис» были две двери, а на стене между ними были повешены декорации. Я так привыкла к своим «кулисам», что когда, читая «Мою жизнь в искусстве» К. С. Станиславского, узнала истинный смысл этого слова, то была крайне изумлена.

Станиславский, описывая постановку «Снегурочки» А. Н. Островского, рассказывает о том, как актеры по собственной инициативе делали кулисы: сооружали горки, мастерили кусты, деревья и т. д.

Так вот каковы настоящие кулисы! Это немного сбило меня с толку; в первое время у меня возникло раздвоенное представление о кулисах (или «две пары» кулис) — кулисы Станиславского и мои собственные «кулисы».

Сознаюсь чистосердечно: мои «кулисы» мне больше нравились, потому что я к ним привыкла, создала в своем воображении это представление, носила его в своей памяти годами, как нечто реальное. Конечно, кулисы Станиславского в «Снегурочке» значительно интереснее и правдоподобнее, чем мои «кулисы». Но для того чтобы представить себе описанные Станиславским кулисы, необходимо было ломать привычное представление и создавать новые образы, стараясь представить их такими, каковы они есть в действительности. Впрочем, через некоторое время я уже могла вызвать в своем воображении представление о настоящих кулисах.

* * *

Подлинно художественное и правдивое описание в книгах людей, предметов, животных, природы и т. д. нередко дает мне возможность представлять многие явления, происходящие в окружающей меня жизни, по-своему представлять океаны, горы, дремучие леса, пустыни.

Очень давно я прочитала книжку, название которой не сохранилось в моей памяти, но ее общее содержание я помню и теперь. Мне ясно представляется и та обстановка, в которой я читала эту книжку.

Помню, что в первой части этой книжки описывались тропические девственные леса, где лианы своими мощными объятиями

душили деревья. Читая о лианах, я очень хотела представить, как гибкий стебель лианы обвивается вокруг крепкого ствола дерева. Я брала тонкий шпагатик и наматывала его наискось вокруг своей руки. Но так как дело было летом, я вспомнила о диком винограде и подумала, что он может мне дать более наглядное представление о лианах. В нашем саду я осмотрела весь дикий виноград, и с тех пор мне кажется, что и форма листьев у лиан такая же, как у виноградных, только значительно бо́льших размеров.

Помню, я очень увлекалась этой книжечкой — зачитывалась до того, что порой совершенно забывала о том, где я нахожусь.

Когда же кто-нибудь подходил и прикасался ко мне, я вскрикивала, вскакивала со стула, воображая, что ко мне подползла ядовитая змея (когда-то я осматривала чучело гадюки, но для того, чтобы представить себе, например, очковую змею или удава, я мысленно увеличивала размеры гадюки, представляя, что она двигается, тихо подползая ко мне).

Боялась я в эти минуты не только змей, но и лиан...

Во второй части книжки описывались большие и маленькие подземные пещеры со сталактитами и сталагмитами.

Вначале мне очень трудно было разобраться, что такое сталактиты и сталагмиты, еще труднее было представить их, но все это было чрезвычайно увлекательно. Для того чтобы представить себе сталактиты и сталагмиты, я представляла то маленькие, то большие ледяные сосульки, мысленно ставя их на землю или «подвешивая» к потолку.

В книге описывались огромные глетчеры — целые подземные дворцы, украшенные сверкающим льдом. И несмотря на то, что слово «сверкающий» для меня чисто абстрактное понятие, в моем представлении оно тождественно чему-то очень красивому.

Почти до самозабвения увлекалась я красивым описанием и собственным представлением сталактитов и сталагмитов. В разгаре чтения (помнится, что я тогда сидела у окна в столовой) я встала со стула и начала руками осматривать окно, простенок между окнами и буфет, воображая, что нахожусь в глетчере и отыскиваю ледяные украшения.

Весенним вечером

Был чудный майский вечер. Я вышла на крыльцо, чтобы узнать, можно ли выйти с книгой и почитать на воздухе. Было так хорошо, что я немедленно вынесла книгу и уселась читать. В воздухе остро пахло молодой зеленью и вечерней свежестью.

Я читала серьезную книгу, но сосредоточиться на ней не могла: отвлекал насыщенный различными запахами легкий ветерок. Я перестала читать и задумалась. Меня охватило такое состояние, когда хочется что-то припомнить или представить, но еще не знаешь, что именно, и мучительно думаешь: «Что же это такое?» И вот сначала мне стало представляться что-то неопределенное — лишь неясные образы и отдельные слова, над которыми я думала некоторое время. Постепенно стало казаться, что моя рука прикасается к холодной поверхности большого медного колокола,— и вдруг так ясно представился весь этот колокол... Он медленно проплыл перед моим умственным взором, а на его месте появилось раскрытое окно, и у окна молчаливая женщина... «Да что же это такое?..— недоумевала я.— Ах, да! Александр Блок!»

И мне представилось, что по пустынному полю, где уже мелькают в густой траве полевые цветы, идет одинокий человек. Он уходит все дальше и дальше... Наконец, я вспоминаю отрывок: «Облаков розоватых волокна»...

И только после этого я последовательно представила всю ту картину — без звуков и красок, а лишь в тактильных образах,— которую могут нарисовать следующие стихи Блока:

Слышу колокол. В поле весна.
Ты раскрыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Вот почему мне представились колокол, раскрытое окно и женщина у окна. А идущего по полю человека я представила потому, что стихи кончаются следующими строками:

Ухожу в розовеющий лес,
Ты забудешь меня, как простила.

О «дощечках» и о другом

Гуляя по улице с подругой и ее матерью, я попросила их зайти со мной в магазин, но, когда мы оказались там, я уже забыла название того, что хотела купить,— минут пять стояла и сосредоточенно думала. Сначала мне представилась небольшая твердая пачка, которую я мысленно распечатала и развернула бумагу. Представились маленькие предметы в виде продолговатых, узких и тонких дощечек. Мучительно вертелось в памяти слово, я ясно как будто ощупывала пальцами буквы, из которых оно состоит,

знала даже, что это слово состоит из пяти букв, но вспомнить его мне мешали эти тоненькие дощечки. А между тем подруга несколько раз спрашивала, что же мне купить.

— Подожди, подожди, я сейчас это слово вспомню... вот оно вертится!

— Что это с тобой? Что у тебя там вертится?

— Вот сейчас... Ну, как же это? Ах! Вспомнила! Вафли!

Вспомнила же я потому, что мне представилась прежде всего буква «ф», затем слог «фли» и, наконец, все слово «вафли».

Такие случаи, когда я забываю название предмета или заглавие какой-либо книги, нередки. Когда я стараюсь вспомнить название предметов, то сначала мне представляется ряд смешанных предметов,— сразу нескольких предметов, затем из их числа выступают контуры одного неопределенного предмета, наконец, я мысленно осязаю целый предмет и тогда уже припоминаю его название. Если же я забываю название какой-либо книги, мне вспоминаются или отдельные эпизоды из этой книги, или фамилии героев, или какая-нибудь одна, особенно поразившая меня фраза.

Так, например, однажды я хотела вспомнить название произведения Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Сначала мне представилась рыба, потом отвратительный Иудушка, его несчастные племянницы-актрисы, еще несколько эпизодов из этой книги, и я, наконец, вспомнила ее название.

Когда мне читали по азбуке глухонемых «зрячую» книгу «Всадник без головы», то рассказали картинку из этой книги.

Спустя некоторое время я хотела вспомнить название этого произведения, но сначала мне представилось содержание картинки: по степи идет лошадь, а на ней верхом сидит человек без головы.

* * *

О ЖИВОТНЫХ

«Лебедь»

Было это 22 июля. Когда М. Н. потянула за сигнальную веревочку, я узнала ее и, не спеша, пошла открывать дверь, представляя при этом, что вот она войдет, мы молча пожмем друг другу руки и только через несколько секунд заговорим — так обычно бывало. Но на этот раз, войдя в комнату, М. Н. не только пожала мне руку, но и поцеловала меня.

— Будьте здоровы и счастливы! — сказала она.

Я немного растерялась.

— Что случилось? Может быть, у вас дома произошло что-нибудь хорошее?

— Нет, ничего не произошло.

— Но в чем же дело?

Мы сели на тахту, и М. Н. вручила мне сверток. Я развернула его, в бумаге оказалась большая пудреница, на крышечке которой была какая-то фигурка. Все это еще больше озадачило меня.

— Да скажите же, в чем дело! Я ничего не понимаю.

— Как не понимаете? — в свою очередь удивилась М. Н.

— Не понимаю, и все.

— Сегодня ваш день рождения.

— Почему вы думаете, что именно сегодня?

— Вы сами говорили, что 22 июля.

— Я этого не могла сказать, ибо никогда не праздновала 22 июля. Вы, вероятно, нарочно «ошиблись», чтобы поскорее показать мне эту фигурку... Что это на крышечке?

М. Н. объяснила мне. Но когда она говорила, что на крышечке изображен настоящий белый медведь, мне показалось — настоящий белый лебедь. Я долго осматривала фигурку, и хотя никогда не видела ни живого лебедя, ни его чучела, однако заметила, что у этой фигурки нет ничего лебединого: шея короткая, тогда как я знаю, что у лебедей длинная шея, не такая голова, не такое туловище. В течение дня я несколько раз осматривала фигурку, стараясь отыскать в ней хоть малейшее сходство с лебедем. Ничего

не найдя, я решила, что это просто карикатура на лебедя или же очень неудачно сделанное изображение. Не могла я успокоиться даже ночью — встала и снова принялась осматривать фигурку.

Я обнаружила, что у фигурки туловище животного, шея короткая, мордочка продолговатая и самое главное — четыре лапки, а ведь у лебедя их только две. Я начала представлять различных животных, и это помогло мне догадаться, что я неправильно прочитала слово «медведь», я все время читала его как «лебедь».

Об обезьянке

Мне всегда очень хотелось осмотреть живую обезьянку, но такого случая не представлялось, и в детстве я довольствовалась только игрушечными обезьянками. Будучи уже взрослой, я однажды посетила своих знакомых, у которых была маленькая девочка и, следовательно, полная комната игрушек.

Девочка показала мне все свое «хозяйство». Вот она положила мне на колени что-то довольно большое. Я хотела прикоснуться к тому, что лежало, и как раз попала рукой на голову, обтянутую плюшем. Я не стала осматривать дальше и наугад сказала:

— А, это мишка!?

— Нет,— отвечала мать ребенка.

Тогда я начала осматривать всю игрушку и обнаружила у нее четыре руки. Осмотрела голову, морду и хвост. Мне представились те игрушки, которыми я в детстве играла.

— Это обезьянка! — узнала я.

Игрушечную обезьянку я, конечно, могла осматривать сколько угодно и думаю, что могла бы узнать живую обезьянку, если бы стала осматривать ее руками. Впрочем, сомневаюсь, что живая обезьянка сидела бы так терпеливо, позволяя мне ощупывать все ее тело.

Если мне придется встретить такую терпеливую обезьянку, то непременно постараюсь узнать ее и затем представить в таком виде, какова она в действительности.

Представление о верблюде

Никто, конечно, не удивится, если я скажу, что никогда не осматривала верблюда (если не считать игрушечных). Да и где я могла видеть живых верблюдов? В зоопарке? Да я, вероятно,

побоялась бы трогать руками такое большое животное, хотя и знаю, что верблюд не причинил бы мне никакого вреда. Но дело в том, что поскольку я могу следить только за тем, что в данный момент находится под моей рукой, то все прочее, что находится вне поля моего «тактильного зрения», может представляться мне совершенно иным.

Если, например, я буду осматривать горб верблюда, я могу вообразить, что это ему не слишком приятно и от него можно ожидать неприятностей в виде нетерпеливых движений, которые я бы восприняла как «угрожающий жест». Все же, поскольку я читала о верблюдах, мне очень хотелось представить их размеры и горбы.

Помнится, будучи еще девочкой и желая самым наглядным образом представить верблюда, я однажды взяла большую подушку, крепко привязала ее к садовой скамейке, и у меня получилось как бы два горба на длинном животном. Позже, когда я прочитала стихотворение Лермонтова «Три пальмы», мне представился идущий в пустыне караван и колыхающиеся на спинах верблюдов палатки с людьми. Вся эта картина представилась мне как давно приснившийся сон, без звуков, без красок, но тем не менее я как бы ощущала всем своим телом палящее солнце, раскаленный песок, всю безводную пустыню с растущими у родника тремя пальмами.

Правда, верблюды, люди, песчаные холмы и пустыня представлялись мне в очень уменьшенном виде,— пожалуй, все это могло поместиться на шахматной доске.

Я знаю, что в действительности это не так, но ведь руками я не могу охватить большое пространство, а такие слова, как «горизонт», «даль», «перспектива», для меня лишь словесные образы, и не более того; верблюд же представляется мне большим животным, больше лошади, но настоящей его величины я не знаю.

О Заре и Димаре

Зара — моя кошка. Димар — ее сын.

В моей комнате раскрыто окно. Димар сидит на подоконнике и отчего-то пищит: об этом я знаю потому, что держу его за шейку. Ему исполнилось только два месяца со дня рождения, он еще настолько глупенький, что не решается выходить во двор — страшно боится пространства, но любит смотреть во двор и с сожалением попискивает.

Но почему сейчас он особенно упорно пищит, так рвется на край подоконника, на его левую сторону? Рама открыта наружу, а не в комнату.

Последив еще несколько минут за поведением Димара, я вдруг представляю себе следующую картину: я знаю, что налево от моего окна есть старое крыльцо — когда-то там был вход в дом, теперь он ликвидирован. Мне представляется, что Зара сидит на одной из ступенек крыльца — возможно даже, что не на ступеньке, а уже на карнизе стены. Поскольку рама открыта во двор, она загораживает собой доступ к подоконнику по карнизу. А Димар все сильнее порывается туда и пищит. Мне представляется, что Зара в ответ тоже мяукает. Чтобы проверить свое предположение, я закрываю левую половину рамы — подступ к подоконнику свободен — и зову:

— Зара, Зара, иди!

И в самом деле, Зара бежит по карнизу ко мне. Вот она уже на подоконнике. Димарка перестает пищать и стремительно бросается к ней — они радостно облизывают друг друга, в переводе на наш язык — целуются.

Сейчас, когда я описываю этот эпизод, Димарка сидит на столе и лапками ловит то мои пальцы, то страницу, словно хочет остановить меня и сказать: «Ну зачем ты всем обо мне рассказываешь, да еще посмеиваешься над моей глупостью? Я не виноват, что до сих пор не поймал ни одной мышки... Я бы и рад поймать, но что делать, если в твоей комнате их нет, а в коридор ты меня не пускаешь».

О кенгуру

О кенгуру я много читала, и мне казалось, что я представляю это животное почти таким, каково оно в действительности. Особенно ясно я представляла сумку, в которой мать-кенгуру носит своих детенышей. Тем не менее, когда мне показали настоящую фигуру кенгуру, я его не узнала.

У этого игрушечного кенгуру мордочка была остренькая, а мне представлялось, что у живых кенгуру морда широкая и тупая, т. е. более круглая. Кроме того, у игрушечного кенгуру задние ноги были в два раза длиннее передних, поэтому получалось, что кенгуру как будто сидит на перекладинках и протягивает вперед «руки». Обнаружила я на брюшке кенгуру и сумку, которая более или менее соответствовала моему представлению о ней.

Иногда, когда я не держала в руках фигуру кенгуру, а оставля-

ла на шифоньере или столике, я пыталась представить себе, как кенгуру перепрыгивает с одного места на другое, подталкивая свое тело упругими задними лапками.

О моей кошке

Сегодня утром я высунулась в форточку, чтобы вытряхнуть салфетку, и сразу заметила, что идет снег,— это был первый снег. В ту же минуту мне представилось, что земля покрыта слоем снега, я не знала, когда начался снег, поэтому не могла судить, тонким или толстым слоем он успел покрыть землю. Представились мне идущие по улице люди и падающие на них чистенькие холодные снежинки.

В памяти всплыли стихи Есенина о зиме:

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробушки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна...

И мне представилось под крышей нашего дома маленькое гнездышко, а в нем озябшие воробьи, вздрагивающие при каждом порыве холодного снежного ветра. Они согревают друг друга теплом своих маленьких телец и дремлют под вой зимнего ветра. Но вот одна птичка встрепенулась во сне, попала на край гнезда, и сильный порыв ветра свалил ее вниз, прямо на снежный сугроб.

На форточке моего окна сидит и зорко наблюдает за всем происходящим во дворе моя кошка Зара. Она видела, как из гнездышка выпала птичка. Она стремительно спрыгивает на землю. Сначала кошка осматривается вокруг, нет ли поблизости людей, потом, крадучись, подходит к сугробу и стремительно прыгает на него. Трепещущая, беспомощная птичка уже в зубах кошки...

После этой удачной охоты Зара ловко взбирается по стене до карниза, потом карабкается по переплетам окна и, наконец, достигнув открытой форточки, прыгает в комнату.

Так ли в действительности охотится за птичками моя Зара, не знаю, но представляю себе такую картинку, потому что не раз натыкалась на кошку в тот момент, когда она жадно уплетала воробья.

14 Заказ 812

В связи с начавшейся зимой я сегодня целый день повторяю стихи Есенина:

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.

Я представляю большой сосновый бор, засыпанный снегом. Там очень красиво, снег лежит на мохнатых и крепких сосновых ветках. Я видела, как елочные игрушки раскрашивают блестками. Мне представляется, что такими же снежными блестками разукрашены сосны и ели в лесу.

О льдинах и медведе

Во многих книгах мне приходилось читать о полярных морях, о плавающих по ним айсбергах и о том, что иногда на льдине сотни миль проплывает «косматый пассажир» — медведь.

Мне представлялись холодные глыбы льда — и большие, и маленькие. Никогда они не представлялись мне какой-нибудь правильной формы, скажем в виде куба, параллелепипеда и т. д. Напротив, мне представлялось, что их края неровные, негладкие: с одной стороны льдина может более острым углом выдаваться вперед, тогда как другая ее сторона может быть относительно прямая. Я предполагала, что большая часть плавающих льдин погружена в воду — это нижняя часть, надводная же часть меньше. Верхняя часть айсбергов казалась мне покрытой снегом.

И вот каким-нибудь образом на льдину попадает медведь, а чучело медведя я видела, но это был очень большой медведь, а те медведи, которые сидят на льдинах, кажутся мне меньше... И вот сидит на середине льдины, озирается во все стороны косматый пассажир и уплывает все дальше и дальше. Льдина скользит, раскачиваясь, на ее поверхности плещет вода Северного моря, но это нисколько не беспокоит ко всему привычного медведя.

Такие представления меня когда-то очень привлекали, я жалела о том, что не могу увидеть таких картинок.

Однажды в парфюмерном магазине, когда я выбирала духи, мне показали флакон с одеколоном «Северный». Флакон очень понравился мне: он изображал льдину, на которой примостился северный медвежонок.

Теперь, когда я что-нибудь читаю или разговариваю о полярных странах и морях, мне часто представляется эта стеклянная льдина (флакон) и на ней маленький медвежонок.

О некоторых животных

В разное время в разных детских книжках я читала описания многих животных, в том числе описание льва. В связи с этим вспоминаю такой случай: нашей маленькой слепоглухонемой девочке Марусе купили для занятий игрушечных животных — льва, свинью, лошадь, корову. Играя с Марусей, я должна была назвать ей этих животных. Я взяла в руки льва и стала припоминать те описания, которые я читала, сравнивая их с этим животным. Внимательно ощупывая игрушку, я обнаружила на ее голове гриву, затем осмотрела ее туловище, морду — мне совершенно ясно представился лев. Я уверенно сказала, обращаясь к воспитательнице:

— Это лев! Вот его грива, вот круглая голова и тупая морда...

Остальных животных (свинью, лошадь, корову) я раньше осматривала живыми и потому сразу узнала. Хотя у лошади имелась тоже грива, но длинные ноги и другое строение головы не позволяли спутать ее со львом. Свинью я сразу узнала, как только прикоснулась к ее пятачку. Корову определила по рогам.

О белках я много читала, но еще не осматривала чучела. Между тем, делая различные фигурки из пластилина, я однажды вылепила белку почти натуральной величины. Педагоги сказали, что у меня вышла очень удачная белка, и в награду за это подарили мне чучело белки. Я сравнила это чучело с моей белкой и убедилась, что они очень похожи друг на друга. Только чучело было пушистое, а моя белка гладкая.

Лебедя я тоже никогда не видела, но по описаниям представляла его довольно ясно. Когда мне впервые показали игрушечного лебедя, я легко узнала его по длинной шее и голове.

Описание крокодила я тоже читала, но представить его мне очень трудно. Он представляется мне не в виде какого-нибудь определенного животного или большой рыбы, а чем-то уродливым, бесформенным. Все его туловище состоит из позвонков, спрятанных под твердым панцирем. Представляется, что у него большая голова с широкой пастью, короткие, но сильные лапы, пальцы которых соединены плавательными перепонками. Длинный извивающийся хвост дополняет «красоту» этого чудовища. Крокодил извивается во все стороны, что мешает определить его форму.

Однажды в магазине Мария Николаевна показала мне игрушечного крокодила. Но эта игрушка не дала мне абсолютно никакого представления о крокодиле. Этот крокодил был наряжен в рукавицы, обут и вообще выглядел очень нарядным франтом.

Об эвкалипте я читала во многих книгах, и для того, чтобы представить высоту этого дерева, я сначала представляла какое-нибудь другое знакомое мне дерево, мысленно увеличивая его высоту в пять, 10 и более раз.

Исходя из того что эвкалипты растут в жарких странах, листья представляются мне совсем не такими, как на наших деревьях. Мне кажется, что листья эвкалиптов очень узки и длинны — величиной примерно 10—15 *см*, жестки и даже покрыты грубоватыми иголочками по краям. Располагаются листья на ветках, как свечи.

Мне даже представляется запах листьев, если их немного помять пальцами; запах этот кажется мне не однородным, а смешанным: к приятному смолистому аромату примешивается легкий запах воска.

Один австралийский профессор из Мельбурна, приезжавший в СССР на Международный физиологический конгресс в 1935 г., желая дать мне представление об австралийских животных, подарил две настольные фигурки — австралийского медвежонка и кенгуру. Профессор сказал, что это особая порода медведей, которые часто забираются на эвкалипты и сидят там в такой позе, как этот настольный медвежонок. Конечно, игрушечный медвежонок был очень далек от натурального медведя; сидел он, кажется, на хвосте, как мы сидим на стульях, а передние лапки сложил на груди. У него задорно торчал носик; задорным носик казался потому, что зверек задирал голову вверх.

И вот в своем представлении я должна была оживить этого плюшевого настольного медвежонка, посадить его на одну из веток эвкалипта и таким образом представить себе, что это настоящий живой австралийский медведь, затем представить гигантское дерево, по стволу которого опускается или поднимается медведь. Приблизительно так я все это и представила. Но в моем представлении австралийский медвежонок отличался от наших северных медведей тем, что был он «вегетарианцем», ибо питался корой и листьями эвкалиптов.

Кстати, когда мне нужно вспомнить слово «вегетарианцы», я сначала представляю различные овощи, начиная от картошки и кончая шпинатом, после чего в моей памяти возникает слово «вегетативный», затем «вегетарианцы».

Мимикрия

В одной книге я прочитала слово «мимикрия» и рядом его объяснение: уподобление окраски животных и насекомых окраске окружающей местности.

С самого начала слово «мимикрия» почему-то напоминало мне большую жирную гусеницу. Почему гусеницу? Некоторое время я была в замешательстве, стараясь отогнать от себя гусеницу. Наконец, вспомнила, в чем тут дело. Однажды на кусте сирени я нашла большую гусеницу и с отвращением отбросила ее в сторону, но кто-то из зрячих поднял ее и рассказал мне, какого она красивого зеленого цвета. Зная, что листья кустов и деревьев тоже зеленые, я мысленно объединила окраску гусеницы и растений (конечно, не представляя этого цвета зрительно).

Спустя некоторое время я как-то забыла слово «мимикрия», но помнила его смысл, одновременно отождествляя его с гусеницей. Я обратилась с вопросом к Лидии Ивановне:

— Вы не помните, какое это слово, что похоже на большую зеленую гусеницу?

Лидия Ивановна подумала, что я шучу.

— Нет, не помню, может быть, по-твоему, оно еще на что-нибудь похоже?

— Оно еще похоже на местность...

— На какую местность?

— На всякую, где имеются животные и насекомые,— пояснила я.

Целый день бедная Лидия Ивановна ломала себе голову над этим мудреным и похожим то на гусеницу, то на «всякую местность» словом. Так она и ушла с работы домой, ничего подходящего не вспомнив. Я же перестала вспоминать это слово, и вдруг оно само собой всплыло в моей памяти, и притом без назойливого образа жирной гусеницы.

На следующее утро я поспешила умыться и одеться и побежала к садовой калитке встречать Лидию Ивановну. Приветствовали мы друг друга так:

— Лидия Ивановна, мимикрия!

— Оля, мимикрия! — И мы обе засмеялись.

— Я всю ночь не спала,— сказала Лидия Ивановна,— все думала над твоим словом, которое ты превратила в гусеницу. Чем же оно на нее похоже?

— Да я однажды поймала на сирени большую зеленую гусеницу, а листья сирени тоже зеленые, вот вам и связь между мимикрией и зеленой гусеницей...

Был у меня хороший знакомый, научный сотрудник — биолог. Узнав, что я прохожу биологию, он часто в шутливой форме экзаменовал меня и, между прочим, несколько раз спрашивал, знаю ли я, что такое мимикрия.

Это немножко надоело мне.

— Вы спрашиваете одно и то же. Почему это?

— Не обижайтесь, я спрашиваю потому, что студенты — зрячие и слышащие — никак не могут запомнить это слово.

— А оно им ничего не напоминает? — поинтересовалась я.

— Вероятно, ничего, если они забывают.

— Скажите им от моего имени, что мимикрия похожа на большую зеленую гусеницу, тогда они запомнят, а меня больше не спрашивайте, я знаю не только о мимикрии животных и насекомых, но и о духовной мимикрии человека.

Эта духовная мимикрия в моем представлении похожа на Лису Патрикеевну, а также вызывает в памяти рассказ Чехова «Хамелеон».

* * *

О ЛЮДЯХ

Замечательный мальчик

Однажды в магазине мне дали осмотреть одну скульптуру: у тумбочки с книгами стоял мальчик с круглым личиком и кудрявыми волосами на красивой головке.

— Какой замечательный мальчик! — сказала я, совсем не подозревая, что осматриваю статуэтку трехлетнего Владимира Ильича Ленина.

— Это Ленин трех лет,— сказала мне М. Н.

Я была очень удивлена, ибо привыкла представлять Владимира Ильича только взрослым человеком, с твердыми чертами лица, совершенно гладкой головой и небольшой бородкой. Конечно, я много читала о Владимире Ильиче, а также о его детских и юношеских годах, но представлялся он мне всегда взрослым, серьезным, все время о чем-то думающим.

В моей комнате стоит бюст В. И. Ленина, но, когда я к нему теперь прикасаюсь, я представляю его сначала этим хорошеньким кудрявым мальчиком, который мог порой и пошалить, а потом тихо сидеть где-нибудь в укромном уголке и сосредоточенно думать. Потом уже мне представляется взрослый Владимир Ильич, с серьезными, прищуренными глазами, в которых часто мелькали веселые искорки, а губы при этом раскрывались в веселом, задорном смехе.

Почему я узнала

Когда я читала «Хлеб» А. Н. Толстого, то наткнулась на следующие строки:

«По коридору к Ивану Горе, звонко в тишине топая каблуками по плитам, шел человек в бекеше и смушковой шапке.

— Я был наверху, товарищ, там сказали — Владимир Ильич прошел вниз,— торопливо проговорил он, подняв к Ивану Горе

разгоревшееся от мороза красное лицо с коротким носом и карими веселыми глазами...»

Как только я прочитала эти строки, мне показалось, что рядом со мной товарищ Климент Ефремович Ворошилов. Да, я сразу узнала, что это написано о нем, и очень ясно представила себе, как он идет по длинному коридору в Смольном.

А узнала я потому, что в моей комнате был его барельеф и я сумела ознакомиться с чертами его лица, а о глазах его мне рассказывали зрячие. Когда я осматривала барельеф, мне очень нравились черты лица К. Е. Ворошилова.

А. М. Горький жив

«...В часы усталости духа,— когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом,— когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед,— в тяжелые часы усталости духа я вызываю перед собой величественный образ Человека» [1].

На моем рабочем столе стоит большой бюст Алексея Максимовича Горького. Часто, прежде чем начать что-нибудь писать, я бережно, как бы к живому, прикасаюсь к скульптуре незабываемого друга. Быть может, бессознательно я прошу у него совета, ищу поддержки... Да, для меня Алексей Максимович жив: черты лица его запечатлены на этом бюсте. Его хорошие, волнующе человеческие, глубоко продуманные и прочувствованные мысли и советы — в письмах ко мне...

В этих нескольких письмах неиссякаемый интеллектуально-целебный родник; из него я черпаю жизненные силы, энергию, бодрость духа и мудрые советы,— их не читаешь, а видишь мыслью.

Мне думается, что каждый из нас должен научиться радоваться большой человеческой радостью не только за себя, за свои успехи, а за всех, за все хорошее, разумное, что творят другие. Такой радостью умел радоваться А. М. Горький, видя, как талантливые, мужественные люди нашей Родины творят чудеса —из хаотической природы создают гармонически-стройное, всем нужное благо.

Но кроме больших событий А. М. Горький замечал и многое «маленькое» и тоже радовался. Помню, как глубоко тронула меня его радость по поводу моих незначительных успехов:

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 5, стр. 362.

«...Я крайне обрадован вашим убеждением в силе разума и вашим решением посвятить себя научной работе. Вы всецело правы, говоря, что разум людей растет для того, чтобы победить «разум природы»...»

За что я люблю Горького? Об этом очень трудно говорить. Не найти достаточно сильных, ярких слов, чтобы передать хоть сколько-нибудь внятно все чувства, ощущения, восторг, внушенные образом этого человека. Горький — воплощение тысячелетних устремлений угнетенных народов к победе разума над враждебной природой, к свободному труду, красивой, здоровой жизни. В душе его было необъятное богатство чувств и мыслей, стройных и певучих, лучезарных и греющих, как солнце.

Мне хочется всем и каждому в отдельности говорить: читайте, изучайте произведения Горького! Из них вы почерпнете лучшие чувства, мысли, жизнедеятельность, которые, быть может, еще дремлют в вашем сознании. Кто хочет быть полноценным строителем социализма, честным и активным творцом советской действительности, тот должен сделать сочинения Горького своими настольными книгами.

Несколько лет тому назад я прочитала все четыре тома «Жизни Клима Самгина». Читала я не сама, а «слушала» дактилологический перевод обыкновенной книги. И хотя на это потребовалось немало времени, я увлекалась книгой от начала до конца. Более того, из «Жизни Клима Самгина» я почерпнула некоторые сведения по психологии и физиологии, узнала жизнь дооктябрьской интеллигенции, революционные события и многое другое, чего мне никто не мог бы так ясно рассказать. Помнится, я тогда сказала: «Читаю не только «Жизнь Клима Самгина», а несколько книг сразу».

Трилогию «Детство», «В людях» и «Мои университеты» перечитывала несколько раз, благодаря тому что эти книги отпечатаны шрифтом слепых (системой Брайля). Какое разительное впечатление! Мне казалось, что я лично непосредственно наблюдала жизненный путь Алексея Максимовича, видела окружающих его в то время людей.

Я никогда зрительно не видела море, но, читая рассказ «Челкаш», «созерцала» море, «слышала» рокот бьющихся о берега волн. Также никогда не видела чаек, гагар, буревестника, но представляю их по «Песне о Буревестнике».

К числу любимых мною образов Горького следует отнести гордых красавцев-цыган — Радду и Лойко Зобара из рассказа «Макар Чудра».

В поэме «Человек» Горький как будто пытался в поэтическом образе передать нам историческое развитие человечества — от ста-

дии человека-животного к торжеству разумного существа над вселенной.

Свой очерк мне хочется закончить абзацем из этой же поэмы Алексея Максимовича:

«Идет он (человек), орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой жгучей крови — поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта — науки создает и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами,— он движется все — выше! и — вперед! звездою путеводной для земли...»

В Музее-усадьбе Л. Н. Толстого

Не однажды я выражала желание побывать в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого. Мне говорили, что это не очень далеко от нашего дома. Наконец, мы с М. Н. выбрали свободный часок и направились в музей. Дело было летом. Я хотела идти пешком, чтобы представить себе расстояние от нашего дома до музея. Но не успели мы пройти и полквартала, как начался сильный дождь. Возвращаться домой не хотелось — уж слишком я настроилась побывать в музее, к которому давно устремлялись мои мысли. Пришлось сесть в трамвай — это лучше было, чем возвращаться домой. К тому же я в трамвае имела возможность представить расстояние, считая остановки, которые я всегда отличаю от движения трамвая.

Знакомиться с усадьбой я начала от калитки, потом по дорожке мы подошли к крыльцу; я осмотрела дверь и старинный звонок. В прихожей, после того как нас записали в книгу посетителей, я осмотрела стулья и ларь. Конечно, мне приходилось читать в книгах о ларях, но я их представляла совсем не такими, какой увидела в прихожей у Льва Николаевича. Лари мне представлялись как высокие сундуки без крышки, наполненные мукой; здесь же я увидела большой крепкий деревянный диван, сиденье которого служило крышкой для сундука. Я знаю, что Лев Николаевич любил простоту в своей домашней жизни, и все же была удивлена, когда увидела, что в его доме все так просто. К моему большому огорчению, экскурсовод не разрешила заходить в каждую комнату и прикасаться к вещам руками (это мне разрешили при вторичном посещении музея). Однако кое-что я все же осмотрела, протягивая руку под веревочкой. Так, в столовой я обошла вокруг обеденного стола, осмотрела стулья и обеденные приборы — у всех

членов семьи была одинаковая посуда. Мне показали стул, на котором обычно сидел Лев Николаевич. У этого стула я задержалась дольше, думая при этом: «Теперь это пустое место, а ведь когда-то сидел здесь гениальный русский писатель...» От стола я отошла так тихо, как будто боялась, что помешаю обедать Льву Николаевичу. В спальню меня не впустили, но я и здесь проскользнула под веревочкой и осмотрела постель, кровати и ночной столик с той же осторожностью и опасением, что могу нарушить чей-то покой.

Переходя от комнаты к комнате, мы только останавливались у раскрытых дверей, и М. Н. рассказывала мне, что находилось в комнате, а также читала объяснения, висевшие у каждой комнаты. Но все это не давало мне наглядного представления об обстановке и величине комнат. Так мы обошли первый этаж и поднялись наверх, где находились зал, большая и маленькая гостиная, кабинет Льва Николаевича и другие комнаты. Здесь я уже ничего не могла посмотреть, ибо в комнаты совершенно не впускали.

У двери кабинета Льва Николаевича висело описание того, как жил и работал великий писатель. Мне чудилось, что Лев Николаевич сидит по-прежнему за своим письменным столом и пишет «Войну и мир» или «Анну Каренину». Перед моим внутренним взором, как живые, проходили герои этих произведений; мне казалось, что это были мои хорошие друзья, с которыми я только очень давно не виделась. А то чудилось, что сам Лев Николаевич вдруг встанет из-за своего рабочего стола, увидит нас и спросит с добродушно-лукавой улыбочкой: «Что, пришли на меня, старика, поглядеть? А?» Я даже вздрагивала, когда возле нас останавливались другие посетители.

Если бы мне разрешили все осмотреть руками, мое представление о доме и находящихся в каждой комнате предметах было бы ярче и точнее, а следовательно, впечатление еще сильнее. (В следующую экскурсию я побывала и в кабинете. Испытывала еще более благоговейное чувство, чем в первый раз, когда только стояла у двери кабинета.) Тем не менее я ушла из музея довольная, стараясь мысленно дополнить те образы, которые мне были не совсем ясны со слов М. Н.

В первую же ночь после экскурсии я увидела Льва Николаевича во сне. Снилось мне, будто я стояла в прихожей у него в доме, а он спускался по лестнице ко мне. И во сне я почему-то думала, что он среднего роста, в серых брюках и в какой-то широкой, тоже серой блузе, подпоясанной узким ремешком. Об этой блузе я подумала (тоже во сне), что, вероятно, это и есть знаменитая «толстовка».

Лев Николаевич был очень старенький, но с густыми вьющи-

мися волосами и длинной пышной бородой. Шел он ко мне не спеша, тихонько спускался со ступеньки на ступеньку, немного шаркая мягкими комнатными туфлями. Вот уже лестница кончилась. Мне чудится, что он уже остановился и смотрит на меня. Лев Николаевич протянул мне обе руки, я подошла к нему и тоже протянула ему руки; он все улыбается, а руки у него маленькие, сухие и мягкие, с энергичным пожатием... У меня был бюст Толстого, поэтому черты его лица мне знакомы. Они представляются мне и сейчас, когда я пишу этот очерк.

О Байроне

Раньше, чем я прочитала стихотворение Пушкина «К морю», я уже знала о Байроне, читала о нем, но с особенной силой его образ возник в моем представлении по прочтении стихов Пушкина. Еще не зная точно, кого Пушкин подразумевает под «властителем дум», я догадалась, что он пишет о Байроне, когда прочитала эти строки:

> ...Шуми, взволнуйся непогодой:
> Он был, о море, твой певец.
>
> Твой образ был на нем означен,
> Он духом создан был твоим;
> Как ты, могущ, глубок и мрачен,
> Как ты, ничем неукротим... [1]

Мне представлялся обаятельный, но внешне суровый, холодный человек, с правильными чертами лица и густыми вьющимися волосами на красиво очерченной голове. Внутренне он был очень живой, отзывчивый, порывистый и кипучий, но внешне гордый, мрачный, порой бурно выражающий свой гнев. И всегда, когда я вспоминаю море, вспоминаю о Байроне; благодаря стихам Пушкина его образ сливается с образом всегда волнующегося моря.

Позже, когда я прочитала «Странствования Чайльд-Гарольда», в моем представлении возник еще и другой образ Байрона — образ глубоко и надолго задумавшегося человека, на лице которого сохранился отпечаток многое пережившего, перестрадавшего существа. Он многое видел в жизни, все понимал, смотрел проницательным взором в будущее, словно хотел своей огненной мыслью создать нечто такое, что нетленно будет жить в веках. Таким я его представляю, когда перечитываю эти строки:

«...Мы облекаем свою фантазию в образы для того, чтобы создать более долговечное существо, чем мы сами, и поселиться в

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. II, стр. 196.

нем, получая таким образом жизнь, которую мы сами вызвали, как это делаю сейчас я. Что я такое? Ничтожество. Но не такова ты, душа моей мысли! С тобой я облетаю невидимкой землю, видя и замечая все; сливаясь с твоей жизненной силой, я оживляюсь, ослепленный твоим зачатием, и чувствую вместе с тобой среди скудости и ничтожества своих чувств».

Мысли, высказанные в этом отрывке («Чайльд-Гарольд»), глубоко вошли в мою память. Я стала представлять себе многих писателей и думать о том, как они в своих произведениях создают «более долговечные существа», оживляют их, заставляют действовать, говорить, мыслить.

Писатель умирает, а созданные им образы живут столетиями. И кто же у нас не представляет героев Гомера, Шекспира, Байрона, Шиллера, Бальзака, Пушкина, Гоголя, Л. Толстого и др.? Все мы представляем их, действуем вместе с ними (когда перечитываем книги), полемизируем и пр. И совсем не думаем, что это «духовные дети» давно умерших творцов.

О Пушкине и Гоголе

Мне однажды читали экспромты и эпиграммы писателя В. А. Гиляровского, помещенные в одном из номеров журнала «Огонек». Некоторые из них понравились мне, и я их запомнила, в том числе и следующий экспромт:

Гоголь сгорбившись сидит,
Пушкин Гоголем глядит.

Мне известно, что в Москве есть памятники Пушкину и Гоголю [1], стоят они не рядом и даже не на одной улице, но после прочтения этого экспромта мне представилось, что памятники стоят рядом. Разумеется, по скульптуре я знакома с чертами лица Пушкина и Гоголя, и тем легче мне представить их рядом. Экспромт Гиляровского произвел на мое воображение весьма сильное впечатление, и, когда я вспоминаю его, мне представляется следующая картина:

Николай Васильевич, словно чем-то недовольный или кем-то обиженный, сидит с поникшей головой,— очень напоминает мне

[1] Автор имеет в виду памятник Н. В. Гоголю скульптора Андреева, стоявший на Гоголевском бульваре до 1952 г. В ознаменование столетия со дня смерти писателя на месте этого памятника ныне воздвигнут другой, работы советского скульптора Н. В. Томского.— *Ред.*

большую птицу, озябшую и промокшую в дождливый осенний день. Сидит эта большая птица на пьедестале, с безжизненно опущенными крыльями. Быть может, Гоголь дремлет, быть может, он относится с полным безразличием ко всему окружающему.

Дует холодный ветер, сеет, как сквозь сито, мелкий, пронизывающий дождь, а Николаю Васильевичу, этой большой птице, некуда спрятаться, он только может опустить голову и думать свою вечную думу. А рядом (как мне представляется) возвышается памятник Пушкину. Он держится твердо и стройно, со сбитой на затылок шляпой и весело смотрит на Гоголя. Выражение лица у Пушкина добродушно-задорное, чуть-чуть молодцеватое. Мне так и кажется, что Пушкин сейчас подбоченится и, улыбнувшись своей широкой улыбкой, спросит: «Что же это вы, Николай Васильевич, столь приуныли? Я от всей души смеялся над вашим «Ревизором» — очень они забавны, этот дурак городничий, прощелыга Хлестаков и прочие персонажи. Да посмотрите же на меня, Николай Васильевич».— «Э-э,— сказали мы с Петром Ивановичем»,— уныло отвечает Гоголь, не поднимая головы.

Продолжает дуть холодный ветер, сеет осенний мелкий дождь. Пушкин по-прежнему глядит бодро и весело на своего собрата по перу, но Гоголь тихо дремлет: может быть, обдумывает, как лучше написать «Мертвые души», в каком освещении выставить «херсонского помещика» Чичикова...

Позднее я ознакомилась со статуей Пушкина и узнала, какая у него поза на пьедестале. Однажды мы с М. Н. подходили к памятнику поэта и я имела возможность ознакомиться с нижней частью памятника: обошла вокруг него, а затем вместе с М. Н. мы взобрались на ступеньки пьедестала, и я даже достала рукой до слов «Пушкину» и «калмык». К сожалению, на улице собралась такая большая толпа прохожих, что мы вынуждены были спуститься с пьедестала, не желая привлекать к себе еще большего внимания.

Мне кажется, что теперь я представляю Пушкина таким, каким он изображен на памятнике. Теперь я знаю, что шляпу он держит в руке, которую откинул назад.

О том, каким мне представляется Герцен

О Герцене я знаю по его книге «Былое и думы», а также и из других источников. Поэтому у меня не всегда бывает одинаковое представление о нем. Я могу представить его и взрослым, и маленьким мальчиком.

Однажды я читала о том, что, будучи маленьким мальчиком, Герцен очень любил «умирать», когда отказывались исполнять его капризы. И вот мне представляется большая комната, пол которой устлан толстым ковром. На ковре лежит Саша, совершенно неподвижно, с закрытыми глазами, со сложенными на груди руками. На нем коротенькие бархатные панталончики и такая же бархатная курточка. Он «умер». Но вдруг он вскакивает и с криком убегает из комнаты — сделал же он это потому, что его мать Луиза Ивановна сказала: «Люди, Саша умер, возьмите и похороните его»...

Мне не приходилось читать, в какой обстановке Саша «умирал», мне просто представляется такая комната, которую я только что описала. Мне никогда не приходилось осматривать бюст Герцена, и никто не говорил мне, каков он на портрете, но благодаря книге «Былое и думы» он представляется мне всегда задумчивым, серьезным и в то же время очень милым человеком.

Когда-то давно я читала стихи С. Я. Надсона «На могиле Герцена»:

На мраморный цоколь вступив,
Как будто живой, он вставал предо мною
Под темным наметом олив.
В чертах величавая грусть вдохновенья,
Раздумье во взоре немом,
И руки на медной груди без движенья
Прижаты широким крестом...

Цоколь этого памятника (который, судя по стихам, находится на кладбище в Ницце) представляется мне в виде большого мраморного куба, возвышающегося над землей метра на два: цоколь гладко отполирован — я как бы ощущаю рукой эту гладкую и прохладную мраморную поверхность. На цоколе возвышается отлитая из бронзы фигура человека. Раньше я осматривала бронзовые статуи, что дает мне возможность тактильно представить бронзовые фигуры.

Черты лица этого бронзового человека представляются мне не крупными, не грубыми, т. е. не поражают мои пальцы резко выраженными линиями; они кажутся мне правильными, с мягкими линиями. Кажется, что губы плотно сжаты, вокруг них я ощущаю морщинки скорби. Глаза полураскрыты, что и придает лицу выражение раздумья. Общее же выражение лица — мягкая грусть. Мне кажется, что, если бы я смогла осмотреть эту фигуру, я сразу бы сказала: «Это Герцен». Конечно, это мог бы быть и не Герцен, но таким мне представляется его памятник. Я как будто всем своим телом ощущаю и знойное дыхание ветра, о котором Надсон пишет: «и знойный мистраль шелестит и вздыхает»; да,

я действительно ощущаю, как теплые волны мистраля обдают бронзовую фигуру Герцена.

В общем Герцен представлялся мне по характеру меланхоликом. Каково же было мое удивление, когда я узнала из книги психологии проф. Теплова, что у Герцена был сангвинический темперамент.

Почему я думала об одной женщине, что она хороша

Однажды меня познакомили с одной незрячей женщиной — учительницей школы слепых. В то время я еще была подростком. Эта женщина очень понравилась мне. У нее были ласковые, приятные руки; казалась она мне подвижной, веселой и такой мягкой — даже при порывистых движениях. Представлялась она мне очень славной, доброй и большой умницей. Я полюбила ее, мне стало казаться, что она очень хорошенькая лицом. Я стала думать, что у нее чрезвычайно нежное лицо с красивым румянцем, а глаза хотя и не зрячие, но открытые, чистые и голубые. Я еще не знала, какие у нее волосы, но представляла их пышными, вьющимися. И этот созданный моим воображением образ представлялся мне в течение нескольких лет.

Но однажды к слову пришлось, и я у кого-то из зрячих спросила о наружности этой женщины. Мне сказали, что у нее не очень белое лицо, что она носит темные очки и поэтому трудно разобрать, какие у нее глаза — черные или темно-карие. Ее волосы я осмотрела сама: они не были вьющимися, не пышные, наоборот, прямые и не очень густые. Мне стало жаль, что внешность этой хорошей женщины не такая, какой я ее представляла. Тогда я стала думать, что у нее должен быть чудесный сильный голос, я не представляла себе красоты без подобных атрибутов. Мне сказали, что у нее приятный голос, хорошая дикция, но все же особенной красотой голос ее не отличается.

Я понимала, что зрячие верно нарисовали портрет моей знакомой, сказали правду о ее голосе, но, несмотря на это, каждый раз после встречи с ней в моем воображении всплывал вымышленный образ звонкого голоса — так велико было нравственное обаяние этой симпатичной женщины... И от этого она представлялась мне красивее, грациознее, изящнее, хотя я уже знала, что в жизни она совсем другая.

О том, как я узнаю людей

Зрячие и слышащие люди видят лица и слышат голоса других людей, запоминают черты лица и тембр голоса, а потом, расставшись с тем или иным человеком, стараются представить (увидеть внутренним взором) его лицо, фигуру, походку, одежду, голос и т. д. Без участия памяти и представления зрячие и слышащие ведь не могли бы долго помнить наружность и голоса друг друга.

Но если зрячий безучастно смотрит на тысячи проходящих по улицам людей, не обращает внимания на отдельные личности, а видит лишь толпу, он не будет никого помнить, не будет воспроизводить, восстанавливать в своей памяти и представлении виденные образы.

У меня с узнаванием людей дело обстоит сложнее: ведь я не осматриваю с головы до ног подходящего ко мне человека, тем более в первый момент знакомства с ним. В первый момент, когда знакомятся со мной, мне подают только руку, как это принято везде. Пожав протянутую мне руку, я должна обратить на нее внимание и запомнить не только особенности кожи (ее гладкость, грубость, теплоту, влажность, сухость и т. д.), но и форму руки и все характерные особенности рукопожатия. А что у каждого человека свое особенное, характерное рукопожатие, с этим, наверное, все согласятся. У одних людей крепкое и энергичное, у других — вялое, безразличное (или, как я выражаюсь, безличное), у третьих — нежное, мягкое, располагающее и вызывающее чувство симпатии к данному человеку.

Расставшись с новым знакомым, особенно если он произвел на меня впечатление — все равно, хорошее или плохое,— я стараюсь припомнить и представить форму его рук, а также представить руки с их малейшими подробностями, которые я успела уловить. Например, как человек берет меня за руку (резко, мягко, быстро, медленно), чтобы писать на моей ладони своим пальцем; как он двигает пальцем, как пишет буквы, как у него вздрагивает рука в зависимости от содержания нашей беседы, как он отмахивается рукой, как отдергивает руку и пр. Без такого детального изучения и представления моих знакомых я не могла бы их сразу узнавать только по одной форме руки и особенностям кожи. Всем известно, что у каждого из нас в разное время руки могут быть холодными, когда мы озябнем, и теплыми, когда нам жарко (у некоторых людей от сильного волнения руки могут быть холодными, у других от такого же волнения руки становятся горячими). Руки могут быть гладкими, временно погрубеть от какой-нибудь работы, проделанной в течение одного дня. Например, если моя

15 Заказ 812

сотрудница сегодня занята стиркой белья, уборкой комнаты, она на следующий день может прийти с такими загрубевшими руками, что я могла бы принять ее за постороннее лицо, если бы не знала характерных особенностей ее рукопожатия.

Если я знакомлюсь с человеком, который не произвел на меня абсолютно никакого впечатления и я даже не обратила на него никакого внимания — говорила с ним без всякого интереса и участия наблюдательности и памяти,— то в большинстве случаев я об этом человеке быстро забываю, не представляю его рук и при следующей встрече могу совсем не узнать, хотя имя его помню.

Как я узнаю некоторых людей на расстоянии

Я знаю, что зрячие люди узнают своих знакомых не только по внешнему виду, но и по голосу и по шагам. Сейчас я хочу сказать, что иногда тоже могу узнавать на расстоянии тех людей, которых я хорошо знаю благодаря тому, что особенно тщательно изучила их движения. Узнаю я их даже в тех случаях, когда они находятся за дверью моей комнаты. Вот как это происходит.

Оставаясь в комнате одна, я запираюсь. А для того чтобы знать, когда ко мне кто-нибудь хочет войти, я придумываю всевозможные сигналы. Мне приходилось жить в таких комнатах, где стук ногой по полу из коридора передавался в мою комнату. Но бывают и такие комнаты, в которые вибрация не передается, тогда мне приходится изменять сигнализацию.

Никто не мог посоветовать мне, каким образом производить сигнализацию, когда меня вселили в «бесчувственную» комнату. Несколько часов подряд я ломала голову над этой задачей. Я тщательно исследовала стены, окна, двери и всевозможные щели, ища выход из создавшегося затруднения. Осматривая дверь, я обнаружила, что она закрывается на английский замок, внутренний же замок из нее вынут. Я сообразила, что можно воспользоваться бывшей замочной скважиной, представила себе все это нехитрое приспособление и в ту же минуту приступила к его реализации. А дело вот в чем: я представила, что в замочную скважину можно продеть веревочку, сделав большой узел на том конце ее, который будет находиться со стороны коридора, а всю остальную часть веревки оставить в моей комнате.

Итак, представьте себе следующее: я сижу за столом и печатаю на машинке, веревочка от двери протянута ко мне, я придерживаю ее ногой; кто-то потянул за веревочку за дверью. Не надо думать, что все тянут одинаково. Нет, у каждого или почти у каж-

дого из окружающих меня людей своя манера тянуть. Я жду, что скоро придет Мария Николаевна и спокойно, уверенно, но не резко, потянет веревочку... Прежде чем идти открывать, я уже представляю, что за дверью стоит Мария Николаевна. Она спокойно ждет, ибо уверена, что я сигнал восприняла и сейчас ей открою. Кроме этого сигнала мне знаком и другой сигнал — его я воспринимаю как «официальный», деловой, немножко нетерпеливый. Я уже представляю, что за дверью стоит Иван Афанасьевич. В течение дня ко мне может «постучаться» и Р. И.: она тянет так медленно и осторожно, что я никогда не ошибаюсь и, как только воспринимаю этот сигнал, всегда уверена, что за дверью стоит эта невысокая полная женщина. Узнаю я ее даже в тех случаях, когда она приходит совершенно неожиданно.

Однажды вечером, приблизительно в то время, когда мне обычно приносят ужин, я занималась с Р. И. и по привычке держала веревочку. Кто-то потянул за веревочку, я узнала, что тянет школьная воспитательница М. Л. Будучи совершенно уверена, что это она, я открыла дверь и протянула руки, чтобы взять ужин. В то же время я ощутила запах яблок. Мою руку взяла не М. Л., а кто-то другой, совершенно мне незнакомый. Ах, как хорошо пахнет яблоками! В следующую секунду я была крайне смущена, потому что ко мне подошли два молодых человека, один из них отрекомендовался:

— Адик Курбатов. А это мой брат Слава. Мы вам принесли яблоки из нашего сада...

Все же я не ошиблась: за веревочку тянула именно М. Л.: она провожала моих гостей до комнаты, потянула за веревочку и сразу же ушла.

Иногда вечером, когда я сижу читаю или работаю, вдруг замечаю, что кто-то отчаянно дергает за веревочку, словно прибежали тушить пожар или сообщить мне о начавшемся всемирном потопе. Но меня это не пугает, и я не особенно спешу открывать дверь, ибо знаю, что никакой катастрофы не случилось, а за дверью стоит и нетерпеливо ждет один мой нервный знакомый, в кожаном пальто, с большим, туго набитым бумагами портфелем.

Я могла бы привести еще ряд примеров из этой области, но думаю, что и этого достаточно.

* * *

СНОВИДЕНИЯ

Мои сновидения

I

Помню я этот сон, который посетил меня еще в юные годы. Мне казалось, что я слышу во сне звуки, и почему-то подумала, что это пение. Но звучал не голос человека, а будто пела какая-то птичка. Пение слышалось громко, ясно, так чудно, торжественно звучало оно над моей головой, что я замирала от восторга. И только одного я боялась: чтобы не оборвалось это пение. Я все время думала: «Кто же это так поет?» Потом догадалась: «Ведь это соловей».

На самом деле я никогда в жизни не слышала, не осязала, не ощущала пения соловья, даже в руках его не держала. Во сне это пение звучало все красивее, как бы издалека подкатываясь ко мне мощной волной. Потом волна начала удаляться от меня. Пение звучало все тише и тише и, наконец, совсем умолкло. Я очень волновалась, досадовала, что кончился этот восхитительный сон. Я даже проснулась от волнения. И что же оказалось? У меня в ушах просто был сильный шум, который никогда не прекращается — ни днем ни ночью. Временами он бывает тише, иногда совсем затихает, но чаще всего бывает очень сильный. Но я отнюдь не сожалею, что в ту ночь, о которой я пишу, шум устроил мне такой замечательный концерт.

Однако почему я подумала, что поет именно соловей, а не какая-нибудь другая птичка? Мне кажется, это объясняется весьма просто. Слышащие рассказывают мне о том, как хорошо поет соловей. Об этом же я читаю в книгах. Я знаю много романсов и песен о соловьях.

Достаточно вспомнить хотя бы такие стихи:

> А вдали где-то чудно запел соловей,
> Я внимал ему с грустью глубокой...

или:

> Пел соловей свою песню могучую...

и еще:

Соловьи, не умолкая,
Звонко свищут над рекой...
и т. д.

И вот это дает мне какое-то «свое» внутреннее, своеобразное представление о соловьях и их пении. Очевидно, память моя всегда бодрствует во время сна.

II

К годам юности относится и следующий мой сон. Снилось мне, что я была девочкой лет семи-восьми и жила с матерью в том же селе и в той же хате, где родилась. Я как будто видела и слышала все, что вокруг меня происходит. Мы с матерью завтракали, вдруг она услышала негромкий стук в наружную дверь. Мать вышла в сени и через минуту возвратилась в комнату в сопровождении какого-то мужчины. Он был одет в черный костюм (так мне во сне представилось). Лицо у него было приветливое, но очень сосредоточенное: на нем ясно отражалось сильное волнение. Он что-то тихо говорил маме. Она внимательно слушала его, кивая головой, потом обратилась ко мне.

— Этого человека ищут... Его надо спрятать, и ты никому не должна рассказывать о нем. Не скажешь?

— Нет, никому не скажу...

В наружную дверь опять постучали, но на этот раз очень сильно: слышался прямо грохот.

— Вот они идут! — закричал незнакомец.— Пойдемте скорее!

Мы втроем вышли в сени и открыли дверь в другую комнату. Незнакомец подбежал к окну, сильным ударом вышиб раму — я даже услышала звон разбитого стекла — и первый выскочил за окно.

— Скорее идите! — крикнул он маме и мне.

Мама полезла в окно, а я стояла среди комнаты растерянная, ничего не понимая. Я слышала, как трещала наружная дверь под сильными ударами каких-то людей. Слышала еще какой-то шум и думала: «Это бряцает их оружие»... Вот дверь упала, и люди с шумом вошли в сени...

Мама сильно дернула меня за руку и потащила к себе. Держа меня на руках, она перепрыгнула через подоконник разбитого окна и бросилась вслед за незнакомцем в глубину двора. Там были колодец и погреб, а под стеной погреба появилась свежевырытая яма. Незнакомец первый прыгнул в эту яму, за ним последовала мама, продолжая держать меня на руках. Спускаясь по ступень-

кам, мы очутились в узкой и длинной подземной галерее. Незнакомец быстро шел вперед. Мама опустила меня на землю и спешила за ним, а я мелкой детской рысцой бежала сзади.

Галерея все расширялась и углублялась в землю. Вокруг было очень темно. Мы шли довольно долго. Потом вдруг свернули за угол в другую галерею, и я увидела арку, через которую лился яркий электрический свет (на самом деле я никогда не видела электрического света). Но сначала я подумала, что это, наверное, так ярко светит солнце. Когда же через несколько секунд мы приблизились к арке и, пройдя под нею, оказались в огромном подземном зале, я поняла, что это именно электрический свет.

Оглядываясь по сторонам, я убедилась, что зал был огромен: я едва различала вдали его противоположные стены. Ни колонн, ни какой бы то ни было мебели я не видела, но зато росли многочисленные большие кусты роз. Я посмотрела вверх: в отдалении виднелся темный свод и с него спускалось множество ярко горевших электрических лампочек.

Вдруг послышалась как бы струящаяся сверху, негромкая, но очень красивая и нежно звучащая музыка. Потом раздалось пение многих женских голосов, тоже тихое и чарующее.

Ни мамы, ни незнакомого мужчины возле меня не было. Я стояла одна под кустом белых, очень пахучих роз. И вот не бабочки, не птицы, а красивые девушки начали летать над кустами роз, взмахивая руками, как крыльями. Музыка и пение становились все громче и громче... Я была совершенно зачарована тем, что видела. Мощная волна ликования наполнила все мое существо: я сразу запела, засмеялась и, взмахнув руками, полетела вверх с девушками... Потом все заволоклось густым белым туманом, и я стремглав куда-то упала.

Это было пробуждение.

III

Когда в феврале 1943 г. начались бои за Харьков, я оставила свою комнату, в которой жила одна, и перешла в спальню слепых девочек.

Под утро 16 февраля мне приснился страшный сон о смерти. Я положительно ощущала ее руками. Она была в образе женщины, совершенно белая, как марля, и даже вместо тела у нее была марля. Она наскакивала на меня, стараясь схватить за горло. Я отбивалась от нее сначала кулаками, потом откуда-то достала огромный нож и стала им поражать смерть. Я наносила ей удары, погружая нож по самую рукоятку в различные части тела смерти, но ей это не причиняло никакого вреда: нож погружался точно в

вату. Этот сон был длителен, смерть гонялась за мной по всему дому, я начала изнемогать от борьбы с нею.

Когда девочки принялись меня будить, я принимала их за смерть и яростно отбивалась. Проснувшись окончательно, я почувствовала, что у меня болят руки. Девочки говорили, что я стучала кулаками по спинке кровати. Когда же надо мной наклонилась дежурная воспитательница, я ее ударила, принимая за смерть.

Ничего нет удивительного в том, что мне приснилась смерть. Время было трудное, и наше нервное напряжение, очевидно, достигло крайних пределов.

IV

...Будто я жила в каком-то чистеньком и уютном городке, утопавшем в многочисленных садах. Я находилась в красивом домике, меня окружали хорошие, милые люди. Особенно я была дружна с какой-то девушкой.

Вдруг однажды появляется немецкий фашист и ведет меня и эту девушку к Днепру. Он усаживает нас в лодку и сильным толчком отталкивает ее от берега. У нас нет весел, лодка без руля сама плывет по течению. С берега к нам доносится голос фашиста, он кричит другому мужчине, который называет себя моим отцом:

— Я хочу их погубить! Они доплывут до обрыва, что под водой, и попадут в водоворот...

Мне было очень страшно. Я сидела на дне лодки, а девушка на скамейке на другом конце. Я несколько раз наклонялась за борт лодки, пробовала грести руками и девушку просила о том же. Но наши усилия были тщетны. Течение быстро несло лодку прямо к водовороту. Я уже ощущала, как лодка сотрясается — вибрирует, как будто под ней работал большой мотор. Потом лодка стала вращаться вокруг своей оси, описывая круги все быстрее и быстрее. Мне было невыносимо жутко, хотелось за что-нибудь ухватиться, но вокруг нас была только бурлящая вода.

И вот я увидела, что к нам направляется другая лодка. Это мой отец спешил к нам на помощь. Сквозь шум воды я услышала его бодрящий голос:

— Крепитесь, девочки, не падайте духом! Я сейчас сброшу вам на веревке крючок. Постарайтесь продеть его в кольцо лодки, а я стану тащить за веревку.

И он на длинной веревке бросил крючок. Но наша лодка быстро вращалась, а вокруг кипела и бурлила вода, как в гигантском котле. Я видела, как в воздухе мелькнула веревка с крючком,

в тот же миг раздался страшный шум воды, и мне показалось, я в самом деле упала в водоворот.

От сильного волнения я проснулась.

V

Снилась мне незнакомая комната, и в ней кроме меня находилось еще две женщины. У одной из них в руках были три картины с такими рамами, какие бывают на иконах. На всех трех картинах были изображены гуси, об этом мне сказала вторая женщина. Обладательница картины заявила, что дарит нам по картине. Я взяла картину и долго осматривала пальцами рельефное изображение гуся; картина мне очень нравилась, и я думала, куда же ее повесить. Вдруг я стала замечать, что с картиной происходит что-то неладное: выпуклый гусь зашевелился. Рама быстро расклеивалась, затем совсем отвалилась от полотна. Потом не стало ни рамы, ни полотна; передо мной стоял чистенький гусь на коротких лапках. Он почему-то злился и шипел, вытягивая длинную шею к моим ногам. Я хотела от него убежать, но он догнал меня и больно клюнул в ногу. Я рассердилась, поймала гуся за лапку и привязала к ножке кровати. Но веревочка оказалась длинной, гусь выбегал на середину комнаты и больно клевал меня. Подумав, что, может быть, он таким образом просит есть, я насыпала ему какого-то зерна и поставила блюдце с водой. Гусь отрицательно замотал головой и вдруг заговорил человеческим голосом, да так насмешливо, так иронически:

— И ты думаешь, что я буду есть это противное зерно? Как бы не так!

— А что же ты можешь есть? — спросила я в изумлении.

— Я могу есть только вареное пшено, когда меня самого варят в бульоне,— очень торжественно объявил гусь...

Я даже проснулась от такого комичного сна.

VI

Шла я по улице в какой-то деревне и завернула в один двор. Неизвестно откуда, но у меня в руках оказалась лейка. Я полезла через забор, намереваясь поливать в огороде помидоры. Но ко мне подошли двое мужчин и весьма нелюбезно стали выпроваживать вон. Это очень обидело меня. Захотелось в отместку наговорить им дерзостей. Выйдя за ворота, я словно слышала, как один мужчина сказал:

— Больше никогда не заходите сюда, вам здесь делать нечего.

Я окончательно рассердилась и резко ответила:

— Стану я ходить к таким невежам! Никогда к вам я не приду, и вы в Москву не приезжайте.

— О, в Москву мы приедем, когда нам вздумается,— насмешливо отвечали мужчины.

— Нет, я всех буду просить, чтобы вас в Москву не пускали...

Я отошла от ворот и соображала, как перейти на другую сторону улицы так, чтобы не попасть под колеса телег, которые часто проезжали посредине улицы. Я очень внимательно «прислушивалась» ногами, не дрожит ли земля, и думала: «Если я не буду ощущать сотрясение земли, я быстро перебегу через дорогу. Но надо бежать очень прямо, чтобы попасть в свой двор. Если же я хоть немножко отклонюсь от прямой линии, то попаду на берег моря, и тогда потеряю дорогу к дому».

Пока я пребывала в нерешительности, ко мне подошла какая-то слепая девочка лет десяти. Она сказала, что немножко видит и может помочь мне перейти на другую сторону. Я согласилась идти с нею, и мы быстро перебежали через дорогу. Но я заметила, что бежали мы не прямо, а сворачивали вправо. Я крайне обеспокоилась, как бы нам не упасть в море. Я ощущала запах моря, ощущала вибрации шумящих волн, но сколько мы ни бежали, не было ни моря, ни моего двора.

Я сказала об этом девочке.

— Да,— отвечала она,— мы потеряем дорогу и к морю, и к дому. Надо вернуться опять на ту сторону и дойти до того двора, откуда побежали...

Мы так и сделали: перешли на противоположную сторону улицы и, придерживаясь руками за заборы, отправились искать тот двор, откуда меня так нелюбезно выпроводили. Но мы шли очень долго, прошли много дворов, а того двора все еще не было... Я очень устала и отказывалась идти дальше. Мы садились отдыхать, потом снова шли вперед... Этот сон продолжался очень долго, не помню, чем он кончился.

VII

Сначала мне снилось, что мы с М. Н. пошли в канцелярию Института дефектологии и я со служащими говорила о том, чтобы мне дали командировку в Харьков. В канцелярии было очень много людей; мне казалось, будто я немного слышу их голоса и вижу их тени. Однако слуховые и зрительные восприятия были так слабы и бледны, что скорее казалось, будто я всем телом воспринимаю шум, присутствие людей и, кроме того, догадываюсь, что здесь должно быть много людей и, следовательно, большой шум, если допустить, что все они разговаривают.

По поводу командировки служащие отвечали (они говорили вслух, а М. Н. переводила мне дактилологией), что не могут мне ее выдать ввиду того, что в прошлом году я уже получала эту командировку. Но вот ко мне подошел товарищ З.; пожав мне руку, он начал писать по моей ладони:

— Я вам дам командировку, потому что в 1946 г. вам полагалась такая же командировка, а вы ею не воспользовались. Ассигнованные на эту командировку деньги остались неизрасходованными, вы их можете получить в любое время...

Я была очень довольна таким оборотом дела и ушла к себе, чтобы собираться в дорогу. Дальше следовал какой-то провал, я не видела себя едущей в Харьков. После этого провала во сне я вдруг оказалась в Харькове в том доме, где когда-то помещалась клиника слепоглухонемых, но только на третьем этаже, в помещении школы слепых. Дом еще не был восстановлен после войны, и я искала выход, чтобы спуститься вниз. Я подошла к площадке прежней лестницы и, осторожно ступая, начала ощупывать ногами пол, отыскивая ступеньки. Я их нашла, они были сложены из булыжника, на лестнице не было ни перил, ни стены. С обеих сторон зияли провалы и пустое пространство до первого этажа. Мне стало очень страшно спускаться по этой лестнице, я боялась, что, сбившись с прямой линии, могу подойти к краю лестницы и свалиться вниз. У меня кружилась голова от страха и волнения, и я решила спускаться по лестнице на четвереньках, чтобы руками ощупывать дорогу.

Казалось мне, что я очень долго спускалась по лестнице, путь мой затруднялся еще тем обстоятельством, что при каждом моем движении отдельные булыжники скатывались вниз... Я опасалась, что вот-вот вся лестница рухнет.

Чем ниже я спускалась, тем больше падало булыжников: сначала булыжники катились только впереди меня, потом я почувствовала, что сверху на меня тоже падают камни, я ощутила какой-то топот. Оказалось, что вслед за мной по этой ужасной лестнице бегут слепые девочки. Они догнали меня, когда я уже достигла первого этажа. Но странное дело, я ожидала, что если лестница состоит из булыжников, то и пол должен быть таким же; на самом деле пол был гладкий, кафельный и очень чистый.

Слепые девочки думали, что я не помню дороги в доме, и, взяв меня под руки, подвели к той двери, через которую я когда-то ходила в школу. Дверь была заперта, но у меня в кармане оказался ключ, и я ее открыла. Переступив через порог, я почувствовала, что на полу лежит все тот же несносный булыжник. Я наклонилась и осмотрела пол руками: прежнего пола не было и снова

начиналась лестница из булыжников. Я подумала: «Наверное, сюда упала бомба, когда враг бомбил город, и пробила пол».

Вместе со слепыми девочками я начала спускаться вниз, но девочки очень спешили, бежали быстро, и от этого лестница рухнула, мы свалились в подвал. Карабкаясь по большим кучам булыжника, мы направились в ту сторону, где раньше была дверь в вестибюль нашей клиники. Когда мы добрались до того места, где когда-то было восемь деревянных ступенек, их там не оказалось. Вместо них начинался деревянный пол. Он был очень гладкий и почти отвесный, так что мы много раз соскальзывали вниз, прежде чем добрались до двери. На двери я отыскала кнопку электрического звонка и нажала ее. Звонка я не слышала, но через минуту кто-то открыл дверь со стороны вестибюля. Войдя в вестибюль, я повернула налево и быстро побежала по лестнице наверх. В нашем помещении все было в порядке: вестибюль и лестница были такими же, как всегда.

Попав на верхнюю площадку, я снова повернула налево и вошла в бывший лабораторный зал. Там сидело несколько педагогов. Они бросились ко мне навстречу, смеялись, радовались моему приезду. Все одновременно пытались говорить со мной ручной азбукой, но я не была в состоянии понять всех сразу...

Утром я не могла вспомнить, кончился ли на этом сон, или я забыла его продолжение.

VIII

Мне снилось, что мы с М. Н. работали за моим письменным столом. Я захотела пить чай, а так как в чайнике уже была вода, то оставалось только включить электрическую плитку и поставить чайник. Я взяла провод, но оказалось, что на нем не две вилки, а четыре. Невозможно было включить их в розетку. Я вывинтила две лишние вилки, но плитка не загоралась, хотя М. Н. всячески крутила провод. Тогда я покрепче нажала на розетку и протянула руку к плитке, чтобы ощутить, есть ли огонь. Плитка уже разгорелась, но она была накрыта скатертью. Я быстро сорвала скатерть, удивляясь, как М. Н. могла допустить, чтобы скатерть лежала на плитке. Но скатерть еще не успела загореться, а я была так взволнована этим сном, что даже проснулась.

IX

Мне снилось, что у меня болела голова, меня отвели к врачу в хирургическую клинику и оставили там для операции. Дежурная сестра повела меня в операционную комнату, посадила на стул и начала срезать волосы на темени.

Знакомый хирург написал в моей руке: «Сейчас мы будем делать вам трепанацию». Когда меня оперировали, я совершенно не ощущала боли, но в то же время мне было плохо — я сильно ослабела и начала терять сознание. В таком состоянии я как будто находилась долго. Потом очнулась и сказала врачу, что чувствую себя лучше.

— Вас уже можно выписать,— отвечал врач.

Я пошла принять ванну перед уходом из клиники. Как я попала домой, во сне не видела, но оказалась в своей комнате; на мне был утренний халат, и я занималась уборкой комнаты. Я часто подходила к двери, чтобы проверить, не вытянута ли веревочка. Когда я еще раз подошла, то увидела, что веревочка вытянута и, кроме того, в дверь кто-то стучал; это я почувствовала рукой, когда взялась за веревочку. Я открыла. В комнату вошел мужчина среднего роста. Когда он взял меня за руку, мне представилось, что я его знаю, руки его казались мне знакомыми, и я силилась вспомнить, кто же это, но вспомнить не могла. Это обстоятельство крайне смущало меня, однако я предложила ему сесть, надеясь на то, что он сам назовет себя. Он сел рядом со мной, но не говорил, кто он, а начал спрашивать, как я себя чувствую после операции. Я отвечала ему в крайнем замешательстве, ибо не знала, с кем разговариваю. Наконец, улучив удобный момент, я спросила, как он поживает, надеясь, что по его ответу я догадаюсь, кто он. Он отвечал мне ручной азбукой:

— Ничего, спасибо, много работаю и очень скучаю без...

Он назвал имя одной знакомой девушки, и благодаря этому я сразу сообразила, кто был мой гость.

И действительно, я этого человека видела только один раз в жизни.

X

Снилось мне утро. Я уже убрала комнату, позавтракала и садилась за письменный стол, чтобы работать, но мне что-то стало очень плохо; я прилегла на тахту, чтобы отдохнуть несколько минут. В руке я держала веревочку-«сигналку».

Я начала засыпать, но вдруг почувствовала, что моя рука сотрясается. Я вскочила и, босая, с упавшими на плечи косами, бросилась к двери. Немного приоткрыв дверь, я протянула вперед руку (совсем открывать дверь я не хотела, потому что была в одном сарафане и босая) и наткнулась на человека. По пиджаку я определила, что это мужчина.

Я ждала, что он будет говорить ручной азбукой или писать по ладони, но он не подал мне руки, а, наклонившись ко мне, начал что-то говорить вслух. Я абсолютно не ощущала звуков его голоса,

а только чувствовала, как по моей щеке скользит воздух, который он выдыхал, когда произносил слова. Некоторые буквы я даже различала по его дыханию, например «п», «б», «т». Я пыталась догадаться, о чем он говорит. Быть может, он спрашивает, почему я одна и где М. Н.?

Я решила отвечать наугад:

— Утром я всегда одна работаю, а она приходит позже.

Мужчина, кажется, начал сердиться, потому что еще сильнее дунул мне в ухо и на щеку. Я же продолжала угадывать:

— Вы спрашиваете, когда она приходит? Она придет к часу, а сейчас только 11 часов. Приходите через два часа, и мы обо всем договоримся.

Мужчина, вероятно, совсем рассвирепел, ибо наклонился к самому уху и энергично задул в него. Я же решила, что он прощается со мной, и, пожелав ему всего наилучшего, захлопнула дверь перед самым его носом.

Не успела я надеть туфли и поправить волосы, как снова задергали веревочку. Я открыла дверь. Меня взяла за руку какая-то женщина и начала говорить ручной азбукой: «К вам приходил один сотрудник из Академии педагогических наук. Ему необходимо поговорить с вами. Пойдемте во двор, я найду кого-нибудь, чтобы вам переводили, а я не могу: очень занята».

Я пошла с этой женщиной по коридору, она казалась мне знакомой учительницей из школы глухонемых, но я никак не могла вспомнить ее имени. Мы вышли на крыльцо, потом во двор. Я очень смущалась, что иду босая, в одном сарафане и растрепанная.

Учительница подвела меня к какой-то женщине, которая мне очень понравилась: она была такая милая, симпатичная...

Я спросила у нее, как она думает, видел ли меня кто-нибудь из администрации в таком виде. Женщина очень быстро заговорила со мной голосом и в то же время объяснялась азбукой. Она сказала, чтобы я не беспокоилась, никто меня не видел, а если бы даже увидели, то ничего плохого обо мне подумать не могли.

XI

Сон, который я расскажу, был необычайно ясен, словно все происходило наяву. Я как будто пошла ночью в умывальную комнату и ощутила, что из окна сильно дует. Подойдя к окну, я обнаружила открытую форточку. Это испугало меня. Я подумала, что через форточку в школу может проникнуть вор. Выйдя в коридор, я позвала ночную дежурную. Она подошла ко мне, и я повела ее в умывальную.

— Смотрите, форточка открыта, а мы все спим. Как страшно!

— Ничего страшного нет. Это рабочие вставляют стекла,— отвечала дежурная.

— Почему же они работают ночью?

— Это третья смена.

— Но мне кажется,— сказала я,— что они ошиблись. Это у меня во втором окне от угла дома разбито стекло, а здесь стекла в полном порядке.

Рабочие услышали наш разговор и просили дежурную передать мне, что они не ошиблись: стекла надо везде вставлять и скоро они дойдут до моего окна.

Я ушла к себе, но спать не ложилась: ждала, когда придут вставлять стекло.

Спустя несколько минут я по свежему воздуху почувствовала, что второе от угла окно раскрыто.

Я подошла к окну, за ним были рабочие, в их руках тихо позванивало стекло. Рабочих было несколько человек, и они громко переговаривались между собой. Я не могла разобрать, о чем они говорят, только слышала гул голосов. Потом в комнату вошла какая-то девушка — студентка или аспирантка — и сказала, что один рабочий просит меня подойти к окну. Когда я подошла, рабочий протянул мне очень маленькую зрячую книжечку, которую просил принять от него в подарок. Я начала перелистывать книжечку, из нее выпала другая, еще более маленькая книжечка. Я попросила девушку сказать мне название этих книг.

— Это сочинения Владимира Ильича Ленина. Первая книга — «Материализм и эмпириокритицизм». Она напечатана очень убористым, мелким шрифтом, поэтому кажется такой маленькой. Вторая книга — брошюра «Шаг вперед, два шага назад».

*

КАК Я ПОНИМАЮ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

* * *

К РАЗВИТИЮ МОИХ РАННИХ ДЕТСКИХ ПОНЯТИЙ ОБ ОКРУЖАЮЩЕМ

До потери зрения и слуха, т. е. примерно до 4—5 лет, я, конечно, знала о том, что у меня есть мать, отец, дедушка, тети и дяди; знала также, что у меня есть подруги, девочки, и товарищи, мальчики. У моих подруг тоже были матери, отцы и другие родственники. Однако в раннем возрасте я, разумеется, не задумывалась над вопросами: Что такое мать? Что такое отец? Что такое дедушка? Почему моя мать — именно моя мать, почему она не может быть матерью для моей подруги? Почему отец моей подруги не может быть моим отцом, в то время когда моего отца не было дома? Почему мой дедушка — не дедушка моей подруги, а ее бабушка — не моя бабушка? и т. п.

Свою мать я считала своей матерью потому, что она все время жила со мной, потому что к ней я привыкла, потому что только она, а не другие женщины (не соседи) обслуживала меня, ласкала, дарила игрушки, шила куклам платья и вообще делала для меня все, что в состоянии сделать хорошая, любящая мать. Но если бы у меня в тот период, о котором я пишу сейчас, спросили, что такое мать, почему я только свою мать называю мамой, я, наверное, ответила бы приблизительно так: мама — это моя мама...

После матери в нашей семье самым близким для меня человеком был дедушка — отец моего отца. Дедушка очень любил и баловал меня, не меньше, чем мать, но о нем у меня в памяти сохранилось немного воспоминаний, ибо дедушка умер раньше моей матери.

Сильно привыкнув к тому, что меня обслуживала почти исключительно одна мать, я не допускала, чтобы кто-либо другой делал для меня то, что делала мать. Если кто-нибудь из наших знакомых хотел погладить или как-нибудь иначе приласкать меня, я этому сопротивлялась; тем более я не позволяла приласкать меня тем людям, которых я встречала впервые.

16 Заказ 812

Если же меня чем-нибудь угощали люди, к которым я не привыкла, я не только не брала угощения, но даже пугалась или стыдилась людей, которые пытались меня угостить.

Когда мой отец приезжал в отпуск и привозил мне красивые игрушки: мячи, деревянные лошадки, куклы, ваньку-встаньку, лакомства и другие вещи,— я из его рук стеснялась брать подарки. Только из рук матери или дедушки я принимала то, что привозил отец.

И это вполне понятно: когда я потеряла зрение и слух, я, конечно, какое-то время была беспомощна даже в той обстановке, которая так хорошо была мне знакома до болезни. В этот период только мать была для меня самым близким живым существом.

Нетрудно понять, что в таких условиях моя привязанность к матери и постоянная потребность в ее присутствии, в ее помощи стали так велики, так эгоистичны (конечно, свой эгоизм я понимаю только теперь), что я долгое время никому не позволяла заменить возле меня мать, а ее временное отсутствие пугало меня почти до потери сознания.

Когда матери необходимо было отлучиться по делу, она оставляла меня у родственников, живших в одном дворе с нами.

Однажды мать уехала к умирающей тете (о чем я узнала впоследствии), а меня оставила у родственников.

Весь день я просидела тихо, почти не сходя с того места, на которое меня усадили. Окружающие давали мне в руки какие-то незамысловатые игрушки, пирожки, но я все отбрасывала и с нетерпением ждала, когда же ко мне прикоснется мать. Но ее все не было. О времени я могла судить по тому, что мне дали обед, от которого я отказалась. Прошло еще время, мне дали ужинать, но я снова отказалась от пищи. Однако, сообразив, что после ужина все скоро лягут спать (меня всегда укладывали спать после ужина, поэтому я думала, что все люди ложатся спать сразу после ужина), я начала очень беспокоиться, ибо мне впервые предстояло лечь спать без матери, и притом не дома. Когда мне постелили постель и показали, что нужно раздеваться, я позволила снять с себя только ботинки, чулки и платье, а резинки, рейтузы и лифчик не захотела снимать. Кроме того, я потребовала, чтобы мне показали, где лежат мое пальто и капор.

Мне трудно припомнить сейчас, о чем я думала или что я намеревалась сделать, когда не согласилась раздеться как следует. Помню только, что я спряталась под одеяло с головой и лежала тихо, ибо мне было почему-то очень страшно и казалось, что мать ко мне не вернется.

Смутная мысль или смутное ощущение того, что я останусь без матери, как осталась без дедушки, привели меня в такое смя-

тение, что я больше лежать в постели не могла. Я осторожно встала. Инстинктивно я понимала, что нужно все делать осторожно, чтобы не производить шума. Ощупью я обошла комнату, чуть прикасаясь руками к постелям, на которых спали родственники. Никто не двигался, значит, все спали — поняла я. Я нашла свою одежду, но надела только чулки, ботинки, пальто и капор, а платье почему-то спрятала под пальто.

Так же осторожно ступая, я вышла в сени, нашла на двери крючок и задвижку, открыла их и вышла на крыльцо.

Хата родственников была совсем рядом с нашей хатой, и я уже научилась сравнительно легко переходить от одной хаты к другой. Ночь была дождливая, и я сразу попала в большую лужу, когда спустилась с крыльца, но сознание того, что я иду домой, что дома, быть может, есть мать, придавало мне смелость.

Впрочем, то крохотное расстояние, которое отделяло хату родственников от нашей хаты, показалось мне, как я могу выразиться теперь, огромным расстоянием со множеством ямок, камешков и луж. Когда же я наконец взошла на наше крыльцо, я почти обессилела от страха. Я понимала, хотя и смутно, что поступила нехорошо, уйдя от родственников без разрешения и оставив открытой их хату ночью. Мать всегда на ночь запирала наружную дверь, поэтому я знала, что нельзя ночью оставлять хату незапертой.

Не помню, как я обнаружила, что на нашей двери нет замка, как постучалась в дверь; помню только, что дверь раскрылась, меня схватили руки матери и я оказалась в нашей хате.

Свою жизнь с матерью я понимала в то время следующим образом: мать моя, она принадлежит мне, а я принадлежу ей; следовательно, только она может обо мне заботиться и только от нее я могу принимать эти заботы, ласку и все прочее. Поэтому я не допускала, чтобы обо мне заботились другие, а равно, чтобы моя мать заботилась еще о ком-то, кроме меня. Я очень обижалась, когда мать делала что-либо для других, а я вынуждена была из вежливости ждать, когда она освободится и подойдет ко мне.

Я буквально за все сердилась на мать. Очевидно, в то время я была очень ревнивой девочкой, но не понимала этого чувства, не могла от него избавиться и сильно страдала от этого. Конечно, позднее я многое поняла из того, что меня угнетало в детстве.

Я сердилась на мать, когда в отпуск приезжал отец и она ухаживала за ним. Обижалась я, впрочем, напрасно, ибо ни мать, ни отец никогда обо мне не забывали и прежде всего все делали для меня, а не для себя. Но мне трудно было оторваться от матери, за которой я всюду следовала и с которой всегда спала вместе.

Сердилась я, когда к нам приходили гости и отвлекали мать от меня. Сердилась, когда мать привозила из города гостинцы не

только для меня, но и для моих подруг. Мне не было жалко гостинцев, которыми я сама делилась с подругами, но мне казалось, что, если мать дает им гостинцы или игрушки, значит, она любит их так же, как и меня, а этого я как раз не хотела и боялась.

Сердилась я даже в тех случаях, когда кто-нибудь из знакомых сидел близко возле матери. Особенно я бывала недовольна, если рядом с матерью сидел мужчина.

Мужчин я узнавала по костюму, по запаху папирос, но почему я так не любила, если они подходили близко к матери, я в то время не понимала или, быть может, как-то по-своему, безотчетно понимала, а объяснить этого не могла ни себе, ни другим.

Однажды (было это во время гражданской войны) к нам зашел незнакомый мне человек. Осмотрев его костюм, я узнала, что это мужчина, а по запаху — военный. Мы как раз собирались обедать, и мать, по-видимому, пригласила пришедшего человека к столу. Я видела (обнаружила руками), что он обедал вместе с нами, а потом человек и мать сидели за столом и разговаривали (об этом я знала, потому что прикладывала руку к горлу и к губам матери, ощущая вибрацию голосовых связок). Мне казалось, что мать слишком долго разговаривает с нашим гостем, а на меня не обращает внимания. Мне тем более было досадно, что я не понимала, о чем можно так долго разговаривать. Я всячески давала матери понять, что пора гостю уходить: я дергала мать за платье, тихонько подталкивала ее, шатала стул и даже как бы нечаянно толкнула гостя ногой за столом. Но все мои ухищрения были безрезультатны. Не припомню сейчас, как мне пришла в голову нехорошая мысль: я вышла в сени, отыскала на плите пустую миску, а затем пошла за перегородку, нашла мешок с мукой и набрала в миску муки.

Я, разумеется, неясно понимала, что делаю что-то плохое, но я также понимала, что именно это «плохое» поможет мне выгнать нежданного гостя.

В комнате я уже достаточно свободно ориентировалась, знала, где находится каждая вещь. Зная, где стоит обеденный стол, я беспрепятственно подошла к столу и, прежде чем мать успела обратить на меня внимание и сообразить, что я намеревалась сделать, с ожесточением бросила в сторону гостя миску с мукой.

Помню, после этого наш гость вскоре ушел, а мать подметала муку и не подходила ко мне, из чего я могла понять, что она сердилась на меня.

Я уединилась в уголок к куклам, но играть не могла. Теперь, когда «ненавистного» гостя уже не было и мне не за что было сердиться на мать, меня начало беспокоить сознание того, что я поступила плохо и с гостем, и с матерью. Ведь со мной никто так

не поступал, если я ходила к кому-нибудь в гости. Меня не обижали, не выталкивали из комнаты и не швыряли в меня миску с мукой или что-либо другое.

Мне очень хотелось сделать что-нибудь приятное для матери, которую я очень любила и не хотела обижать, когда не сердилась на нее.

Помню, что я нашла мать сидящей у окна, она плакала, вытирая лицо концом косынки. Я, конечно, тогда не поняла того, что ей было стыдно за меня, жалко меня и вообще по многим причинам ей было тяжело. Но я поняла свое чувство: мне стало жалко мать, я ей показала (похлопывая себя), чтобы она побила меня, но она этого не сделала. Тогда я взяла мать за руку и повела ее в сени к муке. Я ей показала соответствующими движениями рук, чтобы она крепко завязала мешок с мукой и что я больше не буду набирать муку в миску.

Интересен тот факт, что я не обижалась на отца, если он что-либо делал для других, если к нему на колени садились мои маленькие приятельницы. Меня это нисколько не беспокоило, я не боялась, что отец будет любить моих подружек так же, как любил меня. Я не беспокоилась, когда эти же подружки отнимали у меня игрушки, которые привозил мне отец. Не следует, однако, думать, что я в то время не любила отца или боялась его.

Напротив, если он, по моему мнению, долго не приезжал домой, меня томило смутное ожидание; кажется, я даже обижалась на него за то, что он долго не появляется. Но вместе с этим чувством было и другое — я не привыкла к отцу так, как к матери, и его продолжительное отсутствие не пугало меня так, как отсутствие матери, которая все для меня делала и при отце, и без отца. Поэтому мать мне казалась чем-то сильнее отца, чем-то необъяснимым ближе отца. От этого все вещи, к которым прикасалась мать, были мне ближе, понятнее и доступнее, чем те незнакомые вещи, которые привозил отец.

Конечно, впоследствии, когда я стала старше и лучше разбиралась в том, что вокруг меня происходило в жизни и во взаимоотношениях людей, я очень дорожила вниманием отца и его подарками, которые я с гордостью показывала своим друзьям.

В нашей семье, кроме меня, детей не было. Это я хорошо знала, но мне было совершенно непонятно, почему в нашей семье больше нет детей. Между тем я замечала в других семьях детей много. Мне бывало скучно оставаться дома одной, когда мать уходила работать, но, если мне показывали, что можно оставить со мной чужого ребенка (например, детей соседей), я не соглашалась, показывая движениями рук, что этого ребенка нужно отнести к его матери.

Весьма часто бывая с матерью у соседей или у родственников и играя с их детьми, я, конечно, знала, что у этих детей тоже есть матери и отцы, поэтому, как мне тогда казалось, нельзя было оставлять этих детей у нас: ведь у них «свой дом» был, где они должны жить, как я жила тоже в «своем доме».

Но почему в других семьях было много детей, а я у матери только одна — этого мне никто не мог объяснить. Мне хотелось, чтобы моя мать где-нибудь в яме или на берегу реки нашла такого ребенка, у которого совсем нет ни матери, ни отца, и принесла этого ребенка к нам. Но такой «безродный» ребенок не находился, несмотря даже на то, что я иногда сопровождала мать в ее «поисках» ребенка в яме или на берегу реки.

Что ребенка следовало искать в яме или на берегу реки, это для меня было вполне понятно: я не однажды вместе с матерью или с кем-либо другим ходила выбрасывать в яму мусор и ненужный хлам. Если же существовали дети, у которых не было родителей, то они могли как-нибудь случайно попасть в такую яму. Что касается берега реки, то и в этом случае для меня все было ясно: ведь летом в реке купаются дети, а среди них мог же оказаться совсем маленький ребенок, у которого никого нет, он плачет, его нужно взять и принести к нам. Однако время шло, а ребенка мы с матерью так и не находили.

Когда к нам приезжал в отпуск отец, я почему-то думала, что отец, будучи таким большим и сильным, поможет мне найти где-нибудь ребенка; но и отец нигде его не находил, а мячи и куклы, которые он привозил, не могли заменить маленького мальчика или девочку, которых отец почему-то не привозил.

Но произошло событие, которое до некоторой степени утешило меня. У дяди и у тети, которые жили в одном дворе с нами, появился маленький мальчик. С тех пор я много времени проводила у тети, следя руками за тем, как она кормила, купала, пеленала и укачивала в люльке своего сынка. Насколько я помню, я в то время была очень привязана к этому ребенку и с этого момента еще сильнее полюбила маленьких детей. Когда мальчик начал ходить и уже твердо держался на ножках, я одной рукой брала его за руку, в другую руку брала палочку, чтобы ощупывать ею впереди себя пространство, и мы с мальчиком гуляли, не только во дворе, но даже на улице возле нашего двора.

Я понимала, что я веду маленького мальчика, а не он меня, поэтому без палочки не решалась ходить с ним, опасаясь, что мы можем на что-нибудь наткнуться: мальчик упадет, ушибется и будет плакать от боли.

Но по мере того как мальчик становился старше, он начинал понимать то, что я не зрячая. Настало время, когда я перестала

брать палочку, ибо мальчик наконец научился водить меня. Эта приятная для меня в то время дружба с маленьким братом длилась несколько лет.

С матерью я иногда бывала у таких знакомых, у которых тоже не было детей. В то время о таких знакомых я думала, что они так же, как и моя мать, плохо искали детей, поэтому не имели их.

В одной такой бездетной семье очень любили моего маленького друга: его крайне баловали, угощали фруктами, пирожками, пряниками, играли с ним, катали на лошади. В другой семье, где было две женщины (у одной из них были худые руки с морщинистой кожей, у другой руки были мягкие, гладкие), кажется, очень любили меня.

Мне нетрудно было понять даже в то время, что эти женщины любили меня, ибо относились они ко мне очень хорошо, ласково, и у них я чувствовала себя не хуже, чем у себя дома. У них для меня всегда находились различные лакомства и куклы со своими нарядами. Ясно, что я охотно ходила к этим женщинам, но ночевать у них не соглашалась и показывала, чтобы меня проводили домой, если моя мать почему-либо долго не приходила за мной. Сейчас я, конечно, не помню, за кого я принимала этих женщин. Однако помню, что свою мать я больше любила и стремилась вернуться к ней даже от тех людей, которые относились ко мне тоже хорошо.

Я замечала, что две эти женщины (мать и дочь) к другим детям относились не так, как ко мне. Других девочек, с которыми я играла, они не брали к себе в дом, не дарили им куклы или какие-либо другие игрушки. Впоследствии я узнала причину такого отношения ко мне: у молодой женщины была дочь, умершая в пятилетнем возрасте, которую тоже звали Олей.

Часто, бывая с матерью то у соседей, то у многочисленных наших родственников, я замечала (ибо мне всегда показывали), что то в одной, то в другой семье появлялись новые дети, которых мне позволяли осматривать и следить руками за тем, как их берут на руки, как их кормят. Поэтому я сравнительно рано начала понимать, что с очень маленькими нужно обращаться осторожно и ласково. Тем не менее сама я не терпела, когда взрослые обращались со мной так, как обращались с маленькими, т. е. мне не нравилось, когда меня гладили по голове или щеке. Проявление такого рода ласки скорее обижало меня, чем доставляло удовольствие. Сама я гладила только маленьких котят или птичек, если мне давали их в руки. Думая, что меня гладят так же, как и котенка или птичку, я сердилась и отстраняла тех людей, которые хотели выразить, быть может, хорошие, но непонятные мне чувства: то ли

ласку, то ли другое что-то. Однако я никогда не любила и грубого обращения ни со мной, ни с другими детьми.

Конечно, рассказать об этом окружающим я не могла, только реагировала положительно или отрицательно на ласку и грубость.

Хорошо помню, что ко взрослым и детям я относилась не одинаково. У меня никогда не возникало желания обнять, поцеловать или просто погладить руку «большим людям». Но маленьких детей я не стеснялась, гладила их по голове, иногда целовала, бессознательно относясь к ним так же покровительственно, как относились ко мне взрослые. И велико бывало мое огорчение, если я неосторожным движением или потому, что не видела, причиняла боль маленьким детям. Отчетливо припоминаю два ужасных случая.

Мне было, вероятно, лет семь, когда однажды соседка поручила мне поиграть у них с ее девочкой, которую она еще кормила грудью. Девочка, не обращая внимания на то, что я постукивала перед нею ложечками и еще чем-то, плакала, лежа в люльке. Я решила взять девочку на руки и выйти с нею во двор, чтобы нас увидела мать этой девочки. Я взяла ее на руки, несмотря на то что она была для меня очень тяжелой. И так как руки мои были заняты, то я не имела возможности протянуть вперед руку, чтобы не наткнуться на какой-либо предмет. Я не заметила, как подошла к двери, которая выходила в сени и в тот момент была открыта. Я споткнулась о порожек и вместе с девочкой упала в сени. В сенях же в это время была поднята дверца, закрывавшая на полу спуск в подполье, так что я вместе с ребенком покатилась вниз по ступенькам.

Насколько сильно мы обе кричали, я этого не знаю, но помню, что нас вынесли из подполья и что я сильно плакала, хотя не сразу почувствовала, что ушиблась. Плакала же потому, что мне было очень жалко ребенка, и еще оттого, что непонятное мне в то время чувство огромной горечи и обиды так сильно заполнило все мое существо, что мне было даже как-то страшно от этого подавляющего чувства.

Не помню только, сколько прошло дней, месяцев или, быть может, лет после этого неприятного события, как произошел другой случай, тоже сильно огорчивший меня.

Другие соседи позвали меня покачать люльку с их девочкой. Меня посадили на высокую лежанку и дали в руки веревочку, которая была привязана к висящей люльке. Время от времени я прикладывала руку к девочке и ощущала, что она плачет. Чем дальше, тем сильнее плакала девочка.

Думая, что девочку можно утешить, если сильнее раскачивать люльку, я ухватилась обеими руками за край люльки и начала

сильно и быстро раскачивать ее. Но через некоторое время я ощутила что-то страшное: люлька почему-то стала значительно легче, чем была раньше. Я осмотрела ее — девочки в ней не было. Я не сразу поняла, что именно произошло, куда исчезла девочка. Я некоторое время посидела на лежанке, совершенно не двигаясь, а быть может, от испуга я утратила способность двигаться. Потом что-то горячее как будто ударило мне в лицо и в голову — я поняла, что девочка выпала из люльки, которую я так старательно раскачивала.

Я соскочила на пол и начала искать руками девочку. Она лежала на полу и вся сотрясалась от разрывного крика.

Я начала поднимать ее, но в это время кто-то подбежал к нам, резко оттолкнул меня и взял девочку.

И снова я плакала от ужасной обиды и огорчения и долгое время даже с матерью не хотела ходить к этим соседям. Теперь я понимаю, что ходить к соседям я не хотела потому, что меня терзали угрызения совести и было стыдно, что я не такая, как другие, поэтому делала все плохо.

Впрочем, этих двух девочек я, к счастью, не искалечила: впоследствии я их встретила уже взрослыми девушками, вполне здоровыми и трудоспособными, без каких бы то ни было повреждений.

А вот еще несколько примеров того, как ко мне относились дети и взрослые и как я понимала их отношение ко мне, как реагировала на это отношение.

Помню, что в детстве я довольно часто бывала с матерью в одной, как я могу теперь определить, припоминая события, очень культурной семье, где мне многое нравилось: нравились люди, нравились комнаты, в которых ощущался какой-то особенно приятный запах, нравились большие клумбы во дворе дома с разнообразными цветами. В этой семье были взрослые люди и подростки, а маленьких детей не было.

Никто со мной не играл в этой семье, но взрослые люди относились ко мне ласково, а подростки отдавали мне свои игрушки, в которых они уже не нуждались. Мне не запрещали осматривать обстановку в комнатах (я тогда впервые «увидела» странный предмет, который издавал звуки, если я ударяла пальцем по непонятным продолговатым «дощечкам», это было пианино), различную посуду в кухне и проч. Но если мать хотела оставить меня ночевать у этих знакомых без нее, я никогда не соглашалась, несмотря на то что, как я могу теперь судить, бытовые условия у этих знакомых были несравненно лучше тех, в которых я жила с матерью. Но мне тогда казалось, что нигде не может быть хорошо, если со мной не будет матери.

И так как в этой семье подростки были рослыми девочками и

мальчиками, то я их принимала за взрослых людей, держала себя с ними серьезно, тихо, не пытаясь шалить или играть в их присутствии. Если же кто-нибудь из них приходил к нам, я также переставала шумно двигаться и стеснялась показывать им свои игрушки. Я сидела где-нибудь в стороне до тех пор, пока мать не показывала мне, что в комнате уже никого нет. Да и вообще я куда-нибудь пряталась, если узнавала, что к нам пришли «большие люди», которых я почему-либо стеснялась или даже боялась.

Впрочем, и среди детей встречались такие, с которыми я никогда не играла и которые тоже не пытались присоединить меня к своему обществу. Возможно, такое поведение детей объяснялось тем, что они не умели со мной общаться. Должно быть, они боялись того, что я была не такая, как они, а я в свою очередь по-своему понимала отчужденность этих детей и тоже боялась их.

Такую же отчужденность я чувствовала и со стороны некоторых взрослых, которые, приходя к матери, не подходили ко мне, как будто бы не замечая, что я в комнате. Зачем приходили к нам эти люди? О чем говорили с матерью? Я этого не знала, но смутно догадывалась, что эти посетители тоже считают меня не такой, как они сами, поэтому не хотят подходить ко мне. Вполне возможно, что это было не так, как мне казалось, и что эти люди в действительности относились ко мне доброжелательно, но ведь в то время я этого не понимала и думала, что люди, которые ничем не проявляют своего доброго отношения ко мне,— это плохие люди. И к таким людям я тоже относилась неприветливо.

Замечала ли я, как взрослые обращаются друг с другом и как они относятся к детям? Да, замечала (ибо часто бывала с матерью в обществе взрослых людей и была весьма наблюдательной), несмотря на то что многое происходящее вокруг меня ускользало из моего «поля зрения», так как руками я не могла все охватить, все осмотреть одновременно. Так, я замечала, что взрослые обращаются друг с другом не так, как они обращаются с детьми, и не так, как дети обращаются друг с другом.

Я замечала, что взрослые обмениваются рукопожатиями при встрече или расставании, что они обнимают друг друга. Они разговаривают (я знала об этом потому, что иногда держала руку на губах у кого-нибудь из своих близких), смеются, но не бегают, не прыгают, как дети, не дергают друг друга за одежду или волосы, как это делают расшалившиеся дети. Вообще, по моим тогдашним понятиям, взрослые во всех отношениях вели себя не так, как ведут дети. И если бы я в то время «увидела» по-детски шалившего взрослого человека, то, вероятно, была бы крайне поражена и могла бы подумать, что это не взрослый человек, а только очень длинный ребенок.

Солидное и степенное поведение взрослых — не шаливших и не бегающих бестолково — нравилось мне, и я охотно бывала с матерью среди взрослых. Если бы до потери зрения и слуха у меня спросили, что такое дети и что такое взрослые люди, я, конечно, не смогла бы ответить на этот вопрос.

Но после болезни, вынужденная находиться с матерью в обществе взрослых чаще, чем в детском обществе, я стала понимать, что дети — это очень маленькие люди, которые еще не знают того, что знают взрослые, не умеют делать того, что делают взрослые, не могут быть такими сильными, какими бывают взрослые.

Повторяю, что я понимала разницу между детьми и взрослыми, ибо меня в этом убеждало все то, что происходило вокруг и что было доступно моему восприятию и наблюдениям.

Так, например, когда я гуляла с маленьким двоюродным братом, кто-нибудь из ребят отнимал у меня палочку или сталкивал нас с дорожки. Но подходили взрослые, отгоняли озорников, возвращали мне палочку и показывали дорогу домой. Этого было достаточно для того, чтобы я поняла: взрослые не будут обижать маленьких детей. Кроме того, взрослые делали очень много такого, чего не могли делать ни я, ни те девочки и мальчики, которые приходили играть со мной. Взрослые управляли лошадьми или ездили на них верхом (это я знала, ибо мой дядя часто меня катал), но я совершенно не понимала, как лошадь выдерживает взрослого человека.

Взрослые копали землю, когда сажали или выкапывали овощи: картофель, свеклу. Я же никак не могла копать землю и попадала лопатой не в землю, а в свою ногу. Мать и другие женщины носили воду в ведрах, висевших на коромысле, но если я пыталась делать это, то ведра волочились по земле и опрокидывались. Мать убирала в комнате, стирала белье, готовила пищу, приносила откуда-то дрова или солому, а я ничего этого не могла делать.

И благодаря тому что я много времени проводила среди взрослых, я «видела», что тяжелый труд выполняют именно большие, сильные люди, а не маленькие дети — не «маленькие люди».

Не могу утверждать, насколько правильно или неправильно я понимала все то, что происходило вокруг меня. Тем не менее в моем уме зарождалось без слов, без названия (разумеется, до известного периода) уважение к большим людям, формировалось понимание превосходства этих больших людей над детьми, которые во многих случаях не могли выполнять того, что выполняли взрослые.

Будучи живой и даже предприимчивой девочкой, несмотря на

то что все мои действия были значительно ограничены моими физическими недостатками, я пыталась подражать в чем-либо матери, но у меня все это не получалось так хорошо, как у нее.

Например, мать размахивала веником, прикасалась им к полу, и из комнаты исчезал мусор. Когда же я делала веником нечто похожее на то, что делала мать, то в комнате воздух становился каким-то странным (поднималась пыль), и я начинала чихать и кашлять, а пол по-прежнему был засорен соломинками или чем-нибудь другим. В отсутствие матери я иногда пыталась налить себе молока из кувшина в чашку, но все это кончалось тем, что я проливала молоко мимо чашки, а потом, не удержав тяжелый кувшин, роняла его, опрокидывая при этом и чашку. Многое другое, что делала мать, никак не получалось у меня.

Я даже умываться не умела так просто и легко, как это делала мать: она меньше брызгала водой и возможно, что ей не попадало мыло в глаза. Я же много проливала воды на пол, и мыло обязательно попадало мне в глаза.

Такие и им подобные повседневные события без слов убеждали меня в том, что я еще маленькая, следовательно, не в состоянии сделать то, что делают взрослые.

Но именно потому, что взрослые делали многое из того, чего не могла сделать я, маленькая, мне очень хотелось быть такой, как взрослые, чтобы уметь делать то, что делают они. Я только не знала, что́ следует сделать для того, чтобы быть похожей на взрослых. Я по-прежнему пыталась делать кое-что, следя за руками матери и подражая ей: например, когда мать делала вареники, пирожки или печенье, я тоже мяла в пальцах тесто, но ни вареник, ни пирожок у меня не получался таким аккуратным и настоящим, как у матери.

Самым легким делом, по тогдашним моим понятиям, было мытье посуды. Ведь это так просто: опустить чашку или блюдце в мисочку, поплескать водой — и можно вытирать. Но на деле оказывалось, что и это отнюдь не так просто и легко, когда берешься за что-либо своими неумелыми руками. Особенно трудно было вытирать полотенцем вымытую посуду. Я никак не могла насухо вытереть то, что мыла: я или роняла посуду, или она оставалась мокрой.

Делала я и другие попытки стать большой: я пробовала много ходить вслед за матерью, если она шла куда-нибудь далеко. Мне казалось, что если я смогу пройти большую дорогу, то хотя в этом буду походить на мать. Но оказывалось, что я во всех отношениях была действительно еще маленькой, ибо ходить далеко, не отдыхая, я не могла. Я уставала и, если мать не могла взять меня на руки, садилась прямо на землю, отказываясь идти дальше.

Но некоторые до сих пор памятные мне случаи значительно порадовали меня, пробудив в моем сознании смутное понимание того, что дети когда-нибудь будут такими же взрослыми, как все прочие люди. Я обратила внимание на то обстоятельство, что мои родители и родители моих подружек обычно приносили нам (делали подарки) лакомства, фрукты, игрушки, а взрослые дарили друг другу платки, материю или какие-либо другие вещи. Мой отец тоже привозил для матери материю или что-нибудь из одежды. Это тоже почему-то удивляло и обижало меня, наталкивая мысль на какие-то неясные попытки понять разницу между матерью и собой. Однако мне понятно было только одно: мать большая, а я маленькая.

Но вот как будто что-то изменилось. Хотя я по-прежнему была маленькой, по-прежнему все делала неумело, неловко, а между тем отец стал привозить и присылать мне такие подарки, какие раньше дарил только матери. Один раз он привез мне два шелковых шарфа. Когда мать повязывала мне голову шарфом, концы которого развевались во все стороны, я выходила на улицу, необычайно довольная тем, что ношу такие вещи, которые носят только взрослые женщины. С этого момента я очень полюбила носить шарфы, ибо воображала, что я уже начинаю походить на взрослых женщин, которые ходят далеко, многое умеют делать, сидят рядом со взрослыми мужчинами, о чем-то разговаривают и смеются.

Не помню, сколько прошло времени после того, как отец подарил мне шарфы, но помню, что он прислал мне два куска материи, из которой мать сшила два хорошеньких платья с разными оборочками, сборками, складочками. Этот новый подарок отца как будто подтверждал и подкреплял мои смутные предположения: не становлюсь ли я чем-то похожей на мать?

Эти и подобные им подарки отца постепенно меняли мое отношение к нему, ибо я чувствовала, что он заботится о нас, т. е. обо мне, о матери и о дедушке. Когда я замечала, что с появлением в доме отца появлялись обновки сначала у матери и у дедушки, а потом и у меня, мне, естественно, было приятно, что *мой отец* начинает относиться ко мне как к большой.

Дедушка относился ко мне не хуже, чем мать и отец.

Дедушки я совсем не боялась, ибо он до конца своей жизни находился с нами и был очень добрым ко мне. Для меня между матерью и дедушкой разница заключалась лишь в том, что мать — женщина, а дедушка — мужчина, что мать была одета как все женщины, а дедушка как все мужчины. Я считала, что дедушка *только мой дедушка*, потому, что он относился ко мне лучше, чем к другим внукам, детям моего дяди.

То, что дедушка относился ко мне лучше, чем к другим внукам, я могла определить по тому, что с ними он никогда не сидел на скамейке возле палисадника, не ходил с ними на реку, не катал их в лодке, когда ездил удить рыбу, не давал им так много пряников и халвы, как мне. Все это и многое другое дедушка делал, по моим наблюдениям, только для меня, поэтому я, неизменно чувствуя доброе отношение дедушки, всегда шла к нему после того, как мне доставалось от матери за какие-либо шалости и проступки. И дедушка утешал меня чем мог: гладил по голове и заплетал косички, если мне попадало за то, что у меня бывали растрепанные волосы и потеряны ленты. Он водил меня куда-то (вероятно, в лавку) и там давал мне в передничек пряники, еще что-то вкусное (мармелад) и новые ленты.

Но случилось так, что дедушка непонятно зачем лег в постель и, как мне казалось, лежал много дней (я до сих пор не знаю, сколько времени дедушка был больным). А потом произошло еще более странное событие: в комнату пришло много людей и дедушку зачем-то положили на высокий (для меня) стол в холодной комнате. Да и сам дедушка был неподвижный и холодный, когда мать, плача, поднесла меня к столу и показала, чтобы я приложилась губами к холодным рукам дедушки.

Сколько времени дедушка лежал на столе, я не помню, вернее, не знаю. Помню только, что дедушки совсем не стало у нас и я очень долго скучала и не понимала, куда же исчез дедушка, которого я так любила и с которым мне было так хорошо.

Не знаю, сколько прошло времени после того, как умер дедушка (о его смерти я, конечно, узнала позднее), но помню, что я очень скучала без него, особенно летом, когда мать не только с раннего утра и до позднего вечера, но даже и на ночь уходила на работу, а я оставалась дома одна. Проводить время с детьми соседей мне было трудно, ибо они не всегда понимали меня, а я в свою очередь иногда неправильно понимала их. Я нуждалась в хорошем отношении взрослого внимательного и чуткого человека. И такой человек нашелся.

Это был, как я узнала впоследствии, молодой человек, родственник тех двух женщин (старой и молодой), которые часто брали меня к себе. Этот молодой человек, как я понимала тогда, относился ко мне очень хорошо: он довольно часто заходил к своим родственницам и, если я бывала там, неизменно давал мне в руки или плитку шоколада, или завернутый в бумагу мармелад. Если же я бывала дома и сидела одна в палисаднике, он подходил ко мне и обычно клал руку мне на голову. По этому жесту я привыкла узнавать его и без всяких опасений шла с ним гулять, даже позволяла ему брать меня на руки.

Иногда я до вечера играла с куклами у его родственниц, и если он тоже находился там, то сажал меня к себе на колени, и я чувствовала, как он разговаривал и смеялся.

Я не понимала, почему он смеется, но иногда тоже улыбалась, если замечала его смех. Если же я хотела спать, а он с оживлением что-то говорил и смеялся, я начинала сердиться на него, думая, что он нарочно смеется, чтобы я не уснула. Но все же я иногда засыпала у него на коленях, и, если мать долго не приходила за мной, он на руках относил меня домой.

Я по-детски была очень довольна (или, как я могу выразиться теперь, была крайне польщена) таким исключительно хорошим отношением ко мне со стороны взрослого друга. Я, разумеется, не знала, почему этот молодой человек относился ко мне так внимательно, но его отношение ко мне я понимала как отношение доброго «большого дяди». Быть может, этот молодой человек был одинок или чем-либо временно огорчен, этого я не знала, да и не могла бы понять это в то время.

Подумала я обо всем этом значительно позднее, когда стала более сознательно разбираться в том, что вокруг меня происходит. В детстве же я просто радовалась тому, что у меня есть просто «добрый дядя». Радовалась я и тому, что у моих подружек, как мне казалось, нет такого «дяди».

Замечу, кстати, что в моем присутствии мой взрослый друг ни с одной моей подружкой не обращался так ласково, как со мной. Я никогда не замечала, чтобы он взял на руки другую девочку или чтобы он пошел гулять, ведя за руку другую девочку. Зная все это, я была уверена в том, что и лакомства он другим девочкам не приносил.

Так ли это было в действительности, я не знала, но я так думала и хотела, чтобы это было так и в действительности, ибо я, припоминая себя маленькой, могу теперь чистосердечно сознаться в том, что я была ужасно *ревнива* и этот *недостаток* в детстве, когда я многое совершенно неправильно понимала, причинил мне немало огорчений.

Разумеется, я бы очень обиделась на своего взрослого друга, если бы увидела, что он взял на руки другого ребенка. Я так думаю потому, что я была недовольна, когда обнаруживала у него на коленях кошку, которую он поглаживал. Если же он подходил ко мне на улице в то время, когда я играла с девочками, я узнавала его по рукам, по запаху, по костюму [он обычно носил пиджак даже в летнюю жару, тогда как другие мужчины (соседи), которых я иногда осматривала, ходили без пиджака]. Я бросала играть с девочками, брала его за руку и тянула в сторону, давая ему понять, что хочу идти с ним гулять. И если он шел гулять

только со мной, я бывала очень счастлива и, как я теперь понимаю, гордилась перед девочками тем, что ухожу от них гулять со взрослым человеком.

Однако не всегда встречи со взрослыми людьми радовали меня. Бывали и такие встречи, которые огорчали, были мне неприятны, чем-то непонятным отталкивали от взрослых людей, а иногда надолго пугали грубым отношением ко мне с их стороны.

Эти случаи относятся к тому периоду, когда моя мать (до конца своей жизни не терявшая надежды на то, что меня можно вылечить) возила меня не только к врачам, но и к различным шарлатанам-знахарям, знахаркам и к «ученым попам».

Конечно, в то время я не могла понять, когда мы бывали у настоящих врачей и когда у знахарей. Но побывав у врачей в более поздний период и сравнивая их обращение со мной с тем обращением, которое я воспринимала в детстве, я, наверное, безошибочно могу указать на те случаи, когда меня осматривали врачи, а когда знахари и «исцеляющие» попы.

Помню, что, когда врачи осматривали у меня глаза и уши, они садились против меня, брали в руки какие-то вещицы, поворачивали мое лицо то вправо, то влево, подносили к лицу горящую лампу, свет которой я не видела, а ощущала кожей лица (так делали, когда смотрели глаза), постукивали чем-то, когда смотрели уши. Некоторые врачи бывали очень ласковы: они осторожно прикасались ко мне, гладили по голове, сами сажали меня на стул и долго осматривали. Другие врачи бывали резки в движениях, торопливо осматривали меня и отходили, не проявив, как я могу сейчас сказать, ни участия, ни внимания.

Поведение тех и других врачей я в то время понимала приблизительно так: те врачи, которые бывали ласковы и внимательны, хотели сделать так, чтобы я снова видела и слышала, чтобы я всюду ходила, все могла делать без помощи окружающих. Те врачи, которые были сухи и невнимательны, казались мне плохими людьми, не полюбившими меня и не хотевшими сделать так, чтобы я снова стала такой, какой была до болезни.

Что эти люди, т. е. врачи, имели какое-то отношение к зрению и слуху, мне было как будто понятно, потому что они осматривали глаза и уши, но не руки, не ноги, не все мое тело.

Когда же мать возила меня к знахарям или попам, тут дело обстояло иначе, ибо поведение этих «врачей» было совсем иным. Они не усаживали меня на стул против себя, не брали в руки те вещи, какие брали настоящие врачи. Они или совсем не усаживали меня, или же я сидела рядом с матерью на длинной скамейке, а иногда мы просто стояли. Они не осматривали у меня ни глаза, ни уши, а между тем мать вынимала из корзинки или узелка яйца,

сало, хлеб и отдавала этим людям. Я не понимала, зачем она всё это отдает, и думала, что она подает милостыню кому-то.

О том, что подавали милостыню, я без слов знала, потому что мать часто давала мне в руки кусок хлеба или что-нибудь другое из еды и протягивала мою руку вперед, и в таких случаях кто-то брал из моих рук то, что я протягивала.

И должно быть, по указаниям и по «рецептам» этих совсем недобрых, по моим понятиям, людей, к которым мать водила меня, она дома мучила меня неприятными и непонятными мне процедурами.

Я помню, что если мы возвращались домой от врача, то обычно бывало так, что мать закапывала мне в глаза и уши или давала пить какое-то лекарство. Но после посещения знахарей мать начинала лечить меня иным способом: иногда меня сажали в бочку с горячей водой и сверху закрывали чем-нибудь теплым (одеялом или пальто). В бочке я задыхалась от пара, горячая вода жгла тело. Я пыталась выскочить из бочки или хотя бы сбросить то, что закрывало бочку. Но меня не выпускали из бочки до тех пор, пока не остывала вода. Потом прямо на голое тело мне надевали мокрое холодное платье, вываляннное в крупной соли, и в таком виде на всю ночь укладывали в постель.

«Лечили» меня и другими «исцеляющими средствами»: смачивали в чем-то тряпку (если не ошибаюсь, в огуречном или капустном рассоле), которой завязывали мне глаза и уши, после чего я и мать становились на колени в угол комнаты (быть может, в этом углу висели иконы) на крупную соль или горох, которые ужасно давили мне голые коленки. Далее мать начинала махать и прикладывать к себе правую руку, показывая, что и мне надо делать то же самое. И в такой позе мы стояли до тех пор, пока не выбивались из сил.

Я не всегда, впрочем, выстаивала до конца на коленях на соли или горохе. Иногда я валилась набок или совсем садилась на пол, протягивая ноги, и своим поведением давала матери понять, что мне плохо и что я больше не буду делать то, что мне неприятно, что мне причиняет боль.

После всех этих «лечебных процедур» меня еще поили настоями или отварами каких-то трав и снадобий, от которых меня мутило, и я даже заболевала.

Все это непонятное и страшное не приносило мне никакой пользы и кончилось тем, что я стала очень бояться каждого человека, который прикасался к моим глазам или ушам без всякого злого умысла (иногда это делали не врачи и не «исцеляющие» знахари, а просто сочувствующие, участливые люди). Я стала бояться воды, особенно горячей, мокрых тряпок, крупной соли, икон,

17 Заказ 812

висевших в нашей хате, махания правой руки священника, к которому меня иногда подводили и который брызгал на меня водой (кропил «святой водой»).

Иногда мать водила меня в какой-то дом, где я должна была тоже подолгу стоять на коленях, но только не на соли и не на горохе, а просто на голом холодном полу. Вокруг меня люди тоже стояли на коленях, но не садились на пол, как это делала я, когда крайне уставала. В доме пахло не только запахом человеческих тел, но и еще чем-то удушливым, очень не нравившимся мне. Такого запаха в других домах я не ощущала.

Прежде чем уйти из этого многолюдного дома, мать подводила меня к какому-то высокому (для меня) столику, приподнимала меня и заставляла приложиться губами к доске. Это тоже было непонятно, неприятно и даже смешно, ибо в других домах я никогда не целовала досок. Дома у нас была деревянная кровать с высокими спинками, но я ее никогда не целовала; большой обеденный стол и маленькие столики в углах комнаты я также не целовала, зачем же в этом холодном, плохо пахнувшем и многолюдном доме меня заставляли целовать доску?

Уже в сознательном возрасте я однажды с одной религиозной знакомой случайно зашла в церковь и «видела», как эта знакомая перекрестилась (помахала рукой), а потом приложилась к иконе. В церкви стоял острый запах ладана.

Мне ясно вспомнился тот непонятный в детстве «дом», вспомнилась «доска», которую меня заставляли целовать. Но даже в сознательном возрасте мне было непонятно, странно и тоже смешно «видеть», что взрослые и умные люди прикладываются к «доске» и с чувством умиления вдыхают тошнотворный запах ладана. Мне ясно вспомнились всякие мучения, которым меня подвергала мать, полагавшая, что знахари, иконы и «ученые попы» могут исцелить меня.

Одежда. Мебель

В каком возрасте дети начинают называть все те вещи, которые они носят и видят на других людях, словами *белье, одежда,* установить весьма трудно, тем более что не все дети одинаково развиваются.

Я помню, что моя мать начала приучать меня к детскому белью очень рано. По словам знавших меня в то время людей, я еще не умела ходить, а мать уже надевала на меня фартучки, лифчики, панталончики, резинки с петельками и прочие неудобные

и даже несносные для ребенка вещи. Как я узнала впоследствии, надевала мать на меня все эти вещи потому, что я была очень подвижным ребенком и часто царапала себе тело, когда начала ползать, а затем ходить.

Конечно, я постепенно привыкла к белью и к верхней одежде. Но о том, что белье называется *бельем,* а верхняя одежда — *одеждой,* я узнала значительно позднее — позднее, чем научилась одеваться почти самостоятельно.

Разумеется, сначала я узнала отдельные названия своего белья, как-то: сорочка, лифчик, панталоны, трико, чулки, резинки (ибо в моем понимании резинки тоже белье, поскольку я их носила на себе). Вначале я не знала, что платье относится к числу верхней одежды, и думала, что платье тоже *белье.* Впрочем, все те вещи, которые я носила, в первое время я относила к белью. Головная косынка, носовой платочек, вязаная кофточка или джемпер тоже были бельем. Даже полотенце казалось мне бельем, а объяснялось это тем, что каждый раз после ванны (тогда я уже находилась в клинике) я получала чистое белье, платье, джемпер (если это было зимой), косыночку, носовой платок и полотенце. Вполне естественно, что все эти вещи какое-то время представлялись мне не как *нижнее белье, верхняя одежда* и другие принадлежности туалета, а просто казались *бельем.*

Когда же я наконец узнала, что существует вообще *одежда,* и должна была отделить все то, что относилось к числу *верхней одежды,* от тех вещей, которые считаются *нижним бельем,* я была в большом затруднении, не понимая разницы между словами *белье* и *одежда.*

Трудность заключалась в том, что и нижнее белье, и верхнюю одежду я носила на себе; следовательно, как я понимала, большой разницы между этими словами не должно было бы существовать.

Между тем меня учили, что платье, вязаная кофточка, джемпер, шарф, шапочка, пальто, шерстяные рейтузы, перчатки, жакет и проч.,— все это верхняя одежда, а не нижнее белье.

И я должна была понять разницу между бельем и одеждой, запомнить названия тех вещей, которые относились к *белью,* и тех, которые относились к *верхней одежде.*

С обувью, если мне не изменяет память, дело обстояло столь же сложно. Вначале я думала, что только ботинки следует называть обувью, а поэтому слово *ботинки* для меня одновременно означало и слово *обувь.*

Происходило же это потому, что в детстве, когда я еще жила с матерью, я носила только ботинки, когда бывало холодно, а летом стремилась ходить босиком, чтобы лучше ощущать под ногами различные неровности на земле.

В клинике мне не разрешали ходить летом босиком и купили на лето сандалии. Мне сказали, указывая на сандалии, что это тоже *обувь*. Но я решительно отказалась носить сандалии (твердо помню, что ни одного дня не проходила в сандалиях, ибо я не считала их обувью). Вместо сандалий мне купили хорошие кожаные туфли с пуговичкой и с маленьким каблуком. Туфли тоже назвали *обувью*, и я сразу этому поверила, потому что они были из такой же мягкой кожи, что и ботинки, которые я носила в детстве; кроме того, на туфлях было по одной пуговичке, а я привыкла в детстве носить ботинки на пуговицах, с маленьким каблуком.

Сандалии же были сделаны из более твердой кожи, без каблука и с пряжкой вместо пуговички. «Какая же это обувь!» — приблизительно так думала я.

К галошам, как и к ботинкам, я тоже была приучена еще матерью, но так как я их всегда надевала на ботинки в плохую погоду, то считала галоши чем-то самостоятельно существующим, не вполне относящимся к обуви: ведь галоши я не надевала прямо на чулок, а только на ботинки. И, если можно так выразиться, я могла бы в то время, о котором пишу, называть галоши наботинниками, ибо в моем понимании обувью следовало считать только то, что надевалось прямо на ногу.

К ботам меня приучили позднее. И боты я скорее, чем галоши, согласилась причислить к обуви, ибо они несколько напоминали мне ботинки, и я первое время действительно путала их с ботинками и не понимала, зачем надевают на туфли еще и «ботинки». Вначале я пробовала надевать боты прямо на чулок, но это оказалось не очень удобно для ноги при хождении, и тогда я поняла, что боты не надевают без туфель.

Различные тапочки, вязаные, матерчатые и кожаные, я с детства почему-то не любила, не хотела их носить и не хотела называть их обувью, так же как и сандалии.

Слово *постель* я узнала сравнительно рано, и, какие вещи относятся к постельному белью, мне легче было понять, чем то, какие вещи называются *нижним бельем*, *верхней одеждой* и *обувью*.

Ведь постелью я пользовалась только тогда, когда ложилась спать. К постельному белью причисляются немногие и вполне определенные вещи, которые, если понять правильно их назначение, не спутаешь с другими вещами. Только скатерть можно принять за простыню, если не знать, для чего она предназначается. Теплое одеяло я никогда не называла *пальто*, ибо быстро поняла, что постелью называются только те вещи, которыми я пользовалась, когда ложилась спать.

После того как я научилась и привыкла понимать назначение

нижнего белья, верхней одежды, обуви и постельного белья, я должна была понять назначение других окружающих меня предметов — мебели, которая, как мне казалось, была так же разнообразна и многочисленна, как и верхняя одежда.

В самом деле, мне приходилось осматривать различные стулья: маленькие, большие, мягкие, твердые, с высокой спинкой, с низкой спинкой, с гладкими прямыми ножками или выгнутыми и т. д.; различные столы, тоже большие, маленькие, квадратные, продолговатые, круглые; различные шкафы, кровати, спальные тумбочки, табуретки, диваны, кушетки, буфеты, маленькие скамеечки, подставки для комнатных цветов или статуэток, полочки всевозможной величины и проч.

Все эти различные по величине и внешнему виду предметы необходимо было обобщить в одно понятие, в одно слово *мебель* (или, как я узнала позднее, *обстановка)*. Вначале мне весьма трудно было понять, почему в спальне (в клинике) стояли кровати, тумбочки, маленькие стулья возле тумбочек, небольшие столики, большой шкаф с детским бельем, а в столовой — обеденный стол и большие стулья с мягким сиденьем, клеенчатый диван, на котором хотя и можно было сидеть и даже лежать, но который не назвали *кроватью;* стоял буфет, который дверцами и ящиками напоминал шкаф, но его называли не шкафом, а *буфетом.* В кухне стоял большой, из толстых досок стол, вместо стульев стояли табуретки, а вместо буфета на стене были прибиты полки. В умывальной и ванной комнате тоже были полочки, табуретки и маленькие скамеечки, и все эти деревянные вещи следовало называть одним словом — *мебель.*

Однако мне казалось непонятным, почему всю эту мебель, все эти разные вещи обозначают одним словом — *мебель.* Когда же я узнала слова *спальня, столовая* и *кухня,* то некоторое время со смутным недоверием относилась к тому, что все предметы, находившиеся в этих комнатах, следует считать *мебелью,* ибо у меня на этот счет сложилось иное понятие.

По моим тогдашним понятиям, те вещи, которые стояли в спальне, нельзя называть мебелью, а следует называть вообще *спальней,* потому что они стояли в спальне; те вещи, которые стояли в столовой, надо называть *столовой;* а все то, что находилось в кухне, считается *кухней.* Некоторое время я, по-видимому, понимала так: в спальне стоит *спальня,* в столовой стоит *столовая,* а в кухне находится *кухня.*

На втором этаже (жилые комнаты находились в нижнем этаже) в большом зале помещалась клиническая лаборатория, в которой было много больших и маленьких столов и стульев, различных подставок для скульптуры, были также зеркала, шкафы и раз-

нообразные приборы. Ознакомившись со всей этой обстановкой, я тоже подумала, что в лаборатории стоит *лаборатория*.

В вестибюле стояли вешалки для пальто сотрудников, зеркало, табуретки, большие шкафы для верхней одежды всех воспитанников. Осматривая эти вещи и уже зная слово *вестибюль*, я считала, что в вестибюле помещается *вестибюль*.

Внизу, где жили воспитанники, было несколько комнат, назначение которых я не сразу поняла и, если не ошибаюсь, даже не хотела первое время переходить из одной комнаты в другую. Объяснялось это тем, что, когда я жила с матерью, я привыкла к тому, что у нас были только две комнаты. Дома в одной и той же комнате можно было и есть, и спать, и играть. В клинике же я должна была отучиться от этого, ибо меня приучали спать только в *спальне*, есть только в *столовой*, играть и заниматься гимнастическими упражнениями можно было только в *комнате для игр* и т. д.

Этот клинический распорядок в первое время был мне совершенно непонятен, казался трудновыполнимым и не очень нужным. Я совершенно не понимала, зачем следовало переходить из одной комнаты в другую, если можно было все делать в одной комнате.

Я делала попытки не подчиняться распорядку: уходила из столовой с недоеденным куском хлеба в спальню, а если очень хотела спать днем, то ложилась на диване в столовой или на кушетке в комнате для игр. Воспитатели отучали меня от всего этого, но я в таких случаях очень обижалась на окружающих, в плохом настроении уходила в вестибюль и пряталась там за большую вешалку.

Но за вешалкой я не засыпала, а предавалась горьким размышлениям по поводу того, что вокруг меня происходит нечто непонятное: почему мне не позволяют доедать хлеб в той комнате, в которой я сплю? Почему не позволяют спать там, где я ем или играю, или там, где мне больше нравится прилечь днем?

И некоторое время я подозревала, что окружающие меня люди хотят причинить мне что-то плохое. Эти смутные предположения о том, что окружающие стремятся делать все наоборот для того, чтобы обидеть меня, окончательно расстраивали меня, и я подолгу плакала, сидя за вешалкой. Если же ко мне кто-нибудь подходил, чтобы успокоить меня или вывести из-за вешалки, то в этих случаях я еще сильнее начинала плакать и отталкивала подходящих ко мне.

Кое-что другое тоже бывало непонятно мне. Когда мне было холодно вечером, я пробовала ложиться в постель в платье и в чулках, чтобы скорее согреться. Но мне не разрешали делать это.

И в этих случаях я возмущалась и недоумевала: ведь я хотела сделать для себя то, что мне казалось лучше, а воспитатели или педагоги почему-то хотели, чтобы мне было хуже, и заставляли меня совершенно раздеваться, надевать на ночь другую рубашку и только в одной рубашке ложиться в постель.

Если в спальне иногда бывало холодно по утрам, когда я вставала, я надевала все белье и даже платье под одеялом, а выбравшись из-под одеяла, хватала теплый халат и надевала его на платье.

Однако одеваться под одеялом и надевать халат на платье мне категорически запрещали. Я же думала, что воспитатели не знают о том, что мне холодно, или же нарочно хотят, чтобы я побольше мерзла.

Сон. Сновидения

Научившись шить наряды для кукол и другие несложные вещи, обшивать носовые платки, косыночки, я спустя некоторое время вздумала вносить всевозможные поправки и дополнения в свое белье и платья. Я весьма плохо переделывала свои рубашки, лифчики, неправильно перешивала воротнички на платье, нашивала на них лишние бантики, пуговицы и была глубоко убеждена в том, что делала все это хорошо и красиво. Однако после моих поправок у меня отнимали испорченные вещи и приводили их в надлежащий вид. Но как только мне возвращали мои вещи, я снова перешивала их по-своему и долгое время не понимала того, что вещи становились хуже, а не лучше.

Конфликты по поводу плохо перешитых мною вещей обычно происходили по субботам, ибо в этот день я принимала ванну и получала чистое белье. Под субботу же мне иногда снились маленькие девочки.

Мне казалось, что если мне под субботу не снились девочки, то в этот день у меня не будет никаких неприятностей. Но если снились девочки, тогда непременно бывали неприятности из-за белья.

Не понимая настоящей причины сновидений, а также и того, что сны о девочках случайно совпадали с субботними неприятностями, я весьма серьезно подозревала, что именно эти ночные маленькие девочки умышленно делают так, чтобы в субботу я получала замечания.

И я очень огорчалась, если мне снились маленькие девочки под какой-нибудь другой день помимо субботы. В этот другой день я

обычно с самого утра уже ждала всевозможных обид, и, если ничего не случалось, я бывала крайне удивлена и даже разочарована: ведь я так ждала неприятностей, а в действительности ничего плохого не было, и выходило так, что ночью маленькие девочки обманули меня.

К маленьким мальчикам, которые мне иногда тоже снились, я относилась более благосклонно; мне казалось, что в те дни, под которые я видела во сне маленьких мальчиков, у меня не бывало никаких огорчений — напротив, бывали какие-нибудь радости. Но если сны о маленьких мальчиках не совпадали с приятными событиями, я была огорчена и удивлялась тому, что не случилось ничего радостного в тот день, под который мне снились мальчики. Мне казалось, что маленькие мальчики рассердились на меня за что-либо и поэтому не хотят порадовать меня.

Если в течение нескольких дней у меня бывали сплошные неприятности и в то же время снились маленькие девочки, то я, ложась спать, мысленно грозила этим девочкам тоже всевозможными неприятностями, а маленьких мальчиков призывала присниться мне, чтобы прогнать надоевших мне маленьких девочек с их бесконечными неприятностями.

Припоминаю, что кроме маленьких девочек и мальчиков мне еще весьма часто снились бешеные собаки. Во сне обычно получалось так: я где-нибудь сижу одна или играю с детьми на улице. Вдруг вижу глазами, что по улице бежит собака с опущенной головой и высунутым языком. Изо рта собаки обильно течет слюна, крупными каплями падая на землю. Кто-нибудь из детей что-то кричит, и все они разбегаются в разные стороны, только я одна остаюсь на улице или во дворе и не могу бежать, потому что я вижу вблизи себя только небольшое расстояние и собаку. Она бежит прямо на меня, а я бросаюсь то в одну, то в другую сторону, но вокруг меня так мало места, что я не могу убежать. А собака все так же бежит на меня, и я уже чувствую, как она обдает меня тяжелым дыханием. Я как будто кричу, теряю последние силы от ужаса и... ощущаю на себе собаку, просыпаюсь, действительно дрожа от страха.

Эти сны о бешеных собаках всегда бывали так страшны и непонятны мне, что даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня пробегают мурашки по коже лица. А в то время, о котором я пишу, такие сновидения в самом деле наводили на меня такой ужас по ночам, что я боялась даже пошевелиться в постели и, если больше не могла уснуть, лежала неподвижно до тех пор, пока дежурная воспитательница не подходила ко мне для того, чтобы сказать, что уже пора вставать.

Еще один неприятный сон несколько раз снился мне в детстве,

когда я жила с матерью. Этот сон снился мне в двух вариантах. В первом варианте какие-то чужие люди отнимали меня у матери, усаживали в коляску и навсегда куда-то увозили. Я и сейчас ясно помню, как я сидела в коляске, которая быстро катилась по бесконечно длинной улице. Я оглядывалась назад, чтобы увидеть мать или кого-нибудь из знакомых, но ничего не могла различить, ибо вокруг меня клубился густой туман...

Второй вариант был следующего содержания: к нашему двору подъезжала большая повозка, в которую были запряжены четыре лошади. Из повозки вылезали мужчины, одетые во все черное. Они о чем-то очень кричали, насильно хватали мать, бросали ее в повозку и тоже навсегда увозили. Я оставалась одна на улице, силилась разглядеть, в какую сторону уехала повозка, но ничего не видела, ибо все, что находилось вокруг меня, заволакивалось сплошным туманом. После смерти матери мне никогда больше не снились подобные сны.

Кроме этих снов мне еще часто снились пожары. Смутно припоминаю и некоторые другие приятные и неприятные сны, но они бывали настолько непонятны, что даже впоследствии я не могла осмысленно и связно пересказать их. Одно могу сказать: не понимая в детстве своих сновидений, я думала, что по ночам со мной происходит многое такое, чего не бывает днем, потому что окружающие люди не должны это знать.

Если мне часто снились пугавшие меня сны, я боялась ложиться спать одна, старалась побольше бодрствовать. Но когда мне начинали сниться несколько ночей подряд приятные сны, а днем ничего хорошего не случалось, я стремилась поскорее лечь спать, чтобы мне спящей было лучше, чем во время бодрствования. Следствием такого поведения было то, что я часто превращала день в ночь, а ночь в день. Днем я крепко спала и не хотела вставать даже тогда, когда меня звали есть. Ночью я бодрствовала, играла с куклами, хотела идти гулять, просила есть, хотела купаться и т. д.

В детстве мне казалось, что я понимаю, почему я ложусь спать: с одной стороны, меня непреодолимо клонило ко сну, и я, ощущая это странное состояние, засыпала не только там, где можно было по-настоящему лечь, но даже на руках у матери, на скамеечке или просто в том углу, где играла с куклами; с другой стороны, мне хотелось испытать во сне то хорошее, чего не бывало наяву.

Но почему ложились спать другие люди, это было мне менее понятно, и я как-то смутно думала о том, что когда другие ложатся спать, то это значит, что они не хотят делать что-либо или прячутся в постель от кого-то. Мои предположения казались мне очевидными тем более, что мне не хотели давать есть по ночам, не

хотели идти гулять. Мать, пытавшаяся отучить меня бодрствовать по ночам, сердилась, если я ложилась спать до обеда или до ужина, а ночью просила есть. Она не хотела выходить гулять ночью и не позволяла мне шуметь игрушками. Я же по-своему понимала ее поведение. Я думала, что мать по неизвестным мне причинам не хочет кормить меня, водить гулять и т. д., поэтому прячется от меня в постель.

Посуда. Продукты

До потери зрения и слуха я, конечно, знала слово *посуда,* видела посуду, но у меня никогда никто не спрашивал, что такое посуда и какие вещи следует называть *посудой,* а какие *не посудой.* Когда же в клинике меня начали обучать грамоте и говорили мне названия окружающих меня обиходных вещей, в том числе и слово *посуда,* я не сразу поняла, какие именно предметы следует так называть. Не сразу поняла, что *посуда* — это понятие, обобщающее много предметов: тарелки различной величины, чашки, блюдца, стаканы, сахарницы, кастрюли, супницы, вилки, ложки, ножи и др.

Мне говорили, указывая на глубокую тарелку: «Тарелка — посуда». Указывая на маленькую тарелку, говорили: «Маленькая тарелочка — посуда, чашка — посуда, стакан — посуда, сахарница — посуда» и т. д. и т. д.

То, что глубокая тарелка — посуда, я это быстро поняла. Однако оба слова — *тарелка* и *посуда* — я поняла как нечто адекватное и полагала, что оба эти слова нужно применять только к глубокой тарелке и маленькой тарелочке. Вся другая посуда, кроме мелких тарелок и совсем маленьких тарелочек, по форме, по размерам и по назначению абсолютно не была похожа (кроме блюдец) на тарелки. Так, например, чашки различного фасона, стаканы, сахарницы тоже следовало называть посудой. Я уже не говорю о таких предметах, как столовые ложки, вилки, ножи, чайные ложечки. Все это в общей совокупности называлось почему-то посудой, хотя этими предметами только пользовались во время еды, но ничего в них не наливали.

Мне давали задание: «Иди накрывать стол, готовь к обеду посуду». И я выполняла это задание.

На определенных местах я ставила глубокие тарелки, а рядом (с левой стороны) ставила маленькие тарелочки для хлеба. После этого я доставала из ящика буфета другие предметы, которые никак не хотела называть посудой — ложки, вилки, ножи,— и раскладывала их возле каждой глубокой тарелки с правой стороны.

Я знала, что в глубокую тарелку наливают суп, а на маленькую тарелочку я сама клала хлеб, беря его из хлебницы, поэтому как глубокая тарелка, так и маленькая тарелочка называются посудой. Но ложки, вилки и ножи не похожи на тарелки. Почему же мне говорят: «Готовь посуду», но не добавляют к этой фразе: «Готовь ложки, вилки и ножи»?

Утром мне говорили: «Иди накрывай стол к чаю». Я расставляла чашки с блюдцами, маленькие тарелочки, клала ложечки. Брала хлебницу и сахарницу и раскладывала хлеб и сахар на маленькие тарелочки. В 12 часов дня мне говорили, чтобы я накрывала стол к завтраку. Я ставила большие и мелкие тарелки, раскладывала вилки и ложки.

Делая все это, я внутренне волновалась: боялась забыть о какой-нибудь *посуде,* т. е. о чьей-нибудь чашке, чайной ложечке, столовой ложке, вилке. Я несколько раз обходила вокруг стола, осматривая все приборы и считая все, что находилось на столе, но к *посуде* относилось так много различных предметов, что они не сразу усваивались, путались в моем представлении, сливались в какую-то массу, громоздились грудой, которую я мысленно называла посудой. Посуда разделялась на многие отдельные предметы, которые одновременно следовало называть и посудой, и тарелками, чашками, стаканами, блюдцами, ложками, вилками, солонками, сахарницами.

Помнится, что однажды я не положила за обедом ложку одному мальчику, а когда об этом сказала дежурная воспитательница, я очень удивилась и поняла это так, что я вообще не положила *посуду* мальчику.

Я долгое время не понимала того, что сахарницы, супницы, солонки и различые вазы (для фруктов, конфет, печенья) тоже *посуда.* Вообще я все эти предметы путала: супницы я называла вазами, а вазы — сахарницами. Различные блюда, миски и глубокие тарелки я также путала и иногда бывала в полном отчаянии, не понимая, зачем людям нужно так много предметов, которые не только надо называть одним общим названием *посуда,* но еще знать и отдельное название каждого предмета.

Некоторое время меня весьма занимал вопрос, следует ли считать *посудой* такие предметы, как чайник, в котором кипятили воду, маленький чайничек, чайницу, хлебницу, горчичницу и большую эмалированную миску, в которой мы мыли посуду. Или, быть может, эти предметы существуют самостоятельно, не будучи причисляемы ни к посуде, ни к чему-либо другому? Когда же я узнала, что существует столовая посуда и кухонная посуда, это внесло еще бо́льшую путаницу в понятие *посуда* и в конкретные названия предметов, относящихся к посуде.

В самом деле, я имела полное основание не понимать людей, которым понадобилось столько всевозможной посуды, в назначении и названиях которой мне так трудно было разобраться. И тут встал новый вопрос: какую посуду следует считать столовой и какую кухонной?

Но это было еще не все!

Необходимо было не только твердо усвоить понятие *посуда* и конкретные названия столовой и кухонной посуды, но также понять и ясно представить название каждого отдельного предмета, относящегося к посуде.

Я должна была знать, например, что в кофейнике варят кофе, но не суп, не борщ, не кашу, что все это готовят в кастрюлях. Надо было знать, что сковородка без ручки, хотя и напоминает отдаленно неопытному человеку мисочку или тарелку, но из сковородки не едят суп, а на тарелке не жарят лук, картофель, котлеты, рыбу. Необходимо было усвоить, что чай, в который положен сахар, помешивают чайной ложечкой, а не столовой ложкой, не вилкой, не ножом, ведь вилкой и ножом не едят жидкостей. Поскольку я не видела того, что вокруг меня делалось, многое из того, чему меня учили, не сразу и не легко давалось мне.

Так, я очень не любила пользоваться вилкой и некоторое время не особенно понимала, для чего людям нужны вилки, если можно обойтись без них.

Мои руки плохо справлялись с вилкой, которая казалась мне не такой удобной, как ложка. Долгое время я не знала, что зрячим людям пользоваться вилкой легче, чем незрячим, поэтому думала, что всем людям, так же как и мне, неудобно пользоваться вилкой, поэтому и не понимала, зачем люди мучают и себя, и меня вилками.

Я также не любила чайных ложечек с круглой витой ручкой. Такие ложечки вертелись в моих пальцах в разные стороны, и это создавало большие неудобства, когда мне нужно было попробовать чай; я подносила ко рту ложечку то боком, то нижней стороной.

Научиться пользоваться ножом мне было очень трудно. Долгое время я совсем не хотела пользоваться ножом, и не только потому, что мои детские руки плохо с ним справлялись, но еще и потому, что я просто не могла понять, для чего людям понадобилась такая неудобная вещь, которая и в руках не держится, и при неумелом пользовании причиняет боль. «Ведь можно же все делать гораздо проще: взять отломить кусочек хлеба от большого куска или от целой булки»,— думала я.

Однако мне не разрешали ломать хлеб или пирог. Меня настойчиво учили пользоваться ножом. Но нож приводил меня в отчаяние, ибо я не могла отрезать ровного кусочка хлеба или пирога, а

кроме того, часто резала свои пальцы. И я не менее упорно стремилась к тому, чтобы нож исчез из домашнего обихода и никогда больше не появлялся. Для этого я куда-нибудь забрасывала нож, однако его снова находили или покупали другой, и, таким образом, нож вообще всегда бывал среди посуды. И меня снова начинали приучать им пользоваться.

Нужны были самые наглядные, самые неопровержимые примеры для того, чтобы заставить меня понять наконец, что нож в хозяйстве совершенно необходим. Если хлеб, пирог и кое-что другое можно было разломать без ножа, то чистить и резать овощи никак нельзя, не имея в руках ножа. Я пробовала разбивать обо что-нибудь арбуз или дыню, но при этом получались большие, неровные куски, которые неудобно было есть. И вот в таких случаях возникало желание есть арбуз или дыню тонкими ломтиками. Есть большие огурцы и яблоки неразрезанными тоже бывало неудобно, и я начинала понимать, что в таких случаях нужен нож.

Итак, благодаря столкновению с фактами, с наглядными примерами я смогла понять, что как бы ни казался иногда ненужным или неудобным нож, но обойтись без него нельзя. Мало того, я начала понимать, в каких случаях следует пользоваться ножом и когда можно обойтись без него. Иными словами, необходимо было научиться понимать, в каких «взаимоотношениях» находится нож с хлебом, мясом, картофелем, капустой и многими другими овощами, которые нужно чистить и резать. Кроме этого следовало понимать, что не все вообще можно резать ножом. Например, большие поленья дров не распиливают ножом; когда шьют новые вещи, их тоже не кроят ножом.

Нож, ножницы, пила, топор могут быть более или менее остро отточенными, и при неосторожном прикосновении к ним можно порезать палец. Из этого не следовало делать ошибочный вывод, что всеми этими предметами можно пользоваться в равной мере: например, ножницами резать хлеб, ножом кроить платье, пилой очищать овощи, а топором рубить бумагу.

Однако, если я иногда не находила ножниц, я пробовала вырезать что-либо из кусочков материи ножом, но убеждалась, что резать ножом материю значительно труднее, чем ножницами. Следовательно, нож не имеет никакого отношения к тем вещам, которые я шила для кукол. Если я не находила ножа, я пробовала резать арбуз или очищать огурец ножницами. Но это тоже бывало неудобно, и кусочки арбуза получались неровными, а огурец очищался ножницами не так, как ножом.

Итак, я на опыте убеждалась в том, что каждая вещь, каждый предмет выполняет свою определенную роль, имеет свое определенное назначение.

Слово *продукты* мне труднее было понять, чем слово *посуда*. Для того чтобы усвоить такое понятие, как *посуда*, я должна была осмотреть руками расставленные на столе различные предметы, относящиеся к посуде. Разумеется, потребовался не один урок для того, чтобы я поняла, что такое посуда, и усвоила название отдельных предметов.

Но для того чтобы обобщить многое из того, что люди обозначают понятием *продукты*, необходимо было осмотреть различные продукты, а это нелегко было сделать только на уроках. Потребовались «экскурсии» в кухню, на дом к сотрудникам, а также в магазин или на рынок.

До потери зрения и слуха я видела в селе, как сажали некоторые овощи: картофель, свеклу, огурцы, арбузы, дыни, помидоры. Но до потери слуха я не знала слова *овощи*. Когда же в клинике на занятиях или в кухне мне показывали картофель, капусту, свеклу, помидоры, огурцы и говорили, что все это *овощи*, я не только не понимала, почему следует все это называть *овощами*, но даже не особенно верила в то, что это действительно овощи.

Кроме того, мне еще показывали и такие овощи, которых я раньше никогда не видела. Мне говорили: «Морковь, репа, брюква, цветная капуста, редька». Проводили моими руками по разложенным на столе овощам и говорили, что все это *овощи*.

Но я не понимала, почему картофель, капуста, свекла, морковь, огурцы, помидоры, арбузы, тыква, дыни — *овощи:* ведь по вкусу, по форме, по размерам все они не были похожи друг на друга. Кроме того, я знала, что картофель, например, выкапывают из земли, свеклу — тоже, а огурцы, помидоры, тыквы растут на поверхности земли, следовательно, они совершенно отличаются от картофеля, свеклы, лука. Почему же в таком случае все то, что мне показывали, называют овощами?

Сколько времени длились мои сомнения относительно овощей, я, конечно, не помню, ибо я постепенно привыкла к этому понятию и переставала задумываться над тем, что следует относить к разряду овощей и не овощей.

С ягодами и фруктами у меня также были некоторые затруднения, потому что я должна была понять, что существуют понятия *ягоды* и *фрукты* и название различных ягод и фруктов.

Педагог говорил мне: «Пойдем на рынок за ягодами», «пойдем на рынок за фруктами».

Но на рынке оказывалось, что педагог покупал вовсе не *ягоды*, а клубнику, или крыжовник, или малину; не *фрукты*, а абрикосы, груши, яблоки.

Мне нелегко было понять, что самые разнообразные, непохожие друг на друга вещи нужно назвать одним словом — *продукты*.

Конфеты ничем не напоминали фасоль, горох или какую-нибудь крупу; крупа ничем не напоминала сливочное масло, а масло ничем не напоминало мясо. Лапша не напоминала сахар, творог и сметана отличались от яиц. Но разложенные на столе всевозможные идущие в пищу съестные припасы нужно было называть *продуктами.*

Педагог говорил мне: «Я пойду в магазин за продуктами». И я начинала думать: за какими же продуктами в магазин пошел педагог? Мне в таких случаях представлялось нечто неопределенное — смесь различных продуктов.

Но когда педагог говорил: «Я пойду в магазин и куплю хлеб, сахар, сливочное масло и колбасу», для меня это было вполне понятно, ибо это было конкретно: ощутимо на вкус, доступно обонянию (запах колбасы и хлеба), осязаемо пальцами. Отвлеченное же понятие *продукты* вообще нельзя было ни ощущать (по запаху), ни осязать, ибо это было слово, обозначающее название многих вещей.

Постепенно я, конечно, привыкла к употреблению таких слов, как *продукты, продовольствие.* Но я почти ничего не знала о том, как приготовляют завтраки, обеды и ужины, которые я получала.

Я знала, что хлеб, пироги, коржики, блинчики делают из муки. Знала, что из крупы варят кашу, а в суп, щи, борщ кладут овощи. Но как приготовляется всевозможная другая пища, я не знала и очень удивлялась, когда мне показывали в кухне, что, прежде чем мне дадут что-либо есть, эту пищу необходимо приготовить. Так, например, я ела различные фрукты и знала, что они растут на фруктовых деревьях. Но когда мне дали повидло и сказали, что его делают из фруктов, я не поверила, ибо не понимала, каким образом фрукты — яблоки, абрикосы, сливы — могли превратиться в нечто другое, непохожее на свежие фрукты.

Помню, что я в детстве очень любила фруктовое желе, но тоже не верила, что для его приготовления нужны фрукты. Я была уверена, что желе готовят из свеклы, поэтому отнеслась крайне недоверчиво к тому, что из фруктов могут приготовить мое любимое блюдо. Вообще я очень многому не верила, ибо не знала, как, где и что готовится, поэтому не понимала, что из тех или иных продуктов можно приготовить нечто другое. Будучи с детства крайне недоверчивой, я часто думала, что мне говорят не то, что есть в действительности. Чаще всего это бывало в тех случаях, когда я чего-либо не знала или не понимала.

Я также любила мясные котлеты и жареную рыбу. Я хотела посмотреть, как готовят то и другое. Следя за руками поварихи, я «видела», что она клала в мясо, приготовленное для котлет, кусочек размоченной булки, а сделанную сырую котлету валяла в тер-

тых сухарях. За обедом я отказывалась есть хлеб с этой котлетой, ибо думала, что в котлету положили достаточно хлеба, да еще и сухариками посыпали. Если же я буду есть котлету с хлебом, то она станет совсем невкусной и получится, как будто я ем хлеб с хлебом.

Я также «видела», что, когда собирались жарить рыбу, ее тоже валяли в муке. И рыбу я не хотела есть с хлебом только потому, что ее валяли в муке.

А узнав, что из козьего молока делают творог, я тоже сразу не поверила в это, ибо думала, что съедобным может быть только коровье молоко и что только из него можно приготовить творог. Моя учительница пообещала принести мне из дому козьего молока и творог из этого молока.

Я думала, что это будет очень неприятное на вкус молоко и не менее неприятный творог. Но, попробовав то и другое, я убедилась, что и молоко, и творог весьма приятны на вкус и вполне съедобны. Однако мне трудно было поверить, что это было настоящее козье молоко и настоящий творог из этого молока.

Когда я наконец убедилась в том, что всякую пищу так или иначе готовят — варят, жарят, пекут,— я подумала, что можно любую вещь сварить или поджарить, когда есть огонь в плите. Так, я думала, что можно кусочки хлеба и разрезанный помидор положить на сковородку, поставить ее на плиту, а потом сковородка уже сама приготовит что-то очень вкусное.

Однажды наша повариха угостила меня чем-то действительно вкусным, сладким. Я не знала, что это было, но это «оно» очень мне понравилось. После этого я стала просить воспитателей, чтобы они приготовили «сладкое, дающее холодок во рту». Когда же у меня спросили, как это «сладкое» называется, я не могла объяснить, а только сказала, что его едят из розетки чайной ложечкой. Через некоторое время я узнала, что я ела яблочный мусс, но я никак не хотела верить, что повариха сделала мусс из яблок на яичном белке. Я просто не понимала, как можно твердое яблоко превратить в такое нежное, совсем без кусочков сладкое кушанье.

Я могла бы привести здесь очень много примеров того, как я совсем не понимала или превратно понимала происхождение различных продуктов и приготовление пищи. Мне трудно было понять, что продукты подвергаются всевозможной обработке и переработке.

Здесь я приведу один весьма курьезный и весьма прискорбный для меня случай, который заставил меня понять ту непреложную истину, что не всякие растения идут в пищу и на что-либо другое.

Я видела, как в суп кладут зеленый лук, петрушку, укроп. Я ощущала, что петрушка приятно пахнет в пище. К этому вре-

мени я узнала о существовании духов. Я вообразила, что если в пищу кладут петрушку, укроп, а из каких-то листьев делают салат, то почему же нельзя из цветов, которые так хорошо пахнут, побольше наварить духов.

И вот однажды мне представился случай произвести маленький эксперимент. Дело было весной, в субботу, когда обычно в ванной грели воду для купанья. Растопив плиту, техничка ушла из ванной комнаты. Я решила воспользоваться этим благоприятным случаем и приготовить себе духи, которые я очень любила.

Я побежала в спальню, где у меня на столике в баночке были ветки цветущей белой акации. Сорвав с веток цветы, я положила их в кастрюльку, в которую до краев налила воды, и поставила ее на плиту. В комнату почему-то долго никто не заходил. Вода в кастрюльке уже начала кипеть, и я, наклоняясь к ней, стала дышать выходившим из кастрюльки паром. Неизвестно, сколько времени я таким образом наслаждалась своими духами. Помню только, что у меня начала кружиться голова, а потом мне стало дурно и началась рвота.

Вся моя затея с приготовлением духов кончилась тем, что я упала на пол; не знаю, что было со мной дальше и как я попала на свою постель.

После этого случая я поняла, что духи приготовляют как-то иначе, что и духи, и пищу не так легко приготовить, как я думала.

И именно оттого, что я многого не знала, очень многое долгое время было непонятно мне. Так, когда мне в каком-нибудь супе, в жарком, в тушеной капусте попадался лавровый лист, я крайне удивлялась, зачем люди кладут в пищу сухие листья, ибо мне долго памятен был случай с моими «духами» из белой акации.

Если же я случайно раскусывала попавшийся мне в пище черный перец, то это еще больше, чем лавровый лист, удивляло меня: от раскушенной перчинки во рту горело. Я весьма серьезно думала, что кто-то хочет обидеть меня, поэтому бросает в мою пищу такие горькие и жгучие шарики — ведь не могло же быть, чтобы люди без злого умысла клали себе в пищу то, что было им очень неприятно.

Горчицу, сырой лук, красный перец, тертый хрен я также не любила и не верила тому, что все это может быть кому-нибудь приятным и что люди никому не хотят причинить зло, когда кладут в пищу различные приправы и пряности. Помню, что я долгое время не хотела и даже боялась есть колбасу, которая пахла чесноком.

18 Заказ 812

Прогулки. Как я понимала некоторые явления природы

Зачем люди работают, едят, спят, это я как-то по-своему, хотя и не вполне ясно, но понимала. Я видела, что в процессе труда люди делают для себя то, что им необходимо: готовят пищу, убирают комнату, шьют одежду, стирают белье, работают в саду и в огороде. Но зачем люди ходят на прогулку, ничего при этом не делая, это мне было не совсем понятно. Но мне было понятно, почему я сама ходила гулять: весной и летом я играла в палисаднике или, держась за руки зрячих девочек, бегала с ними по улице, ходила на реку купаться. Но взрослые люди не играли подобно детям в различные игры, не бегали по улице, не скакали на палочке, не прыгали через веревочку.

С начала весны и до наступления холодов я почти все время бывала на воздухе, поэтому понимала, почему я гуляю, когда тепло. Правда, зимой я не любила много гулять, потому что не могла ходить быстро, а при медленной ходьбе скоро начинала мерзнуть. Не любила я также, когда ребята делали снежных баб или играли в снежки. Не любила бегать и вместе с другими с разбегу падать в сугробы снега. Мне казалось, что во всех этих случаях дети не играли, а дрались, смеясь в драке друг над другом. Даже в клинике, когда с ребятами на прогулку ходили педагоги и приучали нас к зимним играм в саду, я обычно сидела в стороне на скамеечке, прохаживалась одна по дорожке или уходила в дом. Когда педагоги играли с детьми, я понимала, что это игра, а не драка, но я не испытывала ни малейшего удовольствия, когда в меня запускали комом снега, не испытывала ни малейшего веселья, если мне показывали, чтобы я тоже бросила в кого-нибудь снежок. Иногда мы с разбегу вместе с педагогом падали в снег. Другие дети смеялись, развлекаясь таким образом, но я не понимала, чему они смеются, и сама не смеялась.

Зато кататься на санках я очень любила, ибо это удовольствие было гораздо приятнее и не напоминало драку. С помощью педагога мы, дети, по очереди катали друг друга. Я равно любила бывать и «седоком», и «лошадкой». Если же мы катались на санках без педагога и случайно опрокидывались в снег всей группой вместе с санками, то мне при этом бывало действительно весело: ведь санки опрокидывались неожиданно, когда мы с увлечением играли.

Было интересно и смешно поднимать друг друга с земли, отряхивать снег с одежды, налаживать опрокинутые санки и снова бежать или садиться в них.

Кто делает дождь и снег? Почему бывает то тепло, то холодно? Почему бывает сильный ветер или стоит почти безветренная погода? Что такое погода? Все эти вопросы стали интересовать меня уже после того, как я почувствовала себя в темноте и в тишине.

Помнится, что нередко погода бывала скверной в то время, когда мне особенно сильно хотелось пойти гулять. Поэтому дождь или снег казались мне не просто неприятным событием, а как бы злом, которое что-то делало для того, чтобы я подольше не выходила из комнаты на свежий воздух. Я больше, чем зрячие дети, не любила дождь или снег и больше, чем зрячие дети, радовалась хорошей погоде.

Еще в детстве скверная погода действовала на меня удручающе. Вынужденное сидение в комнате порождало сонливость и нежелание двигаться. Поэтому теплая, солнечная погода всегда казалась мне чем-то особенно светлым и радостным. И в таких случаях я начинала думать, что солнце понимает меня, понимает, что нельзя надолго прятаться от людей. Мне казалось, что солнце тоже бывает то добрым, то сердитым.

Когда солнце не очень сердится, оно прячется куда-то не очень далеко. Тогда бывает пасмурно и идет дождь, но не очень долго. Если же солнце очень сердится, оно прячется далеко и надолго. Тогда бывает очень холодно. Наступает зима. Потом солнце хочет быть продолжительное время добрым: начинаются теплые дни и в течение почти целого дня ярко светит солнце — наступают весна и лето.

Но как же я понимала слово *погода*?

Я думала, что это нечто невидимое и неосязаемое, но тем не менее имеющее какое-то отношение и к теплу, и к холоду, и к дождю, и к снегу, и к солнечному дню, и к пасмурному дню. Объяснить же как-либо иначе слово *погода* я не могла, тем не менее незаметно для себя я привыкла повторять за педагогом на уроках это слово, а потом привыкла и правильно применять это слово по отношению к теплым и холодным, солнечным и дождливым дням.

Нередко в скверную погоду у меня бывало и скверное настроение и я ничего не хотела делать, отказываясь даже от занятий. В хорошую же, теплую и солнечную погоду я как будто сама становилась лучше, мне хотелось много двигаться, выполнять всякие задания, делать окружающим только приятное. В плохую погоду мне бывало совершенно безразлично, какое на мне платье. В хорошую же погоду мне хотелось принарядиться. Я сама не отдавала себе ясного отчета в том, почему та или иная погода оказывала на меня такое разительное действие. Вероятно, это происходило от-

того, что хорошая погода оказывала благоприятное действие и на здоровье, и на настроение, порождая состояние подвижности, бодрости. И мне совсем непонятными бывали праздники, в которые была плохая погода.

ЖИВОТНЫЕ. ПТИЦЫ. НАСЕКОМЫЕ. РАСТЕНИЯ

В детстве я не очень любила животных. Наверное, я их просто боялась. Я не понимала, что не все животные кусаются или царапаются при первом прикосновении к ним рукой.

Кошек я боялась и долгое время не любила их, потому что у нас дома была очень злая кошка, которая почти всегда выпивала мое молоко и царапала меня, когда я выгоняла ее из комнаты. Зная поведение нашей кошки, я не представляла себе другой кошки, которая не воровала бы молоко и не царапалась.

Я со страхом отдергивала руку, топала ногами и даже кричала, когда мне показывали чью-нибудь кошку для того, чтобы я погладила ее.

Собак я тоже боялась и также думала, что не бывает собак, которые не кусаются: в детстве меня собака укусила.

Коров и лошадей я боялась еще больше, чем кошек и собак. Я знала, что коровы и лошади — большие животные; следовательно, они еще сильнее, чем собаки, могут искусать меня.

Но домашних птиц, кур и уток, я не боялась и любила их. Ни куры, ни утки не причиняли мне никакой боли, брали из моих рук корм. Я думала, что эти птицы добрые, если они не клюют и не кусают меня, когда я их кормлю.

С одной курицей у меня завязалась настоящая дружба. Если я бывала во дворе и эта курица видела меня, она бежала ко мне прямо в руки. Если же я долго не выходила во двор, то курица вбегала в комнату, когда открывали дверь, и бежала прямо ко мне. Если это бывало утром и я еще лежала в постели, курица взлетала на постель, кружилась некоторое время возле меня, а потом уходила, оставив на постели теплое яйцо.

Благодаря этой дружбе я еще больше убеждалась в том, что не должна бояться птиц, а животных надо бояться. И действительно, я очень боялась даже маленьких котят, щенят, новорожденных поросят и телят. Лошади и коровы казались мне просто чудовищами, и я с величайшим страхом отдергивала руку от них, когда кто-нибудь хотел показать мне смирную лошадь или корову, которая мирно жевала свою жвачку. Только игрушечных коров и лошадок я не боялась осматривать.

Маленьких птичек, которых мне иногда показывали, я не боя-

лась и тоже очень любила. А совсем маленькие цыплята приводили меня в восторг, но я никак не могла понять, каким образом из яиц, которые мне давали есть, появляются вдруг маленькие цыплята. Что цыплята появлялись из яиц, это я хорошо знала, ибо мне показывали гнездо с яйцами, на которых сидела курица, показывали, как из яичной скорлупы вываливался влажный цыпленок.

Не понимая, почему яйца превращаются в цыплят, я думала, что курица сидит не на таких яйцах, которые я ела,— ибо зачем курице вообще нужно сидеть на яйцах? Желая убедиться в том, что курица сидит на каких-то других яйцах, я однажды взяла из гнезда одно яйцо и разбила его, надеясь найти там живого цыпленка. Но в яйце цыпленка не оказалось. Возможно, что это было еще свежее, ненасиженное яйцо, но ведь я этого не понимала в то время и была крайне удивлена тем, что яйцо оказалось совершенно таким, какие я не однажды ела.

После этого случая я решила, что моя мать имеет какое-то отношение к появлению цыплят из яиц. Подумала я так потому, что, часто находясь возле матери, замечала, как она зачем-то вертела в руках и подносила ближе к глазам яйца, отбирала их, клала в гнездо, а потом сажала на них курицу. Я думала, что в появлении цыплят из этих отобранных яиц мать имела большее значение, чем сама курица.

Итак, для меня все было ясно: я поняла, что без помощи моей матери не могут появляться цыплята. Мне иногда приносили маленькое гнездышко с очень маленькими яичками какой-нибудь птички. Приносили гнездышко с птенчиками, которые суетливо вертели головками, открывали маленькие клювики и щипали меня за пальцы. Я догадывалась, что они просили есть, и давала им большие хлебные крошки, которые они не могли проглотить, и поэтому продолжали щипать меня.

Рассматривая в гнездышках маленькие яйца и маленьких птичек, я начинала задумываться над тем, откуда берутся птенчики. Если они появлялись из маленьких яиц, то кто же помогал им превращаться из яиц в птенчиков? Неужели моя мать имела какое-то отношение и к маленьким птичкам и помогала им в появлении новых птенцов? Однако я никогда не видела, чтобы мать вертела в руках и подносила к глазам яйца маленьких птичек. Она только однажды показала мне, что к нам на окно прилетела голубка и снесла в желобке яйцо. Но это яйцо мать не вертела в руках, а сварила его мне.

Различных насекомых я тоже боялась, хотя совершенно не понимала, почему я их боюсь. Особенно сильно я боялась гусениц и больших жуков. Гусеницы наводили на меня прямо панический

ужас, когда падали на меня в саду. Однажды я всю ночь не спала, ожидая чего-то страшного, потому что вечером, когда я гуляла в саду, на шею мне упала с дерева гусеница. В другой раз кто-то показал мне большого жука, который больно прищемил мне палец. С этого момента я еще больше стала бояться насекомых, не понимая в то же время, почему такие маленькие зверьки могут причинять боль большим людям.

Бабочек я почти не боялась и тоже не понимала, почему я так боюсь гусениц и жуков, а бабочек беру в руки и без страха осматриваю их трепещущие крылышки.

Цветы и вообще растения почему-то нравились мне с раннего детства. Когда я нюхала цветы, мне хотелось знать, почему они так хорошо пахнут. Ощущая пальцами прохладу и бархатистость лепестков, я хотела понять, кто их делает такими приятными. Я не однажды видела, как мать сажала в землю маленькие растеньица (рассаду) или различные семена и крупинки. Через некоторое время маленькие растеньица становились больше, а в тех местах, куда сажали семена, появлялись новые маленькие растеньица. Все это было для меня необычайно интересно и в то же время совершенно непонятно.

Тайно от матери, но подражая ей, я во все горшки комнатных цветов сажала всякие семена, которые попадались мне под руки, и какой большой бывала радость, когда, к неудовольствию матери, в горшках начинали прорастать то подсолнухи, то фасоль, то горох. Мне было приятно, что в горшках эти семена прорастают только потому, что я их туда посадила.

В течение весны и лета я очень любила бывать на огороде и ездить на бахчи, ибо там происходили непонятные, но захватывающие явления: ведь ранней весной там бывала почти голая взрытая земля, а потом появлялась зелень, а далее огурцы, помидоры, арбузы, дыни и т. д.

И вначале все это было маленькое, невкусное; но постепенно с чьей-то непонятной для меня помощью все становилось более и более вкусным и съедобным. За вкусные арбузы, дыни, помидоры следовало любить и беречь растения. И я действительно любила их и старалась не топтать ногами и не обламывать. Не подозревая о вреде сорняков, я крайне огорчалась, когда мать или кто-либо другой выпалывали растения (сорняки) на огороде или на бахче. Палисадники и сады я тоже любила и могла в течение целого дня бывать совершенно одна в палисаднике, где было много цветов, или в саду, где росли цветы и фруктовые деревья.

Я совсем не скучала, переходя от одной клумбы к другой, осматривая стволы и нижние ветки деревьев. Если стволы бывали кривые и сучковатые, я взбиралась на деревья. Только гусеницы и

различные жучки омрачали мою любовь к саду. Если на меня падала гусеница, когда я взбиралась на яблоню, грушу или абрикосовое дерево, я сразу же спускалась с дерева и больше не хотела подходить к этим деревьям, воображая, что на них очень много гусениц, которые ползают по фруктам, следовательно, эти фрукты уже нельзя есть.

Несмотря на то что мне было совершенно непонятно, каким образом на голой земле появились различные растения, которые все росли и росли, хотя их никто не кормил, как кормят птиц и животных, растения были мне ближе и понятнее животных. И любовь к растениям долгое время преобладала над любовью к животным. А когда я начала учиться, то первое время ботаника нравилась мне больше, чем зоология.

Праздники

Что такое праздники? Как мне могли объяснить, что *сегодня праздник,* а завтра *не будет праздника?* Чем должен отличаться *праздничный день* от *непраздничных дней?*

Праздник — это отвлеченное понятие, и объяснить мне его значение только такими словами, что «в праздничный день не работают и не занимаются», было нельзя. К словам следовало добавить ряд конкретных примеров, взятых из жизни. Именно так мне и объясняли значение праздников, ибо если кто-нибудь по какимлибо причинам не работал и не занимался, то это отнюдь не значило, что наступил *праздник.*

Здесь я тоже начну с примеров.

Педагог сказал мне:

— Завтра, 7 ноября, будет праздник Великой Октябрьской социалистической революции. Завтра ты наденешь новое платье, получишь значок и подарки. Праздник будет седьмого и восьмого ноября. Дети не будут заниматься с педагогами. Взрослые пойдут на демонстрацию, а дети будут гулять на улице.

Вечером, накануне 7 ноября, педагоги мне сказали:

— Поздравляем тебя с наступающим праздником!

Мне дали печенье, коробку конфет и горшок с хризантемами. Все это для меня было ново и очень приятно, тем более что и воспитатели, и педагоги показались мне особенно добрыми и веселыми в этот вечер. В комнатах везде было убрано и нарядно: на столах и на тумбочках были новые скатерти и салфетки. В комнатах стоял крепкий запах хризантем. Все эти приготовления и события наполняли меня большой, не испытанной раньше радостью, или, как

я могла бы выразиться теперь, я была в торжественно-приподнятом настроении, которое тогда я не могла понять и объяснить словами.

Утром 7 ноября дежурные воспитательница и педагог снова сказали мне:

— Поздравляем тебя с праздником Великой Октябрьской социалистической революции!

Мне дали новое шерстяное платье и значок с портретом Ленина. И еще мне дали несколько кульков с яблоками, конфетами, орехами и сказали: «Это праздничные подарки». После завтрака мы все пошли гулять не в сад, как обычно, а на улицу.

Я замечала, что на улицах было людно (на нас часто кто-нибудь случайно наталкивался), а воздух сотрясали какие-то звуки. Ощущая этот шум, я показывала на свою голову и протягивала руку вверх, как будто что-то искала в воздухе. Педагог говорил: «На улице играет оркестр».

Два дня мы гуляли и не занимались. Окружающие люди казались мне необычными: веселыми, ласковыми, а в рабочие дни они казались мне более строгими, более требовательными и менее ласковыми.

Следовательно, праздник — это такой день, когда все окружающее непохоже на обычную, повседневную жизнь. Это я начала немного понимать еще в то время, когда жила с матерью, ибо у нас тоже бывали такие дни, когда в комнате бывало чисто и убрано, а мы с матерью одевались в праздничные платья и кушали более вкусную и более разнообразную пищу. Но какие это были праздники, я не знала.

В клинике я впервые узнала о том, что бывает праздник Великой Октябрьской социалистической революции. И у меня возникали вопросы, но ответы на эти вопросы я еще не могла понять. Мои вопросы можно было сформулировать следующим образом:

Что такое праздник Великой Октябрьской социалистической революции? Что такое революция? Какое отношение имеет к празднику месяц октябрь, если праздник бывает в ноябре? Почему нужно прикалывать к платью значки, которые я раньше никогда не видела?

На все эти вопросы я получила ответы позднее, когда в состоянии была понять объяснение. А в то время, когда я еще совершенно ничего не знала об Октябрьской революции, я однажды (в селе) случайно попала на детский утренник, состоявшийся 7 или 8 ноября (об этом я точно не знаю, а лишь предполагаю, ибо это было впервые в моей жизни). Я и не подозревала, какой это был большой праздник. Я думала в то время, что это был обыкновен-

ный нерабочий день, когда дома тоже наводят порядок и меньше работают.

Этот день, события которого я хочу описать, я воспринимала следующим образом.

После смерти матери я жила у родственников. После обеда тетя показала мне, чтобы я надела праздничное платье, пальто и платок. Моего двоюродного брата тетя сама одела, потом дала нам жареных семечек и помахала рукой в сторону двери, показывая мне этим жестом, чтобы мы шли на улицу. Я поняла, что нас просто посылают гулять.

Но на улице я заметила, что брат не остановился, как он это обычно делал, когда не знал, в какую сторону нам идти гулять. Он решительно направился в определенном направлении, ведя меня за собой. Я ничего не поняла, но пошла рядом с братиком. Шли мы не очень долго. Вдруг я услышала неясный для меня шум: мне казалось, что по воздуху ударяют чем-то тяжелым и от этого получается грохот. Братик остановился и не хотел идти дальше, хотя я, будучи немного напугана непонятным шумом, тянула его назад, сама не зная куда.

По-видимому, братик был чем-то очень заинтересован, и мне пришлось стоять с ним. Я ощущала топот ног по земле возле нас. Потом кто-то из взрослых подошел к нам, взял братика на руки, поднял его вверх... и вдруг брата не стало. Не успела я понять, что случилось, или сделать что-нибудь, чтобы помочь брату, как меня тоже кто-то взял на руки, поднял вверх, а там меня подхватили другие руки и куда-то опустили.

Я очень испугалась, совершенно не понимая того, что вокруг меня происходит и куда исчез брат. Но он оказался рядом со мной: он взял меня за руку и показал, что возле нас много детей. Я, однако, и сама уже заметила присутствие людей и даже успела случайно обнаружить деревянную загородку, за которой мы находились. Осматривая руками эту загородку дальше, я подумала, что нас бросили в большой ящик, но зачем?

В этом большом ящике сидели и стояли дети. Те дети, которые стояли, топали ногами, размахивали руками, задевая меня. Я по-прежнему ничего не понимала, но немного успокоилась, зная, что я не одна в ящике, что другие дети не пытаются выпрыгнуть из этого невиданного ящика,— значит, детям неплохо.

Но не успела я окончательно успокоиться, как снова произошло нечто весьма странное: ящик начал шуметь подо мной, весь сотрясаясь. Вдруг он рванулся вперед или назад, я не поняла. Те дети, что стояли, начали падать на нас. Я снова испугалась, ощущая, что шумящий ящик начал двигаться. Одной рукой я крепко держала за руку братика, а другой рукой ухватилась за загородку ящи-

ка. Но я не ощущала, чтобы братик боялся: он не пытался бежать, не прижимался ко мне и не вырывался, а, наоборот, он или смеялся, или что-то кричал мне в ухо.

Однако я все время волновалась и, быть может, поэтому не заметила, как долго мы находились в этом большом, шумящем и бегущем ящике. Помню только, что ящик наконец перестал шуметь, перестал двигаться. Опять кто-то из взрослых брал меня и братика и отдавал нас кому-то другому вниз. Почувствовав землю под ногами, я очень обрадовалась этому.

Куда меня повел братик, я не знала. Но кто-то еще взял меня за другую руку, и я заметила, что мы входим в дом.

Я сидела на длинной скамейке рядом с братом. На этой же скамейке сидели другие, совсем незнакомые мне дети. И мне показалось, что мы очень долго сидели в комнате на одном месте. Иногда я ощущала топанье ногами по полу, а над ухом слышалля как будто очень отдаленный слабый треск (аплодисменты). Сидя же вплотную рядом с братом, я чувствовала, что он хлопает в ладоши. Он и мне показывал, чтобы я хлопала, но я совершенно не понимала того, что вокруг меня происходит, поэтому не хотела хлопать. Наконец, дети начали вставать со скамейки и куда-то побежали. Встал и мой брат, таща меня за собой. Мы подошли к столу, и я ощутила запах яблок и как будто запах пирожков. Я попятилась назад от стола, давая брату понять, что мы не туда пришли. Однако брат не хотел отойти от стола. И вдруг я очень смутилась, застеснялась, ибо мне в руки кто-то дал весьма большой кулек. Тому, кто дал мне кулек, я попыталась возвратить его обратно, но чьи-то руки показали мне, чтобы я не возвращала кулек, а покрепче держала его. Я думала, что этот кулек должны были дать другой девочке, а не мне, поэтому была в большом затруднении, брать ли кулек или отдать его кому-нибудь другому. В самом деле, зачем мне дали кулек с яблоками? Ведь я ничего не сделала, не работала, а мне дали гостинцы за то, что я долго сидела на одном месте.

Но у брата в руках оказался такой же кулек, и он не только не возвращал его обратно, а, наоборот, крепко прижимал кулек к себе и тащил меня к выходу. Уже на улице мы познакомились с содержанием кулька, в котором оказались яблоки, орехи и пирожки.

Домой мы возвращались пешком, чему я была очень рада, ибо катание на грузовике, на котором я раньше никогда не ездила, напугало меня. Весьма смущал меня и кулек с подарками: где мы были, зачем чужие люди дали нам яблоки, орехи и пирожки?

Спустя несколько лет, когда я уже знала, что такое праздники вообще и почему бывает празднование Великой Октябрьской социа-

листической революции, я узнала из писем родственников, что вместе с двоюродным братом я попала на детское торжество в день пятой годовщины Великого Октября.

Узнав обо всем этом, я с грустью и горечью подумала о том, что впервые в своей жизни я присутствовала на таком большом торжестве, но не знала этого, и вместо того, чтобы радоваться, веселиться и петь, как это делали все другие люди — взрослые и дети, я только боялась всего того, что вокруг меня происходило.

Перемены. Понятное и непонятное

Я совершенно не знаю, сколько прошло дней или недель с того памятного дня, когда я с маленьким двоюродным братиком и с другими детьми каталась на грузовике и присутствовала на утреннике. Но помню, что вслед за этим непонятным событием начались другие, тоже или совсем непонятные, или до некоторой степени понятные события. Начались ли они в конце ноября или в начале декабря, этого я абсолютно не могу установить. Я только помню, что было сыро, холодно, но не было ни снега, ни мороза.

И вот однажды, когда я еще крепко спала (было это или ночью, или на рассвете), меня разбудили. А жила я все еще у дяди в селе. Мне показали, чтобы я встала и оделась. Мне казалось, что я недолго спала, поэтому удивилась, что меня разбудили, когда мне так еще хотелось спать. Обычных дневных запахов в комнате я не ощущала, следовательно, как-то не ясно поняла, что утро еще не наступило. Меня заставили умыться, после чего тетя дала мне поесть. За столом в кухне, кроме меня, никого не было, что еще больше удивило и, по всей вероятности (так я думаю теперь), обеспокоило меня. После еды тетя заставила меня одеться потеплее: я надела вторую пару шерстяных чулок, которые мне связала еще мама, надела шерстяное платье и вязаную кофточку, все эти вещи также сделала для меня мать незадолго до смерти. Потом тетя обвязала меня большим маминым платком и повела во двор. Во дворе по запаху я определила, что была еще ночь или, вернее, ранний рассвет. Какой-то мужчина посадил меня в фургон на сено, а потом сам сел рядом со мной. Я осмотрела его, по пальто и рукам узнала второго дядю. Он держал в одной руке вожжи, а в другой кнут. И вот мы поехали. Куда? Зачем? Этого я не знала и даже ничего не могла предполагать.

Припоминая теперь эту поездку, я думаю, что вначале не испытывала ни страха, ни волнения. Правда, я не понимала, зачем меня разбудили среди ночи и куда везут. Но так как я не однажды со-

вершала поездки в фургоне на небольшие расстояния ради удовольствия покататься, то и эта весьма несвоевременная поездка не очень смутила меня, а только показалась непонятной и ненужной, тем более что началась она ночью, помимо моего желания.

Мне казалось, что мы едем дольше, чем это бывало обычно, когда меня брали просто покататься. Со всех сторон дул резкий, холодный ветер, какой бывает в открытом поле. Я прижималась к дяде, чтобы согреться. На какое-то время засыпала, просыпалась и вновь засыпала... Когда же я наконец совсем проснулась, я почувствовала, что вокруг как будто потемнело, слабее дует ветер и с разных сторон долетают запахи, не такие, как в поле, но и не такие, как бывали у нас в селе. Запахи были разные, напоминавшие о людях, жилищах, животных, растениях и о прочем, что присуще местам, где обитают люди. И все же это были новые, непонятные и волнующие запахи. Где мы находимся? Куда меня везут? Вот о чем я спросила бы у сидевшего рядом со мной человека, если бы могла спрашивать. И только теперь то непонятное, что происходило со мной, начало меня серьезно пугать и тревожить.

Не помню, сколько времени мы еще ехали и как потом я попала в квартиру своего третьего дяди (он в то время жил в Херсоне). Не знаю также, сколько дней я прожила у этого дяди, но смутно помню, что он несколько раз водил меня куда-то, где со мной ничего страшного не делали. Но мне непонятно было, зачем дядя всюду водит меня. И когда дядя уводил меня обратно из этих незнакомых помещений, я испытывала нечто похожее на чувство неудовлетворения или разочарования.

В самом деле, я привыкла ходить с матерью (при ее жизни) или в гости, где нас угощали чем-нибудь, или по какому-либо делу, о котором я так или иначе узнавала: особенно, если мы относили или, наоборот, брали у знакомых что-нибудь. И во всех этих случаях мне было *понятно*, зачем мы ходили к людям. Но в те дома, куда со мной ходил дядя, мы ничего не относили и оттуда ничего не несли домой. Нас ничем не угощали, а только дядя усаживал меня на стул или на скамейку, сам же почти всегда куда-то отходил.

И вот мы в последний раз пошли в один такой дом и тоже, как я думала, ничего не принесли к себе домой. А между тем дядя был очень ласков со мной. Когда мы возвращались домой он несколько раз погладил меня по голове, чего не делал ни разу в дни этих хождений. Один раз наклонился, чтобы поцеловать меня, и на мое лицо при этом упала какая-то теплая капля. Я, конечно, знала, что плачут и дети и взрослые, но на этот раз не сразу поняла, что дядя плачет. Я подумала, что, может быть, начался дождь, однако больше капли не падали на мое лицо, а дядя почему-то взял меня на

руки. И только последовавшие вслед за этим маленьким эпизодом события со временем помогли мне понять, какая капля упала на мое лицо: дядя плакал, потому что должен был отвезти меня в другой город и оставить там в школе слепых детей.

Итак, мы вернулись домой, и я совершенно не знала о том, что на следующее утро должна уехать навсегда от дяди, и притом ехать пароходом, сначала по Днепру, а потом по морю.

Весь вечер в этот день я замечала, что вся семья дяди относится ко мне очень ласково, а тетя (жена дяди) примеряла на меня то ботинки, то платье, то пальто. Все это я понимала по-своему: или меня обратно отвезут в село, чего я никак не хотела (ибо у дяди в городе мне очень нравилось), и даже собиралась драться, если меня насильно захотят отвезти туда. Но могло быть и так, что скоро будет какой-то *особенный день* (праздник), когда нужно хорошо и красиво одеваться, много гулять... И постель мне постелили, и спать уложили меня в этот вечер как-то по особенному хорошо и ласково: несколько раз то тетя, то дядя подходили ко мне и поправляли одеяло или еще что-нибудь накидывали, думая, очевидно, что мне холодно. Ничего не подозревая и наслаждаясь заботой и вниманием окружающих, я все это понимала как проявление доброты. Я очень хотела, чтобы так всегда было, а еще мне хотелось, чтобы и я к окружающим относилась тоже хорошо. И я тоже начала думать о том, что буду помогать тете, буду мыть посуду, подметать комнату, убирать постель, чистить картофель и вообще делать то, что я умела делать в то время. Я радовалась, что ко мне начали относиться так хорошо, и, засыпая, я уже с нетерпением ждала утра, когда смогу показать всем, что чувствую хорошее отношение ко мне и сама хочу быть хорошей, хочу много работать, чтобы меня еще больше любили. Такими приблизительно словами можно теперь сформулировать мои чувства, представления и понимание того, что я осознавала в то время.

Однако следующий день принес мне очень много новых огорчений, разочарований и такие непонятные и даже страшные события, о которых я не имела ни малейшего понятия, не знала, что могут существовать в жизни подобные обстоятельства, явления и предметы.

И на этот раз меня разбудили рано и показали, чтобы я встала. Сделал это дядя, который сначала гладил меня по голове, а потом начал тихонько трясти за плечо. Я проснулась, ничего не понимая, но потом как будто сообразила, что уже наступил день и я должна помогать тете в кухне. Но когда я хотела надевать те вещи, которые вечером сняла, их не оказалось возле меня. Тетя же повела меня в кухню и показала на корыто с теплой водой. Меня выкупали, дали чистое белье, шерстяное платье с кружевным ворот-

ничком, которое я надевала только в праздники при жизни матери. Все это я поняла так, что наступил какой-то праздник и мы пойдем в гости. Но меня невольно смущало то обстоятельство, что в гости я так рано никогда не ходила,— значит, будет что-то другое. Быть может, меня повезут обратно в село и снова заставят нянчить маленьких детей. У дяди в городе было лучше: детей я не нянчила, меня не отпускали одну во двор, где я могла упасть или испугаться чего-нибудь; меня водили гулять на улицу, которая была не такая, как в селе — там бывала грязь после дождя, а здесь были камни или гладкие (асфальтированные) дорожки. И в комнатах было лучше: просторнее, удобнее, а пол «шумел», когда кто-нибудь проходил по комнате, я ощущала стук шагов, и мне это нравилось. Короче говоря, мне нравилось у этого дяди, и я твердо решила защищаться, если меня будут заставлять садиться в фургон.

Многих других подробностей этого утра я, конечно, не помню, однако ясно помню, что меня и дядю тетя куда-то посылала с корзиной, в которой лежали какие-то продукты и вещи. И я поняла: мы должны идти или ехать куда-то, но куда? Мы долго шли по улицам с дядей и тетей. Потом тетя попрощалась со мной и с дядей, а он взял меня на руки и понес куда-то. Мне казалось, что дядя как будто карабкался наверх, а потом спустился вниз и опустил меня на пол, а ветер, который сильно дул, вдруг прекратился. Значит, мы вошли в дом.

Но я не была уверена в том, что мы попали именно в какой-то дом, однако, ощутив под ногами пол и заметив исчезновение ветра, я поняла, что мы находимся в каком-то помещении. Но в каком помещении? И зачем мы туда пришли, этого я не понимала ни в тот день, ни на следующий день, несмотря на то что понимала перемену в обстановке, в которую я попала.

Да и неверно было утверждать, что я вдруг по какому-то наитию поняла то, что со мной происходило. Я действительно ничего не понимала и не знала, но помню, что ощущала вибрации какого-то движения, сотрясения и шума. Ощущала какое-то необычное качание и, как я могу теперь выразиться, поступательное движение дома, из чего могла понять, что мы едем. Но на чем едем? Везут ли нас лошади, или же этот дом как-то сам двигается, как двигался «большой ящик», когда меня с братом и с другими детьми катали по селу?

Сколько времени я находилась в этом страшном движущемся доме, я не только не помню, но и не знаю. Я помню, что в этом доме были и другие люди, ибо я ощущала и их запахи, и их прикосновения ко мне. И еще я ясно понимаю, что произошло нечто в высшей степени неприятное и непонятное, превратившееся в муче-

ние для меня, ибо ничего похожего на это я в своей жизни не испытывала ни до этой поездки, ни после нее.

А все началось с того, что дом стал сильно раскачиваться в разные стороны, а также подпрыгивал вверх или падал вниз. И вдруг я внезапно заболела: у меня началась сильная рвота, которая была очень мучительна и чрезвычайно напугала меня. В самом деле, когда я пришла в этот непонятный дом, я не чувствовала себя больной, у меня абсолютно ничего не болело. И несмотря на крайний испуг, я понимала, что дядя пытался успокоить меня: он гладил меня, брал на руки, показывал на себя, как бы желая сказать: «Я здесь, с тобой». Но у меня продолжалась рвота, я плакала, а дом качался, и я смутно думала о том, что, быть может, со мной хотят сделать что-нибудь плохое. Но меня, по-видимому, жалели дядя и еще кто-то чужой. Помню, что дядя взял меня на руки и мы еще раз спустились вниз, где было тепло и качка ощущалась не так сильно.

Когда дядя разбудил меня и понес наверх, то оказалось, что дом больше не качался, а ветер вдруг снова появился; из этого я могла заключить, что мы наконец куда-то приехали. И действительно, дядя опустил меня, и я ощутила под ногами твердую землю, а воздух был такой необычный по запаху, которого я никогда в своей жизни не ощущала раньше. Мы снова куда-то пошли, но я почему-то была уверена в том, что мы приехали не домой к дяде, не в село и что дядя сам не знает, куда мы идем, ибо он часто останавливался. Позднее я поняла, припоминая все это, что он спрашивал у прохожих о какой-то дороге.

Помню еще, что мы ненадолго заходили в какой-то дом, я там сидела на длинном деревянном диване. Дядя куда-то отошел от меня, а потом вернулся с какой-то женщиной, которая обошлась со мной очень ласково: она несколько раз погладила меня, а потом угостила сладким чаем с белым хлебом. И этот хлеб показался мне очень вкусным после морской болезни, которую я перенесла ночью. Заметив хорошее обращение со мной этой незнакомой женщины, я очень удивилась и вместе с тем еще больше уверилась в том, что мы действительно приехали не домой и что впереди меня ждет что-то неизвестное. Этому неизвестному не было в то время в моих мыслях ни названия словами, ни представления о нем образами, ибо как же я могла представлять себе-то, чего совершенно не знала и о чем не имела понятия, что оно (это неизвестное) существует? Только одно я как будто твердо понимала: со мной что-то произойдет, ибо не мог же дядя просто так гулять со мной, и притом очень далеко от нашего дома.

И в самом деле, смутные предчувствия какой-то перемены не обманули меня.

Выйдя из дома, где меня угощали чаем, мы с дядей снова шли по улицам, и, кажется, очень долго, так как я уже очень устала. Но несмотря на усталость и рассеянность детского внимания, мое обоняние все время привлекал тот необычный запах, которого я никогда прежде не ощущала. А позднее я узнала, что это был запах моря. Я уже с трудом тащилась за дядей, спотыкаясь почти на каждом шагу. Но вот мы снова вошли в какой-то дом, поднялись на несколько ступенек вверх и пошли по длинной комнате — потом я узнала, что это был коридор, в котором дядя и оставил меня ненадолго.

Спустя некоторое время меня окружили незнакомые женщины и девочки. Девочки были и моего роста, и побольше, как будто старше по возрасту. И маленькие и большие девочки ощупывали меня руками с головы до ног. Все это чрезвычайно удивило меня, даже не понравилось мне, ибо прежде меня так никто не ощупывал, и я буквально растерялась, не понимая, зачем девочки все это делают. Я подумала, что с меня хотят снять всю мою одежду. Я начала отстраняться от этих ощупывающих рук, прижималась к стене, пряталась за дядю, но девочки и там находили меня, обнимали, дружески похлопывали.

Однако пока с меня ничего не снимали, а ощупывавшие меня девочки, очевидно поняв мой испуг, решили проявить по отношению ко мне еще больше внимания. Они всей группой подхватили меня и куда-то повели. В какой-то комнате они показали мне несколько кроватей с аккуратно убранными постелями, в то время я уже умела сама убирать постель, поэтому понимала, когда постель была аккуратно убрана и когда лежала в беспорядке. У одной кровати девочки остановились и начали настойчиво и энергично показывать то на кровать, то на меня, что в конце концов я истолковала так: это твоя кровать.

После этой окончившейся благополучно процедуры мне показали, чтобы я сняла платок и пальто и повесила на вешалку возле двери в той же комнате. Но я еще никак не хотела верить тому, что для меня так быстро нашли кровать с постелью в незнакомом доме. Не хотела снимать пальто и платок, опасаясь, что у меня отнимут эти вещи. Однако присутствовавший в комнате дядя и незнакомая женщина тоже показывали мне, что кровать моя, а платок и пальто нужно снять. И как только я сделала это, вокруг меня так запрыгали, так затопали ногами девочки, что мне показалось, будто на паркетный пол начали падать камни или откуда-то сбрасывали поленья. Но как впоследствии я могла уяснить себе обстановку, это слепые девочки, ученицы школы слепых, приветствовали меня как свою новую подружку веселой чечеткой.

В то время я не знала, что девочки слепые, но слышащие, по-

этому не понимала их поведения и все больше и больше робела, хотела куда-нибудь спрятаться или уйти с дядей хотя бы снова на улицу.

Старшие же девочки окончательно ошеломили меня, повергли в полное отчаяние: они захотели взять меня на руки, чтобы куда-то нести, ибо я не хотела идти с ними туда, куда они меня звали. Они отнимали меня друг у друга, не подозревая о том, что мне непонятно их поведение. Наконец одна девочка взяла меня за туловище, другая схватила за ноги, и обе уверенно куда-то побежали. Я почувствовала, что они поднимаются наверх, и притом довольно быстро. Если бы я в то время могла рассуждать так, как теперь, то подумала бы приблизительно следующее: «Пропала я!!!» Но тогда я только смутно почувствовала, что ничего не могу понять из того, что вокруг меня происходит, поэтому не знала, что меня ожидает, плохое или хорошее. Но вероятно, я вспомнила, что дядя мог еще находиться в этом доме, а если бы меня начали обижать девочки, то он непременно отнял бы меня у них.

Пока со мной еще ничего плохого не сделали, наоборот, наверху меня повели в ванную комнату и показали, что я должна купаться. Мыться, купаться и вообще плескаться в воде я очень любила, поэтому сразу согласилась купаться. Однако, когда мне показали большую ванну, которую я раньше никогда не видела, я не хотела в нее садиться, опасаясь, что могу утонуть в таком большом «корыте». Я показывала руками, чтобы мне дали круглый таз или корыто. Несмотря на то что девочки и женщина (воспитательница) усиленно убеждали меня всевозможными жестами садиться в ванну, я все-таки не соглашалась и в свою очередь показывала, что вода зальет меня всю, попадет мне в рот и в нос и я буду лежать под водой. Мне показывали, что в ванне будет немного воды и она меня всю не зальет. Но я этому не верила и не хотела садиться в ванну. Дело в том, что в селе я купалась в реке летом, поэтому знала, как опасно для маленьких детей, когда бывает много воды. В конце концов кто-то принес большой таз, и только тогда я позволила выкупать себя.

Когда же нужно было одеваться и я обнаружила, что мне дали не мое белье и платье (хотя и чистое по запаху, и аккуратно сложенное), я снова поняла это так, что у меня отняли мои вещи и больше не отдадут их мне. И мне было очень жалко расстаться с вещами, которые мне шила мать своими руками. Особенно жалко было расставаться с шерстяным платьем с кружевным воротничком. Вместо него мне дали простое (фланелевое) и уже не новое платье. И фасон был какой-то смешной: в талии платье было узкое, а юбка была в сборках; застегивалось платье спереди на кнопки, воротник был стоячий и закрывал мне всю шею. Это была

19 Заказ 812

форма девочек в старой дореволюционной школе. Мне очень не понравился фасон этого платья,— если не ошибаюсь, я даже не очень верила, что это действительно платье, ибо дома я носила платья из другого материала и таких фасонов, которые застегивались сзади или без разрезов надевались через голову. А теплые сорочки (зимнее белье) у меня были фланелевые и застегивались спереди на пуговички.

Никто не мог убедить меня надеть школьное платье, которое я склонна была считать теплой сорочкой. Очевидно, кто-то позвал на помощь дядю, и только ему я поверила, что можно надеть школьное платье, а мое шерстяное нужно повесить в шкаф и я его надену через много дней, я поняла, что через много дней будет что-то такое необычное (праздник), когда следует надевать новые и хорошие платья.

В хронологической последовательности я теперь не могу припомнить всего, что было со мной в школе в следующие дни, однако помню некоторые наиболее поразившие меня случаи.

Я довольно долгое время не понимала того, что нахожусь в школе слепых детей, поэтому удивлялась тому, что дом большой, много комнат, а также много детей различного возраста, точнее говоря, роста, ибо я тогда о возрасте судила по росту, поэтому высокорослых детей принимала за старших. Я также никак не могла понять, зачем в одной комнате (в спальне) стоит много кроватей. И вообще мне казалось, что в одном доме слишком много людей, детей и взрослых. Я боялась ходить одна на второй и третий этаж, ибо не понимала устройства и расположения дома и думала, что наверх ходить опасно: «потолок» (пол на верхних этажах) может сломаться, и мы все провалимся вниз. Особенно я боялась, когда дети бегали по коридорам наверху. Выходить на балкон в столовой (на втором этаже) я тоже очень боялась.

Помню, что однажды незрячий мальчик, не видя, что я протянула руку вперед, чтобы выйти из столовой в коридор, хлопнул дверью и очень больно прибил мне руку. Я считала, что в этом доме я одна слепая, поэтому подумала, что мальчик хотел меня побить и нарочно хлопнул дверью. Я очень обиделась, плакала и от обиды и от боли, всем показывала руку, а вечером, когда девочки повели меня к дяде, который некоторое время жил в школе, я снова заплакала и показывала ему, что надо скорее уйти из этого плохого дома.

Днем дядя куда-то уходил, а вечером возвращался в школу и звал меня в свою комнату. Он всегда угощал меня чем-нибудь, но я старалась спрятать в карманы то, что мне давал дядя, чтобы в спальне разделить все с девочками. На девочек я не обижалась, ибо они как-то умели не сталкиваться со мной в коридорах. Но

мальчики часто, и конечно случайно, натыкались на меня. Я продолжала думать, что мальчики это делают умышленно. Я неоднократно напоминала дяде, что нам нужно уезжать домой, уезжать к нему, где меня никто не будет бить и толкать... Но дядя только гладил и целовал меня, не обещая, что мы из школы уедем вместе...

И вот наступил такой день, когда дядя вечером не вернулся в школу. После ужина я, по обыкновению, пошла в кухню, чтобы узнать у поварихи, ужинает ли дядя, но повариха показала мне, что дяди нет. Я осталась ждать дядю в кухне, но он все не приходил. Девочки подходили ко мне и показывали, что дяди нет, чтобы я шла в спальню, но я им не верила и не хотела уходить из кухни. Наконец пришла одна старшая девочка и насильно увела меня в спальню. Она показала мне, что дядя оставил у нее гостинцы для меня. И только тогда я как будто поняла, что дядя действительно уехал. А когда девочка дала мне белый хлеб, конфеты и еще что-то, я горько заплакала и никак не хотела есть гостинцы и все раздала девочкам.

Помню еще такой случай: кто-то из старших девочек показал мне, что в постели нельзя есть хлеб. Это весьма озадачило меня, ибо дома я привыкла к тому, что мне разрешали в постели есть все. Но я сразу послушалась девочку, только поняла ее так, что вообще ничего нельзя есть в постели. Спустя некоторое время другая девочка угостила меня конфетой в то время, когда я уже лежала в постели. Я не стала есть конфету и положила ее на тумбочку, с тем чтобы съесть ее утром, когда я встану и умоюсь. Очевидно, девочки услышали, что я не грызу конфету, и обратили на это внимание. Кто-то из них подошел ко мне и показал, чтобы я ела конфету. Я отказывалась, показывала, что лежу в постели, но мне отвечали, что есть конфету можно. Это повергло меня в полное недоумение: почему же хлеб нельзя есть в постели, а конфету можно? Ведь если нельзя — так, ничего нельзя, так по крайней мере я поняла. А у девочек получается иначе: одно нельзя есть в постели, другое можно. Не в состоянии понять эти противоречия девочек, я стала поступать по-своему: я ничего не ела в постели, даже сахар или конфету старалась съесть до того, как лягу в постель, или оставляла на утро.

Удивлялась я и еще кое-чему. Так, например, я уже знала, что в одних спальнях помещаются только девочки, в других — только мальчики. А в селе я привыкла видеть всю семью в одной комнате. Семья могла состоять из отца и матери, братьев, сестер, дедушки, бабушки. В школе же девочки с мальчиками встречались только днем в столовой, в библиотеке, в коридорах и в других неизвестных мне по своему назначению комнатах; на ночь они рас-

ходились по своим спальням. Иногда вечером случалось, что кто-нибудь из мальчиков приходил за чем-либо к девочкам (за иглой с ниткой, за ножницами), его в спальню не пускали, он стоял возле двери в коридоре, ожидая, когда ему дадут то, что он просил. Я не понимала, почему девочки боялись пускать мальчика в спальню. Я думала, что в школе плохие мальчики, поэтому их нельзя пускать в спальню. Но тут снова появились «противоречия».

Была зима. Описываемые здесь события относятся к тому периоду, когда во время гражданской войны, да еще и после нее, дома целиком не отапливались, а обогревались лишь отдельные комнаты всевозможными печками и печурками, зачастую весьма примитивного кустарного производства. Так обстояло дело и в школе в первый год моего пребывания в ней.

И вдруг я стала замечать, что по вечерам, особенно в те вечера, когда печка не хотела разгораться или девочки не в состоянии были ее растопить, в спальню к нам заходит какой-то мужчина и кто-нибудь из старших мальчиков. Они приносили сухие дрова и хорошо растапливали печку, которая обогревала комнату и всех нас до тех пор, пока в ней горели дрова или торф. Девочки меня тоже усаживали возле печки, поэтому я имела возможность «осматривать» всех, кто возле нее находился. Я часто «видела» курившего мужчину, одетого в тулуп и шапку-ушанку. Бывали и старшие мальчики. Как я узнала впоследствии, это были истопник и дежурный по дому старший ученик интерната. Но в то время я этого не знала, поэтому не понимала, почему же одним мальчикам и даже взрослому мужчине можно заходить в спальню к девочкам, а другим мальчикам, даже младшего возраста, нельзя заходить.

Кто же мог объяснить мне все эти непонятные и противоречивые обстоятельства? Никто. А между тем они меня волновали, ибо я хотела знать обо всем, что меня окружало. К мужчине же, который приносил дрова, растапливал печку, закутывал меня в свой тулуп, когда видел, что я замерзла, я вскоре даже по-детски привязалась, как будто к родному человеку. Он, конечно, знал, что я приехала в школу с дядей, который оставил меня в школе помимо моего желания,— наверное, поэтому он относился ко мне очень хорошо. Часто он угощал меня маковниками и никогда не забывал позвать к печке, когда она хорошо горела. Следовательно, я ничего не имела против того, чтобы он почаще заходил в спальню, но только не понимала, почему ему можно заходить, а некоторым другим, по-моему хорошим, мальчикам нельзя заходить в спальню. Хорошими они мне казались потому, что не обижали меня, а даже относились сочувственно, когда плохие мальчики — быть может, случайно, а быть может, в порыве озорства — толкали меня, отни-

мали куклу, игрушечные корзинки или бусы; все эти вещи мне дарили старшие девочки или сотрудники — учителя, воспитатели. Что это были сотрудники школы, я в то время не совсем себе уясняла, я понимала так, что это уже совсем взрослые люди, поэтому они живут в отдельных от учеников комнатах. Что воспитатели и учителя жили отдельно от воспитанников, я об этом постепенно узнала, ибо бывала в их комнатах.

Припоминаю и еще одно интересное событие, с которым я впервые в жизни столкнулась, но не поняла его так, как следовало бы понять.

В школе готовились к какому-то необычному событию: это я поняла по тому, что мы все купались, получили не только чистое белье, но даже праздничные шерстяные платья. Мне наконец дали мое домашнее платье, что очень обрадовало меня, и сначала я подумала, что меня могут отослать к дяде. Кто-то из старших девочек подарил мне ленту для банта на волосы. Все были веселые, добрые. Это настроение выражалось в том, что все были оживлены, прихорашивались, убирали комнаты и все это делалось дружно и хорошо. Было и кое-что другое, непонятное мне, но привлекавшее мое внимание тем, что в большой комнате (зале) как будто во что-то играли и старшие и младшие ученики. Теперь могу предположить, что это были последние репетиции и другие приготовления к вечеру.

Наконец, девочки позвали меня в зал, где уже находились люди, там были и ученики и сотрудники. Мне показывали, что на середине зала стоит с детства знакомое мне дерево с иголками вместо листьев, но теперь украшенное различными игрушками: корзинками, домиками, бусами и еще какими-то игрушками, которых я не видела раньше. Я была чрезвычайно удивлена тем, что в комнате вдруг выросло дерево, да еще с игрушками, бусами. Как это могло случиться, чтобы зимой в комнате выросло дерево? Никто не догадался показать мне, каким образом установили в зале елку, поэтому я и подумала, что она выросла прямо из-под пола.

Потом меня взяли с двух сторон за руки и все начали кружиться вокруг удивительного дерева. Дети топали ногами; неясный гул как будто очень слабых, отдаленных звуков ударял мне в уши, отчего я чувствовала себя не особенно хорошо: мне казалось, что какие-то хотя и не сильные, но тем не менее ощутимые толчки попадают мне в уши из окружающего воздуха. Мне также не очень нравилось кружиться вокруг дерева и неизвестно зачем топать ногами. Мне даже скучно было от всего этого, ибо я не знала, что именно я делаю, а в таких случаях я всегда чувствовала себя, как я могу теперь определить свое состояние, как-то неестественно, принужденно, и сама себе я казалась неприятной.

Другие дети или взрослые тоже казались мне неприятными, когда я не понимала того, что они делали. Я с нетерпением ждала, чтобы меня скорее отпустили и больше не звали так скучно играть.

Я не помню всего, что было воспринято мной в этот вечер, в который я впервые в таком большом обществе взрослых и детей встречала Новый год, но совсем не знала об этом. Однако я хорошо помню, что и старшим и младшим ученикам раздавали подарки. Я показывала своим подружкам то, что я получила, а они показывали мне то, что получили они. Я впервые видела, что так много детей одновременно получали подарки; это мне понравилось, и я это поняла, кажется, правильно: произошло что-то хорошее, все этому обрадовались, и взрослые люди, такие веселые и радостные, раздавали детям игрушки, бусы, ленты, душистое мыло, гребенки, пряники, конфеты.

В этот памятный вечер я была настолько перегружена нравственно большим количеством всевозможных впечатлений, что даже не пыталась понять, осмыслить то, что чужие люди дали мне так много разных игрушек и безделушек и где мне было бы лучше, в школе или у дяди, если бы я снова к нему вернулась. Но на следующий день утром, после того как я, хорошо выспавшись, встала и начала припоминать события прошедшего дня и вечера, снова и снова рассматривать полученные подарки, я впервые поняла, что в школе мне лучше, ибо здесь происходят хотя и не всегда понятные мне, тем не менее очень интересные события и явления, которые так или иначе развлекают меня и наполняют мою жизнь чем-то новым, отчего мои детские мысли и чувства как бы светлеют, расцветают, разрастаются.

Конечно, в то время я такими словами не могла определить и выразить то, что я чувствовала, высказать тот перелом, который медленно, как бы исподволь происходил в моем уме и сознании. Но ощущала я все это именно так, как пишу сейчас. И я очень хотела, чтобы это постепенное внутреннее просветление и разрастание продолжалось во мне все больше, все сильнее. И хотя абсолютно не понимала, отчего все это происходит, однако непреодолимо инстинктивно рвалась к чему-то и куда-то вперед, словно уже предчувствовала тот настоящий перелом, который позднее действительно произошел в моем физическом существовании и в духовной жизни.

Но прежде чем приступить к описанию этого несомненного, подлинного п е р е л о м а в моей жизни, я хочу коротко рассказать о событиях, которые происходили при жизни матери и после ее смерти, а также о том, как я поняла исчезновение матери из жизни.

Если отъезд дяди из школы слепых на некоторое время сильно огорчил меня, ибо я действительно осталась совершенно одна среди чужих, не имея в этом городе никого из родственников, то легко себе представить, как ужасно и беспомощно я чувствовала себя, оставшись без матери. Ведь со дня моего рождения мать бывала со мной, не оставляя меня даже на несколько дней, и вдруг ее не стало... Это большое горе даже для зрячего и слышащего ребенка, а что же можно было сказать обо мне?

В то время когда мать умерла, я уже понимала, что она не просто так спряталась от меня. Я помнила, что дедушка долго лежал больной, а потом недолго лежал на столе холодный и неподвижный. Помнила, что его положили в гроб и зарыли в землю. Конечно, я, как и все дети моего возраста, весьма плохо понимала, что значит умирать и почему нужно, чтобы люди умирали, если можно жить. Но я помнила, что быть живым, т. е. двигаться, смеяться, принимать пищу, носить одежду, летом греться на солнце, а зимой на печке, дышать воздухом и проч.,— все это лучше, чем быть зарытым в землю и лежать в гробу неподвижно. Поэтому я в детстве начала бояться такого непонятного в жизни явления, т. е. смерти.

Я знала, что земля бывает очень сырая, когда идут дожди, бывает очень твердой, когда промерзает зимой. И вот, сильно боясь смерти, я не верила, что покойники все время лежат в могиле неподвижно. Я думала, что дедушка в могиле как-то по своему живет: он, наверное, что-нибудь делает, как-то двигается под землей, где-то греется и даже ест что-нибудь. В этом последнем предположении я, маленькая, абсолютно не сомневалась, тем более что весной не только мы с мамой, но и наши соседи ходили на кладбище. Мы носили в тарелке сладкую рисовую кашу с изюмом, яйца, куличи и прочую снедь; все это мы ставили на могилу дедушки, сами ели и других угощали. И я думала, что дедушка вместе с нами, но так, чтобы я его не нашла, ест. Ведь домой мы приносили пустую посуду, пустую корзинку. Я, не зная о том, что мать на кладбище устраивала поминки по дедушке и угощала всех проходивших мимо нас, думала, что дедушка, по-прежнему оставаясь невидимым, забирал провизию в могилу. Но все же, несмотря на такое понимание и представление «жизни» дедушки в могиле, я не хотела попасть в могилу.

Болезнь, а затем смерть матери сильно потрясли меня не только потому, что я осталась без нее, но еще и потому, что мне было очень жалко маму и страшно за нее: ведь ее тоже положили в сырую и холодную землю. Пугало меня еще и то обстоятельство, что мать умерла во время голода, начавшегося на Украине в конце гражданской войны; мы очень голодали, следовательно, я ничего не могла понести на могилу мамы. К тому же я была еще не только маленькой, но и несамостоятельной: далеко одна я не ходила, да и не могла без посторонней помощи найти могилу мамы.

Пока я жила у родственников, никуда не уезжая из села, я уже чувствовала, что я подрастаю, крепну и кое в чем могу помогать тетям. За это я получаю пищу,— значит, когда-нибудь с чьей-либо помощью я пойду на могилу мамы весной, понесу ей такую провизию, какую мы вместе с ней носили дедушке. Однако этого ни разу не случилось, ибо мать умерла весной, когда еще был голод, а на следующую весну я находилась далеко от села, в городе, в школе слепых. Но я и там продолжала думать о матери, хотя в школе мне уже было не так плохо, ибо ко мне и чужие люди относились хорошо.

У меня были разные мысли о матери. Я ее по-прежнему любила и жалела особенно потому, что она лежит в могиле одна, без меня и думает, что я без нее живу хорошо. За это она, быть может, сердится на меня. От этих и подобных им мыслей я часто плакала, плакала даже тогда, когда мне было хорошо и не от чего было плакать. Но я думала, что надо плакать для того, чтобы мать об этом узнала и не сердилась на меня за то, что мне бывает очень весело и вообще хорошо.

Помнила я о матери и тогда, когда меня перевезли из школы слепых в другой город, в Харьков, в клинику слепоглухонемых детей. В этой клинике меня сразу окружили такой заботой, такой теплотой и вниманием, что все это вполне могло заменить утраченные заботы матери. Однако и в клинике я всегда помнила о ней, а когда наступала весна, я очень переживала, что живу так далеко от нашего села, не могу пойти на могилу матери, чтобы понести пищу, которую я в любое время могла бы получить в клинике и которой хватило бы для того, чтобы поделиться с матерью.

И пусть это желание никому не покажется странным: ведь моя мать с раннего детства приучала меня к тому, чтобы я всегда с другими делилась тем, что сама имела. Со мной тоже каждым кусочком делились и мать и дедушка. Когда они возвращались откуда-нибудь, то обязательно приносили мне хотя бы самый незначительный гостинец. Подражая им, я тоже несла домой все, что можно было нести в кармане или в чистом носовом платочке и дома поделиться с матерью. И я настолько к этому привыкла,

что это в конце концов стало для меня правилом: я не понимала того, что можно делать иначе, что можно одной все съедать.

Припоминаю такой случай. Во время голода я однажды, держа в руках палочку, пошла к своей зрячей и слышащей подружке, которая жила в соседнем дворе. Я могла ходить туда одна, прикасаясь палочкой к забору. Девочки не было дома, а ее мать усадила меня за стол, налила тарелку супа и дала небольшой кусочек хлеба. Но я к хлебу не прикоснулась и хлебала только жидкий суп. Я помнила, что дома у нас в этот день не только не было хлеба, но даже не было лепешек из какого-то мучнистого растения. И хотя мне очень хотелось поесть суп с хлебом, но я не сделала этого, ибо не понимала, что имею право в гостях съесть хлеб и суп без мамы. Я бы и суп не стала есть без нее, если бы мне разрешили понести его домой. Но нести суп в тарелке я одна не смогла бы, поэтому я решила съесть суп без хлеба, а хлеб спрятать в карман для мамы.

Угощавшая меня соседка видела, что я не ем хлеба, и несколько раз подходила ко мне, показывая, чтобы я ела суп с хлебом. Но потом, должно быть поняв, почему я не ем хлеб, она показала мне, что даст еще хлеба, который я могу понести домой. Я поверила соседке, съела все то, что она мне дала, а другой кусок хлеба я понесла маме, радуясь тому, что имею возможность покормить ее немножко.

Получая в клинике хорошее питание, я, естественно, вспоминала о матери и не сразу привыкла к такой простой мысли, что матери уже давно со мной нет и что я совершенно свободно могу съедать все, что мне дают в клинике или в гостях у подруг или у сотрудников нашей клиники. Но меня абсолютно это не радовало, ибо мне гораздо приятнее было делиться с мамой, особенно чем-нибудь очень вкусным.

Я уже сказала о том, что в клинике ко мне все сотрудники относились так хорошо, так заботливо, что мне незачем было тосковать слишком долго. Теперь мне хочется написать о том, как я понимала отношение сотрудников и воспитанников ко мне и как я сама относилась к тем и другим.

Те хорошие бытовые и материальные условия, в которых я находилась в клинике, мне очень нравились, я только боялась,что меня могут опять куда-нибудь перевезти, где мне будет хуже. Не понимать того, что меня окружили заботой, хорошим человеческим отношением и бытовыми удобствами, я не могла: ведь все это я ощущала и чувствовала на каждом шагу и во всем. Одного я не могла понять некоторое время: зачем меня привезли в это хорошее место и что со мной будут делать здесь?

Удивляло меня и было непонятным еще и то обстоятельство,

что нас, детей, было немного, а занимали мы несколько комнат. Правда, это было хорошо, ибо благодаря именно этому простору мы не мешали друг другу, не сталкивались друг с другом на каждом шагу, как это бывает в тесноте. У каждого воспитанника был свой отдельный и определенный угол с игрушками, отдельный столик и стул, где можно было также раскладывать игрушки или просто спокойно посидеть. Этого я тоже не понимала, ибо привыкла к тому, что у зрячих детей, с которыми я играла когда-то, таких отдельных уголков, отдельных столиков, отдельных игрушек не бывало. Мне иногда хотелось просто поозорничать: смешать все игрушки вместе, сдвинуть столики и стулья с их определенного места. Хотелось сделать беспорядок во всем этом строгом порядке и в тех случаях, когда я почему-либо сердилась на кого-нибудь из окружавших меня людей, сотрудников и ребят. Ведь не все они одинаково нравились мне. Интересно то, что, если я сердилась на ребят, мне не хотелось вносить беспорядок в их уголок или разбрасывать игрушки, но если я сердилась на кого-нибудь из воспитателей, то у меня бывало большое желание не послушаться их в чем-либо или научить других ребят чему-нибудь такому, что не разрешают делать старшие.

Припоминаю кое-что из того, что меня особенно удивляло в распорядке клиники первое время. Так, например, мне были непонятны следующие обстоятельства: почему все сотрудники, носившие неодинаковые по фасону и материалу платья, надевали, приходя в клинику, еще и другие платья, совершенно одинаковые, распахивавшиеся спереди или сзади. Когда сотрудники брали детей на занятия в лабораторию, они заставляли их надевать на костюмчики и платья эти распахивавшиеся маленькие платья. Мне тоже показали, чтобы я надевала такое платье, когда накрывала стол, а затем когда убирала и мыла посуду. Я должна была надевать это платье и в других случаях, например когда я дежурила в какой-нибудь комнате, где должна была следить за тем, чтобы все вещи находились на своем определенном месте, и вытирать пыль с мебели и подоконников. Собственно говоря, никакой пыли в действительности не было, ибо все комнаты систематически и тщательно убирали технички. Но нас приучали к посильной уборке комнат. Именно это, т. е. как бы игру в уборку, я долгое время не понимала, ибо не ощущала пыли, когда вытирала мебель, поэтому мне казалось, что меня заставляют убирать комнату только для того, чтобы я надела это второе платье и для собственного развлечения терла тряпочкой вещи, на которых не было пыли.

Не понимая того, что меня приучают к самообслуживанию, я часто раздражалась и не хотела надевать халат (ибо этим непо-

нятным платьем был халат), зная, что пыли все равно нигде нет и я ничем не запачкаю платье. Иногда я хватала тряпочку и без халата бежала в какую-нибудь комнату. Но дежурная воспитательница звала меня обратно и заставляла надеть халат. Я нервничала и категорически отказывалась вытирать пыль.

Однажды я зачем-то взобралась на подоконник окна в столовой. Кажется, я хотела знать, высокое ли окно. Проводя пальцами по стеклу, я обнаружила какую-то пыль на верхнем стекле. Это меня даже обрадовало, ибо на следующий день было мое дежурство по столовой. Я с нетерпением ждала следующего утра, чтобы показать всем, как я обнаружила пыль и как тщательно я буду вытирать стекла. На этот раз я уже охотно надела халат, повязала голову косыночкой, взяла самую большую тряпочку и весело побежала к окнам.

Взобравшись на подоконник, принялась энергично протирать стекла, испытывая величайшее наслаждение от сознания, что на этот раз я тружусь ненапрасно. Но вскоре ко мне подошла дежурная воспитательница и хотя не резко, но настойчиво стала показывать, чтобы я слезла с подоконника и не терла стекла. Я никак не хотела бросить свою работу, показывая дежурной, что окно еще грязное. Однако дежурная не позволяла мне продолжать эту уборку и в конце концов послала меня умыться. А впоследствии я узнала из записей воспитательского журнала, что я вытирала не пыль, а мел, которым были натерты стекла. Но в то время, когда я думала, что вытираю пыль, мне не могли объяснить, что стекла забелены мелом, поэтому все дело кончилось конфликтом между мной и воспитательницей.

Конфликт был весьма серьезным, тем более что я вообще невзлюбила воспитательницу, которая дежурила в то злополучное утро. Невзлюбила я эту воспитательницу при первом же знакомстве с нею, ибо она бывала резка в движениях, строга с детьми, она не позволяла нам ни малейшей шалости, не допускала ни одного свободного, самостоятельного движения. Если же я начинала ходить по всем комнатам, знакомясь с обстановкой, осматривая вещи и проч., эта воспитательница неотступно следовала за мной и не позволяла тщательно осматривать то, что меня интересовало. Замечая такое отношение ко мне со стороны этой воспитательницы, я так сильно невзлюбила ее, что даже расстраивалась, когда она дежурила. Я считала эту воспитательницу злой женщиной, не умеющей любить детей. И еще долгое время я не любила ее, не желая замечать ни сдержанной ласки, ни доброты в ее отношениях к детям.

И только через несколько лет я лучше узнала эту воспитательницу. В действительности она любила наших ребят, относилась к

ним заботливо и внимательно, но вообще была очень строга и придирчива, считая, что только строгостью и суровостью можно поддерживать порядок и дисциплину. Но она ошибалась, и это было заметно хотя бы из того, что не только я, но и другие воспитанники нашей клиники больше любили, больше слушались тех педагогов и воспитателей, которые обращались с ними мягче, разрешали в меру пошалить, побегать, не вполне организованно поиграть, проявляя хотя бы в этом свою детскую инициативу. Я же была не очень усидчива вследствие того, что быстро все схватывала, а потом тяготилась, когда нужно было выполнять одно и то же несколько раз подряд. Да и во многом другом я любила и хотела быть самостоятельной и делать все, что возможно было делать в тех условиях, в которых я жила в клинике.

Да, порой мне бывало весьма трудно в смысле моих настроений, потому что я не все понимала из того, что происходило в стенах клиники, в работе со слепоглухонемыми детьми вообще и в частности в работе со мной. Вот, например, бывали случаи, когда я чувствовала себя, как мне казалось, здоровой, а между тем меня почему-то укладывали в постель, как больную. Случалось и наоборот: у меня болела голова или горло, я хотела лежать, но мне показывали, что я здорова и должна заниматься. Почему же это происходило так? Впоследствии я узнавала, что воспитатели поступали так потому, что судили о моем самочувствии по моему лицу: если я бывала бледна, утомлена или казалось, что я нездорова, но почему-то не хочу в этом сознаться. Когда же я выглядела лучше, но, несмотря на это, жаловалась на какую-нибудь боль, им вдруг начинало казаться, что на меня напала лень, что я не хочу заниматься, поэтому придумала какую-то болезнь.

Такие и подобные им недоразумения раздражали меня, ибо я не знала о том, что воспитатели судят о моем самочувствии по внешнему виду или по температуре, которую нам систематически измеряли два раза в день. Незнание или неправильное понимание происходивших вокруг меня событий обычно влекло за собой более или менее серьезные инциденты.

Если я не ошибаюсь, то, кажется, несколько месяцев подряд меня приводило в недоумение и даже серьезно возмущало следующее обстоятельство: после занятий со мной и с другими детьми педагоги садились за стол в какой-нибудь комнате. Перед каждым из них лежала толстая в переплете тетрадь (теперь я знаю, что тетрадь), а в руке они держали карандаши или ручки. Некоторое время они о чем-то разговаривали, а потом начинали что-то записывать в свои тетради.

Будучи свободна после занятий, я подходила то к одному педагогу, то к другому; осматривала тетради, карандаши, ручки. Клала

свою руку на их горло, чтобы ощущать звуки их голосов. Но что они делали? Это было для меня загадкой. В первое время я относилась к этому спокойно, терпеливо,— быть может, я считала, что это какая-то игра, в которую играют взрослые. Но так как это занятие педагогов повторялось изо дня в день, а объяснения ему я не находила, то оно начало меня раздражать.

Иногда случалось так, что я совсем не уставала от занятий: например, когда меня учили убирать комнату, мыть посуду, вязать или шить какую-либо мелочь. Мне хотелось продолжать занятия, а педагог вдруг прекращал эти занятия, брал свою толстую тетрадь и начинал что-то записывать. Внутренне я очень возмущалась поведением педагога, который садился заниматься какими-то непонятными и ненужными, на мой взгляд, делами или игрой, в то время когда я с энтузиазмом занималась, не испытывая ни малейшего желания прервать занятия для того, чтобы педагог играл, а я ничего не делала. Ведь я в то время не понимала, почему меня не загружали занятиями или физической работой на весь день. Часто у меня бывала большая потребность быть как можно больше занятой. Я не знала тогда, что чрезмерная нагрузка может быстро утомлять нервную систему, которая у нас, слепоглухонемых, находится в постоянном и чрезмерном напряжении, а следовательно, и переутомление сказывается быстрее и сильнее.

Итак, не понимая того, что педагоги записывали в свои лабораторные журналы результаты проводимых со мной занятий — в чем бы ни заключались эти занятия,— я считала, что педагоги просто не хотят много заниматься со мной. И для того чтобы избавиться от этих занятий, занимаются чем-то ненужным, незначительным. И настолько глубоко я в это верила, что иногда мне хотелось отнять у педагогов карандаши и ручки, изорвать их тетради, чтобы они наконец поняли, что надо со мной заниматься, а не развлекать себя карандашами и тетрадями.

ЧАСЫ. ДАКТИЛОЛОГИЯ. ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ. СКУЛЬПТУРА

Я не буду подробно останавливаться на самых обыкновенных, повседневных и незначительных происшествиях, которые тоже иногда были поняты мною не так, как следовало бы их понимать. Эти незначительные случаи чаще всего относились к одежде, посуде, к уборке комнат и т. п. Перейду к более значительным для меня в то время вещам.

Припоминаю я первое свое знакомство со стенными часами. Конечно, мне не поверят, если я буду утверждать, что до поступ-

ления в клинику я вообще не видела часов. Часы я видела и на руке у кого-нибудь из знакомых, и карманные часы видела у отца, но никогда не видела стенных часов без стекла и с непонятными брайлевскими цифрами.

Отчетливо припоминаю, как однажды я вытирала одну боковую сторону буфета и вдруг, проведя рукой по стене вправо от буфета, я наткнулась на что-то висевшее на стене. Сначала я подумала, что это висит деревянный ящик, закрытый со всех сторон. Я начала осматривать этот небольшой ящик и обнаружила на нем какие-то точки и рельефные металлические рисунки различной формы. Две металлические линии неплотно прилегали к поверхности ящика и словно тихонько передвигались.

Чрезвычайно заинтересовавшись невиданным ящиком, я даже на время забыла о том, что я дежурная по комнате и должна вытирать пыль, не переключая свое внимание на другие занятия. Но в тот самый момент, когда я всецело была поглощена осмотром прямых движущихся линий, ко мне кто-то прикоснулся. Я сразу отдернула руку от ящика. Рядом со мной стоял мужчина,— как я потом узнала, это был проф. И. А. Соколянский. Он взял мою руку, положил ее на ящик, а потом сделал отрицательное движение. Все это он повторил несколько раз. Все эти жесты я поняла так, что к ящику нельзя прикасаться руками. На самом же деле Иван Афанасьевич хотел мне показать, что это стенные часы и что к стрелкам нужно прикасаться очень осторожно.

Учитель начал шевелить своими пальцами, заставляя меня повторять его движения. Я неловко что-то проделывала своими пальцами, подражая учителю. Он же то шевелил пальцами, то осторожно проводил моей рукой по рисункам и линиям ящика.

Однако в этот первый урок с Иваном Афанасьевичем я не поняла того, что он пытался мне объяснить. Я очень расстроилась оттого, что ничего не поняла. Очевидно, мой учитель это заметил, потому что вскоре попрощался со мной. Я же кое-как закончила свое дежурство и ушла в спальню предаваться горьким размышлениям, потому что мне показалось, будто учитель обращался со мной очень строго.

И вообще было над чем подумать. Ведь мне показывали часы, объясняли цифры брайлевского и плоского письма, а я этого не поняла. Мне показалось, что учитель за что-то рассердился на меня и не позволяет мне осматривать заинтересовавший меня ящик. Учитель учил меня произносить, т. е. проделывать пальцами слово ч а с ы, показывал мне, что нельзя толкать стрелки. А то, что он шевелил пальцами, я поняла так, что мне показывают какую-то игру пальцами. Игра эта мне не понравилась, но учитель заставлял повторять эту игру.

После этого случая я стала не только стесняться, но даже бояться Ивана Афанасьевича, которого часто узнавала на расстоянии по запаху духов. А тот участок стены возле буфета, где висели часы, я стала обходить так, как будто часы могли соскочить со стены и поколотить меня стрелками за то, что я так неумело их осматривала и заигрывала с ними пальцами. Но учитель не оставил меня в покое. Он начал каждое утро подходить ко мне. Он подводил меня к часам, настойчиво показывал на стрелки и цифры и играл пальцами.

Время шло, и я с каждым днем привыкала к учителю, переставала бояться его, ибо ничего плохого он со мной не делал. Наоборот, он поощряюще гладил мою руку, когда я постепенно стала привыкать к пальцевой азбуке (дактилологии) и уже хорошо «произносила» пальцами слово ч а с ы. Потом мы учили цифры.

Когда я все это достаточно усвоила, учитель показал свои ручные часы, потом указал на стенные часы. И я поняла, что все эти вещи — карманные, ручные и стенные часы — нужно всегда называть только одним этим словом. Наконец, наступило время, когда я свободно могла узнавать, который час. После этого педагоги стали приучать меня следить по часам, если нужно было накрывать стол к первому завтраку, ко второму завтраку, к обеду, к вечернему чаю и к ужину. В свое дежурство по столовой я часто смотрела на часы, и, если наступало время готовить стол, я это делала по часам самостоятельно, не ожидая инструкции дежурной воспитательницы.

Здесь я очень кратко описала те первые уроки, благодаря которым у меня начало формироваться и представление о часах, о времени. Поняла я также и значение ручной азбуки, этого непревзойденного способа общения слепоглухонемых с окружающими людьми.

Однако легко мне об этом писать теперь, но не так легко и просто было понять все это в то время, о котором я пишу. Например, мне очень трудно было понять дактилологию, понять, почему каждая отдельная пальцевая буква должна отличаться от другой пальцевой буквы. Почему нужно было производить то или иное движение иногда только пальцами, иногда прибавлять движение всей кисти руки. Все это я не сразу поняла. И я помню, что когда нужно было сделать движение пальцами и присоединить к ним и движение кисти в таких буквах, как *д, к, ъ, й, щ, ц,* я не хотела делать движения, соответствующие этим буквам, не видя в этом никакой необходимости. И только когда я поняла значение пальцевой азбуки и усвоила все буквы, тогда поняла, почему необходимо производить соответствующие движения для тех букв, кото-

рые вначале не понравились мне, ибо эти движения казались мне затруднительными.

А теперь мне хочется сказать несколько слов о том, как я ознакомилась с письменными приборами для незрячих: с грифелем, с ручным прибором (брайлевской доской) и с пишущей машинкой («Пихтой»).

Помню, что я еще в Одесской школе слепых видела письменный прибор давно устаревшего и вышедшего из употребления образца. Этот прибор состоял из металлической доски с поперечными канальцами, деревянной рамки и двухстрочечной линейки, которую следовало передвигать, когда на бумаге были уже написаны две строки.

В Харьковской же клинике мне показали совсем другие письменные приборы. В этих приборах не было рамки и передвижной линейки. Их заменяла как бы крышка с клеточками, приделанная к нижней части прибора. Эти приборы напоминали мне какую-то особенную и таинственную книгу. Потом мне стало казаться, что это только переплет книги, и некоторое время я задумывалась над вопросом: почему на книге был металлический переплет? Какой же была книга, помещавшаяся в этом переплете? Успокоилась я только после того, как мне показали, что в прибор нужно вкладывать бумагу, закрывать крышку, а в клеточках прокалывать грифелем точки так же, как это делали все незрячие, когда писали на вышедших из употребления приборах.

Брайлевская же машинка, которую мне показали, очень заинтересовала и даже захватила меня. Правда, обнаружив на машинке клавиши, я сначала подумала, что это маленький инструмент, который будет издавать звуки, как тот большой рояль, который я видела раньше в школе слепых. Я попробовала осторожно нажать на одну клавишу, но сильного продолжительного звука я не ощутила, получился только короткий слабый стук, который сразу оборвался. Мне показали, как нужно вставлять бумагу в машинку и как ударять по клавишам, чтобы на бумаге получались выпуклые точки. Я поняла, что это не такой инструмент, который очень звучит внутри, т. е. не рояль. Тем не менее машинка мне очень нравилась, я подолгу упражнялась на ней, с интересом следя за тем, как от ударов пальцами по клавишам получаются на бумаге всевозможные комбинации выпуклых точек. С тех пор и по сей день я постоянно печатаю на машинке и только в редких случаях пользуюсь ручным прибором — брайлевской доской.

В клинике было много различных вещей, которых я раньше нигде не видела, но они находились в лаборатории, куда я еще не решалась заходить одна без педагога. Я уже понимала, что нельзя заходить в такие комнаты, где можно случайно свалить, сломать

или разбить что-либо. Зато я не боялась и любила изучать две площадки на лестнице: там стояли большие комнатные цветы, а главное, там были статуи. До поступления в клинику я никогда не видела ни больших статуй, ни маленьких статуэток. Я даже не знала о том, что такие вещи существуют, хотя, живя еще в селе, я имела возможность видеть не только размоченную глину, но даже лепить кое-что из нее. Но ведь это было не вполне осмысленное детское развлечение. Так, развлекаясь, я делала из глины шарики, бублики, пирожки, калачи, вареники и вообще все то, что можно было увидеть у мамы, когда она пекла что-нибудь. Позднее я пыталась лепить кур, уток, коров и лошадок на кривых палочках, заменявших им ноги. Посуду я хорошо лепила, но ведь из посуды нужно было кому-то кушать, значит, нужны были глиняные человечки. Но имели ли мои человечки, которых я лепила по образу и подобию своему, какое-либо сходство с человеком, это теперь трудно установить. Скорее всего мои человечки были похожи на тех грубых, неотесанных каменных баб, которых я потом видела в Историческом музее, в отделе древнего народного творчества. От этих каменных, порой взятых с курганов баб мои человечки отличались тем, что они были еще и инвалидами: туловища у них были глиняные, а вместо рук и ног торчали палочки — короткие и более длинные.

Итак, я была большим профаном в искусстве. Это я поняла, когда впервые увидела настоящую скульптуру. Это были такие ценные, такие прекрасные мраморные и бронзовые статуи, какие можно увидеть только в первоклассных музеях.

Та скульптура, которая имелась в клинике, частично уже описана мной ранее, поэтому здесь я не буду описывать каждую статую в отдельности. Но я считаю целесообразным рассказать о том, как я относилась к каждой статуе. Когда мне впервые показали статуи, я очень удивилась этому и захотела узнать, для чего были сделаны из чего-то холодного неживые люди. Но в то время мне еще не могли объяснить, что такое искусство и для чего оно существует. Мне просто показывали статуи, и я узнавала, что они изображают людей. Заинтересовавшись статуями, я часто ходила на площадки лестницы и долго и внимательно изучала каждую. Но относилась я к этим статуям неодинаково.

Статую мальчика, вынимающего из ноги занозу, я очень жалела и даже полюбила за красоту, которую хотя и не могла объяснить словами, но тем не менее воспринимала пальцами. Осматривая мальчика, я иногда забывала о том, что это статуя: я гладила его то по лицу, то по головке почти с такой же нежностью, как если бы это был живой мальчик, у которого действительно в ноге заноза и которому от этого больно.

20 Заказ 812

Венеру Милосскую я тоже жалела за то, что у нее не было рук: она мне тоже казалась красивой и грустной, я ее любила, но любила иначе, не так, как мальчика. Воспринимая линии красивого, но строгого, замкнутого и неулыбающегося лица, я боялась погладить Венеру Милосскую, мне казалось, что если находишься возле нее, то нужно крепко сжать губы, нужно молчать и ничем не проявлять любовь и жалость к этой неживой безрукой женщине, чтобы она не рассердилась на меня. И я со вздохом отходила от статуи, не испытывая нежности, а только непонятную грусть и недоумение.

Венеру Медицейскую я очень часто осматривала, и если бы могла тогда понять свои чувства и выразить их словами, то, наверное, сказала бы следующее: «Несмотря на свои отроческие годы, я чувствовала какой-то окрыляющий восторг, веселье и смелость, когда ощущала, как улыбается и в какой позе стоит Венера Медицейская».

Припоминаю, что я иногда ставила табурет рядом с круглой тумбой, на которой возвышалась прекрасная и кокетливая богиня любви и красоты (конечно, я так выражаюсь только теперь). Я становилась на табурет и начинала подражать улыбке и позе статуи. Не знаю, видели ли меня за таким занятием педагоги, но помню, что однажды на меня наткнулся старший мальчик из воспитанников клиники. В то время я уже знала пальцевую азбуку, знала, как называется каждая статуя.

Этот старший мальчик тоже иногда осматривал статуи, или один, или вместе со мной, но как он все это понимал и как относился к статуям, этого я не знаю. Наткнувшись на меня возле Венеры Медицейской, мальчик начал осматривать поочередно то меня, то Венеру. По-видимому, он был очень удивлен, хотя меня он узнал и сказал «Оля», указывая на меня. Но я сделала отрицательный жест рукой и указала ему на Венеру. Он ответил мне: «Венера». Я показала на себя. Он снова сказал: «Оля».

Я не знала того, что мальчик не поймет моей шутки, не думала, что он мне поверит, поэтому захотела безобидно пошалить. Я показала мальчику на Венеру и сказала, что ее зовут «Оля», а потом показала на себя и сказала: «Я Венера». Мальчик послушно повторил все то, что я ему сказала, и, к моему изумлению и ужасу, сразу согласился называть Венеру Олей, а меня Венерой. Я старалась жестами и некоторыми словами объяснить мальчику, что я пошалила, но он настойчиво повторял, указывая на статую: «Оля», а потом на меня: «Венера». Мне казалось, что мальчик чем-то очень доволен, он даже прощался со мной за руку, несмотря на то что мы могли еще не однажды встретиться и в тот же день внизу в общих комнатах.

И еще некоторое время спустя этот доверчивый мальчик продолжал называть меня Венерой, а статую моим именем.

Со временем я даже начала привыкать к этому новому имени. И тоже шутя, кому-то из педагогов или воспитателей сказала, чтобы меня называли Венерой. Но, как я узнала впоследствии, тот, кому я это сказала, тоже не понял моей шутки. Все педагоги подумали, что я себя тоже считаю Венерой. Они сожалели о том, что пока не могут объяснить мне, что такое скульптура, что такое Венера.

А возле серьезного, отдыхающего Гермеса я всегда старалась стоять тихо и тоже о чем-нибудь думать. У меня не являлось желания узнать, о чем он думает, мне даже было немного скучно стоять возле Гермеса так тихо и делать усилие над собой, чтобы о чем-нибудь думать. Но если бы я тогда имела некоторые познания в мифологии, то, наверное, не стала бы тихо и задумчиво стоять возле Гермеса. Быть может, я попыталась бы придумать какую-нибудь шалость, чтобы перехитрить самого Гермеса!..

«Флорентийских борцов» я даже боялась, когда прикасалась к их мощным мускулам, а того борца, который лежал повергнутым, я жалела. Но вообще эта скульптура как будто пугала меня, и возле нее я надолго не задерживалась.

Однако не только первое время своего пребывания в клинике я осматривала скульптуру. Нет, я никогда не уставала любоваться чудесными статуями, а значительно позднее, когда я уже читала серьезные книги, мне читали из «Истории искусства» описание точно таких же статуй, какие были в нашей клинике. И слушая эти описания, я сравнивала свои собственные восприятия скульптуры и видела, что я многое понимала и подмечала правильно, когда начала изучать эти статуи.

По всей вероятности, проф. И. А. Соколянский и педагоги заметили, что я не только могу отличать одно скульптурное произведение от другого, но также могу воспринимать их содержание, достоинства и недостатки. Со мной стали ходить в музеи и на различные выставки, а когда проектировался памятник Т. Г. Шевченко в Харькове, наш профессор сам ходил со мной на эту выставку, где я впервые осматривала великого украинского поэта в различных позах, а также видела статуэтки, изображавшие главных героев из его поэм. Помню, что у меня спрашивали сотрудники выставки, что мне больше всего нравится из этих образцов. Я указывала на те фигуры, которые мне больше нравились, и, если мне теперь не изменяет память, я указывала правильно.

Таким образом, воспринимать скульптуру и понимать ее содержание я начала раньше, чем стала изучать историю искусств.

ПОНИМАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ТРУДА

Я уже упоминала о том, что всегда любила выполнять полезный и посильный для меня труд. Пусть это был самый маленький, самый незначительный труд, но я выполняла его с большой охотой и бывала очень довольна, если мне удавалось сделать как можно больше, как можно лучше.

Находясь в клинике в прекрасных бытовых и материальных условиях, я несколько тяготилась тем, что мне не приходится выполнять ничего серьезного и ни в чем помогать другим. Я понимала, например, что технички убирают комнаты для нас, что в кухне повариха готовит пищу для нас, что портниха шьет белье и платья для нас, что воспитатели и педагоги обслуживают и обучают нас и т. д. А я? Что делаю я? Ем, сплю, занимаюсь, гуляю, играю. То, что я иногда мыла посуду, вытирала пыль с чистой мебели и стелила свою постель, не удовлетворяло меня, ибо на все это я затрачивала энергии весьма немного. И я часто раздражалась оттого, что не выполняла более трудной работы. Но у нас в клинике такой работы не было, а чтобы я не нервничала, мне разрешили ходить в мастерские школы слепых.

И вот в одно прекрасное утро сразу же после завтрака с большим оживлением надеваю халат, который мне сшили специально для мастерской, и в сопровождении воспитательницы иду в щеточную мастерскую. Наверное, во всей этой большой школе не было в это утро более счастливого человека, чем я. Я бодро и уверенно топала каблучками ботинок, проходя по длинному коридору школы. По всей вероятности, я тогда воображала, что для меня начинается что-то необыкновенное и такое, от чего я никогда не устану, никогда не оторвусь, буду работать не только днем, но и ночью...

В первый же урок я без труда поняла, как нужно делать щетки для чистки обуви. Но я еще не знала той простой, но в то же время мудрой истины, что понять — это одно, а выполнить — это нечто совсем другое. Правда, делать щетки мне было не очень трудно, но беда заключалась в том, что я очень старалась показать всем, как быстро я все понимала и добросовестно выполняла работу. Думаю, что я не стремилась показать себя лучшей ученицей мастерской, но я хотела хорошо работать, и это была естественная потребность не быть хуже других, не отставать от других. Однако эти старания работать наравне со всеми с первого же дня, прежде чем я по-настоящему овладела ремеслом, неблагоприятно отражались на материале и качестве производимой мной продукции.

Руки у меня были сильные и энергичные, поэтому, когда я вставляла пучок щетины в отверстие колодки, а затем быстрым рывком затягивала проволокой, пучок щетины иногда просовывался через отверстие на другую сторону колодки, и мне приходилось обратно выдергивать его, чтобы сравнять сделанные ряды. Но еще чаще случалось так, что я очень сильно натягивала проволоку и она рвалась. Тогда мне приходилось делать узлы на проволоке. Короче говоря, через некоторое время я окончательно разочаровалась в щеточном ремесле, от которого у меня ухудшилось осязание на кончиках пальцев, а на коже были царапины от концов проволоки, которую я связывала, когда она разрывалась. Наконец я отказалась ходить в щеточную мастерскую, и меня перевели в рукодельный класс, где мне не приходилось выполнять не подходившую для моих рук работу.

В рукодельном классе мне прежде всего дали осмотреть руками все то, чему там учили незрячих девочек. К сожалению, в то давно прошедшее время учили весьма немногому: девочки учились шить руками, вязать на спицах и крючком, шить на швейной машине, вязать кашне и чулки на чулочной машине, плести сумки из шпагата, плести гамаки.

В рукодельном классе я прежде всего захотела научиться вязать чулки на чулочной машине и шить на машине. Шить руками я уже умела, потому что еще у матери я научилась шить наряды куклам. Вязанию крючком и на спицах я тоже училась в классе и быстро все понимала, но у меня не хватало терпения чересчур механически выполнять эту работу да еще следить за тем, чтобы иной раз не спустить петлю. Сумки из шпагата и даже гамаки я тоже научилась делать, и, кажется, весьма недурно, ибо воспитателям и педагогам нравились сделанные мной сумки, мне даже стали приносить заказы, т. е. кто-нибудь приносил из дома шпагат и просил меня связать сумку. За работу мне платили деньгами и ходили со мной в магазин, чтобы я сама могла купить что-нибудь. Это мне очень нравилось, тем более что это поощряло мое желание работать и быть полезной другим.

Однако, несмотря на то что я без особого труда и усилий училась вышеуказанному рукоделию, оно меня только временно увлекало, но если я долго занималась тем или другим вязанием, у меня почему-то часто разбаливалась голова, а иногда мне делалось совсем плохо. Я этому очень удивлялась, так как не понимала, что меня просто утомляет такая однообразная механическая работа, от которой меня ничего не отвлекало, ведь я не получала ни зрительных, ни слуховых впечатлений, на которые могла бы переключаться хотя бы на несколько минут. Я думала, что становлюсь больной, когда много шью или вяжу. Постепенно я забрасы-

вала рукоделие и больше интересовалась занятиями, которые не были столь утомительны.

Так, например, я полюбила лепить что-нибудь из пластилина и замечала, что эти занятия не так быстро утомляют меня. Это вполне понятно: моя мысль творчески работала над тем, что и как следует сделать. Но прежде чем начать лепить тот или иной предмет, я должна была припоминать все детали того предмета, с которого я снимала копию. Если я, например, хотела вылепить чайник или корзинку с фруктами, я сначала должна была осмотреть эти вещи, потом отодвинуть их и на расстоянии представить чайник, который я как будто еще осматриваю руками и вижу его. Точно такой же мыслительный процесс происходил в моем мозгу, когда я хотела вылепить корзину с фруктами. Я воображала, что осматриваю корзинку, ощущаю пальцами все ее детали, а затем ощущаю фрукты — яблоки, груши, сливы, которыми мысленно наполняю корзинку.

Все это было для меня очень интересно и совсем неутомительно, ибо работала мысль, образ одного предмета последовательно сменялся образом другого предмета. Это уже были зародыши анализа и синтеза, весьма своеобразного творческого процесса, как следствия моего образного мышления и тактильного восприятия.

Но не только такие занятия, при которых больше работала мысль, меньше утомляли меня, чем рукоделие, но даже такой физический труд, как стирка, уборка комнаты, приготовление пищи и т. п., нравился мне больше, был для меня легче всякого вязания и вышивания. А позднее, когда я начала учиться письму, чтению, речи, заниматься по общеобразовательным предметам, я окончательно поняла, что для меня рукоделие скорее вредно, чем полезно: во время рукоделия у меня как будто притуплялись мысли, слабела память, потом появлялось физическое ощущение какого-то покалывания и легкого щекотания по коже лица и головы, наконец, начиналась слабость и руки бессильно опускались. Умственный же труд утомлял меня значительно меньше: мои мысли настолько прояснялись, что мне казалось, будто я физически ощущаю это прояснение, память становилась лучше, появлялось хорошее настроение и желание побольше заниматься умственно, побольше узнавать о том, чего я еще не знаю.

Благодаря всем этим ощущениям я начинала понимать, какой труд для меня более доступен и полезен. И к тому, что мне было нужно, чего требовали мои умственные запросы, я упорно и неуклонно стремилась, не успокаиваясь и не останавливаясь на своих достижениях. Все это происходило со мной не в первый год моего пребывания и обучения в клинике, а в течение целого ряда лет.

Легко и скоро сказка сказывается, но не так-то просто и легко все происходило в моей жизни во время моего пребывания в клинике. Проходил год за годом, и небезрезультатно для меня. Я уже занималась общеобразовательными предметами по программам специальных школ. Читала художественную литературу, пользуясь книгами из библиотеки школы слепых. Из общеобразовательных предметов мне особенно нравились география, история, естествознание, зоология и ботаника; интересно было читать хрестоматию по литературе, писать переложения и заучивать стихи. На этих занятиях, как и в трудовом классе, я также старалась хорошо знать уроки. Меня не удовлетворяло то, что я понимаю содержание заданного мне на дом урока, поэтому я выучивала наизусть, слово за словом, несколько страниц по истории, географии, естествознанию. Я предполагала, что мои учителя будут этому рады, похвалят меня за то, что я так хорошо выучиваю уроки. На самом же деле меня хвалили только за хорошую память, но не всегда верили в то, что я понимала содержание выученного наизусть текста.

После того как я пересказывала выученное наизусть, мне начинали снова задавать вопросы и требовали, чтобы я все объясняла своими словами, а не декламировала, как стихи. Но я не понимала, почему учительница сомневается в том, что я выучила урок. Мне снова и снова объясняли, что нужно говорить своими словами. Однако как же я могла так много объяснять своими словами, если мне легче было рассказать выученный наизусть текст, чем припоминать выученные слова и фразы и считать их своими словами? Эти слова и фразы я не всегда быстро припоминала, не всегда правильно применяла их в смысловом значении. Но если я заучивала текст, мне казалось, что я понимаю и слова, и содержание. Почему же учительница не верила мне? Этого я не понимала и иногда очень обижалась на своих учителей. А они, конечно, по-своему были правы, только я нескоро это поняла. Но поскольку от меня требовали давать объяснения своими словами, я должна была подчиниться этому требованию, должна была о прочитанном говорить устно и излагать письменно своими словами. Все это привело к тому, что я однажды написала свой рассказ. Случилось это так.

На уроке русской литературы учительница прочитала мне из книги для зрячих один рассказ под названием «Сильнее слов» (сейчас я абсолютно не помню фамилии автора). После чтения учительница еще раз своими словами объяснила мне содержание

рассказа, особо комментируя те места, которые я слабо усвоила. Наконец я поняла рассказ, и учительница дала мне задание написать переложение этого рассказа дома, припоминая рассказ, но не имея возможности перечитать его самостоятельно. Я очень старалась выполнить задание: я писала целый вечер и даже ночью, а утром на уроке я с гордостью показала учительнице тетрадь с «переложением».

Когда учительница прочитала рассказ и начала со мной говорить, я сразу почувствовала, что я что-то не так сделала. Действительно, учительница сказала, что я написала хорошо, грамотно, с правильным применением слов, но... я написала свой рассказ, по содержанию похожий на тот, который мне прочитан накануне.

В прочитанном мне рассказе говорилось о старике, который работал на заводе в очень тяжелых условиях и очень страдал от наждачной пыли. Сейчас я уже не помню, чем кончался этот рассказ, но, кажется, в конце старик погибает. Я же написала рассказ тоже о старике, который при царском режиме работал в угольных копях, редко поднимался на поверхность земли и наконец погиб — или во время обвала в копях, или на рабочей демонстрации был убит казаками — это я сейчас тоже точно не помню.

Содержание для своего рассказа я почерпнула, разумеется, из истории. Благодаря ошибке, т. е. тому, что я неправильно поняла учительницу, когда она давала мне задание написать переложение рассказа, выяснилось вдруг, что я не только могу выражаться своими словами, но даже могу написать свой рассказ, подражая тому, что мне читают или я сама читаю. Это было очень важное открытие и для педагогов, и для меня, ибо из этого вытекал тот факт, что я уже инстинктивно начинаю нащупывать путь умственного труда.

После этого совершенно случайного написания первого рассказа я уже систематически стремилась побольше писать. А что писать? Вначале это было почти несущественно, ибо главным было то, что появилось желание писать, а писать можно было хотя бы о том, что я наблюдала в окружавшей меня повседневной жизни. Можно было также кратко излагать прочитанные книги и т. д.

Мои учителя очень поощряли мое желание побольше читать и писать, хотя знали, что я еще многого не понимаю из того, что читаю. Я и сама чувствовала, что не всегда правильно понимала прочитанное, но я обращалась за объяснениями только в тех случаях, когда ничего не могла придумать сама, т. е. не находила никакого *правильного и неправильного*, но тем не менее самостоятельного объяснения. Совершенно так же я поступала и в тех случаях, когда не понимала новых слов: сначала я пыталась самостоятельно понять значение незнакомых мне слов, а если мне это

не удавалось, тогда я обращалась к учителям за объяснением. Конечно, я получала самые исчерпывающие объяснения и указания.

Бывало и так, что я начинала употреблять слова, которые не совсем понимала. Разумеется, я сейчас не могу припомнить все те многочисленные слова, которые неправильно применяла,— ведь этих слов было так много! Но кое-что я и сейчас помню.

В то время когда я училась, в библиотеке школы слепых новых книг для младших детей почти не было. Мне приходилось читать только то, что имелось в библиотеке. Читала я небольшие рассказики и сказки из «Азбуки» Л. Н. Толстого, «Родное слово» Ушинского и сказки Жуковского, Пушкина, сказки Андерсена, Оскара Уайльда «Счастливый принц», басни Крылова и много других рассказов для ребят.

Следует сказать, что в детстве я многое из прочитанного понимала буквально, а не в переносном смысле и думала, что в жизни все бывает так, как рассказывается в сказках или в баснях. И мне очень хотелось, чтобы со мной тоже произошло что-нибудь занимательное, необыкновенное, как это происходит в сказках. Например, когда я читала сказку «Красная Шапочка», мне очень хотелось быть на месте этой девочки. Я воображала, как бы я себя вела с серым волком...

Сказки Жуковского, Пушкина и Андерсена тоже доставляли мне немало переживаний: я то радовалась, когда герои и героини оказывались победителями, то огорчалась в связи с их неудачами и даже плакала. Помню, что я очень плакала после прочтения сказки Андерсена «Девочка со спичками», мне жалко было замерзшую девочку. Мне очень хотелось поделиться с нею и теплой одеждой, и всем прочим, что я имела.

На старуху рыбачку из сказки Пушкина я сердилась за ее жадность, а потом радовалась, что в конце сказки она опять сидит перед разбитым корытом. «Так ей и надо! Жадная бабка»,— думала я. После прочтения «Счастливого принца» мне было очень грустно и почти не хотелось ничего делать для себя. Пробовала я читать «Руслана и Людмилу», но это было преждевременно, ибо я мало что поняла. В моем воображении оказались две Людмилы, несколько Русланов и несколько чародеев. Правда, я никому не сказала об этом, а снова прочитала «Руслана и Людмилу» в такое время, когда уже правильно могла понять это прекрасное произведение. Была я крайне удивлена тем, что Людмила была только одна, Руслан один, чародей тоже один. Куда же девались остальные Русланы, чародеи и другая Людмила? Неужели первый раз я читала другое произведение под тем же названием?

Время шло, и я запоем читала все, и понятное, и не совсем понятное. Наступило время, когда я уже могла читать вполне осмыс-

ленно «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу, рассказы Гоголя «Ночь перед рождеством», «Майская ночь», «Заколдованное место».

В то, что описывалось в рассказах Гоголя, я вполне и очень серьезно верила, тем более что я первые годы своей жизни провела в украинском селе, знала, как мать и соседи готовились к зимним праздникам. Я верила, что кузнец Вакула действительно куда-то летал за черевичками для Оксаны, только у меня снова оказались две царицы Екатерины: одна из них просто какая-то царица, которую никогда никто не видел, а другая — добрая, всем доступная женщина, которая дарит кузнецу черевички для любимой им девушки.

«Майскую ночь» я тоже поняла по-своему: поверила в существование мачехи-ведьмы и очень боялась, чтобы весной не влезла ко мне в окно ночью такая же мачеха-ведьма, а жили мы на первом этаже, и моя кровать стояла возле двух окон, выходивших в сад. Когда же я прочитала повесть «Вий», то совершенно утратила всякое спокойствие и храбрость, хотя вообще была смелая девочка и не всех «злых духов» боялась.

Когда я впервые читала «Хижину дяди Тома», то, кажется, не все понимала как следует, но то, что я понимала, глубоко трогало и волновало меня. Я не понимала, чем же так плохи негры, почему к ним так плохо относятся белые. Но я очень жалела всех этих хороших черных, очень плакала, читая, как их продавали, разлучая с семьями, с друзьями, с родиной. Я глубоко ненавидела тех белых, которые особенно жестоко обращались с неграми, и мне казалось, что у меня хватило бы смелости и силы побить тех, кто бил негров...

По мере того как я становилась старше и росла в интеллектуальном отношении, я читала все более и более серьезные книги, т. е. такие, которые соответствовали моему возрасту и умственному развитию. Конечно, и в них я не всегда абсолютно все понимала, но это не останавливало меня и не умаляло моей любви к книгам. Ведь чем больше я читала, тем лучше понимала то, что было непонятно раньше.

Но и при чтении повестей для старшего возраста, а затем романов я долго не могла отделаться от своей детской привычки ставить себя на место тех, о ком я читаю. И я не только ставила себя на их место, но также продолжала придумывать для себя новое содержание повести или романа уже после того, как книга была прочитана.

Я настолько живо представляла и ясно понимала многое из прочитанного, что видела все это во сне, а во сне все происходило так необычайно, так правдоподобно, что, просыпаясь после сновидений, я не сразу могла понять, действительно ли это были только

сновидения, или же со мной происходили наяву такие же события, какие описывались в книгах.

Так, в одном сновидении я была похожа на Машу Троекурову; в светлую лунную ночь я ожидала в саду Дубровского и он пришел и был необычайно похож на того Дубровского, которого так хорошо описал Пушкин. В другом сновидении я была Софьей из «Недоросля» Фонвизина и отчаянно отбивалась от нападавших на меня госпожи Простаковой и Еремеевны. После чтения исторических романов Соловьева и Мордовцева я не однажды во сне переживала те исторические события, которые описывают эти писатели в своих произведениях. А после чтения «Бориса Годунова» я видела во сне, как царь Борис собственноручно зарезал маленького царевича Димитрия...

Было много и других сновидений в связи с чтением книг. Упоминаю об этом потому, что они наглядно показывают, как я не только любила читать, но любила и фантазировать, а это подтверждало тот факт, что я все лучше и глубже понимала прочитанное, переживала его и надолго запоминала. И если бы я захотела описывать последовательно свои переживания и понимание книг, то мне пришлось бы выделить этот материал в специальную монографию.

Однако я не только любила читать книги, не только увлекалась особенно захватывающим содержанием, наконец, не только придумывала продолжение прочитанной книги — нет, я хотела сама написать что-нибудь потрясающее... Правда, я думала, что это весьма легко можно сделать: села за машинку, вложила в нее бумагу, начала придумывать и записывать... Но первые же мои попытки самой написать роман привели меня к весьма неутешительным результатам и выводам. Романы у меня не получались, а об авторах прочитанных ранее книг я начинала думать, что это какие-то особенные люди: очень умные, очень серьезные, отлично знающие такую жизнь, о которой я ничего не знаю. Ведь я самая обыкновенная молоденькая девушка, не очень умная и мало знающая людей и их жизнь... Да, как это ни грустно, но я убеждалась в том, что сама я никогда не смогу писать. А писать мне так хотелось!.. И от этих мыслей я тяжело вздыхала и подолгу просиживала за машинкой, в которую был вставлен лист чистой бумаги.

Но писать я все-таки не бросала. Начала с того, что научилась вести свой дневник, и несколько лет очень этим увлекалась.

Конечно, прежде чем начать писать дневник, я сначала должна была понять, что такое вообще дневник. К дневнику меня начали приучать педагоги. Сначала мне просто давали задание записывать в конце каждого дня, как я провела этот день, что делала,

чем занималась, с кем встречалась и т. д. Мне сказали, что такого рода записи называются д н е в н и к о м. Когда же я начала ходить в школу слепых, в мастерскую и рукодельный класс, у меня появились подруги — ученицы школы.

Продолжая и в дальнейшем дружить со школьниками, как с девочками, так и с мальчиками я узнавала от своих подруг об их жизни, о различных их делах и интересах. Узнала, между прочим, что некоторые девочки тоже пишут дневники, которые охотно давали мне читать, несмотря на то что я еще не все понимала из того, что было написано в этих дневниках. Все это привело к тому, что я начала вести еще более систематический, более подробный дневник и записывала в нем не только то, что происходило со мной в клинике, но также и то, что случилось со мной, когда я бывала в школе или когда ходила в гости к своей лучшей подруге, которая каникулы и все свободные дни проводила дома.

К сожалению, я очень давно уничтожила множество тетрадей, составлявших мой подробный дневник. Сейчас у меня под рукой имеется весьма немногое из того, что случайно сохранилось от дневника, который я некогда сожгла. Эти остатки как раз относятся к тому периоду, когда я поняла, что могу стать, несмотря на свои физические недуги, ч е л о в е к о м в духовном и интеллектуальном значении.

Отрывки из дневника интересны тем, что они характеризуют мое отношение и неуклонное стремление к знаниям, мое понимание прочитанного материала или воспринятого из жизни. Это своего рода отклики на тот новый материал, что поступал в мой ум.

Вот эти разрозненные и немногочисленные отрывки:

1928 год, 20 сентября

«...Недавно я читала дневник своей подруги Н., и мне самой тоже захотелось вести дневник, хотя я еще не совсем понимаю, что нужно и что не нужно записывать в дневник. Но это ничего, я попробую писать.

На этих днях мне начали читать книгу, научно-фантастический роман «Человек-амфибия». Книга написана для зрячих, но мне педагоги и воспитатели читают эту книгу посредством дактилологии.

Когда мне начали читать эту книгу, я не понимала слова *амфибия*, но мне сказали, что И. А. дал эту книгу для меня и сказал, что я пойму значение этого слова, когда мне прочитают несколько глав.

Сегодня И. А. спросил у меня, нравится ли мне книга. Я ответила, что нравится и я уже начинаю понимать, что с Ихтиандром будут происходить интересные приключения, но пересказать со-

держание прочитанного мне еще трудно, я не все слова, которые встречаются в книге и которые мне объясняют во время чтения, ясно понимаю. И. А. сказал, чтобы я внимательно слушала то, что мне читают, а после каждой прочитанной главы он сам будет со мной беседовать и объяснять непонятое мной. Он сказал также:

«Оля, ты всегда старайся относиться ко всему серьезно, выслушивать все внимательно, тогда многое будет тебе более понятно. Если же тебе будет очень трудно понять что-нибудь, ты записывай такими словами, которые знаешь, а потом я буду с тобой беседовать. Тебе нужно очень многое правильно понимать и представлять, поэтому нужно обо всем спрашивать у тех, кто может тебе объяснить. Знания откроют тебе в жизни очень многое...»

После этих слов И. А. меня охватила большая радость. Мне всегда казалось, что если я не вижу и не слышу, то, значит, я не могу получить больших знаний, да и никому и не нужно, чтобы я их получила. А вот И. А. и мои учительницы хотят, чтобы я получила знания. Хотят, чтобы я многое понимала в жизни...

29 сентября

Продолжаем читать «Человек-амфибия».

Теперь я уже понимаю, что значит «амфибия». Читаем мы о том, какие дети были в саду у доктора, а также о том, как и почему Ихтиандр стал амфибией. В книге немного говорится об эволюционном развитии животных, как они совершенствовались в течение многих веков. Наверно, я сейчас выражаюсь неправильно, но это потому, что для меня совсем ново и совсем незнакомо то, что написано в книге. А новое мне всегда трудно правильно выразить словами. Да, я знаю, что многое еще трудно понимать и рассказать словами, но я хочу побольше читать, побольше знать и тогда, наверно, все буду понимать лучше...

15 октября

Сегодня мне окончили читать «Человек-амфибия». Читая эту книгу, я узнала о том, как когда-то католическая церковь выступала против науки, как католическое духовенство запугивало людей, грозило всякими муками и божьими карами тем, кто не считался с религией и добивался научных знаний и открытий в различных областях.

Вечером пришел И. А. Я попросила его объяснить мне все то, чего я не поняла в книге. Он ответил на все мои вопросы. Потом я ему сказала:

— Вы знаете, И. А., с тех пор как я начала читать интересные книги, я больше начинаю интересоваться жизнью, всем тем, что меня окружает, а раньше я часто думала о том, что я ничего не

вижу, ничего не слышу. Мне было очень тяжело, а теперь мне легче...

— Это очень хорошо, я этому очень рад. Я знал, что это так и будет...

15 ноября 1929 г.

Мне читают «зрячую книгу» — «Пять бессмертных». Это научно-фантастический роман, но книга все-таки тяжело на меня действует. Автор этой книги фантазирует о том, чтобы продлить жизнь человека дольше, чем обычно живут люди. Автор хочет достичь этого путем пересадки продолговатого мозга от одного человека другому человеку. Тот человек, у которого вырезают продолговатый мозг, погибает, а другой, которому пересаживают мозг, живет 200 лет. Мне жалко тех людей, которые погибают, а те, которые живут за счет их жизни, мне не нравятся, они несимпатичные, бесчувственные, недобрые...

Мне также читают газеты и проводят со мной различные беседы. И мне кажется, что я с каждым днем обновляюсь. Кажется, что во мне зарождаются новые радости, появляются новые силы и желания. Я не знаю, как мне словами это выразить и кто это может так почувствовать, как чувствую я, человек, лишенный возможности все видеть и слышать. Да, радость, которую во мне вызывают приобретаемые знания, словами не передашь.

25 декабря

С утра мне читали газеты, а в 12 часов дня я была свободна и пошла к девочкам в школу слепых. Девочки сказали, что они достали по-зрячему книгу со стихами молодого поэта А. Ж. Я попросила у девочек эту книгу, чтобы мне почитали стихи педагоги. Я люблю стихи, и этого поэта я еще не читала. Вернувшись домой, я показала книгу дежурной воспитательнице и попросила ее почитать мне стихи. Но она сказала, что сначала нужно показать книгу И. А., для того чтобы он разрешил читать. Я нервничала, сердилась на воспитательницу, говорила, что И. А. разрешит читать, но она отвечала, что, может быть, стихи еще непонятны для меня и И. А. не разрешит читать их.

Вечером пришел И. А., просмотрел книгу и сказал, что читать эти стихи можно. Разрешение И. А. очень обрадовало меня...

1930 год, 1 января

Сегодня Новый год, но я его нигде не встречала. Вчера под Новый год дежурила воспитательница В. М. Когда она уложила всех ребят спать на ночь, то позвала меня и сказала, что она будет в клинике до утра и мы будем ночью читать, если я хочу. Мы дей-

ствительно долго сидели и читали и окончили читать научно-фантастический роман «Долина новой жизни». Книга очень интересная тем, что ее автор намечает много серьезных научных проблем, как, например, может ли головной мозг человека мыслить, находясь не в голове, а в питающем мозг искусственно приготовленном веществе. О других проблемах мне трудно рассказать своими словами, но я многое поняла и сегодня почти ни на чем не могу сосредоточиться, так как мысленно я все еще нахожусь в той долине, где создавалась новая, вымышленная автором жизнь...

9 августа

Занятия так много отнимают у меня времени, что я просто не могу регулярно вести свой дневник. Не знаю, смогу ли я его писать дальше. Думаю, что буду писать, если будет настроение.

Сегодня я по Брайлю дочитала «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Нахожусь сейчас под впечатлением прочитанного... Жалко Лизу, да и вообще было бы жалко каждую другую девушку на месте Лизы. Ведь жизнь этой хорошей, умной девушки пропала зря благодаря возмутительному лицемерию и гнетущим религиозным рамкам той среды, в которой находилась Лиза да и многие другие девушки из дворянского общества...»

На этом я заканчиваю цитировать отрывки из своего дневника.

КАК Я УЧИЛАСЬ ПИСАТЬ ПИСЬМА

Имея подруг и товарищей-мальчиков в школе слепых, а также заочных знакомых в школах слепых из других городов, я неизбежно должна была узнать о том, что с людьми можно общаться на расстоянии посредством переписки. Понять это мне было нетрудно, тем более что моя подруга Н. первая начала писать мне письма, когда ушла из школы домой на летние каникулы. Но мне очень трудно было понять, в какой форме вообще нужно писать письма; кроме того, я некоторое время никак не могла понять тот простой факт, что не только я могу прочитать письмо от подруги, но и она может прочитать и понять мое письмо. Мне казалось, что, находясь от меня далеко, подруга не поймет того, что я ей хочу написать. Я буквально мучилась, когда хотела писать письмо: какие же слова нужно писать для того, чтобы мои подруги или знакомые поняли то, о чем я думаю? Какими словами начинать письмо? Как кончать писать письмо? Нужно ли придумывать свои новые слова и фразы или же писать в письмах такие же слова,

такие же фразы, какие пишут друзья в письмах ко мне? Ничего этого я не знала, а спрашивать у педагогов или воспитателей я зачастую стеснялась, эта ужасная моя стеснительность и застенчивость немало вредили мне в детстве, в юности и даже позднее.

Мне хорошо запомнилось одно из моих первых писем к одной незрячей девушке. Долго и мучительно я сочиняла это коротенькое письмо, начиная каждую новую фразу именем девушки. Мне казалось, что эта девушка ничего не поймет, если я не буду начинать каждую фразу обращением к ней по имени. После долгих усилий мне, наконец, удалось написать весьма примитивную записку, которую я называла письмом, и очень им гордилась. Действительно, я вправе была гордиться, ибо сочиняла письмо самостоятельно, не обращаясь за помощью к учительнице. И вот что у меня получилось: «Здравствуй, Феничка! Феничка, я Ваше письмо получила. Феничка, я тоже хочу написать Вам письмо. Феничка, как Вы живете? Я живу хорошо. Феничка, со мной занимаются педагоги и Соколянский. Я буду много учиться и многое буду знать. Феничка, Ваших подруг я не видела. Они передали через слепых девочек, что придут ко мне... Феничка, отвечайте на мое письмо. Феничка, любите и не забывайте меня. Милая Феничка, целую Вас и с этим до свидания. Написала Вам письмо Оля».

Когда я писала это письмо, мне становилось даже скучно от того, что я так часто употребляла имя девушки, но если я писала фразу без имени, то начинала очень волноваться, полагая, что Феничке все будет непонятно.

В дальнейшем я стала обращать внимание на форму и стиль тех писем, которые мне присылали подруги и товарищи, уезжавшие домой на каникулы. Когда же я начала систематически читать книги, то, конечно, обращала внимание на то, как написаны письма в книгах. С целью изучения стиля писем я несколько раз прочитала небольшой роман Достоевского «Бедные люди», пользуясь тем, что эта книга имелась по Брайлю в библиотеке школы. Пользовалась я образцами писем и из других книг, а потом писала своим подругам, подражая этим образцам:

«...Драгоценная моя Ниночка, друг мой сердечный...»

«...Моя возлюбленная подруга Тонечка! Как страстно я жажду встретиться с тобой... Пламенно обнимаю тебя и много, премного раз целую...»

В действительности я не любила ни пламенных объятий, ни многочисленных поцелуев, но писала об этом в письмах потому, что так было написано в книгах... Проходили годы, и я, наконец, научилась писать письма по-своему, зная, что мои друзья поймут их.

Научившись же писать письма, я полюбила этим заниматься и с тех пор веду обширную переписку с друзьями, просто со знакомыми и даже с незнакомыми мне лично людьми, ибо приходится отвечать на их письма, с которыми они обращаются ко мне.

Некоторые мои друзья настолько привыкли к стилю моих писем, что могут узнавать их без моей подписи. Впрочем, я и сама настолько привыкла общаться с людьми при помощи писем, что могу своему секретарю или кому-либо другому диктовать письмо, не имея под рукой заранее заготовленного по Брайлю текста. А много лет тому назад, когда я не умела писать письма, я и диктовать их не могла, если предварительно не записывала то, что хотела продиктовать.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ О ДОБРЕ И ЗЛЕ. О ПРАВДИВОСТИ И ОБМАНЕ

Можно сказать, что еще в раннем детстве я была окружена такими людьми, которые старались делать для меня по возможности только хорошее, только такое, что могло радовать, веселить и успокаивать меня. Этими людьми в домашней обстановке были прежде всего мать моя, дедушка и мой отец в те редкие случаи, когда он приезжал в отпуск. Еще в моей памяти сохранились хорошие отношения ко мне всех членов одной очень культурной семьи. А что это была культурная семья, я поняла позднее, когда уже могла многое понимать. Когда я попала в клинику для слепоглухонемых детей, я почувствовала, что и здесь я тоже окружена добрыми, любящими людьми, педагогами, воспитателями, нянями. Все это, вместе взятое, сохранилось в моем сознании на всю жизнь как самое светлое воспоминание, которое и теперь радует меня.

Но каким резким диссонансом вторгались в мое сознание нехорошие поступки людей, с которыми мне, конечно, приходилось сталкиваться в жизни, ибо я всегда стремилась быть поближе к людям, чтобы от них знать о том, что вокруг меня происходит, что делают люди! Если даже нехорошие, по моим понятиям, поступки людей бывали мелкими, весьма незначительными, то мне они казались очень *значительными*. А все то, что было посерьезнее, позначительнее, казалось мне просто *чудовищным*.

Привыкнув к тому, что мать и дедушка все делали прежде всего для меня, все лучшее отдавали мне, я, естественно, думала, что везде и всюду родители заботятся о своих детях так же, как заботились мои обо мне. Ведь я всегда была сыта, одета во все

21 Заказ 812

чистое и приличное. Зимой я имела теплую одежду, к праздникам мне шили что-нибудь новое. Летом, когда было даже очень жарко, мне не разрешали ходить без шляпки или без косыночки. И хотя я тогда не понимала, что это нужно для того, чтобы не болела голова от солнца, тем не менее я надевала что-нибудь на голову, считая, что так нужно делать. В сырую погоду летом мне не разрешали выходить во двор или на улицу босой.

Однако я видела, что те дети, которые приходили ко мне играть, не только ходили без шляпок, но даже не любили их надевать летом: я это понимала, потому что они показывали мне, чтобы я тоже сняла шляпку или косыночку. Обуви эти дети тоже не любили носить летом, а если бывал сильный дождь, то мои подружки и приятели-мальчики старались побольше попадать босыми ногами в лужи и ручьи, показывая тем самым свое пренебрежение к моим сандалиям или к тапочкам.

Мне тоже нравилось бродить по большим лужам босиком, нравилось ничего не надевать на голову, когда очень припекало солнце, поэтому я думала, что и мои приятели не надевают шляпы или сандалии только потому, что им это не нравится. Думала, что они дома оставляют эти вещи. Но когда я бывала у этих ребят дома и хотела посмотреть, что у них есть и такие ли у них вещи, как у меня, то оказывалось, что не у всех из них были такие вещи, какие имела я. Как же я это понимала? Я думала, что у этих детей просто недобрые родители, что они не любят своих детей, если не делают для них того, что делали мои родители для меня. Зачастую ребята, которые не имели тех или иных вещей, принадлежали к многодетным семьям, бывали одеты все одинаково, т. е. никто из братьев или сестер не казался одетым лучше или хуже. Я не понимала это обстоятельство, ибо я была единственным ребенком у своей матери. Исходя из всех своих впечатлений и наблюдений, я считала, что моя мать — самая добрая мать, а мой отец, который не только привозил мне различные подарки, но и присылал для меня посылки,— самый добрый отец. Мой дедушка тоже добрее всех дедушек.

И это понятие было во мне настолько непоколебимо, что в отдельных случаях оно сохранялось в моем сознании еще долго. Да и теперь, например в том случае, когда мне приходится вспоминать о своей матери мысленно или кому-нибудь о ней рассказывать, она представляется мне неизменно во всем и для всех, не только для одной меня, очень доброй женщиной. И если бы мне теперь рассказали о ней что-нибудь нехорошее, о чем я в детстве не знала, то, по всей вероятности, я не поверила бы, что моя мать могла причинить зло кому-то, могла отказать в помощи тем, кто нуждался в этом.

Когда же в школе слепых (не в клинике слепоглухонемых) я

попала в среду детей, которые все необходимое получали в интернате, но не всегда пользовались тем, что получали, и не всегда бережливо относились к вещам, в моем сознании стали появляться проблески других понятий.

Наступила весна, и в первые же теплые солнечные дни ребята начали выбегать во двор и на улицу налегке: в курточках, в платьях, без головных уборов, а потом и без обуви. Если дежурный воспитатель уводил в дом таких легко одетых детей, то они не очень слушались и снова убегали во двор, не одеваясь. Такое поведение моих сверстников наталкивало меня на некоторое размышление: я думала о том, что взрослые люди дают детям одежду, значит, они добрые. Но дети сами не хотят одеваться, ибо им кажется, что уже достаточно тепло и можно ходить в платьях без пальто или даже без обуви. Значит, дети плохие, потому что не слушаются взрослых.

Эти мои выводы казались мне тем более правдоподобными, что бывали случаи, которые как бы подтверждали их. Например, когда нас водили на прогулку в город, девочки шли в платьях, несмотря на то что воспитатели заставляли их еще что-нибудь надеть. Я, беря пример с других, тоже ничего не хотела надевать (таким образом, я тоже становилась невольно плохой), но если прогулка продолжалась долго, мне становилось холодно, я просилась домой, чтобы одеться теплее. Бывали и такие случаи, когда девочки во время прогулки снимали обувь и весело прыгали босиком. Воспитатели и этого не разрешали, но девочки все-таки снимали ботинки. При этом они требовали, чтобы и я снимала ботинки. Я снимала, но если мне бывало холодно или больно ступать по камешкам босыми ногами, я снова задумывалась о том, кто же добрый и кто недобрый: воспитатели или дети? И насколько я помню, мне смутно казалось, что дети поступают нехорошо: ведь мне бывало холодно, а девочки смеялись, если я надевала снова обувь или другие теплые вещи; иногда они даже отнимали у меня эти вещи только для того, чтобы я была одета так же, как и они, следовательно, чтобы я не слушалась старших, которые не разрешали преждевременно снимать теплую одежду. Вывод в таких случаях был ясен: старшие были лучше или добрее, чем мои товарищи. И я была уверена, что правильно понимала отношение старших ко мне.

Однако бывали и такие происшествия, под влиянием которых я вынуждена была менять свои мнения о старших. В таких случаях я с большим сожалением отказывалась от хороших мыслей о взрослых людях, которые казались мне не только недобрыми (или нечуткими), но даже были, по моим тогдашним понятиям, злее, чем дети. В моей памяти сохранился один случай, который я в то время неправильно поняла.

Однажды кто-то из родных приехал к одной девочке (впослед-

ствии я узнала, что это был отец девочки). По всему поведению девочки, моей подруги, было видно, что она собирается уезжать из школы. Она укладывала в чемоданчик некоторые свои вещи да отдавала своим подружкам всякие мелочи и безделушки. Я принимала самое деятельное участие в приготовлениях к отъезду этой девочки, ибо она была весьма беспорядочна, неаккуратна; вещи она совала в чемоданчик кое-как, а одевалась она, как мне казалось, некрасиво и небрежно.

Из школьной бельевой девочке выдали вещи. Я знала об этом и обратила внимание на то, что ей ничего не выдали на голову — ни платка, ни шапочки. А между тем на улице было холодно (если не ошибаюсь, осень подходила к концу). Свою шапочку, которую отец привез девочке, она уже успела кому-то подарить на память о себе.

Я быстро сообразила, что моей подруге придется отправиться в дорогу без головного убора. Я побежала к той женщине, которая выдавала моей подруге одежду, и начала настойчиво показывать, чтобы она дала девочке что-нибудь на голову, но женщина в свою очередь настойчиво объясняла мне, что она ничего не может дать. Почему она не могла дать, я не знала (да и теперь не знаю), поэтому я продолжала требовать платок или что-нибудь другое и не хотела уходить из бельевой с пустыми руками. Моя настойчивость не тронула женщину, а, скорее, вызвала раздражение и досаду на меня. Женщина отмахивалась руками и, легонько подталкивая меня к двери, показывала, чтобы я уходила из бельевой.

Неожиданно для меня самой «наша борьба» приняла иной характер: я в гневе сорвала с себя шерстяной платок, бросила его в сторону женщины и, расплакавшись, выбежала из бельевой. Женщина догнала меня и сунула мне в руки мой платок. Меня осенила новая мысль: назло этой очень, очень плохой, отвратительной женщине я решила отдать свой платок подруге.

И действительно, не зная о том, что воспитанники не могут по собственному усмотрению распоряжаться казенными вещами, я отдала платок девочке, и она в нем уехала.

Таким образом, я не только сама осталась без платка, но даже стала нарушительницей школьной дисциплины. Более того, я стала почти преступницей, ибо, расстроенная моим поведением, заведующая бельевой весьма склонна была обвинить меня в краже казенного платка. Об этом я узнала впоследствии. А в то время я очень невзлюбила эту женщину за ее «чудовищную» недоброту. И хотя мне плохо было без платка, а заведующая бельевой стала относиться ко мне не так ласково, как это было раньше, однако я была довольна, что не послушалась ее, а подруга моя уехала в теплом платке.

Если бы в то время кто-нибудь каким-либо образом мог объяснить мне, что я тоже была неправа, отдавая девочке казенный платок, который, как и все прочие вещи, был заинвентаризован, то вряд ли и тогда я была бы на стороне заведующей бельевой. Быть может, она была уж не такая недобрая, как мне тогда казалось, тем не менее я только односторонне могла истолковать ее отказ выдать девочке платок. А между тем не исключалась и такая возможность, что в бельевой просто не было лишнего платка.

В харьковском учреждении и я и другие воспитанники имели все необходимое: хорошую одежду, хорошее питание. В помещении у нас было чисто, тепло и уютно. Однако до тех пор пока я не знала о том, что все вещи, которыми я пользовалась,— казенные вещи, а питание выдается учреждению по определенным нормам, я думала, что со всем этим (вещами и питанием) я могу распоряжаться как угодно: делать с вещами все то, что мне захочется, а питание можно давать всем, кто приходил ко мне из знакомых. Я видела (конечно, не глазами, а просто замечала), что когда у нас бывал второй завтрак в 12 часов дня, то педагоги и воспитатели тоже садились есть в буфетной комнате, но я не знала о том, что они приносили с собой свой завтрак, и думала, что они питаются вместе с нами. «А если педагоги и воспитатели питаются вместе с нами, так почему же я не могу угощать тех, кто ко мне приходит?» — думала я.

Однажды я и моя подруга Н. (незрячая, но слышащая, учившаяся в школе слепых) где-то задержались: то ли мы вдвоем гуляли в саду, то ли были в рукодельном классе и подруга не слышала звонка на ужин. Как бы то ни было, но Н. опоздала на ужин, и ей ничего не оставили, считая, что она отказалась от ужина. Я же, возвратившись к себе в клинику, получила свой ужин, съела его и снова пошла в школу к подруге. Узнав, что она осталась без ужина, я повела ее к нам в клинику и попросила у дежурной воспитательницы каши или хотя бы хлеба с маслом для подруги.

Дежурная воспитательница сказала мне, что каши не осталось, а хлеба она не может дать, так как его выдали столько, сколько необходимо оставить на утро к первому завтраку. И несмотря на то что я очень просила воспитательницу дать подруге хлеба, она отвечала односложно, что хлеб выдан по порциям.

Я не только весьма огорчилась, что не могу покормить подругу, но даже рассердилась на воспитательницу. Я сама достала из буфета хлеб, отрезала свою предназначенную мне на утро порцию хлеба и отдала подруге. О том конфликте, который произошел между мной и воспитательницей, я не рассказала подруге, и она

взяла хлеб, не подозревая того, что я ей отдала свою утреннюю порцию.

Я не думала о том, что поступаю хорошо или плохо, вступая в пререкания с воспитательницей, и нарушаю дисциплину, беря хлеб самовольно. Я понимала только то, что в данный момент подруга осталась без ужина, она хочет есть, я могу ей дать хотя бы хлеба, значит, должна это сделать.

Разумеется, на следующий день утром педагоги узнали от воспитательницы, что я просила ужин для подруги и что отдала ей свою утреннюю порцию хлеба. Но никто не сделал мне замечания, и хлеб к завтраку я получила, но та воспитательница, с которой у меня был конфликт, долго еще помнила этот случай, считала меня неорганизованной.

Я же была иного мнения о случившемся, а именно: я считала, что воспитательница была неправа, не понимая того вполне естественного побуждения, что хорошая подруга бескорыстно стремилась поделиться с голодной подругой тем, что имела. Но почему педагоги не сделали мне замечания? Об этом я думала некоторое время и ждала, что рано или поздно замечание будет сделано. Но я его никогда не услышала. И я решила, что педагоги добрее той воспитательницы, что они считают мое неорганизованное поведение правильным.

В действительности же дело было вовсе не в том, что воспитательница не была доброй, и я это поняла позднее, когда стала лучше понимать поступки людей, их обязанности на службе и вообще все, что происходило вокруг меня. Воспитательница была доброй и отзывчивой женщиной, но строгой и ревностной блюстительницей дисциплины и всякого рода распорядка. Педагоги же иначе рассматривали мое поведение: они считали вполне нормальным мое побуждение помочь товарищу в беде независимо от того, насколько серьезна или несерьезна причина, вызывающая желание помочь кому-либо. Так по крайней мере я поняла впоследствии поведение педагогов.

Я могла бы привести здесь еще множество примеров того, как я понимала *добро, зло, плохое, хорошее.* Однако достаточно и этих нескольких примеров, которые ясно показывают, что в период формирования моих детских и отроческих понятий о добре и зле я не рассуждала как философ или психолог, ибо не знала, что в жизни многое является лишь относительным или же находится в теснейшей зависимости от того, в каких условиях, при какой внешней ситуации происходят те или иные события, обусловливающие нравственное поведение человека.

Не знала я также и того, что несправедливость и обман тоже зачастую могут быть приняты как нечто справедливое и правди-

вое. Но если я замечала ложь или несправедливость, я тяжело это переживала. Я крайне возмущалась, когда могла понять ложь или несправедливость со стороны взрослых людей: ведь мне казалось, что взрослые все понимают, все знают лучше, чем дети. Почему же в таком случае взрослые обманывают детей? И в этих случаях, как и во многих других, я могла бы сослаться на множество примеров, но я ограничусь лишь несколькими фактами.

В процессе занятий и в порядке ознакомления с различными предметами и их назначениями мне показали электрический чайник, научили вставлять вилку в розетку, следить рукой (ощущать), как чайник постепенно нагревается и, наконец, как в нем начинает кипеть вода, из-под крышки поднимаются струйки пара.

Конечно, я очень быстро научилась этому несложному делу и в любое время без посторонней помощи могла нагреть воду или вскипятить чай. В день своего дежурства по столовой я старалась встать раньше, чтобы успеть вскипятить чай к первому завтраку, ибо дежурная воспитательница бывала занята с детьми, когда они вставали. Я это понимала и старалась помогать воспитателям, считая себя уже большой, а следовательно, обязанной помогать воспитателям в работе с младшими ребятами.

И вот однажды произошел случай, глубоко возмутивший меня и поколебавший мою веру в правдивость взрослых.

А произошло следующее: как-то, проснувшись очень рано, часов в 5 утра, я пошла в столовую посмотреть на часы, чтобы проверить себя, т. е. свое представление о времени. На часах было около 5 часов. Кипятить чай для всех было еще очень рано. Но мне хотелось пить, и я, зная, что в чайнике часто остается кипяченая вода, начала искать его. Но чайника не оказалось на столе в буфетной комнате. Я пошла в другую комнату, в которой чаще всего включала чайник в розетку. Войдя в эту комнату, я сразу ощутила запах жара, краски (лака, которым был покрыт стол), а также заметила, что в этой комнате воздух более теплый. Не помню, поняла ли я сразу, в чем дело, или же это было инстинктивное движение, тем не менее я быстро подбежала к столу и, найдя провод, резко выключила чайник. И только после этого я заметила, что стол мокрый, на полу тоже лужа, а чайник прилип к столу. Стена, окрашенная масляной краской, была влажна от пара.

Я оторвала чайник от стола, чтобы узнать, есть ли в нем вода, но он был почти пустой...

Я стояла в полнейшем недоумении, тщетно стараясь понять, что случилось с чайником. Почему он был включен в розетку? Кто это сделал и когда? Я даже поднесла вилку к розетке, чтобы проверить поведение чайника, не мог ли он самостоятельно вклю-

читься... Но нет! Чайник или, вернее, вилка сама не включалась в розетку. В чем же дело?

В полном смятении я вернулась в свою комнату, не решаясь будить ночную дежурную. Я только отодвинула чайник от розетки и все оставила так, как было, не вытерла стол и пол, чтобы дежурная могла сама все видеть.

В 9 часов утра пришли педагоги и дневные воспитательницы. Вскоре одна учительница подошла ко мне и начала делать строгий выговор за то, что будто бы я с вечера включила чайник и оставила его на всю ночь,— так педагогов информировала ночная дежурная.

Я была потрясена этой явной клеветой. Я никогда не боялась сознаться в своих ошибках или каких-либо проступках. С волнением я объяснила учительнице, что сама в 5 часов утра обнаружила включенный в розетку чайник, в котором уже почти выкипела вода. Учительница заколебалась, не зная, кому же верить, так как ночная дежурная настойчиво доказывала, что чайник включила я.

Но в конце концов педагоги все-таки поверили мне: они хорошо знали, что я во всем плохом сознавалась, не сваливая вину даже на кошку. Они пришли к предположению, что ночная дежурная для себя хотела вскипятить чай, но случайно уснула, а потом побоялась сознаться в своей провинности, весьма чреватой серьезными последствиями.

Предложение педагогов было вполне правдоподобно, тем более что эта воспитательница была пожилая женщина, больная и дежурила только ночью, так как днем, когда нужно было много двигаться с ребятами, она не могла работать. Однако я не понимала, как же можно на учеников свалить такую серьезную провинность?! Правда, я заметила, что педагоги верят мне больше, чем воспитательнице, тем не менее я долго не могла успокоиться. Мое уважение к этой воспитательнице значительно поколебалось, я впервые так чувствительно, так сознательно столкнулась с тем, что взрослые могут сваливать свою вину на детей. А ведь она, эта воспитательница, могла обвинить не только меня как более старшую ученицу, но и других, младших, таких, которые еще не могли подобно мне доказать свою невиновность. И действительно, через некоторое время произошел другой случай, который подтвердил это.

В один из выходных дней мы все (ученики) принимали ванну. Поздно вечером я зашла в ванную комнату и столкнулась с нашей младшей ученицей В., которая уже совершенно разделась и собиралась садиться в ванну. Воспитательницы не было возле В., поэтому я остановила девочку и опустила свою руку, чтобы про-

верить, если ли вода в ванне. Но в ту же секунду я с ужасом отдернула руку: ванна была почти до края полна очень горячей водой, а кран еще был открыт и вода лилась сильной струей. Я закрыла кран, оттащила девочку от ванны и не знала, что же дальше делать. Я только одно ясно поняла, что пришла хотя и случайно, но очень своевременно, ибо маленькая девочка, оставшись одна, могла бы попытаться сесть в ванну, переполненную горячей водой.

Я пошла искать дежурную воспитательницу и нашла ее в детской спальне на кровати, она уже спала. Я разбудила ее и начала объяснять случившееся. К моему огорчению, воспитательница, как и в предыдущем случае с чайником, не созналась, что сама виновна, а попыталась обвинить В., которая будто без ее разрешения пошла в ванную комнату, открыла кран, налила горячей воды и хотела купаться.

Я снова была глубоко поражена такой очевидной ложью и несправедливым отношением к детям со стороны этой старой женщины. Жалко было и девочку, на которую так безжалостно и бестактно наговаривала взрослая женщина, пользуясь тем, что слепоглухонемая девочка не может оправдаться. Когда обо всем узнали педагоги, они, так же как и я, поняли, что воспитательница говорила неправду.

Были и другие случаи, когда эта же воспитательница нередко пользовалась тем, что можно обвинить меня или других детей, если она сама плохо выполняла свои обязанности. Я волновалась, возмущалась и не понимала, почему некоторые взрослые так боятся сознаться в своих проступках, тогда как я и другие дети всегда говорили педагогам правду, даже в тех случаях, когда сами понимали, что поступали нехорошо и что нам могут сделать замечание.

Я не буду приводить здесь множество других аналогичных фактов. Я лишь коротко в заключение скажу, исходя из своих воспоминаний, что в детстве я никогда не стремилась серьезно обманывать кого бы то ни было или сваливать свою вину на других. Поэтому я всегда очень обижалась, если меня обманывали, особенно если это делали взрослые люди. Я обижалась и на свою мать, когда замечала (или мне казалось, что замечаю), что она меня обманывает по каким-то причинам, которых я не могла понять. В таких случаях я иногда весьма бурно выражала свое возмущение, полагая, что мать ничего не заметит, если я в слабой форме буду реагировать на то, что меня волнует.

Выражала я свое возмущение не всегда одинаково, а в зависимости от обстоятельств и обстановки, в которой находилась. Так, например, если это случалось дома и перед едой или во время еды, я отказывалась есть (между прочим, это был мой любимый про-

тест в тех случаях, когда я бывала чем-либо недовольна или обеспокоена). Если меня расстраивали вечером, я отказывалась ложиться спать и садилась куда-нибудь в угол. Если мы с матерью шли к кому-нибудь и мне вдруг казалось, что меня в чем-то обманули, я садилась на дорогу и отказывалась идти дальше. А если при этом я имела в кармане или в носовом платочке семечки, я разбрасывала их по дороге, чтобы более наглядно объяснить матери, что я хочу знать правду.

Конечно, не всегда я бывала права, когда думала, что меня умышленно обманывают. Нередко мне это только казалось вследствие неправильного понимания окружавшей меня среды и жизни людей.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНИМАНИЙ О ВЫПОЛНЕНИИ СВОЕГО ДОЛГА, ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ОБЕЩАНИЙ

В детстве (да и всегда) я очень не любила обращаться с какими-либо просьбами к другим, ждать помощи в чем бы то ни было от других. Мне нравилось быть самостоятельной в том, что мне доступно, что мне по силам, а иногда и не по силам. Но зато я очень любила, когда ко мне другие обращались с просьбой или взрослые давали какое-либо поручение. И чем труднее было выполнять просьбы и поручения, тем интереснее казались они мне, тем больше и настойчивее я стремилась выполнять их.

Окружавшие меня близкие мне люди знали, как я люблю выполнять поручения, и поощряли во мне это желание. Конечно, в детстве это бывали весьма примитивные просьбы и поручения. Так, например, бывало, посылали меня позвать кого-нибудь, принести или отнести что-нибудь, открыть в вестибюле дверь, если кто-нибудь звонил, вымыть чью-нибудь чашку, одолжить что-нибудь. Не только охотно, но даже с большим чувством морального удовлетворения я все это делала, а когда меня благодарили, я одновременно и смущалась и радовалась, радовалась потому, что воображала, будто взрослые очень нуждались в моей услуге или помощи. Так постепенно я приучалась точно, своевременно и с готовностью выполнять поручения и взятые на себя обязательства. Но бывали случаи, когда мои слышащие подруги, будучи даже немного старше меня и сильнее физически, но более ленивые, злоупотребляли моей готовностью выполнять их просьбы, а педагоги, замечая, что подруги «эксплуатируют» меня, запрещали мне выполнять поручения подруг. Иногда это приводило к конфликтам между мной и педагогами.

Я припоминаю несколько случаев.

Одна моя подруга, ученица школы слепых, зная, что я люблю стирать и гладить, попросила меня кое-что постирать ей. Все вещи, которые она мне дала, я понесла к нам в клинику и устроила стирку в ванной комнате. Но одна учительница увидела, что я принесла чужие вещи, не позволила мне стирать и велела отнести вещи обратно хозяйке. Я отказывалась выполнить справедливое указание учительницы, справедливое потому, что девочка была и старше, и здоровее меня. Но так как я не слушалась, то у меня отобрали таз и закрыли горячую воду. Я очень возмущалась, даже заплакала, ибо мне стыдно было возвратить девочке невыстиранные вещи. И я их выстирала, частично под краном, частично наливая воду в ванну. Я только не смогла высушить и погладить вещи, ибо это мне категорически запретили.

В другой раз та же девочка обратилась ко мне с просьбой пошить за нее сорочку, которую она должна была приготовить для выставки по заданию учительницы из «трудового класса», в этот класс я тоже ходила заниматься. Сорочку необходимо было пошить быстро, но девочке не хотелось брать эту работу на дом, т. е. в спальню.

Я весьма прилично умела шить руками, поэтому девочка попросила меня выполнить эту работу за нее. Мне пришлось взяться за шитье ночью, но дежурная воспитательница не позволяла мне работать ночью и настаивала, чтобы я ложилась спать. Я взволновалась, даже рассердилась на воспитательницу. Из столовой я, впрочем, ушла в спальню, для вида легла в постель, но вскоре встала и, сидя в постели, принялась за работу.

К утру я закончила шить сорочку и была очень довольна, несмотря на то, что чувствовала себя усталой, а на занятиях была невнимательна, рассеянна, хотела спать. От учительницы я получила замечание за то, что ночью шила, а следовательно, нарушала дисциплину.

Но в то время, о котором я сейчас пишу, я плохо понимала, что значит дисциплина, режим, распорядок, расписание. Быть может, я даже не очень хотела правильно понимать все это, столь абстрактное и шедшее вразрез со всем конкретным, т. е. с моим желанием больше двигаться. Вот почему я значительно лучше понимала, что нужно непременно выполнять то, что я взялась сделать, или то, что я обещала сделать. Короче говоря, к образу организованной жизни и к трудовой дисциплине я относилась весьма недоверчиво, ибо не видела (не понимала) вреда или чего-либо другого плохого в том, что я работаю ночью, а не днем, что выполняю обещания, задания, обязательства и тогда, когда мне не разрешали их выполнять.

Не менее ревностно и точно я выполняла ночью или рано утром (вставала в 5 часов утра) заданные мне на дом уроки или рукодельные работы. Обычно после бессонной ночи я бывала усталая, но всегда испытывала удовлетворение от сознания, что дело выполнено своевременно.

Постепенно я начинала понимать, что подчинение дисциплине — это тоже мой долг. И если я буду его выполнять, тоже буду испытывать моральное удовлетворение от того, что педагоги и воспитатели довольны мной, рады моему сознательному отношению к тому, что меня окружало, а те конфликты, которые возникали между мной и окружающими в моменты моего непослушания, не будут повторяться.

Таким образом формировалось понимание той организованной жизни, к которой меня приучали и которая ни в коей мере не мешала мне быть пунктуальной в выполнении взятых на себя обязательств.

Конечно, порой бывало скучно выполнять заданные на дом упражнения по грамматике или решать арифметические задачи. Значительно интереснее было выполнять собственные желания или читать хорошую книгу. Но я уже достаточно понимала, что педагогов и воспитателей радуют мои успехи, мои добросовестные выполнения заданных на дом уроков. Значит, это тоже был мой долг — хорошо учиться, выполнять указания старших. Короче говоря, я понимала уже, что мой долг состоит еще и в том, что я должна быть всегда организованной и точной не только в дружбе, но и во всем другом, что меня окружало и с чем я сталкивалась в детский и отроческий периоды своей жизни.

Разумеется, понимание всего этого было еще смутным, не всегда ясно осознанным. Высказать, правильно сформулировать его я еще не могла, но то, что я уже начинала многое понимать, осмысливать, неизъяснимо радовало меня. Это похоже было на то, что бывает в дни пасмурной погоды, когда внезапно появляется солнце и его яркие, теплые лучи начинают согревать у человека и тело, и как будто даже чувства...

Мне трудно теперь все припомнить и все описать из того периода, когда наступил решающий момент моего несомненного вступления на путь сознательной человеческой жизни. Да, это был великий, незабываемый момент моего духовного становления!

О том, как я понимала окружающую меня действительность и социально-общественную жизнь людей в период моей юности и более зрелого возраста, я буду писать в дальнейшем.

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

О ТРУДЕ

Труд создал самого человека.
Энгельс

Теперь всякий научно мыслящий человек знает, что сознание человека формировалось под благодатным воздействием труда. Мне припоминается разговор двух слепых товарищей. Они говорили о том, что каждый из них избрал бы себе другую специальность, если бы был зрячим.

Один товарищ сказал: «А впрочем, я не знаю, кем бы я был тогда. Может быть, дворником». Другой возразил с возмущением: «Ну, что ты! Такое унижение!»

— Ты ошибаешься: никакой общественно полезный труд не унижает человека,— ответил другой, тот, которого не пугала профессия дворника.

Я всегда вспоминаю этот разговор, когда узнаю о людях, которые кичатся своим призванием к «благородной» профессии. В самом деле, что подразумевают под «благородной» деятельностью эти люди? Они и сами не знают.

Признаюсь, я люблю всякий доступный мне труд — умственный и физический. Категорически избегаю пользоваться помощью зрячих в тех случаях, когда я могу быть самостоятельной в той или иной работе.

Я давно живу одна. Ежедневно самостоятельно обслуживаю себя. Нуждаюсь в посторонней технической помощи только в тех случаях, когда мне нужно заниматься умственным трудом. В таких случаях заботы бытового характера мешают мне. В бытовой обстановке, особенно при приготовлении пищи (чистка картофеля, газ, керосин и т. д.), осязание и обоняние страдают весьма сильно. А ведь это мои «глаза» и «уши».

Мое детство протекало так, что я рано приучалась работать и в работе стала весьма настойчива. Я «осматривала» все, что люди делали: руками следила за движением их рук — как, например, они чистили картофель, как мыли посуду, стирали белье, убирали комнату и т. д. Все это происходило под «непосредственным наблюдением» моих рук. Потом я давала свои руки, чтобы мне показывали, как нужно держать нож или брать мыло и пр. Когда мне казалось, что я поняла секрет того, что делали большие, я и сама хваталась за метлу и начинала «пленять своим искусством свет...». Конечно, мне было трудно.

Такими трудовыми навыками я овладевала год за годом в области доступного мне труда. Очень рано я начала заниматься рукоделием, и без особого труда мои пальцы схватывали то, что показывали мне учительницы. Я вязала на чулочной машине, вязала крючком и спицами, плела корзинки, делала щетки и шила. Но по мере того как овладевала чтением, мои интересы сосредоточивались на чтении. Я стала уединяться в укромный уголок с книгой и читала, читала, забыв обо всем.

Однажды так сложились обстоятельства, что мне пришлось заниматься исключительно физическим трудом. Я вынуждена была работать в комбинате слепых. Сначала мне охотно дали надомную работу — производство обувных шнурков. Когда я оформлялась в канцелярии, меня спросили: «Ваша специальность?» — «Литература!» — коротко ответила я.

Кто-то полюбопытствовал: «Почему же вы берете такую грязную работу, как обувные шнурки?» — «Жизнь заставляет брать всякую работу»,— ответила я.

Я усиленно работала над шнурками, чтобы поддержать свое материальное положение хотя бы таким заработком. Но скоро сырье кончилось, надомной работы больше не было. Я обратилась к дирекции с просьбой принять меня на работу в коробочный цех. Но тут я столкнулась с недоверием к моей трудоспособности. Мне сказали, что не могут меня принять в цех потому, что я не слышу. Те товарищи, которые хорошо меня знали, горячо доказывали, что я смогу работать не хуже других слепых. В конце концов дирекция, хотя и неохотно, согласилась взять меня на проверку.

Меня привели в цех и сказали инструктору: «Вот вам новая ученица. Вероятно, вам будет очень трудно объяснить ей, как нужно делать коробочки». Инструктором была очень милая женщина. Ей не пришлось объяснять мне. Она просто ознакомила меня с приспособлением и клейкой коробочек молча: я долго и внимательно следила за ее руками и легко поняла это несложное дело. В тот же день я стала работницей.

Через некоторое время директор сообщил, что он доволен моей

работой и переводит меня в число лучших слепых и полузрячих работниц. Работа у нас была сдельная. Я работала много и охотно, тем более что я на работу поступила по своему желанию. Однако я испытывала сильную тоску по книгам. Все брайлевские книги из библиотеки слепых были давным-давно перечитаны мною, а зрячей чтицы я не имела. Во время работы я не могла общаться и с людьми: руки мои были заняты целые часы подряд.

Домой я возвращалась усталой, занималась своим маленьким хозяйством. На работу в комбинат и обратно домой меня провожала одна полузрячая девушка. Дома же мне никто не помогал.

Но такое положение было временным, и оно не причинило мне вреда, а только принесло пользу, ибо в тяжелое время я приучилась жить организованной трудовой жизнью. Бывало, в плохую погоду моя юная спутница ворчала, как старушка: «Ну, как мы пойдем в такой дождь? Я не могу». Но я не позволяла ей отлынивать и терпеливо объясняла: «Привыкай, тебе же самой придется ходить на работу. Привыкай ходить во всякую погоду. Разве зрячие люди только в солнечные дни ходят на работу? Пойми, мне тоже трудно, а надо!»

Но и я не всегда могла быть такой организованной. В ученические годы я так сознательно не рассуждала. В нашем учреждении для слепоглухонемых была одна учительница, особенно ревностная блюстительница режима. Она учила меня быть всегда и во всем организованной. Бессчетное количество раз доказывала мне, как важно жить по плану, а также критически относиться к своим поступкам, к своим обязанностям. А у меня не всегда выходило так, как требовалось. И по весьма простым причинам. Жить по плану означало хорошо готовить уроки, в определенные часы отдыхать, ходить на прогулку, вовремя ложиться спать и т. д.

Конечно, все это отлично. Но для меня это было трудно. Как я могла вовремя ложиться спать, если какая-нибудь интересная книга всецело захватывала меня? И я совсем не ложилась спать, пока не прочитаю книгу до конца. Читая «Дети капитана Гранта», я на уроки физики приходила с этой книгой. Учительница отнимала у меня книгу и сердито клала мне на колени учебник. На уроках немецкого языка, пока учительница перелистывала свою зрячую книгу, я потихоньку тянула к себе стихи Пушкина...

Гулять в определенные часы! Да я совсем не ходила на прогулку из-за книг, бывало, что и сама писала. Вообще все свободное от классных занятий время я проводила за книгой. Так обычно проходил мой досуг, за исключением тех немногих часов, когда меня навещали подруги.

* * *

Но вот я стала членом ВЛКСМ. Я отлично поняла, как важно, как необходимо быть организованной, сознательной. Я понимала, что нужно действительно критически относиться к себе, к своим обязанностям, к своим поступкам. Ни в сознательности, ни в наличии активности я не хотела уступать зрячеслышащим комсомольцам. Я с большим интересом посещала все собрания, как комсомольские, так и партийные, того учреждения, где я была на учете (УИЭМ). Там были только зрячие и слышащие комсомольцы. Некоторые из них сразу же, в первые дни моего поступления в комсомол, выучили ручную азбуку глухонемых (дактилологию) и без помощи специальной переводчицы общались со мной. Другие товарищи писали в моей ладони обыкновенными буквами зрячих. На всех собраниях комсомольцы по очереди переводили мне выступления товарищей. Я тоже часто выступала, говорила вслух речью. Я очень горячилась, когда обсуждались вопросы общественных нагрузок для каждого комсомольца. Ведь все эти нагрузки не подходили для меня. Тем не менее я ни за что не хотела стоять одиноко в стороне, когда вокруг меня жизнь била ключом, и меня приводила в отчаяние мысль, что в комсомоле я не приношу никакой пользы. Однако, поразмыслив хорошенько, я и для себя нашла нагрузку. Так комсомол воспитывал и организовывал меня в духе общественно-трудовой жизни, в духе марксистско-ленинского учения.

В годы Великой Отечественной войны я страшно тяготилась своими физическими недостатками. Мне было невыносимо больно от сознания, что я не могу быть на фронте рядом с бойцами, не могу вместе с ними отстаивать свободу и независимость горячо любимой Родины.

Когда мне пришлось встретиться с бойцами в другой обстановке, я рассказала им, как трудно мне жить без пользы для общества. Но бойцы не согласились со мной, они говорили мне взволнованно: «Вы напрасно так переживаете свои физические недостатки. Вы же владеете словом, вы можете писать стихи, рассказы и таким образом будете поддерживать в нас бодрость духа. И вам самой будет легче. Вы можете проводить беседы с инвалидами Отечественной войны, среди них много ослепших, им очень тяжело, и вы можете поддержать их морально, и вам они скорее поверят, чем зрячим и слышащим людям...»

Эти товарищи были совершенно правы. И я хочу сказать всем — и здоровым людям, и инвалидам,— что в нашей стране люди не могут быть несчастными, ибо о них заботится великая Коммунистическая партия.

Мы — люди с физическими недостатками — должны только гордиться тем, что Коммунистическая партия и Советское правительство так высоко ценят наш умственный и физический труд и дают нам неограниченные возможности учиться и работать наравне со здоровыми людьми, предоставляют нам высокую честь вложить все свои творческие силы в любое дело на любом участке нашего социалистического строительства.

О ТОМ, КАК Я СЕБЯ ОБСЛУЖИВАЮ

Каждый новый человек, только что познакомившись со мной, задает мне множество всевозможных вопросов, преимущественно бытового порядка. Иногда буквально устаешь повторять одно и то же, да еще такое обыденное, привычное для меня. Обычно спрашивают, узнав, что я самостоятельно обслуживаю себя:

— Как же вы узнаете, какую вещь вы берете в руки?

— Как же вы шьете, если не видите?

— Как вы узнали, что надо закрыть дверь?

— Вы сами готовите обед? Но как же вы узнаете, когда сварится картошка или мясо? (На последний вопрос я предлагаю угостить спрашивающего вареной картошкой.)

— Как вы узнаете, когда у вас пригорает лук?.. и т. д.

Все эти и многие другие вопросы требуют, чтобы я на них отвечала. Не все люди могут лично со мной поговорить (нередко задают мне вопросы в письмах ко мне), поэтому я считаю нелишним в данной книге рассказать читателям о том, как могут жить и самостоятельно обслуживать себя те люди, которые лишены слуха и зрения.

В своей комнате живу я одна. У меня совершенно отсутствуют светоощущения (как я уже где-то об этом упоминала), несмотря на то что глаза открыты. Я не отличаю света от темноты. Но я имею часы, на циферблате которых обозначены не плоские цифры, а рельефные точки, поэтому всегда без всякой посторонней помощи знаю о наступлении утра или вечера. Хорошо изучив расположение своей комнаты, обстановки и прочих вещей, я не только легко нахожу нужную вещь и узнаю ее при помощи осязания, но могу также легко убрать комнату: подмести пол веником, помыть пол, расставить вещи в надлежащем порядке и пр.

Приготовление обеда незрячей женщиной также не представляет собой ничего необыкновенного. Ведь и зрячие женщины, которые не знают, как приготовляется то или иное блюдо, не смогут его приготовить, будь у них хоть двадцать пар глаз. Значит, все

22 Заказ 812

дело лишь в том, что зрячие дети, живя в семье, с детства привыкают наблюдать за матерью или старшими сестрами, как они готовят пищу. Слепые же дети могут только ощущать запахи, слышать кипение, постукивание ножом, ложкой и т. д. Но они при этом всегда обращаются к зрячим с вопросами: «Что кипит? Что это пахнет? Что пригорело? Что вы положили сейчас в кастрюлю? Что нужно класть раньше?» и т. п. На все эти вопросы хорошие зрячие люди отвечают слепой девочке или девушке, и она постепенно учится приготовлять пищу.

Я могу ощущать только одни запахи и дрожание посуды, когда в ней что-нибудь кипит. Но спрашивать у зрячих я могла обо всем, а также следить своей рукой за тем, как они чистят картофель, режут лук, как мочат овощи, фрукты, крупу. Я училась по сильным струям пара и дрожанию кастрюльки узнавать, когда кипит вода или молоко; когда же кипит суп или каша, это нетрудно узнать хотя бы по одному запаху. Узнав таким образом, что уже началось кипение, я пробую ложкой или вилкой картофель, капусту, мясо. Конечно, дело тут не обходится без ожогов рук, однако это не мешает мне приготовить себе обед. Когда же мне приходится поджаривать лук, картофель, котлеты, то в таких случаях мне очень помогает обоняние, а если что-нибудь начинает пригорать, я моментально это улавливаю, снимаю сковородку и выключаю электрическую плитку, которой я обычно пользуюсь как наиболее удобной для меня.

Таким образом, житейский опыт, осязание, обоняние да еще вкусовые ощущения дают мне полную возможность приготовить себе пищу в любое время. Конечно, назвать себя первоклассной стряпухой я отнюдь не могу, я и не стремлюсь к этому (кулинарный талант у меня отсутствует!), ибо дорожу каждой минутой для того, чтобы почитать книгу, попечатать на машинке, однако и голодной не бываю.

Шить что-либо, мыть посуду, вытереть пыль, поливать цветы и т. д.— все это так легко делать при помощи осязания, что я даже не замечаю своих собственных движений: делаю все, как говорится, автоматически. Все эти мелочи происходят изо дня в день всю жизнь у многих из нас с той лишь разницей, что зрячая хозяйка пользуется зрением и слухом, слепая — слухом, осязанием, обонянием, а я — осязанием и обонянием. Всякий физический труд, доступный осязанию, доступен мне. От умственного труда я могу переключиться на физический, но мне необходимо беречь как осязание, так и обоняние, частично заменяющие зрение и слух.

СЕМЬ ДНЕЙ

I

Летом 1932 г. я месяц гостила у своего отца в Херсоне. Анна Андреевна — жена моего отца — была в то время на курорте недалеко от Херсона. Дома были дети и сестра Анны Андреевны, которая приехала к нам из Ленинграда.

Отец мой с утра уходил на службу, приходил к обеду и снова уходил на различные заседания. По выходным дням с курорта приезжала Анна Андреевна, а иногда мы к ней ездили.

Несмотря на то что народу в семье было много, я все же скучала: никто не мог мне читать, а брайлевские книги, которые я с собой привезла, были перечитаны мною по нескольку раз. Я много писала писем; приходя со службы к обеду, отец заставал меня за машинкой. Он говорил мне:

— Что ты так много работаешь? Ты ведь приехала отдыхать.

Я отвечала:

— В Харькове я привыкла много заниматься, и здесь мне скучно без дела.

В один из выходных дней, когда я отдыхала после обеда, ко мне подошла Анна Андреевна и сказала:

— К тебе приехала Надя.

— Какая Надя?

— Твоя двоюродная сестра.

Я встала и сразу же попала в объятия Нади. Надю я знала очень мало. Мы с нею расстались еще в раннем детстве, и у меня о ней сохранилось только смутное воспоминание.

— Олічка, сестричка моя! Як я рада, що ти приїхала... Я про тебе кожний день згадую...

Я немного растерялась, не зная, что отвечать Наде, потом сказала:

— Да ты не плачь. Вот я же не плачу.

Надя опять заплакала и прижала меня к себе...

— Олічка, дивно мені, що ти не бачиш, а очі у тебя відкриті...

Я начала расспрашивать у Нади, где она работает. Отец мой как-то говорил мне о ней, что она очень способная и понятливая девушка.

— Я работаю в колгоспі — доглядаю курчат.

Вместе с Надей приехала ее подруга Нюра, которая окончила в Херсоне рабфак. Нюра и Надя предложили мне пойти погулять на бульвар. Я согласилась. На бульваре Надя сказала мне, что хочет пригласить меня к себе в село.

— Я получила відпуск на один тиждень і буду весь час з то-

бою гуляти. Моя мама буде дуже рада, що ты приїдеш. Вона про тебе згаду кожний день...

Нюра и Надя необычайно удивлялись всему, что я говорила или спрашивала у них. Их лица поочередно склонялись к моему лицу, словно в моих незрячих глазах они хотели прочитать какую-то тайну. Они меня не только осматривали со всех сторон, а даже ощупывали меня руками, как будто хотели убедиться, не обманывает ли их зрение.

Надя просила меня показать ей дактилологию. Я согласилась, но не очень верила, что она поймет меня. Однако Надя превзошла мои ожидания и через час уже говорила дактилологией. Нюра тоже изъявила желание выучить дактилологию, но овладела ею она не так легко, как Надя. Надя предложила:

— Олічка, давай підемо знімемось, бо я дуже хочу, щоб твоя карточка була у мене.

Я не люблю фотографироваться, но Наде я не хотела отказать в удовольствии. Я только попросила зайти домой, чтобы переодеться. Мое платье очень понравилось девушкам, особенно Наде.

Поправляя волосы, перед тем как сфотографироваться, я почувствовала, что от Нади сильно запахло пудрой; в то же время рука Нади прикоснулась к моему лицу. Я отказалась пудриться. Это удивило Надю.

— Чого ти не хочеш пудриться?

— Я никогда не пудрюсь.

Мы сели фотографироваться. Надя обняла меня за плечи и склонилась к моему лицу. Не знаю, как я вышла на этой фотографии: я уехала из Херсона раньше, чем Надя получила эту фотографию...

Надя и Нюра ушли ночевать к какой-то их знакомой, но предварительно мы условились, что на следующий день они зайдут за мной часа в 4, так как пароход отходил в 5 часов вечера.

II

На следующий день, когда я проснулась, Анны Андреевны уже не было. Она уехала на курорт. Я спросила Галину:

— Почему Аня не попрощалась со мной?

— Она пожалела тебя будить и только осторожно тебя поцеловала.

— Удивительно, что я не почувствовала ее поцелуя.

— Ты крепко спала...

Девушки пришли за мною раньше условленного времени, а у нас обед еще не был готов. Галина на скорую руку приготовила мне завтрак, но Надю и Нюру к столу не пригласила. Сама же я их пригласить не могла, так как не знала, чем их угостить. Я ку-

шала и чувствовала, что краснею. Я не доела завтрака и пошла переодеваться в дорогу...

Все прощались со мной очень хорошо.

На крыльце стояла огромная корзина, наполненная какими-то узлами. К ручке корзины было привязано нечто вроде полотенца. Надя легко взвалила себе на плечо эту корзину, а Нюра кроме своих вещей взяла еще мой чемоданчик. Я взяла Надю под руку, и мы вышли на улицу.

Было душно, не хватало воздуха для дыхания, и ноги вяло передвигались по мостовой.

До пристани было далеко. С девушками я почти не говорила, так как помнила, что руки у них заняты вещами. Прошли мы приблизительно полдороги. Я начала чувствовать, что солнце зашло, а в воздухе появился запах влаги. Сначала я подумала, что мы подходим к реке, и спросила у Нади:

— Река уже видна?

— Ні, ще далеко. А що ти хочеш?

— Мне кажется, что солнце зашло.

— Да, солнца нема. На небі велика хмара, і зараз буде дощ.

Действительно, словно подтверждая слова Нади, на мои руки и лицо упали крупные холодные дождевые капли, а через несколько минут пошел проливной дождь. Возвращаться домой не было никакого смысла, поэтому нам пришлось спрятаться под навес дома. Надя поставила свою корзину и усадила меня на свои узлы.

Я поинтересовалась:

— У тебя еще не болит спина от этой корзины?

Надя как будто удивилась.

— Чого? Я ще не такі мішки ношу!

— А я эту корзину и с места не могла бы поднять.

— Ти нічого не робиш, а я дома все роблю сама...

Я попросила Надю:

— Когда мы приедем к тебе, ты пойдешь со мной в поле?

— Ми кругом підемо: і на степ, і на річку, і на леваду,— пообещала она.

Разговор у нас как-то не вязался. Мы только изредка обменивались незначительными фразами. Я погрузилась в воспоминания о моей жизни с матерью... Мои мысли прервала Надя:

— Дощ вже чуть крапає. Підемо, щоб поспіти на пароплав.

Под ногами я чувствовала большие лужи воды. Нюра и Надя были босые, а на мне были парусиновые туфли, которые быстро промокли.

На пароход мы сели без особого труда, хотя народу было много. Я это знала по непрерывным толчкам в мои бока, несмотря даже на то, что Надя и Нюра ревностно оберегали меня.

На палубе Надя выбрала свободное место, поставила свою неизменную корзину и радушно усадила меня.

— Будем ще ждать, бо кажуть, що пароплав піде тільки через годину.

III

Надя и Нюра уселись возле меня прямо на палубе.

— Зараз пароплав піде,— сказала Надя.

Мне несколько раз приходилось ездить пароходом на курорт к Анне Андреевне, и мне было уже знакомо движение парохода.

Когда пароход начинал двигаться, мне казалось, что я чувствую биение большого сердца — более подходящего сравнения я не могу найти,— и, кроме того, я чувствовала, что палуба слегка сотрясается. По этим двум признакам я и могла определить движение парохода.

Через несколько минут я действительно почувствовала, что «большое сердце» забилось и пароход начал отходить от пристани. Девочки вместе сказали:

— Вже поїхали...

IV

Нюра попросила меня:

— Давайте поговоримо, щоб я не забула ваші літери.

С Нюрой мы постепенно разговорились. Она рассказала мне о том, что она уже окончила рабфак, а теперь не знает, куда ей поступить учиться дальше. Я спросила:

— Какую специальность вы хотели бы изучить?

— Хочу бути агрономом.

— Почему вам хочется быть агрономом?

— Не знаю, нічого більш не придумаю. А що ви мені посовітуєте?

— Я вас еще мало знаю, но высказать свое мнение могу: на вашем месте я бы поступила учиться в педагогический техникум, а потом работала бы сельской учительницей. Ведь у вас в селе учитель из города?

— Так, у нас є один учитель з міста, дуже молодий хлопець, йому тільки 20 років.

— Так почему бы вам в самом деле не поступить учиться в педтехникум?

— Я поміркую й скажу тоді вам.

Настала ночь. Пароход плыл медленно. Подувал прохладный, сырой ветер. Мне стало холодно, и я надела чулки. Надя и Нюра, кажется, дремали, склонясь на корзину. Я положила руки на их плечи и чувствовала, что они дышали глубоко и ровно.

«Спят»,— подумала я и сняла руки с их плеч. Мне совершенно не хотелось спать. Лицо мое ощущало холодную темноту ночи.

«Большое сердце» беспрерывно билось. Меня раздражал противный запах махорки и запах человеческого пота, даже ветер не мог освежить воздух на палубе.

Близость людей я чувствовала, но не могла их ни видеть, ни слышать, и это создавало между мною и ими непреодолимую преграду. Мысленно я представляла себе, как велика эта преграда. Почему-то стало грустно. Вспомнила Харьков, учреждение, в котором я воспитываюсь. Там мне все было близкое, родное, знакомое до мельчайших подробностей.

Но в этот момент чья-то незнакомая рука взяла мою руку и написала в ней, делая грамматические ошибки:

— Меня зовут Оля. Я бачила, как з вами гаварила Надя и Нюра. Я тоже хачу погаварить з вами...

Я спросила:

— А вы куда едете?

— Туда, куда и вы. Я живу недалеко от Нади.

— Вы что — учитесь или работаете?

— Нет, я бальная . Я ездила в Хирсон принимать ванны. Уменя рематизм.

— У кого же вы живете?

— Я живу з мамой и з братом. Брат работае. А вы откуда приехали?

— Я приехала из Харькова к моему отцу в Херсон, а теперь еду в гости к тете.

— Што же вы у Харькове делаете?

— Я учусь в учреждении для слепоглухонемых.

Моя новая знакомая была поражена тем, что я учусь. Она предположила:

— Ви мабудь очень умная, бо ви же слепа и глуха, а учитесь.

Я коротко и понятно рассказала Оле о нашем учреждении. Но не знаю, поняла ли она меня, во всяком случае она спросила:

— А ви на еруплане уже летали?

— Нет, еще не летала.

Это снова удивило Олю.

— Невже вас нікто не возьмет на еруплан?

— Обещали взять, но до сих пор не берут.

— Я вас очень прошу, як ви полетаете на еруплане, то напишите мне, как ето летают еруплани.

— Я вам могу и сейчас рассказать, почему аэропланы летают.

— Пожалуйста, очень прошу.

Я начала рассказывать Оле устройство аэроплана, а она беспрерывно удивлялась, откуда я все знаю.

— Вже скоро мы приедем,— сказала мне Оля.

Я разбудила Надю и Нюру. Они сонно засуетились, видимо, не понимая, где они находятся. Через некоторое время пароход остановился, и мы пошли к трапу. Надя мне ничего не сказала, каким образом мы доберемся к берегу. Нюра первая куда-то прыгнула и забрала корзину. Надя тоже спрыгнула, да так низко, что я могла держать только ее руку. Потом она потянула меня вниз и взяла на руки. Под ногами я чувствовала деревянный помост, но он раскачивался. Я сообразила, что нахожусь в большой лодке. Действительно, я почувствовала, что лодка движется — мы поплыли к берегу. Лодка до отказа была переполнена людьми и узлами. На мгновение у меня мелькнула мысль: «А что, если лодка опрокинется?»

К берегу мы плыли приблизительно полчаса, но эти полчаса показались мне бесконечными. Наконец, лодка толкнулась днищем о дно реки и остановилась. Нюра забрала корзину и узлы, а Надя взяла меня на руки и вынесла на берег.

Нюра простилась с нами и пошла в другую сторону, а я с Надей — к ней.

Мы шли по невысокой траве. Августовская ночь дышала прохладой. Я жадно вдыхала свежий воздух. Мы шли молча. Ни о чем не хотелось говорить. Наконец, Надя остановилась и толкнула калитку.

— Ось ми вже й прийшли до нас. Зараз підем в хату.

Надя постучала в дверь, и кто-то вышел открыть дверь.

Войдя в хату, я сразу почувствовала запах пахучих трав. Это понравилось мне. С удовольствием подумала: «Если в хате воздух хороший, значит, и чисто».

Я ощутила запах зажженной спички и поняла, что зажигают лампу: Надя подвела меня к женщине.

— Ось моя мама...

Невысокая, полная женщина — тетя Феня — обняла меня, и я почувствовала, что она вздрагивает. Мокрым от слез лицом она прижалась к моему лицу... Я тоже немного расстроилась и не знала, что говорить тете. Плакать же мне не хотелось.

Надя пояснила:

— Мама плаче, бо дуже жаліє тебе. Вона каже, як же це ти не бачиш і не чуєш.

Обращаясь к тете, я сказала:

— Тетя, не плачьте и не жалейте меня, я живу хорошо, учусь, а больше мне ничего не нужно...

Ко мне подошли отец Нади — дядя Антон — и брат Коля. Колю я не знала, так как это был мальчик лет 12.

Но до утра еще было далеко, поэтому тетя Феня начала соби-

рать мне и Наде «ужин» — сварила целый десяток яиц. После еды мы все легли спать. Меня, как гостью, поместили на такой высокой кровати, что я едва могла на нее лечь. Кровать была покрыта новым рядном (это я узнала на осязание). По-видимому, на этой кровати никто не спал и стояла она в хате как украшение. Взобравшись на эту кровать, я нашла на ней нечто вроде скатерти, которой Надя предложила мне укрыться.

Я сделала вид, что засыпаю, на самом же деле я спать не хотела. Между прочим, к свежему запаху пахучих трав примешивался нежный запах цветущего олеандра. Много лет я этого растения не видела и, несмотря на это, помнила запах его цветов.

* * *

На следующий день я проснулась уже поздно. Я окликнула Надю. Она подошла ко мне.

— Ты давно встала?

— Ні, не дуже... Мама і тато поїхали на степ, а ми ще спали.

— Я тоже буду вставать.

После умывания (я умывалась во дворе), когда я одевалась возле сундука, случайно зацепила ветку какого-то растения. Я осмотрела листья и по их форме узнала, что это олеандр. Он был большой, с раскинутыми ветвями и стоял на стуле возле окна. Я очень люблю это растение и теперь с наслаждением нюхала нежно пахнущие цветы.

Пока я одевалась, Надя готовила завтрак. По запаху огурцов и помидоров я уже определила, какой будет завтрак. Надя подвела меня к столу, и я села на шаткий стул. На столе передо мною стояла миска, доверху наполненная огурцами и помидорами. Рядом с миской в глубокой тарелке лежал большой ломоть теплого пшеничного хлеба. Тут же лежала такая же замечательная вилка, которую трудно было держать в руке, ибо она обладала способностью вращаться во все стороны. Однако, несмотря на чрезмерную «подвижность» вилки, я с аппетитом принялась за свой завтрак. Мое внимание привлек запах разрезанной дыни, которую Надя принесла мне на закуску. Я спросила Надю:

— Почему ты не завтракаешь?

— Я їм, тільки не тут.

— А где же?

Надя, по-видимому, забыла о том, что я не вижу, и показала рукой в сторону. Я спросила:

— Разве вы за столом не кушаете?

— Рідко, бо ніколи сідати за стіл...

* * *

Скоро к нам пришла Нюра. Я сразу ее узнала.

— Як тобі спалось у Наді? — спросила она.

— Хорошо, только кровать очень высокая, я боялась, что если упаду, то разобьюсь совсем.

Нюра засмеялась, взобралась на кровать и начала качаться на ней.

— Підем до Елі (Елена),— сказала мне Надя.

— К какой Еле?

— А хіба ти її не знаєш? Це ж моя двоюрідна сестра. І тобі вона сестра.

— Нет, я ее не знаю...

Мы пошли к Еле. Она встретила меня очень ласково и написала на моей руке:

— Я тебе знаю.

— А я вас не знаю,— ответила я.

Еля пригласила нас всех в хату. Я почувствовала, что у Елены в хате не такой хороший воздух, как у Нади. Через несколько минут я почувствовала вдруг запах папирос. Я спросила у Нюры:

— Кто здесь курит?

— Це прийшов до Елі її жених. Зараз він познайомиться з тобою. Його звать Микола. Він наш тракторист.

Микола подошел ко мне и огрубевшей от работы рукой крепко сжал мою руку. Я едва не вскрикнула от боли. Когда же я начала объяснять ему, что он может написать на моей руке, он был так растерян и, видимо, так волновался, что с трудом мог написать только: «Коля». Надя и Нюра передавали мне:

— Микола не може з тобою говорити. Йому тебе дуже жалко. Він трохи не плаче.

Я сказала Миколе:

— Не нужно меня жалеть, хотя я и не вижу, но я такой же человек, как и вы...

Микола одобрительно пожал мне руку. Нюра передала мне его слова:

— Микола каже, що він зараз їде на степ і всім розкаже, що ти приїхала. Вечером прідуть хлопці і дівчата. Будем довго гуляти.

— Добре,— сказала я.

V

Когда мы ехали еще к Наде, она говорила:

— Тепер всі дівчата і хлопці на степу, бо косовиця у нас. Може ніхто й не прийде.

Микола сдержал свое слово — к вечеру в село начала собираться молодежь. Я, Надя, Нюра и Еля вышли на улицу. Нас быстро окружили девушки и парни. Девушки без стеснения знакомились со мной, а парни сначала поглядывали на меня издалека. Потом я почувствовала, что совсем близко от меня зажигают спички. Кто-то из парней поднес к моему лицу горящую спичку. Я это почувствовала и отступила назад. Надя сказала мне:

— Ти не лякайся! Це наші хлопці засвічують сірники, щоб краще подивитись на тебе. Кажуть, що ти їм дуже понравилась.

— Почему?

— Кажуть, що ти дуже біленька, а наші дівчата всі чорні...

Со мной заговорила Нюра:

— Зараз хлопці заграють на гармонії. Кажуть, що вони тебе вітають музикою.

— Дякую, хоч я й не чую,— засмеялась я.

* * *

Большой гурьбой мы собрались возле двора Нади. Молодежь кружком расселась вокруг меня. Разумеется, высказывались многократные сожаления по моему адресу, а Нюра и Надя немедленно передавали мне все это. Так, например, Надя передавала:

— Один хлопець каже: «Якби можно було б віддати мої очі оцій дівчині, я б зараз погодився на це. Нехай би вона бачила моїми очима, бо вона разумна дівчина, а я все рівно дурний».

Я засмеялась и ответила:

— Товарищу, дякую вас за ваше добре бажання, але мені ваші очі не потрібні, я себе почуваю щасливою. Ви кажете, що ви «все одне дурний», а що ж ви будете робити, як оддасте мени ваші очі?

Надя передала мои слова.

— Всім понравились твої слова. Вони дуже сміються...

Когда я ехала к Наде, я на всякий случай захватила с собой несколько книг, написанных шрифтом Брайля, и брайлевскую доску. Надя и Нюра рассказали молодежи, что я читаю пальцами. Это крайне заинтересовало всех. Надя пошла в хату и вынесла книгу (это был антирелигиозный учебник на украинском языке). Я начала читать. Все ближе пододвинулись ко мне. Парни зажигали спички и склонялись над книгой. Я дочитала до точки и сказала:

— Вже крапка...

Я даже не подозревала, какое сильное впечатление произвело на окружающих слово «крапка». Я только чувствовала, что все низко склоняются над книгой, словно чего-то ищут. Парни чуть

ли не к самым страницам подносили зажженные спички. Я спросила у Нюры:

— Что они ищут?

— Вони шукають крапку, бо їм дуже дивно, як ти її побачила. Вони її не бачать.

— Конечно, они ее и не увидят никогда, ведь они же не знают тех букв, какие здесь написаны.

Надя удивленно спросила:

— Хіба це буква «крапка»?

— Нет, это такая маленькая точка, которую ставят в книгах. Она называется знаком препинания. Есть еще и другие знаки препинания.

Нюра сказала:

— Ой, як же всі сміються зараз...

— Чого ж вони сміються? — удивилась я.

— Вони тебе не зрозуміли. Коли ти сказала «вже крапка», усім здалося, що на книгу упала яка-небудь крапля. Усі здивувались, як ти її побачила, а один хлопець каже: «Давайте шукати ту краплю, що побачила сліпа дівчина».

Теперь уж и я не могла удержаться от смеха. Насмеявшись, я сказала:

— Слушайте, товарищи, если бы даже на книгу упала какая-нибудь крапля, я все равно нашла бы ее пальцами, еще скорее, чем вы глазами...

Разошлись мы поздно. Все были очень довольны. Кто был посмелее, дружески пожимал мне руку на прощание.

* * *

На следующий день Надя сказала, что ей нужно пойти в сельсовет.

— Наша сільрада у Федорівці.

— Разве у вас нет своего сельсовета?

— Нема, тому що Оленівку и Федорівку об'єднали.

— А далеко до Федоровки?

— Близько.

Мы оделись и пошли в Федоровку, находившуюся в полукилометре от Еленовки. Мы пришли рано, в сельсовете еще никого не было. Мы сели во дворе на скамейке. Через несколько минут к нам подошла какая-то девушка, и Надя с ней разговаривала, а я молчала. Девушка сидела не рядом со мной, а с другой стороны, возле Нади. Но, несмотря на это, я чувствовала запах олеандра. Я спросила у Нади:

— Почему пахнет олеандром?

— У цієї дівчини є цвіток.

Надя сказала девушке, что я почувствовала запах олеандра; девушка отдала мне свой цветок. Наконец, сельсовет открылся, и мы зашли туда. Само собой разумеется, что у Нади начали спрашивать, кто я. Когда же Надя рассказала им, что я грамотная, они не поверили. Надя передала их слова мне. Я сказала:

— Дай мне карандаш и бумагу, я что-нибудь напишу.

Я написала и почувствовала по запаху, что близко возле меня стоят люди. Я написала несколько отдельных слов: «стол, комната, Надя, Нина, лето». Чья-то рука взяла у меня лист бумаги, а Надя сказала:

— Голова сільради читає, що ти писала. Всі дуже здивовані.

— Теперь они верят, что я грамотная?

— Дуже вірять.

Когда Надя поговорила по своему делу, мы сразу же ушли домой. Коля нам принес обед из колхоза. Надя накрыла стол, а я по запаху определила, что на обед борщ с мясом и пироги. Когда я кушала громадный кусок пирога, почувствовала запах дыни.

— Надя, ты режешь дыню?

— Да, зараз я тобі дам, щоб ти її усю з'їла.

VI

Еще в Херсоне Надя сообщила мне:

— У мене є жених. Він рідний брат Нюри. Його звать Льова. Він тракторист.

В этот день вечером Лева приехал с поля и вместе с другими парнями пришел к Наде. Пришли девушки и парни, которые еще не видели меня, и поэтому мне снова пришлось читать им что-нибудь.

Нюра удивленно говорила мне:

— Як ти не приїжджала, то всі хлопці і дівчата ночували у степу, а зараз цілими юрбами йдуть. Цікаво їм подивитись на тебе.

Я ответила, смеясь:

— Нехай дивляться.

Когда все разошлись, Надя познакомила меня с Левой. Он написал на моей руке несколько слов. Я держала его за руку и заметила, что руки Левы поразительно похожи на руки Нюры, только ее руки меньше, чем руки Левы...

На следующий день вечером Лева снова пришел к Наде, но вечер был холодный, и мы недолго гуляли. Я, Нюра, Надя и Лева ушли в хату, а остальные разошлись по своим домам. Нюра тоже скоро ушла от нас. Я думала, что вместе с нею ушел и Лева, поэтому сказала Наде, что буду ложиться спать. Она приготовила мне постель, т. е. сняла с кровати лишние подушки и достала из

сундука простыню. Но когда я хотела уже снять платье, почувствовала вдруг запах папиросы.

— Надя, кто это курит?

— Льова, він ще тут сидить.

— А как же я буду раздеваться при нем?

Этот вопрос очень удивил Надю.

— Хіба тобі соромно, що Льова тут.

— Ну, а как же? Он ведь для меня чужой человек.

— Чому чужий? Він мій жених.

Я улыбнулась наивности Нади.

— Пойми, Надя, что это не совсем удобно...

— Добре, Льова пішов у сіни і зачинив двері. Раздягайся...

* * *

Одним теплым вечером мы с Надей пошли на леваду. На леваде была густая и высокая трава, мы сели там. Кроме запаха разных трав я чувствовала еще запах реки.

— Надя, разве ваша левада недалеко от реки?

— Дуже близько,— отвечала Надя и через паузу добавила, смеясь:

— Так близько, що і жаба доскоче...

Мы легли на траву и молчали. Надя заговорила первая:

— Сьогодні Льова не прийде. Як би він був тут з нами...

— А я хочу, чтобы меня комары не кусали, я ими так искусана, что больше и нельзя.

— Їх тут дуже богато.

— Да, я это очень чувствую. Их здесь так много потому, что близко река.

— Зараз я тобі нарву цвітів і підем до дому. Може, Нюра прийшла.

Через минуту Надя вернулась и бросила мне в руки росистый букет. Прежде чем я осмотрела цветы, я уже по запаху узнала, что это чернобривцы.

— Спасибо, Надя, я как раз люблю эти цветы.

VII

В нерабочий день почти с самого утра молодежь начала гулять по улицам. После обеда к нам зашла Нюра. Она была одета празднично: в длинной шерстяной юбке и в пышной блузке. Так же оделась и Надя (они сшили себе одинаковые платья). Их наряды мне не нравились, но сами они говорили, что так «дуже гарно».

— Одягайся і підемо на комсомольські збори,— сказала Надя.

Нюра и Надя были комсомолки.

Я надела свое розовое платье, в котором пояс завязывался бантом. Надя в свою очередь вмешалась в мой «туалет». Она взяла пояс и завязала его таким пышным бантом, что платье раздувалось, а бант походил на большую уродливую бабочку. Это мне не нравилось, а Надя была очень довольна.

* * *

На собрание мы пошли в школу. Когда мы прибыли, там уже было сильно накурено и пахло семечками.

Нюра и Надя передавали мне то, что обсуждали на собрании. На комсомольском собрании я была впервые, поэтому слушала девушек с интересом, несмотря на то что от духоты и табачного дыма у меня начинала болеть голова. Когда собрание окончилось, мы вышли на улицу...

В разговоре с Нюрой я ей, между прочим, сказала, что ее руки похожи на руки Левы. Это очень удивило обеих девушек.

— Як же ти це побачила? — спросила Нюра.

— Глазами я этого не видела, а руками чувствую.

Девушки были чрезвычайно заинтересованы. Они остановились на улице и предложили мне осмотреть их лица.

— Ти скажи, чи похожа я на Надю? — сказала Нюра.

Я поочередно осмотрела их лица и ответила:

— Нет, совершенно не похожи друг на друга. У тебя, Нюра, лицо круглое, как арбуз, а нос как картофель. У Нади лицо продолговатое и меньше, а нос прямой и тонкий.

— А хто тобі більше подобається? — спросила Нюра.

— Мне больше нравится лицо Нади.

— Це тому, що вона твоя сестра.

— Нет, не поэтому, а потому, что я люблю лица с тонкими чертами. У тебя же как раз крупные черты лица.

— А теперь подивись на наші фігури.

Я осмотрела их фигуры.

— У кого краще? — снова спросила Нюра.

— У Нади изящнее фигура, только это платье ее портит.

* * *

В этот день вечером я должна была уезжать в Херсон. Когда зашло солнце, мы пошли домой собираться в дорогу. Ночью должен был подойти пароход, который шел в Херсон, но к реке мы пошли часов в 11 вечера.

Прощаясь со мной, тетя Феня начала опять плакать. Вообще вся семья Нади прощалась со мной тепло и сердечно, приглашали еще приезжать.

Надя взяла с собой свою неизменную корзину, которая снова

с нами отправлялась в Херсон. На улице нас встретила целая гурьба девушек и парней. Все прощались со мной. Часть молодежи отделилась от общей группы и пошла провожать нас на берег. Нюра, которая шла рядом со мной, рассказывала мне:

— Попереду ідуть хлопці с гармонією й співають пісні. Зараз якась жінка питає: «Що це таке?», а хлопці кажуть: «Це свайба». Жінка знову питає: «А де ж наша невіста?» Один хлопець показав на тебе і каже: «Ось невіста». Усі сміються...

На берегу мы сели на траву. Некоторые стали просить меня прочитать им что-нибудь на прощание. Я прочитала отрывок из «Катерины» Шевченко. Кое-кто ушел в село, а несколько парней и девушек (в том числе и Нюра) сидели с нами до тех пор, пока не подъехала за нами лодка.

* * *

Ночь была холодная, и мы не остались на палубе. Всю дорогу я то засыпала, то вновь просыпалась от различных толчков. Утром, когда взошло солнце, мы были уже в Херсоне.

Во дворе нам сказала соседка, что у меня дома никого нет: Галя, Лиля и дети уехали к Анне Андреевне на курорт, папа на службе, а Клава куда-то ушла.

— Я піду на базар купити що-небудь, а ти посидь тут; може, Клава скоро прийде,— сказала Надя.

Я села на крыльцо, где Надя поставила свою корзину. Через некоторое время я почувствовала по шагам, что кто-то поднимается на крыльцо. Чья-то рука взяла меня порывисто за руку. Я не узнала, кто это. Тогда подошедшая ко мне женщина написала на моей руке: «Это я, Паня». Я удивленно переспросила:

— Паня? — и тут только вспомнила, что Паня — сестра Анны Андреевны. Я ее знала, но тогда почему-то забыла о ней.

Меня ужасно томила жажда, а наша квартира была заперта. Я сказала Пане, что хочу воды. Паня попросила воды у нашей соседки. Соседка позвала меня в комнату, но, когда я входила в дверь, чьи-то руки сзади взяли меня за плечи. Я повернулась и узнала Клаву.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Я хочу воды.

— Идем домой.

Когда Клава писала на моей руке, у нее были такие движения, словно она чему-то радовалась. Я это заметила сразу, но не думала, чтобы она была рада моему возвращению, ибо у меня было такое впечатление, что Клава вообще не считает меня за сестру и даже смотрит недоброжелательно на мое присутствие в семье. Через несколько дней я уехала в Харьков.

РУКА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН

Мне как слепоглухой, конечно, не приходится слышать голоса окружающих меня людей или видеть их лица; я постоянно вижу только их руки; поэтому, чтобы иметь более или менее точное представление о том или ином человеке, мне приходится изучать малейшие подробности движений его рук.

Мне кажется, что руки человека могут быть не менее выразительными, чем голос и глаза. Ведь, если человек сердится, недоволен, доволен, устал, рад и т. д., его голос и глаза ясно выражают все эти чувства. Но не только в голосе и во всем выражении лица отражаются различные эмоции человека, они выражаются с не меньшей ясностью и во всех движениях его рук и даже в походке.

Так, например, когда ко мне подходит Л. И. и пожимает мне руку, я уже по одному этому пожатию узнаю, в каком она настроении или какое у нее самочувствие. Если Л. И. пожимает мне руку порывисто, но в то же время со спокойной мягкостью, я чувствую, что у нее хорошее настроение, что она чем-то довольна. Если же она пожимает мою руку хотя и порывисто, но с дрожью в руке и без всякого чувства, я догадываюсь, что Л. И. очень расстроена, у нее дрожат руки, а когда она говорит со мной дактилологией, то ее пальцы с трудом складываются в буквы.

Я часто узнаю настроение У., когда она занимается со мной. Если У. в плохом настроении, у нее движения резкие и неясная дактилология, а если она во время диктовки пишет зрячие знаки препинания, это тоже получается резко, сердито. В таких случаях я спрашиваю:

— Почему вы в плохом настроении?

Но У. всегда отвечает:

— Наоборот, в очень хорошем.

Однако я не верю, потому что всегда слежу за настроением тех людей, с которыми я общаюсь.

У моей подруги Н. я сразу узнаю настроение, как только она пожимает мою руку. Когда она в плохом настроении, у нее очень вялые, а часто резкие и нервные движения. Если же она веселая, то движения рук быстрые и порывистые. Н. часто хочет скрыть от меня свое плохое настроение, но ей это не удается.

У И. А. очень выразительные руки: может быть, это объясняется тем, что он много работает со слепоглухонемыми и хорошо понимает, какое значение имеет для нас выразительность руки.

У П. очень много искусственных движений, но все-таки я без-

23 Заказ 812

ошибочно узнаю, когда она сердится, и в таких случаях спрашиваю:

— Почему вы такая сердитая?

Читать же выразительно дактилологией, как я заметила, труднее, чем просто разговаривать, ибо приходится каждое слово брать из книги, а это весьма отвлекает внимание на другое, а именно, чтобы не пропускать букв. Но все же можно и дактилологией научиться читать выразительно. Например, когда слово кончается восклицательным знаком, делать две последние буквы более резко. Если содержание какой-нибудь фразы или целой страницы носит грустный характер, то можно читать не резко и не быстро дактилировать слова; если читаются драматические моменты, то здесь нужно придать дактилологическому чтению четкость, силу и вообще вложить то чувство, какое мы вкладываем, когда читаем это голосом. Вообще для выразительного дактилологического чтения так же, как и для чтения голосом, очень важно, чтобы читающий не был безразличен к тому, что он читает. Есть такие моменты во время дактилологического чтения, когда необходимо писать знаки препинания: например, кавычки, скобки и многоточие. Если этих знаков не писать, то читаемый материал бывает менее понятен.

МОСКВА!

С тех пор как я начала переписываться с А. М. Горьким, я стремилась попасть в Москву, чтобы встретиться с любимым писателем и великим другом...

Не пришлось...

Поездка в Москву состоялась только в 1941 году, и она оставила у меня настолько сильное, неизгладимое впечатление, что мне хочется рассказать о ней, рассказать, как я ощутила и восприняла свое пребывание в столице, и о том, как меня встретила и приняла Красная Москва.

Разумеется, я не смогу передать все, что я перечувствовала и пережила за короткое, быстро промелькнувшее время, проведенное в Москве.

Посещение Москвы обогатило меня настолько, что, несмотря на отсутствие у меня, слепоглухой, зрительных и слуховых впечатлений, мне пришлось бы написать чуть ли не целую книжку об этой поездке.

Я была не в экскурсии, а ездила по делу.

Московские яркие дни были для меня наполнены новым сверкающим содержанием.

Ограничусь лишь беглыми штрихами, общей зарисовкой своих впечатлений.

Как только поезд тронулся и я ощутила под ногами все убыстряющийся мерный перестук колес, меня охватила глубокая радость от сознания сбывшегося давнего желания... Я еду в Москву!

Приятно было чувствовать, что скорый поезд уносит тебя, точно сказочный крылатый конь, уносит из привычной, давно изученной, примелькавшейся обстановки в новый, еще незнакомый прославленный город твоей мечты, в новую, прекрасную жизнь.

Я не раз ездила по железной дороге и хорошо разбираю все смены движения поезда: быструю и замедляющуюся езду.

Радовал равномерный, ритмический бег колес, все приближавший меня к цели путешествия. Поезд летел в ночную морозную даль, я засыпала и сквозь сон чувствовала, когда он останавливался. Просыпаясь от этого, я с нетерпением мысленно торопила поезд: «Скорее, скорее в Москву!..»

Наступило снежное солнечное утро. Поезд подходил к Москве. Меня волновала предстоящая встреча.

Колеса замедляют свой бег, вагон останавливается. Вместе с другими пассажирами я схожу на платформу. Я — в Москве!

Странное, волнующее ощущение охватывает меня.

Я у желанной цели. Но этот переход в мир моей сбывшейся мечты так прост и обычен, что невольно спрашиваю:

— Значит, уже Москва?

Первым меня встречает мой учитель и воспитатель, профессор Иван Афанасьевич Соколянский. Стараюсь не выдать своего радостного волнения, но губы неудержимо складываются в улыбку...

В такси овладеваю собой. Моя переводчица не отводит глаз от быстро развертывающейся перед нами панорамы улиц Москвы и передает мне все, что видит... Вечером того же дня, несмотря на сильный мороз, мы с профессором вышли погулять.

— Холодно? — заботливо спрашивал профессор.

— Жарко! — отвечала я. И действительно, меня согревала горячая волна радости, что я, наконец, в Москве, в кругу друзей — старых и новых...

* * *

Мы познаем окружающий мир, окружающие вещи, дома, улицы, город по их расположению в пространстве. Мы ощущаем соразмерность, перспективу, ощущаем самое пространство по расположению в нем вещей. При этом у людей, владеющих всеми

пятью органами чувств, познание окружающего мира обычно опирается на зрительное и слуховое восприятие. Глухой переключается на зрительное, а слепой — на слуховое восприятие. Очевидно, что главным образом звуковое отражение, эхо зал, площадей, улиц, тротуаров дает слепому ощущение пространства.

А если выключено не одно, а сразу два из пяти чувств: зрение и слух?

И тогда остается путь познания окружающего большого мира: мы ощущаем его непосредственно всем телом, передвигаясь сами в пространстве. Свет и звуки выключены. Остается воздух, всегда доступный восприятию: его движение и направление этого движения, температура, насыщенность запахами и т. п.

Кроме звукового существует воздушное «эхо». Это может быть и воздушная волна от быстро пролетевшего мимо трамвая, авто, это может быть отраженный от стен большого высокого дома порыв ветра, это могут быть и еле заметные воздушные струйки, отражающиеся от домов, вытекающие из открытых окон, форточек и т. д.

Все это ловится натренированным осязанием и обонянием слепоглухого. Из этих, казалось бы, мелких, незаметных ощущений постепенно складывается определенное, стройное представление об окружающем мире.

По тому большому расстоянию, которое мы проходили в Москве, по сильным свободным порывам ветра на улицах и площадях я чувствовала, как велика и обширна красная столица. Заметила сразу, что московские улицы шире харьковских. Харьков в сравнении с Москвой показался мне небольшим городом.

И странное дело, несмотря на большие расстояния, мне было легче ходить по московским улицам. Я почти не уставала, скоро привыкла быстро перебегать их, обгоняя прохожих... Разумеется, я ходила не одна, а в сопровождении зрячей спутницы, приехавшей вместе со мной.

Немолодых лет, она быстрее утомлялась и жаловалась, что «Москве нет ни конца, ни края». А мне было весело, и я шутила:

— Скоро же мы стали москвичами...

Даже московские морозы, которыми меня пугали раньше, оказались «добрыми знакомыми» и не причинили мне никакого вреда. Я не только скоро привыкла и приспособилась к морозу, но полюбила его.

Я ощущала его свежий запах, он оживлял и бодрил меня.

Для приезжего знакомство с таким большим городом, как Москва,— это прежде всего знакомство с городским транспортом.

Путешествуя по Москве, я испробовала, конечно, все виды ее

городского транспорта: и трамвай, и автобус, и троллейбус, и такси.

Но, разумеется, ни один из этих видов передвижения не произвел на меня такого большого и прекрасного впечатления, как наше замечательное, чудесное метро.

Метро, с исключительным комфортом и молниеносной быстротой переносящее из одного конца громадного города в другой, непрерывная лента волшебных самодвижущихся лестниц, в несколько мгновений поднимающих и опускающих толпы пассажиров, это наше метро — подлинно социалистический вид городского транспорта. Я увлекалась им. Вот мы опускаемся вниз по широкой мраморной лестнице. Я чувствую и холодок полированных мраморных стен, и теплое дыхание подземной глубины, летящее навстречу.

Очутившись в громадном подземном зале, украшенном мраморной колоннадой, с минуту ждем поезда. Вдруг я чувствую щекой упругий, все усиливающийся ветерок, а потом под ногами ритмический стук.

— Что это?

— Идет поезд. Входить нужно быстрее.

Так и делаю. В удобном, просторном вагоне усаживаюсь на мягком кожаном диване. Что-то глухо шумит — это сходятся, автоматически закрываясь, двери вагона.

Поезд мягко трогается с места, плавно и быстро мчит нас вперед. Мы несемся к центру Москвы...

Мой спутник называет мне остановки, старается дать мне представление о красоте подземных дворцов...

На нашей остановке мы направляемся к движущейся лестнице. Шагах в пяти от нее я уже чувствую под ногами вибрации от ее движения.

Мы быстро становимся на ступеньку эскалатора, и он уносит нас наверх. Кладу руку на перила, они, как живые, тоже движутся вверх одновременно с движением эскалатора и как будто дышат... Интересно!

На обратном пути мы опускались в метро также эскалатором. Я хорошо различаю разницу между подъемом и спуском. В первый раз при спуске у меня на миг слегка закружилась голова: пол уходил из-под ног. Но я быстро привыкла, и потом на метро спускаться эскалатором мне нравилось больше, чем подниматься...

С каждым днем моего пребывания в Москве я все больше и глубже ощущала мощное биение этого громадного сердца страны.

Меня захватывала широкая волна организованного многообразного движения жизни столицы; зачаровывал калейдоскоп этой

многогранной, многокрасочной и многозвучной жизни, смена ярких явлений, фактов, событий, о которых я ежедневно непосредственно узнавала, которые я переживала сама...

Каждый трудовой день социалистической Москвы полон глубокого содержания: здесь — мозг страны, здесь сам начинаешь энергичнее мыслить, глубже переживать...

Я была в культурном центре страны, где собраны сокровища науки, искусства, все проявления человеческого творчества.

Я ходила ежедневно по учреждениям, наркоматам, общественным организациям Москвы и везде встречала приветливый, радушный прием, теплое внимание и заботу.

Самым важным, самым главным для меня центром моих впечатлений и переживаний, конечно, были люди, замечательные люди социалистической Москвы.

Встречи с чудесными, культурными людьми оставили у меня самые светлые, неизгладимые воспоминания.

Побывала я и в родных мне общественных организациях — центральных правлениях всероссийских обществ слепых и глухонемых.

И там личное знакомство с руководителями этих обществ, их теплая товарищеская встреча глубоко и радостно взволновали меня.

Дружеский прием ожидал меня и в редакциях журналов слепых и глухонемых.

Я была счастлива, что, очутившись в Москве, смогла пожать руки всех своих друзей, которых знала до тех пор только по переписке.

В ежедневном живом общении, в блестящем кругу замечательных наших педагогов, организаторов, журналистов, работников науки и искусства я чувствовала, как растут крылья моей души. Жадно захотелось принять самое активное участие в этой кипучей, захватывающей работе, переливающейся всеми цветами радуги, пронизанной творческой радостью...

Разве я могу здесь рассказать в нескольких словах о всех московских встречах, беседах, новых знакомствах?

Я не слышу, но в московские дни в моей душе с особенной силой зазвучала музыка слов, поэзии.

Я не вижу, но в моем сознании сложилось гармонически стройное, многоцветное, сияющее видение прекрасного, свободного города Москвы — творение дивного зодчего.

С трудом я расставалась с Москвой...

Все мои мысли, желания, вся моя душа полна Москвой, где я получила творческую зарядку.

Немало у нас в Советском Союзе прекрасных, новых, социали-

стических городов, в которых так же ярко и пышно расцветает новая жизнь.

Но Москва — сердце страны, любимейший город всех трудящихся не только Советского Союза, но и всего мира.

Нельзя не любить горячо Москвы, нельзя не восторгаться ею, нельзя не стремиться к ней...

На всю жизнь сохраню память об этой поездке, об этих чудесных московских днях.

ЛЮБОВЬ К ИСКУССТВУ

Люди, лишенные слуха и речи, не могут, конечно, наслаждаться чудесной гармонией звуков, не могут, подобно своим слышащим товарищам, доставлять себе удовольствие собственным пением. Тем более, тем сильнее могут они любить доступные им поэзию, ваяние, живопись.

В самом деле, когда человек скован тем или иным физическим недугом, в нем развивается с удвоенной, утроенной силой страсть к чему-нибудь одному, доступному его духовному миру. Людям, лишенным речи и слуха, более всего доступны ваяние и живопись. Но что же остается тем, кто лишен и зрения? Конечно, поэзия и ваяние.

Воспринимая посредством осязания формы и даже тончайшие линии статуи, слепоглухонемой тут же в уме разбирает по частям воспринятый образ, усваивает его и, наконец, обобщает в одно целое. Конечно, этот образ несколько отличается от зрительного образа, ибо кроме формы и линий слепоглухонемой ощущает особенности материала: холод мрамора, полированную поверхность дерева, шероховатости и т. д. У слепоглухонемого отсутствует представление о цвете осматриваемой руками скульптуры. Речь идет не о вербальном выражении цвета, а о представлении цвета как такового...

У меня, слепоглухой, особенно развита любовь к литературе и скульптуре. Задолго до посещения музеев меня начали знакомить со скульптурой, имевшейся в нашем учреждении. Прекрасные мраморные статуи двух Венер, Медицейской и Милосской, «Отдыхающий Гермес», «Флорентийские борцы» и другие зажгли во мне пламенную любовь к скульптуре.

Посредством дактилологии педагоги читали мне «Историю искусств». С какой любовью и вниманием я осматривала наши статуи! Почти каждый вечер, когда я освобождалась от занятий, можно было видеть меня переходящей от одной статуи к другой (это явление можно наблюдать и у других наших воспитанников).

Я люблю обеих Венер, но по-разному: Милосская, нежная, серьезная и скромная, как-то ближе и понятнее; осматривая ее, я невольно становилась и сама серьезнее. Венера Медицейская заставляла меня улыбаться...

Наконец, я сделала первую экскурсию в музей.

С особенно теплым чувством осматриваю двух спящих младенцев в кресле. Это скульптура из лучшего, нежнейшего мрамора. Дети — ну, только что не дышат! Если бы их оживить, были бы дети чудесной красоты...

В другом отделении мне показали бюст Бетховена. Впервые мне пришлось осматривать это мужественное, твердое, выразительное лицо. К этому времени я уже успела прочитать биографию гениального композитора. Знала о постигшей его глухоте. В памяти моей проносились отрывки из биографии в то время, когда рука моя лежала на голове Бетховена.

«...Отец Людвига Бетховена поднимается по лестнице в свою бедную квартиру и слышит, как несмелые пальчики Людвига наигрывают на фортепьяно какую-то мелодию».

«...Молодой человек с львиной гривой (так друзья Бетховена называли его) спешит за город в ясный весенний день. Не умолкая, звенят хоры птичек, с лугов и отдаленных полей веет теплый ветерок, принося Бетховену разнообразные тончайшие ароматы. В голове композитора уже звучат дивные мелодии, и он спешит домой, чтобы передать в звуках свои бессмертные сонаты.

...Но дома ворчливая и добрая экономка с ужасом восклицает: «Опять потеряли шляпу!.. Придется тесемками привязывать шляпу к голове...»

«...По утрам Бетховен умывается холодной водой и поет. Странная вещь: гениальный композитор, обладавший таким музыкальным слухом, не имел хорошего голоса. Пел так, что экономка поспешно затыкала уши, как только раздавался голос Бетховена.

Глухой, одинокий, Бетховен пишет свои лучшие симфонии. Иногда тяжелая горячая слеза глубочайшего горя падает на клавиши фортепьяно, в то время как мысль композитора царит в мире звуков, пребывает во власти всего лучшего в жизни человеческой...»

С трудом отрываюсь от этих воспоминаний и замечаю, что руки мои все время лежали на голове Бетховена. Вдруг в руках появляется странное ощущение, словно ток проходит в пальцах. Сначала я удивляюсь, но скоро понимаю это состояние: несколько раз я слышала, держа руки на пианино, Лунную сонату Бетховена.

И теперь благодаря сильному впечатлению мои пальцы как бы воспроизводили когда-то воспринятые вибрации звуков.

В этом же музее я испытала еще одну светлую радость. Мне показали скульптуру, изображавшую старушку с недовязанным чулком в руках, а у ее ног на скамеечке сидит мальчик: личико его приподнято, глаза широко открыты и устремлены на старушку. Видно, что мальчуган весь превратился в слух.

Кто же это? Да, я узнаю его по губам: маленький Пушкин слушает сказки Арины Родионовны — няни своей.

Группа экскурсантов переходит в соседние залы, а я не могу оторваться от Пушкина.

Вот как может зачаровать человека все то, что доступно его восприятию, его чувству! В обыденной жизни мы себя не знаем, зачастую жалуемся на однообразие...

Но приходим в музей и чувствуем себя другими людьми: сколько разнообразных ощущений, какие переливы чувств: грусть, радость, сочувствие, самый неподдельный восторг.

Какой интеллектуальный и физический отдых можно находить в созерцании и особенно в творчестве: ваянии, живописи, поэзии.

Стоит только полюбить искусство, впитать в себя его гармонию, красоту, как все прекрасное и разумное одухотворяет наше сознание, наполняет его лучшими, не изведанными в обыденной жизни чувствами и ощущениями.

Мне, воспринимающей мир только с помощью осязания и обоняния, доступны все эти чувства: что же говорить о глухонемых, обладающих зрением? Им доступно все богатство зрительных впечатлений, а между тем большинство товарищей так неумело, так ограниченно пользуется своим преимуществом передо мной — возможностью зрительно воспринимать мир.

Мне неизвестно, есть ли в настоящее время художники среди глухонемых, но скульпторов у нас пока что два: Нечаев и Борисанов. Этого, конечно, мало.

Нашей стране нужны не только инженеры, техники, летчики, педагоги и т. д. Нет, нам нужны и скульпторы, художники, архитекторы, литераторы, отражающие нашу прекрасную действительность в искусстве.

НЕУСТАННО РАБОТАТЬ НАД СОБОЙ

Появление моей статьи об А. М. Горьком и моей переписки с ним в № 7 журнала «Жизнь глухонемых» за 1940 г. у многих читателей вызвало естественное желание узнать, как я училась, развивалась и овладевала логической речью. Мне кажется, что будет целесообразнее, если я отвечу на вопросы товарищей на страницах журнала «Жизнь глухонемых».

В моей учебе и формировании логической речи красной нитью проходят три момента: 1) правильно организованное рабочее время, 2) умелый подход, руководство и чуткое отношение ко мне моего учителя — проф. И. А. Соколянского, 3) моя настойчивость и неотступность в овладении знаниями.

Я рано поняла неоспоримую истину: для слепых, глухонемых и слепоглухонемых знания — все. Кто владеет знаниями, тому доступно все в жизни человека.

Как я начала учиться?

Так же, как и все глухонемые, в специальной школе, с той только разницей, что осязание заменяло мне зрение.

Занятия были систематизированы только до того периода, когда я овладела знаниями за семилетку. Далее учеба видоизменилась в связи с тем, что учреждение перешло в ведение Украинского института экспериментальной медицины. Техника нашей работы требовала от меня некоторых познаний в естественных науках.

Мне начали читать научно-популярную литературу. После прочтения книги или брошюры (зрячего шрифта) я конспектировала их совместно с педагогом. Так, я прочитала и законспектировала «Историю развития естественных наук», несколько книг по психологии и физиологии, прошла неполный курс биологии.

Так же мне читали сочинения классиков марксизма-ленинизма.

Проф. И. А. Соколянский сам перепечатал для меня шрифтом Брайля материалы по историческому и диалектическому материализму. Под диктовку педагога я перепечатала шрифтом Брайля философский словарь. Ко всему этому следует добавить систематическое чтение художественной литературы — классической и современной.

Это было самое счастливое время моей юности. Мне читали «зрячие» книги при каждом удобном случае. Воспитательница — и, между прочим, в то время моя лучшая чтица т. Белецкая — читала мне и по ночам. Так, мы прочитали несколько произведений Дюма, Шекспира, Шиллера.

При школе слепых имелась небольшая брайлевская библиотека, все ее книги я прочитала по нескольку раз. Из русских классических поэтов Пушкин и Лермонтов были и остаются для меня самыми любимыми. Увлекаясь их поэзией, я и сама начала «марать бумагу»...

Знаменитый русский композитор М. И. Глинка, когда ему было 12 лет, воскликнул: «Музыка — душа моя!» Я же говорю: «Поэзия — душа моя!»

В самом деле, как можно не любить поэзию? Но многие глухонемые товарищи равнодушны к ней. Вероятно, это объясняется

незнанием литературного языка, чего, конечно, я им в вину не ставлю: виноваты плохие учителя их.

Для глухонемых поэзия (стихи) может оказать большую помощь в развитии их логической речи. Стоит только полюбить поэзию, и вы скорее и лучше овладеете литературным языком. Я знаю это по себе.

Для тех, кто говорит устной речью, стихи также крайне полезны. Нельзя скрывать то печальное обстоятельство, что подавляющее число глухих имеет плохое произношение.

А. П. Чехов однажды сказал, что знаки препинания — ноты языка. Верно! А для глухонемых они ноты вдвойне.

Когда вы читаете что-либо, обращайте внимание на знаки препинания, и вы научитесь говорить более выразительно, с соответствующими интонациями и логическими ударениями.

Конечно, не следует игнорировать и указания слышащих: напротив, к ним надо прибегать возможно чаще.

Даже теперь, когда я говорю внятно, я с благодарностью выслушиваю указания на неверные ударения в незнакомых мне словах.

Вероятно, многих удивит мое утверждение, что стихи могут оказать помощь в налаживании и совершенствовании устного произношения.

Приведу примеры.

На каком слоге ставить ударение в стихотворении Пушкина «Делибаш»? Когда я прочитала название стихотворения, мысленно поставила ударение на втором слоге. Но, читая стихотворение, я обнаружила свою ошибку сразу:

Перестрелка за холмами,
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Ударение приходится на последний слог слова «делибаш».

В современной художественной литературе и стихах на русском языке нередко встречаются украинские слова. Слышащим нетрудно правильно произносить эти слова, но для глухонемых это труднее. Так, большинство из них не может сказать, на каком слоге приходится ударение в слове «влада» (власть). Прочитайте-ка следующую строфу из поэмы А. Безыменского «Трагедийная ночь», и вы легко определите ударение:

Батько с Демой счастливцы теперь:
Им учиться, как Риджи, не надо.
Знай, строительство тоннами мерь
В честь и славу радянской влады.

Таким образом, стихи помогают нам правильно произносить слова, а это далеко не пустяк. Каждому из нас необходимо хорошо владеть нормальной устной речью.

Конечно, трудно сразу отыскать в стихах нужный пример правильного ударения в словах. Но вот поэтому-то и надо больше читать стихи!

Я знаю украинский язык, хотя училась на русском. Чтение украинской литературы, и главным образом поэзии, помогло мне без труда изучить этот язык. Я прочитала всего «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, сочинения Ивана Франко, М. Коцюбинского и других украинских писателей и поэтов.

Взрослые товарищи в личной беседе со мной спрашивают: «Как мне развиваться дальше?»

Мой ответ: читайте книги, читайте систематически и серьезно относитесь к чтению. Книги — лучшие друзья и учителя наши. Об этом замечательно пишет А. М. Горький:

«...с глубокой верой в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку. Пусть она будет враждебна вашим верованиям, но если она написана честно, по любви к людям, из желания добра им — тогда это прекрасная книга».

Все замечательные люди — ученые, изобретатели, писатели и другие — своими успехами и достижениями прежде всего обязаны книгам. Очень хорошо об этом пишет А. д'Аламбер:

«...Зародышами почти всех открытий являются плодотворные идеи, приобретаемые чтением и общением с людьми. Это тот воздух, которым нечувствительно дышишь и живешь».

У меня еще мало знаний; верно классическое изречение: век живи, век учись. Но то немногое, что я знаю, дали мне книги и общение с культурными людьми.

Врожденных знаний у человека нет. Они приобретаются учебой, упорной работой над собой.

В нашей стране имеются неограниченные возможности для культурного роста людей.

В солнечной стране социализма, где всепобеждающий разум человека восторжествовал над силами природы, каждый может стать образованным и высококультурным, нужно только любить знание, стремиться к нему, упорно работать над собой.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДРУГ

В своем первом напечатанном рассказе «Макар Чудра» Алексей Максимович пересказывает простые слова Чудры, который говорит о цыгане Лойко Зобаре: «...Вот, сокол, какие люди бывают! Взглянет он тебе в очи и полонит твою душу, и ничуть тебе это не стыдно, а еще и гордо для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей!..» Эти слова я часто вспоминаю, ибо ценила дружеское отношение Алексея Максимовича Горького ко мне и гордилась им.

1933 год навсегда сохранится в моей памяти, так же как и 18 июня — день, когда я получила первое письмо от Алексея Максимовича. Письмо это не только сильно обрадовало меня, но без преувеличения можно сказать — оно потрясло меня своей глубиной и мудростью.

Если попы и монахи восхищались и умилялись перед «разумом природы» и «божиею мудростью», когда слепоглухонемая американка Елена Келлер начала «быстрыми шагами идти к знаниям (приближающим ее к богу)», то А. М. Горький раз навсегда отказался верить в «разум природы» и неоднократно смеялся над ним.

«Я никогда не восхищался «разумом природы», не верил в него и не верю, ибо в природе слишком много бессмысленного и вредного для человека, лучшего и самого сложного из ее созданий, которое, однако, может быть убито тифозной вошью, туберкулезной бациллой и т. д...» *

Эти слова поразили меня — слепоглухонемую девочку — своей простотой, мудростью и неоспоримой правотой. Я мысленно повторяла: «Верно, это очень верно». И, читая дальше это письмо, я с радостью, какую могут испытывать люди, будучи на моем месте, узнала, во что верит Алексей Максимович:

«Верю я в разум человека, он, человек, кажется мне органом самопознания природы, исследователем и организатором ее хаотических сил...»

В течение дня я несколько раз принималась читать это письмо. Я вспомнила Е. Келлер. Ее окружали епископы, монашки, попы и поповствующие ученые. Они более всего заботились о том, чтобы «приблизить Елену к богу», и до слез умилялись, что она так быстро «постигает божию мудрость», а вот Алексей Максимович пишет мне о могучем разуме т о л ь к о человека.

Мой учитель рассказывал мне о воспитании Елены Келлер и, между прочим, сказал: реакционный американский психолог В. Джемс заявил, когда познакомился с Е. Келлер: «Все попы всего мира не могли доказать бытия бога, а вот Е. Келлер своим

развитием показывает, что есть нечто выше нашего разума, и Елена Келлер своим существованием доказала это».

Но Алексей Максимович не верил ни в разум природы, ни в другие «сверхъестественные силы»...

...Он горячо любил нашу Родину, гордился ею, не раз говорил и писал о том, что наша страна богата здоровыми, талантливыми людьми... Не удивительно поэтому, что когда он получил от меня первое письмо, то живо им заинтересовался; письмо это возбудило в нем желание ознакомиться с задачами нашего учреждения. Алексей Максимович совершенно правильно оценил нашу работу и понял, что даже слепоглухонемого можно сделать Человеком. А как это сделать? Алексей Максимович понимал и это и в следующих словах освещал этот вопрос:

«...Я думаю, что скоро настанет время, когда наука властно спросит так называемых нормальных людей:

— Вы хотите, чтоб все уродства, несовершенства, преждевременная дряхлость и смерть человеческого организма были подробно и точно изучены? Такое изучение не может быть достигнуто экспериментами над собаками, кроликами, морскими свинками. Необходим эксперимент над самим человеком, необходимо на нем самом изучать технику его организма, процесс внутриклеточного питания, кровообразования, химию нервно-мозговой клетки и вообще все процессы его организма. Для этого потребуются сотни человеческих единиц, это будет службой, действительной службой человечеству, и это, конечно, будет значительно полезнее, чем истребление десятков миллионов здоровых людей ради удобства жизни ничтожного, психически и морально выродившегося класса хищников и паразитов». (Из письма ко мне.)

Читая это освещение вопроса об изучении человеческого организма, думаешь, что А. М. Горький не только был гениальным художником и публицистом, но и обладал колоссальной эрудицией ученого и — в то же время — был человеком будущего коммунистического строя. Недаром же он вдохновлял и призывал меня быть полезной для науки и писал мне: «...Вы вправе этой службой гордиться...»

Интересен тот факт, что Алексей Максимович, несмотря на непрерывную работу над художественными произведениями, на редкость для писателя-художника интересовался науками о человеке. А когда он начал переписываться со мной, он живо заинтересовался и проблемой слепоглухонемоты, и притом не так, как был заинтересован Диккенс Лаурой Бриджмен (слепоглухонемой, предшественницей Е. Келлер): Диккенса больше всего поразило в Лауре Бриджмен то обстоятельство, что она может ощущать руками звуки музыки, прикасаясь к инструменту рукой, и то, что

она в состоянии выражать свою радость смехом. «...Она смеется. Великий боже! Она смеется!..» — восклицал Диккенс.

Каждое письмо Алексея Максимовича доставляло мне такую же неисчерпаемую радость, как и первое письмо, и, кроме того, с каждым его письмом, я умственно росла: я лучше понимала прочитанные книги, больше узнавала жизнь и людей, а все это потому, что каждое слово Алексея Максимовича приближало меня к пониманию окружающего мира. Я охотно, с сильно бьющимся сердцем писала письма Алексею Максимовичу; я часто думала о том, что у меня еще слишком мало знаний и это печалило его. Но в одном письме Алексей Максимович написал мне: «...Ваше письмо также свидетельствует о прекрасном росте Вашего интеллекта...» Это признание сильно обрадовало меня и внушило мне уверенность, что дружба с Алексеем Максимовичем принесла мне колоссальную пользу — он вдохновлял меня и направлял ко всему доброму и разумному.

Все письма А. М. Горького ко мне хранятся у меня. Мой учитель перепечатал их для меня брайлевским шрифтом, я самостоятельно могу их читать в любую минуту. Да, я их читаю и изучаю, ибо они богаты неиссякаемой мудростью такого великого и пламенного человека, каким был Алексей Максимович Горький.

СЛУЧАЙНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Однажды летом мы с М. Н. были в городе по своим делам. Освободились раньше, чем предполагали, а домой идти еще не хотелось. Стали думать да гадать, в какой музей нам пойти. М. Н. предложила:

— Пойдемте в домик Романовых. Мы как раз идем по этой улице. Вы там не были?

— Нет.

— А мне очень хочется осмотреть боярские покои...

В исторических повестях и романах я много читала о царских и боярских палатах, покоях и покойчиках с изразцовыми печами и лежанками. Боярские дома описываются с «красным крыльцом», с узенькими оконцами, с женскими теремами и т. д. Палаты и покои представлялись мне такими же комнатами, какие имеются и в наших современных домах, только палаты представлялись мне большими залами, а покои — маленькими комнатками.

Изразцовые печи и лежанки я представляла как самые обыкновенные, сделанные из кирпича и глины русские печи, только со множеством маленьких и больших выступов и карнизов.

Я вообразила, что в бывшем доме Романовых в самом деле находится музей, и шла туда с большим оживлением, ибо надеялась увидеть там все в таком или почти в таком виде, как это было при жизни бояр. Но до чего же мы были разочарованы, когда, подойдя к усадьбе, узнали, что там уже нет музея, а разместилось какое-то учреждение. Мы все же попросили разрешения войти в дом, чтобы отыскать хоть какие-нибудь следы старинной архитектуры и боярской жизни.

И действительно, на мое счастье, в нижнем этаже еще сохранилось несколько маленьких комнат — покоев. Кое-где на стенах крепко держались куски парчи, которой, очевидно, были обиты стены.

В одном из покойчиков (эти комнаты были так малы, что я могу назвать их только покойчиками) нашлась и заинтересовавшая меня изразцовая печь с лежанкой.

Увы! Эта печь была совсем не похожа на русские печи в избах и украинских хатах. Я внимательно осмотрела небольшую печь и миниатюрную лежаночку. Сделаны они были из очень гладких, как бы отшлифованных или кафельных «кирпичиков» различной величины и формы, со множеством красивых, рельефно исполненных рисунков. Тут были цветы, деревья, птицы, звери. М. Н. сообщила, что все эти фигуры цветные и очень красивые. Мне они тоже нравились, я долго не могла отнять рук от этих изображений.

Захотелось мне осмотреть и дверь, хотя я совсем не предполагала, что обыкновенная дверь может быть какой-то необыкновенной, но в этих покойчиках и двери были необычайны: не такие, как в наших современных домах. Прежде всего я споткнулась о высокий порог. Такие пороги были во всех комнатах, двери же низенькие, очень тяжелые, массивные, толстые, обитые сукном и вверху заканчивались полумесяцем. Осмотрев две двери, я поняла, почему в старых книгах писали, что, когда человек заходил в боярский покой, он сильно нагибался. Я очень сожалею, что никакой мебели, никакой домашней утвари в покоях не сохранилось.

Осмотрев низ, мы подошли к лестнице, чтобы подняться наверх в бывший женский терем. По книгам мне представлялась очень простая, довольно узкая, с низенькими ступеньками деревянная лестница, по которой поднимались на верхний этаж. Мне казалось, что очень легко было не только обычно всходить по ней, но даже бегать. Та лестница, к которой мы подошли, была не такова. Ступеньки оказались высокими, вся лестница очень узкая, крайне неудобная для подъема и спуска, тем более что над ней низко навис потолок. М. Н. не успела наклонить мне голову, и я имела удовольствие проверить прочность потолка собственным лбом.

Да, хорошо оберегали бояре своих жен и дочерей: по такой лестнице, а особенно в темноте, не очень-то разбежишься! В стене на лестнице находились узенькие слуховые оконца. К величайшей нашей досаде, от прежнего терема не сохранилось никаких следов: там все комнаты были заново перегорожены деревянными перегородками. Суетились какие-то люди. Нам оставалось только повернуть назад. И когда мы спускались вниз по этой предательской лестнице, я снова ушиблась о выступ потолка. Внутренне я очень посочувствовала боярским затворницам...

Эта старинная лестница напоминала мне некоторые сцены из повести А. К. Толстого «Князь Серебряный». Я представила себе старого боярина Дружину Андреевича Морозова, одетого в старинную длиннополую одежду. Он казался мне суровым, хитрым и длиннобородым стариком... Потом постепенно возник большой, с высокой оградой боярский сад.

Теплая, душистая, летняя ночь... В длинной женской одежде, закутанная кисеей, идет по саду к дому молодая жена боярина — Елена.

Она только что встретилась у садовой ограды с князем Серебряным и теперь вся трепещет от страха...

И вот сердитый старый боярин со свечой в руке медленно взбирается по этой крутой узенькой лестнице в терем жены...

Потом у боярина пируют опричники. Мне представилась большая толпа бражничающих людей, тесно набившихся в эти маленькие покойчики, где они задыхаются от жары... А вот разгоряченный вином ужасный князь Афанасий Вяземский, сгибаясь почти вдвое, спешит вниз из терема по крутой лестнице и несет на руках бесчувственную женщину. Он спешит и не замечает, как бедная Елена ударяется головой о потолок...

Пока эти картины неясно мелькали перед моим внутренним взором, я медленно спускалась вниз, придерживаясь рукой за стену. В стене я обнаружила узенькие оконца и начала их осматривать. О стрельчатой архитектуре я только читала; верхняя часть этих окошек была остроконечной, и теперь мне стал ясен стиль стрельчатой архитектуры.

Спустившись с лестницы, мы вышли через массивную, тяжеловесную железную дверь на маленький, как я подумала, балкончик. Однако М. Н. сказала, что это бывшее «красное крыльцо». Так ли это, не знаю, но «красное крыльцо» в боярских домах мне представлялось совсем не таким: я представляла его широким, с красивой решеткой по бокам и резными легкими колонками, которые поддерживали навес с затейливой резьбой и узорами.

Я обратила внимание на то, что в доме Романовых все, что сохранилось — стены, двери, окна,— было крепкое, толстое, рас-

24 Заказ 812

считанное на долгое время; а мне думалось, когда мы подходили к усадьбе, что я вижу развалины.

Как интересно знакомиться со стариной и мысленно переноситься в то далекое время, представить себе жизнь прошедших поколений, прошедших столетий!

Когда я брожу по Москве, мне всегда очень хочется представить этот город в разные времена и сравнить его с нашей кипучей, заново перестраивающейся столицей. Когда-то разными переулками и закоулками по Москве пробирались бедные люди, а по большим улицам в экипажах проносились сытые, раздутые и преждевременно обрюзгшие богачи. А теперь, теперь... десятки тысяч нарядных, здоровых и веселых людей заполняют просторные улицы и широкие площади Москвы — красавицы столицы.

Быстро мчатся машины, автобусы, троллейбусы. А как чудесно в метро! Когда я бываю в подземных дворцах метро, я испытываю большую человеческую гордость за нашу советскую созидательную эпоху, за наш сильный, мужественный и свободный от эксплуатации народ.

Мне представляется, что мы живем одной большой значительной жизнью и равно пользуемся всеми ее благами. И люди мне представляются тогда не такими, как я привыкла наблюдать их в обыденной жизни,— нет, они мне кажутся чем-то большим, ибо их творческий разум, направляемый родной Коммунистической партией и вооруженный знаниями, побеждает природу, творит чудеса в технике, зодчестве, искусстве.

О МОРЕ И ДЕНДРАРИИ

I

Я стояла на берегу моря в Сочи и декламировала стихи о море:

А вот оно море, горит бирюзой,
Жемчужною пеной сверкает.
На белую отмель волна за волной
Тревожно и тяжко взбегает.
Смотри, он живет, этот зыбкий хрусталь,
Он стонет, грозит, негодует.
А даль-то какая! О как эта даль
Усталые очи чарует...

(С. Надсон)

Моя спутница Таня слушала стихи, смотрела на море и говорила, что сейчас оно у берега темно-голубое с зеленым оттенком

а вдали темно-синее, сливающееся с горизонтом. Далеко-далеко плыл пароход. Но я ощущала только запах моря да легкие порывы освежающего бриза, а под ногами песок и гравий. Таня часто восклицала:

— Какое море прекрасное и безбрежное!..

Я не могла представить себе величину моря, но волны — этот живущий какой-то своей жизнью «зыбкий хрусталь» — представлялись мне неустанно действующей, никогда не иссякающей, а, наоборот, вновь и вновь нарождающейся сердитой силой, которая в то время была ощутимой, осязаемой.

Волны накатывались на берег, мощно ударялись о камни; это я ощущала и именно потому могла представить себе, что вокруг меня громадный простор, что волны катятся издалека и где-то там, далеко сливаются с горизонтом. И о горизонте у меня не было зрительного представления, но если бы мне кто-нибудь начал объяснять, сравнивая горизонт, например, с опрокинутой над землей гигантской чашей, края которой соприкасаются с землей или водой, то, очень может быть, у меня возникло бы своеобразное представление о горизонте.

В стихах я читала:

> И видно оттуда, как даль горизонта
> Сливается с зыбью морской...
>
> (С. Надсон. «На могиле Герцена»)

Вот почему я и говорю, что сравнение горизонта с опрокинутой чашей помогло бы мне приблизительно представить горизонт. Но это только так кажется мне; того же, что есть в действительности, я не знаю.

Величина моря крайне занимала меня. Очень хотелось так или иначе представить его. Когда я впервые отдыхала у моря, я каждый день ходила купаться или просто сидела на берегу у самой воды и ногами ощущала, как волны набегали на берег, а потом, отхлынув, куда-то исчезали. Я старалась купаться во всякую погоду, чтобы иметь возможность представлять море спокойным, убаюкивающим или бурным. Я взбиралась на скалы, которые вдавались в море; в бурную погоду волны с титанической силой разбивались об эти скалы, обдавая меня брызгами. И я думала о том, какое громадное пространство должна занимать масса воды, которая бушует с такой стихийной силой.

Вспомнились мифологические легенды, и чудилось мне, что это огромные руки властителя морей, силача и повелителя Посейдона большими ведрами черпают воду из недр земли, а потом с размаху выливают ее на сушу, чтобы затопить весь земной шар. Сам Посейдон представлялся мне великаном, широкоплечим, длиннору-

ким, с пушистыми длинными кудрями из морской тины и такой же пышной бородой. Когда Посейдон сердился, он сильно раскачивал своей головой; развевающиеся кудри и борода нарушали спокойствие воздуха, и тогда начиналась буря... Так я фантазировала, сидя на скале...

В Сочи мы с Таней в течение дня по нескольку раз спускались к морю (я отдыхала в санатории «Кавказская Ривьера»). Из сада санатория по хорошей лестнице легко было попасть прямо на пляж. К сожалению, я отдыхала в такое время года, когда купаться в море еще рано — в марте и первой половине апреля; поэтому мы ходили на берег просто погулять. Таня неизменно восхищалась красотой и простором моря. Иногда она говорила: «Сегодня море не совсем спокойное. Волны заливают ту отмель, где мы вчера вечером гуляли. Хочешь, я подведу тебя ближе к воде, ты посмотришь волны».

Один раз мы подошли к морю в тот момент, когда волна отхлынула назад. Я наклонилась и потрогала руками песок: он был мокрый; я понимала, что нужно поскорее уходить от следующей волны, да и Таня тащила меня назад, но упрямое желание поймать на лету волну, чтобы ощутить и представить силу ее удара, удерживало меня на месте... Набежавшая волна почти до пояса залила нас, обдала лицо и голову брызгами и, как бы любуясь совершенным ею делом, неторопливо откатилась в море.

— Ну как, представляешь теперь волны? — смеялась Таня.

Я тоже смеялась, несмотря на то что туфли, чулки и нижняя часть одежды основательно вымокли; я ощущала даже, как в моих туфлях «квакали лягушки». Мы ушли в санаторий, чтобы переодеться.

Я впервые на опыте убедилась, что этот «зыбкий хрусталь» хорош только тогда, когда зрячие любуются им издали, но в туфлях и в одежде он доставляет меньше удовольствия, тем более что у меня не было второй пары обуви и другого пальто и я весь день так и проходила мокрая.

Размеры моря не давали мне покоя, я допытывалась у отдыхающих: сколько километров от Сочи до Севастополя или Одессы? Таня отвлекла мое внимание от этого вопроса предложением пойти в дендрарий.

II

В солнечный, яркий и теплый апрельский день сразу после завтрака мы отправились в дендрарий. Уже раннее теплое утро обещало хорошую погоду, и, действительно, день был великолепен: мне так и чудилось, что в такой день все живое в природе должно ра-

доваться и ликовать, а неживое — оживать и тоже радоваться тому, что оно обрело жизнь. У одних существ — больших, сильных и крепких, каковы крупные животные и деревья,— жизнь будет длительной; у других — маленьких насекомых, травинок — жизнь коротка, она продлится ровно столько, сколько будет сверкать, ликовать и петь этот день, согретый и озаренный ярким южным солнцем.

Дендрарий представлялся мне в виде большого сада или, лучше сказать, парка, расположенного на ровной поверхности земли, с одинаково прямыми, широкими и ровными аллеями, усыпанными песком и мелким гравием. В действительности дендрарий оказался не таким. Уже у входа в этот чудесный уголок, когда Таня покупала билеты, я ощутила приятные смешанные запахи различных растений. Пройдя некоторое расстояние по первой аллее, я уже вообразила, что погружаюсь в воздушно-ароматное море,— так хорошо пахло со всех сторон. Чтобы попасть на следующую аллею, надо было взойти на ступеньку. Такими ступеньками начиналась каждая следующая аллея. В обычных садах и парках подобных ступенек я не встречала, поэтому все аллеи дендрария представлялись мне громадными террасами, последовательно возвышающимися одна над другой, где росли вечнозеленые лавры, кипарисы, громадные веерные пальмы, магнолии, мамонтовые деревья и т. д. Таня подводила меня к кустам, деревьям, к невысоким декоративным растениям с очень мелкими листочками (не знаю их названия), которые были посажены кругами. В середине таких кругов величественно возвышались веерные пальмы или лавры. Такими же декоративными растениями были оплетены бассейны. И чем дальше мы углублялись в дендрарий, тем больше я восхищалась, ибо настоящий дендрарий превзошел все мои ожидания и все мои представления о нем.

Я всегда очень любила растения, охотно изучала ботанику, дома сажала всякое семечко, всякую фруктовую косточку, и, несмотря на то что много читала о растениях, я не имела ясного представления о таких громадных пальмах, кипарисах, лаврах, могучих кедрах. Дендрарий напоминал мне волшебные сказки из «Тысячи и одной ночи». У одной пальмы я почему-то вспомнила стихотворение Лермонтова «На севере диком...», но в этом царстве растений, где было так много пальм, огромных сосен и кедров, трудно было вообразить себе одинокую, засыпанную снегом сосну, стоящую на голой вершине, а сон этой сосны, грезящей о прекрасной, но грустной и одинокой пальме «на утесе горючем», показался бы здесь нелепым.

В дендрарии растения не росли одиноко, не грустили; они неумолчно и оживленно как бы переговаривались между собой. Мои

пальцы подслушивали их торопливый шепот, хотя я не понимала своеобразного языка листьев. Когда рука, осторожно прикасаясь, скользила по веткам и листьям, а легкий ветерок раскачивал их, мне именно чудилось, что растения шевелят своими гордыми кронами, спешат сообщить мне что-то таинственное, очень важное, что им одним поведали земля, море и жаркое южное солнце...

В дендрарии было много таких растений, о которых я знала только понаслышке, но представляла их более красивыми или совсем невзрачными. Так, я никогда не видела цветов камелии, хотя и знаю запах духов «Камелия». Цветок этот представлялся мне очень красивым, по форме похожим на большую белую розу с нежнейшими лепестками. В дендрарии я увидела куст камелии, но цветов еще не было. На ветках были довольно толстые, грубоватые листья; трудно было подумать, что между ними росли представлявшиеся мне цветы. Даже вслух я разочарованно сказала:

— Неужели это камелия? Быть может, это ошибка? Я думала, что листья камелии тонкие, по краям вырезанные и бархатистые...

Незаметно от сторожа я срывала листочек или цветочек с каждого растения и прятала в карман жакета. Мне хотелось все эти сокровища засушить и повезти с собой домой. С одной молоденькой, но уже расцветшей магнолии мне удалось сорвать цветок.

Еще до поездки в Сочи мне как-то привезли из Туапсе несколько веток магнолии с нераскрывшимися бутонами. Поэтому я раньше не знала настоящего запаха цветущих магнолий. Я думала, что самый чудесный, приятный аромат источают только розы. Но в дендрарии я убедилась, что цветы магнолии пахнут еще ароматнее, еще сильнее роз. И, вдыхая все запахи дендрария, я думала: «Никогда я не видела и, вероятно, не увижу лотосов. Но полагаю, что только в дендрарии или в лотосных зарослях можно ощущать такие запахи».

Лотосы представлялись мне в виде больших лилий, с огромными бокалами и неописуемо приятным запахом. Весь лотос — стебель, листья и цветы — казался мне таким прекрасным, что в письмах к друзьям я писала: «Сравниваю этот запах только с запахом божественного лотоса»... Значительно позднее я прочитала в одной статье следующее описание лотоса: «Цветок лотоса имеет большое сходство с розой, но только во много раз крупнее ее. Жизнь цветка коротка — три дня. Интересна окраска цветка лотоса: в первый день — ярко-розовая, на второй день она становится значительно светлее, а на третий превращается в светло-кремовый с розоватыми кончиками лепестков...»

Как видите, мое представление о лотосе было совершенно иным. И кроме того, мне казалось, что, произрастая в теплом климате, где не бывает зимы, лотосы цветут почти круглый год, а в дей-

ствительности оказалось, что жизнь цветка коротка. Не знаю, какие листья красивее: те ли, которые цвели и благоухали в моем воображении, или же те, что есть в действительности? Но несомненно одно: «мои» лотосы относительно «вечные» цветы...

К большому моему огорчению, мы за одну экскурсию не успели обойти весь дендрарий; быть может, мы нашли бы там и лотосы. Но и независимо от этого карманы моего жакета туго были набиты различными листьями и маленькими веточками. Пришлось таким же «научным материалом» наполнить и Танин портфель. От всего, что я сумела осмотреть и воспринять, я была в величайшем восторге и, кажется, подобно листьям растений без умолку болтала с Таней, которая не знала, к какому растению раньше подводить меня.

— Мы здесь как в сказке,— говорила она.

— Да, мне все это напоминает сказки Шехерезады, но только здесь красивее, ибо это не фантазия, а сама жизнь. Вот ты говоришь мне о море, о красоте гор, о городе, который тебе хорошо виден с нашего балкона. Но для меня это лишь словесные образы — бескрасочные и неясные, потому что я не могу к ним прикоснуться; а дендрарий я так четко восприняла. Я ощущала запах, осматривала растения, проходила с тобой по аллеям и приблизительно представляю их расположение, и поэтому дендрарий я «вижу» гораздо отчетливее, чем морскую даль, вершины отдаленных гор или вечерние огни города. Здесь я гуляю с тобой, осматриваю все, что только можно осмотреть, и наслаждаюсь, наслаждаюсь глубоко, растроганно и восхищенно...

В самом деле, разве можно было не наслаждаться? Жаркие лучи солнца приятной, успокаивающей теплотой весны согревали все уголки земли, в какие только могли проникнуть. Солнце мне представлялось огромным огненным кругом, от которого в ясные дни непрерывно отлетают искры. Отлетев на некоторое расстояние от центра, эти искры меняют свою форму; путем соединения друг с другом они превращаются в длинные стрелы, пронзающие воздух, освещают и согревают все на своем пути. От моря струился легкий бриз, и едва уловимыми волнами чуть ощутимой прохлады он умалял жару.

Итак, впечатление от дендрария было значительно ярче и сильнее, чем от моря; море я любила крепкой и немного поэтической любовью, но представить его таким, какое оно есть в действительности, не могла; дендрарий же был для меня более доступен, а значит, и представление о нем как о большом парке складывалось гораздо проще.

Возвратясь с курорта, я много рассказывала своим друзьям об экскурсии в дендрарий. С тех пор прошло восемь лет, и сейчас,

когда я пишу этот очерк, мне представляется дендрарий таким, каким я его «видела» весной 1941 г. Возможно, в очерке найдется много неточностей: я ведь сейчас не пользуюсь никакими предварительными записями, я просто, представляя себе дендрарий, пишу о нем.

НА ДАЧЕ В РАЙ-СЕМЕНОВСКОМ

Меня с моей переводчицей М. Н. пригласили на летний отдых в пионерский лагерь глухонемых, который помещался в селе Рай-Семеновском, расположенном в 10 *км* от Серпухова. Сказали, что поедем мы машиной. Представлялось мне, что буду сидеть в кабине, словно в каюте воздушного корабля, который скользит в воздухе, чуть касаясь земли, что буду ощущать все его колебания, все толчки, все запахи полей и лесов. Мечтала я так потому, что еще не ездила на машинах в окрестности Москвы.

Но когда мы с М. Н. прибыли в школу глухонемых, откуда намечалась отправка, мы узнали, что поедем грузовой машиной. В лагерь везли продукты и другие вещи. С нами ехали директор школы, начальник лагеря и еще кое-кто. Когда мы расселись на тюках и узлах, я подумала: «Так еще лучше, чем в закрытой кабине, по крайней мере, я получу больше впечатлений».

Пока мы ехали по городу, я ощущала его запахи, пыль и обычную летнюю духоту. По этим признакам я догадывалась, что мы еще не выехали за пределы Москвы. Я попросила М. Н. сказать, когда мы выедем из города, для того чтобы по времени представить (у меня были часы) то расстояние, которое мы проехали. Наша машина быстро мчалась по улицам, но у меня не было ни малейшего зрительного или слухового представления о том, что кроме нашей машины по этим улицам проносятся и другие машины, трамваи, троллейбусы, что проходят толпы людей и по обеим сторонам улиц расположены дома и т. д. Об этом я, конечно, знала, но, поскольку я ехала в машине, а не шла по улице и со мной никто не разговаривал, не сообщал мне о том, что происходит вокруг нас, у меня и представлений о какой-то другой жизни не возникало. Я представляла себе только тех людей, которые находились в машине рядом со мной, ибо я к ним прикасалась по собственному желанию; представляла только те вещи, которые лежали в машине. Но если бы, например, на улице случилось что-нибудь необыкновенное и М. Н. начала мне передавать происходящее и при этом она бы сильно на это реагировала, так что я заметила бы волнение, тревогу либо веселость в зависимости от события, тогда бы и у меня создалось представление о том, что

происходит на улице. Теперь же я ощущала только ветер и движение нашей машины.

Но мне вскоре стало скучно сидеть молча, и я стала спрашивать у М. Н., что она видит на улицах. Ничего особенного она мне не рассказала, однако кое-что сообщила о людях и о домах, после чего мне стало казаться, что я тоже представляю незнакомых людей, незнакомые мне дома и дворы. Когда выехали за город, наступил уже вечер; я не ощущала солнечных лучей,— значит, солнце зашло. В воздухе ощущалась загородная прохлада и чистота. Машина помчалась еще быстрее, и от ее движения усилился ветер: нас обдавало, как волнами, его холодными порывами. Стало так холодно, что мы начали одеваться потеплее. Сначала я закуталась в одеяло до подбородка, но ветер и холод усиливались, и я накрылась с головой. Теперь я уже не ощущала воздуха; мне представлялось, что я лежу в каюте, а наша машина — попавшее под бурю судно. Дорога, очевидно, была ухабистая, и нас всех сильно бросало из стороны в сторону, как это бывает на судне во время качки, о чем я немало читала. Чем дальше мы уезжали от города, чем холоднее становился ветер, тем больше мне казалось, что мы погружаемся в холодное, неприветливое и даже пугающее меня море. Кажется, я немножко дремала, но это представление и ощущение холодного моря было настолько сильно, что я порой ощупывала одеяло, желая убедиться, не промокло ли оно. Сверху одеяло было очень холодное и потому казалось мокрым. В 10 часов вечера настолько похолодало, что я озябла даже под теплым одеялом. Не знаю, какая была ночь — темная или лунная. Когда я на минуту открывала лицо и ощущала холодный ветер, мне думалось, что ночь должна быть очень темной. В холод мне всегда кажется, что вокруг меня темно, когда же я ощущаю поверхностью лица теплоту воздуха, мне думается, что вокруг светло. Так и на этот раз мне казалось, что ночь страшно темная. Почему-то это обстоятельство особенно беспокоило меня, и я несколько раз обращалась к М. Н.:

— Вы спите? Скажите, очень ли темно?

Она дремала, отвечая что-то непонятное. Я оставила ее в покое. Хотелось уснуть покрепче, становилось все холоднее и хóлоднее.

Я несколько раз внезапно просыпалась, осматривала себя и М. Н., чтобы убедиться, не промокли ли мы; так устойчиво было мое представление о холодном море.

Сейчас я уже не помню, сколько времени я спала и когда проснулась: раньше или в тот момент, когда машина остановилась возле дома, где помещался лагерь. Но хорошо помню, как М. Н. сказала, что мы уже приехали, и я этому очень обрадовалась. Кто-то помог мне выйти из машины. Я ужасно замерзла, и снова мне

показалось, что мы приехали вовсе не в пионерский лагерь, а потерпели кораблекрушение и теперь выходим на берег необитаемого острова. Это представление усугубилось еще и тем, что по запаху я ощущала близость реки или пруда здесь, в лесу. Ах эта холодная, враждебно-плещущая на берег вода! Зачем она нужна? Я озябла, устала, хочу в сухую, теплую постель, а вместо всего этого ощущаю запах сырости и думаю, что где-то близко за деревьями прячется пруд...

Должно быть, мы въехали в липовую аллею или она была рядом, потому что я ощущала сильный аромат цветущей липы. Чтобы не думать больше о море, я начала представлять большие старые липы, покрытые маленькими и благоухающими кистями мелких цветочков, но из моих усилий ничего не вышло: я не могла отогнать от себя навязчивый образ пруда. Он, как злой дух, невидимо, но ощутимо находился рядом со мной. Он, как мой недруг, издевался надо мной, дразнил и пугал. Я никогда раньше не была в большом лесу; мне чудилось, что в холодном мраке прячутся на ветвях деревьев, как в старинных сказках или снах, всякие маленькие зверьки, гномы, русалки и назойливо шепчут: «Достань нас, потрогай нас...» Даже сладкий аромат липы не смягчал это ощущение чего-то жуткого, замораживающего кровь... Хотелось скорее в комнату — в тепло и уют — и чтобы со мной была М. Н.: все-таки она видит и слышит, может убежать и меня увести от пруда, от леса и от всех его ночных страхов...

* * *

Нас временно поместили в спальне старших девочек. Был седьмой час утра, когда я проснулась. В раскрытые окна вливалась чудесная утренняя свежесть и пьянящие, зовущие на волю запахи зелени, влажной земли и цветущей липы. От вчерашних страхов не осталось и следа. Теперь, наоборот, ощущая запахи, солнечные лучи, падающие прямо на мою постель, я представила себе, как, должно быть, хорошо на дворе. Мне хотелось скорее выйти из дому, но девочки уже проснулись и спешили подойти ко мне, чтобы познакомиться. Рядом со мной на своей постели лежала М. Н., она тоже проснулась, и мы весело приветствовали друг друга, со смехом вспоминая вчерашнее путешествие и мою боязнь промокнуть в море... Дежурные пионервожатые и девочки окружили нас.

Я завязала с ребятами беседу об их отдыхе, о развлечениях и книгах, стремясь по их ответам уяснить себе уровень их умственного развития и знания речи. По характерным движениям рук, по быстроте или медлительности ответов я старалась представить каждую девочку. Одни казались бойчее и развитее, другие были очень застенчивы, менее развиты, менее начитанны. Когда девочки

ушли на подъем флага, мы с М. Н. тоже встали. Пока она убирала постели и доставала туалетные принадлежности, я, по обыкновению, попыталась уяснить себе величину спальни, как в ней расставлены кровати, сколько окон, с какой стороны находится дверь. Но для того чтобы все это ясно представить, необходимо было обойти комнату, все осмотреть и тогда уже иметь представление не только приблизительное, а совершенно определенное о каждом уголке и предмете комнаты. Я так и сделала: для начала изучила только одну комнату, но решила изучить весь дом.

Захватив необходимые вещи, мы пошли во двор. По дороге я просила М. Н. показывать мне другие комнаты и ширину лестницы, по которой мы спускались вниз. Ступеньки я сама посчитала: так я всегда делаю, когда бываю в незнакомом помещении. Я объяснила М. Н., как важно для меня изучать незнакомую обстановку, и она старалась ознакомить меня со всем окружающим. Сначала в моем уме, в памяти получилось сплошное нагромождение от всех этих незнакомых комнат, предметов, сотрудников, ребят. Все сливалось и путалось, получался какой-то сумбур, но я знала, что через некоторое время, когда я привыкну ко всему этому и еще побываю несколько раз в новых местах, каждая комната будет представляться мне совершенно отдельно, по запахам, по ее длине и ширине. Я буду отличать комнаты одну от другой. Кстати, когда мне вообще приходится впервые проходить по незнакомым комнатам, я, конечно, не считаю свои шаги, но в то же время, имея представление о времени и пространстве, я невольно, почти неуловимо для самой себя слежу за тем, скоро или медленно я прошла ту или иную комнату. Таким образом, все мое тело привыкает к тому расстоянию, которое отделяет меня от каждого предмета. Это крайне помогает мне свободно ориентироваться в знакомой обстановке.

Едва мы вышли во двор, я всем своим телом ощутила приятную утреннюю жгучесть солнца, заливавшего все вокруг целыми каскадами лучей. Как морскими волнами, меня обливало целое течение свежего да такого чистого, бодрящего воздуха. Было непередаваемо хорошо! Мне снова представилось, что я погружаюсь в воздушный океан, но только он был совсем не таким, каким представлялся мне ночью. Солнечный свет и тепло все изменили. Теперь мне даже казалось, что я вижу свет, потому что ощущала горячее прикосновение лучей к своему телу. Мне представилось, что сегодня утром все вокруг непременно ликует и поет. Мне самой хотелось бегать, петь, веселиться.

В памяти назойливо повторялись стихи Языкова:

> Легко мне, так легко, как будто я летаю,
> Летаю и пою, летаю и пою.

— Как чудесно, как бодро я себя чувствую сейчас! Вы только подумайте, Мария Николаевна, что за утро, какая чистота воздуха! Мне чудится, что вокруг нас разливается брызжущая радость, сверкающая всеми оттенками радуги; хотя я никогда радуги не видела, но она мне сейчас такой представляется: красивой, веселой, как это утро...

— Вот вы все видите, слышите, а я чувствую и представляю по-своему,— говорила я, обращаясь к М. Н.— Скажите мне, испытываете ли вы такое же наслаждение, как я?

— Да, да! Я тоже наслаждаюсь и радуюсь тому, что вижу вокруг себя. Все зеленеет и сверкает на солнце, а птички так хорошо поют.

— Поют? Я не представляю, как они поют, но если бы можно было поймать птичку и приложить палец к ее горлышку, когда она щебечет, я бы ощутила вибрации, в кончиках моих пальцев осталось бы это ощущение и я бы думала, что тоже слышу, как птички поют...

Так, разговаривая, мы спускались к пруду по узенькой тропинке, змейкой извивавшейся между кустами и высокой травой. Я думала, что вода теплая, ласковая, как это утро, и смело вошла в пруд. Но вода оказалась холодной и плескала на песок не особенно ласково.

Я вскрикнула, засмеялась и выбежала на берег.

— Ай, ай, Мария Николаевна!

— Что такое?

— Мне казалось, что этот пруд очень маленький и с теплой водой, а она такая холодная.

— Еще рано, а пруд большой и, наверное, глубокий. Кругом деревья, много тени. Представляете себе эту картину?

— Нет, не совсем. Вот если бы вы поводили меня по берегу, показали деревья, если бы я могла сама проверить глубину, тогда бы лучше представила все это почти так же, как и вы, только без света, без окраски, а тень я ощущаю...

— Далеко в воду заходить нельзя, глубоко. Многие деревья растут прямо в воде, но что можно будет показать, я вам все покажу.

Рядом с лагерем находилось село Рай-Семеновское. В лагере для нас не нашлось отдельной комнаты, мы решили нанять себе уголок у кого-нибудь из колхозников. Но дня два или три мы еще прожили в лагере. Помню одну неприятную, дождливую ночь. М. Н. легла спать на кухне, а меня пригласила в свою комнату врач. В этот вечер я чувствовала себя очень утомленной, не было желания ни разговаривать, ни двигаться. Но в комнате врача мне все же захотелось на всякий случай ознакомиться с обстановкой

и расположением комнаты, однако я постеснялась. М. Н. только показала мне те предметы, которые находились ближе к кровати, чтобы я не ушиблась или не свалила чего-нибудь. Показала также стол, на котором оставила для меня воду. Я легла спать. В комнате было прохладно, пахло сыростью.

Мне представлялось, что все предметы, которые я успела осмотреть,— конечно, я догадывалась, что в комнате были еще и другие предметы, которые я не осмотрела,— могли бы недружелюбно, отчужденно посмотреть на меня, если бы были живыми. Казалось мне так оттого, что комната и находившаяся в ней обстановка были незнакомы, непривычны. Те предметы, которые стояли ближе к кровати, как будто умышленно расположились на дороге, а те, которые я не осматривала, до которых не дотрагивалась — например, стулья, столики, шкаф, а также вторая кровать, где спала врач,— словно старались спрятаться от меня и шепотом поддразнивали: «Достань нас, потрогай нас». Так я и уснула с ощущением этого поддразнивания.

Долго ли я спала, не знаю. Но проснулась потому, что мне было холодно. Я вспомнила, что на сундуке М. Н. оставила мне теплый платок; надо было найти его и накрыться. Чтобы не разбудить врача — я была уверена, что хозяйка комнаты уже спит,— я тихо встала с постели и, осторожно ступая, начала искать сундук. Как известно, комната была мне незнакома, поэтому я шла очень нерешительно, опасаясь, что могу опрокинуть или свалить какую-нибудь вещь. Платок я нашла и так же осторожно вернулась к своей кровати. Я быстро легла в постель, рассчитывая на то, что скоро согреюсь, но в ту же секунду вскочила с кровати...

Что случилось? Почему моя постель стала мокрой? Я в первую минуту совершенно растерялась. Невозможно, чтобы кто-нибудь подошел и облил мою постель водой. Я старалась представить себе расстояние от кровати к столу; быть может, я сама случайно задела платком кружку с водой, и она упала на постель. Но нет, стол находился не так близко к кровати, кружка, если бы я ее свалила, скорее упала бы на стул или на пол. Что же случилось? А главное, где-то рядом чужая постель и незнакомая мне женщина, которая, наверное, спит... Что же мне делать? Быть может, разбудить хозяйку комнаты? Но что я ей скажу?.. Однако делать нечего, надо будить хозяйку. Осторожно ступая, я предприняла обход комнаты, отыскивая другую кровать. Но, не доходя кровати, я нашла дверь, выходившую в коридор. Потянула за ручку — дверь была не заперта. Я двинулась дальше и скоро нашла кровать, на которой кто-то спал. Не зная, как зовут врача, я не стала ее звать вслух, а лишь осторожно потрясла за плечо. Она, по-видимому,

крепко спала и совсем не слышала, как я путешествовала по комнате.

Наконец, мне удалось разбудить ее и рассказать о случившемся. Возможно, она ничего не поняла из того, что я ей говорила, но быстро вышла из комнаты. Через минуту она вернулась в сопровождении М. Н.

— Что у вас тут случилось? — спросила М. Н. Я рассказала.

— Успокойтесь, все пустяки. Сейчас льет сильный дождь. Врач говорит, что это старый дом, крыша плохая и во многих местах протекает.

М. Н. и врач осмотрели комнату и убедились, что с потолка каплет прямо на мою постель. Я сразу успокоилась, стало даже смешно, что я так перепугалась. Но если бы этот дом был мне знаком, я могла бы себе представить его дряхлость и тогда сразу поняла бы, в чем дело.

Утро после этой неприятной ночи было солнечное, ликующее, вызывающее желание только радоваться всему и сделать в жизни большое, полезное дело... И совсем уж никак нельзя было представить, что ночью лил дождь, что я провела ночь в какой-то сырой, холодной комнате. Эта комната не сохранилась в моей памяти как нечто реальное — она вся распалась, рассыпалась, расплылась в неопределенной форме, как кошмарные, когда-то давно приснившиеся сны.

* * *

Нам удалось найти чистенькую комнатку у одной колхозницы, куда мы не замедлили переселиться. Питание мы получали из лагеря, который находился на горе в конце села. Это было недалеко, и я часто вместе с М. Н. ходила за обедами не только ради прогулки, но еще и потому, что стремилась все ощущать, воспринимать, представлять. Ведь, когда мы проходили с одного конца села на другой, я на пути воспринимала различные запахи: те, которые исходили из каждого дома, и запахи трав, полевых цветов, росших в траве под заборами или в маленьких овражках; ощущала запах реки.

В это же время М. Н. рассказывала мне то, что она наблюдала сама. Если я ей говорила, что ощутила такой-то запах, исходивший из дома, мимо которого мы шли, она мне описывала внешний вид дома и двора.

В том домике, где мы сняли комнату, я уже ознакомилась с обстановкой и расположением дома, осмотрела даже — насколько могла достать рукой — наружные стены дома. Это дало мне возможность по-настоящему представить русскую избу. Ведь я родилась и провела свое детство в украинском селе. Мне хорошо зна-

комы глиняные хаты с глинобитным полом (долівка). В книгах я читала о бревенчатых русских избах, но думала, что такие избы были только у лесничих: ведь в лесу нетрудно нарубить деревьев и сколотить бревенчатую избу.

У нашей хозяйки внутри дома стены оклеены обоями. Снаружи видны гладкие, крепкие бревна, плотно и аккуратно уложенные одно на другое, словно в игрушечной пирамидке. Щели аккуратно заложены паклей. Все сделано прочно и хорошо, и тем не менее я поражалась тому, что люди живут в таких домах, а не в хатах. Вместо крыльца была маленькая верандочка, обвитая диким виноградом. Во дворе росло много деревьев, кустов сирени, цветов. Я думала, что это был маленький садик, а не двор, и поэтому домик со стороны улицы как бы прятался в зелени. М. Н. показала мне все, что можно было осмотреть. У меня сложилось очень благоприятное представление об этой обстановке. По вечерам мы сидели на веранде. Пока было светло, М. Н. что-нибудь читала мне, а когда становилось темно — так темно, что она уже ничего не разбирала в книге,— она описывала мне картину ночи.

Иногда бывали очень темные вечера, и от этого звезды казались ярче и крупнее. Когда об этом говорила М. Н., мне представлялось, что там вверху, где-то очень-очень высоко, горит множество электрических лампочек, сделанных в форме пятиконечных звезд. Света я не представляла, а только как бы ощущала нагретые электричеством стеклянные звезды. Еще М. Н. рассказывала, что за селом находилась фабрика. Вечером там зажигались яркие электрические огни, которые очень красиво выделялись на фоне неба... Но эта фабрика была так далеко от меня. Я не могла ее никаким способом ощутить, поэтому не имела о ее внутреннем устройстве ни малейшего представления; мне просто представлялся в том направлении, куда указывала М. Н., далеко и одиноко стоящий большой корпус. Но я знала: фабрика существует реально; я не сомневалась, что М. Н. говорит правду, ибо то же самое мне повторял сын нашей хозяйки. Но если я мысленно не отделяла слова «фабрика» от понятия корпуса дома, то фабрика все-таки была для меня только словом, обозначающим что-то реальное, какой-то предмет, контуры которого как бы расплывались в воздухе, не принимая в моем представлении никакой определенной формы, не производя на мое восприятие никакого впечатления. Я думала в то время, когда М. Н. говорила мне об огнях фабрики: «Вот если бы я могла подойти к ней настолько близко, чтобы ощущать хотя бы дым или другие запахи (фабрики без запахов или дыма я не могла себе представить), тогда бы эта фабрика стала для меня чем-то конкретным, имеющим свою определенную форму и облик».

Мы часто ходили гулять в лес, иногда находили землянику и малину. На кустах, которые мне показывала М. Н., я сама могла срывать ягоды, отличая спелые ягоды от зеленых по мягкости и твердости. Нередко мы заходили в такую глушь, что теряли дорогу к лагерю. Не знаю, боялась ли М. Н., но я немножко побаивалась. Хотя говорили, что в лесу, если зайти далеко, водились только белки и лисицы, но мне одно слово «лес» уже внушало некоторый страх, и в то же время я испытывала какое-то почтение и преклонение перед чем-то большим и мрачным. Я вспоминала различные страшные рассказы о северных лесах, а кроме того, очень боялась змей: мне казалось, что они гнездятся в высокой траве. Правду говорят, что у страха глаза велики. Я носила вязаные тапочки, и если наступала на что-нибудь мягкое и, как мне чудилось, холодное, то вскрикивала и крепко цеплялась за М. Н.

Однажды мы сидели возле большого стога сена на обширной поляне. Сено уже было совсем сухое и при малейшем прикосновении шуршало. Я сидела, прислонившись спиной к стогу, а М. Н. отошла поискать малину. От легкого ли порыва ветерка, или от чего-либо другого, но рядом со мной зашуршало сено и несколько сухих травинок упало на меня. Мне представилось, что вот я сижу одна, ничего не вижу, не слышу, а из стога выползает змея и направляется ко мне. Мне приходилось осматривать живого ужа, а также чучела некоторых небольших змей. По ужу я представляла, какие холодные змеи. Я знаю, что уж безвредец, но и он мне был неприятен, и я с трудом преодолевала отвращение, осматривая его.

Итак, представив себе холодное веретенообразное тело извивающейся змеи, я очень испугалась, быстро встала с земли и стала громко звать М. Н. Она была недалеко и сразу подошла ко мне.

— Что случилось?

— Я боюсь: может быть, здесь змея; сено зашуршало так сильно, что я это почувствовала и испугалась.

— Ничего не видно. Может быть, птичка села или от ветра на вас посыпалась сухая трава,— успокаивала М. Н.

— Но вы не уходите далеко, я боюсь...

В детстве мне случалось осматривать руками, как зрячие ребята лепили из глины хатки, церковки, человечков, тележки с лошадками. Благодаря знакомству с этой незатейливой «архитектурой» у меня есть приблизительное представление о церковных куполах.

В Рай-Семеновском на крыше бывшей церкви возвышался купол. Когда мы углублялись в чащу леса, М. Н. ориентировалась, отыскивая обычно этот купол.

Если я имею точное представление о деревьях (что несомненно, ибо я не раз в детстве ловко взбиралась на самую верхушку

деревьев, особенно фруктовых, стремясь самостоятельно рвать спелые фрукты), если я в воображении начерчу много деревьев, т. е. целый лес, если представлю себе условное расстояние, отделяющее меня и М. Н. от бывшей церкви, купол которой возвышается над верхушками деревьев, то нет ничего удивительного в том, что я могу представить и некий конус, помещенный выше какой-нибудь точки. Рассуждая геометрически, я в уме могу представить некоторую прямую или кривую линию, соединяющую расположенные на ее противоположных концах точки. Такая же воображаемая линия соединяла нас — блуждающих по лесу — с куполом.

Строго придерживаясь геометрических форм и воображаемых линий, я только таким способом могу представить себе те вещи, предметы, расстояния, которые не в состоянии исследовать руками.

Как-то вечером мы все — М. Н., наша хозяйка Ольга Прохоровна, ее сын Толя и я — долго сидели на веранде, по очереди рассказывая всякие истории.

Начал рассказывать Толя, а М. Н. переводила мне одну старую историю о бандитских налетах, которые совершались махновцами в годы гражданской войны. Я и раньше многое читала о подобных случаях. Казалось бы, что то, о чем рассказывал Толя, не должно было произвести на меня сильного впечатления; все это было старо и давно известно.

Спать разошлись мы поздно. В нашей комнате по ночам было очень жарко, так как хозяйка закрывала все окна и дверь. Я приглашала М. Н. спать со мной на веранде, но она почему-то боялась. Итак, я оставалась ночевать одна, а все остальные запирались в доме. В этот вечер мы легли часов в 12. Приблизительно через полчаса я уснула, но поспала недолго. Сквозь сон я почувствовала, что какой-то предмет упал мне на ноги и медленно передвигается по моему телу поверх одеяла. «Разбойники»,— подумала я во сне, и, несмотря на то что еще не вполне проснулась, мне в мгновение ока представились грубые и бородатые мужики с сильными заскорузлыми руками и с топорами и обрезами за поясом. Представились даже их лица, настороженные и в то же время злорадно свирепые. Меня охватил такой ужас, такой неописуемый страх, что, кажется, волосы зашевелились на голове. Не знаю, насколько громко я закричала, но только закричала во всю мочь и сильно тряхнула одеяло, так что упавший на меня предмет свалился за перила веранды. Из комнаты на мой крик выбежала хозяйка. Она уже спала, но, услышав шум, расхрабрилась и выскочила ко мне на помощь. Я узнала ее руку, когда она прикоснулась ко мне. Я бестолково рассказала ей о случившемся. Она разбудила М. Н., которая тоже выслушала мой рассказ. Обе они недоумевали, что могло упасть на меня: все вокруг было тихо, спокойно. Они

25 Заказ 812

звали меня в комнату, но мой испуг уже прошел, я стала смеяться над своей паникой и в комнату не пошла. Обе женщины вернулись в дом, предупредив меня, что запрут дверь, а если я еще раз испугаюсь, чтобы покрепче стучала в дверь. Я вооружилась зонтом, которым собиралась защищаться в случае повторения «бандитского налета» на меня. Я долго не спала, но все было спокойно. Незаметно я уснула, но через некоторое время почувствовала по стуку шагов, что кто-то взошел на веранду. Я покрепче сжала в руках ручку зонта, готовясь наносить врагу сильные удары... Шаги приближались к двери, но ко мне никто не прикоснулся. Я вспомнила, что Толя порой только под утро возвращается с гулянья.

— Толя, это вы?

Толя взял меня за руку...

— Ну, ну, хорошо. А я тут испугалась, на меня что-то упало.

Толя ушел в комнату. Я снова осталась одна и начала засыпать, но спала тревожно, просыпаясь от малейшего дуновения предутреннего ветерка или от прикосновения какой-нибудь ночной букашки, попавшей на мое лицо. Я хватала зонт и воинственно размахивала им вокруг себя. Наверное, я в эти минуты имела весьма внушительный вид, потому что больше ни один «разбойник» не решился напасть на меня...

Утром мы все стали думать да додумываться: что же могло на меня свалиться? Наконец хозяйка и М. Н. пришли к одному предположению. Во дворе часто блуждала чья-то слепая кошка. Она все время натыкалась на различные предметы и срывалась с заборов. Вполне возможно, что эта кошка залезла на росшую около самой веранды черемуху и случайно свалилась на меня. Об этой слепой кошке я раньше ничего не знала. Если бы в тот вечер мне не рассказали страшной истории, я могла бы подумать, что на меня прыгнула кошка хозяйки. Рассказ о слепой кошке несколько успокоил меня, я продолжала спать на веранде, но принимала свои меры предосторожности, обязательно вооружаясь на ночь не только зонтом, но и палкой весьма внушительных размеров, которую мне предусмотрительно преподнесли друзья. Поскольку я ничего не видела и не слышала, мне мерещились всякие страсти-мордасти, но мне стыдно было показывать себя трусихой, и я старалась подавлять в себе всякие страхи. Да и забавно было думать, что они — хозяйка и М. Н., зрячие и слышащие,— боятся ночевать на дворе, а я вот не боюсь, даже после «кошачьего налета».

До нашего отъезда из лагеря оставалось три дня. Прощаясь с лесом, мы долго в нем бродили и однажды набрели на чудесный уголок у пруда. Старые, толстоствольные ивы разрослись на берегу у самой воды. Склоненные стволы тянулись над прудом, а длинные ветви касались воды.

Об этом мне рассказывала М. Н. Слушая ее, я вспоминала старый романс:

Дремлют плакучие ивы,
Низко склонясь над ручьем,
Струйки бегут торопливо,
Шепчут во мраке ночном...

Но мне очень хотелось все это осмотреть руками, чтобы составить определенное представление об этой картине. Хотелось ощутить «плакучие ивы» и посмотреть, в самом ли деле «струйки бегут торопливо»...

М. Н. нашла очень удобный ствол разросшейся ивы. В этом месте пруд был глубок, ствол ивы как бы висел в воздухе над водой, ее длинные ветви спускались прямо в воду. Я сняла тапочки и погрузила ноги в воду. До этого случая я не могла представить явление, о котором говорят: «Пошла по воде рябь». Но вот я держу в воде ноги и руку. От слабого ветерка ветви ивы то поднимаются вверх, то еще ниже склоняются над прудом, и с их листьев падают капли, словно они роняют слезы. Я ощущаю, как после каждого дуновения ветра по поверхности воды пробегают еле уловимые маленькие волночки. Я думаю, что, наверное, это и есть та самая рябь, о которой так часто говорят зрячие.

Не знаю, была ли это действительно рябь или какое-нибудь другое явление, я не стала спрашивать об этом у М. Н. Да мне и не хотелось в те минуты разговаривать. Было немножко грустно, но в то же время хорошо сидеть на иве над прудом и ощущать природу всем своим существом. Пусть я не видела глазами той живописной картины, которой восхищалась М. Н. Но я представляла, что рядом растут другие ивы, в воде плавают водоросли, цепляясь за мои ноги. Так приятно было ни о чем житейском не думать и вместе с ивой «висеть» в воздухе над прудом, ощущая руками прохладную рябь...

В САНАТОРИИ

I

После отдыха на даче в Рай-Семеновском я получила путевку в санаторий для глухонемых в Туапсе. Конечно, меня сопровождала М. Н. Никаких особенных впечатлений я в дороге не получила — все было однообразно и утомительно, как вообще это бывает при подобного рода поездках. Когда проезжали через Харьков — это было ночью,— М. Н. по моей просьбе разбудила меня,

но так как я никому из харьковских друзей не сообщила, что буду проезжать их город, то они и не встречали меня. Я чувствовала себя совершенно спокойно: ведь никакие звуки, никакое движение снаружи не достигали до меня.

Была ночь, об этом я знала по часам, которые лежали у меня под подушкой. Я представила себе, что по перрону ходят какие-то люди, но что мне до них? Я их не знаю, они не знают меня. А своих друзей я представила спящими; быть может, каждый из них видит какой-нибудь сон — хороший или страшный, но они ничего не знают о том, что вот в этом поезде я проезжаю через Харьков, думаю сейчас о них и представляю их только спящими. Если бы сейчас был день и я могла выйти на перрон, чтобы ощутить запахи, воспринять движение — вообще осязаемо почувствовать жизнь, происходящую вокруг меня, тогда бы в моей памяти пробудились воспоминания, которых так много, которые так еще ярки... Я, несомненно, пережила бы сильное волнение. Но лежа на диване в купе, я знала, что в вагоне спят люди и что им нет никакого дела до того, где стоит поезд.

Мне чудилась полная тишина и темнота вокруг; вероятно, так оно и было. Однако это не значит, что я как бы бессознательно отрицала факт нашего пребывания на Харьковском вокзале. Нет! Я представляла город, улицы, трамваи, которыми нужно ехать к моим друзья. Но я была спокойна именно потому, что вокруг меня все казалось совершенно спокойным, погруженным в сон.

* * *

Днем в дороге М. Н. мне что-нибудь читала. Когда же мы делали перерыв, я выходила в тамбур и подолгу стояла у открытого окна, ощущая ветер. По движению воздуха я знала, в какую сторону идет поезд; я протягивала за окно руку, и если с одной стороны, допустим с правой, ветер был слабее, а с другой стороны, с левой, сильнее — значит, поезд шел в левую сторону. Мне казалось, что мы едем по совершенно ровному дну необъятного воздушного океана. Но у меня не было ощущения, что мы летим в воздухе, потому что я все время чувствовала постукивание колес; и это равномерное, ритмичное постукивание нравилось мне. Оно могло убаюкать, когда знаешь, что некуда спешить, что поезд все равно привезет тебя к тому месту, куда ты едешь. В голове бродят рассеянные мысли, а колеса стучат себе да стучат. Я лежу на диване, объятая легкой дремотой, и мысленно повторяю односложный говор колес: «Тик-так, тик-так, тик-так. Едем, едем, едем, едем. Тик-так, тик-так...»

Я не могу объяснить, почему именно эти слова, а не какие-нибудь другие выстукивали для меня колеса. Однако скажу с уве-

ренностью: я не повторяла чужие слова, услышанные мною в разговоре или вычитанные из книг. Напротив, я очень старалась подобрать к постукиванию колес какие-нибудь другие слова или отдельные слоги, но тогда не получалось «стройной гармонии», слова шли вразброд, а колеса выстукивали свою монотонную песенку: «Тик-так...»

Иногда, когда я стояла у окна, ко мне подходила М. Н. и рассказывала о тех местах, мимо которых мы проезжали. Говорила она о промелькнувших вдали деревнях с беленькими украинскими хатками и садами; издали они казались ей особенно чистенькими и маленькими. Я думаю, происходило это оттого, что все вокруг было залито ярким солнцем, которое слепило ей глаза, мешая разглядеть отдельные предметы.

Я не представляла эти деревни, хаты и сады такими, какими их видела М. Н. Пока я слушала ее рассказы, ощущая при этом жаркое солнце, теплый ветер и запахи полей, к которым примешивался угольный дым, выходивший из трубы паровоза, мне казалось, что я воспринимаю только неясное очертание пейзажа; не зрительно воспринимаю, а как бы осязаю на воздушно-мягком полотне едва ощутимые рельефные линии. Но когда М. Н. говорила, что она уже ничего не видит, воображаемые мною линии распадались и расплывались, исчезали в воздухе и оставалось только словесное воспоминание о них. Так было всю дорогу.

Когда мы проезжали мост через Дон, я почувствовала, что М. Н. им тоже заинтересована и смотрит в окно. Влажный запах воды, и тот прохладный трепетно-упругий ветер, какой обычно бывает над рекой, взволновали меня. И так ясно, так ощутимо представился им большой простор воспетого в песнях, описанного во многих книгах поэтического Дона. И долго еще после того, как мы удалились от Дона, в моей памяти звучали стихи Пушкина:

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Я мысленно видела много других рек, то тихо и плавно текущих в своих зеленых берегах, то бурно, стремительно стекающих с гор,— и все они будто направлялись к Дону. Всем существом своим я ощущала или теплую, совсем спокойную, или прохладную и бурлящую воду всех этих рек. Вода Дона чудилась мне не за-

стывшей. Она текла медлительно-торжественно, к берегу подкатывали тяжелые волны. Что видели вокруг себя, что говорили о Доне другие пассажиры, я не знаю, да и не спрашивала их об этом. У меня были свои думы, свои восприятия, свои представления, и для меня этого было вполне достаточно.

Дорога изрядно утомила меня, к тому же было очень жарко. В последний день я почти не отходила от окна. Когда оставалось несколько часов до Туапсе и мы начали укладывать вещи и чемоданы, М. Н. спросила:

— Что делать с вашими цветами? Они уже увядают.

— Выбросьте...

— Выбрасывайте сами, это ваш букет.

Я взяла цветы из баночки. Это были васильки и флоксы. Сразу выбросить весь букет за окно мне не хотелось: это было бы скучно и прозаично, а я обычно люблю поразмышлять и пофантазировать по поводу всего, что делаю. Не совершать того, что обычно для других людей, и придумать что-нибудь свое, соответствующее моему представлению об окружающем меня мире — вот к чему я всегда стремлюсь, потому что мне особенно интересно сравнивать «свое» с конкретными вещами, с действительностью.

Итак, я начала бросать за окно по одному цветку. Мне очень хотелось знать, куда попадает каждый цветок: попадает ли он под колесо или отлетает в сторону, уносимый ветром?

Если мне казалось, что цветок отлетел в сторону, мне представлялась сухая, горячая и пыльная земля и вот на узенькую полоску этой земли падает увядший цветок. Если же я думала, что цветок упал на рельсы и попал под колеса, то он мне представлялся в виде маленького комочка, еще чуть влажного. Но я знала, что он быстро засохнет и с рельсов его сдует ветер на ту же пыльную землю. Так я размышляла и развлекалась почти до Туапсе.

II

Санаторий, в который мы направлялись, в 27 *км* от Туапсе, а в город мы приехали в 3 часа ночи. Нам сказали, что с вокзала нужно идти пешком на базу, куда должна была прибыть днем машина и забрать нас в санаторий. Мы были не одни. Тем же поездом с нами приехала целая группа глухонемых.

Я чувствовала себя превосходно. Как только мы вышли из вагона, я сразу ощутила близость чего-то особенного и приятного, словно вернулась в знакомые мне места. Так мне казалось оттого, что близко было море. Конечно, я не слышала его шума, но по чистому, легкому и прохладному воздуху да еще по специфическому запаху уже знала, что море близко. М. Н. видела море, слы-

шала плеск волн и тоже радовалась. Ну, а я, ничего не видя и не слыша, думаю, испытывала не меньшую радость, чем М. Н.

Как приятно было ступать по земле после почти четырехсуточного сидения и тряски в вагоне! Дорога была гладкая, прямая и ровная. С обеих ее сторон были посажены кусты роз, но цветов на них уже не было. Ночь выдалась бодрящая, освежающая своим чистым воздухом. Хотя я не видела сумрака ночи, однако, ощущая прохладу, верила, что это была ночь. Если бы я сама даже не знала и другие не говорили мне, что мы приехали ночью, я все равно не подумала бы, что это теплый, но очень пасмурный, туманный день. Темноту я ощущаю всей поверхностью лица, а также отличаю ночь от дня еще по запаху: я знаю, что ночные запахи отличаются от дневных.

Мы быстро шли вперед, мне было весело и легко. Всю дорогу я чувствовала, что мой большой и так хорошо пахнущий друг — море — совсем близко от меня. Хотелось пойти на берег, окунуться в прохладные, упругие волны, но это возможно сделать только утром в городе. Благополучно добравшись до базы, мы получили постели и легли отдыхать. Нас предупредили, что машина прибудет только в 3 часа дня. Я радовалась, что это давало возможность погулять в городе и еще до приезда в санаторий поздороваться с морем — последнее нужно понимать буквально,— ведь видела я море в ту минуту, когда прикасалась к воде. Но если бы я могла предполагать, какую встречу готовило мне море, то, по всей вероятности, я не слишком бы торопилась ощутить и воспринять его столь непосредственным образом.

Спали мы недолго. Все проснулись рано, напились чаю и стали сговариваться о том, чтобы пойти выкупаться. Пока остальная публика дурачилась и совещалась, мы с М. Н. вышли побродить по улицам. Я чувствовала себя бодро и спокойно; ночное возбуждение улеглось. В некоторых местах я ощущала запах цветов, доносившихся из палисадников, над всем этим доминировал запах моря. Город в целом я не представляла, хотя и чувствовала под ногами камни мостовой; мы так мало прошли, что я не могла составить себе представления, насколько велик город. Мне, конечно, в другое время хотелось бы побольше походить по городу, а потом на досуге представить все то, что в нем могло находиться по моим предположениям. Но на этот раз все мое существо, все мои ощущения, мысли и представления были переполнены и подавлялись только двумя могучими образами — морем и солнцем. Невыносимо палило жгучее, яркое солнце, которое здесь, на юге, казалось мне бóльшим, чем в Москве. Когда живешь в таком огромном городе, как Москва, и идешь по ее улицам, то даже в самые знойные дни солнце кажется меньше, несмотря на то что жара и духота кружат голову и

заставляют постоянно желать попасть в прохладный уголок. На юге, у моря ощущаешь бесконечный простор воздуха, который весь пронизан жгучими лучами большого южного солнца. Мы шли по улицам Туапсе. Нигде не было тени, но и духоты не ощущалось, хотя было очень жарко. Весь город был залит одинаково жгучими и яркими лучами, и от этого солнце казалось мне большим. Ведь если я летом иду по городу и в том или другом месте попадаю в тень, то у меня возникает физическое ощущение, будто солнце становится меньше или солнечные лучи натолкнулись на какое-то препятствие, через которое их свет и теплота не достигают до меня.

Вторым могучим и притягивающим к себе образом было море. И к нему-то я приехала, как к обожаемому другу, перед которым всегда преклоняюсь.

С весны 1941 г. я не была у моря и теперь шла к нему, чтобы отдохнуть, набраться сил, бодрости, а также позаимствовать от него неугомонную жизнь, волнение и отвагу. Я шла ощутить, как:

Седые волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликом природы,
Все быстрей вперед летели,
Все грустнее песню пели
Жизни и свободы...

Целой группой с веселыми глухонемыми девушками мы пошли к морю. Сначала дорога была удобная, но пришлось пробираться по бревнам, перекинутым через ров. Зрячим легко было перепрыгивать с бревна на бревно, а мне очень трудно: казалось, что я иду по решетке с большими промежутками между перекладинами. Я боялась, что не рассчитаю шаг и попаду в дырку, а ров, как сказала М. Н., был глубокий. Дорога утомила меня, потому что пришлось сильно напрягаться и даже волноваться. Но все обошлось благополучно, мы спустились на берег. Это был не пляж, а просто берег, заваленный целыми грудами булыжника, который раскатывался во все стороны. Мы взбирались на эти груды. Я вместе с булыжником тоже съезжала то в одну, то в другую сторону; это было очень смешно.

Я радовалась и шумела, как девчонка, когда входила в воду, ощущая упругие толчки непрерывно набегающих небольших волн. Дно было плохое: все тот же булыжник и все так же он разъезжался под ногами, и я несколько раз бултыхнулась в воду. М. Н. предложила отойти вместе с нею подальше от берега. Не раз я пробовала учиться плавать, но у меня ничего не получалось: быстро уставали руки и сильно билось сердце.

Правда, в реке я еще кое-как плавала, но в море не могла совершенно. Однако я никогда не теряла надежду рано или поздно

овладеть этим приятным видом спорта и, как только попадала в воду, всегда просила кого-нибудь научить меня плавать. Некоторое время я следила руками, как плавала М. Н., когда же мне казалось, что я уловила все ее движения, то и сама пробовала плавать. И хотя, как мне казалось, я правильно уловила и мысленно представила себе каждое ее движение, тем не менее трудно было со всею последовательностью быстро производить целый ряд движений. Ведь невозможно быстро представить в уме движения и одновременно производить их. Я отведала морской воды больше, чем желала, и получила достаточное «удовольствие» от встречи с морем.

Но это было еще далеко не все.

Я уже сказала, что под водой были такие же груды булыжника, как на берегу, и что они рассыпались во все стороны, когда мы на них взбирались. Мы с М. Н. увлеклись плаванием и не обратили внимания на то, что попали на большую кучу булыжника. Мы очень шалили, но вдруг я почувствовала, что булыжник рассыпается во все стороны и я погружаюсь в воду все глубже и глубже. Признаюсь, я сильно струсила и крепко ухватилась за М. Н., но и ее положение было не лучше моего. Потом все произошло очень быстро, а тогда мне казалось, что я в этом ужасном состоянии находилась вечность. Я отчаянно барахталась, стараясь ухватиться за что-нибудь, но за что же можно было ухватиться, кроме воды? Не знаю, кричала я или нет, но помню, что вода все время попадала мне в рот и в нос.

А ощущала я вот что: когда под нашими ногами уже не оказалось опоры, мы начали погружаться в воду. Сверху вода была теплая, а внизу под ногами я ощущала пустоту и холодную воду. И чем глубже мы погружались, тем холоднее становилась вода. В своей жизни я не однажды переживала тяжелое и страшное, но такого безумного состояния не припомню. О том, как тонут люди, я, конечно, много читала и от людей слышала. И смею думать, что в некоторой степени представляла это ужасное бедствие, ибо при всей моей любознательности, при всем моем желании самой все видеть, все на себе испытать я, однако, никогда не задавалась целью попробовать утонуть. И вот нежданно-негаданно я тонула. Чувствуя, как леденящий холод охватывает мои ноги, я отчаянно барахталась в воде, не выпуская из своей руки руку М. Н. Она же, хотя и плавала, но в тот момент до того растерялась, что вряд ли понимала, что именно с нами происходит. Я же сознавала, что мы можем утонуть, и в моем уме с поразительной ясностью и остротой пронеслась мысль, которой я никогда не забуду. Я даже не ожидала, что могла об этом подумать в такой страшный момент, а между тем я прежде всего подумала: «Как же я теперь напишу вторую книгу о своих представлениях?»

Никаких других мыслей я не помню, был только страх... я производила беспорядочные движения всем телом...

Не знаю, как это произошло, но только в следующий момент мне удалось попасть ногой на более устойчивую груду булыжника. Правда, и здесь камни рассыпались, но я все же цеплялась за груду руками, всем телом стремясь удержать точку опоры. Я тянула за собой М. Н., которая была испугана больше меня, потому что переживала за нас обеих, а быть может, вспоминала и о своей семье.

Одной рукой я ухватилась за большой камень, а другой держалась за М. Н. Мы вскарабкались на камни и стремительно выбежали на берег. Несколько минут мы совсем ничего не говорили. Да и трудно было говорить, ибо в течение нескольких секунд, показавшихся нам вечностью, мы пережили леденящий сердце ужас.

Пережив совершенно неожиданно состояние тонущего человека, я хочу отметить, что мое представление об ощущениях гибнущего человека, о которых я читала, вполне соответствовало тому состоянию, какое я пережила сама вследствие каприза судьбы, так зло подшутившей надо мной.

Судьба подсунула мне благоприятный случай для самоизучения и самоанализа, предлагая проделать над собой любопытный эксперимент.

III

Когда-то давно одна моя приятельница, зрячая и слышащая, рассказывала мне о том, что она ехала машиной со станции в санаторий.

Дело было в Крыму, и ехала она ночью.

Дорога тянулась вдоль моря, местами были крутые обрывы прямо над морской бездной — так рассказывала приятельница...

Мне хотелось самой испытать это сладостное, поэтическое состояние, и я очень завидовала своей приятельнице. Когда она рассказывала, мне так ясно представилась быстро мчащаяся по ровной дороге машина, и запах моря, и прохлада крымской ночи...

В 3 часа дня за нами прибыла грузовая машина. Мы быстро собрались и расселись кто как хотел. Когда машина немного отъехала от базы, я сразу же ощутила, что мы поднимаемся вверх. «Значит, нам придется ехать горной дорогой»,— подумала я.

Я была в восторге от этого, ибо никогда еще не путешествовала в машине по горам, я только представляла такое путешествие по рассказам других. Солнце палило немилосердно. Машина легко мчалась вперед, поднимаясь все выше и выше. Воздух был чудесный: чистый, наполненный запахом моря. Я спросила у М. Н., что она видит вокруг.

— Мы все время едем недалеко от моря, с одной стороны видно море, с другой — горы.

Всю дорогу я чувствовала себя превосходно. Да, я давно не переживала такого восторженного, даже можно сказать, возвышенного состояния.

М. Н. говорила, что море то показывалось, то исчезало за уступами гор. И чем выше мы въезжали, тем лучше я чувствовала себя. Казалось, что мы не мчались по дороге, а летели в большой машине, удаляясь от земли. С гор струилась легкая свежесть и запах каких-то цветов. Запах мне был незнаком, но был такой сильный, яркий, напоминающий что-то светлое и зовущее к чему-то прекрасному. И чем сильнее был этот запах, тем больше мне казалось, что мы летим в небо — к солнцу, к звездам, хотя, конечно, я никогда не воображала, что именно вверху над землей может быть такой необыкновенный запах, который волновал меня больше, чем зрячих спутников, потому что я не воспринимала зрительных картин. Но ведь все прочее я воспринимала всем своим существом — воспринимала все то, что может воспринять живой человек. Я ощущала движение машины, зной солнца, запах моря; ощущала упругость горного воздуха, запах цветов. И разве недостаточно всех этих осязательных и обонятельных ощущений для того, чтобы чувствовать прелесть природы, чтобы осознать ее и по-своему реагировать на ласки и красоты природы?

Я думаю, что этого достаточно, и не в одной книге я встречала слова о том, что восприятие мира путем осязания может доставлять людям неизъяснимое наслаждение, быть может, самое яркое. И как бы в ответ на мою мысль М. Н. сказала, заметив мое восторженное состояние:

— Как знать, может быть, вы чувствуете все это и больше, чем все мы, находящиеся в машине?

— Вы так думаете?

— Да, я вижу, как хорошо вы себя чувствуете, и думаю, что ваши чувства ярче и сильнее, чем наши...

— А какое море сейчас?

— Трудно сказать, оно как будто все время меняет цвета: то синее-синее, то нежно-голубое и все сверкает под солнцем.

Я вспомнила стихи о море и сказала вслух:

Сверкает и блещет, светло, как хрусталь,
Лазурное море, огнистая даль...

— Так?

— Именно так,— подтвердила М. Н.

* * *

В санатории мы устроились более или менее удобно, потянулись скучноватые курортные дни. Меня немного встревожили разговоры о змеях, водившихся внизу у моря, а также о шакалах.

К морю мы всегда спускались группами, и сидела я не одна, поэтому змеи, если они там и водились, не так меня пугали. Но шакалов я сильно боялась, хотя и не имела прежде удовольствия завязать с ними знакомство, да и теперь никак не была расположена к этому.

Мне говорили, что, когда темнело, из леса доносился вой шакалов. После таких разговоров я плохо спала по ночам, тем более что кровать моя стояла у окна, которое всю ночь было открыто, а жили мы на первом этаже.

Не спится мне и думается, что вот все спят, а я не сплю и не слышу ничего, но, быть может, сейчас по саду тихо крадется шакал, подходит к окну, прыгает в него и... При этом «и» у меня мурашки пробегают по телу, я с головой закрываюсь простыней и прижимаюсь к стене.

Эта кошмарная фантазия от бессонницы довела меня прямо-таки до болезненного состояния. Даже во сне я пугалась, если кто-нибудь вставал ночью и твердыми шагами проходил по комнате; пугало меня простое дуновение ветерка, попадавшего на мое лицо.

Все окружающие успокаивали меня, говоря, что в окно шакал не полезет, но это мало утешало, потому что я не спала и всю ночь напролет фантазировала о чем угодно. Те же лица, которые меня успокаивали, поступили бы гораздо разумнее, если бы вообще не говорили мне о змеях и шакалах. Но окружающие меня, очевидно, не обладали такой утонченной чуткостью, не могли понять того, что я ничего не забываю, обо всем помню и, воспринимая окружающее, остро реагирую на него.

Кроме того, зрячий и слышащий человек видит то, что вокруг него происходит, или слышит шум, а я могу все это только воображать, даже в тот момент, когда кругом меня все спокойно.

Находясь под впечатлением чего-либо ранее воспринятого, я один предмет могу принять за совершенно другой или какой-нибудь случайный шум истолковать как тревожное событие. Шакал же представлялся мне похожим на злую, очень сильную и свирепую собаку с колючей шерстью и оскаленными зубами.

Первое время погода стояла прекрасная, потом целую неделю лил проливной дождь, затем начались сильные ветры и море бушевало.

А какое же удовольствие от моря, да еще мне, если нельзя купаться? Конечно, зрячие чувствовали себя лучше, чем я: они читали книги, ходили смотреть, как бушует море. Меня же страшно огорчало то обстоятельство, что я не могла ощутить и затем представить силу шторма. К берегу мы ходили каждый день. И вот однажды вечером многие отдыхающие собрались на спортплощадке и смотрели на море. Меня мучило любопытство, и нарастало решение так или иначе ощутить шторм. Разумеется, это был не очень большой шторм. Однако и это подзадоривало меня.

Я попросила М. Н. спуститься со мной на берег.

— Там такие волны набегают на пляж, что все уже залито в том месте, где мы раздевались.

— Ничего, мы станем дальше, но так, чтобы к нашим ногам подкатывались волны.

Кажется, М. Н. не особенно хотелось вести меня вниз, но все-таки она пошла со мной, и, когда мы спустились, я заметила, что широкая полоса берега сильно сузилась, а большие волны все набегали и набегали на берег.

Сначала мы стояли на таком расстоянии от воды, что нас только обдавало каскадами брызг, но я подходила все ближе и ближе к воде, пока большая волна не обкатила нас до пояса и едва не сшибла с ног. М. Н. потихоньку тянула меня назад, но, вместо того чтобы отойти от набегавших волн, я подвигалась им навстречу. И снова большая волна, как будто с остервенением и дикой злобой, так захлестнула меня, что я чуть не задохнулась, а платье стало совсем мокрое и прилипло к телу. Но вероятно, я уже забыла о том, как тонула в Туапсе, потому что не ощущала в себе ни малейшего страха или хотя бы просто благоразумия. Воспринимая бушующее море, я стала сама не своя; конечно, я не преувеличивала свои слабые, такие мизерные по сравнению с этими гневными волнами силы, но тем не менее мною овладело желание испытать борьбу, пережить сильные ощущения.

Я сказала М. Н., что буду купаться.

— Что вы выдумываете, никто не купается даже из мужчин, куда же вам купаться!

— Я далеко не пойду, только разденусь и пойду немного дальше.

— Нельзя, дежурный матрос не разрешает.

— Это его обязанность не разрешать, а я хочу в полной мере ощутить и представить бушующее море.

— Вы уже достаточно получили всяких впечатлений, хватит с вас! — рассердилась М. Н.

— Но в этом году я не видела бушующего моря и хочу его почувствовать всем телом.

Мы долго еще спорили, наконец М. Н. безнадежно махнула рукой, добавив к этому, что я сошла с ума...

Я спокойно сняла платье и пошла навстречу набегающим волнам. Первая же волна сшибла меня с ног, но мне удалось схватиться за большой и, по-видимому, глубоко и крепко лежавший в земле камень. Потом я уже все время держалась за него. Нельзя было ни стоять, ни даже сидеть, потому что волны перекатывались через голову и я могла бы захлебнуться. Я легла на живот, крепко обхватила камень, прижалась к нему лицом и плотно закрыла глаза и губы. Волны с большой силой и шумом, который я воспринимала всем телом, перекатывались через меня, далеко заливая берег, а потом снова отступали в море, и я чувствовала, как по моему телу скользил песок и мелкие камни. Мне очень трудно было держаться за камень. Не раз мне казалось, что я напрягаю последние силы и вот эта волна, когда будет уходить назад, непременно смоет меня вместе с камнем и унесет в море.

Мне становилось жутко и в то же время по-особенному приятно от того, что я так упорно не поддавалась волнам.

Пора было оторваться от камня и выйти на берег, но сделать это было гораздо труднее, чем лечь и держаться за камень: ведь меня могла сбить с ног волна и я не имела бы возможности удержаться за что-нибудь.

Мне стало казаться, что я попала в почти безвыходное положение. Я уже сильно озябла, вволю наглоталась соленой воды, сильно болело все тело, потому что меня бросало из стороны в сторону, да и камни вместе с волнами непрерывно попадали в меня. Что делать? Я выждала, когда волна отхлынула назад, и, быстро вскочив на ноги, побежала на берег. Навстречу мне бросилась М. Н. Она, бедняжка, все время стояла у самой воды, ее тоже заливали волны, но она не знала, что ей делать со мной, как вызвать меня на берег. Я сильно продрогла и спешила поскорее одеться, но платье было совсем мокрое и нисколько не согрело меня.

— Теперь вы довольны? — спросила М. Н.

— О да! Мне кажется, что я повидалась с самым дорогим и близким мне другом.

— В другой раз я вас больше не пущу на свидание с таким другом.

Мы пошли в санаторий. Я была счастлива! Пусть себе немножко посердится М. Н., зато я была не только довольна, но лучше, чем раньше, представляла море.

Конечно, я не утверждаю, что представляю море — вернее, его величину — таким, какое оно в действительности; проверить это я никак не могу. Но благодаря описанному эксперименту мне стали яснее и понятнее некоторые метафорические понятия и словесные

образы в описании природы и людей. Например, говорят: «Грозное море». Я могла сколько угодно пользоваться словами «грозное», «грозный», правильно их применять как прилагательные, потому что, зная речь, я пользуюсь тем же языком, что и зрячие, однако же что, собственно, значит — «грозное», «гневное» и т. д.?

Конечно, под всеми этими определениями я подразумевала что-то неприятное, волнующее, пугающее. Но подразумевать и неясно представлять без ощущений, без впечатлений — это одна сторона дела, а непосредственно ощутить, пережить, получить впечатление и затем надолго сохранить все это в памяти — это нечто другое: это реальное, конкретное и жизненно действенное.

Я никогда не думала, не думаю даже в тех случаях, когда не могу посредством своих органов чувств воспринять что-либо материальное, как, например, огни вдали, свет луны, играющую где-то музыку, высоко летящий самолет и т. д., что то, чего я не воспринимаю, реально не существует. Нет, я всегда помню, что материальный мир существует вне меня и независимо от моего «я».

Безусловно, я не могу знать все и обо всем, но это же не значит, что все то, чего я не знаю, не существует в действительности. Если я не ощущаю огней вдали, цвета материи, блеска молнии и так далее, я не имею оснований отрицать их существование.

Я не скажу, что ощущаю особенное тождество, ибо это звучало бы идеалистическим абсурдом, но знаю, что есть тождество ощущений, тождество чувств у одного и у другого человека.

И я твердо помню то, о чем писал В. И. Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм»:

«...Материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса — Энгельса в частности» [1].

Итак, воспринятое мною бушующее море как бы олицетворяло какого-то великана в момент бурного проявления эмоций: гнева, бешенства, беспощадного ожесточения, безрассудной непреклонности, упрямства и многих других сильных чувств. Ведь никогда же мне не случалось осматривать руками разгневанного, взбешенного человека, мечущего «громы и молнии».

Окрестности вблизи санатория были обычны — лес и горы, ничего достопримечательного или хотя бы сколько-нибудь любопыт-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 50.

ного для меня. Только недалеко был большой мост через расщелину между горами. Назывался он «Мостом коварства и любви».

Однажды мы с М. Н. и несколькими девушками ходили посмотреть этот мост. М. Н. вкратце рассказала мне легенду, которую поведали ей местные жители: на мосту одно время часто встречалась пара влюбленных. Как часто бывает в таких случаях, счастье этой пары было кем-то разрушено, и страстно влюбленная девушка бросилась с моста в глубокую пропасть и разбилась...

Сначала я с М. Н. прошла по середине моста, но это не произвело на меня никакого впечатления. Тогда М. Н. подвела меня к невысокому барьерчику, ограждавшему обе стороны моста, и я от одного конца до другого обошла мост.

М. Н. говорила, что пропасть очень глубокая и можно разбиться насмерть, если бросишься туда (она даже придерживала меня, опасаясь, чтобы я случайно не оступилась, ибо в некоторых местах мост был поврежден). Но у меня не возникало ни малейшего представления о глубине и мрачном виде пропасти. Зато я вспомнила пьесу Шиллера «Коварство и любовь», и мне так ясно, словно это происходило когда-нибудь в моей личной жизни, представились Луиза и Фердинанд, особенно милая, нежная, любящая Луиза, такая слабая и хрупкая, как маленькая птичка, подбитая неосторожно брошенным камнем.

И сознаюсь, я немножко расстроилась: не потому, что обошла этот мост с таким трагическим названием, а потому, что меня преследовал образ Луизы. Чудились мне ее тонкие, нежные, постепенно холодеющие руки...

Из санатория мы уезжали вечером. Ехали на станцию той же горной дорогой, но солнце уже зашло, наступила ночь, и запахи ночи отличались от запахов дня. Я ощущала только сырость и пронизывающую прохладу, отчего мне казалось, что я ощущаю темноту.

Я поддалась грустному настроению, не испытывая того восторженного состояния, с которым ехала в санаторий этой же дорогой. Цветы больше не благоухали (наверное, они отцвели), мне было чего-то досадно, чего-то жаль и не хотелось ничего воспринимать... не о чем было думать, а главное — меня ничто не волновало.

НА ДАЧЕ

В прошлом году я отдыхала на даче за Голицыном — в некогда бывшем имени князей Голицыных. Мне сообщили, что Пушкин гостил у Голицыных и гулял в этих живописных местах. Дача, где

я отдыхала,— Горловка — чудесный уголок природы. Существует легенда, что когда-то там была небольшая река (или пруд), на которой стояла мельница. Сюда Пушкин ходил будто бы писать свою «Русалку». Так ли это, не знаю, но когда я жила на даче, мне очень хотелось, чтобы это было именно так.

Гуляя по лесу, срывая цветы на лугу, собирая малину в малиннике, я все время думала о Пушкине, представляла его, мысленно беседовала с ним. Лицо его я знала благодаря скульптуре. Когда-то у меня была статуэтка: Пушкин во весь рост, со скрещенными на груди руками; эта его поза мне больше всего нравится, поэтому почти всегда я представляю его именно таким, медленно идущим по дороге, которая ведет неизвестно куда...

Меня очень заинтересовал рассказ о бывшей мельнице. Неоднократно я просила М. Н. пойти со мной к этому месту. Но она заявила, что там очень обрывистый спуск и она боится, как бы я не сорвалась вниз, а от мельницы там остались только сваи. Ни целой водяной мельницы, ни каких-нибудь частей ее я никогда не осматривала, но мельница представлялась мне в виде деревянного домика, с одним окошком со стороны пруда и узенькой дверью со стороны леса. Домик этот стоял на сваях, вбитых в дно реки. В той части пруда, где было поглубже, внизу под мельницей в воде вертелось большое колесо. Оно приводилось в движение быстрым течением воды, сильно вращалось, рассыпая во все стороны мельчайшие брызги... Внутри мельницы мне представлялись колеса различной величины; форму колеса я знаю и могу представить их и маленькими и большими, но жернова я никогда не видела и не имею о них точного представления. Под деревянными желобками были подвешены пустые мешки, в которые сыпалась чуть теплая мука... По мельнице с довольным видом расхаживал старый мельник.

И вот, пока М. Н. не говорила мне, что мельницы уже нет, эта некогда существовавшая мельница была цела и безостановочно работала — конечно, в моем воображении. Но когда я узнала, что ее больше не существует, это сильно огорчило меня... Тогда я заинтересовалась судьбой мельника. Вспомнилось мне содержание «Русалки», и перед моим внутренним взором возникли сцены из этой драмы. Очень ясно представлялось мне, что я когда-то сама видела в лесу высохшее дерево, ветки которого покрыты сухими листьями, хотя вокруг него простирается большой густой лес с пышной зеленью. Вдруг с мертвого дерева сухим дождем посыпались листья и на землю соскочил безумный старик мельник, он весь в лохмотьях, в перьях, с сухими листьями на косматой голове. За спиной у него привязаны два вороньих крыла. Я узнаю, что это бывший хозяин мельницы — отец опозоренной погибшей девушки.

26 Заказ 812

Когда мы отправлялись гулять в лес, особенно если Мария Николаевна говорила, что мы идем по направлению к мельнице, вся эта картина вновь и вновь представлялась мне. Я потихоньку ворчала:

— Вот если бы можно было спуститься к этим сваям... Ну почему вы боитесь? Я не упаду.

— Боюсь, упадете,— отвечала М. Н.

Однажды мы пошли гулять в ту сторону, где проживала в своем хозяйстве одна женщина, которую почему-то называли «мельничиха». Мне рассказали, что у нее есть ручной ворон. Как раз мельничиха вышла из дома в тот момент, когда мы проходили мимо. Вслед за нею выбежал большой ворон, об этом мне сказала М. Н. Мне очень хотелось прикоснуться к ворону, но М. Н. не осмелилась поймать его, а только сообщила, что он большой и черный. Даже наша кошка Зара, которая тоже отдыхала на даче и с большим энтузиазмом уничтожала птиц, в испуге попятилась назад при виде этого крылатого великана. Ворон сильно поразил мое воображение. Я готова была поверить, что существует какая-то таинственная связь между этим вороном и теми крыльями, что представлялись мне на спине мельника.

Бросившаяся в Днепр девушка представлялась мне неясным призраком, созданным из капель воды и тончайшей речной травы.

Когда же мы по вечерам ходили гулять и спускались к неглубокой речушке, мне представлялся шагающий по берегу мужчина, с головы до ног закутанный в длинный плащ, а к нему из воды, протягивая вперед худенькие ручонки, выходит маленькая девочка. У нее распущенные пушистые волосы, на которых обрисовываются бантики из морской тины, она без платьица, но местами ее тело покрыто водорослями, а на шее виднеется нитка с морскими ракушками. Иногда мне казалось, что головку девочки украшают не бантики из тины, а венок из водяных лилий, нежный запах которых я очень люблю.

ИНТЕРЕСНЫЙ ВОПРОС

Однажды, когда я беседовала со студентами в аудитории Педагогического института, из зала кто-то прислал мне записку, заключавшую в себе весьма интересный вопрос. Обычно во время таких бесед записки всегда поступают в большом количестве, но на большинство из них можно ответить просто — да или нет... Эта же записка, о которой я упомянула, заинтересовала меня. Кто-то спрашивал у меня, могу ли я произвольно, по нарочитому желанию представлять себе такие запахи, которые не ощущаю в данный мо-

мент, а также произвольно вызвать в памяти образы людей и предметов, которые не находятся вблизи меня. На этот вопрос я отвечала хотя и кратко (за неимением времени), но утвердительно, приводя некоторые примеры.

Сейчас же мне хочется ответить более обстоятельно и детально, ибо я не сомневаюсь в том, что мой ответ заинтересует читателей.

Подобно всем другим людям я думаю обо всем, что меня окружает и что доступно моему восприятию. Думаю я, например, о том, что в данный момент на улице льет сильный дождь и дует холодный ветер. Для того чтобы я могла представить себе этот условный дождь, мне вовсе нет нужды выходить каждый раз на улицу и обновлять свои восприятия и ощущения дождя, холода, ветра. Для того чтобы мысленно представить себе эту картину, мне достаточно подумать о том, будто сегодня скверная погода. Думая об этой погоде, я как будто ощущаю на коже своего лица и рук холодные капли дождя, которые, падая одна за другой, тоненькими струйками растекаются по моему телу, причиняя неприятное ощущение. Думая же о ветре, я всем телом как бы ощущаю его холодные порывы, и невольная дрожь проходит по моей коже. Но помимо представления холодных капель дождя и порывов ветра я еще могу произвольно вообразить, что ощущаю запах свежего, влажного воздуха, какой обычно сопутствует дождливой погоде.

Но вот я думаю о другом: я воображаю, будто нахожусь где-то на даче летом. С одной стороны дачу окаймляет уходящий вдаль лес, с другой тянется обширный луг.

Если я представляю себе, что в лесу растут ели и сосны, то мне нетрудно вызвать произвольное ощущение смолистого запаха этих деревьев, а также представить их стволы, ветки и нагретую солнцем хвою. Представляю я также и луг, т. е. представляю не то, что этот луг обширен — для меня это лишь условное понятие,— а то, что растет на лугу и источает запахи. На лугу растет трава, разнообразные полевые цветы с не менее разнообразными запахами. И когда в моем воображении возникают цветы — не просто мимолетно «мелькают», а ясно и четко, так что я представляю строение цветка: венчик, чашечку, стебелек с листочками и даже корни (если я мысленно вырываю цветок из земли с корнем),— вместе с этим мне чудятся запахи полевых цветов. Например, запахи ромашки, кашки, васильков, незабудки, лютика... При этом я вспоминаю отрывок из стихотворения И. А. Бунина «Полевые цветы»:

Есть на полях моей родины скромные
Братья и сестры заморских цветов,
Их возрастила весна благовонная
В зелени майских цветов и лугов.
Веет от них красотою стыдливою,
Сердцу и взору родные они...

А вот еще пример. Я неоднократно бывала у моря, хотя и не всегда купалась. Иногда просто сидела на берегу, рылась в песке, подбирая камешек к камешку, чтобы были приблизительно одинаковые по величине и гладкой поверхности. В этих случаях я могла воспринимать море благодаря обонянию и кожным ощущениям; я чувствовала специфический запах моря, особенно сильно пригревающее солнце на пляже, а также достигавшие меня брызги от плеска волн. Однако в любое время года и независимо от того, где я нахожусь, я могу вообразить, будто ощущаю резкий запах моря.

Однажды в Москве весенней ночью я не спала; думала о том, в каком месяце и где именно проведу летний отдых. Мне очень хотелось поехать к морю. Думая об этом, я вдруг явственно ощутила запах моря. С каждой минутой этот запах усиливался, наконец, мной овладело какое-то мучительное желание в действительности ощутить настоящий запах моря. Эта тоска по морю кончилась тем, что я, желая выразить словами свое состояние, взяла письменный прибор, бумагу и написала за один присест целое стихотворение «К морю» (см. в разделе «Стихи»), начинающееся:

По тебе душа тоскует,
Друг могучий, друг мой грозный.
Над тобой весна ликует,
Красотой пленяя звездной...

Эти мнимые запахи моря отнюдь не случайны, не выдуманы мной, а результат ранее воспринятого, прочно усвоенного «материала», полученного из внешнего, материального мира, с которым так тесно связана и вплотную соприкасается деятельность человеческого организма в целом и высшая нервная деятельность в особенности. В самом деле, из учения И. П. Павлова мы узнаем следующее:

«...Хорошо известен тот факт, что деятельность нервной системы направляется, с одной стороны, на объединение, интеграцию работы всех частей организма, с другой — на связь организма с внешней средой. Деятельность, направленная на внутренний мир организма, можно было бы назвать низшей нервной деятельностью, в противоположность другой, устанавливающей тончайшие отношения организма к внешнему миру, которой законно присвоить название высшей нервной деятельности...»

ПОД НОВЫЙ ГОД

Будучи не совсем здорова, а также имея интересную книгу для чтения, я отказалась от приглашения друзей встретить вместе с ними Новый год...

— Ведь вам будет скучно одной,— сказали мне.

Но мне вовсе не было скучно, и, хотя в книге ничего не говорилось о встрече Нового года, я тем не менее с удовольствием читала ее. Когда же последний час старого года подходил к концу и от наступающего Нового года меня отделяли две-три минуты, я отложила книгу, стала прохаживаться по комнате, ясно представляя себе, что вот сейчас будет 12 часов: люди по радио услышат бой кремлевских курантов, взглянут на свои часы, воскликнут, обращаясь друг к другу «С Новым годом!», поднимут бокалы, наполненные вином...

Мне представлялись празднично убранные, уютные комнаты, переполненные оживленными людьми. Чудились запахи вина, закусок, табачного дыма... Я мысленно переносилась к этим людям, поздравляла их с наступающим Новым годом, вместе с ними поднимала бокал; мне казалось, что я даже ощущаю вкус вина во рту. Это ощущение было настолько сильно, что я поймала себя на том, как мысленно провозглашаю новогодние тосты.

Итак, оказывалось, что я ничего не потеряла, оставшись дома одна. Мысленно я была с людьми, приветствовала их, выражала им свои наилучшие пожелания. Правда, люди об этом не знали, не догадывались, что я о них думаю и ясно их представляю в эти торжественные минуты; но от этого не были хуже мои мысли о людях, не блекло мое представление о празднично убранных комнатах с нарядными елками (я даже ощущала смолистый запах этих елок), не умалялась теплота моих искренних пожеланий добра и счастья людям. Я знала, что не все люди веселятся и счастливы в этот вечер...

Я подумала о Северной Корее, и мне чудилось, что я чувствовала, как сотрясался воздух от гула летящих бомбардировщиков и грохота сбрасываемых ими бомб. Это летчики США по инструкции Уолл-стрита бомбили корейские города и селения. Вместо праздничного оживления и веселья здесь царил грохот от разрушений, слышен был плач детей, матерей и стариков, раздавались стоны раненых и умирающих...

Этим обездоленным людям, которых американские империалисты подвергали нечеловеческим страданиям, я мысленно слала свои пламенные пожелания, внутренне я говорила им: «Пусть же этот новый год принесет вам мир и прекращение навязанной интервен-

тами войны. Пусть скорее настанет тот день, когда вместо разрухи, пожарищ и гибнущих людей корейский народ увидит землю прекрасно цветущей, с засеянными полями, садами, в зелени лесов... А в сверкающих под лучами солнца городах задымят трубы фабрик и заводов, на которых будут работать десятки тысяч счастливых мирных людей, радостно строящих свою новую жизнь в условиях свободного социалистического государства...»

Все то, что я желала корейскому народу в эту новогоднюю ночь, представлялось мне очень ясно, жизненно, действенно, с множеством подробностей. Это потому, что я была не одинока, весь наш народ слал героическому корейскому народу свои дружеские, пламенные, наилучшие пожелания...

Но не одному корейскому народу мы шлем приветствия, нет! Всем миролюбивым народам, стремящимся к мирной трудовой жизни, к знаниям и культуре, мы, советские люди, шлем новогодние приветствия и искренние пожелания счастья и мира во всем мире!

С такими мыслями я провела первые часы наступавшего Нового года. И хотя в своей комнате я была совершенно одна, но потом мне казалось, что в эту ночь я видела очень многих людей, говорила с ними о том, о чем думала в одиночестве... Все это как будто происходило в действительности, и я надолго запомнила эту памятную новогоднюю ночь.

Январь, 1951 год

НА САМОЛЕТЕ

В течение многих, многих лет я не только мечтала, но и всячески стремилась полететь куда-нибудь на самолете. Однако мои близкие отговаривали меня, опасаясь, что я или испугаюсь в момент подъема самолета, или у меня начнется сильное сердцебиение.

Я много читала о самолетах, летчиках, полетах. Но все это не давало мне реального представления об ощущениях, которые испытывают люди, находящиеся на самолете.

Чаще всего мне представлялось, что этих людей сильно болтает вправо и влево, им делается дурно, у них наступает то состояние, которое испытывают пассажиры на море во время качки...

И вот во время моего отпуска обстоятельства сложились так, что я должна была лететь куда-нибудь самолетом, и притом одна, ибо моя переводчица и обычная спутница в моих странствованиях, М. Н., сама крайне нуждалась в отдыхе.

Моя харьковская подруга Н. Д. еще в начале весны приглашала меня погостить у нее летом. Я решила лететь к ней в Харьков, а раз решено — так и сделано: я купила билет и собралась в дорогу. Было воскресенье — теплый, солнечный день в середине августа.

В 11 часов утра за мной пришла М. Н., чтобы проводить меня в аэропорт и усадить на самолет, при этом М. Н. должна была предупредить экипаж самолета, что я не вижу и не слышу.

Уже в автобусе, направлявшемся в аэропорт, М. Н. спросила меня:

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо... Мне кажется, что еду провожать кого-то другого, кто должен улететь, а сама я останусь в Москве.

— Неужели? — удивилась М. Н.— А если вам станет страшно в самолете, тогда как же?

— Как-нибудь обойдется... Ведь я не одна буду в самолете, там же будут люди.

Сознаюсь, что этот разговор до некоторой степени встревожил меня: раньше я старалась не думать о том, как буду себя чувствовать в самолете, но теперь уже нельзя было не думать, а думая о предстоящем полете, я начала слегка волноваться. Между тем М. Н. не унималась и продолжала начатый разговор:

— Если случится авария, вам дадут парашют и выброситесь из самолета...

Я перебила:

— Куда же это я выброшусь?.. Вдруг упаду в реку или на деревья и, зацепившись парашютом за ветки, повисну на них... И не буду знать, где я нахожусь...

— Вы только не забудьте открыть парашют, когда выброситесь,— наставляла меня М. Н.

— Вы думаете, я буду помнить о том, что нужно раскрыть парашют?.. Да я так перепугаюсь, если выброшусь из самолета, что обо всем на свете забуду.

— Нет, об этом нельзя забывать...

— Да хорошо, хватит говорить об этом, вы только напрасно меня расстраиваете... Никакой аварии не будет: погода хорошая...

Утром, собираясь в дорогу, я очень спешила сделать все необходимое по хозяйству, а главное — собственноручно накормить и напоить котенка; поэтому сама осталась без завтрака. Подъезжая к аэропорту, я ощутила такой аппетит, что решила подкрепиться в ресторане аэропорта. До отправки самолета у нас еще было достаточно времени. Мы сдали на хранение вещи и отправились в ресторан.

Здесь я была впервые. Не обращая внимания на публику, М. Н. прошла со мной по ресторану, показывая мне незанятые столики, покрытые белоснежными скатертями (как сказала М. Н.), на которых стояли сверкающие бокалы различной величины, приборы с горчицей и солонки. Под ногами я ощущала так старательно натертый пол, что могла бы с большим успехом поскользнуться и упасть, если бы меня сопровождала менее опытная спутница.

— Здесь так красиво, так все блестит! — восхищалась М. Н.

Вдоволь налюбовавшись комфортабельным рестораном, мы заняли один из свободных столиков и заказали обед. Во время обеда М. Н. сказала мне, что за соседним столиком сидит какой-то гражданин и пристально смотрит на меня. Я спросила:

— Скажите, он в форме летчика?

— Нет, а что?

— Вы говорили, что здесь есть летчики. Я подумала о том, что здесь случайно может находиться сын А. И.— ведь он тоже летчик.

— Нет, этот, который смотрит на вас, в гражданском костюме...

Пока мы находились в ресторане, я все время думала о том, что могу случайно встретить сына моей бывшей учительницы А. И.— летчика С. М. К.

В ресторане мы задержались, потому что ждали официантку, чтобы уплатить за обед, и чуть не опоздали на посадку. Подбежали к самолету в последнюю минуту. Раньше я, как ни пыталась, не могла по-настоящему представить, каким образом люди попадают на самолет: по трапу, как это бывает на пароходе, или же каким-то иным способом? Очень ли высоко нужно подниматься для того, чтобы попасть в самолет?

Приблизившись к самолету, М. Н. сделала рукой условное движение, которое означало, что мне придется подняться на ступеньки. Вслед за М. Н. я стала подниматься вверх, прошла несколько ступенек и очутилась у входа в самолет. Перешагнув через порог дверцы самолета, я ощутила под ногами толстый, мягкий ковер. Это обстоятельство чрезвычайно удивило меня, и я подумала не без удовольствия: «Вот как! Здесь даже ковер, а я думала, что сразу ступлю на железный пол».

Мне очень хотелось сейчас же осмотреть весь самолет, чтобы потом я могла его представлять таким, каков он есть в действительности. Да не только представлять, но и рассказать о самолете и его внутреннем устройстве своим незрячим друзьям. Но, к сожалению, нельзя было медлить ни одной секунды: М. Н. спешила усадить меня на мое место и выйти из самолета. Она подвела меня к большому мягкому креслу и, усадив, торопливо сказала:

— Вот, возле вас даже окно.

Я протянула руку в правую сторону и обнаружила стекло и

прикрывавшую его занавесочку. В этот момент кто-то взял меня за руку и «произнес» дактилологией: «Оля, здравствуйте!»

Я почувствовала прикосновение мужской руки.

От удивления я даже не ответила на приветствие заговорившего со мной, ибо кто же мог в самолете «говорить» со мной при помощи ручной азбуки. Я обратилась к М. Н.:

— Кто это?

— Не узнали? Это С. М. К... Оставляю вас на его попечение... Бегу... До свидания!

М. Н. ушла, а ко мне подошел С. М.

— Я вас везу,— сказал С. М.— Сейчас мы поднимемся,— и он ушел в свою кабинку.

Итак, судьбе было угодно, чтобы я свой первый полет совершила на том самолете, который вел С. М. К., хорошо знакомый мне летчик, и притом товарищ детства, с которым мы не однажды проказничали вместе. Его мать работала тогда педагогом в клинике для слепоглухонемых детей, где воспитывалась и я...

Я поудобнее уселась в кресло и приготовилась набраться впечатлений о том, что я в состоянии была ощутить и воспринять. Прошло примерно с полминуты, я вдруг ощутила, что самолет дрогнул и плавно покатился по ровной дороге. Спустя некоторое время самолет как будто легко подпрыгнул вверх, и я без малейшего страха, а наоборот, с чрезвычайным любопытством по вибрациям ощутила, что самолет отделился от земли и постепенно набирает высоту.

В этот достопримечательный и памятный для меня миг я чувствовала себя отлично как физически, так и нравственно. Даже мое сердце, за которое я чуточку побаивалась, билось ровно и спокойно, как будто бы я ехала по земле в хорошей автомашине. А между тем, когда я еще по дороге в аэропорт пыталась представить себе этот «страшный» момент отрыва от земли, мне почему-то казалось, что я непременно испугаюсь, когда самолет «взмоет вверх», что я буду испытывать сильное сердцебиение и, чего доброго, мне, пожалуй, сделается дурно... На самом деле, ничего страшного не случилось: самолет плавно набирал высоту, а набрав ее, пошел вперед, набирая скорость и время от времени «ныряя» вниз, когда попадал в воздушные ямы. Я продолжала чувствовать себя настолько хорошо, что мне порой казалось, будто меня обманули: посадили не в самолет, а в какую-то другую машину, которая очень быстро мчится по асфальтированному шоссе, то подпрыгивая, то мягко припадая к земле на своих каких-то особенных эластичных рессорах. Словом, если бы я не знала о том, что нахожусь в самолете, я была бы уверена, что еду по земле, а не лечу над нею, настолько этот полет не соответствовал тому, как я пред-

ставляла на основании прочитанного состояние человека и его ощущения в то время, когда он находится высоко над землей в летящем самолете.

II

Я уже упоминала о том, что сидела возле окна. Это обстоятельство несколько смущало меня: мне казалось, что на меня смотрят все пассажиры и говорят между собой о том, что напрасно мне досталось такое хорошее место... В самом деле, ведь я не могла смотреть вниз, а мне так хотелось знать, над какими местами мы пролетаем в тот или иной момент.

Правда, я пробовала представлять себе земной пейзаж таким, как описывается в книгах: то вьющуюся серебристую ленту реки, то зелено-желтые пятна лесов и полей, то, наконец, рельефные очертания городов...

Но все это я только припоминала и предполагала, что именно так воспринимают пейзажи зрячие люди, находящиеся в летящем самолете. У меня уже не возникало зрительного представления о том, что находится внизу: как рельефные, так и красочные представления абсолютно отсутствовали в тот момент в моем уме.

А между тем мне очень хотелось представить хотя бы что-нибудь из того, над чем мы пролетали. Несколько раз я наклонялась к оконному стеклу, отдергивала занавесочку, полагая, что буду воображать, будто смотрю в окно, но даже то, что я усиленно пялила глаза, ничего существенного не прибавило к моим тщетным попыткам зрительно представить зеленые пейзажи. Я пожалела, что нет возле меня М. Н.; она могла бы хоть рассказать мне о том, что сама видит, и это до некоторой степени не только скрасило бы мою «оторванность» от земли и всего внешнего мира, но даже могло бы способствовать тому, что я, находясь под свежим впечатлением рассказанного, представила бы реку или город более ощутимо, более рельефно. Без этого свежего впечатления все находящееся внизу представлялось мне как бы неустойчивым, расплывчатым и эфемерным, неосязаемым и необоняемым. Со вздохом сожаления я закрывала окно занавеской и отворачивалась в другую сторону, решив предаться иным ощущениям — ощущениям движения самолета, которое я отчетливо воспринимала.

С. М., по-видимому, беспокоился обо мне и, зная, что в самолете никто не может общаться со мной, подходил ко мне.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю, очень хорошо! Мне так нравится лететь! — отвечала я в полном восторге.

— Вот и хорошо... Воды не хотите? Если вам нужно будет что-

нибудь, позовите товарищей. Здесь есть обслуживающая женщина, она подойдет к вам. Не скучайте...

Я вовсе не скучала, но С. М. угостил меня яблоками, справедливо полагая, что они помогут мне коротать время. Я устроилась поудобнее в глубоком кресле и самым добросовестным образом принялась уничтожать яблоки. Движение самолета как будто баюкало меня, навевая легкую дремоту, а если самолет «нырял» в «яму», это нисколько не тревожило меня: ведь машину вел С. М., следовательно, мне нечего было бояться.

Покончив с яблоками, я позвала женщину, о которой сказал С. М., и попросила ее проводить меня в туалетную.

Но увы! Встав с кресла, я не смогла твердо держаться на ногах: я покачивалась во все стороны, словно находилась на палубе корабля, застигнутого в море сильным ураганом. На мою беду, самолет, несколько раз нырнул вниз, и мне отчетливо представилось, что мы падаем... Появилось непреодолимое желание ухватиться за что-нибудь руками и таким образом удержаться от падения вниз. Но ухватиться было не за что: со всех сторон были перегородки и дверь, за которую я и ухватилась как можно крепче.

Видя мою растерянность, ко мне подошла та же женщина, чтобы проводить меня на место. Но в этот момент самолет снова «нырнул», я обеими руками обхватила женщину, несмотря на то что она сама не имела никакой опоры, кроме пола. Я засмеялась: ведь в самом деле смешно, что я так непроизвольно хваталась за все окружающее. Должно быть, остальные пассажиры видели происходящее, ибо некоторые из них поспешили ко мне на помощь и благополучно довели меня до места. Я поспешила скорее сесть: в таком положении «ныряние» самолета и всевозможные «воздушные провалы» нисколько не пугали меня.

Больше ничем особенным не нарушалось мое спокойное состояние. Самолет летел все быстрее и быстрее, и, только когда мы стали приближаться к Харькову, я ощутила, что скорость полета уменьшается. Именно поэтому я и догадалась, что скоро будет Харьков.

И вот осторожно и с каждой минутой замедляя скорость, самолет пошел вниз. Очень внимательно, всем телом прислушивалась я к сотрясениям самолета. Так прошло несколько минут. Вот еще незначительный толчок — и самолет покатился по площадке аэродрома. Я сразу ощутила, когда мы сели, а также когда, прокатившись, самолет, наконец, неподвижно замер. Ожидая, что ко мне подойдет С. М., я не встала со своего места, ибо не знала, куда идти. Я лишь надела шляпу и пересела на краешек кресла. Вскоре подошел С. М.

— Мы приехали.

— Знаю. Я жду вас.

— Вас встречают?

— Да.

С. М. помог мне сойти с самолета, причем, как я заметила, он, по-видимому, опасался, чтобы я не упала с лестницы. На аэродроме меня уже ждали. Я распрощалась с С. М., поблагодарила его за оказанное внимание и обещала быть у его матери на следующий день.

III

В Харькове я погостила три недели, встречаясь со своими прежними знакомыми и друзьями. Некоторые из них никак не хотели верить тому, что я прилетела одна. «Да и вообще,— говорили они,— неужели тебе не было страшно?» А одна приятельница сказала:

— Вот я вижу и слышу, а без мужа ни за что бы не полетела.

— А почему? — спросила я.

— Как почему? Мало ли что может случиться... Вдруг с сердцем станет плохо...

— Ничего с твоим сердцем не случилось бы. Мне совсем не было страшно в самолете... А если бы что и случилось, ко мне подошли бы люди и С. М.

— А, так ты с ним летела? Это другое дело...

Встретившись с матерью С. М., я заверила ее:

— С вашим сыном мне не страшно было лететь. Когда я буду обратно ехать в Москву, мне хочется снова попасть на его самолет. С ним я полечу хоть на луну!

— Это уж как придется,— отвечала А. И.,— может быть, он в тот день, когда ты будешь улетать, полетит в другое место. Но это не имеет никакого значения, у нас все летчики хорошие, опытные, ты можешь вернуться в Москву на любом самолете, и ничего с тобой не случится.

— Вы в этом уверены? — спросила я.

— Конечно, я же знаю наших летчиков.

Подумав над словами А. И., я сказала:

— Да, я тоже думаю, что наши советские летчики — замечательные ребята, знают свое дело отлично! Понимаю также, что другой летчик не хуже С. М. управляет своим самолетом. Однако все дело в том, что С. М. знает способ общения со мной... Вот это обстоятельство очень ободряло меня, когда я летела в Харьков...

Но планы планами, а все сложилось иначе, несмотря на мое большое желание лететь в Москву с С. М. Я договорилась с ним о том, что собираюсь вылететь из Харькова 1 сентября; в этот день

он должен был лететь в Москву. Но вдруг меня так неудержимо потянуло домой, так захотелось поскорее вернуться в любимую, родную Москву, что я, не дождавшись 1 сентября, купила билет на 29 августа.

Мне сказали, что я купила билет неудачно, потому что придется лететь на транзитном самолете «Тбилиси — Москва». Этот самолет делал посадку в Харькове.

Я не понимала, чем же плох транзитный «проходящий» самолет. Все, кто меня провожал, беспокоились и неоднократно спрашивали, не волнуюсь ли я.

На аэродром и в самолет меня провожала жена С. М., она же предупредила окружающих, что я не вижу и не слышу, что они в случае надобности могут писать в моей руке.

На этот раз я сидела не возле окна, а рядом с другими пассажирами. Я была права, что не волновалась преждевременно: этот самолет также хорошо снялся с аэродрома, плавно набирая высоту и скорость. Да и сам начальник аэродрома сказал мне, чтобы я абсолютно не беспокоилась:

— Все будет хорошо: самолет большой и комфортабельный, машину ведет опытный летчик.

Не знаю, оттого ли, что я так рвалась в Москву, или в самом деле это было так, но мне казалось, что этот самолет шел быстрее, чем тот, на котором я летела в Харьков. Вначале все обстояло благополучно: самолет быстро мчался и «нырял». Я откинулась на спинку кресла и хотела вздремнуть. Однако мне не суждено было испытать состояние спящего человека в летящем самолете. Приблизительно на полпути между Харьковом и Москвой нас настигла буря с проливным дождем. Об этом я узнала позже, когда уже была на земле, а в то время, когда мы летели, я заметила только, что самолет поднимался все выше и выше, иногда сильно падая вниз и снова взмывая вверх. Раза два или три самолет сильно накренялся то на левый, то на правый борт и раскачивался так, что кресла как будто припадали к полу, а потом выпрямлялись. Иногда же внезапно и стремительно кидался вниз, от этого у меня замирало сердце, а ноги как будто отваливались от остального тела, но в следующий момент самолет выравнивался, поднимался выше, и я успокаивалась.

Несмотря на то что самолет качало и трепало, я не испытывала приступа тошноты; но было другое, от чего я несколько страдала. Дело в том, что из Харькова я вылетела в такую жаркую погоду, что не нуждалась в жакете, а спрятала его в чемодан и сдала на хранение. На мне было легкое платье, шляпа и газовая косыночка. Когда разразилась буря и мы поднялись выше, мой летний туалет оказался непригодным: я стала испытывать ужасный хо-

лод — вся дрожала, не попадая зубом на зуб и не зная, чем мне накрыться. Я обратилась к своему соседу по креслу со словами:

— Как вы себя чувствуете? Мне так холодно.

Он коротко ответил, написав на моей ладони:

— Хорошо. Всем холодно.

Этот ответ весьма разочаровал меня, ибо я неясно надеялась на какую-то помощь со стороны соседа.

Спустя некоторое время самолет пошел более спокойно и ровно. Вдруг с правой стороны у меня промелькнуло что-то теплое, я повернулась лицом в эту сторону и ощутила солнечный свет...

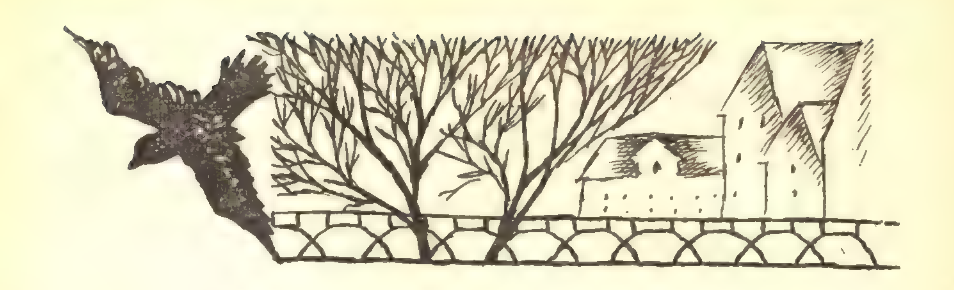
А еще через несколько минут мой сосед сказал мне:

— Скоро Москва...

Подлетая к Москве, самолет уменьшал скорость полета и осторожно снижался. На аэродром он спустился очень легко, без каких бы то ни было толчков и покатился по площадке; это я сама сразу почувствовала. Меня встречали М. Н. и И. А. От них я узнала о том, что была буря с дождем, на асфальте аэродрома еще сохранились небольшие лужи.

Я очень обрадовалась, что снова нахожусь в Москве, а также и тому, что сама испытала состояние людей, находящихся на летящем самолете. Теперь я представляла все это не по-книжному, а с помощью собственных восприятий и ощущений. Буря же ничуть не испугала меня, напротив, мне так понравилось летать, что я всем своим знакомым с восторгом рассказывала о своем воздушном путешествии, добавляя при этом:

— Теперь я думаю уже о следующем полете... Думаю также о летчиках: какие они смелые, находчивые и сильные духом люди... Да, отличные ребята наши советские храбрые летчики!

СТИХИ

ДУМАЮТ ИНЫЕ

Думают иные — те, кто звуки слышат,
Те, кто видят солнце, звезды и луну:
— Как она без зренья красоту опишет?
Как поймет без слуха звуки и весну!?

Я услышу запах и росы прохладу,
Легкий шелест листьев пальцами ловлю.
Утопая в сумрак, я пройду по саду,
И мечтать готова, и сказать: люблю...

Пусть я не увижу глаз его сиянье,
Не услышу голос, ласковый, живой,
Но слова без звука — чувства трепетанье —
Я ловлю и слышу быстрою рукой.

И за ум, за сердце я любить готова,
Так, как любят запах нежного цветка.
Так, как любят в дружбе дорогое слово,
Так, как любит трепет сжатая рука.

Я умом увижу, чувствами услышу,
А мечтой привольной мир я облечу...
Каждый ли из зрячих красоту опишет,
Улыбнется ль ясно яркому лучу?

Не имею слуха, не имею зренья,
Но имею больше — чувств живых простор:
Гибким и послушным, жгучим вдохновеньем
Я соткала жизни красочный узор.

Если вас чаруют красота и звуки,—
Не гордитесь этим счастьем предо мной!
Лучше протяните с добрым чувством руку,
Чтоб была я с вами, а не за стеной.

МУЗЫКА ВО СНЕ

Не мешайте, уйдите, прошу!
Пусть во сне я тем звукам внимаю,
Что чаруют других наяву,
Пусть во сне я их прелесть познаю.

Женский голос так дивно звучит —
Эту песню как будто я знаю...
А рояль — то как струйка журчит,
То торжественно, мощно играет.

Слышу пенье — и радость растет
Теплотой в моем сердце усталом,—
Точно мчусь я в чудесный полет,
Окрыляясь мечтой небывалой.

Льются звуки волна за волной,
Все яснее, яснее их слышу;
Как легко мне! Что сталось со мной,
Что меня поднимает все выше?

Но кончается дивный мой сон,
Улетают, как дым, переливы,
Затихает чарующий звон,
Вдаль уходит светло и красиво.

После музыки будто опять
Предо мною безбрежное море:
Я могла эту даль созерцать,
Я могла любоваться простором.

Я на лодке куда-то плыву...
Волны в буйном прибое ликуют.
Это — сон, но ведь я наяву
О природе, о звуках тоскую.

Я ГОЛОСУЮ

Слепоглухая я, так что же!
Ведь мне понятен этот день,
Да, в день двенадцатый я тоже
Бросаю в урну бюллетень!

Пускай не вижу я, как лица
Всех избирателей цветут;
Но знаю — все они пойдут,
Лишь вспыхнет ранняя зарница.

Пускай не слышу я, как мощно
Бьет жизни радостной родник.
Я представляю это точно,
Понятен зрячих мне язык.

О дне двенадцатом мечтаю,
Как будто видеть буду свет...
Слепоглухая я, но знаю,
Каких достигли мы побед!..

Слепоглухая я, но знаю,
Люблю тебя, моя страна!
Со всеми вместе голосую,
И в сердце у меня весна!

Я КОМСОМОЛКА

Мне кажется, пышней цветет весна,
Она теплее, ярче и моложе...
Нет, это жизнь моя обновлена,
Как жизнь советской лучшей молодежи.

Сбылись мечты — и комсомолка я —
Какая сила, радость в этом слове!
Страна чудесная, любимая моя,
С тобой иду вперед к победам новым.

Страна Советов — Родина труда,
Источник счастья, мужества и славы,
В тебе горит прекрасная звезда,—
Пятиконечная сверкает величаво.

И я горжусь тобой, моя страна,
В дни творчества серьезней ты и строже...
Как небывало жизнь обновлена —
Слепоглухая комсомолка тоже.

Цвети, весна! С тобою я цвету!
Хочу вложить всю жизнь в цветенье это,
Чтоб воплотить прекрасную мечту
В живые, общие и лучшие заветы...

27 Заказ 812

К БЮСТУ А. М. ГОРЬКОГО

Встает чудесный образ предо мной
Того, чья жизнь угасла без возврата,
Того, кто был любимый и родной,
Того, чья смерть — огромная утрата.

Я никогда не видела его,
Мне осязанье зренье заменяет,
Своими пальцами смотрю я на него,
И Горький предо мною оживает.

Глаза глубокие, и мудрость в них видна,
Умно и зорко жизнь он наблюдает;
Любви и добродушия полна,
Улыбка юная из-под усов сияет.

Меня он понял — чуткий и сердечный;
Могучей силой ум мой оживлял;
В дни трудные, простой и человечный,
Меня он радовал, к работе призывал.

Великий сын великого народа,
В стране чудес, как солнце, он сиял.
Он ложь клеймил... «Разумную природу»
Бессмысленно жестокой называл.

Горький наш живет в сердцах народов,
Сплоченных мыслью, творчеством, трудом,
Скрепленных дружбой, мужеством, свободой
И разума великим торжеством.

ЗА МИР

За Мир! — взывает голос мира,
За Мир и братскую любовь!
Гиены ждут в трущобах пира,
Их опьянит людская кровь.

За Мир! — взывают все народы —
Позор войне! Проклятье тем,
Кто враг труда, людей, свободы
И кто не брезгует ничем,

Чтоб Мир и счастье уничтожить,
Чтоб города сровнять с землей,
Болезни, голод, смерть умножить
Всем омерзительной войной.

Но тщетно ждут в своей трущобе
Гиены, что настанет пир...
Придет конец фашистской злобе!
Весь мир гремит: — ЗА МИР! ЗА МИР!

И пусть мой голос в общем зове
Не слышен, но любовь моя
Понятна всем в едином слове:
— Боритесь же за Мир, друзья!

ВЕСНА

Молодая весна,
Многозвучий полна,
Прилетела из дальнего края.
Зашумели леса,
Заблистала гроза,
Пробужденье природы встречая.

Первой трелью своей
На заре соловей
Сад тенистый уже оживляет...
Над водой,
Над землей,
Над зеленой листвой
Лучезарное солнце сияет...

Но — промчались те дни,
Когда звуки и блеск
Слух мой чуткий и взоры пленяли...
Пролетели те дни —
Те счастливые дни,
Будто сны без возврата пропали.

Память будет хранить
И картины, и звук,
Словно отблеск последнего света,
Что мелькнул впереди
И сокрылся он вдруг...
Начинается тьма без просвета.

ОСЕННИЕ ЗВУКИ
(Н. А. Домбровской)

Чу! Слышен шелест, слышен стук.
Осенний шелест — легкий звук.
Листы бледней, листы желтей,
Летят, шуршат в тиши ночей.

Последний луч — прощальный луч
Озолотит обломки туч.
Редеют птичек голоса,
Пустеют нивы и леса.

Собрались птицы уж на юг...
Их песенка — прощальный звук.
Прислушайся: в тиши ночей
Листы шуршат, летят с ветвей.

Прислушайся: осенний шум
Приводит рой унылых дум.
Природы вздох и тихий стук —
Тепла прощальный, легкий звук.

У МОРЯ

Я снова, как некогда, стала у моря,
А волны все плещут на влажный песок.
Душой ощущаю громадность простора
И вод темно-синих дробящийся ток.

Как близкому другу, я кланяюсь морю.
Оно величаво, мятежно и грозно.
И все, что забылось,— и радость, и горе,—
Внезапно зажглося, как в сумраке позднем.

А мысль, окрыляясь, стремится все выше,
И чувства, и лица былые ясней.
Рой звуков пропетых так явственно слышен
Из дымчатой дали минувших уж дней...

* *
*

По-весеннему солнце сверкает,
Нежной лаской греет своей.
Яркий свет и тепло ощущая,
Ранним утром жду солнца лучей.

Но не может светило природы
Постоянно меня озарять:
День пройдет, и былые невзгоды
Тяготят мое сердце опять.

И лишь вечер — тупая усталость
Заслоняет все радости дня,
Я жалею о том, что умчалось,
Что бодрило, живило меня.

Где же тот, кто, как солнце, согреет,
Кто порой оживит мою мысль,
Кто любить и бороться умеет,
Чтоб цвела по-весеннему жизнь?

Отзовись и будь солнечным светом
Для меня, я душою сильна!
Озаренная друга приветом,
Я скажу, что и в жизни весна!

СТРАНА РОДНАЯ

О тебе, страна родная,
О величье дел твоих,
По-весеннему сверкая,
Льется мой сердечный стих.

Ты растешь, страна родная,
Ты цветешь, как маков цвет,
Счастьем, радостью блистая,
Новых хочешь ты побед.

Ты добьешься их, родная!
Гений партии ведет
К тем высотам, где, мелькая,
В небе тонет самолет.

Наши горные вершины
Для тебя уже малы...
Ты разрушила стремнины,
Где ютились лишь орлы.

Глубь морей возьмем мы смело,
Усмирим стихию вод:
Ведь рукой своей умелой
К счастью партия нас ведет.

Я люблю тебя, родная!
Но проходит старый год,
С Новым годом поздравляю
И тебя, и весь народ!

Новый год, тебя мы ждали —
Подведем итог побед.
Мы тебе, страна родная,
С Новым годом шлем привет!

К ОТЧИЗНЕ

Тебе, любимая Отчизна,
Хочу отдать я сил прибой,—
Тебе обязана я жизнью,
Живу тобой, горжусь тобой!

Я мать ребенком потеряла,
Но ты мне матерью была,
Меня взрастила, воспитала,
Сердечной лаской приласкала,
Светильник знания зажгла.

Меня ты к жизни возвратила,
Отчизна, дорогая мать!
Мой ум ты светом озарила —
Как будто вижу дня светило
И многое могу познать.

И все порывы, все стремленья
Тебе даю, как лучший клад...
Не увядай, пора цветенья,
Не гасни, мыслей озаренье,
Цвети, чудесных знаний сад!

Кому же больше, чем Отчизне,
Могу все лучшее отдать:
Любовь и веру, пламя жизни —
Все, все тебе, вторая мать!

ПРОЩАНЬЕ

Расставались они на закате
Под румянцем последних лучей,
Милых рук дорогое пожатье
И на память сиянье очей.

Было грустно и больно — не скрыла —
Расставаться с любимым сейчас,
Но иные слова говорила,
Не спуская с любимого глаз.

Обняла и покрепче прижала
Дорогого, родного бойца...
Что словами они не сказали,
То сказали их молча сердца.

Оставаться одна не хотела —
Без нее пусть сады отцветут!
За святое и кровное дело
Они рядом в сраженье идут.

На бескрайних полях Украины
Васильки, незабудки цветут,
И в ветвях неизменной калины
Соловьи, как и прежде, поют.

Но не слышит тех песен любимый,
Не внимает тем трелям она.
Вместе пали они под Берлином...
Чтит их память родная страна.

СОРАТНИКАМ

Зачем живет она — глухая и слепая?
Какую пользу даст отечеству она? —
Так говорите вы, невольно отступая,
Решившие, что я на мрак обречена.

Соратники мои! В служении отчизне —
Я правду вам скажу, от вас ее не скрыв,—
Я смерти не страшусь, но не отвергну жизни,
Хотя б она была в немую тьму обрыв.

Когда весь мир — в бою, вся наша жизнь —
сраженье,
И вы, и я — в строю под знаменем одним.
У каждого из нас свое вооруженье,
И каждый бьет врага оружием своим.

Прославлен тот боец, что верною рукою
Добьется, невредим, победного венца.
Но честь, двойная честь бесстрашному герою,
Кто ранен, весь в крови, но бьется до конца,

Кто, видя смерть в лицо, разит, не отступая,
Пока в его руке хоть сломанный приклад,
Над тем бессильна смерть, бессильна ночь немая,—
Он не покинет пост, Отечества солдат.

И я хочу сгореть в борьбе таким солдатом,
Оружие скрестив с врагом страны родной.
Пусть битва каждый день, но в рвении крылатом
Я чувствую огни за непроглядной мглой.

Да, я могу взлететь в просторы поднебесий,
Ведь мысль моя острей, чем зоркий глаз орла.
Я вижу столько звезд, я слышу столько песен,
Я чую за спиной два мощные крыла.

И пусть черным-черны межзвездные пространства,
О, там нельзя дышать! О, там нельзя творить!
Но тонкий звездный луч в бессмертном постоянстве
Летит, летит сквозь мрак, чтоб землю озарить.

Товарищи мои, соратники, собратья!
Вот вам моя рука! Я к вам пришла сквозь ночь,
И все тепло души вложив в рукопожатье,
И клятву вам даю преграды превозмочь.

8 МАРТА

Для женщины нашей цветет, словно роза,
Такая певучая, светлая жизнь;
Ведь ей незнакомы неволя и слезы,
Преграды не знает свободная мысль.

О многом советские женщины знают —
Им радость приносит учеба и труд.
Летают и строят, ребят обучают,
С бойцами в атаку отважно идут.

Еще не забыты те дни боевые,
Когда мы с полей наших гнали врага,
Подруги, и жены, и сестры родные
Шли рядом с бойцами сквозь мрак и снега.

Весеннее солнце сегодня сияет,
Лазурь голубая в просторы зовет.
Сегодня наш праздник всю жизнь озаряет
И с нами весна молодая поет.

Подруги, родные, я вас поздравляю!
С горячим приветом я руки вам жму.
Я с вами прекрасную жизнь разделяю,
Ведь к вам я пришла сквозь глубокую тьму.

КОЛИ ЦВІЛИ КАШТАНИ

Коли цвіли каштани,
Кругом весна цвіла —
В житті кружляло горе,
Все сповивала мла.

А зараз гарна осінь
Натхнення завдає,
Бо ворога немає,
Колишнє щастя є.

Війна ще не скінчилась,
Та щиро вірю я:
Ти ворога побореш,
Вітчизно ти моя!

Полум'яно бажаю,
Народе дорогий,
Скоріше подолати
Скінчити грізний бій.

А потім будем знову
Відважно будувать,
І щастя і каштани
Нам будуть росквітать.

ПАМЯТІ А. М. ГОРЬКОГО

Великий син великого народу!
Загинув він... життя огонь погас.
Та соколина пісня про свободу
Горить в серцях, до бою киче нас.

Прекрасне серце більше вже не б'ється,
Глибокий зір любов'ю не горить.
Але мені і кожному здається,
Що він живий і з нами кожну мить.

Такі, як він, ніколи не вмирають,
Такі, як він, сторіччями живуть.
І заповіти їх — сонцями правди сяють,—
Вперед зовуть, до кращого ведуть.

Як чув він нас, як палко відкликався
На наші болі й радощі ясні.
Своїй вітчизні він увесь віддався
І горем він, і щастям жив її.

І нині він з катами став до бою.
Він з нами скрізь: в роботі, в боротьбі...
Відчуэ ворог нашу грізну зброю,
І силу Горького відчу э на собі!

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Сейчас мне припомнился лес,
Полянок прохлада живая,
И елей, и сосен навес,
Черника, малина лесная.

В лесу я узнала о том,
Что Пушкин бывал здесь когда-то...
Я долго мечтала о нем
И утром, и в пору заката.

И что ж? Он меня посещал,
Задумчивый, грустный и нежный.
И голос поэта звучал
То бодро, то с болью мятежной.

Хотела я все рассказать,
Как другу, как старшему брату,
Как многое надо мне знать,—
Всю музыку жизни богатой.

Пусть краски не радуют взор,
Не слышно листвы трепетанье,
Не виден небесный простор
И звезд отдаленных мерцанье.

Но жизни явленья во всем,—
В едва уловимом дыханье
Я чувствую ночью и днем,
Без слуха я слышу звучанье.

И Пушкин тогда мне сказал,
Что некогда, в трудные годы,
«Русалку» свою он писал
В той роще на лоне природы.

Отчизна, отчизна, тебя,
Народ и простор твой привольный,
Так пылко, так нежно любя,
Он ждал, чтобы стала ты вольной.

Мне грустно, что он не дожил
До нашего светлого счастья,—
Он с нами бы строил, творил,
Проклявши всю гниль самовластья.

В тот лес меня тянет опять,
Чтоб с Пушкиным встретиться снова,
Чтоб руку поэту пожать
И молвить хотя бы два слова.

К ПОРТРЕТУ РАФАЭЛЯ

(И. А. Соколянскому)

Твоей Мадонны лик прекрасный
Мне недоступно созерцать.
Но жизнь твою, твой гений ясный
Постигла я. И вот опять

В душе моей родятся звуки...
Все громче, громче струнный звон.
Под их аккорды стихли муки,
А ум мой светом озарен.

В мечтаньях вижу я картину,
Чудесной кисти колдовство:
И молодую Форнарину,
И толп нарядных торжество.

Презрев толпы кичливой мненье,
Ее продажный идеал,
Внимая юной девы пенью,
Ты лик Мадонны создавал.

Толпа осудит, оправдает
И заклеймит позором вновь..
Кто этой истины не знает?
Но в ком незыблема любовь

К деяньям творческим — тот пламя
Кипучей мысли сохранит.
Хочу я встать под это знамя,
Где солнце разума горит.

И, преклонившись пред тобою,
В веках живущий Рафаэль,
Прошу с горячею мольбою:
Не осуди мою свирель!

К ДРУГУ

Свет тобой зажжен — он ярок,
И сквозь ночь иду к нему.
Мнится: лес густой и старый,
Мнится: враг зловеще-ярый
Мне в пути наводит тьму.

Но пройду я чрез препоны,—
Кто ж удержит мысль мою?
Нет условностей. Заслоны,
Празднословье, шум и звоны
Мне чужды — я жизнь кую.

Голубые замки пали
Из лучинок и мечты...
Я не рвусь бездушно в дали,
Я хочу в плавленье стали
Отыскать себе мосты.

Я хочу пройти не зыбко
К прочным радостям ума
И опять с былой улыбкой —
Не страшась былой ошибки —
Я взгляну, как гинет тьма.

Будь же тверд и ты душою,
Прежним пламенем гори!
Крепким словом и рукою
Жизнь бери упорно с бою,—
Хоть и трудно, но твори!

Книги — памятники в вечность,
Не разрушит тленье их!
Прояви в них человечность,—
Твой порыв, твоя сердечность
Возродят огонь в других!

К ***

Нет слов для многого, что в сердце
Порою пламенно горит,
В такой лучистый миг, поверьте,
Цветисто радость в нем царит.

Когда же жизни злой уроки
Порой начнут томить меня,
Тогда все кажется жестоким,
А ум и сердце без огня.

Я вспомню вас... и теплотою
Мне эта мысль наполнит грудь.
Своей нелегкою тропою
Я вновь иду в далекий путь.

Подчас усталыми шагами
Иду по горным крутизнам,
Они засыпаны снегами,
Они лишь видимы звездам.

В пути припомня дружбу вашу,
Не сдам оружия в борьбе.
Той дружбой новый день украшу
И брошу вызов я судьбе.

Ни мрак, ни вьюга не пугает,
Когда душа озарена!
И, как орел, мой дух взлетает,
И ночь тиха, и даль ясна.

СОЧИНСКИЕ МИНИАТЮРЫ

1. Ветер и море

Ветер... Разгневанно море клокочет,
Бешено брызги на берег летят.
Можно ль понять, чего оно хочет —
Дом захлестнуть или сад?

Ночь надвигается, ветер крепчает,
Хлопает с шумом балконная дверь...
Кто там в отчаянье громко рыдает?
Кто угрожает, как раненый зверь?

Стоны и жалобы, хохот ликующий,
Песни торжественный гул.
Крик призывающий, дикий, тоскующий,
Кто-то в пучине тонул.

Нет, это ветер и море безбрежное
Празднуют дружбу весной.
Ветер могучий, а море мятежное
Бьется о берег волной.

2. Ветер и солнце

Разрывает ветер тучи,
Чтоб светилу дать простор.
Лучезарное, могуче
Всходит солнце из-за гор.

Но лучи не греют землю —
Ветер воздух леденит,
Рокотанью моря внемля,
Необузданный летит.

Словно конь крылат и силен,
Он над морем мчится вскок;
От усилья весь он взмылен,
Держит путь свой на восток.

Чью ж победу будем славить?
Ветра? Солнца? Не понять!
Мы не можем их заставить
Нашу прихоть исполнять.

3. Солнце

Воздух свежий, утро ясно.
Чуть охватывает дрожь.
Как сегодня ты прекрасно!
Как торжественно встаешь!

Кипарис задумчив, строен,
Устремленный в небосвод,
Но еще восторг удвоен —
Соловей в саду поет.

Солнца радостной улыбкой
Все объято и блестит.
Расправляя крылья гибко,
Чайка весело летит.

Небо синее. На волнах
Легкой пены кружева.
У магнолий, неги полных,
Чуть колышется листва.

Чистый воздух опьяняет
Ароматом без вина...
Так нам силы обновляют
Солнце, море и весна.

4. Сочи

(посвящаю Т. А. Соколовой)

Ах, Сочи, Сочи! То чудесный сон,
Приснился мне он раннею весною:
В нем моря шум и бриза легкий звон,
В нем все полно отрадой неземною.

Проснувшись утром, распахни окно —
Дыши и созерцай расцвет природы,
Любуйся светлым, синим небосводом,
Уж солнца блеском все озарено.

Смотри на горы — синие внизу,
Вершины их, покрытые снегами,—
Да, им не снять холодную чалму,
Сотканную столетия руками.

Играет море — это солнцу гимн.
И солнце шлет могучему органу
Свои дары живого янтаря,
И нет завесы пепельных туманов.

День лучезарный — это светлый фон.
Но если сходит полумрак вечерний,
Как зарево, пылает небосклон,
Сильней и крепче аромат растений.

Чернеет моря грозная пучина,
Вверху на темном бархате небес
Луны и звезд безбрежная равнина,
А здесь, внизу, еще прилив чудес.

Везде огни, как звезды на земле.
Магнолий, пальм причудливые тени,
Как будто бы на матовом стекле
Отлит рисунок дремлющих видений.

И приглушенный моря вечный плеск,
Прохлада ночи, запахи и думы.
Кто видел Сочи, южный солнца блеск,
Тот видел жизнь в ее расцвете юном.

Прощай же, Сочи! Мой волшебный сон!
Надолго я наполнена тобою.
Везде услышу легкий бриза звон
И волн морских отливы и прибои.

К ДРУГУ

Милое имя — длительный звук,
Неугасимое пламя.
Был ты не ложный, а искренний друг,
Нес ты призывное знамя.

Счастье и радость, дающие свет,
Музыка сердца без слов,
Дружбы живительной нежный привет,
В дни, когда рок так суров,—

Все ты был, все... Одиноко страдаю
(Жизнь одиноких безжалостно ранит),
Я тебя жду и тебя призываю
В час, если ночь в моем сердце настанет.

Будь мне по-прежнему яркой звездой,
Неутомимо веди меня в дали
Той же горячей и твердой рукою
К этим огням, что пред нами сияли.

Милое имя — длительный звук,
Неугасимое пламя.
Жарко молю я: откликнись, мой друг!
Выше держи наше знамя!

К МОРЮ

Здравствуй, море! Видишь, я
Жду твоей волны бурливой.
Мы давно с тобой друзья,
Ты встречай меня счастливой.

Помнишь, ты меня бросало
Так рассерженно и зло?
Помнишь, песни напевало,
Убаюкивать могло?

В детстве я тебя любила,
И с вершины желтых скал
Я за чайками следила...
А внизу катился вал.

От ударов содрогались
Скалы, пенилась волна;
Чайки с криком разлетались,
Угрожала глубина.

Это время вспоминаю,
Окрыленная мечтой...
Море, весело играя,
Обдает меня волной.

И отхлынув, снова плещет,
Торжествует старый друг —
Все сверкает и трепещет
Необъятное вокруг.

К МОРЮ

Море, не грози волной суровой,
Не швыряй навстречу мне каменья.
Я ищу в тебе отрады новой —
Дай мне силы, ласк и утешенья.

Дай певучих звуков от природы,
Дай цветистых струй твоих кипучих,
Дай познать, как блещут неба своды,
Как проходят над тобою тучи.

Я сейчас полна одним тобою,
Друг могучий — вечно неспокойный,
Ты волнуешь строгой красотою,
Утешаешь музыкою стройной.

Не грози же, море, на прощанье,
Мы с тобой увидимся не скоро.
Уношу в себе твое звучанье,
Бурное, чарующее море!

К МОРЮ

По тебе душа тоскует,
Друг могучий, друг мой грозный.
Над тобой весна ликует,
Красотой пленяя звездной.

Страстно рвусь на юг любимый,
Мыслью вижу берег милый.
Зной, порою нестерпимый,
Ощущаю с прежней силой.

Друг великий, друг мой море —
Необъятное, как думы.
Ты играешь на просторе,
Дай же мне воспринять шумы!

28 Заказ 812

Твой простор я не увижу
Созерцать не буду дали;
Тем понятнее и ближе
Мне твои порывы стали.

Красоту ведь можно видеть
Не одним орлиным взглядом.
Чтоб любить иль ненавидеть,
Глаз орлиных мне не надо.

Друг могучий, ты внушаешь
Страсть великую к бореньям,
Зовом гневным призываешь
К необычным дерзновеньям.

И веками с тем же рвеньем
Все гремит твой клич могучий:
К битвам! к бурям! к дерзновеньям!
Отзвук вторят в небе тучи.

Так тебя я представляю,
Друг великий, друг мой грозный.
Рвусь к тебе, к тебе взываю,
Жду призыва ночью звездной.

К БРАТУ
(В. И. Скороходову)

Годы и дни пронеслись без возврата,
Радость и горе сменялись чредой.
Но не забыла я мальчика-брата —
Резвый и бойкий, всегда предо мной.

Многие весны цвели и звенели;
Время незримо летело в века.
Я не беру уже прежней свирели,
Легкой и звонкой, как вздох ветерка.

День угасал. Под лучами заката
Снега сугробы кроваво цвели.
В день этот яркий я встретила брата...
Да, не напрасно те годы прошли.

Мальчик мой резвый! Но дни миновали,
Юноша стройный стоял предо мной.
Нет непослушного, буйного Вали —
Взрослый мужчина с умом и душой...

Пусть мы расстались, но, счастьем объята,
Чудную встречу я буду хранить,
Нежного Валю и взрослого брата
Я никогда не смогу разлюбить.

ДЕТСТВО ГРУНИ

Сегодня картину родного села
Вспомнила Груня ясней.
У старенькой хаты сирень расцвела,
Смородина рядышком с ней.

И мяты чудесный такой аромат...
Сбегает к реке огород.
Там мама садила петрушку, салат...
Торчит между грядок урод.

Не очень боятся его воробьи
И смело рассаду клюют.
По узкой дорожке везут муравьи
Травинки в свой темный приют.

В заборе была небольшая дыра,
Застряла Груняшечка там
С букетом... А мама глядит со двора
И все поняла по цветам.

«Ах, вот наказанье! Пропал огород!
Зачем ты ходила туда?
Ты столько сорвала, что хватит на год!
Не девочка — просто беда!

За что меня только господь наказал?»
Взглянула на ясную ширь,
Где Днепр серебристый светло отражал
Старинный, седой монастырь.

Не очень-то мама была уж строга,
Кончалось все мирным путем,
И вечером вместе пошли на луга:
Дочь с веткой, а мама с хлыстом.

Красульку корову пригнали домой...
О, как хороши вечера!
И после возни, передряги дневной
Как сладко уснуть до утра!

ПЕСНЯ ОСЕННИХ ЛИСТЬЕВ

Мы рождались в сверкающий, солнечный день,
Мы дышали прекрасной весной.
Мы росли и давали прохладную тень
В нестерпимо мучительный зной.

Обвевали нас ветры, и дождь орошал,
Целовали нас солнца лучи,
Соловей свои песни для нас распевал,
Месяц ясный светил нам в ночи.

Но художница-осень раскрасила нас
В золотисто-оранжевый цвет.
И красуемся мы, ярко радуя вас,
И стихи сочиняет поэт.

Шелестя, мы слетаем воздушно-легко
С обессиленных наших ветвей,—
И летим, и скользим далеко-далеко
По земле и по глади морей.

Мы рождались на свет ароматной весной,
Чтобы зеленью радовать взор,
Но слетим мы с ветвей золотистой звездой,
Когда осень снимает убор.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Как некогда радостный бог Аполлон
Из лука пускал свои стрелы,
Так солнца лучи, озарив небосклон,
Рассыпались буйно и смело.

Все к солнцу стремится, все ожило вдруг:
Растения, птицы и люди.
И сколько нежданных явлений вокруг!
И сколько звенящих прелюдий!

Сверкающей лентой под солнцем река
Струит серебристые воды,
Над нею воздушно плывут облака,
Поклонники бурь и свободы.

Радушное утро дарит мне лучи,
К заботам дневным призывая.
И чувства, и мысли свежи, горячи...
Бодрит меня жизнь трудовая!

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Ты мне непривычна, о ранняя осень!
Я к солнцу привыкла, к полям и цветам.
Здесь нет аромата смолистого сосен,
Нет ласки осенней, как там.

Когда там, на юге, пора увяданья,
То солнышко ярче, синей небеса,
И точно читаешь немые вещанья,
Когда загорятся багрянцем леса.

Днем движутся тучки веселой гурьбою,
А вечером месяц и звезды глядят
То в Днепр серебристый, объятый мечтою,
То в желто-зеленый задумчивый сад.

На клумбах мелькают еще чернобривцы,
И астры белеют, и куст георгин...
Кто видит все это — зову тех: счастливцы!
А я — далека от привычных картин.

Пускай неприветлива ранняя осень,
Пусть ветер и дождик наводят печаль,
Вдыхаю я мысленно запахи сосен,
А думы живые несут меня вдаль.

ВЕЧЕР
(Н. Б. Коваленко)

Багровое солнце за лесом уж скрылось,
Но душно. В природе царит тишина.
Река словно в думы свои погрузилась,
Не плещет игриво волна.

Я чувствую — скоро разрушатся чары...
Шумит на деревьях листва.
Вот близятся грома глухого удары,
Сильнее запахла трава.

Гроза разразилась над дремлющим садом,
Люблю я такую грозу,
И ветра порывы, и влажность прохлады,
И струек журчанье у речки внизу...

Однажды такая же грозная туча
Меня напугала — была я одна
В осиновой роще. У речки на круче
Меня заливала волна.

И с жаром, с тоскою, я мать призывала,—
Как все это было давно!
О, милая мама, тогда ты не знала,
Что мне пережить суждено.

В душе моей тоже и грозы, и бури
Прошли не бесследно. Но бодро пойду
К тому я просвету, к той ясной лазури,
Где знанье, и счастье, и жизнь я найду.

* *
*

Вечер близится. Прохлада
Умаляет синий зной.
Нет. Я вечеру не рада,
Я люблю свой труд дневной.

Утром я бодра, серьезна
И к себе, к другим строга;
Час вечерний — миг тревожный —
Жду в смятенье, как врага.

Ты взгляни пытливым взором
Свежим утром на меня.
Я в движенье бодром, скором,
Только в сердце нет огня.

Истекает час заката...
Словно пойманная в сеть,
Странным ужасом объята,
Буду гаснуть и гореть.

И в тоске сжимая руки,
Страстно жду начала дня.
Жизнь, движение, труд и звуки
В строгий храм ведут меня.

К Ф. С.

Вы пришли ко мне с букетом
Нежно пахнущей мимозы,
С теплым дружеским приветом,
Как весны прекрасной грезы.

Да, весна ко мне прислала
Вас, как вестницу расцвета...
Жду чудесного начала —
Ароматов, звуков, света...

Мне доступно наслаждаться
Пробуждением природы,
Мне доступно упиваться
Красотой ее свободы.

Я душою оживаю,
В час, когда бушуют грозы,
И, как в детстве, я ломаю
Ветки нежные мимозы.

Ваш букет, моя подруга,
Пробудил во мне желанья
Видеть жизнь родного юга,
Пережить свои мечтанья.

ГРОЗА

Темнее, темнее... И черная туча
Внезапно закрыла живую лазурь.
Вот мчится на крыльях и ветер могучий,
Спешит он на праздник ликующих бурь.

А туча росла, превращаясь в громаду,
Гроза надвигалась... Торжественный гром
С какой-то угрозой ударил над садом,
И ветки поникли под крупным дождем.

О, как передам я вам ветра порывы?
Трепал он мне платье и волосы рвал,
Кружился он в пляске, свободный, игривый...
Мне чудилось, будто вздымается вал.

Да, все обратилось причудливо в море...
Плескался у ног моих мутный поток.
А ветер, и с громом, и с дождиком споря,
Как мальчик задорный, швырялся песком.

И я наслаждалась, и я сожалела,
Судьбу умоляя: пошли благодать!
Дай крылья, чтоб с ветром я вольным летела,
Дай счастье — глазами мне мир увидать!

Мне скучно, в душе моей тихо и ясно,
Порою мне бури и грозы нужны.
С каким упоеньем привольно и страстно
Я сброшу оковы своей тишины!

Желанья крепчали. Отважно и гордо
Ждала я — начнется чудесный полет...
А гром, ударяя созвучным аккордом,
Настойчиво звал все вперед и вперед.

Сражалась на небе клинками, мечами
Сверкающих молний могучая рать...
Вдруг ты появилось с своими лучами,
Великое солнце, чтоб снова сиять.

УХОДИ
(Из Гейне)

Когда любовь тебе изменит,
Иди в иные дали,
Оставь и город роковой,
Забудь о днях печали.

Найдешь ты озеро вдали —
В том голубом просторе
Ты муки выплачешь свои,
Затихнет в сердце горе.

На скалах можешь отдохнуть —
Остановись на миг.
Потом свершай свой горный путь,
Тебя зовет орлиный клик.

Ты будешь сам почти орлом
На этой снеговой вершине.
И позабудешь ты о том,
Что бросил ты с тоской в долине.

К ВЕТРУ

Ветер веет, ветер злится,
Но напрасно буен он.
Жизнь сверкает, как зарница.
Все поет мне в унисон.

Оголенные березы
Тщетно прячут наготу.
С крыш текут обильно слезы,
Расплываясь на лету.

Предвесенняя погода
Сколько радостей сулит:
Будут лужи там у входа...
Все заблещет, зажурчит.

Милый ветер, брось забавы,
Не сгибай березки стан,
Не добьешься этим славы:
Ведь она не великан...

Дело в том, противный ветер,
Что я милого все жду.
Он же: «Нет, в ненастный вечер
Ни за что я не приду»...

И морозов он боится...
Что же это за герой?..
Веет ветер, ветер злится
Предвесеннею порой.

ПИСЬМО

Если ты не будешь видеть
Горы, степи и долины,
Моря блеск и переливы,
Кручи, скалы и стремнины,

Из-за этого не стоит
Умалять всей жизни цену,
Измышлять себе страданья,
Выставляя их на сцену.

Если ты не будешь видеть
Все, что зрячий видеть может,
Не смертельно это горе
И тоска тебя не сгложет.

Ум и слух тебе заменят
Уходящих красок рденье.
Путь найди себе широкий
И за жизнь борись без зренья.

Много этими путями
Тех прошло, кто любит знанье.
Светлый разум вел их прямо
В край, где мыслей процветанье.

Милый! Зрячим ты ответишь:
— Хорошо вам так «пророчить».
Вы все видите, и каждый
Утешать меня лишь хочет.

Но ведь мне ты не посмеешь
Это вымолвить, я знаю.
Слов пустых не говорю я.
Просто так — не утешаю.

Ты все слышишь: смех и пенье,
Звуки музыки прекрасной,
Голос девушки любимой,
Что звенит тепло и ясно.

Предо мной же, сам подумай,
Тишина и мрак суровый,
Не ласкают слух мой звуки,
Я весны не слышу новой.

Увидать лицо любимых,
Слышать голос, сердцу милый,
Я б хотела так, что сердце
Вдруг забьется с бурной силой.

Но ведь это невозможно;
И смотри — я не тоскую:
То, что в жизни мне доступно,
Шаг за шагом отвоюю.

Мир духовный так прекрасен,
А борьба за светоч знанья
Заменяет жизнь пустую
И ненужные страданья.

Вот рука моя, как друга...
Я тебя не утешаю,
Я зову тебя быть стойким,
К жизни новой призываю.

Кто о будущем лишь помнит,
Для других куёт он счастье —
Тот мой друг, тот мой соратник,
Тех люблю и к тем участье.

Я прошла сквозь мрак и бури,
Я пути искала к свету,—
К жизни творческой, богатой...
И — нашла! Запомни это!

ОТРЫВОК
(Подражание Шота Руставели)

Если счастье мне возможно,
Если в дружбе все не ложно,
Пусть мне будет бестревожно,
На душе моей светло.

Прекратит судьба удары,
Поднесет фортуна чары,
Заиграют сазандары,
В сердце радостно, тепло.

Так росой цветок живится,
Так парит на крыльях птица,
И порою так зарница
Предвещает дождь и гром.

Ведь все тот же ты, что снился,
Что в мечтах так долго мнился,
Что нежданно так явился,
Весь объятый торжеством.

Вновь приди и дай мне счастье,
Прояви свое участье,
В ясный день иль в день ненастья —
Все равно! Лишь будь со мной.

А потом? Печаль и скука,
Пусть терзает сердце мука.
Бесконечная разлука
Разрушает мой покой.

Так о счастье я мечтаю,
Так тебя я представляю
И сердечно призываю
Каждый день и каждый час.

Но бледнеют краски рденья,
Отлетают сновиденья...
Как страшны опустошенья,
Если в жизни свет погас!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧЕГО Я НЕ ВИДЕЛА

О ЖИВОТНЫХ

Ольга Ивановна
Скороходова

КАК Я ВОСПРИНИМАЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮ
И ПОНИМАЮ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

Редактор **Деноткина Л. С.**

Оформление художника **Красовитовой Н. В.**

Художественный редактор **Илларионова Н. В.**

Технические редакторы **Богданова Е. П., Якунина В. С.**

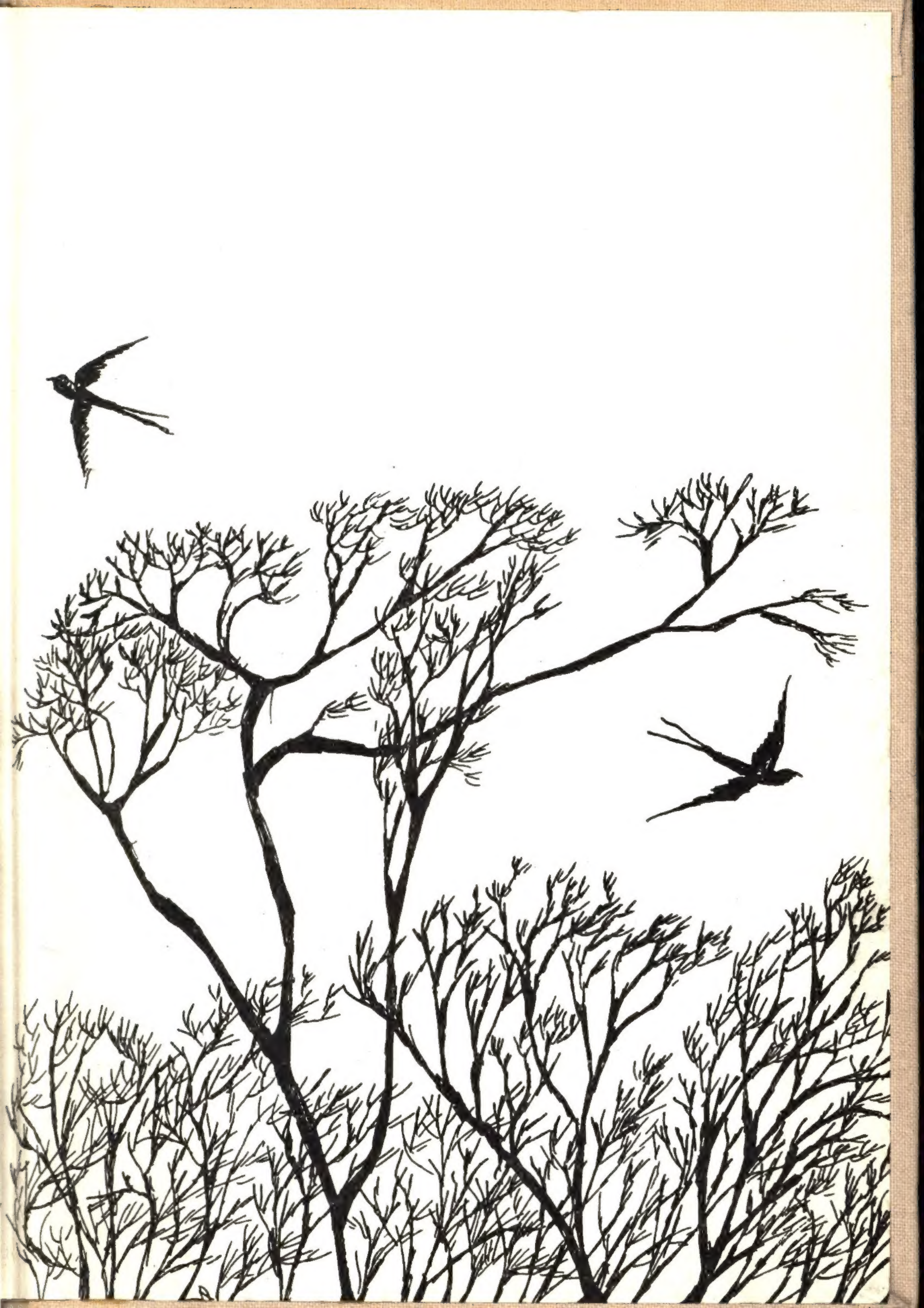
Корректор **Семченкова Р. П.**

Сдано в набор 9/IX 1971 г.
Подписано в печать 10/II 1972 г.
$60 \times 84^{1}/_{16}$. Бум. книжно-журнальная.
Печ. л. 28 + вкл. 0,125 п. л. (26,04+вкл. 0,12).
Уч.-изд. л. 25,52. Тираж 43 000 экз.
(План 1972 г. № 30).
А 02084. Заказ 812. Цена 1 р. 05 к.

Издательство «Педагогика»
Академии педагогических наук СССР
и Комитета по печати при Совете Министров
СССР. Москва, Г-117, Погодинская ул., 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

1р. 05к.

